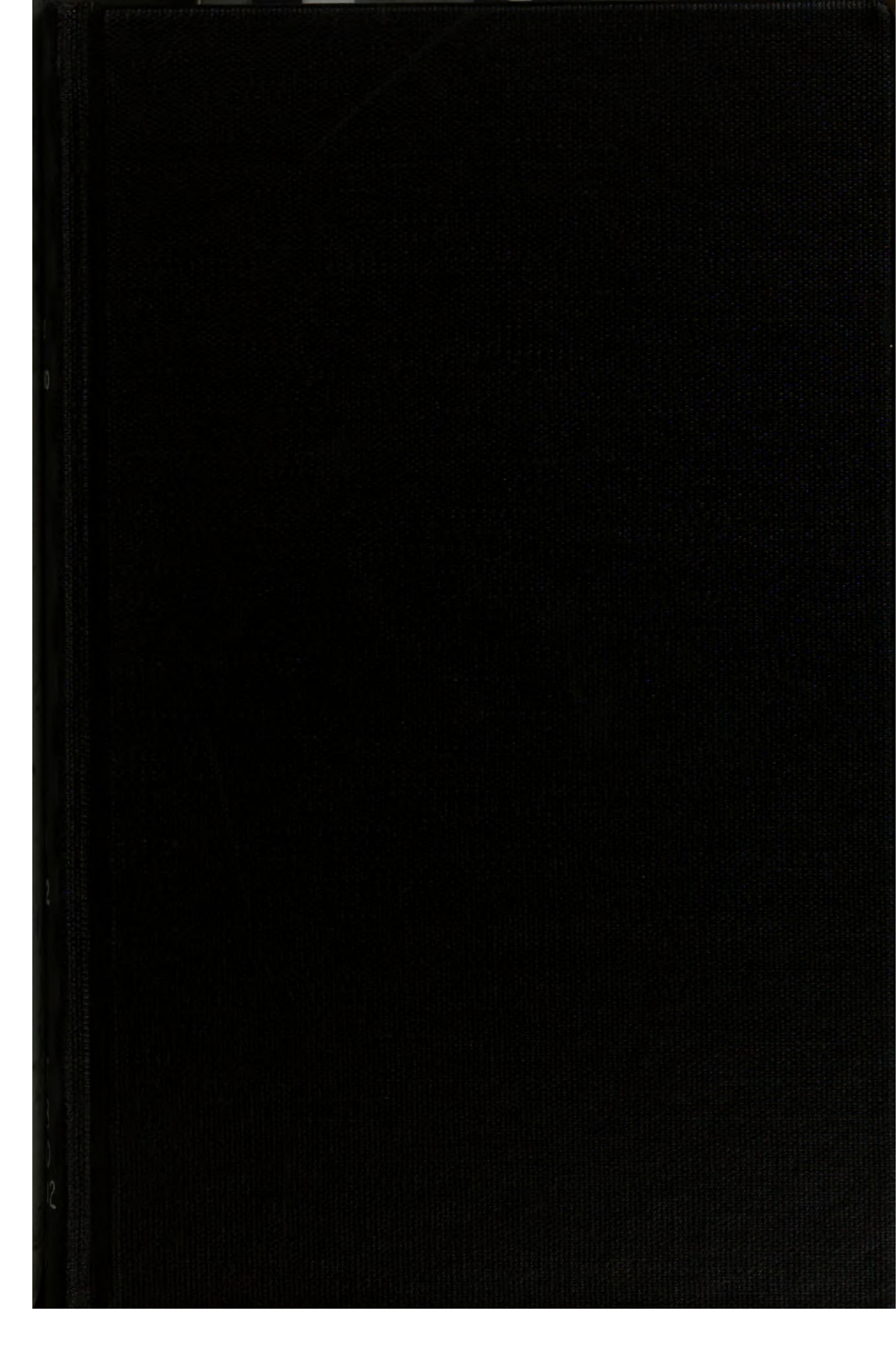
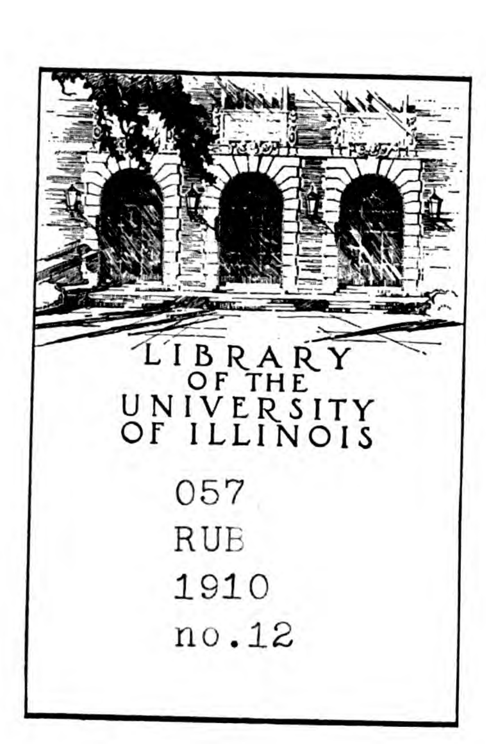

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

ДЕКАБРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели. — Лиговская, 34.
1910.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*)

МАТЬ

Сани съ высокой плетенкой изъ хвороста, приспособленныя для перевозки посуды изъ казеннаго виннаго склада, были похожи на ясли. Сидѣть въ нихъ, среди ящиковъ съ бутылками, было неудобно, тѣсно. Поталкивало, подбрасывало на ухабахъ. Пустыя бутылки вели недовольный разговоръ и звонко плакались на судьбу. За дорогой шумѣлъ вѣтеръ въ корявомъ дубнячкѣ и вербахъ,—ихъ не было видно изъ-за плетенки,—съ передней подводы долеталъ голосъ Никиты Дубленаго, скучно покрикивавшій на быковъ. Виднѣлся лишь кусочекъ низкаго, сѣренькаго неба и ничего больше,—полная отгороженность отъ міра, старый плетень и неровные колышки...

Никто не мѣшалъ печальнымъ мыслямъ и покорнымъ вздохамъ. Мечты заходили, робкія и бѣдныя,—негдѣ было имъ разгуляться въ этихъ тѣсныхъ, заваленныхъ грузомъ ясляхъ. Жизнь была безнадежно ясная въ своемъ привычномъ укладѣ съ горькой тѣснотой, толчками и беззащитностью, — тяжело было глядѣть въ ея суровое лицо, и сердце наивно искало отдыха въ неясныхъ грезахъ, вызывало воспоминанія о скудныхъ радостяхъ, неизмѣнно разбавленныхъ тихими слезами.

Вотъ и теперь старуха съ горькимъ увлеченіемъ думала все объ одномъ—о томъ, какъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Устинскъ она пойдетъ къ прокурору за пропускомъ, отъ прокурора бѣгомъ къ острогу. Старшій надзиратель Евдокимычъ, можетъ быть, скажетъ ей:

— Что же поздно, Григорьевна? Пріемка кончилась

Но сынка ей все-таки вызовутъ: люди тутъ суровые на видъ, но простые, уважительные. При томъ же всѣ коротко знакомы.

Увидитъ она своего Ромушку и выложитъ ему домашніе гостинцы, приготовленные къ празднику: жареную утку, кусокъ сала, увачики, вареники. Все это будетъ немного

мерзлое и помятое послѣ дороги, но—не бѣда... Чай и сахаръ у него, вѣроятно, есть еще, а вотъ „франзоль“ надо купить,—„франзоль“ представлялась ей всегда верхомъ лакомства. Передастъ все это сыночку и будетъ глядѣть со смѣшаннымъ чувствомъ удовольствія и скорби, какъ онъ съ торопливымъ аппетитомъ всегда недоѣдающаго человѣка будетъ пробовать по очереди отъ всего принесеннаго, набьетъ ротъ и сосредоточенно будетъ глядѣть на стѣну, точно прислушиваясь къ родному вкусу и запаху домашнихъ снѣдей.

Онъ будетъ разсѣянно отвѣчать на ея разспросы, какъ и чѣмъ они разговлялись? Здоровъ-ли? Не слыхать-ли чего насчетъ суда? А она долго и обстоятельно будетъ разсказывать о семьѣ, о маленькомъ Уласкѣ, который все ждетъ Рому кататься на салазкахъ, о станицѣ, о томъ, кто померъ, у кого семья прибавилась, кого проводили на службу, кого собираются женить или замужъ выдать. И незамѣтно пролетитъ короткій часъ,—обычно ей давали по часу на свиданіе,—и, прощаясь съ нимъ, она зальется обычными слезами, а онъ скажетъ, какъ всегда:

— Не разстраивай сама себя, мама,—здоровье у тебя и такъ квелое, а то еще хуже будетъ...

Пріѣхали въ Устинскъ въ третьемъ часу. Прокурора не застала дома,—написала пропускъ прокурорша, она знала Григорьевну. Отправилась въ замокъ. Позвонила. Вышелъ самъ Евдокимычъ. Должно быть, выпилъ для праздника: толстое лицо его съ сѣдой, подстриженной бородой сіяло, какъ вычищенный мѣдный жбанъ.

— Самый часъ для визитовъ... по—господски...—проговорилъ онъ съ суровой ироніей.

— Извини Христа ради, не поспѣла... Дорога-то даже не ѣздовита... да и на быкахъ, съ оказіей... не поскачешь...

— Ну, ладно, ладно. И ты извини: къ обѣду опоздала, не стали дожидаться.

Впустилъ въ калитку и велѣлъ предбанникъ отпереть. Предбанникъ въ устинскомъ острогѣ служилъ комнатой для свиданій. Минуты черезъ три привелъ Романа. Обнялись. Всегда любила она ловить въ его глазахъ несмѣлую, застѣнчивую радость при встрѣчахъ и теперь, въ вечернихъ зимнихъ сумеркахъ, жадно вглядывалась въ черты нѣжнаго, исхудавшаго лица.

— Ну что, сыночекъ, здоровъ-ли? Разговѣйся, мой болѣзный, вотъ отъ ребятъ гостинчики. Голодный, небось, [illegible]чка? Уточку вотъ рѣзали...

Онъ взялъ маленькую четыреугольную булочку—„увачикъ“ и сталъ молча ѣсть. Былъ онъ одѣтъ по празднич-

ному, въ своемъ новомъ пиджакѣ и въ шелковой голубой рубашкѣ,—длинный такой, съ тонкой, костлявой шеей. На худомъ лицѣ рѣзко выступали скулы и стали больше печальные, запавшіе глаза, еще недавно беззаботно ясные и дерзко-веселые. Теперь безпокойная боль пришибленности глядѣла изъ ихъ глубины, беспомощная и жалкая. И невыразимо жаль было его. Хотѣлось взять, какъ брала когда-то маленькаго,- прижать къ своей груди, укрыть своимъ тѣломъ, согрѣть, убаюкать.

Она, пригорюнившись, глядѣла на него, не сводя глазъ. Слезы, непослушныя и досадныя, туманили взоръ. Кончикомъ платка она старалась незамѣтно смахнуть ихъ.

— Обвинительный актъ пришелъ...

Онъ сказалъ это тихо, тономъ деревяннаго равнодушія.

— Акъ?

— А-к-тъ. По двумъ статьямъ обвиняютъ...

Что-то страшное почуялось ей въ его увядшемъ голосѣ и въ самомъ сочетаніи непонятныхъ словъ: обвинительный актъ... двѣ статьи... Въ сердцѣ ея никогда не угасала наивная надежда на чудо, на то, что вся эта бѣда какъ-нибудь, можетъ, пройдетъ стороной... Ну, кто-нибудь, властный и добрый, услышитъ случайно о дѣлѣ Романа, вникнетъ, покачаетъ головой и повелитъ:..

— Отпустите этого парнишку ради слезъ матери его,— какая вина за нимъ? Пустяки...

И чудо совершится: распахнутся ворота замка, будетъ на волѣ ея сынокъ... Затянувшееся слѣдствіе еще больше утверждало ее въ этой робкой надеждѣ: авось, Богъ пошлетъ милость... И во снѣ она часто видѣла своего сынка возлѣ себя, въ родномъ углу,—только снился онъ ей почему-то маленькимъ ушибленнымъ, всхлипывающимъ отъ боли, а она бережно прижимала его къ себѣ, ласкала, утѣшала, гладила по головкѣ...

— По двумъ ажъ статьямъ?..—Она горестно покачала головой:—да за чего же... Господи!..

Онъ продолжалъ жевать, но въ скупомъ свѣтѣ сумерекъ ей видно было, какъ дрожали и дергались его губы и глаза наполнились слезами.

— Об-ви-ни-тель-ный акъ...—повторила она и заплакала. Въ этомъ словѣ—„обвинительный“ — исчезала ея робкая надежда.

— На что ты меня на свѣтъ пустила, такого безсчастнаго?—воскликнулъ онъ вдругъ.

Булка выпала у него изъ руки. Онъ упалъ головой къ ея плечу и весь задергался отъ рыданій.

— Да ты мнѣ разскажи... ты чего?—растерянно утѣшала

она его, руками съ жесткими, огрубѣлыми пальцами обнимая его голову:—Я схожу къ добрымъ людямъ, спрошу. Посовѣтуютъ, авось, дадутъ наставленіе. Ты скажи, какъ тамъ написано-то? Чего тамъ?. Въ обвинительномъ-то..

Но онъ ничего не могъ ей сказать. Молча утиралъ рукавомъ мокрое лицо и всхлипывалъ носомъ. Потомъ досталъ изъ пиджака свернутый вчетверо листъ,—это и былъ обвинительный актъ. Долго держала въ рукахъ она эту загадочную, страшную бумагу, потомъ бережно завернула въ ширинку и спрятала за пазуху. Надо идти по добрымъ людямъ—искать совѣта. Время нечего терять.

— Ну, завтра зайду, сынокъ. А ты не того... ты.. авось, Господь... ты молись Богу, чадушка...

Пошла.

Почему-то ей казалось, что изъ всѣхъ знакомыхъ господъ самымъ пригоднымъ и авторитетнымъ по разъясненію обвинительнаго акта человѣкомъ будетъ прокурорша. Зашла къ ней. Прислуга не хотѣла было пускать ее, но прокурорша сама случайно выглянула въ переднюю,—ждала какого-то гостя,—и увидѣла знакомую фигуру въ длинной донской шубѣ.

— Ну что, Григорьевна?

— Опять къ вашей милости, Анна Николавна,—за наставленіемъ. Не оставьте, сдѣлайте милость...

— Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло?

— Обвинительный акъ пришелъ сыночку. Хотѣла хозяина твоего спросить,—чего намъ теперь? Куда?.. Люди мы слѣпые...

— Ну, подожди немножко, посиди. Садимся обѣдать.

— Ничего, я обожду, это очень слободно. Только сдѣлайте милость, Миколавна... Плачетъ вѣдь паренекъ-то: сходи, говоритъ, маманюшка, спросись...

Вздрогнулъ голосъ; тихо воющая нотка вырвалась на одно мгновеніе. Побѣжали непослушныя слезы. И барынѣ не показалось смѣшнымъ, что Григорьевна высморкалась въ руку и вытерла пальцы о полу шубы.

— Ну, не плачь, не плачь... слезами не поможешь вѣдь, — неувѣренно сказала прокурорша. — Впрочемъ, давай-ка сюда твой обвинительный актъ, покажу мужу.

Григорьевна, все еще всхлипывая носомъ, достала ширинку изъ пазухи, бережно развязала и подала бумагу прокурорשѣ. Когда она ушла съ ней черезъ залу въ угловую комнату, налѣво, изъ которой доносился говоръ нѣсколькихъ голосовъ, Григорьевна отерла слезы,—опять затеплилась крошечная искорка надежды отъ того, что голосъ у прокурорши былъ ласковый и участливый. Она съ

любопытствомъ заглянула въ раскрытую дверь залы. Ей не было видно огня, но отблески на черной крышкѣ рояля и на позолотѣ стульевъ отражали яркій свѣтъ. И былъ на всемъ такой нарядный лоскъ, блескъ, отпечатокъ диковинной красоты, роскоши и богатства, что она не могла подавить вздоха безнадежной зависти: вотъ, гдѣ живутъ люди безъ печали и слезъ, счастливые и веселые, не вѣдающіе ни страха, ни напастей, ни сухоты сердца...

Выбѣжалъ мальчуганъ въ кудряшкахъ, съ игрушкой въ рукахъ. Сѣрые глазки, крошечный розовый ротикъ. Остановился въ дверяхъ залы и широко раскрытыми, любопытными глазенками уставился на длинную шубу Григорьевны, обшитую по борту бѣличьимъ мѣхомъ.

— Какъ разъ, какъ мой Уласка,—подумала Григорьевна. Отвернула полу, достала изъ кармана горсть тыквенныхъ сѣмячекъ.

— На-ка поди, чадушка!

Мальчуганъ, какъ маленькій звѣрекъ, изъ предосторожности подался назадъ отъ ея протянутой руки.

— Бери, дурачекъ,—сказала она ласково.

Онъ ногой и рукой сдѣлалъ угрожающее движеніе, какъ будто хотѣлъ испугать ее.

— Ой, боюсь, боюсь!—воскликнула она, тотчасъ же понявъ его движеніе. И оба разсмѣялись. Онъ—точно стеклянный горошекъ разсыпался.

— Это чего же у тебя, чадушка? Машина?

Мальчикъ прижалъ игрушку къ груди и закрылъ ее руками.

— Корабликъ!

— Ка-рапъ? Ишь ты? У меня тоже такой-то, какъ ты, бѣгаетъ... Какъ разъ такой-то. Съ горки катается—бѣды-ы... Ухлюстается за день-то по поясъ!..

Вышелъ прокуроръ съ бумагой. Лицо румяное, нафабренные усы и свѣтлая лысина во всю голову.

— Ну что, тетка?—снисходительно сказалъ онъ, прожевывая закуску,—пахло отъ него какимъ-то душистымъ виномъ.

— Сдѣлайте милость, ваше благородіе, дайте наставленіе.

Прокуроръ надѣлъ золотое пенснэ на носъ, и лицо его приняло суровое выраженіе. Онъ развернулъ бумагу, но вдругъ остановился, склонилъ голову книзу, словно собирался боднуть кого-то, и уставился блестящими кружечками стеколъ въ мальчугана, стоявшаго въ дверяхъ залы.

— Ты зачѣмъ тутъ, Кока? Я тебѣ что говорилъ: въ переднюю не выбѣгать! потому что... потому что въ городѣ скарлатина!.. Если ты будешь не слушаться, отдамъ тебя

вотъ теткѣ,—понимаешь?.. Она тебя въ мѣшокъ и... понялъ?.. въ мѣшокъ!..

Должно быть, понялъ Кока, потому что уронилъ свой корабликъ на полъ и убѣжалъ, проворно топоча ножками.

Какъ ни было тяжело на сердцѣ у Григорьевны, она засмѣялась надъ мальчуганомъ:

— Чадушка моя... испугался...

— Да... такъ въ чемъ дѣло?—переспросилъ прокуроръ дѣловымъ, не очень любезнымъ тономъ.—Наставленіе? Какое-же наставленіе? На дняхъ, вѣроятно, переведутъ его въ областную тюрьму,—только и могу сообщить.

— А обвиненіе-то какое ему будетъ за это, вы мнѣ скажите...

— А вотъ по статьямъ 1458 и .. 279-й...

Прокуроръ подергалъ губами, чвакнулъ языкомъ, вылавливая остатки закуски, и протянулъ бумагу Григорьевнѣ.

— Да я—человѣкъ слѣпой, ваше благородіе,—сказала она, принимая отъ него этотъ таинственный листъ.—Кабы мы свѣдущіе люди... А то мы люди степные, неграмотные... Статьи... а въ какую силу статьи, мы не смыслимъ. Вы мнѣ скажите, чего тутъ написано за нихъ, за эти статьи?

Она склонила голову на бокъ, ожидая подробнаго разъясненія на свой вопросъ. Прокуроръ слегка пожалъ плечами.

— А ужъ не знаю, матушка. Судъ военный, понимаешь? Военная юстиція. Это—не то, что обыкновенныя судебныя установленія. Если бы мы судили, ну—мѣсяцевъ восемь дали бы, едва-ли больше. А тутъ судъ особый, военный. Строгій...

— Да ужъ, небось, вы знаете, по энтому суду какъ?..

— Знать-то знаю, да что-жъ... Толку-то тебѣ отъ этого немного, если скажу, что 279-я статья опредѣляетъ смертную казнь...

— Смёрт-ну-ю казнь?..

Она какъ будто съ любопытствомъ подняла брови и остановилась удивленнымъ взглядомъ на матовомъ блескѣ его пенснэ.

— Смертная казнь,—коротко, съ щеголеватою сухостью, повторилъ прокуроръ и незамѣтнымъ движеніемъ сбросилъ съ носа свое золотое украшеніе.

Въ ушахъ у нея загудѣло, и остановилось дыханіе. Сквозь шумъ, широкій и непонятный, побѣжавшій частыми скачками отъ сердца къ головѣ, загудѣвшій во всемъ ея тѣлѣ, послѣднія слова прокурора прозвучали странно, сказочно, невѣроятно. Скажи онъ, что сейчасъ вотъ этотъ потолокъ рухнетъ на нее и придавитъ на вѣки, она скорѣе повѣрила бы, яснѣе представила бы себѣ это, чѣмъ то ледяное, дышащее холоднымъ ужасомъ, что крылось въ но-

вомъ для нея сочетаніи словъ, сухо произнесенныхъ прокуроромъ: *смертная казнь*.. Казнь... Изъ мглистой поры далекаго дѣтства, въ смутныхъ воспоминаніяхъ, выплыли сжимающіе сердце разсказы о казняхъ и страшныхъ мученіяхъ, которымъ подвергались страстотерпцы отъ властныхъ гонителей, — но вѣдь это было такъ давно, что мракъ закуталъ отъ глазъ тѣ времена. Послѣ того крестъ возсіялъ на всѣхъ церквахъ, крестъ на шеѣ и у властителей, и у судей, и у самаго послѣдняго человѣка... И вдругъ—смертная казнь! Да за какую же такую вину?..

Она чуть не всплеснула руками, но прокуроръ вдругъ чудно закачался на мѣстѣ, точно подразнить ее вздумалъ. Ей хотѣлось сказать ему:

— Игрушечку-то раздавишь... гля-ка!..

Но онъ рѣзко колыхнулся, поднялся вверхъ вмѣстѣ съ дверью, роялью, съ блестками свѣта на золоченыхъ стульяхъ и безшумно покатился въ темный и нѣмой погребъ...

Было это, вѣроятно, съ минуту, не больше. Очнувшись, она съ удивленіемъ увидѣла, что вокругъ нея встревоженно суетились какіе-то господа и барыни, отъ которыхъ такъ хорошо пахло, вмѣстѣ съ прокуроршей, брызгали на шубу водой изъ стакана, давали нюхать что-то ѣдкое, толкавшее въ носъ и вызывавшее слезы, совали въ руки стаканъ и велѣли пить изъ него. Прокурорша принесла рюмку вина, душистаго, цвѣтомъ похожаго на крѣпкій чай. И всѣ наперерывъ увѣряли Григорьевну, что отчаиваться нѣтъ основаній, раньше смерти умирать не слѣдуетъ,—судъ разсмотритъ, выяснитъ... законъ допускаетъ снисхожденіе... все, Богъ дастъ, обойдется...

Она чувствовала необычайную слабость,—руки и ноги дрожали, какъ жидкія камышины, не было силъ слово выговорить,—и равнодушіе беззащитности передъ неизбѣжнымъ ударомъ, какъ снѣгъ холодный и пушистый, мягко окутало душу...

На другой день она опять ходила въ замокъ,—порядокъ въ этомъ маленькомъ городкѣ и острогъ былъ простой, пускали безъ затрудненій. Хотѣлось ей успокоить сына, хотѣлось увѣрить въ томъ, во что она сама не вѣрила, отъ чего билась и рыдала всю ночь, долгую зимнюю ночь,—хотѣлось ободрить его словами. Она говорила ему то, что слышала отъ прокурорскихъ гостей, а губы дергались отъ сдерживаемыхъ рыданій, голосъ обрывался и угасалъ.

Онъ слушалъ ее молча, потупившись. Потомъ сказалъ порывисто, рѣзко, съ внезапной увѣренностью:

— Нѣтъ, чего тамъ... я и самъ знаю: повѣсятъ меня.. Всѣ говорятъ: тебя, Романъ, на шворку вздернутъ...

И, закрывъ руками лицо, онъ закачался въ отчаяніи изъ стороны въ сторону, сотрясаясь отъ беззвучныхъ рыданій.

Сразу смело всѣ ея слова утѣшенія. Клубокъ покатился отъ сердца къ горлу, перехватилъ дыханіе и вырвался восклицаніемъ нестерпимой боли:

— Царица небесная!.. Заступница... Мати Божія!..

...Домой, въ свою станицу, плелась она пѣшкомъ, и никогда эти 27 верстъ, не разъ измѣренныя ею, не казались ей такими длинными, безконечными, утомительными. Еле двигались обезсилѣвшія ноги, вѣтеръ качалъ и сбивалъ ее съ дороги. Навалилась на грудь и на плечи чугунная глыба, вздохнуть не даетъ, долгой, неизбывной болью и темнымъ страхомъ стиснула сердце. Бѣлый свѣтъ потускнѣлъ, сумракомъ задернулся.. Плетется, сама съ собой говоритъ. Говоритъ къ Богу, далекому и невидимому, шлетъ жалобы Ему, безсвязный ропотъ, укоры и долгіе стоны безсилія и отчаянія. И глазами, полными слезъ, смотритъ въ закутанное облаками, низкое, нѣмое небо...

Казакъ на розвальняхъ обогналъ ее. Лошадь вся мокрая, а онъ подхлестываетъ ее кнутомъ, не оглядываясь; растянулся въ саняхъ боровомъ, пѣсни играетъ. Дубленый тулупъ въ заплатахъ, обшитые кожей валенки просятъ каши, а поетъ. Не онъ поетъ, — казенная слеза, видно, поетъ: выпилъ, должно быть..

Отъѣхалъ недалеко. Остановился и крикнулъ:

— Ну, скорѣй догоняй, тетка, подвезу!

— Вотъ зима какая—дороги гичь-нѣтъ! — сказалъ онъ пьянымъ, благодушнымъ голосомъ: — да это кто? ты, Григорьевна?

Казакъ оказался хуторской, изъ одной станицы, и они знали другъ друга. Его Евлампіемъ Немолякой звали. Она бы и давеча узнала его, да за воротникомъ лица не разглядѣла.

— Сынка что-ли провѣдывала? — спросилъ онъ весело. Пахло отъ него водкой, крѣпкимъ табакомъ и благорасположеніемъ ко всему человѣчеству.

— Сынка.

— Ну какъ онъ? Судъ-то скоро ай нѣтъ?

— Обвинительный акъ получилъ. Скоро теперь.

— Эхъ-ма-хма... Дѣло какое...— беззаботно веселымъ голосомъ выразилъ сочувствіе Немоляка:—а я вотъ тушку продалъ да выпилъ полбутылку. Двѣ пачки табаку взялъ,— только и удовольствія моего... Взгрустнется—покуришь. Дѣтишекъ у меня пятеро: четыре дѣвки, сынъ—двухъ мѣсяцевъ всего, плохой помощникъ. Другого вотъ заказалъ еще...

Онъ засмѣялся дробнымъ смѣхомъ, закашлялся. Григорьевнѣ было не до смѣху, но изъ вѣжливости она грустно пошутила:

— Заказные-то они не плохи бываютъ...

Немоляка чувствовалъ, что веселье, которое выпирала изъ него выпитая полубутылка, не можетъ доставить особаго удовольствія его собесѣдницѣ и, стараясь перейти въ серьезный тонъ, спросилъ:

— Въ какую же именно силу обвинительный актъ?

— Смёртная казнь, — сказала она глухо. — По двумъ статьямъ...

— Смёрт-на-я казнь?!—съ изумленіемъ протянулъ онъ, и рука съ кисетомъ, который онъ досталъ изъ-за пазухи, остановилась на полдорогѣ.

— Как-кая бѣда!..

Лицо у него было завѣтренное, черное, грубое. Рѣдкая борода походила на перья. Но и на этомъ лицѣ съ топорными, невыразительными чертами блеснула искренняя человѣческая скорбь и недоумѣніе: за такой-то пустякъ, не стоющій вниманія!..

Онъ медленно свернулъ цигарку, закурилъ. Долго молчали.

— Сколько разъ собирался бросить, — тономъ покаянія сказалъ онъ, кивая на цигарку:—а не утерпишь.. Взгрустнется—жгу...

Она понимала, что ему хочется отвлечь мысли ея и свои въ другую сторону, заслонить ихъ, уйти отъ ихъ пугающаго мрака. Тяжело было говорить, тяжело молчать. Кругомъ все такъ печально и безнадежно. Голые, раздольные пески раскинулись во всѣ стороны. Рѣдкій красноталъ торчитъ на вершинахъ песчаныхъ бугровъ, какъ тощіе волосы на старой плѣши. Заплаканное небо, сѣрыя, озябшія хатки хуторовъ, маленькая, облупленная церковка и кладбище съ согбенными крестами возлѣ нея... Все хмуро, немощно и горько...

— Вещь—для здоровья вредная, мало что грѣховодная,— проповѣдническимъ тономъ продолжалъ Немоляка, не отрываясь взоромъ отъ цыгарки:—ее и свиньи не ѣдятъ, а люди вотъ за удовольствіе считаютъ.

Помолчалъ и прибавилъ:

— Ты чего же, вотъ наказный проѣзжалъ, къ нему бы сходила. Ты—мать. Великое дѣло—мать. Авось, не съѣлъ бы—попросить противъ такого суда защиты...

— Ходили,—сказала она неохотно и судорожно вздохнула.—Какъ не ходить,—ходили. Дѣдъ ходилъ.—Вотъ, молъ, ваше п-ство, человѣкъ молодой, зеленый разумомъ...—„У

меня"—говоритъ,—„для такихъ веревокъ достаточно"... И слухать не сталъ.

Маленькая, невзрачная фигурка стараго генерала всплыла въ ея памяти. Сѣрая, кособокая... Выцвѣтшіе оловянные глаза. Голосъ похожъ на шипѣніе дергача... Мгновенная дрожь отвращенія и ненависти пробѣжала по тѣлу.

— Сурьезный генералъ, нечего сказать, — почтительно отозвался Немоляка.—Сурьезный. А вотъ съ бабами-то заигрывалъ: „дайте",—говоритъ,—„бабы сѣмячекъ!" Торговкѣ одной въ Устинскѣ,—полноплоская такая женщина, круглая изъ себя,—говоритъ: „у тебя вѣсы,—говоритъ,—неправильные". — „Нѣтъ" — говоритъ,—„ваше благородіе, это у васъ глаза неправильные!.." Онъ завернулъ носъ и пошелъ...

— Ничего... отпѣла... — одобрительно сказала Григорьевна.

— Отпѣла... Приставъ ее послѣ того мылилъ-мылилъ: „я",—говоритъ,—„тебѣ покажу, какъ генерала благородіемъ называть! я тебя всѣмъ титуламъ обучу!.."

Немоляка помахалъ кнутомъ на лошадь, помолчалъ. Потомъ шумно вздохнулъ и помоталъ головой.

— Смертная казнь... фу, Боже мой! Человѣка зарѣзать... Тутъ вотъ поросенка когда приходится рѣзать, вся рубаха ажъ трусится... А вѣдь это—кристіянская душа!.. Да за что же, по крайней мѣрѣ? Какой же онъ бѣды наработалъ?.. И какъ это вышло, скажи на милость, не поскупись!..

II.

Какъ это вышло?

Если бы знала она, какъ вышло!.. Одно помнила, что въ ночь передъ тѣмъ, какъ случиться бѣдѣ, приснилось ей, будто зубъ у нея выпалъ. Проснулась въ испугѣ, въ холодномъ поту. Сжалось сердце, заломило: виситъ бѣда надъ головой. Не даромъ Шарикъ цѣлый день вылъ: лежитъ въ воротахъ и воетъ. И цѣлый день томилась душа тоской, страхомъ, смутными предчувствіями.

И когда она разсказывала про свое горе, это было главное, на чемъ она останавливала вниманіе слушателя. Вотъ это лишь она знала и могла разсказать. А какъ бѣда вышла,—ей самой передавали чужіе люди и все по разному. Романъ не любилъ говорить объ этомъ...

...Всему виной былъ револьверъ, а револьверъ купилъ дѣдъ Захаръ. Ѣздилъ въ Михайловку получать проценты по сберегательной книжкѣ. Знакомый краснорядецъ, у ко-

тораго онъ купилъ теплый платокъ въ подарокъ старухѣ, предложилъ ему за сходную цѣну это игрушечное оружіе. Увѣрилъ: штучка не мудрящая, но необходимая всякому, кто при капиталѣ состоитъ.

Насчетъ капитала старикъ отрицательно помоталъ головой, но на револьверъ обратилъ вниманіе. Разспросилъ: какъ заряжается, хорошо ли бьетъ, какая цѣна? Цѣна оказалась соблазнительно дешевой: всего пара рублей. Пріобрѣлъ. Годится, молъ, садъ караулить: сильныя уродились яблоки.

Оружіе было плохенькое. Но дѣдъ не имѣлъ убійственныхъ цѣлей. Ему надо было, чтобы выстрѣлы были достаточно громкіе, устрашающіе, чтобы полохались тѣ, кто падокъ на чужое добро. Только и всего.

Дѣдъ былъ старый воинъ, севастопольскихъ временъ, но стрѣлять изъ револьвера не умѣлъ. Револьверовъ тогда не было, дрались безъ хитростей, правильнымъ и законнымъ боемъ, въ рукопашную: прикладомъ, пикой, шашкой, а то и кулаками да за волосы. Краснорядецъ не разъ и не два показалъ и разсказалъ дѣду, какъ обращаться съ револьверомъ, куда патроны вкладывать, какъ цѣлиться, какъ разряжать. Казалось просто. Но пріѣхалъ домой,—все перезабылъ. Старуха сперва пугалась, когда онъ, для потѣхи, прицѣливался въ нее изъ новаго оружія, а потомъ видитъ, что вещь безвредная, стала браниться: за дѣтскую забаву два рубля отвалилъ!..

Обидно было дѣду, но пришлось молчать. Мысли одолѣли, приболѣлъ даже отъ огорченія: ужъ не посмѣялся ли, въ самомъ дѣлѣ, надъ нимъ краснорядецъ? Сталъ на голову жаловаться: болитъ, молъ, голова. Посовѣтовали люди пьявокъ припустить. Но старикъ не понадѣялся на пьявокъ, пошелъ къ внуку своему Роману. Романъ три года жилъ въ Царицинѣ, въ мальчикахъ при аптекарскомъ магазинѣ, зналъ, какъ называются лѣкарства на латинскомъ языкѣ, порядочно смыслилъ и вообще по ученой части, писучъ былъ и на разговоръ боекъ.

Пришелъ дѣдъ къ Роману, разсказалъ о своихъ недомоганіяхъ. Романъ выслушалъ съ видомъ настоящаго лѣкаря.

— Желудокъ, вѣрно, не въ порядкѣ,—замѣтилъ онъ:— на пищу полегче налегайте.

— Чего полегче! Совсѣмъ не гонитъ на аппетитъ! Не ѣмъ... Сну нѣтъ...

— Отъ желудка-то у меня есть порошокъ... и не дорогой: на гривенникъ если взять, за глаза довольно.

Поколебался немного дѣдъ, брать или нѣтъ порошокъ:

вѣдь отъ живота, а не отъ головы. Поторговался, на всякій случай,—скупой былъ старикъ: нельзя ли за пятакъ?

— Нельзя. Съ людей по двугривенному кладу...

— Ну, давай!

Отсыпалъ Романъ порошку на бумажку. Показалось дѣду, что мало: если ужъ деньги взялъ, то сыпать надо по совѣсти.

— Подбавь,—говоритъ:—а то что это? и глаза нечѣмъ помазать... Я вѣдь тебѣ не чужой...

— Мнѣ не жаль,—сказалъ Романъ:—только это уже будетъ лошадиная порція...

Порошокъ, точно, подѣйствовалъ на животъ, но на другой день почувствовалъ дѣдъ облегченіе и отъ головныхъ болей. Ученый авторитетъ внука окончательно утвердился въ его глазахъ. Пришло въ голову дѣду: не окажетъ ли ему помощи Романъ и касательно револьвера? Опять не ошибся: Романъ и тутъ показалъ себя понимающимъ человѣкомъ. Долго осматривалъ принесенное оружіе и пренебрежительнымъ тономъ знатока сказалъ:

— Лефоше... Слабый бой. Воробьевъ стрѣлять изъ него...

— Ничего, абы ливольвертъ. Все опасаться будутъ...

— А ты бы американскій бульдогъ взялъ,—вотъ бьетъ!

— Сойдетъ и такой. Тоже не кажній полѣзетъ: будутъ знать, что при оружіи.

Пострѣляли въ заборъ. Пульки застрѣвали въ старыхъ, прѣлыхъ доскахъ, но выстрѣлы гремѣли, какъ изъ настоящаго оружія,—и это радовало дѣда: теперь полохнутся охотники до чужого добра.

Старикъ былъ подозрителенъ: ему казалось, что весь міръ населенъ ворами и грабителями, и у каждаго на умѣ—поживиться на его, дѣда Захара, счетъ. Два сына было у него и оба отдѣлились: не поладили съ мачехой. Дѣдъ и сынамъ не вѣрилъ: своему легче обокрасть, чѣмъ чужому. Былъ отчасти правъ: сыновья, при выдѣлѣ обиженные имъ, не пропускали случая стянуть что-нибудь у старика. Не заслуживалъ довѣрія въ этомъ смыслѣ даже ученый внукъ его Романъ: тоже не разъ подкрадывался линькомъ, интересовался, какіе у дѣда капиталы? да почему онъ ихъ прячетъ, почему въ оборотъ не пускаетъ? Предлагалъ разныя прибыльныя затѣи...

Но дѣдъ не поддавался соблазнительнымъ посуламъ, прималчивалъ насчетъ капиталовъ и зорко глядѣлъ вокругъ себя, оберегая долгимъ трудомъ нажитое добро. Трудновато было старику, но дѣлать нечего. Потому-то и на револьверъ денегъ не пожалѣлъ.

— Ты бы мнѣ, дѣдушка, подарилъ эту штучку... на что она тебѣ?—сказалъ неожиданно Романъ.

Дѣдъ молча взялъ револьверъ у него изъ рукъ и бережно завернулъ въ сахарную бумагу, въ которой принесъ его.

— Подаришь уѣхалъ въ Парижъ, — сказалъ онъ холодно:—за вещь деньги плочены, а тебѣ подари,—здорово живешь!

— Да на что онъ вамъ?

— А тебѣ на что?

— Мнѣ для оборонной руки. Человѣкъ я, — самъ знаешь,—молодой... пойдешь куда-нибудь, наскочитъ какой хулиганъ,—вотъ бы свинцомъ угостить. А тебѣ ни къ чему...

— А ты куда зря не ходи, сиди дома... коль ты молодой человѣкъ. Вотъ и будетъ хорошо...

Ушелъ дѣдъ, больше и говорить не сталъ. Не любилъ старикъ и разговоровъ такихъ, въ которыхъ чувствовалось покушеніе на его карманъ. Ушелъ. Романъ искоса, иронически, посмотрѣлъ ему въ спину и, отпустивъ на достаточное разстояніе, тономъ пренебреженія сказалъ:

— Мамай!..

Но дѣдъ уже не могъ слышать этого обиднаго прозванія...

Сталъ дѣдъ по ночамъ пострѣливать въ саду изъ новаго оружія. Садъ его былъ за станицей. Мѣсто не глухое, но глазъ постоянный требовался. Въ обыкновенное, рабочее время, въ будни царила тамъ тишина безбрежная и многозвучная. Любилъ дѣдъ погружаться въ нее слухомъ, молча слѣдить, подремывая, за незримымъ теченіемъ жизни. Сидитъ у шалашика на лавочкѣ, сидитъ не шевелится, точно застылъ. Частыя звѣзды разсыпаны вверху, какъ яблоки подъ яблонями послѣ бури, — зеленыя, бѣлыя, красныя. Мудрая грамота божія,—кто бы прочелъ ее!.. Комары звенятъ, кружатся. Садятся на лицо, на руки, сквозь чулокъ жалятъ,—наказаніе божье этотъ гнусъ... Басятъ жуки, натыкаются на вѣтки, шелестятъ листвой,—съ ними на утренней зорькѣ дѣдъ ведетъ непримиримую войну. Въ сосѣднемъ озерцѣ, за городьбой, заливаются хохотомъ лягушки,—веселая, но ни куда не годная птица... Бугай низкой октавой бунитъ въ станицѣ. Ровная стрекочущая пѣсня разлита въ травѣ, въ кустахъ, въ зубчатыхъ стѣнахъ черной зелени, четко вырѣзанныхъ на бѣломъ полотнѣ умирающей зари. Прислушаешься,—конца-краю нѣтъ...

Милая, незатѣйливая, но живительная музыка... Когда, въ непогоду, смолкнетъ она,—скучной и пустынной кажется жизнь...

Диковинный міръ маленькихъ, неугомонно-веселыхъ существъ. Какъ ни близокъ онъ, какъ ни знакома его долгая, нескончаемая пѣсня, а поди-ка заглянь въ его тайники, узнай, какъ они тамъ живутъ, эти музыканты и пѣсенники, какъ родятся и умираютъ, какъ хлопочутъ, женятся, гуляютъ, дерутся, мирятся.. Небось, и у нихъ старички есть, съ грустной покорностью ожидающіе конца? Умрутъ... посыплютъ маленькіе кургашки надъ ними, а все будетъ разливаться эта широкая, безкрайняя пѣсня... Услышатъ ли они ее, вѣчную и неизмѣнную, всегда юную и радостную, ибо безсильно надъ ней время?..

Вотъ и онъ, дѣдъ Захаръ, скоро откараулится и уйдетъ туда, въ степь, за станицу, гдѣ нѣмой, мертвой рощицей стоятъ на кургашкахъ сѣрые, бѣлые, черные и ново-тесанные кресты... Ничего съ собой въ дорогу не возьметъ, все нажитое добро оставитъ, все за другихъ пойдетъ... И какъ жаль, какъ невыразимо жаль земной суеты и безпокойства! Если бы тамъ дремать вотъ такъ, какъ сейчасъ, и слышать ровное колыханіе вѣчно повторяющейся жизни! И какъ скоро, какъ неуловимо прокатились они, восемь съ половиной десятковъ лѣтъ... Вотъ выходятъ они въ смутныхъ видѣніяхъ длинной, въ туманѣ спрятанной тропой. Встаютъ тѣни прошлаго, крадутся изъ темныхъ кустовъ, шелестятъ, беззвучно смѣются, вздыхаютъ... Шепчутся многодумныя деревья, черная тайна оживаетъ въ ихъ вѣтвяхъ, подходитъ близко-близко, пробѣгаетъ по спинѣ мелкими мурашками страха.

— О-го го-о-о!—вскрикиваетъ дѣдъ устрашающимъ голосомъ. Пугаетъ и гонитъ страхъ. Въ станицѣ дружнымъ заливистымъ лаемъ отвѣчаютъ ему собаки, а на сосѣднемъ саду караульщикъ-мальчуганъ стучитъ въ пустое ведро. И черезъ минуту опять воцаряется многозвучная тишина.

Вотъ по праздникамъ было безпокойно. Съ полудня начиналась война съ невидимымъ, но коварно-назойливымъ врагомъ, насмѣшливымъ и неуловимымъ. Онъ держалъ дѣда въ непрерывномъ напряженіи до глубокой ночи. Шнырялъ вокругъ сада, хрястѣлъ старой городьбой, шуршалъ въ вишневыхъ кустахъ, мяукалъ, лаялъ, издавалъ самые фантастическіе звуки, фыркалъ отъ смѣха. Дѣдъ ругался, грозилъ, стрѣлялъ изъ револьвера въ воздухъ. Тогда раздавался притворно-испуганный визгъ:

— Ой, убилъ, убилъ!..

Изъ терпѣнья выводили, подлецы... Грѣшилъ дѣдъ мыслью, что это—Ромкины штуки. И не всегда ошибался.

— Набралъ шайку и кружитъ вокругъ дѣдовскаго добра,—говорилъ онъ самъ съ собой:—раззорители, сукины дѣти! фулинганы!.. И кто ихъ на свѣтъ породилъ?.. Боже

мой, какой народъ пошелъ! Грѣха ни въ чемъ нѣтъ: карты—нипочемъ, табакъ съ пяти лѣтъ жгутъ, въ церкву помеломъ не загонишь. Чужое—собственное разорить, разбить, порвать, украсть—первое удовольствіе... Видно, правда, конецъ свѣта подходитъ. Пропали крестьяне. Дьяволъ сказалъ: «восьмая тыща—вся моя». И правда... «Уловлю,—говоритъ,—сѣтью весь міръ»,—вотъ оно и пришло...

Плохо было еще въ дождь, въ непогоду: шалашъ протекалъ, негдѣ было притулиться, болѣла поясница, руки и ноги зябли, тянуло въ теплый уголъ, къ старухѣ. Скучно становилось одному въ ненастныя ночи. Тогда дѣдъ уходилъ домой—потихоньку, крадучись, глухими переулками, чтобы никто не зналъ, что его нѣтъ въ саду. Обманывалъ воровъ.

И до Спасовъ шло благополучно. Но за три дня до Преображенія кто-то высмотрѣлъ его хитрые маневры и забрался въ садъ. Три яблони были оборваны и—главное—пропалъ изъ шалаша револьверъ. Дѣдъ пряталъ его вмѣстѣ съ патронами подъ подушку. Было это такъ обидно, что дѣдъ заплакалъ. Но жаловаться никуда не пошелъ: не хотѣлось на смѣхъ выставлять себя, не хотѣлось сознаться, что ходилъ по ночамъ къ старухѣ... Махнулъ рукой на пропажу.

Пыль плавала надъ ярмаркой, и дымъ, голубой и пахучій, медленно выползавшій изъ харчевенъ, опоясывалъ, какъ шарфъ кисейный, тускло-золотую стѣну высокихъ вербъ и тополей. Низко стояло солнце. Лучи, перерѣзанные длинными тѣнями, бросили на площадь косыя, схилившіяся колонны, прозрачныя и свѣтлыя. Тѣсное, шумное торжище было похоже на волшебный храмъ: голубой, запыленный храмъ; зеленыя стѣны съ причудливой канвой, расписанной фантастическими мазками лазоревыхъ, пурпуровыхъ, лиловыхъ и золотыхъ красокъ; дымъ кадильный; многоголосый хоръ нестройно жужжитъ, плещется, шумитъ... Говоръ и тарахтѣнье тѣлегъ, пѣсни и скрипъ гармоники, свистки, ржаніе, мычаніе, блеяніе,—всѣ пестрые звуки свились въ клубокъ; кипятъ, бурлятъ, толкутся... Въ пьяномъ гамѣ сплетаются и расплетаются ругательства и смѣхъ, нѣжныя слова и угрозы, торгъ и объясненія въ любви. Хоръ жизни, пестрый и текучій, звучитъ, и зыблется, и ходитъ кругомъ.

Многоцвѣтная, нарядная толпа толчется, сжатая и стиснутая, въ центрѣ шумнаго торга, уходитъ, приходитъ. Пѣвучее веселье и задоръ, и смѣхъ вокругъ нея. Безпокойно тянется къ ней сердце. Но какъ ни боекъ Романъ, а подъ волнующими дѣвичьими взглядами еще мучительно кра-

снѣетъ, смущается и теряетъ мужество. Смѣются, шельмы... Сверкаютъ бѣлые зубы, искрятся веселые глаза, лукавые и жестокіе...

— Ну и кавалеръ! На каруселяхъ даже не покатаетъ...

— Жадный! Весь въ дѣда!..

— Романъ! да выверни ты имъ карманъ! удиви Европу!..

— Чего выворачивать: худой, ничего не держится...

— Цапнулъ бы дѣда коломъ,—небось, пятаки посыпались бы изъ него!..

Фыркаютъ заразительнымъ смѣхомъ, дразнятъ, точно щенка, а ему ужъ 17 лѣтъ! Обидно. Обиднѣе же всего то, что правы: какой онъ кавалеръ, когда въ карманѣ всего три пятіалтынныхъ да краденый дѣдовъ револьверъ... Револьверъ, конечно, вещь серьезная. И если бы онѣ знали о томъ, что въ карманѣ у него револьверъ, настоящій пятизарядный револьверъ, которымъ можно всю ярмарку привести въ смятеніе,—еще вопросъ, вздумали ли бы онѣ такъ потѣшаться надъ нимъ?..

Но вотъ три пятіалтынныхъ,—это, точно, конфузно: ни развернуться, ни кутнуть, показать себя, пустить пыль въ глаза,—не съ чѣмъ! Развѣ это деньги? Развѣ это тотъ могучій рычагъ, который кружитъ и шумомъ наполняетъ жизнь, стиснутую и сбитую на непривычно-тѣсномъ пространствѣ? Вотъ онѣ текутъ и переливаются, звенятъ и шуршатъ, переходя изъ рукъ въ руки, изъ кармана въ карманъ, изъ толстаго кошелька гуртовщика въ старый казацкій кисетъ, съ потной, грязной груди въ шкатулки лавочниковъ, тайныхъ шинкарей и харчевниковъ. И вмѣстѣ съ ними переливаются заботы, радости, вздохи и мечтанія, трудовой потъ и грязь мазаныхъ людей, безтолково разѣвающихъ рты для божбы и ругани, для пѣсенъ и раскатистаго хохота, для горячихъ увѣреній и проклятій... Таинственная и всеобъемлющая сила идетъ отъ нихъ, радуетъ и сжимаетъ сердца, звучитъ основнымъ тономъ въ пьяныхъ громкихъ голосахъ, кричитъ въ нарядахъ женщинъ, говоритъ въ ихъ взглядахъ, волнующихъ и возбуждающихъ желанія.

И нѣтъ ничего болѣе унизительнаго и нетерпимаго, какъ быть безъ денегъ на этомъ шумномъ праздникѣ, ходить одиноко и хмуро, смотрѣть съ дѣланнымъ равнодушіемъ на веселую, пьяную сутолку, носить въ сердцѣ безсильный голодъ и зависть къ тѣмъ, кто звенитъ монетой, съ шикомъ выбрасываетъ ее на угощеніе и наряды, съ увлеченіемъ оретъ пѣсни и бьетъ каблуками землю въ тактъ веселой музыкѣ...

Вонъ прошелъ Гулевой Егоръ съ гармоніей. Гармонія

дорогая, двухрядная,—только денежному человѣку доступно имѣть такую гармонію. Но Гулевой—не важный артистъ: играетъ топорно, грубо. И все-таки, вонъ, молодежь окружила его, онъ—въ центрѣ вниманія. Ломается, бахвалится, пускаетъ пыль въ глаза. Дѣвчатамъ досталъ изъ кармана двѣ горсти ярко окрашенныхъ конфектъ «ералашъ», вынулъ кошелекъ, встряхиваетъ его на глазахъ у всѣхъ, хвастливо кричитъ:

— Вотъ онѣ! Сейчасъ въ орла четыре съ полтиной выигралъ!..

Сдвинулъ козырекъ на бокъ. Скуластое лицо, пьяное, съ широкими бровями, носъ приплюснутъ, оскалены желтые зубы—совсѣмъ разбойникъ, безшабашная голова...

Однообразенъ и назойливъ мотивъ частушки, которую играетъ, смѣшна его длинная, нелѣпая фигура, перехваченная широкимъ спортсмэнтскимъ поясомъ, но Романъ чувствуетъ самую искреннюю зависть къ этому счастливцу, у котораго въ кошелькѣ—четыре съ полтиной, въ рукахъ—дорогая гармоника, а вокругъ внимательная, дарящая улыбки толпа дѣвчатъ. Тоска засосала сердце... Теперь бы выкинуть что-нибудь громкое, героическое, яркое, показать, какъ гуляютъ... Чтобъ ахнули и всплеснули руками всѣ отъ удивленія... Да связаны крылья...

— Играй ты понятнѣй! полегче въ этотъ басовикъ-то!..

Это Гулевому даютъ совѣтъ изъ толпы,—очень ужъ звѣрски рычитъ его гармоника.

— Не могу!—кричитъ онъ:—угаръ въ рукахъ! Люблю, чтобы басы львами ревѣли!..

— Грубо выходитъ. Дрожаменту нѣтъ...

— Ну-ка, Романъ! Вотъ кто докажетъ!

— Романъ? Ну-ка, Рома, съ дрожаментомъ... Тронь!..

Романъ опять досадно смущенъ, краска бросается въ лицо. Съ трудомъ выдержалъ достоинство признаннаго артиста: лѣниво, съ небрежнымъ видомъ, взялъ гармонію, небрежно бросилъ на плечо ремень и чуть тронулъ пальцами по ладамъ. Засмѣялись, зазвенѣли тонкіе голосочки, словно стойка рѣзвыхъ птичекъ вспорхнула. Покорно охнулъ басъ короткимъ, густымъ звукомъ. Смолкли. И вдругъ всѣ сразу, легкіе и звонкіе, рванулись впередъ, въ шумный водоворотъ базара, понеслись, закружились. Задорный мотивъ „Краковяка“ заискрился, запугалъ блестками подмывающаго веселья...

Захлопалъ въ ладоши пьяный казакъ съ подбитымъ глазомъ и, смѣшно изогнувшись, пошелъ выписывать подгибающимися ногами фантастическіе узоры. Звонкая волна ударила въ голову артисту, затуманила свѣтъ,—гордое и

родостное волненіе заиграло въ сердцѣ. И уже не страшно толпы: она—въ его власти. Надъ пестрымъ, бурливымъ гвалтомъ ярмарки кружатся звуки веселья и смѣха, лихіе вскрики разгула и удали несутся вмѣстѣ съ ними, дрожитъ земля отъ четкаго топота легкихъ ногъ...

Вечеръ надвинулся. Пыльная заря горитъ на западѣ, багряные длинные мазки вѣеромъ раскинулись на полнеба. Гулевой не столько пьянъ, сколько прикидывается пьянымъ: шатается изъ стороны въ сторону, натыкается на людей, оретъ дикимъ голосомъ пѣсни и безъ нужды сквернословитъ. Романъ чувствуетъ странную муть въ головѣ и желаніе пить. По-прежнему, хотѣлось бы развернуться, выкинуть что-нибудь громкое, героическое, вступить въ схватку съ кѣмъ-нибудь, показать, что съ нимъ не шурши...

Потрогалъ револьверъ въ карманѣ и спотыкающимся языкомъ многозначительно проговорилъ:

— Меня?.. Нехай лишь кто тронетъ,—всѣ пять всажу!..

— Котораго?—вскричалъ Гулевой:—тронуть?! Въ разъяренныхъ чувствахъ ежели, то я—левъ! Въ разгарѣ сердца я... у-у...

И когда проходили мимо стражника Лататухина, Гулевой угрожающимъ голосомъ снова крикнулъ:

— Я—левъ!

Лататухинъ покосился въ его сторону и предупредително замѣтилъ:

— На льва бываетъ клѣтка...

Гулевой обидѣлся:

— А вамъ что за дѣло? Вы тутъ чего? на старшемъ окладѣ, что ль?..

— Не выражайся!

— Ваша святая обязанность—рюмки обирать!

— Не выражайся,—говорю! А то...

Лататухинъ, лѣниво переваливаясь, надвинулся на нихъ. Оба—и Гулевой, и Романъ—молча и независимо, но одновременно, точно по уговору, подались въ сторону. И уже издали Романъ крикнулъ по адресу полиціи:

— Рюмочники! Поди, мерзавчика пожертвую!..

Лататухинъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ этого обличительнаго восклицанія. Не глядя на обидчиковъ, по прежнему лѣниво переваливаясь, онъ шелъ какъ бы въ сторону отъ нихъ. Но они поняли обходный маневръ и проворно отступили за предѣлы ярмарки. Зашли въ садъ къ дѣду Захару, теперь уже опустѣлый, грустный, одѣтый въ великолѣпный нарядъ осени.

Отсюда голоса ярмарки, звуки пѣсенъ и гомона были похожи на слитный шумъ далекаго овечьяго стада. Точно

гдѣ-то вдали по выжженой степи медленно бредетъ оно... Клубится бѣлая пыль. Пестрые голоса рябятъ и обгоняются, какъ мелкая зыбь, въ странный сливаются хоръ, и рѣзвой птицей надъ нимъ въется—извивается разливистый свистъ пастуха...

Выбѣгаютъ вверхъ, изъ мутнаго водоворота звуковъ, отдѣльныя восклицанія, бранчивыя и ласковыя. Всплеснетъ крѣпкое словцо, пробѣжитъ быстрый, мелко-колѣнчатый смѣхъ и снова тонетъ—въ раскатистомъ грохотѣ телѣги. Вотъ понеслась она вскачь, гикаетъ кто-то лихо и звонко, рѣзкій свистъ тонкимъ бичемъ взвивается надъ удалымъ крикомъ. И гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ пестраго гомона, устало поетъ пьяный хоръ, мѣшаются и путаются голоса, долго звенитъ въ воздухѣ подголосокъ и кто-то свиститъ—заливается, виляетъ причудливыми извивами. Бѣлымъ, недвижнымъ пологомъ стоитъ густая пыль надъ базаромъ.

— Фигура здоровая!—говоритъ презрительнымъ тономъ Гулевой, прибавляя крѣпкое выраженіе.

Романъ понимаетъ, что раздражительное выраженіе адресовано стражнику Лататухину. Протестъ запоздалый, безплодный. Въ глубинѣ сердца осѣло сознаніе обиднаго униженія: зачѣмъ они убоялись стражника? Надо было чѣмъ-нибудь облегчить обидную горечь этого сознанія.

— Туда же, куда и люди: передъ его лицомъ не кашляй!..

— Тоже, братъ, обращайся осторожно, особливо около заду... А то копытомъ дастъ: скотина брыкучая...

— Шумитъ, какъ все порядочный... А кабы ужъ человѣкъ...

— Не человѣкъ, а музей: въ одной мордѣ всѣ звѣрья собраны...

Бранились, издѣвались, а огорченіе росло и переливалось черезъ край: все-таки струсили, ушли съ ярмарки, а тамъ вотъ какое веселье, какой влекущій шумъ. Темнѣетъ. Ниже стала заря. Сквозь мелкое, сизо-черное кружево вербъ просвѣчиваютъ ея красныя брызги. Задрожали золотые огоньки на ярмаркѣ. Жмурятся, гаснутъ, вспыхиваютъ. Кружатся вмѣстѣ съ каруселями, присѣдаютъ, прячутся, выпрыгиваютъ снова, сходятся и расходятся. Смѣхъ дрожитъ. Веселый визгъ выбѣгаетъ наверхъ. Музыка, похожая на жалейки, мягко звенитъ и растекается струйками, какъ тихій вешній дождь въ лѣсу...

— Была не была, пойдемъ!—рѣшительно говоритъ Романъ:—наскочитъ—угожу свинцомъ...

— Очень свободно.

— Вотъ онъ... вѣрный мой товарищъ!..

Романъ вынулъ револьверъ и любовно потрогалъ его пальцами. Гулевой съ минуту почтительно безмолвствовалъ.

— Штучка славная!—сказалъ онъ, наконецъ:—съ этакой опасаться нечего...

— Волкъ собаки не боится, да лаю не любитъ!—съ достоинствомъ отвѣтилъ Романъ:—ну, идемъ, что-ль?..

Вернулись на ярмарку. Чтобы поднять духъ на должную высоту, зашли въ харчевню къ Букетову,—тутъ въ чайничкахъ, подъ видомъ чая, можно было достать водки.

Было людно, тѣсно, шумно. Кучка мазаныхъ казаковъ усталыми голосами горланила плясовую пѣсню:

А я ему... а я ему: Се-ре-жа-а...
А онъ меня... А онъ меня... Ну-у-къ-што-жа-а...

Передъ входомъ плясалъ казакъ безъ шапки, въ мокрой отъ испарины рубахѣ, забранной въ штаны. Вѣки у него были опущены, брови изумленно приподняты и на лицѣ лежало глубоко-серьезное выраженіе. Короткій, точно обрубленный, лубочно-грубый мотивъ частушки, съ усиліемъ выкрикиваемой усталыми, хриплыми голосами, какъ будто и родился тутъ, въ этомъ нелѣпомъ гвалтѣ, смрадѣ и грязи.

Среди тѣсно разставленныхъ столиковъ Романъ пролѣзъ къ стойкѣ, за которой стоялъ самъ Букетовъ. Острая мордочка, вся въ мелкихъ морщинахъ, безотрывно слѣдившая за всѣмъ, что было въ полуосвѣщенномъ мракѣ балагана, на минуту остановила на немъ пренебрежительно-дѣловой взглядъ зоркихъ, лисьихъ глазъ. Прошла по сердцу Романа горечь новой обиды,—даже Букетовъ чувствуетъ, что въ карманѣ у него—пустыня,—и вспыхнула ненависть къ этой дѣловитой, черствой фигуркѣ, передъ которой потныя, грязныя руки съ такой готовностью клали кучки мѣдяковъ и серебра.

— Водочки чайничекъ, Иванъ Анисимычъ, можно?

Слышитъ съ досадой Романъ заискивающія, просительныя ноты въ своемъ голосѣ, и хочется ему заплакать отъ злобнаго отчаянія.

— Какой размѣромъ?—сухо спросилъ Букетовъ.

— Полбутылецъ.

— Сорокъ.

— А за тридцать нельзя? Дороговато вѣдь сорокъ-то...

— Дорога своя голова, молодой человѣкъ, а для порядочныхъ людей это не деньги. А рыскъ ты ни во что кладешь? Хочешь—бери, нѣтъ—ослобони мѣсто: не ты одинъ...

Романъ съ болью въ сердцѣ положилъ двугривенный,

который далъ Гулевой, и свои послѣдніе мѣдяки. Букетовъ небрежно раздвинулъ ихъ пальцемъ, пересчиталъ и бросилъ въ окованную бѣлой жестью шкатулку. Они звякнули, какъ битое стекло.

Водка была теплая и отвратительная на вкусъ. Они пили и отплевывались. Стоялъ въ воздухѣ чадъ, запахъ подгорѣлаго постнаго масла, терпкаго пота, табаку. Разноголосый гамъ, какъ клубокъ пестрой шерсти, перекатывался отъ стола къ столу. Звенѣла посуда. Неистово-дикое пѣніе раздирало слухъ. Муть заполняла голову. Тошнило отъ выпитой водки.

— Таня Теряева давеча: „приходи,—говоритъ,—вечеромъ съ гармоніей",—сказалъ Романъ, подпирая руками отяжелѣвшую голову.

— Таня?.. Ничего, дѣвочка аккуратненькая. Не зѣвай, гляди...

Гулевой, качаясь впередъ, близко наклонялся къ нему и дышалъ въ лицо перегаромъ.

— А Фіенкѣ я ворота вымажу дегтемъ! Не захватывай сразу по многу... Платками любитъ брать...

— Дарилъ?

— Шелковый!.. Желтый...

— Желтый цвѣтъ—разлучный. Ты розовый подари.

— Я подарю! Я-а подарю!—крикнулъ Гулевой, глядя сердитымъ взглядомъ на Романа, и ударилъ кулакомъ по столу!—Она у меня перестанетъ ломаться въ поясу!..

Потомъ примирительно прибавилъ:

— Давай еще одну возьмемъ?

— А деньги?

— А вотъ она!—Гулевой досталъ изъ кошелька трехрублевку и съ достоинствомъ помахалъ ею въ воздухѣ. Романъ почтительно поглядѣлъ на эту грязную, захватанную бумажку, помолчалъ и снисходительнымъ тономъ выразилъ согласіе:

— Что же, можно...

Шатаясь и натыкаясь на столы, Гулевой съ трудомъ добрался до стойки. Онъ все старался показать себя болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Романъ пощупалъ въ карманѣ свой револьверъ и съ грустью подумалъ:

— Вѣрный мой товарищъ!..

Было мутно у него на душѣ, тоска сосала сердце. Похоже было, что онъ одинъ на свѣтѣ, что никто его не понимаетъ и не цѣнитъ, что даже бѣлокурая Таня Теряева,—у ней голубые глаза и веснушки на носу,—даже она подсмѣивается надъ нимъ... Но онъ докажетъ ей, что онъ уже взрослый человѣкъ... шутки шутить не охотникъ...

— Вѣрный мой товарищъ! — прошепталъ онъ, трогая ручку револьвера въ карманѣ. То, что онъ носилъ револьверъ, возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Онъ не связывалъ съ нимъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ или намѣреній,—ему просто казалось, что револьверъ долженъ придать ему вѣсу и нѣтъ только случая, чтобы воочію убѣдиться въ этомъ.

Изъ мутнаго роя пьяныхъ голосовъ до него долетѣлъ вдругъ задорно-бранный крикъ Гулевого:

— Ты не толкайся! А то я толкону,—отъ тебя мокро будетъ!

Онъ плеснулъ среди глухого, устало-разслабленнаго гомона, какъ ударъ зыбкаго удилища по водѣ, и пронесся надъ нимъ возбуждающимъ боевымъ кликомъ. Какъ-то сразу встрепенулся весь балаганъ и, какъ осыпавшаяся лавина, весело надвинулась толпа къ стойкѣ.

— Мошенникъ, с... с..!—кричалъ Гулевой, держа у груди чайникъ съ водкой:—думаешь, я зюзю съ табакомъ не выговорю—пьяный? Ты чего мнѣ съ трюшницы сдачи далъ? Одинъ полтинникъ? Давай мои деньги назадъ, на твою водку!

Романъ, весь дрожа отъ заигравшаго въ немъ боевого восторга, съ бьющимся сердцемъ протолкался черезъ стѣну любопытныхъ къ самой стойкѣ. Въ ушахъ у него прыгалъ нелѣпый мотивъ частушки: Се-ре-жа... ну-к-што-жа-а...

— Отойдите къ сторонкѣ! Не застьте!—звонкимъ, повелительнымъ голосомъ кричалъ Букетовъ, лѣвой рукой осторожно придвигая поближе къ себѣ шкатулку съ деньгами.

— Деньги отдай!—снова взмылъ голосъ Гулевого, дикій, озвѣрѣлый.

— Деньги тебѣ? С-часъ!—рѣшительно вздергивая головой, весь красный и кипящій, крикнулъ Букетовъ:—тебѣ деньги?

Онъ наклонился впередъ и правой рукой, которую держалъ все время подъ стойкой, сдѣлалъ быстрый, широкій взмахъ. Толстая нагайка звучно шлепнула по уху Гулевого. Толпа одобрительно охнула въ первый моментъ,—ловокъ былъ внезапный ударъ. Потомъ крикнули враждебные голоса:

— Это за что?..

Горячая волна хлынула въ голову Роману. Замутило въ глазахъ.

— Ты отдашь деньги аль нѣтъ?—задыхаясь, крикнулъ онъ и, ринувшись на Букетова, выдернулъ у него изъ-подъ руки шкатулку.

— Крра-у-улъ! Грабятъ!..—визгливымъ, испуганнымъ голосомъ закричалъ Букетовъ, и голосъ этотъ даже въ томъ бурномъ шумѣ и крикѣ, который вспыхнулъ вокругъ стойки, выдѣлился особенной оголтѣлостью: слышалось въ немъ озвѣрѣлое отчаяніе, захлебывающійся призывъ ко всему человѣчеству о защитѣ священнаго хозяйскаго живота.

Романъ обѣими руками поднялъ драгоцѣнную—довольно увѣсистую—шкатулку и бросилъ ею въ Букетова. Она пролетѣла мимо, раскрылась, зазвенѣли разсыпавшіяся монеты и разбитые чайники.

— Ты отдашь деньги!?—кричалъ Романъ, вскакивая на стойку подъ дико-ликующій крикъ сочувственныхъ голосовъ. Упоеніе схваткой опьянило его, наполнило сердце неиспытаннымъ восторгомъ. Онъ выхватилъ револьверъ и, не цѣлясь, ткнулъ въ сторону визжавшаго Букетова.

— Отдашь ай нѣтъ? Говори! Гра-би-тели!..

Раздался выстрѣлъ. На мигъ какъ будто стало тихо. Но съ новой силой взметнулся дикій, поощряющій ревъ, визгъ, звонъ, грохотъ. Десятки тяжелыхъ сапогъ застучали по стойкѣ. Хряснули доски отъ тяжести. Кто-то тяжелый, весь въ поту, хрипло дышащій, ткнулся на Романа, сбилъ его съ ногъ и самъ упалъ рядомъ. Потомъ огромное, ревущее темное покрыло ихъ обоихъ, придавило грузнымъ клубкомъ, смяло, перебросило раза два. Револьверъ выскользнулъ изъ руки, и Романъ въ отчаяніи укусилъ мокрую рубаху грузнаго человѣка, отъ котораго шелъ кислый запахъ калины...

Слѣдствіемъ было установлено, что Романъ Пономаревъ былъ зачинщикомъ разгрома харчевни мѣщанина Букетова и съ оружіемъ въ рукахъ покушался на захватъ денежной кассы. По распоряженію начальника области, дѣло о немъ было передано военному суду.

III.

За два мѣсяца до суда, 29 января, Романа перевели въ губернскую тюрьму.

Этапный трактъ изъ Устинска шелъ мимо родной станицы, въ полуверстѣ. Верстъ за десять начала мелькать церковка изъ-за красноватой каймы голыхъ вербъ. Потомъ выступили гумна съ побурѣвшими скирдами соломы, черными полосками на бѣломъ небѣ вырѣзались журавцы и шесты съ скворешнями. Вонъ и курени—маленькіе такіе

привѣтливые и кизячнымъ дымкомъ какъ будто наноситъ отъ нихъ. Сгрудились, какъ грибы на опушкѣ, бурыя соломенныя, зеленыя и красныя желѣзныя крыши съ пятнами снѣга. Улички—издали тоже словно игрушечныя, узкія, причудливо извилистыя, съ кучками золы и навозу у старыхъ, покилившихся плетней, съ бурой накатанной дорогой, съ воронами и галками возлѣ нея. Все старое, хорошо знакомое, родное... И все какъ будто новое въ тихой умилительной красотѣ своей и крѣпкой ласкѣ...

Толпа чернѣла у дороги. Подошли ближе. Слышны стали причитанія: мать, должно быть, голосила, старшая сестра Дуня, бабки, тетки... Въ саняхъ стоялъ обвязанный платкомъ Уласка,—лица его не было видно, но Романъ прежде всѣхъ узналъ эту маленькую, закутанную фигурку и задрожали, задергались губы отъ горькаго смятенія, туманомъ застлался свѣтъ въ глазахъ.

Партія была небольшая. Конвойная команда—сговорчивая. Урядникъ охотно принялъ подаяніе и для арестантовъ, и для себя. Съ готовностью согласился закусить,—отецъ Романа заранѣе приготовилъ угощеніе. Сдѣлали привалъ.

Родные, милые и ласковые, люди обступили Романа. Былъ онъ скованъ въ парѣ съ извозчикомъ Трофименкомъ, обвинявшимся въ ограбленіи монастыря. На одну минуту раздѣльно мелькнули знакомыя лица Гулевого, Хонтурятъ, Тани Теряевой съ заплаканными глазами, Фіонки, другихъ еще дѣвчатъ... Романъ сдѣлалъ усиліе и подбодрился. Подобрался, развернулъ грудь, улыбнулся. На щекахъ заигралъ стыдливый румянецъ молодости. Свободной рукой приподнялъ свой арестантскій шлычекъ,—въ дорогу нарядили его въ казенную одежду. И тотчасъ всѣ лица слились въ одно,—знакомое оно было, милое и жалѣющее, но смущенно опускался передъ нимъ взглядъ, хотѣлось скорѣй уйти отъ этой жалости и сочувствія къ незнакомымъ равнодушно любопытнымъ людямъ...

Вотъ мать, жалкая, растерзанная, изнемогающая въ отчаяніи. Ее держали подъ руки. Слезъ не было у нея, всѣ выплакала. Хрипло стонала и охала, хватаясь руками за грудь, и диковаты были ея выкрики, жалобный вой, стоны и причитанія... Чѣмъ утѣшить ее? чѣмъ поддержать угасающій духъ?.. Звенятъ кандалы, нѣтъ словъ бодрости и надежды... Упасть бы къ ногамъ ея, цѣловать ихъ, просить прощенія за муку ея...

Тронулись дальше. Передъ спускомъ въ лощину, отдѣляющую Глазуновъ отъ Скурихи, Романъ въ послѣдній разъ оглянулся на родимый уголъ. Изъ-за вербовыхъ рощъ выглядывали лишь кресты церковки да крылья вѣтряковъ,—дома

и гумна спрятались за деревьями. И тутъ ясно, до холоднаго ужаса, представилось Роману, что милое мѣсто это, тихое, обвѣянное теплымъ свѣтомъ дѣтскихъ воспоминаній,— навсегда остается тутъ. Такая пѣвуче радостная мечта неотступно вилась въ сердцѣ, что вернется онъ въ тѣсноватыя, но уютныя стѣны, которыя такъ знакомо пахнутъ печеной тыквой и дымкомъ, согрѣется, отдохнетъ отъ страшнаго кошмара... И вотъ — грустная и радостная — навсегда она отлетаетъ теперь. Задергался Романъ отъ беззвучныхъ рыданій:

— Земля! возьми меня!..

— Да ну-жъ цыть!—сказалъ ласково убѣждающимъ голосомъ Трофименко:—може и каторгу дадутъ...

— Годовъ съ двадцать,—прибавилъ голосъ сзади.

— Тоже — не медъ, — усмѣхнулся подвыпившій конвойный.

За мѣсяцъ до суда уѣхала Григорьевна въ городъ. Отговаривали ее долго отъ поѣздки: дорога дальняя, незнакомая...—по чугункѣ впервой поѣдетъ, — завезутъ куда-нибудь, и концовъ не найти. А помочь—чѣмъ поможетъ?

Всѣ отговаривали: и свои, и чужіе. Дѣдъ Захаръ отговаривалъ...

— Я тебѣ корову старую отдамъ,—останься. Отелится она скоро, кто за ней будетъ ходить? Говорю: останься!

— Поѣду...—упорно твердила она:—не ѣхать—все равно помереть...

— А тамъ не помрешь, думаешь? Въ одну минуту! Отъ испуга—вразъ! Сердце у тебя больное, на ладонъ дышишь. Испужаешься—вотъ и готова!.. Этихъ-то дѣтей пожалѣла бы,—четверо!.. Романъ чего искалъ, то и нашелъ, а эти чѣмъ причинны—безъ матери останутся?..

Можетъ быть, и правильны были эти соображенія, но не мирилось съ ними ея сердце. Жалко, безъ конца жалко покидать и этихъ малышей,—вонъ сколько ихъ, въ каждомъ углу по одному,—но не въ силахъ она бросить на произволъ судьбы своего кровнаго, обреченнаго своего сына...

— Поѣду—хоть разочекъ разъединый взгляну на свою чадушку милую...—Она причитала низкимъ, воющимъ голосомъ, обрывающимся и хриплымъ,—и звучало въ немъ бездонное отчаяніе.—Вѣдь подъ сердцемъ я его носила... вынянчила... Онъ у меня какъ господскій былъ... нѣжный, расхорошій-хорошій...

— Зря лишь въ расходы войдешь... Шутка сказать: за сколько сотъ верстъ ѣхать,—не бараній хвостъ... А чего сдѣлаешь? Баба—и умъ бабій у тебя...

— Чего сдѣлаю?.. Осудятъ на казнь Ромашку, — упаду въ копыта къ начальникамъ, умолю: хочь тѣло-то его дайте увезть домой!.. Господа Бога умолю, чтобы не допустилъ его лечь на чужой сторонѣ въ темную могилу... Все дома-то легче лежать: родные свои соберутся, голосокъ проведутъ... А на чужой сторонѣ лишь птица вольная прокричитъ надъ тѣсною домовинкой...

И не столько слова, сколько слезы ея были убѣдительны. Раскошелился дѣдъ Захаръ, далъ четвертной билетъ на дорогу. Быковъ продали. Собралось рублей съ сотню. Опытные люди совѣтовали адвоката нанять: не отстоитъ ли адвокатъ, адвокаты зубасты на слова...

Свекровь говорила:

— Ничего ты сама не умолишь, ничего не упросишь... Не съ бабьей ухваткой дѣла эти дѣлаются... Кто знаетъ—не знаетъ, а я-то прошла ужъ всѣ эти участи... Ѣздила въ свое время. На бугоркѣ тамъ посидѣла-посидѣла, съ тѣмъ и уѣхала...

— Хочь на бугоркѣ посижу, и то сердцу легче...

— Ну, уѣзжай, посиди,—что съ тобой подѣлаешь... Найди тамъ и мое теплое мѣстечко, гдѣ я сидѣла... Тоже не одна горькая былинка и отъ моихъ слезъ тамъ взошла—выросла,—пришлось зачерпнуть горя...

Всѣ знали ея исторію, далекую горечь которой затянуло уже забвеніе,—но любила стуруха изрѣдка ворохнуть старыя тѣни, воскресить былую печаль, тихій ропотъ, поздній и безплодный, послать къ Богу, творящему праведный судъ.

— Перваго то моего мужа вѣдь прямо со службы въ Сибирь угнали. Зыкъ услыхали: въ Черкасскѣ, молъ, осужденъ на вѣчное. Распутица была какъ разъ. Летучекъ то этихъ тогда не было, окромя лошадей. Говорю свекору съ свекровьей: благословите поѣхать. Они было отговаривать: вотъ, молъ, отработаемся, путь поправится.—Нѣтъ, молъ, сейчасъ, сію минуту, время зря нечего терять...—„Ну, ѣзжай, погляди. Годочекъ, молъ, ты съ нимъ только и пожила,— лишь кровь успѣли помѣшать, а вотъ, стало быть, за чей то грѣхъ Господь разрушилъ счастье ваше"... Поѣхала. Еще со мной одна бабочка увязалась, односумка, въ одномъ полку мужья наши служили, за одно дѣло и суждены были. Недѣли двѣ ѣхали. Лошади то добрыя были, да мы то, бабенки глупыя, все путляли, не попадали по прямой дорогѣ...

Качаетъ головой, грустно усмѣхается старуха: какъ далеко отошло назадъ это время и какъ таинственно протянулась длинная вереница годовъ...

— Ѣду, сама думаю: годъ я съ нимъ всего пожила,—

ушелъ служить... угадаю ли его въ тюрьмѣ? Кабы къ кому чужому не броситься на шею?.. Страхъ беретъ. Пріѣхали. Обошли все начальство. Попроще нынѣшнаго тогда было, а все съ покупочкой: всякъ сучекъ любитъ взять клочокъ... Пока ходили да окупали того да другого, пока добились разрѣшенія, а ихъ етапъ и ушелъ. Двухъ денъ не успѣли... Головушки наши горькія!.. Сѣли на кургашкѣ, голосомъ закричали: дружки вы наши милые, соколы ясные! Ваши пташки возлѣ васъ кричали, голосами васъ кликали, а вы подъ крѣпкими замками сидѣли, голосочковъ нашихъ не слыхали, къ намъ не вырвались!.. И съ чѣмъ мы, горькія, къ старымъ пріѣдемъ, что разскажемъ имъ?.. Покричали-покричали да и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ... Кургашекъ то я энтотъ знаю... знаю я его... Найди тамъ мое теплое мѣстечко...

Старое давнее было горе, а скорбь въ немъ звучала знакомая и близкая, точно не лежала вереница годовъ между нимъ и этими плачущими людьми, послѣ родившимися, выросшими и уже успѣвшими увянуть...

IV.

Ѣзда по чугункѣ показалась Григорьевнѣ верхомъ удобства. Сперва боялась, какъ бы не завезли невѣдомо куда, и все просила добрыхъ людей сказать ей, много ли до города станцій. Потомъ успокоилась: нашлись попутчики, люди словоохотливые и участливые, съ ними и доѣхала благополучно до самаго мѣста. Сиротливо почувствовала себя лишь на вокзалѣ,—ушли ея спутники, каждый въ свою сторону, а она съ мѣшками и узлами осталась одна и не знала, куда ей направиться. Народъ кругомъ чужой, дѣловой, неразговорчивый. Извозчикъ заломилъ безбожную цѣну—40 копѣекъ. Пробовала торговаться, — не уступаютъ: всѣ, какъ сговорились,—40 копѣекъ, 40 копѣекъ...

— Садись, одно знай! У насъ—такція. Что въ аптекѣ, то и у насъ: копѣйки нельзя сбросить... Куда ѣхать?

— Да къ Лександрѣ Митричу!

— Къ какому такому?

— Да офицеръ онъ. Изъ ученыхъ. По лѣсной части...

— Мало тутъ офицеровъ!

— Женился недавно. Хозяйку Лександрой Григорьевной звать...

— Очень пріятно... Но только ежели улицу не скажешь, ѣхать намъ съ тобой, тетка, некуда. Иди до полицейскаго, спрашивай. Улицу! Понимаешь?

— Да вотъ замстило мнѣ улицу то... Голова то у меня больная. Горбатая улица? Кажись такъ то... Горбатая...

— Есть Горбатая. А домъ подъ какимъ номеромъ?

— А домъ не назову... Горбатая улица, горбатый домъ... какъ то этакъ, ну—быть...

— Ну, на Горбатой, може, найдемъ. Садись.

Нашли таки. Разспрашивали у встрѣчныхъ, въ дворы заглядывали. И какъ разъ молодая барыня Александра Григорьевна въ окно угадала свою станичницу. Правда, видно, сказана: на чужой сторонушкѣ радъ своей воронушкѣ. Обрадовалась, какъ роднѣ, накормила, чаемъ напоила, обо всемъ разспросила. Обсудили сообща планъ дѣйствій: прежде всего въ прокурорскій надзоръ сходить—за удостовѣреніемъ для пропуска въ тюрьму,—очень ужъ хотѣлось Григорьевнѣ поскорѣй сынка увидѣть. А послѣ—насчетъ адвокатовъ похлопотать.

Привелъ ее Александръ Дмитріевичъ въ судъ. Поговорилъ съ курьеромъ, сунулъ ему въ руку какую то монету и ушелъ. Осталась Григорьевна на попеченіи этого, усатаго старика въ медаляхъ. Входило и проходило наверхъ много народу. Были и господа, и простые люди. Нѣкоторымъ швейцаръ низко кланялся, — должно быть, важные начальники были. Раза два спрашивала у старика Григорьевна:

— Это кто, дяденька? Не къ моей части?

— Не къ твоей. Я скажу. Сиди.

Долго-таки сидѣла, заскучала даже. Наконецъ, пришелъ какой то тонконогій, остриженный голо, какъ татаринъ. Засуетился около него старикъ, взялъ изъ рукъ сумку съ бумагами, шубу снялъ. Тонконогій пошелъ наверхъ, проворно перескакивая черезъ двѣ ступеньки.

— Иди вотъ за этимъ бариномъ!—сказалъ усатый старикъ Григорьевнѣ.

Перекрестилась Григорьевна, пошла. Какъ будто и старалась поспѣть за тонконогимъ, а шуба на ней овчинная, тяжелая, ноги путаетъ. Отстала, потеряла изъ виду голо остриженный затылокъ тонконогаго барина, не замѣтила, въ какую дверь онъ шмыгнулъ. Ходила—ходила она по этому большому зданію, совсѣмъ потерялась. Подошла съ поклономъ къ курьеру — къ иному, не къ тому, который внизу стоялъ. Суровый человѣкъ, говоритъ неохотно, строго, высокомѣрно. Буркнулъ, точно кобель съ просонокъ гавкнулъ:

— Направо... Пятая дверь на лѣвой сторонѣ!..

Пошла. Опять не туда попала. Накричали на нее. Упало сердце. Тяжело на чужой сторонѣ, всякая муха норовитъ по губамъ шлепнуть и оборониться нечѣмъ...

Направилась опять внизъ, къ старику въ медаляхъ. Но

тутъ, слава Богу, тотъ самый тонконогій баринъ, который ускользнулъ отъ нея, какъ разъ вышелъ изъ одной двери и прямо на нее наткнулся. Ухватилась за него Григорьевна:

— Къ вашей милости, ваше благородіе! Заставьте вѣчно Богу молить...

— Ну что? въ чемъ дѣло? Поскорѣй только.. пожалуйста, поскорѣй...

Не сразу разсказала она, въ чемъ дѣло. Баринъ все подгонялъ нетерпѣливо.

— Скорѣй, скорѣй!... Слѣдствіе закончено! У какого слѣдователя было дѣло? Какого участка?

Откуда же она знаетъ? Залилась лишь обильными слезами. Повторяла, что она — мать Роману и вины за нимъ, какъ передъ Богомъ, никакой не сознаетъ.

— Да онъ откуда, — скажите ради Бога? Можетъ, изъ Грушевки?

Не изъ Грушевки, конечно, былъ Романъ, но взяла она грѣха на душу, поддакнула,—авось, выйдетъ что-нибудь на пользу:

— Изъ Грушевки.

— Такъ бы давно и сказала!

Велѣлъ чиновнику написать пропускъ. Опросилъ чиновникъ имя, фамилію и званіе, написалъ бумагу. И не медля ни минуты, поспѣшила она съ этой бумагой къ тюрьмѣ. Думала, что порядокъ такой же, какъ въ Устинскѣ: когда ни придти, пускаютъ. Но у воротъ тюрьмы дежурный надзиратель сказалъ ей сурово и холодно:

— По воскресеньямъ у насъ впускъ на свиданія.

Было это во вторникъ. Стала просить: нельзя ли хоть передачу сдѣлать? До воскресенья—цѣлая вѣчность. Неужели онъ, ея сыночекъ, такъ и не будетъ знать, что она тутъ, возлѣ него, отдѣленная нѣсколькими саженями разстоянія да каменной стѣной?.. Нѣтъ, и передача не разрѣшается.

Съ теплымъ, благодарнымъ чувствомъ вспомнила она устинскій острогъ: все то тамъ было по простому, сердечно такъ, по людски... прокурорша ласковая такая, сама пропуски писала. А тутъ, точно кобель на цѣпи, этотъ грубый привратникъ:

— До воскресенья! До воскресенья!..

Вспомнила слова свекрови: всякъ сучокъ любитъ клочокъ. Полѣзла въ карманъ, два пятака достала:

— На вотъ, дяденька, на табачекъ тебѣ.

Взялъ. Нѣсколько смягчился, разговорчивѣе сталъ. Но ничего утѣшительнаго не прибавилъ. Свиданія только по воскресеньямъ. Можно, пожалуй, повидать сына и въ суб-

боту, если попроситься къ обѣднѣ. Теперь арестанты говѣютъ, ходятъ въ церковь,—въ церкви можно увидѣть.

— Только — безо всякаго разговору!..

Насчетъ передачи тоже раньше воскресенья и думать нечего. Потерпѣть придется. Напослѣдокъ, упавшимъ голосомъ спросила она:

— Кусковое сало пропущаютъ, аи нѣтъ?

— Все пропущаемъ, что законное.

— А то у меня сумлѣніе: постъ, молъ, разрѣшатъ ли?

— Пропущаемъ, пропущаемъ...

Вышла она на горку, съ которой видна была внутренность тюремнаго двора,—тюрьма сидѣла внизу, у самой рѣчки,— и стала глядѣть съ тоской на маленькія окошки мрачнаго кирпичнаго зданія, на сѣрыя фигуры, проходившія по двору съ метлами, съ вязанками дровъ, съ мѣдными жбанами. Гдѣ то онъ есть тутъ, ея сынокъ ненаглядный? Чуетъ ли его сердечушко, что матушка его родимая вьется, какъ пташка, передъ темной его темницей?.. И долго заливалась она горючими слезами.

Женщина съ желтымъ, больнымъ лицомъ подымалась въ гору съ коромысломъ на плечахъ. Остановилась передохнуть. Поглядѣла на Григорьевну умнымъ взглядомъ печальныхъ глазъ и спросила просто:

— Сидишь?... Ждешь?..

Точно догадывалась, почему она сидитъ тутъ, кого ждетъ... Оглянулась на мрачное зданіе.

— На этомъ кургашкѣ много нашей сестры пересидѣло... Кабы вѣтеръ развѣялъ эту гору, да раскрылъ бы всѣ слезы материнскія,—рѣчушка бы изъ береговъ вышла... Кого же? мужа? аль сына?

— Сына. Да вотъ... впуску нѣту...

— И не пустятъ. Имъ что... ни холодно, ни жарко... Не впустятъ...

— Привратникъ, какъ кобель на цѣпи: до воскресенья! до воскресенья!..

Посидѣла съ Григорьевной женщина, разспросила, за какое дѣло сынъ сидитъ? Понимала она различіе въ дѣлахъ, какія политическія, какія—уголовныя, — и дала полезный совѣтъ Григорьевнѣ:

— Ты смотри вонъ въ энту сторону, на лѣвое крыло. Политическіе всѣ тамъ сидятъ. Въ два часа имъ прогулка бываетъ. Завтра приди,—можетъ, угадаешь...

Она сидѣла, пока было свѣтло, и не сводила глазъ съ маленькихъ окошекъ. Ждала смутно и безнадежно: не выглянетъ ли родное лицо въ какую-нибудь изъ этихъ черныхъ дыръ? Почудилось одинъ разъ: кто то въ бѣлой ру

башкѣ показался въ крайнемъ окнѣ, какъ будто поглядѣлъ въ ея сторону... Сердце остановилось. Не онъ ли? Не Ромушка ли?.. Встала, руку приложила къ глазамъ, глядитъ, шепчетъ:

— Чадушка моя! подсказало, знать, тебѣ сердечушко, что тутъ твоя горюша горькая ждетъ?..

Пристально глядитъ, да ничего не видитъ: слезы застилаютъ весь свѣтъ...

На другой день опять пришла къ воротамъ тюрьмы,—съ самаго утра. Терпѣнья не было: опять попыталась просить, не пустятъ ли? Вѣдь въ Устинскѣ пускали, когда ни приди,—почему бы и тутъ не пустить? Взяла домашнихъ гостинцевъ, купила булокъ, баранокъ. Большой узелъ принесла...

Не пустили.

Опять сѣла на горкѣ. И долго смотрѣла въ окошки того корпуса, гдѣ сидѣли политическіе. Въ два часа изъ темной двери корпуса въ тотъ уголъ двора, гдѣ торчало нѣсколько тощихъ деревьевъ съ голыми вѣтвями, вышла цѣпь сѣрыхъ и темныхъ фигуръ и начала кружиться по узкому каменному помосту, который охватывалъ этотъ маленькій садикъ. Догадалась Григорьевна, что это то и есть прогулка. Сердце встрепенулось и забилось у ней въ груди, какъ подстрѣленная горлинка: гдѣ онъ? Тутъ ли ея сынокъ родимый?...

Встала, жадно всматриваясь въ живую цѣпь. Были странно одинаковы сѣрыя фигуры, торопливо шагали одна за другой, сохраняя одинаковую дистанцію и дѣловитость въ своемъ безцѣльномъ, однообразномъ движеніи. И острая жалость прошла ея сердце,—точно всѣ эти сѣрые люди были самыми близкими, самыми дорогими существами для нея...

— Ромушка! родимая моя чадушка! сердечная моя! да распечатай ты свои уста, промолви мнѣ хоть единое словечушко!..

И вотъ,—показалось ли это ей, или такъ оно и было,— кто-то изъ цѣпи гуляющихъ снялъ круглую сѣрую шапочку, поклонился ей. И на мгновеніе у нея перехватило дыханіе... Онъ...

— Болѣзный мой!.. Доказало его сердечушко...

Цѣпь кружилась, не останавливаясь. И скоро она потеряла изъ виду того, кто ей поклонился. Поочередно на каждомъ останавливались глаза ея, наполненные слезами, спрашивали. Но безмолвно и дѣловито шагали люди въ сѣромъ и темномъ платьѣ, неподвижно стояли три часовыхъ, и суровою тайной вѣяло отъ темнаго корпуса съ маленькими окошками, похожими на дыры.

V.

Ходила по адвокатамъ вмѣстѣ съ Александромъ Дмитричемъ. Сперва побывали у Николая Иваныча, а потомъ зашли еще къ нѣсколькимъ, пока не остановились на Соломонѣ Ильичѣ. Николай Иванычъ сразу внушилъ ей довѣріе къ себѣ: толстый такой, мягкій, рѣчь неторопливая, вразумительная, каждое слово можно понять. И даже, когда совсѣмъ безнадежныя вещи говорилъ, на душѣ спокойно было, точно сномъ обвѣвалъ басовитый его голосъ.

Посмотрѣлъ обвинительный актъ, помычалъ и сказалъ:

— Шваховатое дѣло!.. Одному трудно. Еще кого-нибудь пригласите.

Александръ Дмитричъ спросилъ:

— Къ кому бы вы порекомендовали?

— Да мнѣ безразлично. Съ кѣмъ сами условитесь.

— Никого я тутъ не знаю, родимый мой,—сказала Григорьевна, склоняя голову на бокъ.

— Да тутъ и знать не требуется, тетка: дѣло наше — ремесленное.

Хотѣлось Григорьевнѣ разсказать о своей бѣдности, о томъ, что продали пару быковъ да изъ кассы зачерпнули долгу, лишь бы наскресть грошей, чтобы спасти Ромушку. Но не сказала, побоялась, что не доставитъ этимъ особаго удовольствія Николаю Иванычу.

Помолчали. Объ ея ли дѣлѣ думали, или о своихъ, но долго оба—и Николай Иванычъ, и Александръ Дмитричъ— безмолвствовали. Страхъ заползалъ въ душу Григорьевны: трудно, видно, спасти Ромушку. Потомъ Николай Иванычъ громко зѣвнулъ и сказалъ, обращаясь не къ Григорьевнѣ, а къ ея спутнику и руководителю:

— Попробуйте къ Гинзбургу.

Показалось Григорьевнѣ, что замялся, будто, Александръ Дмитричъ. Потомъ вполголоса спросилъ что-то у Николая Иваныча. Не очень поняла этотъ вопросъ Григорьевна, но ухомъ уловила:

— А какъ вы полагаете: для военныхъ судей не лучше ли бы кого... поправославнѣй?..

Николай Иванычъ поскребъ затылокъ, шумно вздохнулъ и сказалъ:

— Обстоятельство, не лишенное значеніе, конечно... Соображеніе правильное. Ну, къ Карякину толкнитесь... если онъ дома...

Заходили къ Карякину и еще къ двумъ адвокатамъ. Не

застали дома. Къ Соломону Ильичу зашли уже напослѣдокъ. Не показался онъ Григорьевнѣ: жидкій на видъ, черный,— черныхъ она не любила, всѣхъ за цыганъ считала,—суетной, какъ молодой песикъ. Говоритъ быстро, часто, трещоткой трещитъ и ничего у него не разберешь. Когда вышли отъ него, Григорьевна спросила у Александра Дмитрича:

— Онъ изъ какихъ?

— Еврей. А что?

Замялась. Хотѣлось ей сказать: устоитъ ли еврей-то? можно ли понадѣяться? Вѣдь они Христа распяли. Но не сказала. Замѣтила лишь несмѣло и осторожно:

— Больно парень-то вертокъ... гомозной...

... Почти всѣ дни проходили у нея однообразнымъ порядкомъ. Съ утра брала она узелокъ съ гостинцами, сумку съ увачиками и шла къ тюрьмѣ. Знала, что не пустятъ, но не сидѣлось ей дома. Все думалось: а вдругъ какимъ-нибудь случаемъ да удастся проникнуть за тяжелыя ворота тюрьмы? А то, можетъ, встрѣтить нечаянно Ромушку,—вѣдь мимо нея часто проводили ихъ—въ круглыхъ зипунишечкахъ и сѣрыхъ шлычкахъ. Чужіе все это были люди... Грубыя лица, непріязненно изучающіе взгляды, позорная одежда, а жалостливо лѣпилось къ нимъ сердце, плакало, задумывалось надъ печальной и горькой жизнью ихъ... И сталъ для нея привычнымъ и близкимъ мѣстомъ крутой яръ, съ котораго она смотрѣла на тюрьму.

Въ субботу она пришла къ своимъ молодымъ хозяевамъ съ такимъ веселымъ, просвѣтлѣвшимъ лицомъ, что они изумились, точно молодость, беспечальная и удалая, осѣнила ее на минуту своимъ крыломъ.

— Ну, надула таки я начальниковъ!—съ радостнымъ возбужденіемъ разсказывала она:—до воскресенья, до воскресенья!.. А я нынче къ обѣднѣ къ нимъ выпросилась, вотъ и Ромушка... Вотъ-вотъ, возлѣ меня прошелъ, лишь не заговорилъ... румянцемъ щеки подернулись...

Непослушныя бѣжали слезы по щекамъ, но она улыбалась и спѣшила передать всю свою радость.

— По... поклонился мнѣ... Въ запунишечкѣ въ сѣромъ... Рубаха холстинная...

Воспоминаніе объ арестантскомъ одѣяніи взволновало ее и перехватило голосъ: вся жизнь, ужасная, безрадостная, полная тоски и отчаянія, жизнь каземата, глядѣла на нее изъ этого сѣраго зипуна и холщевой, раскрывавшейся на груди рубахи, изъ-за которой глянуло на нее жалкое, худое тѣло сына.

— Даже, моя чадушка, смѣнился съ лица,—безсильнымъ

голосомъ, сквозь подавляемыя рыданія, прошептала она:— какъ и не Ромушка... худой, худой...

И тотчасъ же новымъ, дѣловымъ тономъ прибавила:

— За здравіе подала... Просвирочку ему отослала. И причащаютъ-то ихъ въ кандалахъ... Хочь бы къ причастію-то снимали...

И она задумалась, не въ первый разъ за послѣднее время, надъ новымъ, страшнымъ лицомъ жизни, прежде невѣдомымъ, открывшимся ей черезъ нечаянное, необычное горе. Близко прошли передъ ней людскія страданія, глухія и безгласныя, но скрытая боль трепетала и билась, и кричала въ нихъ къ раненому сердцу. Ледянымъ вѣтромъ повѣяла ей въ лицо разсчитанная жесткость людей, держащихъ власть, ихъ холодное равнодушіе къ чужой боли. Впервые ясно вставала передъ ней возмущающая духъ неправда міра, и нѣмой бунтъ подымался въ темной, закутанной душѣ. Вспоминался смутный, мелькомъ слышанный зыкъ о людяхъ возстающихъ, полагающихъ души за други своя, ищущихъ новой правды и новаго Бога... И стали близки ей ихъ цѣпи и мученія, наивныя молитвы о нихъ слала она къ небу... Словно къ ихъ славнымъ рядамъ отодвинутъ былъ и сынъ ея...

— Погляжу я, погляжу такъ-то по нимъ по всѣмъ,— продолжала она, подпирая щеку рукой:—нѣтъ краше моего Ромушки!.. Молоденькій да зелененькій, какъ зеленый купырикъ... Задумаюсь: да неужли же умретъ онъ смертью позорною, напрасною?.. Сердце закатится!.. Да рѣшусь я своего чадушки милаго?.. Нѣтъ, жива не останусь...

Былъ такъ горестно выразителенъ ея ужасъ передъ надвигающимся ударомъ, такъ сжимало сердце ея материнское отчаяніе, что съ ней вмѣстѣ плакали и Александра Григорьевна, и знакомая ея Зинаида Андреевна, и кухарка. Лишь Александръ Дмитричъ да другой офицеръ—Акимъ Пудычъ,—сердито увѣщающимъ тономъ говорили:

— Ну, нечего тамъ слезокапить! Пока судъ да дѣло, вы тутъ сырость такую разведете... Чего раньше смерти помирать? Все, слава Богу, устроила, адвокатовъ наняла,—хоть и домой можешь поѣхать... Чего же еще?

— Домой-то ѣхать у меня самой коготки свистятъ...— утирая глаза концомъ платка, говорила Григорьевна:—тамъ вѣдь четверо ихъ у меня осталось... Сердце-то изболѣло объ нихъ!.. Да ужъ дождусь. Жива буду—не буду, а дождусь... Осудятъ Ромушку на казнь, хочь платье его заберу отсюда: тройка у него хорошая... щиблеты съ калошами... пальто новенькое... Съ акціёна продадутъ ни за копѣйку.

Домой возьму,—тамъ изъ ребятъ Панкратъ или Уласка будутъ носить да поминать...

... День свиданія, установленный тюремными правилами—воскресенье, котораго она ждала съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ, разочаровалъ и разогорчилъ ее.

Она съ утра отправилась къ тюрьмѣ. Взяла сумку съ сухарями, булки, баранки, чай, сахаръ, лимонъ и пришла къ знакомымъ воротамъ часовъ за пять до впуска. Сперва одна сидѣла, а потомъ стали подходить и подъѣзжать люди. Всякаго званія тутъ были: и простые, и по-господски одѣтые, и старые, и молодые, и женщины, и мужчины. И у всѣхъ въ очахъ читала она одно горе и одну печаль. Оттого своя, личная боль, точно расплывалась въ общемъ морѣ скорби, обиженное сердце само угадывало чужую обиду и сливалось воедино съ другими сердцами, какъ малый ручей падаетъ въ могучую рѣку.

— Жди—не жди, придетъ день—рѣшатъ подъ одинъ итогъ... Кабы у нихъ крестъ на шеѣ былъ,—нѣту у нихъ его... У меня вотъ тоже сына... порѣшили...

Бѣлая голова и борода, тѣло сухое, изношенное, дугой согнуты плечи. На синемъ халатѣ георгіевскій крестикъ. Старый герой видалъ смерть близко, а вотъ дрожитъ голосъ и дрожитъ рука съ двумя обрубленными пальцами, отирая непослушную слезу.

— Въ Петербургъ ѣздилъ. Явлюсь, думаю, лично къ государю императору, упаду въ ноги: „я“, молъ, „служилъ, ваше величество, кровь проливалъ“... Пріѣхалъ. Туда-сюда, нѣтъ—не допускаютъ. Назадъ повернули.—„Подай“, говорятъ, „телеграмму большой скоростью“... Подалъ телеграмму, вотъ жду... сна рѣшился... кусокъ въ горло нейдетъ... Были, говорятъ, таковые примѣры?.. Скощали на каторгу?..

Тоска и робкое ожиданіе въ старыхъ, выцвѣтшихъ глазахъ.

— Быть-то были... „На усмотрѣніе командующаго“.

— Командующаго?.. Что-жъ, буду у командующаго ногъ искать...

— Ну, у этого рѣчь одна: „рука не дрогнетъ,—подпишу“... Тѣмъ хвалится...

Холодъ безпросвѣтнаго отчаянія вползалъ въ душу отъ этихъ медлительныхъ, обрывающихся фразъ. Чуть мерцали вдали, далеко-далеко, искорки боязливой надежды, которая поддерживала силы метаться по этому городу, искать, просить, толкаться въ страшныя двери невѣдомыхъ учрежденій. Мерцали и гасли... Съ безнадежной ясностью выступала тѣснота и безвыходность жизни, безсиліе материнскихъ слезъ,

жестокое могущество и равнодушіе владыкъ жизни... Каждый новый шагъ приносилъ новую язву сердцу и новое горестное изумленіе: неужели это все нарочно сдѣлано такъ, чтобы дать почувствовать всю тяжесть и обиду безсилія, незащищенности, рабства?..

Надзиратели изрѣзали и искрошили все, что она принесла для передачи. Даже лимонъ разрѣзали. Съ нѣмымъ негодованіемъ посѣтители тюрьмы смотрѣли, какъ неопрятныя солдатскія руки сгребали въ кучу куски пирога, сахара, фруктовъ, колбасы, разсыпанный чай. Чувствовалось нарочитое издѣвательство въ этомъ, упоеніе чужимъ горемъ и обнаженностью. И было удивительно, какъ эта черта безмѣрной черствости вспухла до такой степени у людей, которые вышли изъ нѣдръ вѣчно обижаемой жизни и снова вернутся туда же?..

Обстановка свиданія была совсѣмъ, совсѣмъ не та, что въ устинской тюрьмѣ. Тамъ, бывало, проводятъ въ предбанникъ, а въ теплое время располагайся на дворѣ, гдѣ хочешь. Сядетъ, бывало, Григорьевна рядкомъ съ своимъ Ромушкой, погладитъ его головушку, удалую и неразумную, поплачутъ оба. Изрѣдка обмѣняются словомъ-другимъ, а больше молчатъ,—хорошо помолчать вмѣстѣ... А тутъ загнали въ какія-то клѣтки, и далеко, у противоположной стѣны, сквозь двѣ проволочныхъ сѣтки, чуть обозначается милое, родное лицо,—гдѣ ужъ его разсмотрѣть сквозь слезы!.. Умѣютъ злые начальники оцарапать незаживающую рану сердца, дать почувствовать всю горечь разъединенія и тѣсной неволи... Кругомъ шумъ, гомонъ, плачъ,—мудрено тутъ поговорить о чемъ-нибудь сердечномъ и тайномъ, ненужномъ чужому уху.

Да и въ клѣткахъ-то этихъ не дали побыть: едва успѣла оглядѣться, приспособиться къ шуму и обмѣняться парой словъ,—велятъ выходить вонъ. Покланялись черезъ проволочныя сѣтки другъ другу, да и разошлись. И одна тюрьма знаетъ, сколько накипѣвшихъ слезъ осѣло ржавчиной въ сердцѣ...

Спрашивалъ Ромушка, какъ по желѣзной дорогѣ ѣхала—не боялась ли, никогда вѣдь раньше не видала ея. Про Уласку раза три спросилъ, много ли выросъ? Потомъ еще что-то говорилъ, да плохо слышно было, и она кричала ему:

— Батя поклонъ прислалъ! Запилъ, какъ мнѣ ѣхать: сбагрилъ въ закрому мѣшочекъ мучицы да отнесъ Михайлѣ Степанычу... Дунюшка, Танька, Панкратка кланяться велѣли. Уласка-то ѣхать все собирался.—„Поѣду къ Ромушкѣ, мамуня“...

Опять что-то спрашивалъ онъ,—не могла разобрать. Рѣшила, что о томъ, какъ въ городѣ устроилась?

— Ничего, хорошо. У станичниковъ живу, у Александры Митрича. А еще есть офицеръ Акимъ Пудычъ, у него тоже прибиваюсь. Ничего... Скучно лишь, и-и, бѣды-ы!.. Всѣ дощечки слезами у нихъ омочу, видно... Въ городѣ тутъ—не какъ у насъ: у насъ выйдешь на базъ,—отъ плетня до плетня десятина разстоянія. А тутъ выйдешь изъ избы,—либо заборъ вотъ сейчасъ, а то опять изба... На одномъ помѣстьѣ сколько сараевъ да домовъ. Бѣды-ы!..

Но видно, что плохо слышалъ онъ ея сужденія и глядѣлъ на нее молча, съ жаднымъ вниманіемъ истосковавшагося ястребенка.

— Адвокатовъ двоихъ приговорила,—прокричала она ему, чтобы подбодрить его хоть маленькой надеждой:—можетъ, Богъ дастъ, двое-то и устоятъ какъ...

Про адвокатовъ услышалъ. Спросилъ: какъ по фамиліямъ? Александръ Дмитричъ записалъ ей ихъ на бумажку, велѣлъ заявленіе сдѣлать. Одну фамилію она помнила—Николая Иваныча: Елкинъ. А другую—Соломона Ильича—забыла.

— Чудно какъ-то... Такой чернявенькій. Изъ жидковъ. Суетной такой, верткій, чисто—ртуть...

— Фамилію надо!

— Да не выговорю! Какъ его, идола,—дай Богъ памяти!.. Да она у меня вотъ на бумажкѣ... Гомозный, чернявый такой...

Показала бумажку. И какъ только она помахала ею въ воздухѣ, въ ту же минуту коршуномъ налетѣлъ надзиратель и отобралъ листокъ.

— Нельзя этого!—сказалъ онъ странно-ликующимъ голосомъ.

И понесъ его къ офицеру.

— Да ты, дяденька, хочь и самъ прочти!—кричала вслѣдъ ему Григорьевна, обрадовавшись неожиданному обороту дѣла:—а то я грамотѣ не умѣю... Насчетъ адвоката...

Офицеръ внимательно осмотрѣлъ бумажку и отдалъ назадъ. Надзиратель съ разочарованнымъ видомъ вернулъ ее Григорьевнѣ.

— Уважь, дяденька, прочти мнѣ... Забыла, а грамотѣ не знаю. Про адвоката Соломона Ильича... Прозвище забыла...

Онъ уважилъ. Прочиталъ: Гинзбургъ, Соломонъ Ильичъ...

— Ну, вотъ-вотъ! Енборсъ, Енборсъ! Такъ-то... такъ и есть... Енборсъ, чадушка моя, Соломонъ Ильичъ Енборсъ!—закричала она сыну, махая бумажкой.

VI.

Всю ночь передъ судомъ она не сомкнула глазъ. Болѣла голова,—одна половина,—нечѣмъ было дышать, жаръ ходилъ по тѣлу и въ груди боль перекатывалась, какъ тяжелый жерновъ. Старалась забыться, чтобы время прошло скорѣй, а время тянулось, какъ дорога въ пескахъ,—вязко, медленно и трудно. И страшныя видѣнія вставали передъ закрытыми глазами. Судъ представлялся: большая комната, какъ контора въ тюрьмѣ, такіе же своды и рѣшетки; судья—кособокій старичишка, весь сѣрый, а глаза красные, злые, голосъ—какъ у дергача.—„У меня веревокъ хватитъ!"—торжествующей нотой звучитъ этотъ голосъ, — и на столѣ передъ нимъ пучки новыхъ, ровно скрученныхъ бичевъ... И глаза Ромушки, такіе большіе на исхудаломъ лицѣ, раскрыты съ дѣтскимъ испугомъ и безъ словъ кричатъ къ ней, матери, о помощи...

И мечется она, стараясь закрыть свое дитя, и грозится рукой на судей:

— Судьи вы, судьи, ученые вы господа! Бога вы, знать, забыли, креста нѣтъ на шеѣ у васъ, въ грудяхъ сердца не осталось! За что вы купырь мой зеленый стрескать хотите? Какая корысть вамъ изъ его умильной головушки? Не грѣхъ вамъ лютымъ горемъ матерей, отцовъ сушить?..

Но скалятъ зубы судьи, хрипятъ и корчатся отъ смѣха. Слова о скорби материнской для нихъ—слова изъ дѣтской сказки: давно ихъ знаютъ и выросли изъ нихъ давно...

— Господь-то... Онъ все вѣдь видитъ, все попомнитъ: дойдетъ очередь—и васъ окарябаетъ, — не забудьте это, судьи, ученые вы господа!.. Судите вы нынче, но и на васъ судъ придетъ, праведный судъ! Онъ опредѣлитъ вашу часть,—не забудьте! Дойдетъ очередь... Всякъ человѣкъ теперь мятется на землѣ изъ за неправды вашей, — терпѣть мочи не остается... Не забудьте, судьи жестоковыйные: дойдетъ до Бога обида материнская, — какъ мякину развѣетъ васъ Господь!..

Но смѣхъ лишь судьямъ—ея слова: не очень грозны тѣ, кто Богомъ лишь пугаетъ. Берутъ у ней сынка ея, берутъ спокойно и увѣренно, и безсильны, какъ плети, ея руки, не могутъ подняться на защиту. Волокутъ ея Ромушку въ темные коридоры, узкія ущелья, безвыходныя и таинственныя. Умоляющій взглядъ дѣтскихъ, широко открытыхъ глазъ безъ словъ кричитъ о помощи, окровавленное сердце ея, замирая, падаетъ въ бездонный погребъ...

Очнется, долго не можетъ придти въ себя отъ испуга, отъ темнаго ужаса передъ сномъ, такъ похожимъ на явь, передъ близкою явью, давящею страхами, какъ кошмаръ... Сынъ, ея сынъ, погибнетъ, можетъ быть, лютою смертью, захрипитъ, захлеснутый петлей, содрогнется въ предсмертныхъ судорогахъ... Нѣтъ, пусть ужъ и изъ нея душу вынутъ, а пока жива, не дастъ она надругаться надъ своимъ чадомъ родимымъ...

Забрезжилъ разсвѣтъ. Она встала, помолилась на иконы и потихоньку ушла изъ дому. Городъ спалъ. Сиротливо мигали рѣдкіе керосиновые фонари. Позеленѣло небо на востокѣ, въ той сторонѣ, гдѣ тюрьма, и тамъ же, на окраинѣ, пѣли пѣтухи. Вспомнилась родная станица, обычная, будничная жизнь, обиходъ ежедневныхъ заботъ и хлопотъ... Точно въ даль какую-то все это ушло, вытѣсненное ужаснымъ, постылымъ городомъ, его тюрьмой, судами, начальниками, адвокатами... Точно сонъ, долгій и страшный, тянется, давитъ, мучитъ душу, а проснуться, очнуться въ милой обстановкѣ привычнаго труда силъ нѣтъ...

Прошла къ насиженному мѣсту, къ горкѣ, съ которой видѣнъ острогъ. Яркій, высокій фонарь горѣлъ бѣлымъ свѣтомъ въ центрѣ тюремнаго двора, а корпусъ лежалъ, черный и нѣмой. И было тихо, свѣжо, влажно. Матово бѣлѣлъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ весенній разливъ Дона, гдѣ-то далеко-далеко, въ серебристомъ туманѣ низины, звенѣлъ многоголосый, вольный, мягкій крикъ дикой птицы, и съ высоты изрѣдка доносился свистящій плескъ безчисленныхъ крыльевъ.

Посидѣла. Оглянулась на городъ: спитъ городъ. И судьи спятъ. Лишь она вотъ не сомкнетъ глазъ. А сынъ ея? Не спитъ и онъ, любушка, бьется теперь въ своей тѣсной клѣткѣ... Не спятъ и тѣ, кто выслушалъ и кому предстоитъ выслушать смертный приговоръ. За три дня, какъ засѣдаетъ судъ, вынесено ужъ семь ихъ, смертныхъ рѣшеній. И сердце устало содрогаться при мысли о горѣ чужомъ, равнодушно и нѣмо стало сердце людское... Только страхъ, только трепетъ за свое держалъ его въ тискахъ, заставлялъ безумно метаться, цѣпко хвататься за всякую соломинку...

Офицеръ Акимъ Пудычъ посовѣтовалъ Григорьевнѣ сходить къ одной вдовѣ,—она хоть и изъ простого званія, но важный генералъ, который утверждаетъ приговоры суда, къ ней учащиваетъ. Сходила къ вдовѣ. Добилась свиданія. Бабочка нарядная вышла, въ шелкахъ, разговоръ простой, не гордый. Стала о своемъ дѣлѣ говорить Григорьевна, не выдержала, разлилась рѣкой слезъ. И такъ заразительно и трогательно было ея материнское горе, что расплакалась и

эта нарядная, съ веселыми глазами женщина. Обѣщала попросить генерала, велѣла придти на другой день. Пришла на другой день, да не утѣшили ее слова генеральскія:

— Что по закону можно сдѣлать—и такъ сдѣлаютъ. А противъ закона—никакъ...

Законъ... Звучали когда то въ этомъ словѣ теплые звуки справедливости, надежды... жалость къ людямъ и правда божія... Но въ суровыхъ, холодныхъ устахъ важныхъ людей оно вынимало душу изъ ея тѣла, грозило, какъ камень, занесенный надъ головой, и увядало сердце отъ черствыхъ звуковъ его...

Адвокаты велѣли съ свидѣтелями предварительно повидаться. Вызвалъ судъ только двухъ свидѣтелей: Букетова и казака, который былъ избитъ и взятъ вмѣстѣ съ Романомъ. Почему-то оставленъ былъ безъ вниманія даже Гулевой, который далъ показаніе о томъ, что Букетовъ обсчиталъ его при сдачѣ съ трехрублевки. Никого не вызвали и изъ свидѣтелей защиты.

Букетовъ такъ же, какъ и генералъ, на законъ указывалъ, а у самого глаза такъ и прыгали отъ злодѣйской радости,—пріятенъ былъ ему, должно быть, этотъ законъ..

— Присяга, матушка моя, присяга... нельзя-съ, законъ съ... Великое дѣло—присяга: однимъ словомъ повильнешь—на мѣстѣ умрешь... Надо бы впередъ тебѣ смотрѣть, пріучать къ добру дѣтей. А то вотъ онъ гордостью все хотѣлъ... Хорошо бы ширью да высью, нехай рыломъ въ землю попытаетъ... какъ она тамъ...

Другой свидѣтель,—слава Богу,—о законѣ не очень безпокоился. Принялъ скромное даяніе—на полубутылку—и съ готовностью обѣщалъ не топить человѣка.

— А мнѣ что? Мнѣ—Богъ съ нимъ! Лишь бы за проволочки уплатили... На мнѣ самомъ рубаху опустили, ну я этого не ищу. Нѣтъ, будь покойна, тетка, даже какъ лѣтомъ въ саняхъ...

И вотъ теперь все это вспоминается, проходитъ передъ ней длинной, пугающей цѣпью. Такъ странно все, такъ фонтастично... Неужели не сонъ это, долгій и страшный, отъ котораго вотъ-вотъ она должна проснуться?..

Долго, томительно тянутся часы. Спитъ городъ. На востокѣ, подъ зеленой полосой горизонта, чуть обозначилась буро-красная полоска, точно запекшаяся кровь, разлитая надъ темной, безмолвной землей. Сонный, короткій гудокъ донесся отъ вокзала. Потомъ загромыхалъ длинный поѣздъ, прошелъ мимо, утонулъ вдали, а все еще стоялъ въ воздухѣ его мягкій, угасающій грохотъ. Засвѣжѣло. Заговорили воробьи надъ крышей. Свѣтло стало. Прошелъ фонар-

щикъ съ лѣстницей, погасилъ рѣдкіе фонари. Тяжело громыхая, протянулся за городъ обозъ просмоленныхъ бочекъ. Густая, тошная струя зловонія потянулась отъ него. Сталъ просыпаться городъ.

Ночной извозчикъ провезъ пьяныхъ чиновниковъ. Спотыкающимся языкомъ, но не безъ азарта одинъ громко говорилъ:

— А жаль, что я этого дельфина въ окно не спустилъ!..

Зазвонили къ заутренѣ. При первомъ ударѣ колокола она встрепенулась и перекрестилась. Точно теплый лучъ глянулъ изъ-за синяго облачка на востокъ, трепетно-ласковый лучъ послѣдней надежды. Встала и пошла на звуки церковнаго призыва.

Пусто было въ церкви. Пахло воскомъ и холодомъ. Гулко отдавались шаги сторожа. Въ окна глядѣлъ голубой разсвѣтъ. Рѣдкіе свѣчные огарки дрожали золотыми язычками, отражаясь блѣднымъ золотомъ на глянцевыхъ краскахъ. Дьячекъ торопливо бормоталъ басомъ знакомыя молитвы. Тамъ, гдѣ полагалось читать что-нибудь новое, онъ запинался и, растягивая слова, выговаривалъ ихъ четко и сердито. Но долетали они трогательныя и ясныя прямо до сердца и слезы исторгали изъ глазъ.

Помолилась Григорьевна на иконы—и на тѣ, что были прямо передъ ней, и на тѣ, что стояли по правой и по лѣвой сторонѣ иконостаса. Перечитала всѣ молитвы, какія знала. Потомъ,—хотя никого изъ молящихся не было видно въ гулкомъ просторѣ храма, но потому, что такъ дѣлали всѣ въ станицѣ, такъ и ее пріучали дѣлать,—поклонилась направо, налѣво и назадъ — всему міру православному. И отошла въ уголокъ.

Стала тамъ на колѣни, усталая, обезсиленная, придавленная страшными думами и тоской лютой. Вперила взоръ въ икону,—изъ золотой рамы, изъ яркихъ пурпурныхъ одеждъ на нее глядѣлъ съ нѣмымъ состраданіемъ взоръ матери, прижимающей младенца къ груди.

И долго безъ словъ мать, истерзанная страхомъ и ожиданіемъ жестокаго удара, глядѣла на мать, пережившую тягчайшія страданія. И безъ словъ, рыдающимъ крикомъ надрѣзаннаго сердца, говорила ей:

— Вѣдь сердце твое тоже прошелъ ножъ лютой скорби... Заступись, Пресвятая Владычица! Ты—обидимыхъ заступница, ты — изнемогающихъ оплотъ... О, заступись, заступись!..

И, приникнувъ горячимъ лбомъ къ облупленнымъ доскамъ, она беззвучно рыдала. Поднимая голову, встрѣчала

сострадающій взглядъ, но былъ онъ недвиженъ и нѣмъ и... безсиленъ...

— Скорбныхъ матерей утѣшительница — ты... разсѣй тучу, о Владычица! Отверзи милосердія двери, Царица небесная!

Крѣпко-крѣпко стиснула руки. Всѣмъ существомъ порывалась прижаться къ стопамъ Владычицы, которая все можетъ,—раскрыть истерзанную, высохшую грудь передъ ней, язвами окровавленнаго сердца своего тронуть ее.

— Злыхъ сердецъ умягченіе—ты... Умягчи ихъ сердца... вырви у нихъ дѣточку мою, мать страдавшая... мать!.. Ты видишь мои муки, мою бѣду чуешь, скорби мои и обиду ты знаешь... матери обиду...

Жаръ и ознобъ проходили по ея тѣлу, нечѣмъ было вздохнуть, не хватало воздуху. Безсильно опустила она голову; руки и колѣни дрожали.

— „Странни и пришельцы вси есмы на земли сей"...— сердито баситъ дьячекъ. Спѣшитъ и спотыкается голосъ, равнодушный и недовольный:—„Все житіе наше на земли болѣзненно и печали исполнено"...

— Скорбная заступница моя! изнемогаетъ во мнѣ духъ мой!—опять начали страстно шептать ея губы: — развѣй, разгони бѣду мою... тьму унынія... Подай мнѣ, отчаянной, надежду... научи!.. Пойду я къ нимъ... скажу я имъ... Научи, помоги... Покрой покровомъ твоимъ убогую,—ты предстательница сирымъ и скорбящимъ... Не покинь... Я пойду къ нимъ и скажу имъ: мать я... мать, истерзанная мукой несказанною!..

Усталая, выбившаяся изъ силъ, выливала она въ слезахъ весь остатокъ таившейся въ ней энергіи. И пришелъ странный покой, равнодушіе, застывшая покорность всему, что будетъ. Притупились чувства, словно чужое стало тѣло, и весь міръ туманнымъ покрываломъ задернулся. Купила свѣчку, затеплила ее передъ той, въ которой было робкое, послѣднее и самое близкое упованіе ея. Приникла высохшими губами къ холоднымъ одеждамъ ея,—пылью и краской пахли онѣ... Встала и пошла къ зданію суда. Тамъ сѣла на каменныхъ ступенькахъ величественнаго входа и стала ждать...

Равнодушно шли люди мимо нея, равнодушно тянулось безстрастное время. Легкой походкой проходили мимо дѣти съ книжками, юноши, дѣвушки, и сжималось ея сердце при видѣ ихъ счастья, свободы и бодрости... За что такая доля ужасная выпала невѣдомому имъ, ей родному-кровному юношѣ?.. За что?..

Проѣхала во дворъ судебнаго зданія темная карета съ

казаками на запяткахъ. Вздрогнуло, забилось сердце ея, догадалось: въ этомъ черномъ ящикѣ сына ея провезли... вотъ, возлѣ, передъ глазами матери, сидящей въ томительной тоскѣ на холодномъ камнѣ подъѣзда...

Стали подходить и подъѣзжать чиновники. У всѣхъ сумки съ бумагами и помятыя, невыспавшіяся лица. Подъѣхалъ Николай Ивановичъ на извозчикѣ. Угадалъ ее тотчасъ же, заговорилъ весело и шутливо:

— Ну что, мать? Небось, ночевала тутъ? Ну, ничего, ничего. Не робѣй, безъ боя не дадимся. Пойдемъ-ка, я тебя на такое мѣсто посажу,—все будешь видѣть.

Привелъ въ большую залу. Скамейки по тремъ сторонамъ,—за рѣшетками и безъ рѣшетокъ. Столъ на возвышеніи, зеленымъ сукномъ покрытъ. А за столомъ, въ огромной золотой рамѣ, портретъ. Поискала глазами икону Григорьевна,—не нашла. Перекрестилась на портретъ.

Пусто. Никого еще нѣтъ. Посадилъ ее Николай Иванычъ недалеко отъ двери, чтобы могла поближе видѣть своего сына: скамьи для подсудимыхъ были почти рядомъ, рѣшетка примыкала къ печи, около которой сѣла Григорьевна. Достаточно виденъ былъ и судейскій столъ.

Ушелъ Николай Иванычъ Выглянула въ дверь чья-то голова и опять скрылась. И долго сидѣла въ одиночествѣ Григорьевна, съ замирающимъ отъ истомы сердцемъ, съ безсвязной молитвой на устахъ, съ сознаніемъ полной беззащитности отъ близкой бѣды.

Пришли два курьера,—у дверей стали. Офицеръ съ бумагами вошелъ, сѣлъ у стола, посидѣлъ и опять ушелъ. Открылась та дверь, въ которую провелъ Григорьевну Николай Иванычъ. Высунулся казакъ съ шашкой на-голо, за нимъ, звеня кандалами, въ сѣрой курткѣ, сынъ ея. Лицо истомленное, безкровно-сѣрое. Сухіе, воспаленные глаза. Она вскочила,—мгновенный толчокъ въ сердце словно подбросилъ ее вверхъ,—вскочила и сейчасъ же сѣла: не держали ноги. Встрѣтились ихъ взгляды на одинъ мигъ,—не выразить ничѣмъ, какъ забилось, затрепетало материнское сердце, уловивъ недѣтскую скорбь въ дѣтскомъ взорѣ,—туманъ сейчасъ же скрылъ его... Въ слѣдующее мгновеніе она увидѣла его спину, и затѣмъ онъ скрылся отъ нея за выступомъ печи. Конвойный, оставшійся передъ рѣшеткой, наставительно сказалъ ему:

— Сядь пока...

Вошли судьи,—передъ тѣмъ сѣдой старикъ съ свѣтлыми пуговицами приказалъ встать. Встала Григорьевна и долго не садилась, устремивъ все свое вниманіе на судейскій

столъ. У главнаго судьи было толстое, красное лицо съ усами.

— Мордастый какой!—отмѣтила она про себя, но была довольна, что нѣтъ того злого старичишки, который мучилъ ее въ кошмарныхъ ночныхъ грезахъ. Были судьи все молодые, сытые, веселые такіе, пріятные на взглядъ. Разговаривали, смѣялись, крутили усы, изрѣдка взглядывали на Романа—не сердито, а съ любопытствомъ,—изрѣдка зѣвали или чертили съ разсѣяннымъ видомъ карандашомъ на листахъ бумаги. Внимательныя лица были лишь у двоихъ: у мордастаго и у того, который обвинялъ.

Офицеръ, который входилъ раньше всѣхъ и опять уходилъ, сталъ читать бумагу. Читалъ долго и невнятно,—ничего она не разобрала. Сжало клещами сердце, туманъ стоялъ въ глазахъ, жаръ и холодъ пробѣгалъ по тѣлу.

Понятнѣе и яснѣе стало, когда вызвали въ залу Букетова. Онъ перекрестился на иконы, поклонился судьямъ и адвокатамъ и на вопросъ мордастаго неторопливо и обстоятельно разсказалъ, какъ смертельной опасности онъ подвергался въ 8 часовъ вечера 14 сентября минувшаго года.

Прокуроръ, грузный офицеръ съ широкими бровями и гулкимъ голосомъ, задалъ вопросъ:

— Въ васъ именно цѣлился Романъ Пономаревъ?

— Въ меня-съ,—грустно и покорно подтвердилъ Букетовъ:—и какъ Господь крылъ... пуля вотъ-вотъ, на вершокъ разстоянія, прозвизжала...

— И въ то же время схватилъ выручку?

— Поперъ всю шкатулку-съ... Не ухватись я за нее всѣми средствіями, былъ бы теперь... голъ, какъ соколъ...

Потомъ сталъ спрашивать Соломонъ Ильичъ. Онъ, точно проворный, лихой Шарикъ, подкатился подъ Букетова и пошелъ кружить. Сыпалъ вопросами, какъ горохомъ; любопытствовалъ насчетъ продажи спиртныхъ напитковъ, насчетъ сдачи Гулевому, насчетъ мѣстонахожденія шкатулки и суммы выручки. Сбилъ старика съ толку. Когда кончилъ, Букетовъ пошелъ на свое мѣсто, красный и разслабленный, точно распарили его до изнеможенія въ банѣ на полкѣ.

Чувство безмѣрной благодарности вспыхивало въ груди у Григорьевны, при видѣ стараній этого чернаго, курчаваго, нервнаго человѣчка, насчетъ котораго она таки грѣшила мыслью, что онъ ненадеженъ, потому что племя его Христа распяло. А вотъ какъ бьется, болѣзный... Вѣдь ни родня, ни другъ, ни сватъ,—а отстаиваетъ Ромушку, какъ свое дитя... Славный Соломонъ!..

Второй свидѣтель стоялъ нѣсколько минутъ, какъ былъ, нагнувши голову, и молчалъ на всѣ вопросы. Потомъ съ

трудомъ, точно бревна ворочалъ, выговорилъ нѣсколько словъ о томъ, что ничего не помнитъ, выпивши былъ. И сейчасъ же прибавилъ заявленіе о проволочкахъ. Больше отъ него ничего не могли добиться ни прокуроръ, ни предсѣдатель, ни Николай Иванычъ. Лишь Соломону Ильичу удалось вытянуть изъ него отвѣтъ на вопросъ о томъ, кого онъ билъ,—Букетова или Пономарева.

— На мнѣ самомъ рубаху опустили за здорово живешь...

Прокуроръ съ гулкимъ голосомъ говорилъ не долго, но сердито. Не все поняла Григорьевна, но видѣла, что хочется ему засудить Ромушку. И тошная горечь разлилась у ней во рту отъ его рѣчи. Но стало легче, когда вступился за Ромушку Николай Иванычъ. Голосъ у него былъ такой же толстый, какъ и у прокурора, говорилъ онъ вѣско, съ придавомъ, сжималъ кулакъ и съ размаху стукалъ имъ по пюпитру. Слегка опасалась Григорьевна, какъ бы не осерчали судьи, и украдкой взглядывала на „мордастаго“. „Мордастый“ ничего себѣ, молчалъ, — видать: спокойный человѣкъ. Вотъ когда Соломонъ Ильичъ пошелъ сыпать въ нихъ словами,—какъ будто изъ пожарной трубы поливалъ,—то онъ не разъ останавливалъ его и, видимо, серчалъ. Но Соломонъ Ильичъ не робѣлъ, рубился до изнеможенія: „мордастый“—слово, а онъ—два. Любо было посмотрѣть, какъ онъ трепалъ Букетова, уличалъ его въ мошенничествѣ, махалъ руками, потрясалъ бумагой, вопіялъ... Подъ конецъ указалъ судьямъ и на нее, на Григорьевну:—„вотъ,—говоритъ,—мать, всѣми муками истерзанное сердце“.. Махнулъ рукой и расплакался, не договорилъ...

Хотѣлось ей подойти къ нему и поклониться въ ноги; дорогъ сталъ ей этотъ смѣшной, суетной человѣкъ иной вѣры...

Но опять страхъ вошелъ въ душу: что-то скажетъ „мордастый„? „Мордастый“ сказалъ:

— Предоставляю подсудимому послѣднее слово.

Она сперва не поняла, но скоро сообразила, что спрашиваетъ онъ Романа о чемъ-то. А Романъ молчалъ. Ей не было видно его изъ-за выступа печки, но хотѣлось сказать:

— Попроси ихъ, чадушка! Господа, молъ, предсѣдящіе судьи, молодой я вьюношь, молъ, не губите моей молодой головушки...

Онъ молчалъ, и было ей больно и горестно: заробѣлъ ея мальчикъ, потерялся въ послѣднюю минуту, тонетъ—и помочь ему нельзя...

— Послѣднее слово предоставляю тебѣ, Пономаревъ. Не желаешь воспользоваться?—повторилъ „мордастый“. Подо-

ждалъ съ минуту. Ни звука не издалъ Романъ. „Мордастый“ поднялся и судьи встали.

— Господа председящіе!—неожиданно воскликнула Григорьевна въ порывѣ отчаянія, точно бросаясь въ глубокую пропасть,—какъ струна трепеталъ ея голосъ:—господа судьи! лучше выньте мою душу, но не трожьте мой пупырь зеленый!..

Зарыдалъ ея голосъ:

— Согласна я лучше лечь въ гробъ за дитя!..

Зарыдалъ ея голосъ, зарыдалъ, оборвался... Упала она на колѣни и умоляюще протянула корявыя, узловатыя руки къ судьямъ.

— Тшшш!..—замахалъ на нее руками старикъ съ свѣтлыми пуговицами. И даже конвойный замычалъ. Даже онъ, Рома, ея сынъ,—она увидѣла его на одно мгновеніе, когда подалась было впередъ,—даже онъ взглянулъ на нее испуганно и недовольно, точно она сдѣлала что-то неумѣстное и неприличное.

„Мордастый“ равнодушно посмотрѣлъ въ ея сторону и лѣниво сказалъ:

— Судъ удаляется для совѣщанія.

Ей показалось, что совѣщаніе тянулось цѣлую вѣчность. Курьеръ два раза носилъ подносъ со стаканами чая въ ту дверь, куда вышли судьи. Адвокаты тоже ушли—покурить. Увели конвойные и Романа куда-то,—вѣроятно, оправиться. Въ большой, безмолвной залѣ осталась одна она, измученная мать. Давила невыносимая, предсмертная тоска. Умъ мутился. Съ трудомъ дышалось. И все казалось ей, что осыпается на нее мелкимъ щебнемъ гора, высокая и страшная, шуршитъ, покрываетъ съ головой, свѣта бѣлаго лишаетъ, перехватываетъ дыханіе. Порою начинала качаться и тихо ходить кругомъ зала съ большими окнами, и тогда обѣими руками она хваталась за край скамьи, чтобы не покатиться внизъ, въ качающуюся бездонную глубь...

Привели опять Ромушку. Пришли адвокаты и съ ними старичокъ съ свѣтлыми пуговицами. Гдѣ-то затрещалъ звонокъ. Скоро старичокъ со свѣтлыми пуговицами велѣлъ встать: судъ идетъ. Встать она не могла. Началъ „мордастый“ читать бумагу, всѣ стоятъ, а она сидитъ,—ноги служить совсѣмъ отказались... Никто не обратилъ на нее вниманіе: и адвокаты, и конвойные, и старикъ съ свѣтлыми пуговицами,—всѣ, кто былъ въ залѣ,—впились глазами въ „мордастаго“. Онъ читалъ быстро и невнятно, бубнилъ. Уловила она лишь слова, растянутыя имъ: „по лишеніи всѣхъ правъ состоянія“... Все остальное прокатилось, какъ пустая баклага: громкозвучно, слитно и безъ толку...

Но по тому, какъ заговорили между собою адвокаты, какъ поглядѣли въ сторону Романа и на нее „мордастый“ и судьи, она догадалась, что приговоръ былъ такой, послѣ котораго можно еще глядѣть въ глаза людямъ.

Конвойные вывели Романа изъ-за рѣшетки. Проходя мимо нея, онъ встрѣтился съ ней повеселѣвшимъ взглядомъ и бодро кивнулъ ей головой. Славу Богу... Можетъ быть, то самое страшное, что давило ее мѣсяцы, дни и ночи, каталось клубками невыносимой боли по всему изсохшему тѣлу,— прошло мимо. Она медленно перекрестилась, но все еще не могла встать.

— Ну что, Пономарева, вы довольны?.. Довольны?..

Это—Соломонъ Ильичъ. Глаза у него—какъ черносливъ— смѣются радостнымъ смѣхомъ, подпрыгиваетъ бородка, похожая на гвоздь... Милый Соломонъ... суетной, смѣшной... „Какъ цуникъ вертится“,—любовно подумала она о немъ.

— Что-жъ, вы довольны?..

— Ничего не домекнула, болѣзный мой. Ухватила лишь ухомъ: лишенъ казачьяго званія... Больше ничего не слыхала: пронзило меня всю болью...

— Шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ каторги!—воскликнулъ Соломонъ Ильичъ радостнымъ голосомъ, точно это была вѣсть такая, которая ничего, кромѣ восторга и восхищенія, не могла вызвать:—шесть лѣтъ... да...

— Ничего... ничего...—благодушно басилъ Николай Иванычъ:—а вѣдь недовольна!—обратился онъ къ своему ликующему сотоварищу.

— Скажите: слава Богу!...—восклицалъ весь сіяющій Соломонъ Ильичъ:—благодарите Бога...

— И васъ благодарю, мои болѣзные!—утирая слезы, бормотала она счастливымъ, обрывающимся голосомъ:—тебя спаси Христосъ, Ильичъ! Какъ ты съ этимъ мордастымъ бился, любушка... до рукоположенія доходилъ... Дай Богъ тебѣ добраго здоровья... родителямъ твоимъ царство небесное, вѣчный упокой...

— Ну, чего тамъ... Я безумно радъ: надежды такъ мало было... А родители мои пока живы еще, Пономарева,—какъ бы съ оттѣнкомъ сожалѣнія прибавилъ Соломонъ Ильичъ.

— Ну, за здравіе ихъ просвирочку подамъ... Николай Иванычъ, спаси тебя Христосъ, золотой мой, за хлопоты...

— Ну, ничего, ничего. А по глазамъ вижу: не очень довольна? Небось, теперь если бы совсѣмъ?..

— Да коли бы ваша милость была!..

И, улыбаясь, она снова разлилась рѣкою слезъ.

— Ну, да я уже знаю... я знаю...—благодушно басилъ, отвернувшись въ сторону, Николай Ивановичъ...

Въ послѣдній разъ она поднялась въ гору по знакомой дорогѣ—отъ тюремныхъ воротъ въ городъ. Въ рукахъ у нея былъ узелъ съ одеждой Романа, оставшагося тамъ за высокими кирпичными стѣнами. На этотъ разъ, для прощанія съ сыномъ, ей разрѣшили свиданіе внѣ обычныхъ правилъ. Передала она въ конторѣ гостинцы, которые обычнымъ образомъ переломали и перемяли, получила милыя ей вещи—пальто, пиджакъ, картузъ и брюки Романа,—бережно все сложила въ платокъ и неожиданно для самой себя обратилась къ начальнику:

— Ваше благородіе! заставь вѣчно Богу молить... дозволь хоть глазкомъ на сыночка взглянуть... Може, умру, не доживу, когда его выпустятъ на волю...

Залилась слезами, высморкалась въ руку. Тронуло это начальника,—о своей матери вспомнилъ, похожа она была у него на Григорьевну,—велѣлъ вызвать Романа въ комнату, назначенную для свиданій. Опять черезъ двѣ рѣшетки покланялись они другъ другу, всплакнули, обмѣнялись незначительными словами. Больно было сердцу, хотя и не было прежней мрачной удрученности на душѣ,—далеко впереди чуть-чуть мерцалъ огонекъ робкой надежды... Попрощались, разошлись.

И вотъ она опять на привычномъ мѣстѣ: на высокомъ бугрѣ, съ котораго цѣлый мѣсяцъ глядѣла на это мрачное зданіе съ черными дырами вмѣсто окошекъ, на каменный тюремный дворъ. Задрожало сердце при мысли, что въ послѣдній уже разъ она смотритъ на это мѣсто тоски и неволи. Вѣтеръ треплетъ ея платье. По низинѣ, залитой весеннимъ половодьемъ, ходятъ тѣни курчавыхъ облаковъ и серебряными иглами играетъ неровная зыбь, вдали—на самомъ горизонтѣ—лиловые холмы, далекій просторъ, вольный и ласковый,—но равнодушно сердце ея къ нему. Прилѣпилось оно къ этому камню и тѣснымъ казематамъ, гдѣ однѣ обиды, грязь, духота, звонъ кандаловъ, тоска черная и озлобленіе. Тѣсенъ сердцу и грустенъ вольный просторъ земли тамъ, гдѣ безбрежно море скорби и неслышныхъ страданій. Было время,—въ равнодушномъ невѣдѣніи проходила она мимо такихъ мѣстъ... А теперь, когда надрѣзано ея сердце, горько понимаетъ она и чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ, что ихъ тоска—ея тоска, ихъ обида—ея кровная обида...

Ѳ. Крюковъ.

-

Изъ записокъ невольнаго туриста.

Снова на землѣ.

«Glücklich der Mann, der Hafen erreicht hat...» Людямъ, не бывавшимъ въ морѣ, трудно представить себѣ то неописуемо блаженное, нѣсколько растерянное состояніе, которое охватываетъ человѣка, сошедшаго на берегъ послѣ двухмѣсячнаго непрерывнаго плаванія на маленькомъ парусномъ суднѣ. Жизнь въ морѣ не только отрываетъ васъ отъ привычныхъ земныхъ впечатлѣній: она полна своихъ, особенныхъ впечатлѣній, она создаетъ особенный кругъ ощущеній, вырабатываетъ особенныя привычки, составляющія рѣзкій контрастъ со всею обстановкой «земной» жизни; поэтому самая отъявленная обыденщина представляется вамъ въ первый моментъ по вступленіи на берегъ рѣзко и неожиданно новой. Прежде всего—это глубокое спокойствіе земли: за нѣсколько мѣсяцевъ плаванія вы жили среди вѣчнаго движенія, вы такъ привыкли къ неустанному колыханію вѣчно льющагося моря, къ безпрерывному качанію судна, служащаго вашимъ жилищемъ, что въ концѣ концовъ почти перестали замѣчать то и другое, приняли все это, какъ нормальную стихію вашего существованія...

Ходить съ широко разставленными ногами, останавливаясь, когда нужно переждать слишкомъ сильный толчокъ; иногда скатываться при рѣзкомъ наклонѣ палубы, ежеминутно хвататься то за канатъ, то за бортъ, то за косякъ двери, хлебать изъ чашки супъ, упершись плечомъ въ стѣну кубрика подъ угломъ въ 45 градусовъ,—и при всемъ этомъ думать о вещахъ постороннихъ, бесѣдовать, браниться, спорить,—конечно, для этого нужно создать привычки, совсѣмъ не похожія на привычки земного существованія и рѣшительно вытѣсняющія ихъ. Быть можетъ, поэтому большинство парусныхъ матросовъ чувствуетъ себя на берегу хорошо и комфортабельно только въ состояніи безусловно неустойчиваго равновѣсія, т. е. въ безусловно пьяномъ состояніи...

Свѣтлая сѣверная ночь успѣла уже спуститься, когда лоцманскій пароходикъ протащилъ насъ сквозь грозныя для парус-

ныхъ судовъ шхеры Каттегата и поднялъ вверхъ по рѣкѣ между многочисленными судами, молчаливо стоявшими по обоимъ берегамъ. Отыскивать мѣсто у берега было уже поздно, и «Альма» до утра бросила якорь прямо среди рѣки. По обычаю, закончивъ всѣ работы, мы стали «скатывать» палубу.

— Братцы, вода сладкая!—восторженно объявилъ Франака, захватывая пригоршней изъ ведра.—Ей-Богу, сладкая вода, пить можно!

Лаптевъ сказалъ, что въ порту только дуракъ, вродѣ Франаки, станетъ пить воду, однако восторгъ Франаки никому не показался наивнымъ. Одинъ изъ нашихъ водяныхъ баковъ былъ давно пустъ; на днѣ другого въ послѣдніе дни плескалось ведеръ пять мутноватой, теплой жидкости, пахнувшей прѣлымъ деревомъ. Драгоцѣнность воды на парусномъ суднѣ—общеизвѣстная вещь: уличенный въ излишней жаждѣ не имѣетъ нравственнаго права протестовать, если штурманъ обругаетъ его болѣе или менѣе неприлично; умываться прѣсной водой въ морѣ равносильно уголовному преступленію. Я особенно страдалъ отъ этого. Викторъ, выстаивавшій по нѣсколько часовъ на рулѣ, получалъ ежедневно обстоятельнѣйшія ванны и работа у него была чистая; мнѣ же для поддержанія постояннаго огня въ печи приходилось то и дѣло лазить въ угольную яму, выгребать размельченный уголь, и весь я былъ насквозь пропитанъ тонкой угольной пылью. Морская вода, не растворяющая мыла, не отмывала, а только заполировывала на кожѣ эту пыль, такъ что уже въ Атлантическомъ океанѣ я выглядѣлъ прирожденнымъ эѳіопомъ. Къ этому всѣ привыкли, какъ будто мое африканское происхожденіе никогда и ни въ комъ не вызывало никакихъ сомнѣній. Иногда Франака, обиженный моими шутками, говорилъ:

— Ладно, молчи ужъ! Чортъ черномазый!..

Теперь, отыскавши въ своихъ мѣшкахъ успѣвшее засохнуть и потрескаться бѣлое марсельское мыло, мы съ наслажденіемъ мылись, окатывались и плескались, пользуясь ночной темнотой. «Сладкая» вода—это былъ первый, ласковый и мудрый привѣтъ земли.

Городъ, повидимому, спалъ; тишина, царившая на рѣкѣ, только изрѣдка прерывалась лязганьемъ цѣпи на какомъ-нибудь изъ судовъ, смутнымъ отголоскомъ отдаленнаго говора, или свисткомъ запоздалаго катера, закончившаго свой суетливый дневной трудъ. Кабацкой иллюминаціи, озаряющей Старый портъ веселаго города Марселя, тутъ не было и въ поминѣ; вся пристань, на сколько хваталъ глазъ, была закутана въ мирный полумракъ.

— Что же, тутъ кабаковъ вовсе нѣтъ, что ли?—безпокойно освѣдомился Лаптевъ.

— Гдѣ-нибудь есть, коли поискать!—успокоительно замѣтилъ Угрюмовъ.—Посереди города гдѣ-нибудь.

Боцманъ, бывавшій въ Швеціи, объяснилъ, что кабаки здѣсь водятся, но закрываются рано и вообще насчетъ выпивки тутъ большая строгость. Такъ что сейчасъ выпить нельзя, а такъ погулять можно. Спустивъ шлюпку, мы съ Викторомъ и боцманомъ переплыли на берегъ.

Трудно забыть это первое ощущеніе твердой почвы подъ ногами. Идешь и по привычкѣ все ждешь, что вотъ-вотъ подъ ногами качнется ровная поверхность, и кажется страннымъ, что она не качается. Такъ же странной и пріятно-неожиданной кажется возможность идти сколько угодно прямо передъ собою, не чувствуя себя замкнутымъ въ тѣсные предѣлы бортовъ, и хочется бѣжать, что есть духу, слыша, какъ постукиваетъ подъ каблуками твердый камень... Было досадно только, что городъ рѣшительно спалъ; улицы были пустынны и тихи. Побродивъ часа два по безмолвнымъ улицамъ, казавшимся высѣченными вмѣстѣ съ домами изъ одной глыбы камня, мы вернулись на Альму.

Слѣдующій день былъ обиленъ событіями. Во-первыхъ, мы получили разсчетъ, при чемъ, за вычетомъ платы за табакъ и матросскую одежду, намъ съ Викторомъ пришлось по 30 шведскихъ кронъ на брата—цѣлое богатство. Во-вторыхъ, намъ были выданы свидѣтельства, настоящія матросскіе «чертификеты», открывавшіе намъ доступъ на всѣ суда, плавающія по морямъ.

Аттестаты наши были засвидѣтельствованы у русскаго консула, хлопотливаго и аккуратнаго шведа въ очкахъ, напоминавшаго по наружности гимназическаго «нѣмца», но не понимавшаго ни единаго слова по-русски; русскій языкъ не былъ принятъ и въ канцелярскомъ обиходѣ консульства, такъ какъ на печатяхъ, украшавшихъ наши свидѣтельства, значилось: «ryska consulatet i Göteborg». Объясненіе между нами и консуломъ велось на французскомъ языкѣ. Опять мнѣ пришлось пустить въ ходъ свои академическіе французскіе обороты, при чемъ простодушному консулу, повидимому, ничуть не показалось страннымъ, что матросъ сквернаго русскаго суденышка изъясняется съ нимъ такимъ галантерейнымъ образомъ. Вообще русскій консулъ въ Готенбургѣ не проявилъ ни тѣни прозорливости, столь выгодно отличавшей m-r Pomorsky, professeur russe á Marseille.

Однако онъ сумѣлъ выяснить, что Франакѣ слѣдуетъ немедленно ѣхать въ Россію, потому что ему подходитъ срокъ призыва, и онъ можетъ угодить подъ судъ. Капитанъ пообѣщалъ отправить Франаку съ первымъ поѣздомъ на Копенгагенъ. Кокъ былъ отправленъ въ больницу долѣчиваться.

Когда всѣ дѣла были закончены и матросы отправились въ поиски за обычными портовыми развлеченіями, капитанъ удержалъ насъ съ Викторомъ. Мы пошли вмѣстѣ.

— Пообѣдаемъ вмѣстѣ гдѣ-нибудь!—сказалъ онъ и улыбнулся, замѣтивъ наше удивленіе.

— Я вѣдь отлично понимаю, что вы вовсе не матросы и не рабочіе,—сказалъ онъ, отчаянно коверкая русскія слова.—Я догадался сразу, еще въ Марсели. И потомъ часто думалъ: кто вы такіе? Штурманъ говорилъ мнѣ: это—бродяги. А я говорилъ: нѣтъ, это особенные люди. А когда Викторъ сталъ лѣчить кока, я подумалъ: должно быть, это студенты. Вѣрно?

Въ этихъ словахъ и во всей физіономіи моряка было столько милаго простодушія и наивнаго лукавства, что намъ и въ голову не пришло скрывать свое подлинное званіе. Мы объяснили капитану, кто мы, откуда и какимъ образомъ, будучи студентами московскаго университета, оказались мы матросами парусной шхуны. Капитанъ изумленно таращилъ на насъ глаза и, наконецъ, разразился гомерическимъ хохотомъ.

— Чортъ возьми! У меня на Альмѣ еще ни разу не было студентовъ!

— Ну что же?—сказалъ я:—вѣдь вы не очень недовольны нами?

— Я очень доволенъ вами. Я изъ Марсели писалъ въ Либаву, чтобы мнѣ приготовили всю команду. А то бы я опять взялъ васъ, если бъ вы захотѣли. Я штурману говорилъ: вотъ, смотри, у насъ этотъ рейсъ нѣтъ ни одного скандала... А это— студенты!..

Капитанъ долго не могъ привыкнуть къ мысли, что у него на суднѣ было два московскихъ студента, и извлекалъ изъ этого обстоятельства все новые удивительные эффекты. Побродивъ по улицамъ, мы отыскали въ неизвѣстномъ закоулкѣ какую-то гостиницу средней руки и спросили, нельзя ли намъ поѣсть. Хозяйка провела насъ наверхъ въ большой и совершенно пустой общій залъ, гдѣ намъ немедленно былъ накрытъ столъ. Веселость капитана не знала никакихъ границъ; этотъ гигантъ, казавшійся мнѣ во время восьмидневнаго шторма въ Нѣмецкомъ морѣ воплощеніемъ суровой сосредоточенной силы, былъ похожъ теперь на огромнаго ребенка. Въ ожиданіи обѣда онъ дурачился на всѣ лады, подкидывалъ меня чуть не къ самому потолку, ходилъ по столамъ и стульямъ, дѣлалъ видъ, что собирается проглотить салфетку, и при входѣ горничной строилъ до того идіотски-серьезную физіономію, что я боялся надорваться отъ смѣха. Въ заключеніе, отъ полноты душевнаго восторга, онъ сдѣлалъ попытку выругаться по-русски и какъ разъ въ этотъ моментъ вошла хозяйка.

— Скажите, пожалуйста! Русскіе!..—сказала она нараспѣвъ, тономъ пріятнаго изумленія, подходя къ намъ съ очень привѣтливымъ видомъ.—Вотъ не ожидала.

Капитанъ сдѣлалъ ужасно глупое лицо и сконфузился. Мы съ

Викторомъ поспѣшили ему на выручку и завязали съ хозяйкой разговоръ. Оказалось, что она лѣтъ десять жила съ мужемъ въ Баку и вывезла оттуда большія симпатіи къ русскимъ.

— Очень, очень пріятно!—сказала она.—Я такъ привыкла къ русскимъ. И не думала. Вижу—идутъ матросы и матросы. Это вашъ капитанъ? Онъ тоже русскій?

Капитанъ, уничтоженный своей оплошностью, молчалъ, дѣлая видъ, что онъ всецѣло занятъ супомъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—онъ даже не понимаетъ по-русски.

— Кушайте, кушайте! — сказала хозяйка. — Два мѣсяца на морѣ!.. Это очень трудно и опасно. Мнѣ всегда жаль матросовъ—самая трудная служба.

Въ подлинности нашей профессіи добродушная хозяйка не сомнѣвалась, и мы ничуть не хотѣли оспаривать ея убѣжденія отлично объяснявшаго ей нашъ отчаянный аппетитъ.

— Пожалуйста, кушайте побольше!—сказала она, вставая,—а я пойду немножко по дѣламъ.

Капитанъ немедленно возобновилъ всю серію своихъ дурачествъ, которыя достигли высшаго предѣла, когда Викторъ, выскочивъ изъ-за стола, подсѣлъ къ піанино и заигралъ какую-то польку изъ программы «Эдуарда Седьмого». На звуки музыки снова явилась хозяйка.

— Скажите, пожалуйста, онъ умѣетъ играть!—сказала она съ изумленіемъ.—Гдѣ же онъ научился?

— Такъ, вездѣ понемножку, случайно, самоучкой! — объяснилъ я.

— Можетъ быть, вы хотите потанцовать? Я сейчасъ позову горничныхъ.

Добрая женщина, повидимому, хотѣла проявить всю полноту вниманія къ бѣднымъ мореплавателямъ. Черезъ минуту явились три дамы въ чепцахъ и фартукахъ; одну изъ нихъ, видимо, оторвали отъ обычныхъ ея занятій, потому что въ рукахъ у ней была половая щетка, которую она тутъ же съ кокетливой улыбкой прислонила къ стѣнѣ. Викторъ, давясь отъ смѣха, продолжалъ играть въ то время, какъ я поочередно протанцовалъ со всѣми дамами, которыя жеманились, хихикали и кокетничали самымъ очаровательнымъ образомъ. Потомъ протанцовалъ Викторъ, и мы ушли, простясь самымъ сердечнымъ образомъ со всей компаніей и позабывши взять адресъ этой милой гостиницы, о чемъ впослѣдствіи я имѣлъ не одинъ случай пожалѣть.

Капитанъ на другой день долженъ былъ ѣхать въ Либаву за новой командой. Послѣднее обстоятельство очень печалило насъ; въ ближайшемъ будущемъ намъ предстояли новые поиски работы. Правда, теперь у насъ были аттестаты, составлявшіе огромное завоеваніе въ борьбѣ за трудъ. День-другой мы рѣшили пере-

дохнуть, такъ какъ Нѣмецкое море, дѣйствительно, способно вымотать душу даже у профессіональнаго моряка.

Проводивши Франаку, мы забрали съ Альмы свои пожитки и наняли маленькій номеръ недалеко отъ пристани. Ближайшій нашъ планъ былъ таковъ: работать въ поргу, а тѣмъ временемъ высматривать судно, идущее въ страну съ болѣе или менѣе знакомымъ языкомъ. Въ Готенбургѣ мы были обречены на полную нѣмоту. Правда, я немедленно пріобрѣлъ въ книжной лавкѣ «Спутника нѣмца по Швеціи» и постарался вызубрить нѣсколько фразъ, но было ясно, что съ этимъ далеко не пойдешь. Какъ водится, въ «Спутникѣ» содержалось великое множество образцовъ шведско-нѣмецкаго краснорѣчія («нравится ли вамъ запахъ розы?» и т. п.), но все это было совершенно не по нашей части... Я выучился считать по-шведски—это все, чѣмъ я обязанъ «Спутнику нѣмца по Швеціи».

Полное незнаніе языка дало почувствовать себя въ первый же день—правда, въ вопросѣ не матеріальнаго свойства.

Само собою разумѣется, что въ мечтаніяхъ нашихъ о землѣ, которымъ мы часто предавались въ морѣ, главное мѣсто занимала Россія. Что теперь тамъ?.. Намъ пришлось бѣжать съ родины въ очень крутое время, но это время было также временемъ общаго великаго ожиданія, общаго предчувствія, общей увѣренности въ томъ, что ближайшее будущее таитъ въ себѣ великія событія и великія перемѣны... И въ Готенбургѣ мы прежде всего бросились искать газетъ; мы разсчитывали во всякомъ случаѣ найти нѣмецкія газеты. Бродя по улицамъ съ капитаномъ, мы останавливались у всѣхъ кіосковъ, ловили разносчиковъ... Вездѣ были однѣ шведскія газеты, которыя только дразнили знакомыми заголовками русскихъ телеграммъ... Это былъ лишній аргументъ въ пользу скорѣйшаго отъѣзда изъ Готенбурга.

Къ вечеру мы отыскали Угрюмова, успѣвшаго обойти десятка три пивныхъ и придти въ соотвѣтственное расположеніе духа. Онъ остался у насъ ночевать, посовѣтовавъ намъ на завтра перебраться въ матросскій домъ, Sailors home, гдѣ за тридцать эръ (15 коп.) можно имѣть отличную койку. Городъ Угрюмову не понравился; вспоминая достоинства Марселя, онъ приходилъ къ выводу, что эти шведы или «швенцы»—народъ никудышный, и русскіе сдѣлали отлично, что отдули ихъ подъ Полтавой... Онъ постарается скорѣе пропить деньги и уѣхать, тѣмъ болѣе, что въ одной изъ пивныхъ встрѣтилъ онъ младшаго штурмана съ одного англійскаго парусваго брига, идущаго въ Сидней, и тотъ сказалъ, что на бригѣ нуженъ одинъ матросъ.

Угрюмовъ съ утра ушелъ пьянствовать. Мы проводили капитана и перебрались въ Sailors home, рѣшивши немедленно начать поиски пароходовъ.

Въ Sailors home'ѣ намъ отвели небольшую комнату, устроенную

на манеръ корабельной каюты, съ двумя парами коекъ, одна надъ другой. Огромное каменное зданіе, за исключеніемъ конторы и общей столовой, все сплошь состояло изъ такихъ маленькихъ четырехмѣстныхъ каютъ, двери которыхъ выходили въ коридоры невѣроятной длины. Днемъ Sailors home по большей части былъ совершенно пустъ; только утромъ въ общей столовой можно было видѣть его пестрое населеніе, включавшее въ себя самые разнообразные этническіе элементы отъ норвежца и англичанина до итальянца и негра... При Sailors home'ѣ имѣлась читальня съ книгами все больше душеспасительнаго содержанія и съ фисъ-гармоніей, — вѣроятно, для пѣнія псалмовъ. Но матросъ на берегу не позволитъ себѣ тратить время на чтеніе душеполезныхъ книгъ, и потому читальня пустовала.

Около недѣли мы снова, по марсельскому образцу, съ утра до вечера обходили городъ и суда, стоявшія въ гавани. Товарищемъ нашимъ на этотъ разъ оказался нѣкій молодой эстонецъ, удравшій съ того самаго англійскаго брига, на который удалось поступить Угрюмову. Это былъ франтоватый, до крайности легкомысленный парень, носившій крахмальные воротнички и увѣрявшій, что ему отъ женщинъ нѣтъ отбою. Онъ былъ на каждомъ шагу необходимъ намъ, потому что зналъ шведскій языкъ,—и возмутительно злоупотреблялъ этимъ, вовлекая насъ по десяти разъ на дню въ пивныя подъ предлогомъ, что ему необходимо «размыслить и придумать что-нибудь». Боясь потерять столь цѣннаго помощника, мы добросовѣстно платили за пиво, предоставляя ему размышлять и придумывать. Придумать ему, однако, ничего не удалось. Зайдя однажды въ Sailors home днемъ, онъ былъ врасплохъ застигнутъ младшимъ штурманомъ съ брига, вытащенъ съ позоромъ изъ шкафа, куда онъ попытался спрятаться, и водворенъ на бригъ въ точномъ соотвѣтствіи съ подписаннымъ имъ контрактомъ.

Намъ рѣшительно не везло. Мы перестали предлагать себя въ матросы, выражая готовность поступить «рабочими-пассажирами». Рабочій-пассажиръ—не рѣдкость на судахъ, совершающихъ небольшіе рейсы. Онъ исполняетъ самыя разнообразныя работы: полощетъ посуду, моетъ палубы, чиститъ фонари, таскаетъ на кухню уголь, выгребаетъ золу, за это кормится и ѣдетъ. Среди этой категоріи мореплавателей можно встрѣтить кого угодно: еврея-эмигранта, отслужившаго и пропившагося колоніальнаго солдата, рабочаго, заѣхавшаго на чужбину, пѣвца, актера, наконецъ, просто оригинала, ищущаго новыхъ впечатлѣній, или легкомысленнаго путешественника, немного не разсчитавшаго средствъ.

Но намъ съ Викторомъ не повезло и здѣсь. Во-первыхъ, судовъ, отходящихъ въ Англію, куда мы рѣшили перекочевать, мы отыскали только три; во вторыхъ, всѣ они были судами шведскими, гдѣ никто и ни за что не хотѣлъ понимать моихъ шведскихъ предложеній, скомбинированныхъ по «Спутнику» и казавшихся мнѣ

самому образцомъ скандинавскаго краснорѣчія. Не помогла и обычная выразительность жестикуляціи Виктора. Вездѣ намъ было отказано начисто.

Уѣхать вдвоемъ въ качествѣ пассажировъ было невозможно на тѣ 40 кронъ, которыя оставались у насъ. Обсудивъ вопросъ всесторонне, мы положили, что Викторъ поѣдетъ въ Лондонъ одинъ и въ случаѣ крайности, если мнѣ не удастся пристроиться нигдѣ, выручитъ меня какимъ бы то ни было способомъ: отыщетъ русскихъ или дастъ знать обо мнѣ швейцарскимъ друзьямъ...

Я долго стоялъ въ густой толпѣ на пристани, провожая глазами удалявшійся пассажирскій пароходъ, на которомъ уѣзжалъ Викторъ. Былъ тусклый, ненастный вечеръ; мокрыя, рваныя облака, вѣчно бродящія надъ вѣчно безпокойнымъ Каттегатомъ, нависли въ этотъ вечеръ, казалось мнѣ, особенно низко. Какая-то женщина возлѣ меня плакала беззвучно, и слезы мѣшали ей смотрѣть вслѣдъ пароходу; то и дѣло она вытирала ихъ быстрымъ, рѣзкимъ движеніемъ, приподнималась на цыпочки и жадно всматривалась вдаль, пока упрямыя слезы вновь не заливали ей глазъ. Я потерялъ уже изъ вида Виктора, все время махавшаго мнѣ шапкой; самый пароходъ, наконецъ, сдѣлался не больше обыкновенной шлюпки, и толпа мало по малу разошлась, а плачущая женщина все еще оставалась на берегу, и когда я, уходя, въ послѣдній разъ оглянулся, она показалась мнѣ такимъ естественнымъ дополненіемъ къ картинѣ этого вечера, съ тусклымъ полусвѣтомъ, съ холодной сморщенной водой и рваными, мокрыми облаками, ползущими по небу.

Я вернулся въ Sailors home. Печаль и одиночество были у меня въ душѣ, и я сердечно обрадовался, найдя у себя въ каютѣ новаго обитателя—бѣлокураго малаго съ открытыми голубыми глазами и шапкой, надѣтой на затылокъ. Онъ встрѣтилъ меня, какъ будто мы были съ нимъ закадычными пріятелями, обнаруживая этимъ неизрасходованный запасъ любви къ человѣчеству. Пожавъ мнѣ руку, малый выпустилъ сразу цѣлый залпъ шведскихъ фразъ, изъ которыхъ я не понялъ, разумѣется, ни одного слова. Замѣтивъ это, онъ снова весело потрясъ мнѣ руку и заявилъ уже на quasi-англійскомъ, общематросскомъ нарѣчіи, что это «ничего», что это даже «очень хорошо», во всякомъ случаѣ all right. Я понялъ это въ томъ смыслѣ, что вообще никому на свѣтѣ нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ унывать изъ-за чего бы то ни было.

— German?—спросилъ онъ, одобрительно похлопывая меня по плечу:—French?

— Нѣтъ, русскій,—сказалъ я.

— Ухъ?—изумился матросъ, уставившись на меня широко раскрытыми глазами. Но тотчасъ же снова потрясъ мнѣ руку.

— Это хорошо. Very well! Это очень хорошо!

Онъ все находилъ хорошимъ, этотъ голубоглазый парнюга. Онъ только сегодня пріѣхалъ изъ Кардифа (хорошій, отличный городъ)

съ грузомъ угля (хорошаго угля) и сегодня же успѣлъ наняться на другой пароходъ (превосходный пароходъ), который дня черезъ четыре отправляется въ Стокгольмъ. Все, стало быть, обстоитъ чудесно, какъ, впрочемъ, и слѣдовало ожидать. Поэтому—идемъ ужинать.

Мы поужинали въ какой-то маленькой тавернѣ. Я попытался подѣлиться съ новымъ пріятелемъ своими огорченіями, но этотъ парень, повидимому, отрицалъ всякія огорченія, считая ихъ простымъ недоразумѣніемъ. Онъ очень былъ удивленъ, когда послѣ ужина я отказался пойти съ нимъ «выпить чего-нибудь», однако, когда я объявилъ, что хочу спать, онъ нашелъ, что и это очень хорошо, и ушелъ одинъ.

На утро я отправился отыскивать Альму, которая, выгрузивъ свои жмыхи, исчезла невѣдомо куда. По пути я заглядывалъ на всѣ встрѣчныя суда въ разсчетѣ получить какую-нибудь работу. Все было напрасно, и я въ концѣ концовъ сталъ догадываться. Не было сомнѣнія, что на шведскія суда не хотѣли брать русскаго.

Эта мысль приходила мнѣ и прежде, еще въ то время, когда мы съ Викторомъ, вооруженные на этотъ разъ отличными мозолями и отличными аттестатами парусныхъ матросовъ, загорѣлые, грязные и крѣпкіе, не хуже любого портового рабочаго,—обходили по десяти разъ на дню чуть не весь Готенбургъ и всюду встрѣчали холодный рѣшительный отказъ, иногда сопровождавшійся очень недвусмысленнымъ недружелюбнымъ взглядомъ... Но, если эта мысль скользила въ моемъ сознаніи, то только скользила и не удерживалась за отсутствіемъ сколько-нибудь убѣдительныхъ основаній... Правда, въ то время въ Россіи царилъ В. К. Плеве, въ Финляндіи была Бобриковщина, и туча, висѣвшая надъ Финляндіей, быть можетъ, бросала на Швецію какую-нибудь тѣнь, отражавшуюся въ общемъ отношеніи къ Россіи и русскимъ... Какъ бы то ни было, въ этомъ отношеніи я не могъ болѣе сомнѣваться: нерѣдко, получивъ отказъ, я слышалъ за собою нѣсколько разъ повторенное слово ryska и мнѣ былъ ясенъ смыслъ интонаціи, съ какою произносилось это слово.

Не понимая толкомъ этихъ неожиданныхъ проявленій враждебности, я испытывалъ всякій разъ острую, еще не разу не испытанную боль. Есть какая-то глубокая невыразимая, болѣзненно и страстно воспринимаемая обида въ этомъ безличномъ, общемъ, огульномъ презрѣніи; только въ эти бѣглыя минуты я постигалъ во всей глубинѣ ужасъ человѣка, которому отказываютъ въ солидарности и любви не за то, что онъ дуренъ, а за то, что онъ русскій, что родился въ Россіи. И никакая сила не заставила бы меня тогда сдѣлать самомалѣйшую попытку, чтобы скрыть свое происхожденіе. Я никогда не сознавалъ себя до такой степени русскимъ, до мозга костей, до готовности кричать объ этомъ на площади, и чувствовалъ глубокое презрѣніе къ Угрюмову, вспоми-

ная, какъ онъ аттестовалъ себя въ Sailors home'ѣ и во всѣхъ пивныхъ то шотландцемъ, то финномъ...

Я понуро бродилъ по обширному порту, взбираясь по временамъ на груды бочекъ или досокъ и стараясь отыскать Альму, казавшуюся мнѣ теперь чѣмъ то вродѣ уютнаго, домашняго крова. Наконецъ, я отыскалъ ее; она стояла на другомъ берегу Готы, втиснутая между двумя огромными барками, нагруженными свѣжебѣлѣвшими досками. Я попробовалъ кричать обычное въ этихъ случаяхъ «э-гой», но вѣтеръ съ порывами мелкаго дождя билъ мнѣ въ лицо, и черезъ нѣсколько минутъ я надсадился отъ напраснаго крика.

Пройдя нѣсколько по берегу, я натолкнулся на рыжаго парня, сидѣвшаго въ привязанной къ пристани шлюпкѣ и углубленнаго въ методическое истребленіе креветокъ, сваленныхъ кучею между скамьями шлюпки.

— Hallo!—позвалъ я.

— Эге! —отозвался рыжій парень, не отрываясь отъ своего занятія.

— Ship!—сказалъ я, выразительно указывая сначала на Альму, потомъ на шлюпку.

Парень посмотрѣлъ на меня, подумалъ, взглянулъ на креветки, разсудилъ, вѣроятно, что ихъ придется убирать на другое мѣсто, и показалъ мнѣ указательный палецъ. Это означало, что за перевозъ онъ намѣренъ взять съ меня крону.

У меня было всего шесть кронъ и полная неопредѣленность положенія. Я сдѣлалъ попытку воздѣйствовать на совѣсть рыжаго парня, поглядывая въ то же время вдоль берега, въ надеждѣ запримѣтить гдѣ нибудь еще свободную шлюпку. Ничего въ желательномъ для меня родѣ не было кругомъ; рыжій былъ непреклоненъ, а старая Альма была такъ близко. Довѣрившись судьбѣ, я прыгнулъ въ шлюпку, поставивъ ноги по обѣимъ сторонамъ креветокъ, и приказалъ ѣхать невѣроятно грубымъ тономъ, нисколько, впрочемъ, не смутившимъ рыжаго парня. Вручивъ мнѣ руль, онъ съѣлъ еще креветку и затѣмъ гребъ, ни разу не оглянувшись, пока шлюпка не уперлась въ бортъ одной изъ баржъ.

На обѣихъ баржахъ и на палубѣ возились рабочіе, грузившіе доски. Гдѣ-то въ трюмѣ одушевленно оралъ боцманъ. Первымъ, кого я встрѣтилъ изъ старыхъ пріятелей, былъ нашъ славный кокъ, оправившійся отъ своей болѣзни, осунувшійся, похудѣвшій, но жизнерадостный по прежнему. Я обрадовался ему, какъ родному брату. Онъ тоже былъ доволенъ.

— Ну, сигнорэ, какъ поживаютъ ваши графини?.

— Лучше насъ съ вами, Гансъ!—отвѣтилъ кокъ, пожимая мнѣ руку съ веселымъ смѣхомъ.—Гораздо лучше!

— Вы остаетесь на Альмѣ?

— Нѣтъ. Капитанъ привезетъ команду и кока. Я здѣсь только

до его пріѣзда. А потомъ поѣду домой. Я пять лѣтъ не былъ дома, подумайте, Гансъ, пять лѣтъ! Я хочу жениться. Это не плохо, Гансъ, я думаю?

— Только, пожалуйста, кокъ, не женитесь на маркизѣ,—посовѣтовалъ я.

Кокъ прищурилъ сначала одинъ глазъ, потомъ другой—въ знакъ того, что онъ оцѣниваетъ шутку, и затѣмъ разразился самымъ беззаботнымъ смѣхомъ. Въ это время кто-то схватилъ меня сзади и нѣсколько разъ повернулъ вокругъ себя самого. Вслѣдъ за этимъ я услышалъ сильный запахъ пива и передъ моимъ лицомъ оказалась веселая физіономія Лаптева.

— Сто одно съ бонжуромъ!—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку калачомъ и расшаркиваясь.—Силь ву пле дезабилье, едондерэ шишь. Евгенію наше нижайшее! Тысячу и одну ночь не видались... Мистеръ кокъ, не угодно ли вамъ оттрезвонить фиръ склянкенъ? Обѣдать, dinner, it, понимаете?

— Понимай по русскій!—торжественно заявилъ кокъ и отправился на бакъ, распѣвая на всѣ лады эти слова «понимай по русскій».

— Хлюсть!—одобрительно замѣтилъ Лаптевъ вслѣдъ ему:—ругается, братъ, какъ по нашему! Профессоръ! Пойдемъ, пообѣдаемъ съ нами...

За обѣдомъ къ намъ присоединился боцманъ, также привѣтствовавшій меня, какъ стараго пріятеля. Завязался варварскій, съ точки зрѣнія филологической, но очень оживленный разговоръ. Вспомнили восьмидневный штормъ въ Нѣмецкомъ морѣ, когда въ теченіе пяти сутокъ нельзя было сварить горячей пищи, и всѣ, кромѣ Виктора, ругали меня на чемъ свѣтъ стоитъ. Теперь всѣ вспоминали объ этомъ съ самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ругали зря, что толковать!—сказалъ Лаптевъ, наливая мнѣ пива.—Намъ, братъ, тоже не очень было весело. Стоишь на рулѣ, два часа тебя полощетъ со всѣхъ сторонъ, до печенки промокнешь. Идешь, думаешь—эхъ, чайкомъ догрѣться!.. Пришелъ, ма-а-ть твою поймать!..

— Да вѣдь выкидывало все къ дьяволу! Котелъ выкинетъ, огонь зальетъ—что же будешь дѣлать?

— Объ этомъ слова нѣтъ... Ну, а съ ругани что, убудетъ тебя, что-ли? Тебя лаютъ, и ты лай, вваливай на здоровье!.. Э, что объ этомъ толковать? Пей пиво! Будь здоровъ, Капусткинъ!.. Ты что дѣлаешь то на берегу?

Я разсказалъ о своихъ злоключеніяхъ.

— Н-да,—сказалъ Лаптевъ.—Это дѣло намъ знакомое. Взялся за гужъ—тяни!.. А ты бы работалъ пока здѣсь. За харчи. Съ недѣльку вѣдь еще повозимся. Спроси боцмана!

Боцманъ, замѣнявшій уѣхавшаго штурмана, выразилъ согласіе. У меня совсѣмъ отлегло отъ сердца. Чудесно: буду работать на

Альмѣ за харчи, а по вечерамъ разыскивать пароходы. Я тутъ же послѣ обѣда принялся вмѣстѣ съ остальными грузить доски.

Рабочіе оставались ночевать на Альмѣ; весь кубрикъ былъ занятъ, а спать на палубѣ было нельзя изъ-за дождя. Это обстоятельство меня, впрочемъ, не смущало: у меня было еще цѣлыхъ пять кронъ, и я могъ надолго обезпечить себѣ ночлегъ въ Sailors homeѣ.

Устроивъ себѣ такимъ образомъ ближайшее будущее, я очень остроумно распорядился со своими пятью кронами. Около трехъ кронъ я отдалъ впередъ въ контору Sailors home'а, около двухъ истратилъ на табакъ и спички, остальные 60—70 эръ (30—35 коп.) сохранилъ про запасъ. Все это было въ достаточной мѣрѣ глупо, но сообразилъ я это далеко не сразу и пока что былъ совершенно доволенъ.

Цѣлый день я работалъ на Альмѣ, укладывая въ ея трюмъ бѣленькія, вкусно пахнувшія доски. Вечеромъ обходилъ портъ, получалъ неизмѣнно нѣкоторую долю косыхъ взглядовъ, наконецъ, возвращался въ Sailors home и заканчивалъ день поучительной бесѣдой со своимъ сосѣдомъ по койкѣ, трудившимся по вечерамъ надъ разрѣшеніемъ крайне интересовавшей его задачи: ему во что бы то ни стало хотѣлось выучиться писать русскими буквами собственное имя: Карлъ Густавъ Нурбергъ. Написавши его съ моей помощью, онъ пытался прочесть его примѣнительно къ латинскому алфавиту и всякій разъ находилъ въ этой операціи новые источники веселья и всяческой утѣхи...

Такъ продолжалось два дня. Третій день принесъ съ собою полное разрушеніе моего недолгаго благополучія.

Утромъ рано пріѣхалъ капитанъ съ новой командой изъ Либавы. Медлительность нагрузки, повидимому, не соотвѣтствовала его планамъ: онъ поставилъ на работу всю новую команду, принималъ рабочихъ на берегу, и категорически приказалъ, чтобы на другой день къ полудню Альма была готова къ выходу въ море. Передо мной открывались очень невеселыя перспективы.

Онѣ, впрочемъ, не особенно пугали меня. Несмотря на свое одиночество и полное незнаніе языка, я чувствовалъ себя далеко не такимъ безпомощнымъ, какъ, бывало, въ Марселѣ, и хранилъ упорную увѣренность, что такъ или иначе я извернусь и не пропаду. Поэтому рѣшеніе капитана огорчило меня не столько лишеніемъ нѣсколькихъ спокойныхъ и сытыхъ дней, сколько самою разлукою съ Альмой. Только теперь я увидѣлъ, какъ крѣпко я успѣлъ привязаться къ этому милому, старому, пахнущему смолой и моремъ судну, гдѣ каждый канатъ и каждая доска были мнѣ извѣстны и гдѣ за два съ лишнимъ мѣсяца было пережито столько тяжелыхъ невзгодъ и столько простецкихъ, незатѣйливыхъ, здоровыхъ радостей. Никогда и нигдѣ я не надсаживалъ своихъ рукъ, какъ на Альмѣ, и нигдѣ и никогда я не чувствовалъ себя такимъ

крѣпкимъ и вольнымъ, какъ на этомъ маленькомъ суднѣ, въ вознѣ съ парусами, среди плеска, гула и рокота волнъ; и нигдѣ и никогда я не засыпалъ такъ безтревожно, какъ въ своемъ ящикѣ, подъ ритмическое поскрипываніе фокъ-мачты.

Мнѣ пріятно вспомнить, что передъ окончательной разлукой мнѣ пришлось избавить эту милую Альму отъ недобраго стариннаго навожденія, о которомъ, впрочемъ, зналъ одинъ капитанъ.

Читатель помнитъ, что, въ бытность мою кокомъ, я долженъ былъ каждое утро носить капитану завтракъ, состоявшій изъ кофе и поджаренаго сала. Случалось нерѣдко, что, придя съ завтракомъ, я заставалъ капитана спящимъ, и всегда въ этихъ случаяхъ мнѣ бросалось въ глаза одно обстоятельство, казавшееся мнѣ необъяснимымъ.

Помѣщеніе, занимаемое капитаномъ, состояло изъ двухъ неровныхъ частей. Лѣстница съ высокаго юта вела, черезъ крошечный коридорчикъ, въ просторную каюту, служившую капитану столовой и кабинетомъ. Большой, неподвижно придѣланный къ полу столъ, круглое окно съ компасомъ въ потолкѣ, нѣсколько складныхъ стульевъ и по стѣнамъ небольшіе, плотно затворявшіеся шкафы для атласовъ, морскихъ картъ и астрономическихъ приборовъ. Крошечная кушетка, обитая краснымъ бархатомъ и придѣланная къ стѣнѣ подъ окномъ, выходившимъ на гротъ-мачту, довершала убранство комнаты.

Налѣво отъ входа небольшая дверь вела въ другую маленькую каюту, отдѣлявшуюся отъ большой тоненькой перегородкой и также снабженную четырехъугольнымъ подъемнымъ окошечкомъ, выходившимъ также на палубу, на гротъ-мачту. Здѣсь не было ничего, кромѣ великолѣпной, огромной морской кровати, устроенной съ разсчетомъ на всевозможный, доступный на морѣ, комфортъ...

Обстоятельство, обращавшее на себя мое вниманіе, заключалось именно въ томъ, что капитанъ никогда не спалъ на этой кровати, предпочитая устраиваться въ большой каютѣ на крошечной кушеткѣ, что, при его ростѣ и богатырскомъ тѣлосложеніи, имѣло всѣ признаки жесточайшей добровольной пытки. Входя по утрамъ, я часто находилъ его лежащимъ съ головой, свѣсившейся внизъ чуть не до самого пола, съ лицомъ, багровымъ до такой степени, что казалось совершенно необходимымъ пустить ему кровь или обмокнуть головой въ море. Иногда при этомъ онъ хрипѣлъ, булькалъ и скрипѣлъ зубами такъ неистово, что я кидался и трясъ его за плечо, опасаясь, какъ бы его не хватилъ какой-нибудь ударъ. Онъ вскакивалъ, смотрѣлъ на меня страшными красными глазами, встряхивалъ головой и мало по малу приходилъ въ свое обычное, спокойно-благодушное состояніе, такъ гармонировавшее съ его мощной фигурой и красивымъ, мужественнымъ, открытымъ лицомъ.

Привыкнувъ поневолѣ свертываться въ три погибели въ своей

матросской койкѣ, я совершенно серьезно недоумѣвалъ, что за охота пришла капитану выдѣлывать каждую ночь эти рискованные эквилибристическіе фокусы. Спрашивать объ этомъ въ морѣ, конечно, было глупо,—но какъ разъ наканунѣ моего прощанія съ Альмой къ этому самъ собой представился случай.

Подъ вечеръ, когда нагрузка судна была почти закончена и я собирался ѣхать на берегъ, въ шлюпку вмѣстѣ со мною прыгнулъ капитанъ.

— Пойдемъ погулять вмѣстѣ. Завтра въ море!..—сказалъ онъ.

Цѣлый вечеръ мы бродили съ нимъ по окрестностямъ Готенбурга, бесѣдуя о самыхъ различныхъ предметахъ. Славная, наивная, добрая душа былъ этотъ капитанъ. Оторванный отъ земли, проведшій болѣе двадцати лѣтъ въ почти непрерывномъ плаваніи, онъ сохранилъ какую-то полудѣтскую свѣжесть представленій обо всемъ, что творится въ мірѣ, населенномъ добрыми и злыми людьми. Хорошо бы, если бъ было побольше добрыхъ и поменьше злыхъ, но, кажется, злыхъ больше, а почему—непонятно... Развѣ не пріятнѣе было бы самому Богу, если бъ на свѣтѣ было больше добрыхъ людей?

Мы обошли чудесный Готенбурскій паркъ, дикій могучій лѣсъ, закиданный глыбами краснаго камня, бродили по окрестнымъ гранитнымъ скатамъ и террасамъ, любуясь видомъ на усѣянный рифами, сѣро-зеленый, вѣчно сердитый Каттегатъ, «кладбище моряковъ», какъ назвалъ его капитанъ. Я замѣтилъ, что лицо его часто хмурилось при взглядѣ на темнѣющій проливъ и какое то тяжелое раздумье овладѣвало имъ; онъ стряхивалъ его, и снова мы пускались въ длинныя русско-англійско-нѣмецкія разсужденія.

Когда мы шли обратно, пошелъ дождь, заставившій насъ искать убѣжища въ небольшомъ портовомъ ресторанчикѣ. Въ каминѣ, по случаю сырой и вѣтряной погоды, горѣлъ огонь; въ сосѣднемъ залѣ маленькій струнный оркестръ тихо наигрывалъ какую-то меланхолическую мелодію. Капитанъ, очевидно, усталъ или ему взгрустнулось: онъ сидѣлъ молча, подперши голову рукой и медленно прихлебывая кофе съ душистымъ шведскимъ пуншемъ. Желая развеселить его, я сталъ припоминать разные случаи изъ нашего путешествія. Я напомнилъ ему, какъ его возмущала моя безнадежно черная внѣшность, исправить которую я не могъ, потому что, по должности кока, долженъ былъ лазить сто разъ на дню въ угольную яму; какъ мы съ Викторомъ крали иногда кружку прѣсной воды, чтобы хоть разъ умыться съ мыломъ... Перебирая различные эпизоды, я вспомнилъ и то, о чемъ не рѣшался спросить капитана въ морѣ:

— Слушайте, капитанъ, почему вы спите на этой кушеткѣ, которая вдвое меньше васъ?

Онъ вздрогнулъ, сдѣлалъ попытку разсмѣяться, потомъ энергично провелъ рукой по волосамъ и вдругъ уставился прямо мнѣ

въ лицо. Этотъ великанъ, казавшійся мнѣ всегда воплощеніемъ невозмутимаго спокойствія и силы, былъ, видимо, сильно взволнованъ.

— Это глупость,—сказалъ онъ.—Но я вамъ скажу... Вы образованный человѣкъ, студентъ, и скажете что-нибудь для моей дурацкой головы. Я вѣдь хоть большой, а дуракъ, глупый дельфинъ изъ моря. Вѣрно?..

— Ну, ну, полно!—сказалъ я, совершенно не понимая ни волненія капитана, ни этого своеобразнаго предисловія.—Вы разскажите лучше.

Мнѣ очень жаль, но передать дословно разсказъ капитана, ведшійся сразу на трехъ языкахъ, ни въ коемъ случаѣ невозможно, и я передаю его только въ тѣхъ главныхъ чертахъ, которыя наиболѣе рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти.

— Альма, — началъ капитанъ, — плаваетъ скоро пятнадцать лѣтъ. Когда она въ первый разъ вышла въ море, я былъ молодой мальчикъ, а мой отецъ былъ старый и больной человѣкъ; уже смерть шила ему саванъ. У него былъ братъ, мой дядя, и онъ былъ шкиперъ на Альмѣ, вмѣсто отца, который былъ больной человѣкъ. Но отецъ мой былъ хозяинъ Альмы и еще двухъ другихъ старыхъ кораблей, а я, молодой мальчикъ, былъ его одинъ наслѣдникъ.

— Мой отецъ былъ старый, строгій, хорошій морякъ. Онъ ходилъ на китовъ и зналъ море, какъ себя самого, и онъ хотѣлъ, чтобы я тоже былъ такой же хорошій морякъ. Онъ велѣлъ мнѣ служить юнгой у его брата, моего дяди... Мой дядя былъ злой и хитрый человѣкъ, можетъ быть, его Богъ наказалъ, объ этомъ я хочу васъ спросить. Три года, три года онъ мучилъ меня, какъ собаку, которую хотятъ убить...

Капитанъ остановился и, наклонивъ голову, набралъ воздуху въ свою могучую грудь, какъ бы боясь, что ему не достанетъ дыханія.

— Онъ билъ меня постоянно... Онъ бралъ линьпугъ и билъ меня въ спину и въ грудь, чтобы оторвать мнѣ сердце. Ночью въ штормъ онъ приказалъ мнѣ залѣзть на мачту, а самъ отвязалъ топсель-фалъ, и я оборвался внизъ и разбилъ голову и грудь и чуть не умеръ. А онъ не давалъ мнѣ ѣсть и гонялъ меня на палубу, больного, когда у меня была лихорадка. Когда мы приходили домой, онъ говорилъ отцу, что я лѣнтяй и воръ, и что мое мѣсто въ тюрьмѣ, а не на суднѣ. Отецъ мой былъ старый, строгій морякъ; онъ любилъ меня, но онъ хотѣлъ, чтобы я былъ такой же хорошій, настоящій морякъ, и вѣрилъ дядѣ, а мнѣ не вѣрилъ.

— Я три года былъ, какъ собака, и сколько разъ я хотѣлъ кинуться въ море и утонуть, чтобы онъ больше не мучилъ меня. Иногда я хотѣлъ убить его, но онъ вѣдь былъ братъ моего отца,

моя кровь. Иногда я плакалъ и молился, чтобы Богъ послалъ смерть ему или мнѣ.

— Однажды я заболѣлъ и не могъ идти въ море. Я остался дома, а онъ уѣхалъ въ Англію. Ну, другъ мой, сейчасъ я разскажу вамъ все до конца. Когда онъ уѣхалъ, я лежалъ сильно больной и все видѣлъ, какъ будто онъ бьетъ меня. И я плакалъ и молился, чтобы чортъ его взялъ... Чтобы чортъ его взялъ...

Капитанъ остановился и посмотрѣлъ на меня странно растеряннымъ взглядомъ:

— Знаете? Ночью вотъ здѣсь, въ Каттегатѣ, онъ вышелъ на ютъ пьяный. Была буря и вдругъ ударила большая волна и смыла его прочь, какъ кусокъ сухой пакли! Одного его!.. Это я навелъ на него смерть. Онъ былъ братъ моего отца, а я намолилъ ему смерть. Я просилъ, чтобы чортъ его взялъ!..

Капитанъ говорилъ, опустивъ голову, тихимъ придушеннымъ голосомъ, и видно было, что весь онъ охваченъ глубокимъ, мистическимъ ужасомъ передъ роковыми послѣдствіями своей молитвы. Вдругъ онъ поднялъ голову и пододвинулся ко мнѣ, опираясь на столъ обѣими руками:

— Когда, черезъ два года, послѣ смерти отца, я сталъ плавать на Альмѣ шкиперомъ, онъ сталъ ко мнѣ приходить!..

— Кто онъ?—спросилъ я, чувствуя нѣкоторую оторопь передъ темнымъ ужасомъ, исказившимъ мужественное лицо этого богатыря.

— Онъ, дядя!—сказалъ капитанъ, глаза котораго расширились до неузнаваемости.—Когда я легъ спать и закрылъ глаза, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «уйди съ моего мѣста»!.. На другую ночь тоже. На третью ночь тоже, всегда, всегда!.. Я не могу спать на этой кровати!..

Что было сказать ему, большому ребенку, въ душѣ котораго жилъ этотъ смутный хаосъ, странное сплетеніе суевѣрія и темнаго семейнаго, родового инстинкта? Я прежде всего постарался принять самый спокойный и веселый видъ и сталъ доказывать капитану, что дядя мерещится ему, не имѣя на то рѣшительно никакого основанія. Онъ столько лѣтъ пытался изъ корыстныхъ цѣлей извести родного племянника, свою кровь, и, стало быть, чортъ имѣлъ на него всѣ права, помимо всякихъ молитвъ. Если чортъ есть, то такіе господа, какъ дядя, для него сущій кладъ. Но дѣло въ томъ, что никакого чорта нѣтъ; это мнѣ, образованному студенту, доподлинно извѣстно. Дядя, конечно, тоже молился, чтобы чортъ взялъ племянника, не одну ночь, а цѣлыхъ три года молился,—однако племянникъ живъ и пьетъ сейчасъ кофе на доброе здоровье. Просто племянникъ вбилъ себѣ въ голову ерунду и считаетъ себя виноватымъ въ томъ, что пьяный, злющій человѣкъ свалился въ море во время шторма...

Въ такомъ и подобномъ родѣ я развилъ цѣлый рядъ разно-

образнѣйшихъ соображеній. Въ концѣ концовъ капитанъ разсмѣялся.

— У меня, конечно, дурацкая голова. Я очень радъ, что разсказалъ вамъ. Я тоже теперь думаю, что все это глупости... Пойдемъ ко мнѣ на Альму спать...

Мы расплатились и, такъ какъ у капитана не хватило мелочи, а въ ресторанчикѣ не хватило сдачи, то я отдалъ сорокъ эръ изъ своего запаснаго капитала. Мы вышли и направились на Альму.

Съ неба, заволоченнаго густыми тучами, моросилъ мелкій холодный дождикъ. Въ непроглядной чернильной тьмѣ мы кое какъ добрались до берега, ежеминутно спотыкаясь о какія-то бочки, доски и веревки. Наконецъ, тихій плескъ воды далъ намъ понять, что мы у берега.

Мы стали орать поочередно «Альма-гой»!—и орали до тѣхъ поръ, пока у самыхъ нашихъ ногъ показалась черная масса, оказавшаяся шлюпкой съ наполовину спящимъ боцманомъ. По неизвѣстнымъ соображеніямъ этотъ милый человѣкъ счелъ за лишнее отвѣчать на наши крики. Вѣроятно, онъ разсудилъ, что, если онъ отзовется, мы перестанемъ орать и ему будетъ трудно найти насъ въ этой кромѣшной тьмѣ. Это вышло во всякомъ случаѣ очень смѣшно, и мы вернулись на Альму въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

На палубѣ, вровень съ бортомъ, были наложены доски, трюмъ былъ набитъ ими, какъ коробка спичками. Сильно пахло смолой и мокрымъ деревомъ. Судно спало мертвымъ сномъ. Предоставивъ боцману возиться со шлюпкой, мы съ капитаномъ пробрались по доскамъ на ютъ и ощупью спустились по лѣсенкѣ въ каюту.

— Если вы еще не спите,—сказалъ капитанъ,—то можете отыскать на столѣ свѣчу. А я пойду спать. Я не спалъ со вчерашняго дня.

Онъ отыскалъ въ темнотѣ мою руку и пожалъ ее.

— Good night, my boy!..

— Good night, captain!..

Онъ ощупью прошелъ въ маленькое отдѣленіе. Разыскивая на столѣ свѣчу между какими-то бумагами и тарелками, я слышалъ, какъ онъ улегся, не раздѣваясь, и захрапѣлъ почти въ ту же минуту.

Послѣ долгихъ поисковъ я отыскалъ, наконецъ, спички и цѣлую пачку толстыхъ фонарныхъ свѣчей, лежавшую на самомъ краю большого стола. Я зажегъ одну изъ нихъ, приклеилъ къ столу и улегся на маленькой кушеткѣ, подложивъ подъ голову куртку. Тутъ же на столѣ я отыскалъ истрепанный номеръ нѣмецкаго юмористическаго журнала и сталъ прилежно переводить діалогъ между Frau Hofrathin и Herr Lieutenant, надѣясь такимъ способомъ заставить себя уснуть. Но спать мнѣ рѣшительно не

хотѣлось, и я скоро бросилъ глупый журналъ и сталъ безцѣльно смотрѣть передъ собою.

Богъ знаетъ почему, но я испытывалъ странное чувство безотчетнаго безпокойства. Была-ли то простая игра нервовъ, хорошо знакомая всякому русскому интеллигенту, или суевѣрный ужасъ, свѣтившійся въ глазахъ капитана, поднялъ со дна души темныя внушенія дѣтства съ его страшными сказками и ночною жутью, или было то и другое,—но только я чувствовалъ, что непобѣдимая, необъяснимая тревога овладѣваетъ мною и что сердце у меня бьется нервно и болѣзненно... Я выругалъ себя самого, закурилъ папиросу и попытался думать о какихъ либо пріятныхъ вещахъ.

Ничего не выходило. Мертвая тишина, нарушаемая только тяжелымъ дыханіемъ капитана и смутнымъ говоромъ невидимыхъ струй у бортовъ, давила меня. Мысль не хотѣла работать спокойно, дѣлала какіе то головокружительные скачки и черезъ минуту я поймалъ себя на томъ, что думаю я не о комъ другомъ, какъ о дядѣ капитана, незримо живущемъ на Альмѣ. Конечно, я ни одной секунды не утрачивалъ яснаго сознанія нелѣпости всякихъ суевѣрій, но мутный хаосъ, взволновавшійся въ душѣ, былъ сильнѣе сознанія, и непонятная тревога росла въ душѣ непрерывно.

Вдругъ огонь свѣчи, горѣвшей на краю стола, сталъ меркнуть, странно вспыхивать и замирать, окрасился синимъ цвѣтомъ и, мигнувъ нѣсколько разъ, оторвался отъ фитиля и погасъ. Я вскочилъ и сѣлъ на кушеткѣ, глядя во тьму прямо передъ собой и слыша удары собственнаго сердца, бившагося медленно и со страшною силой.

Мнѣ думается, что въ жизни каждаго человѣка бываетъ—хотя бы однажды—моментъ, когда онъ готовъ повѣрить въ невозможное, когда ему кажется, что онъ вплотную подошелъ къ той грани, за которой таится «многое, не снившееся нашимъ мудрецамъ». «Призракъ можетъ смутить душу Ричарда»... Была минута, когда трезвый и скептическій Донъ-Жуанъ долженъ былъ повѣрить въ привидѣніе замка Амондвилей. Въ тайныхъ глубинахъ души скрывается кое-что, спящее въ обычныхъ условіяхъ нашей жизни; иногда оно едва слышно дастъ знать о себѣ смутными, бѣглыми ощущеніями тоски, ожиданія или той безотчетной тревогой, которая рождается подъ крикъ ночной совы, подъ вой вѣтра въ трубѣ... Но жизнь богата самыми неожиданными сцѣпленіями обстоятельствъ: одно изъ нихъ случилось со мною.

Въ кромѣшной темнотѣ передо мной, вспыхивая, вертѣлись цвѣтные круги и самая тьма, казалось, колебалась, металась и клубилась, принимая нелѣпыя, уродливыя формы. Голова у меня кружилась и кровь шумѣла возлѣ ушей; въ мысляхъ и ощущеніяхъ былъ полный безпорядокъ. Прислонившись спиной къ стѣнѣ,

я глядѣлъ прямо предъ собою... Что за дикая исторія?.. Ну, что же, иди!.. Иди-же, какъ тебя тамъ!.. И если-бы въ тотъ моментъ я почувствовалъ на своемъ плечѣ тяжелую, свинцовую руку и глухой замогильный голосъ назвалъ бы меня по имени, я счелъ бы это совершенно необходимымъ продолженіемъ всего предыдущаго.

Такъ просидѣлъ я нѣсколько минутъ, а, быть можетъ, нѣсколько секундъ, пока не почувствовалъ съ полной ясностью, что мнѣ не хватаетъ воздуха, и я задыхаюсь. Дядя капитана пропустилъ удобный моментъ: ко мнѣ возвратилась вся полнота сознанія. Нащупавъ на столѣ коробку, я чиркнулъ спичкой; синій огонекъ вспыхнулъ и пропалъ, прежде чѣмъ я успѣлъ поднести его къ свѣчѣ. То-же повторилось съ другой и третьей спичкой. Дышать мнѣ между тѣмъ становилось все труднѣе. Бросивъ спички, я повернулся и протянулъ руку къ окошку. Оно оказалось вдѣланнымъ наглухо.

Я вспомнилъ тогда, что изъ двухъ оконъ капитанскаго помѣщенія я видѣлъ открытымъ всегда только одно. Выбравшись въ темнотѣ изъ-за стола, я ощупью нашелъ дверь въ маленькую каюту и сталъ медленно пробираться вдоль тонкой перегородки, боясь наткнуться на капитана. Я, однако, задѣлъ его откинутую руку; онъ завозился, захрипѣлъ, заскрежеталъ зубами; стремительно продвинувшись мимо него, я толкнулъ окно и, высунувшись на палубу, принялся глотать влажный, упоительно-вкусный воздухъ. Дождь пересталъ, и на небѣ, въ просвѣты между быстро бѣжавшими порѣдѣвшими облаками, смотрѣли золотистыя звѣзды. Мгновенно я успокоился и съ наслажденіемъ подставлялъ свою голову дыханію свѣжаго вѣтра, слабо шелестѣвшаго въ знакомыхъ снастяхъ доброй старой Альмы.

Вдругъ двѣ могучихъ руки схватили меня сзади и надъ самымъ ухомъ я услышалъ быстрое, прерывистое дыханіе. Обернувшись назадъ, я тотчасъ узналъ капитана.

— Ахъ, чортъ возьми!.. Это вы... У-фъ!—сказалъ онъ, отпуская меня и садясь на край постели.

— Что съ вами?—спросилъ я. Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ даже испугаться.

Капитанъ сталъ смѣяться.

— Простите,—сказалъ онъ:—я совсѣмъ спалъ... Я вижу—стоитъ кто-то у камина. Я думалъ, это опять онъ.

— Вы, капитанъ, тисните въ слѣдующій разъ его такъ же, какъ меня. Ей Богу, онъ перестанетъ вамъ надоѣдать...

— Его больше не будетъ,—сказалъ, смѣясь, капитанъ.—Вотъ видите, я вѣдь заснулъ чудесно. Я больше не вѣрю въ дядю!..

Мы зажгли свѣчу, которая на этотъ разъ горѣла превосходно. Я разсказалъ капитану, какъ у меня гасла свѣча.

— Это отъ дерева въ трюмѣ,—сказалъ онъ.—Я такъ хотѣлъ

спать, что забылъ даже открыть окно. А это всегда, когда въ трюмѣ дерево. Газъ такой, должно быть...

Черезъ десять минутъ оба мы спали безмятежнѣйшимъ образомъ. Тѣнь стараго жестокаго моряка оставила Альму навсегда...

На другой день, около полудня, мы трогательно простились съ капитаномъ и Лаптевымъ, который передъ самымъ выходомъ въ море былъ произведенъ въ чинъ штурмана...

Положеніе мое послѣ ухода Альмы было во всякомъ случаѣ невеселымъ. Въ карманѣ у меня оставалось десять эръ, что равняется приблизительно нашему пятаку; опытъ послѣднихъ дней не давалъ мнѣ никакихъ основаній преувеличивать благодѣтельную силу своего аттестата, гдѣ было указано, что я прослужилъ столько-то мѣсяцевъ на парусной шхунѣ, обнаруживъ за все это время похвальное усердіе и «полное знаніе своего дѣла». Я чувствовалъ, что мнѣ предстоятъ невзгоды, неизмѣримо горшія, чѣмъ въ Марсели, но крѣпился и не давалъ воли темнымъ мыслямъ.

Однако, вернувшись съ пристани въ Sailors home, я воспользовался сохранившейся у меня маркой и написалъ на всякій случай Виктору, что мнѣ рѣшительно не везетъ и что ближайшее будущее рисуется мнѣ въ очень неопредѣленномъ видѣ.

Когда я надписывалъ конвертъ, вернулся веселый Карлъ, объявившій, что онъ пришелъ звать меня обѣдать. Чудакъ! Онъ воображалъ, что это такъ просто! Въ ту же минуту я почувствовалъ, что уже теперь мнѣ хочется ѣсть, и во мнѣ родилась отчаянная рѣшимость сейчасъ же, немедленно, во что бы то ни стало отыскать работу. У каждаго бѣдняка, не дошедшаго еще до послѣднихъ предѣловъ злосчастія и отчаянія, вѣроятно, бываютъ минуты, когда невозможность найти заработокъ вдругъ представится смѣшною нелѣпостью, чудовищнымъ недоразумѣніемъ.. Какъ же такъ? Вѣдь человѣку нужно же ѣсть, чтобы жить! Вѣдь это такъ же до глупости просто и очевидно, какъ и то, что ему нужно дышать. Вѣдь было бы нелѣпо, если бы вдругъ человѣку сказали, что ему нельзя дышать! Именно такою глупостью представилась мнѣ теперь мысль о возможности остаться *совсѣмъ* безъ работы. У меня десять эръ; положимъ, я проѣмъ ихъ въ два дня, а потомъ?... Такъ и ничего?.. Не можетъ быть, вздоръ, нелѣпость!

Я сказалъ Карлу, что я уже обѣдалъ и, подождавъ, пока онъ ушелъ, вышелъ самъ и чуть не бѣгомъ устремился въ городъ. Гдѣ только я не побывалъ въ теченіе двухъ-трехъ часовъ! Я обѣгалъ двадцать лѣсопиленъ, двадцать разъ пытался принять участіе въ различныхъ постройкахъ, предлагалъ свои услуги для протягиванія рыбныхъ барокъ по каналу, изъявлялъ радостную готовность таскать песокъ для починки мостовой, заходилъ во дворы, въ магазины, снова обошелъ изъ конца въ конецъ набережную, пока не очутился вновь на площади передъ Sailors home'омъ, измученный и съ полной апатіей въ душѣ.

Я купилъ на десять эръ хлѣба и возвратился въ свою «каюту». Усталость и мрачное расположеніе духа прогнали голодъ: ѣсть мнѣ не хотѣлось. Забравшись на свою койку, я лежалъ и курилъ, пока у меня не разболѣлась голова. Вѣроятно, наканунѣ я простудился, такъ какъ къ вечеру стало меня знобить. Закутавшись въ жесткое, колючее одѣяло, свернувшись калачомъ и зажавъ ладони между колѣнами, я лежалъ, пытаясь согрѣться и чувствуя, какъ во мнѣ тяжелымъ, давящимъ комомъ растетъ глухое отчаяніе... Если утромъ мнѣ казалось, что отъ возможности пропасть вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего, человѣкъ гарантированъ метафизическимъ смысломъ своего существованія, своимъ божественно яснымъ правомъ на жизнь, то теперь эта возможность представлялась мнѣ изумительно простой... Боже мой, что же тутъ страннаго, непонятнаго, необычнаго? У человѣка нѣтъ денегъ, нѣтъ работы, нѣтъ никого, къ кому онъ могъ бы обратиться за помощью,— развѣ мало такихъ, развѣ я не знаю давнымъ давно, что такихъ ни за что пропадающихъ людей—легіоны? Развѣ это знаніе не являлось для меня тѣмъ, что называютъ основою міровоззрѣнія? Теперь я самъ попалъ въ число этихъ людей—только и всего...

Ознобъ, наконецъ, прошелъ, за то поднялся жаръ. Ноги въ суставахъ ныли, во рту была сухость, но это было во всякомъ случаѣ лучше озноба. Было даже что-то пріятное въ этихъ быстрыхъ, горячихъ струяхъ, непрерывно пробѣгавшихъ по плечамъ и груди и разливавшихся по всему тѣлу. Иногда я забывался и тогда мнѣ казалось, что я лежу въ своей койкѣ на Альмѣ, что глубоко внизу подо мною тихо рокочетъ вода; иногда представлялось, будто я въ Москвѣ, въ меблированныхъ комнатахъ Фальцъ-Фейна, что за перегородкой мелодически звучитъ рояль, а рядомъ со мною, въ темнотѣ, кто-то разговариваетъ вполголоса: должно быть, Викторъ и братъ Анатолій... Потомъ музыка и голоса неожиданно умолкли, темнота кругомъ сгустилась, и мнѣ стало ясно, что тутъ не Альма и не Фальцъ-Фейнъ, а одиночная камера № 281 въ Таганкѣ... За дверью ясно слышны шаги, приближающіеся по длинной галлереѣ... Вотъ звякнула ручка у двери: надзиратель... Зачѣмъ это онъ такъ поздно?..

Дверь отворилась; яркій свѣтъ изъ коридора ударилъ мнѣ въ глаза и возвратилъ меня къ дѣйствительности. Вошелъ Карлъ, возвратившійся, повидимому, съ веселой прогулки; въ рукахъ у него была лампа. Поставивъ ее на столъ, онъ нѣсколько минутъ, глубокомысленно улыбаясь, смотрѣлъ на огонь. Потомъ, щелкнувъ пальцами, сразу повернулся, подошелъ къ шкафу и, вытащивъ мѣшокъ, принялся быстро и какъ попало укладывать въ него свои вещи. Притворившись спящимъ, я втихомолку, вполглаза, наблюдалъ со своей высоты за его нескладными движеніями сильно выпившаго человѣка, внутренне желая только одного: чтобы это нелѣпо-веселое существо не вздумало будить меня и за-

тѣвать свои глупые разговоры. Онъ, очевидно, собирался уѣзжать, получилъ «адвансъ» и былъ совершенно доволенъ; я былъ голоденъ, боленъ и несчастенъ и чувствовалъ какую-то темную враждебность къ этому веселому парню, какъ будто онъ своимъ отъѣздомъ хотѣлъ нарочито досадить мнѣ. Ему наплевать на меня, а мнѣ на него наплевать—и разговаривать намъ рѣшительно не о чемъ...

Набивъ мѣшокъ, онъ приподнялъ его вытянутой рукой за верхушку, встряхнулъ нѣсколько разъ, бросилъ съ размаха на койку и, покачнувшись, грузно сѣлъ рядомъ съ нимъ. Во всемъ этомъ не было ничего, кромѣ избытка жизнерадостности, но именно это еще болѣе раздражало меня. Я уже собрался было заявить ему, что я хочу спать и прошу погасить лампу, которая мнѣ мѣшаетъ,—какъ вдругъ онъ взглянулъ наверхъ и, встрѣтившись со мною глазами, изобразилъ на своемъ лицѣ радостное изумленіе.

— О!.. вы дома, camarade!..

— Дома!—мрачно сказалъ я, рѣшительно закрывая глаза, въ знакъ того, что я не расположенъ къ продолжительнымъ бесѣдамъ.

— Я очень радъ, camarade! Это очень хорошо! А я думалъ, что вы гуляете! А вы дома... Это очень хорошо!

Я молчалъ, съ трудомъ подавляя въ себѣ желаніе назвать его идіотомъ. Мое молчаніе, однако, нисколько его не смущало.

— А я ѣду завтра!.. Въ Стокгольмъ!. Это—великолѣпный городъ, camarade! Вы не знаете? А я тамъ родился!.. Завтра—въ десять часовъ!.. О, lilla flicka, lilla flicka!..—вдругъ запѣлъ онъ, но тутъ же оборвался и объяснилъ мнѣ, что lilla flicka значитъ милая дѣвочка... Неизвѣстно, для чего ему понадобилось узнать, какъ выйдетъ по русски lilla flicka.

Это обѣщало нескончаемыя филологическія упражненія, и я рѣшилъ разомъ отдѣлаться отъ веселой назойливости этого парня.

— Я боленъ и хочу спать, Карлъ! Я не могу разговаривать: у меня болитъ голова.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, почти съ испугомъ.

— Вы больны?—спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто я сказалъ какую-то фантастически-невѣроятную вещь. Сдѣлавъ необыкновенно серьезное лицо, онъ всталъ съ койки, на которой сидѣлъ, подошелъ ко мнѣ и, приподнявшись на цыпочки, внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Это... нехорошо!—сказалъ онъ.

— Конечно, нехорошо!—отвѣтилъ я, не скрывая раздраженія, и отвернулся къ стѣнѣ.

Онъ снялъ сапоги, погасилъ лампу и улегся, не сказавъ болѣе ни слова.

Онъ заснулъ почти въ ту же минуту, и я вздохнулъ съ облегченіемъ: теперь никто не потревожитъ меня до утра!.. Жаръ у меня, повидимому, уменьшался или я успѣлъ привыкнуть къ нему,

но голова болѣла тяжко. Нащупавъ желѣзную раму койки, я отогнулъ съ нея тоненькій волосяной матрасъ, прижался лбомъ къ холодному желѣзу и лежалъ такъ, стараясь устроить возможно удобнѣе отчаянно нывшія ноги. Въ окно слабо брезжилъ свѣтъ фонарей, горѣвшихъ на площади; откуда-то со стороны порта доносились обрывки непонятныхъ словъ пьяной пѣсни.

На душѣ у меня лежалъ тяжелый камень неизъяснимой тоски; я чувствовалъ, что мнѣ не скоро удастся уснуть. О ближайшемъ будущемъ, о завтрашнемъ днѣ я совсѣмъ не думалъ и думать было нечего: все равно... За то съ необычайной, лихорадочной ясностью воображеніе рисовало пестрыя картины русской жизни. Никогда за время моихъ заграничныхъ скитаній воспоминаніе о родинѣ не волновало меня такъ болѣзненно...

Все обострилось, все обозначилось рѣзко; все, вставшее въ памяти, казалось пережитымъ вчера; радостное и мучительное, нѣжное и грубое—все переплелось, спуталось, смѣшалось... Россія—отчизна, родной край, гдѣ все, чѣмъ до сихъ поръ питалась мысль и жила душа, гдѣ все свое, естественно-близкое, понятное съ полуслова, теплое, сочувственное,—и Россія—образъ темной, неутомимо враждебной силы, угрюмой, сосредоточенно злобной, обратившей меня въ изгнанника и бродягу, прекрасная и страшная Россія,—никогда я не думалъ о ней съ такимъ напряженіемъ, какъ въ эту ночь, на койкѣ готенбургскаго матросскаго дома... Вѣдь она въ сущности такъ близко—вотъ тутъ, за этимъ маленькимъ моремъ широко разливается русская рѣчь, кипитъ и волнуется знакомая русская жизнь, такъ близко и въ то же время такъ далеко!.. Вѣдь здѣсь бываютъ, конечно, и русскіе пароходы, возвращающіеся домой... Черезъ какіе-нибудь сутки я могъ бы быть въ Россіи,—какъ и кѣмъ былъ бы я встрѣченъ тамъ?...

Какъ и кѣмъ?.. Въ моемъ мозгу, воспаленномъ лихорадкой, спутывались и сплетались различныя сцены, спутывались и сплетались стремительнымъ хороводомъ, красочно-пестрой гирляндой, образуя, наконецъ, одинъ сплошной полуболѣзненный хаосъ. Семья, родные, обступающіе меня радостнымъ, волнующимся кругомъ; товарищи, вводящіе меня въ новыя, неузнаваемо-измѣнившіяся условія новой, интересной, богатой жизни... Какое-то нѣжное дѣвичье лицо, то дѣтски-счастливое, то мучительно, напряженно печальное, вдругъ выступаетъ изъ пестроты быстро смѣняющихся явленій и снова исчезаетъ, прежде чѣмъ я узнаю, кто это... Опять мелькаютъ непонятно-знакомыя, необъяснимо-близкія лица, но въ яркомъ, надвинувшемся свѣтѣ, страшно близко, то въ тяжеломъ, буроватомъ сумракѣ; и рѣчи, и звуки, которые я слышу, то раздаются надъ самымъ ухомъ, рѣзко и отчетливо, какъ въ неожиданно открытую дверь, то едва слышно шепчутъ и ропщутъ издали... Инстинктивно я продвигаюсь лбомъ вдоль желѣзной полосы на еще не нагрѣтое,

холодное мѣсто... Все хорошо, все интересно и отлично, лишь бы не болѣла голова, лишь бы холоднѣе, холоднѣе... Хорошо бы лечь въ снѣгъ, и чтобы кругомъ было больше снѣга, бѣлаго, холоднаго снѣга...

Я проснулся отъ страннаго впечатлѣнія, будто кто-то пошарилъ около самаго моего уха. Солнце било яркими лучами въ открытое окно; на площади гремѣли колеса телѣгъ... Приподнявшись на локтѣ, я взглянулъ кругомъ, и мой взглядъ упалъ на голову Карла, высунувшуюся изъ коридора въ полуоткрытую дверь. Ноги, полосатый мѣшокъ и все остальное было за дверью.

— Good bay!..—сказалъ онъ, оставаясь за дверью.—Я не хотѣлъ будить васъ... Спите еще немножко... Good bay!..

Онъ привѣтливо улыбнулся, кивнулъ нѣсколько разъ головой и исчезъ.

Я еще разъ оглядѣлся вокругъ. Койка, гдѣ спалъ Карлъ, была пуста. Я понялъ, что пріятель мой уѣхалъ совсѣмъ.

Нѣсколько времени я сидѣлъ на кровати, апатично раздумывая о томъ, что мнѣ обѣщаетъ сегодняшній день. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась слабость и вялость; тянуло снова лечь и лежать, не двигаясь... Но что же будетъ дальше?..

Нѣтъ, нужно взять себя въ руки, чтобы не раскиснуть окончательно! Нужно пойти, побродить по солнцу, размяться, переломить эту глупую болѣзнь, случившуюся такъ не кстати, именно тогда, когда мнѣ нельзя ни лѣчиться, ни бездѣйствовать...

Упершись руками въ края койки, я приготовился спрыгнуть, какъ вдругъ что-то слабо звякнуло у меня подъ рукой. Повернувъ голову, я увидѣлъ нѣсколько серебряныхъ монетъ, лежавшихъ возлѣ подушки.

Я не могу назвать себя чрезмѣрно чувствительнымъ, но у меня невольно навернулись слезы, когда я понялъ, откуда взялись эти деньги. Ни однимъ словомъ я не намекнулъ Карлу на свое положеніе: этотъ грубый, простодушный матросъ, видѣвшій меня въ первый разъ въ жизни, сумѣлъ, силою простой, естественной человѣческой симпатіи, не только догадаться о немъ, но и придти мнѣ на помощь съ чуткой, трогательной деликатностью... Онъ помогъ мнѣ не однѣми двумя кронами, оставленными подъ подушкой: чѣмъ-то неизмѣримо огромнымъ, ободряющимъ, поднимающимъ духъ, повѣяло на меня отъ этой братской помощи, явившейся мнѣ въ тотъ моментъ, когда я считалъ себя на послѣдней ступени злосчастія и заброшенности. Странная глубокая радость была въ мысли, что именно въ этотъ моментъ ко мнѣ такъ просто подошелъ и такъ просто поддержалъ меня совершенно неизвѣстный мнѣ, чужой человѣкъ, не знающій ни моего имени, ни моего языка, ни моихъ мыслей и чувствъ, ничего... Подошелъ и помогъ, человѣкъ—товарищъ!..

Всякій разъ, когда, слыша сердитое посвистываніе ночной не-

погоды, я вспоминаю «странствующихъ въ морѣ далече», моя мысль останавливается съ любовью на этомъ бѣлокуромъ, простоватомъ Карлѣ Густавѣ Нурбергѣ... Добрый путь, милый товарищъ!.. Я понимаю теперь, почему вся жизнь представлялась тебѣ сплошнымъ all right. Ты, несомнѣнно, правъ въ конечномъ счетѣ... Good bay!..

Несмотря на возвратившееся бодрое состояніе духа, я выбрался изъ Sailors hom'а съ нѣкоторымъ трудомъ, какъ будто къ каждой ногѣ у меня былъ привязанъ грузъ. Выйдя на крыльцо, я присѣлъ на каменныя ступени, уже успѣвшія согрѣться подъ солнцемъ, и съ наслажденіемъ подставилъ плечи и спину теплымъ лучамъ, лившимся съ чистаго неба. Черезъ узкій переулокъ, соединявшій площадь съ гаванью, мнѣ было видно дѣятельное оживленіе, царившее на берегу и вызывавшее во мнѣ привычныя соображенія. Сейчасъ вотъ, отогрѣвшись на солнышкѣ, встану, выпью гдѣ-нибудь стаканъ горячаго чаю—и туда. Вдругъ,—кто знаетъ—какъ разъ сегодня ночью пришло пять-шесть судовъ, и я попаду къ разгрузкѣ, а, можетъ быть, и наймусь въ плаванье... Что потомъ? Потомъ видно будетъ: хорошо разсуждать о дальнемъ будущемъ, когда есть что-нибудь подъ руками... Конечно, отсюда нужно выбираться: тутъ не везетъ и на русскихъ тутъ сердятся, Богъ вѣсть почему... Хорошо бы перебраться въ Англію... Что-то тамъ съ Викторомъ? Наудачу вѣдь поѣхалъ парень!.. Какъ бы то ни было, теперь—въ походъ!..

— Plehves mordet!—вдругъ раздалось у меня за спиной.—Plehves mordet!!—повторился еще разъ неистовый, рѣзкій крикъ уже надъ самымъ моимъ ухомъ и мимо меня, какъ буря промчался мальчишка, газетчикъ, каждое утро появлявшійся изъ-за угла съ такой аккуратностью, что старшій клеркъ Sailors home'а провѣрялъ по нему часы.

Онъ бросился черезъ площадь, сдѣлалъ шаговъ двадцать, остановился и нѣсколько разъ повернулся на одной ногѣ, держа высоко надъ головой газету, трепавшуюся подъ вѣтромъ, и продолжая кричать, что есть мочи:

— Plehves mordet! Plehves mordet!..

Нѣсколько человѣкъ съ разныхъ сторонъ бросились къ нему, и бѣлые листы газеты замелькали на солнцѣ. Рабочій, везшій мимо желѣзо, бросилъ возжи на спину лошади и кинулся туда же; старшій клеркъ, успѣвшій выйти на крыльцо, послѣдовалъ за нимъ. Мальчуганъ между тѣмъ снова пустился бѣжать, размахивая газетами и крича во все горло; на пути его то и дѣло останавливали, выхватывали газеты; чрезъ минуту со всѣхъ концовъ площади слышался этотъ возгласъ:

— Plehves mordet!..

Я вскочилъ, ничего не понимая. Только одно слово въ этомъ крикѣ заключало въ себѣ созвучія, вызывавшія во мнѣ опредѣленное представленіе. Плеве! Неужели это кричатъ о фонъ-Плеве?..

Но съ какой стати Плеве? Откуда Плеве? Почему они орутъ такъ неистово о Плеве?.. Какимъ-то до дикости несуразнымъ, неестественнымъ, рѣжущимъ ухо звукомъ казалось здѣсь это имя!

Мальчуганъ между тѣмъ успѣлъ добѣжать до пивной «Ocean», находившейся на противоположной сторонѣ площади. Густая, волнующаяся толпа самой разнообразной публики собралась возлѣ него. Газетъ, повидимому, не хватило на всѣхъ. Какой-то господинъ въ котелкѣ, сбитомъ на затылокъ, завладѣлъ газетой и поспѣшно направился прочь, держа газету обѣими руками и читая на ходу; двое другихъ такъ же поспѣшно шагали рядомъ съ нимъ, тѣсня и толкая его съ обѣихъ сторонъ и пытаясь заглянуть въ газету. Никогда мнѣ не приходилось быть свидѣтелемъ такой сенсаціи.

Перебѣжавъ площадь, я подошелъ къ дверямъ пивной. Усатый хозяинъ «Океана» безъ шляпы и въ одномъ жилетѣ ораторствовавшій передъ толпою, узналъ меня и, схвативъ за руку, втащилъ въ пивную.

— Plehves mordet! Плеве убитъ!—прибавилъ онъ по англійски, схватывая со стола газету и подавая мнѣ.

Эти два слова стояли на первой страницѣ; подъ ними была довольно длинная статья, въ которой я съ перваго взгляда понялъ только два интернаціональныхъ слова: «Петербургъ» и «бомба». Голый фактъ сталъ ясенъ мнѣ, но я радъ былъ бы отдать все, что угодно, чтобы узнать все остальное. Я попробовалъ обратиться за помощью къ хозяину, но ему было уже не до меня: сдѣлавъ мнѣ быстрый утвердительный знакъ на мою просьбу отдать мнѣ газету, онъ снова вмѣшался въ толпу, кричавшую, спорившую и шумѣвшую.

Вернувшись бѣгомъ въ Sailors home, я разложилъ на столѣ газету и сталъ читать слово за словомъ, стараясь собрать въ какую-нибудь систему отдѣльные понятные или полупонятные обрывки. Я нашелъ нѣсколько знакомыхъ словъ, раскиданныхъ по разнымъ мѣстамъ статьи, и по этимъ отдѣльнымъ словамъ силился разобрать весь этотъ проклятый ребусъ, объ истинномъ значеніи котораго я могъ только смутно догадываться. Никогда незнаніе языка не бѣсило меня въ такой степени: черныя строчки непонятнаго текста дразнили меня своимъ жирнымъ, кричащимъ шрифтомъ, издѣвались надъ моимъ нетерпѣніемъ и ни за что не хотѣли отвѣтить мнѣ на тысячу вопросовъ, разомъ поднявшихся во мнѣ. Что теперь тамъ, что творится теперь въ Россіи? Что знаменуетъ собою этотъ страшный взрывъ, нарушившій глухое безмолвіе колоссальной равнины?..

Съ этими вопросами въ душѣ я черезъ два дня выѣхалъ изъ Готенбурга на пассажирскомъ пароходѣ, получивъ отъ Виктора два фунта стерлинговъ...

Евгеній Синегубъ.

ЖИВЕЦЪ.

Когда я смотрю на часового, на той сторонѣ противъ моего окошка, мнѣ вспоминаются дѣтскіе годы, въ Лугѣ, на Большомъ Озерѣ. Въ ясные дни, если „команчи" не выступали почему-либо „на тропинку войны", я шелъ туда, къ Сурменевской купальнѣ, ловить рыбу на живца. Такъ же, какъ и теперь, иногда по цѣлымъ часамъ лежалъ я ничкомъ, на доскѣ, что выдавалась изъ купальни въ озеро, надъ самой поверхностью, и смотрѣлъ внизъ, въ прозрачную зеленую воду.

Видно не далеко, но какъ ясно! Четко, до послѣдняго завитка видны густыя заросли диковинныхъ растеній на днѣ, такихъ воздушныхъ... И чувствуешь, какъ дышитъ каждый рубчикъ недвижныхъ заостренныхъ листовъ, каждый бугорокъ стебля, каждая ниточка зеленой паутины, окутавшей впадины и кочки, и застывшими волнами стелящейся во всѣ стороны, въ затуманенныя подводныя дали... Тихо, но—живой тишиной, какъ въ лѣсу ночью... Какъ-то ждешь голосовъ. И когда дрогнетъ на мгновеніе легкой рябью озеро, чудится, что это не вѣтерокъ налетѣлъ, а случайно вздохнула неровно-живая, спокойная глубина...

Въ самомъ центрѣ видимаго мнѣ круга, на полпути отъ дна—мой живецъ, на пропущенномъ подъ спинной плавникъ крючкѣ. Прямымъ изломомъ идетъ отъ него леса внизъ, къ грузилу и потомъ — рѣзко вверхъ, къ пляшущему поплавку...

На поплавокъ, впрочемъ, я никогда почти не глядѣлъ. Я слѣдилъ за живцомъ и по его движеніямъ „видѣлъ" свою добычу задолго до того, какъ она подходила къ крючку. И, поднимаясь только въ послѣдній моментъ, я подсѣкалъ безъ промаха, не поддаваясь обманчивому миганію поплавка, потому что зналъ, кто на крючкѣ и какой силы.

Тихо въ моемъ обрывѣ... Живецъ виситъ въ водѣ, повернувшись вверхъ брюхомъ подъ тяжестью грузила, пере-

данной ему крючкомъ... Отдыхаетъ... Окрестности пусты... Только малыши какіе-то, головастые, неуклюжіе, бродятъ по зарослямъ, какъ телята по лугу... Вотъ столпились у самаго живца, любопытствуютъ... Но живецъ и взглядомъ ихъ не подаритъ... Дремлетъ... Тихо... Чуть колышется зеленая паутина на днѣ отъ шальныхъ пузырей, срывающихся изъ-подъ нея, изъ илистой, рыхлой земли...

И вдругъ... серебристыми искрами блеснула разсыпавшаяся мгновенно стая... Живецъ ударилъ хвостомъ, онъ выпрямился и описываетъ кругъ, другой, третій... Идетъ!

Крупный окунь! Вотъ и я вижу его. Онъ рѣжетъ воду, рисуясь красными плавниками. Идетъ спокойно, какъ броненосецъ; останавливается, мѣняетъ ходъ, пишетъ кругъ вслѣдъ за извивающимся живцомъ, и—когда моя рука уже лежитъ на удилищѣ,—раздумавъ или сообразивъ, что слишкомъ крупенъ живецъ, или замѣтивъ крючокъ, поворачивается и уходитъ въ подводный туманъ, по прежнему спокойный, медлительный и равнодушный...

Уже въ серединѣ лѣта я безошибочно могъ опредѣлить, что за рыба подходитъ, и съ какой стороны... Если мелкіе окуни—живецъ только проявляетъ нервность. И не безъ причины: они страшно надоѣдливы эти мелкіе окуни: съѣсть не могутъ, а гонять—гоняютъ. При случаѣ норовитъ даже носомъ ткнуть... Если на мгновеніе испуганно рванется живецъ и снова повернется вверхъ брюхомъ — это линь протаскиваетъ свое лѣнивое, слизью покрытое тѣло сквозь водоросли, у самаго дна, или идутъ стаей пошлые серебристые язи... А если живецъ вдругъ, сразу, спиралью завьется вверхъ и начнетъ, какъ безумный, метаться изъ стороны въ сторону,—скорѣе на ноги, удилище въ руку и смотри въ оба: щука!

Вотъ, что вспоминается мнѣ теперь, когда я лежу, передъ завтракомъ, отъ нечего дѣлать, на широкомъ подоконникѣ моего рѣшетчатаго окна въ крѣпости и смотрю внизъ, на часового. Вижу я немного. Съ десятокъ оконъ пустой въ это время дня казармы; клочокъ двора; пара березъ, развѣсистыхъ и кудрявыхъ, какъ на преміяхъ „Нивы“; крыша съ тремя трубами; часть крѣпостной стѣны „съ изнанки“ и входъ въ казарму, съ часовымъ подъ навѣсомъ двери... Мѣсто глухое. Но часовой, какъ живецъ въ Лужскомъ озерѣ, разсказываетъ мнѣ о томъ, что происходитъ внѣ моего кругозора.

Они мѣняются часто, эти „живцы“. Но такова уже, очевидно, волшебная сила крючка и грузила—на моихъ наблю-

деніяхъ не отражалась эта смѣна. И къ ихъ нѣмому языку я привыкъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ то лѣто, на Лужскомъ озерѣ, къ языку уклеекъ. Хотя „оттѣнковъ" здѣсь, у часового, пожалуй, больше...

Онъ стоитъ, удобно привалившись къ подоконнику ближайшаго окна, сбивъ на затылокъ фуражку, руки въ карманы (иногда даже папироска въ зубахъ, но это уже дерзновеніе высшее): окрестность, очевидно, пуста...

Поворотъ головы вправо (влѣво я вижу еще дальше часового,—тамъ заборъ), безъ перемѣны позы, и возвращеніе къ прежнему безразличію—идетъ „свой" солдатъ, своего полка или даже роты. Такой же поворотъ, но поза становится „неоффиціальнѣе" и безразличіе смѣняется подчеркнутой небрежностью взгляда—идетъ „чужой" солдатъ, изъ расквартированныхъ поблизости полковъ. Почему-то въ этихъ случаяхъ, когда „чужой" уже совсѣмъ близко, „живецъ" обычно сплевываетъ и смотритъ подъ ноги идущему. Вѣроятно, на сапоги. Вѣдь кажется, это одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ смутить человѣка—посмотрѣть ему пристально на ноги.

Опять-таки такой же поворотъ, но мимолетный, быстрый. Стойка нѣсколько ровнѣе, молодцеватѣе. Иногда поправляется шапка, иногда обдергивается рубаха, но ни намека на „форменность"—идетъ „вольный" или „вольная". Степень „интересности" этого, довольно рѣдкаго въ данныхъ широтахъ, явленія опредѣлить по живцу невозможно: слишкомъ субъективны оцѣнки. Сколько пришлось мнѣ пережить разочарованій! Одно можно сказать. Если въ позѣ—картинное равнодушіе,—несомнѣнно, идетъ женщина.

Нѣтъ слѣдовъ этого равнодушія, когда въ предѣлы досягаемости часового вступаетъ офицеръ. „Живецъ" сразу оживаетъ. Но и здѣсь оттѣнковъ много. Когда оживленіе относительно, когда только нѣсколько выправляется стойка и рука, полусоннымъ движеніемъ, лѣниво тянется подъ козырекъ—ясно: въ казарму солидно шагаетъ пожилой и рябой подпрапорщикъ, съ беременной женой и выводкомъ тонконогихъ, бѣлесыхъ ребятъ. Какъ извѣстно всякому военному: „курица—не птица, прапорщикъ—не офицеръ, жена его—не барыня". Старинная поговорка, но живучая, и въ послѣдніе годы воскресшая, вмѣстѣ съ прапорщиками. И здѣсь, на крѣпостномъ дворѣ, кто бы ни здоровался съ подпрапорщикомъ—солдатъ или офицеръ—въ голосѣ того и другого звучитъ, какъ-то само по себѣ, безъ всякаго злого умысла: «курица не птица»... Нехорошо быть подпрапорщикомъ. Впрочемъ, это не къ дѣлу. Вернемся къ живцу.

Отъ прапорщика къ генералу идетъ вверхъ, все напря-

женнѣе, гамма вибрированія живца. Уже при поручикѣ фуражка принимаетъ уставное положеніе, смыкаются каблуки и лихо отдается честь. Со штабсъ-капитана начинается «ѣда глазами», достигающая высшаго аппетита при появленіи генеральскихъ лампасъ. Но генералъ въ этихъ водахъ—только «крупный окунь». Онъ не даетъ maximum'а эфекта. И когда видишь, что часовой, съ мѣста, въ одинъ ударъ приведя себя въ боевую готовность, мгновенно наводитъ красоту на всѣ части костюма и снаряженія—отъ фуражки, вдругъ пріобрѣтающей необычайно молодецкій видъ, до загорающейся сразу, какъ солнце, поясной бляхи и затѣмъ замираетъ и всѣмъ своимъ существомъ переливается въ «честь»—не генералъ на горизонтѣ! Это близится ротный командиръ. Щука!

. . . .

Утромъ какъ то мало замѣтенъ живецъ. Утромъ здѣсь, подъ окномъ, много жизни. До 11-ти идутъ занятія на площадкѣ между моимъ «корпусомъ» и казармой. Площадка на половину мощеная, на половину грунтовая, заросшая, и зелень на ней какая-то неестественно свѣжая и необычайно стойкая. И, сколько ее ни вытаптываютъ за день, на утро она опять пробивается между булыжниками и по краямъ лужъ, непріятно яркая и сочная... На часъ иногда зажелтѣетъ даже цвѣтокъ; но только на часъ... Ибо онъ дѣлается добычей прапорщичьихъ дѣтей, которыя водятся здѣсь въ большомъ количествѣ...

Занятія идутъ всегда безъ офицеровъ. Слѣдовательно, по домашнему и, надо правду сказать—хотя и нехорошо сплетничать,—безъ особенной прыти, особенно гимнастика.

Съ нея начинаются мои наблюденія. Обычно еще лежишь на кровати, ожидая предупредительнаго стука въ дверь (къ девяти, по инструкціи, надо уже быть одѣтымъ «по формѣ», и камера должна быть убрана, но безъ предупрежденія мы здѣсь не встаемъ — традиція!), когда со двора доносятся невнятныя слова команды и сбивающійся топотъ ногъ... Встаю, не торопясь—гимнастируютъ они долго. Наконецъ, накинувъ китель, подхожу къ окну. Какъ разъ пауза. Солдаты, въ шахматномъ порядкѣ, стоятъ уныло — терпѣливо. Передъ фронтомъ взводный вникаетъ въ тощую книжку въ холщевомъ переплетѣ. Проходитъ томительная минута. Фронтъ сморкается и почесывается. Наконецъ, очередное «движеніе» усвоено взводнымъ. Онъ демонстрируетъ его, считая вслухъ: разъ-два-три, разъ-два-три». Перекрещенныя линіи солдатъ колышутся въ тактъ счета, повторяя про себя движеніе... Затѣмъ команда: машутъ руки и ноги, размѣренно-

сонно. Тупо какъ-то, безъ жизни. Я не люблю смотрѣть эту гимнастику.

Ружейные пріемы лучше. Зрѣлище, не лишенное даже нѣкоторой остроты ощущеній, ибо до «чистоты отдѣлки» моему взводу далеко, и когда подаются команды рискованныя, вродѣ «два шага впередъ, коли, перекинь штыкъ, коли!»—по второму движенію половина людей сбивается, и штыки на выпадѣ мелькаютъ во всѣ стороны. Почти полная иллюзія рукопашной схватки... если бы только не эти смѣшные прыжки...

«Сороки!» кричитъ взводный и безнадежно машетъ рукой: «Отставить!»...

Лучше всего — прицѣлка. Взводъ развернутъ въ одну шеренгу по самой серединѣ площадки. За лѣвымъ флангомъ, у подножья лѣстницы (деревянная, приставная, ведетъ къ намъ на крышу) примащивается на сложенную вдвое скатанную шинель ефрейторъ—имени не знаю,—весельчакъ и балагуръ, навѣрно, изъ первыхъ въ ротѣ. Перпендикулярно къ колѣну онъ возставляетъ штыкъ. На штыкѣ — зеркало — для провѣрки прицѣлки. На противоположномъ флангѣ, подъ березами, старшій унтеръ-офицеръ, почему-то третьяго дня остригшій свою роскошную бороду, закрѣпляетъ на примкнутомъ къ винтовкѣ штыкѣ—такое-же зеркало. И пока взводный упражняетъ шеренгу въ прикладкѣ, а иногда въ ружейныхъ пріемахъ,—солдаты, по вызову, одинъ съ праваго, одинъ съ лѣваго фланга, уходятъ „исповѣдоваться" къ зеркаламъ.

Подъ березами дѣло идетъ скучно. «Бывшій съ бородой»—играетъ въ солидность. Смотря въ дырочку зеркала, онъ всей фигурой своей выражаетъ снисхожденіе и лѣниво-укоризненно цѣдитъ: «свалилъ дульную часть... и совершенно это лишнее»... Подъ лѣстницей—совсѣмъ не то. Ефрейторъ отражаетъ на своемъ лицѣ всѣ ошибки и удачи прицѣливающихся. Раньше, чѣмъ онъ откроетъ ротъ, чтобы изречь приговоръ, и стрѣлокъ, и я, и всякій случайный зритель знаютъ, въ чемъ дѣло: «свалилъ, или «не довелъ», или потрафилъ въ точку. И самая команда у него какая-то такая, что невольно усмѣхнешься. Смотритъ въ сторону и нараспѣвъ, чуть слышно, тянетъ: «по зеркалу, пальба съ колѣна»... и потомъ, весь вдругъ точно ощетинившись, какимъ-то рычаніемъ бросаетъ въ сторону стрѣлка: „шырынъ" (Въ переводѣ на русскій—«шеренгой»). И по этому возгласу испытуемый, выбравъ мѣсто помягче, припадаетъ на колѣно и цѣлится.

Нѣкоторыхъ солдатъ ефрейторъ отмѣчаетъ особымъ вниманіемъ. Когда, напр., доходитъ очередь до „Адамуса" (и

фамилія какая завлекательная!), вся шеренга уже заранѣе поёживается отъ подступающаго смѣха. Адамусъ идетъ на зовъ угрюмо и видимо нарочно подчеркиваетъ свою природную мѣшковатость, становясь въ „первую позицію" всякаго воинскаго танца—„къ ногѣ". Невзраченъ, дѣйствительно. И шапка на немъ сидитъ какъ-то по бабьи.

Ефрейторъ смотритъ на него, сощуривъ глаза, откашливается и спрашиваетъ изысканно-вѣжливо:

— Ты чай сегодня пилъ?

Изъ шеренги доносится сочувственное сдержанное ржаніе.

— Я, надо сказать, старшой. Ты все-таки отвѣть, разъ я спрашиваю.

Что-то бурчитъ солдатъ—и шеренга снова вздрагиваетъ отъ новаго приступа смѣха... Ефрейторъ никнетъ головой и долго, напряженно думаетъ... „Такъ"... „Такъ"... И сразу весь просіявъ, какъ отъ осѣнившей внезапно мысли:

— Да ты, можетъ-быть, женатъ?

Залпъ хохота покрываетъ команду взводнаго... зычный окрикъ... шеренга застываетъ на мгновеніе... А ефрейторъ, старательно отводя глаза отъ „фиксирующаго" его гнѣвнаго начальства, невозмутимо тянетъ: „Пальба съ колѣна"...

— Шырынъ! — Адамусъ съ остервенѣніемъ наводитъ винтовку. „Щелкъ"—стукнулъ затворъ. „Щелкъ"—отвѣчаетъ языкомъ ефрейторъ. Щелкъ, щелкъ, щелкъ!

— Довольно! Молодецъ! А ей-Богу, молодецъ—безъ промаха. Ей-Богу. Скажи на милость, значекъ выбьешь. Вѣрно говорю!

Адамусъ все еще дѣлаетъ видъ, что обиженъ, но когда онъ проходитъ на свое мѣсто, я вижу на его лицѣ, какъ въ хмурый день—игру лучей въ тучѣ. А ефрейторъ долго еще качаетъ головой и недоумѣнно шепчетъ: „скажи на милость... ей Богу, выбьетъ значекъ".

Въ общемъ, все это походитъ на идиллію.

Впечатлѣніе это еще усиливается, когда живецъ, скучающій у дверей казармы, отпадаетъ отъ подоконника, и поза его не оставляетъ для меня сомнѣній, что на горизонтѣ появилось что-нибудь изъ ряду вонъ любопытное. Его движенія вообще удивительно передаются окружающимъ „свободнымъ" нижнимъ чинамъ. Такъ и теперь; унтеры, ведущіе обученіе, также вдругъ настораживаются и гуськомъ тянутся въ ту сторону, куда уставился живецъ, оставивъ взводъ на произволъ судьбы, съ краткимъ приказомъ: „занимайся каждый по себѣ".

И взводъ, лишенный возможности посмотрѣть на „любопытное", такъ какъ оно за угломъ, добросовѣстно занимается. Щелкаютъ затворы. Взметываются винтовки отъ ноги къ

плечу и обратно. Особо старательные отдѣляются отъ строя, подъ березы, на траву и, постоявъ какъ-бы въ раздумьи, поочередно мѣшками падаютъ бокомъ на землю, переваливаются и „стрѣляютъ лежа“. Впрочемъ, особо старательные, или особо лѣнивые? Что-то подозрительно долго тянется эта „стрѣльба лежа“, и щелканье „выстрѣловъ“ доносится съ многоминутными перерывами...

Странно. Не знаю почему, но почему-то мнѣ припоминается, глядя на это мирное ученье—царство счастливыхъ Берендеевъ.

Но рѣзко мѣняется картина, когда живецъ подаетъ тревожнѣйшій изъ своихъ сигналовъ—на „щуку“.

Старательно и нервно равняется шеренга, лихо загибаются кверху головы. И горе, если ротный командиръ, проходя торопливыми шагами по тротуару мимо казармы, вдругъ остановится, подойдетъ къ фронту и укажетъ подскочившему къ нему, какъ на пружинахъ, взводному какую-нибудь неисправность въ равненіи, стойкѣ, одеждѣ... Едва начальство отойдетъ на столько, что живецъ снова привалится къ подоконнику, взводный подходитъ къ виновному вплотную—беретъ его за пуговицу у горла и... —почти шепотомъ, съ перекошеннымъ отъ злобы лицомъ, говоритъ ему быстро, быстро...

Вѣроятно, не евангельскія истины...

Но,—что значатъ времена!—съ позволенія сказать, зуботычины—я не видѣлъ ни разу.

Занятія кончаются въ одиннадцать.

Больше всего надоѣдаютъ они „бывшему съ бородой“. Онъ всегда еще минутъ за 15 уже начинаетъ канючить: „пора кончать!“ Но взводный, хотя и посматриваетъ на часы, пожалуй, чаще, чѣмъ слѣдовало бы, выдерживаетъ характеръ и только минутъ за пять строитъ взводъ и ведетъ его въ казарму. „Къ ногѣ“!.. И крокодилъ, топоча ногами, втягивается въ двери.

Не успѣла скрыться послѣдняя пара, какъ доносится мѣрный шагъ приближающейся новой толпы. Отчетливо отбивая тактъ, идутъ обѣдать артиллеристы; за ними, черезъ нѣсколько минутъ тѣмъ же темпомъ проходитъ команда неизвѣстнаго мнѣ назначенія, безъ погонъ, вся въ бѣломъ: брюки погрязнѣе, рубахи—почище. Изъ казармы вновь высыпаютъ солдаты, тѣ-же, „моя рота“, и снова строятся. Но уже безъ ружей. Въ рукахъ—мирные аттрибуты: караваи хлѣба, кое у кого миски. У большинства торчатъ изъ-за голенищъ деревянныя обшарпанныя ложки. У заднихъ—почему-то метлы. Какое отношеніе онѣ имѣютъ къ обѣду?

Одна за другой, какъ въ театрѣ, болѣе или менѣе стройно,

болѣе или менѣе шумливо шагаютъ эти команды мимо меня къ узкому проходу у праваго забора, „строятъ ряды", протискиваются черезъ него, сбиваясь съ ноги, стадомъ, снова выравниваются—по ту сторону забора, вздваиваютъ ряды и исчезаютъ изъ моего поля зрѣнія. Не надолго. Обѣдъ коротокъ. Не пройдетъ и получаса—начинается обратное шествіе, въ томъ же порядкѣ: сначала артиллеристы, потомъ разныя команды и, наконецъ, „мои солдаты". „Мои", впрочемъ, возвращаются почему-то всегда вразбродъ, по тротуару...

Безъ пяти двѣнадцать. На площадкѣ строится нарядъ въ городской караулъ. Но я не обращаю на него вниманія, такъ какъ сейчасъ буду здороваться со своими. Въ этомъ великое преимущество крѣпости... Каждый день въ двѣнадцать часовъ я бросаю съ крѣпостной стѣны свой привѣтъ,—такъ бодро, такъ мощно, что самому легко и свѣжо становится на душѣ, когда слышишь, какъ прогремитъ онъ надъ рѣкой и десятки разъ отзовется наверху звонкими перекатами. —Привѣтъ! Я—тотъ же! И смѣюсь, какъ прежде!

. . . .

Поздоровавшись, возвращаюсь къ караулу. Время самое безпокойное. Живецъ совсѣмъ замотался и козыряетъ безъ передышки. Тутъ и отправка наряда, и смѣна караула на главной гауптвахтѣ,—начальство, куда ни глянь. Стучатъ барабаны, обрываясь и разсыпаясь вновь сухимъ дробнымъ трескомъ. Долетаютъ обрывки командъ. Трамъ-трамъ-трамъ! Звуки расходятся по двумъ направленіямъ, но движенія частей мнѣ такъ и не удается уловить: кто куда и откуда идетъ.

Живецъ дергается еще разъ и замираетъ. Это—послѣдній моментъ утра: „ротный" подходитъ отправлять нарядъ. „На кра-улъ"! Согласный крикъ привѣтствія, съ прорывающимися пѣтушиными нотками. Я намѣтилъ даже, кто такъ долженъ кричать. Есть тамъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ такой юркій солдатикъ, весь какой-то кривенькій. На обѣдъ онъ всегда ходитъ съ метлой.

Ротный вызываетъ троихъ изъ фронта, раздаетъ каждому по бумажкѣ, вразумительно говоритъ что-то и машетъ на всѣхъ трехъ пальцемъ. Затѣмъ они поворачиваются кругомъ и заступаютъ на свои мѣста.

„Налѣво". „На пле-чо". „Караулъ, шагомъ—маршъ"! Отчетливый, дружный ударъ перваго шага, караулъ идетъ въ одну сторону, ротный командиръ въ другую, а живецъ усаживается съ ногами на подоконникъ.

Съ этого момента—и часовъ до 2-хъ, иногда, для меня самый „клевъ". Эти полтора-два часа я лежу на подокон-

никѣ, „передачи", лежу сплошь, только изрѣдка разминая затекающія ноги, да мѣняя мѣсто упора наболѣвшаго локтя. Дворъ въ это время пустъ, и все общеніе мое съ міромъ идетъ черезъ живца . . . .
. . . .

Послѣ двухъ, позавтракавъ, я рѣдко подхожу къ окну. По прежнему на дворѣ безлюдно и тихо. И для меня это— время чтенія или прогулки по камерѣ, — такъ какъ иныхъ прогулокъ здѣсь не полагается. Мебели у меня довольно много,—стѣны заставлены, гуляю по діагонали: отъ плевательницы въ лѣвомъ углу, у окна—къ „глазку" у двери. Это, впрочемъ, не „глазокъ", а цѣлый „глазище", по размѣру, пожалуй, онъ не меньше средняго крестьянскаго окна.

Какъ разъ насупротивъ моего „глазка", по ту сторону коридора, такой же глазокъ — въ другую камеру. Туда „ввергнутъ" какой-то мрачный капитанъ, изъ инженеровъ, бритый, усы внизъ. Мало-мало коситъ. По утрамъ дѣлаетъ гимнастику „по Мюллеру", цѣломудренно заставляя глазокъ „инструкціей", чѣмъ приводитъ въ нервное состояніе часового, или—по точной здѣшней терминологіи—„выводного". Камера капитана по размѣрамъ совершенно соотвѣтствуетъ моей (черезъ „глазки" половина ея у меня какъ на ладони), въ такой же мѣрѣ соотвѣтствуютъ, повидимому, и размѣры нашихъ нижнихъ конечностей, потому что, когда мы начинаемъ гулять (прогулки также, обычно, „соотвѣтствуютъ", и не у насъ только—по всему корпусу гудятъ шаги), мы одновременно, при каждомъ турѣ, упираемся въ дверь, и смотримъ другъ на друга черезъ двойное стекло.

Отсюда невинная игра, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, «въ надувалы». Игра, въ сущности, несложная. Послѣ нѣсколькихъ туровъ, когда шагъ обоихъ окончательно урегулированъ, и встрѣчи въ окнѣ обезпечены, — замедляешь шагъ, чтобы партнеръ, прибывъ на конечную станцію, нашелъ вмѣсто моей пріятной улыбки — пустое стекло. Онъ, конечно, рѣзко останавливается и ждетъ. Помучивъ его немного,—показываешься, и, удовлетворенные оба, мы снова начинаемъ шагать.

Верхъ надувательства—успѣть незамѣтно залѣзть на кровать, пока партнеръ еще шагаетъ къ глазку. Это не легко— проклятая кроватъ скрипитъ, по всему коридору слышно. Но если удалось, ждать капитану приходится долго. Постоитъ, постоитъ, походитъ и опять ждетъ, смотритъ въ глазокъ, пока не убѣдится, что я надулъ окончательно и лежу. Онъ ложится то же, но въ видѣ протеста на слѣдующій день не играетъ... Все это было бы «вдребезги забавно», какъ го-

ворятъ юнкера, если-бы намъ обоимъ не было уже далеко за тридцать...

. . . .

Вплоть до шести тянется затишье. Изрѣдка только гукнетъ входный колоколъ на главной гауптвахтѣ. Каждыя четверть часа дребезжитъ усталый металлическій голосъ прославленныхъ крѣпостныхъ часовъ, но все дольше и томительнѣе промежутки между мертвенными ихъ перезвонами. Одна четверть... вторая... три четверти... четыре... Еще часъ отошелъ. «Коль Славенъ»... Не вверхъ—внизъ, прямо къ землѣ, какъ свинцовые, падаютъ размѣренные, безразличные звуки... Одинъ какъ другой, равно тяжелые, равно полуистертые... Хоронятъ время... А впрочемъ, кому оно здѣсь нужно, время... Особенно, день жаркій, выгоняющій изъ стѣнъ прижавшуюся тамъ липкую сырость, тягучій, безъ работы.. безъ мысли... Бѣжитъ мысль отъ этой жуткой дневной тишины...

. . . .

Въ шесть часовъ площадка снова оживаетъ. Но той-же утренней жизнью. Снова, отбивая шагъ, тянутся взводы и роты на ужинъ, по тому-же пути, тѣмъ-же порядкомъ. Тотъ-же однозвучно-рѣзкій топотъ ногъ, вскрики командъ, сдержанные притомленные голоса, вздваиваніе рядовъ за заборомъ. Пройдутъ и снова вернутся, тѣмъ же путемъ, тѣмъ-же темпомъ. Я вижу ихъ, уйдя въ дальній уголъ, отвернувшись къ стѣнѣ; я закрываю раму—слишкомъ отдается въ камерѣ этотъ размѣренный шагъ, натрудившій слухъ за день, однотонный, заровненный...

Но какъ только смолкнутъ послѣдніе шаги—я снова ложусь на подоконникъ. Казенный день конченъ. Казарма противъ моей рѣшетки оживаетъ уже другой жизнью. Всѣ окна настежь, всѣ подоконники заняты. Взрывы смѣха, слитный гулъ разговоровъ; чуть слышны изъ солдатскаго «клуба» (крайнее окно налѣво) переборы балалайки. Рветъ полусонный воздухъ непростительно-грубый смычокъ солдатской скрипки, слаживающейся съ гармоніей въ какую-то адскую „венгерку". Въ среднихъ окнахъ—тихія группы. Сбившись въ кучу по четыре, по пяти, общими силами, съ разстановками и совѣщаніями, пишутъ письмо. Ротный цирюльникъ мылитъ одинъ за другимъ послушно подставленные подбородки. Должно быть, наскоро и не чисто работаетъ: что-то слишкомъ долго смотрятся въ зеркальные осколки и сомнительно поглаживаютъ свои щеки побрившіеся. Какой-то счастливецъ—вѣрно уходящій въ запасъ, примѣряетъ штатскій пиджакъ: здѣсь же шили, свой солдатъ. Вонъ, изъ-за спинъ обступившихъ «заказчика» критиковъ видно, какъ онъ мѣлитъ рукавъ и поддергиваетъ воротникъ...

„Живца“ не видно въ сгрудившейся у входа въ казарму толпѣ. Смѣхъ и остроты. Иногда промелькнетъ пестрый ковровый платокъ, и въ хоръ мужскихъ голосовъ врывается обиженная женская нотка.. И снова смѣхъ...

По мощеной площадкѣ бродитъ крѣпостная дѣтвора. Вечеръ — время прогулокъ. Почтенныя прапорщицы отдыхаютъ отъ дневныхъ трудовъ подъ березами, посматривая, чтобы Кольки и Сашки не проявляли излишней рѣзвости. Опасенія, кажется, неосновательныя: нехорошія здѣсь дѣти. Полусонныя, вялыя какія-то всѣ—и дѣвочки, писклявыя и уже жеманныя, и мальчики въ жокейскихъ шапченкахъ всѣхъ колеровъ, и двухлѣтки на зыбкихъ кривыхъ ногахъ. Неслышно здѣсь задорнаго дѣтскаго гама, захлебывающихся смѣхомъ звенящихъ голосовъ. Ни возни, ни шума.. Игры не налаживаются какъ-то.. Мальчики сосредоточенно хлопаютъ палками по лужамъ, иногда перебрасываются мячомъ... Но и тутъ оживленіе наступаетъ, только если въ игру ввязываются солдаты... А обычно, они просто ходятъ то порознь, то цѣлымъ табуномъ по двору...

Снова мѣрный шагъ и слова команды: разводящіе „ведутъ“ ночныя смѣны. По три, по четыре, шинели въ рукава, подходятъ солдаты къ широкой, зачерненной сумерками впадинѣ воротъ, выходящихъ на Неву, и разомъ пропадаютъ за выступомъ.. Гулко отдаются шаги подъ сводами. А нѣсколько минутъ спустя—точно выбрасываетъ эта потемнѣвшая, глубокая арка смѣненныхъ дневныхъ часовыхъ. Они идутъ, сбивъ шапки на затылокъ, свѣсивъ назадъ штыки, быстрымъ, но размѣреннымъ шагомъ, какъ косцы съ сѣнокоса...

Коротко и глухо простучалъ барабанъ. Безъ четверти девять. „На повѣрку!“ Разомъ пустѣютъ подоконники. Мелькаетъ длинная фигура взводнаго съ какой-то таблицей въ рукахъ. Дневальные запираютъ окна. Сквозь стекла доносится монотонный голосъ и отдѣльные выкрики: „Я! Я!“ Стихло. Въ глубинѣ казармы темнѣетъ шеренга,—одной черной полосой; только по кивающимъ головамъ видно, что стоятъ люди. Ждутъ. Кто-то что-то читаетъ. Бьютъ часы. Четверть, вторая, третья, четвертая... Широкимъ раскатомъ ударила съ главной гауптвахты барабанная дробь. Зоря!

Весело, бодро и торопливо бѣгутъ по крѣпости звуки, полустихая и вновь разсыпаясь дробью... Оборвались сразу. И съ трехъ сторонъ, еле слышно, слаживаясь, доносится: „Отче нашъ“... „Иже еси на небесахъ“ — подхватываютъ сотни сильныхъ полнозвучныхъ голосовъ. Напѣвъ растетъ, ширится, крѣпнетъ—и снова затихаетъ, какъ начался, скорбной, внезапно ослабѣвшей одинокой нотой...

Я закрываю окно: они еще будутъ молиться.

Ползутъ съ рѣки сумерки. Гдѣ-то далеко, за мостикомъ, должно быть, завыла сирена. Часы на башнѣ бьютъ новую четверть.. Кончился день. Еще день. И передъ тѣмъ, какъ отойти отъ рѣшетки, я бросаю послѣдній взглядъ на „живца“. Онъ уже не тотъ, что днемъ—задерганный, настороженный, вертлявый. Точно съ короткой дробью зори, спало дневное „заклятье“. И теперь это даже не „живецъ“: это только простой, немудрящій, сѣренькій солдатикъ, коренастый и тихій. Съ винтовкой за плечомъ, онъ ходитъ, постукивая подковами тяжелыхъ сапогъ по гулкому тротуару—и о чемъ-то думаетъ....

С. Мстиславскій.

Къ теоріи развитія аграрныхъ отношеній.

(*Окончаніе*).

IX.

Крупно-капиталистическое земледѣліе со своей технико-экономической стороны характеризуется, какъ земледѣліе крупное; съ соціальной же стороны—какъ земледѣліе капиталистическое. Цѣлью организаціи сельскаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ является экономія труда; цѣлью организаціи его на капиталистическихъ основахъ является полученіе не-трудового дохода, именуемаго предпринимательской прибылью. Въ современныхъ условіямъ крупно-капиталистическое земледѣліе разлагается и уступаетъ свои позиціи мелко-трудовому. Намъ надо выяснить причины и историческій смыслъ этого явленія.

Если крупно-капиталистическое земледѣліе разлагается, то, очевидно, въ современныхъ условіяхъ оно не удовлетворяетъ своему назначенію. Однако, мы знаемъ, что концентрація сельско-хозяйственнаго производства вполнѣ достигаетъ своей цѣли: организація его въ крупныхъ размѣрахъ обусловливаетъ огромныя технико-экономическія выгоды и огромную экономію труда. Это значитъ, что крупно-капиталистическое земледѣліе не потому является несостоятельнымъ, что оно крупное, а потому, что оно—капиталистическое. Очевидно, капиталъ, вложенный въ сельское хозяйство, не даетъ достаточнаго уровня прибыли. И очевидно, что по мѣрѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія, капиталистическое земледѣліе, какъ таковое, все меньше и меньше удовлетворяетъ своему назначенію; сельское хозяйство становится все менѣе пригоднымъ средствомъ для созданія предпринимательской прибыли. Только объ этомъ и можетъ свидѣтельствовать фактъ разложенія крупно-капиталистическаго сельскаго хозяйства.

Паденіе капиталистическаго земледѣлія уже само по себѣ предполагаетъ непригодность его для созданія необходимаго уровня нетрудового предпринимательскаго дохода. Но это признаніе капита-

листическаго сельскаго хозяйства несоотвѣтствующимъ своему назначенію, конечно, ничего еще не объясняетъ. Передъ нами стоитъ вопросъ, почему капиталъ, вложенный въ сельское хозяйство, не даетъ достаточнаго процента прибыли? И почему по мѣрѣ экономическаго развитія условія для приложенія капитала къ сельскому хозяйству становятся все менѣе благопріятными? Къ этому и сводится вопросъ о причинахъ вытѣсненія крупно-капиталистическаго земледѣлія мелко-крестьянскимъ.

Причины непригодности сельскаго хозяйства для «превращенія денегъ въ капиталъ» лежатъ, конечно, въ самой природѣ земледѣльческаго производства, въ особенностяхъ конкретной обстановки земледѣльческаго труда. Эти особенности сельско-хозяйственнаго производства надо считать уже исчерпывающе выясненными въ литературѣ, и при томъ именно съ интересующей насъ точки зрѣнія. Въ частности, въ «Русскомъ Богатствѣ» еще 12 лѣтъ тому назадъ была посвящена этому интересная статья г. С. Зака, многія положенія которой имѣютъ громадную важность. Pro domo mea я позволю себѣ замѣтить, что въ моей книгѣ «Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства» я пытался свести во едино всѣ эти особенности сельскаго хозяйства, пытался комментировать ихъ и, такъ сказать, приспособить ихъ къ тому рѣшенію вопроса объ аграрной эволюціи, которое мнѣ представляется правильнымъ; но къ существу ихъ мнѣ не пришлось прибавить ничего новаго: гораздо раньше онѣ были констатированы во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ несомнѣнности.

Важнѣйшими особенностями сельско-хозяйственнаго производства, способными опредѣлить уровень прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ, надо признать слѣдующія. Во-первыхъ, это—внутреннія свойства земледѣльческаго капитала: органическое строеніе его и періодъ его оборота. Новѣйшая статистика не подтвердила того мнѣнія Маркса, что въ земледѣліи органическое строеніе капитала сравнительно очень низко: напротивъ, даже въ экстенсивномъ хозяйствѣ (напр., въ Соед. Штатахъ) органическое строеніе сельско-хозяйственнаго капитала оказывается гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ въ индустріи, и доля постояннаго капитала значительно превышаетъ долю перемѣннаго въ общей его суммѣ. Это понижаетъ соотношеніе между прибавочной стоимостью и всѣмъ вложеннымъ въ сельское хозяйство капиталомъ, т. е. понижаетъ норму прибыли въ земледѣліи. Такъ же вліяетъ на норму прибыли и періодъ обращенія сельско-хозяйственнаго капитала: въ то время, какъ въ индустріи одинъ и тотъ же авансированный капиталъ можетъ обращаться очень быстро, въ сельскомъ хозяйствѣ онъ не можетъ (въ громадномъ большинствѣ странъ) обернуться болѣе одного раза въ годъ, — по крайней мѣрѣ, въ полевомъ хозяйствѣ. Это можетъ понижать норму земледѣльческой прибыли въ нѣсколько разъ сравнительно со многими отраслями индустріи.

Во-вторыхъ, въ силу органическаго характера земледѣльческаго процесса, въ сельскомъ хозяйствѣ крайне неблагопріятно соотношеніе между рабочимъ временемъ и временемъ производства,—т. е. между тѣмъ временемъ, когда отдѣльныя части капитала находятся въ производствѣ, и тѣмъ временемъ, когда къ этимъ частямъ капитала прилагается живой трудъ.

Это значитъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ слишкомъ незначителенъ тотъ періодъ времени, когда при помощи отдѣльныхъ частей капитала вырабатывается прибавочная стоимость. Въ индустріи къ каждой части капитала трудъ прилагается непрерывно или съ небольшими перерывами въ теченіе круглаго года. Напротивъ, въ земледѣліи къ отдѣльнымъ орудіямъ производства трудъ прилагается въ теченіе ничтожной части года; остальное время они только требуютъ ухода за собой, но не участвуютъ въ созданіи прибавочной стоимости. Эта особенность земледѣлія не только понижаетъ норму прибыли сравнительно съ индустріей: она, кромѣ того, препятствуетъ проявленію закона уравниванія прибылей. Неблагопріятное соотношеніе между рабочимъ временемъ и временемъ производства задерживаетъ примѣненіе машинъ въ капиталистическомъ земледѣліи; ибо, какъ совершенно правильно утверждаетъ Э. Давидъ, и машины далеко не при всякихъ условіяхъ удешевляютъ земледѣльческое производство для капиталиста. Правда, машины пользуются все таки громаднымъ распространеніемъ въ современномъ капиталистическомъ земледѣліи, но, конечно, далеко не въ той мѣрѣ, въ какой онѣ были бы распространены при отсутствіи разсматриваемой особенности земледѣльческаго производства. Недостаточное удешевленіе производства путемъ примѣненія усовершенствованныхъ орудій *) должно сильно затруднять конкуренцію крупно-капиталистическаго хозяйства съ мелко-трудовымъ. Съ другой стороны, въ силу того же органическаго характера земледѣльческаго процесса, въ силу того же сезоннаго характера работъ въ сельскомъ хозяйствѣ отдѣльныя операціи выполняются не одновременно, а въ послѣдовательномъ порядкѣ. Это позволяетъ мелко-крестьянскому хозяйству достигать тѣхъ же результатовъ на единицѣ земли, не производя затратъ на пріобрѣтеніе машинъ, а замѣняя ихъ добавочными затратами собственнаго живого труда. При такихъ условіяхъ мелкій крестьянинъ имѣетъ возможность очень сильно давить на рынокъ и продавать

*) Мы разумѣемъ здѣсь и тѣ случаи, когда машины вовсе не примѣняются, и тѣ, когда примѣненіе машинъ лишь въ незначительной степени сокращаетъ издержки производства для капиталиста. Надо замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ экономія труда можетъ быть все же громадной, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть громадна разница и въ степени совершенства крупно-капиталистическаго и мелко-крестьянскаго хозяйства. Имѣть это въ виду очень важно. Подр. см. Ник. Сухановъ, «Къ вопр. объ эвол. с.-х.», стр. 48—55 и 62—68.

продуктъ ниже цѣны производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Въ-третьихъ, послѣдующія затраты труда и капитала на одной и той же землѣ являются менѣе производительными, т. е. интенсификація земледѣлія удорожаетъ производство (при прочихъ равныхъ условіяхъ). При данномъ уровнѣ цѣнъ это ставитъ вполнѣ опредѣленные предѣлы расширенію производства на той же сельско-хозяйственной территоріи. Въ индустріи, при наличности капиталовъ, капиталистическое хозяйство можетъ выпустить на рынокъ такое количество продукта, какое рынокъ сможетъ поглотить; при этомъ повышеніе рыночныхъ цѣнъ вовсе не является для этого необходимымъ условіемъ; напротивъ, пониженіе цѣнъ явится необходимымъ слѣдствіемъ такого расширенія производства. Въ сельскомъ хозяйствѣ расширеніе производства на той же землѣ невозможно безъ предварительнаго повышенія цѣнъ; иначе оно немедленно парализуетъ технико-экономическія выгоды крупно-капиталистическаго хозяйства. Послѣднее производить дешевле, но лишь до тѣхъ поръ, пока оно производитъ... не слишкомъ много, не болѣе мелкаго хозяйства на единицѣ земли,—лишь до тѣхъ поръ, пока оно не пытается насытить рынокъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ крупно-капиталистическое земледѣліе никогда не сможетъ задавить мелкое: для крестьянина всегда останется мѣсто на рынкѣ. А если крестьянинъ будетъ существовать, то—по закону конкуренціи—онъ будетъ и давить на уровень цѣнъ. Само собою разумѣется, что разсматриваемое свойство сельскаго хозяйства особенно гибельно должно отразиться на судьбѣ земледѣльческаго капитализма въ интенсивно-ввозящихъ странахъ, т. е. во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Здѣсь капиталистическое земледѣліе встрѣчаетъ на рынкѣ гораздо болѣе опаснаго врага, чѣмъ мелкій земледѣлецъ: здѣсь оно встрѣчаетъ дешевые продукты, привезенные изъ экстенсивныхъ странъ. Передъ этимъ врагомъ интенсивное капиталистическое земледѣліе совершенно безсильно. Бороться съ нимъ экономическими средствами оно совершенно не въ состояніи. Изъ внѣэкономическихъ средствъ оно пускаетъ въ ходъ, конечно, ввозныя пошлины. Тѣмъ не менѣе конкуренція экстенсивнаго хлѣба, какъ извѣстно, повлекла за собой хроническій кризисъ капиталистическаго земледѣлія въ интенсивныхъ странахъ.

Въ-четвертыхъ, тѣ средства производства, съ которыми оперируетъ сельскій хозяинъ,—очень несовершенны. Это—силы и свойства природы, слишкомъ недостаточно поддающіяся человѣческому воздѣйствію. Въ виду этого, сельскій хозяинъ, въ противоположность промышленному предпринимателю, никогда не въ состояніи заранѣе разсчитать, въ какое количество продукта воплотится единица затраченнаго имъ капитала. Какъ говорилъ Марксъ: «одно и то же количество (земледѣльческаго) труда можетъ быть

воплощено въ одномъ или въ двухъ бушеляхъ пшеницы, въ зависимости отъ болѣе или менѣе благопріятной погоды». Всякій капиталистъ-предприниматель несетъ извѣстный рискъ, связанный съ условіями **реализаціи** продукта; въ сельскомъ же хозяйствѣ этотъ рискъ въ громадной степени увеличивается условіями самого **производства**. Помимо тѣхъ потерь, которыя каждый предприниматель можетъ понести на рынкѣ, сельскій хозяинъ можетъ потерять свой оборотный, а затѣмъ и основной капиталъ въ самомъ процессѣ производства. Эти условія земледѣльческаго производства, эта невозможность заранѣе учесть количество вырабатываемаго продукта—еще болѣе усугубляютъ анархію и неустойчивость рынка. Все это создаетъ большую возможность убытковъ и большую возможность пониженія прибыли въ сельскомъ хозяйствѣ сравнительно съ обрабатывающей промышленностью. И все это заставляетъ капиталъ избѣгать сельскаго хозяйства при наличности иныхъ сферъ его приложенія.

Таковы основныя особенности земледѣльческаго производства, способныя опредѣлить отношеніе предпринимательскаго капитала къ сельскому хозяйству. Комментировать ихъ подробнѣе мы здѣсь не можемъ, и интересующихся я позволю себѣ отослать къ моей упомянутой выше книгѣ (см. гл. III и IV).

Всѣ отмѣченныя особенности, однако, ни въ какомъ случаѣ не исключаютъ возможности полученія прибыли на капиталъ, затраченный въ сельское хозяйство. Возможность полученія прибыли на сельскохозяйственный капиталъ только тогда исключалась-бы принципіально, если-бы организація земледѣлія въ крупныхъ размѣрахъ не влекла за собою никакихъ технико-экономическихъ выгодъ. Но мы знаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ этого условія нѣтъ. Концентрація земледѣльческаго производства дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, удешевляетъ производство. Возможность успѣшной конкуренціи и полученія прибыли отнюдь не отрѣзана для капиталистическаго земледѣлія.

Всѣ отмѣченныя особенности земледѣльческаго производства имѣютъ лишь то значеніе, что онѣ дѣлаютъ менѣе выгоднымъ помѣщеніе капитала въ сельское хозяйство, чѣмъ въ индустрію. Однако, земледѣльческій капитализмъ въ настоящее время существуетъ; онъ лишь постепенно разлагается. Очевидно, значеніе разсматриваемыхъ особенностей сельскаго хозяйства можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, быть чѣмъ то парализовано, т. е. могутъ быть условія, при которыхъ сельскохозяйственный капиталъ даетъ не меньшій доходъ, чѣмъ индустріальный. При другихъ же условіяхъ, когда земледѣльческій капитализмъ разлагается, значеніе указанныхъ особенностей земледѣлія, очевидно, проявляется въ полной мѣрѣ. Причины разложенія крупно-капиталистическаго хозяйства, историческій смыслъ этого явленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и будущія формы аграрной эволюціи,—для насъ станутъ вполнѣ яс-

ными, очевидно, тогда, когда мы выяснимъ, при какихъ условіяхъ разлагается земледѣльческій капитализмъ, при какихъ условіяхъ значеніе выясненныхъ нами особенностей земледѣльческаго производства не можетъ быть ничѣмъ парализовано.

Разсмотрѣнныя особенности земледѣлія сами по себѣ понижаютъ доходность сельскаго хозяйства, сравнительно съ индустріей. Чѣмъ можетъ быть парализовано ихъ значеніе? Очевидно, капиталистическое земледѣліе должно чѣмъ-либо возмѣстить недостающій процентъ прибыли. Не будучи въ состояніи поднять цѣны на продуктъ, оно должно сократить какимъ-либо способомъ издержки производства. Какой же изъ элементовъ производства обладаетъ для этого достаточной упругостью, податливостью? Конечно, только одинъ: заработная плата. Ибо изъ всѣхъ элементовъ производства только одинъ трудъ покупается не у капиталистовъ, а у пролетаріевъ. Единственно, чѣмъ можетъ сельскохозяйственный предприниматель увеличить норму прибыли, это—повышеніе нормы прибавочной стоимости путемъ пониженія заработной платы. Другими словами, капиталистическое земледѣліе можетъ существовать только тогда, когда оно имѣетъ возможность обращать въ прибыль часть нормальной въ странѣ заработной платы. И, дѣйствительно, мы знаемъ, что заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ всегда и вездѣ значительно ниже заработной платы въ индустріи. Земледѣльческій капитализмъ существуетъ всегда и вездѣ за счетъ сверхнормальной эксплуатаціи рабочаго.

Такимъ образомъ, возможность сверхнормальной эксплуатаціи рабочаго есть необходимое условіе существованія земледѣльческаго капитализма. Но когда это условіе на лицо? Очевидно, тогда, когда работа по найму въ сельскомъ хозяйствѣ является для рабочаго наиболѣе выгоднымъ или единственнымъ средствомъ существованія; когда иныхъ или болѣе выгодныхъ сферъ приложенія труда для рабочаго не существуетъ; когда онъ находится въ полной и нераздѣльной власти земли и сельскохозяйственнаго предпринимателя.

Однако, экономическое развитіе каждой страны выражается въ дифференціаціи занятій населенія, которая сопутствуетъ отслоенію отъ сельскаго хозяйства различныхъ отраслей индустріи. Эта дифференціація занятій служитъ основнымъ признакомъ и является основнымъ факторомъ развитія производительныхъ силъ. Въ частности, для развитія каждой капиталистической страны характерно все большее и большее перемѣщеніе рабочихъ силъ изъ сельскаго хозяйства въ обрабатывающую промышленность. Во всѣхъ странахъ наблюдается ростъ индустріальнаго населенія за счетъ земледѣльческаго; иногда же земледѣльческое населеніе сокращается не только относительно, но и абсолютно. Развитіе производительныхъ силъ во всѣхъ передовыхъ странахъ выражается, главнымъ образомъ, въ ростѣ промышленнаго капитализма.

Индустріализація населенія, прогрессирующая дифференціація его по занятіямъ и капитализація промышленности—являются необходимыми элементами экономическаго развитія каждой страны.

Растущая индустрія предъявляетъ спросъ на рабочія руки. Условія приложенія капитала къ промышленному производству несравненно болѣе благопріятны, чѣмъ къ производству земледѣльческому. Капиталистическая индустрія развивается и процвѣтаетъ при гораздо болѣе высокомъ уровнѣ заработной платы сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ. И уже для того, чтобы привлечь рабочихъ изъ деревни въ городъ, для того, чтобы оторвать ихъ отъ земледѣлія — промышленный капитализмъ долженъ держать заработную плату на болѣе высокомъ уровнѣ; цѣлый рядъ другихъ факторовъ, о которыхъ распространяться здѣсь не мѣсто, заставилъ еще болѣе повысить заработную плату въ индустріи. Понятно, что при такихъ условіяхъ достаточно одного только факта развитія индустріи для того, чтобы уничтожить власть земли и сельскаго хозяина надъ сельскохозяйственными рабочими: одного только спроса на рабочую силу со стороны обрабатывающей промышленности достаточно для того, чтобы пролетаріатъ неизбѣжно и систематически перетекалъ въ индустрію. И въ современныхъ условіяхъ земледѣльческое населеніе сокращается въ силу того, что люди, живущіе продажей своей рабочей силы, дѣйствительно уходятъ изъ деревни, отъ земли, отъ сельскаго хозяйства: они идутъ, главнымъ образомъ, въ обрабатывающую промышленность, не взирая на то, что земледѣльческій капитализмъ, какъ и всякій другой, безъ нихъ—безъ рабочей силы—существовать не можетъ.

Такимъ образомъ, промышленный капитализмъ оказывается не товарищемъ, а злѣйшимъ врагомъ капитализма земледѣльческаго. Онъ не только не подготовляетъ условій, не расчищаетъ почвы для земледѣльческаго капитализма, онъ парализуетъ и исключаетъ его развитіе. При самомъ возникновеніи капиталистическихъ отношеній между индустріальнымъ и земледѣльческимъ капитализмомъ возникъ конфликтъ: онъ локализировался на рабочемъ рынкѣ. Промышленный капитализмъ отнимаетъ у земледѣльческаго рабочую силу, источникъ его жизни, источникъ прибавочной стоимости. И тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе опредѣленно проявляются послѣдствія этого конфликта: онъ разрѣшается побѣдой промышленнаго капитализма и смертью земледѣльческаго. Для послѣдняго теоретически мыслимъ только одинъ выходъ: удержать рабочихъ. Но для этого существуетъ только одно средство: повышеніе заработной платы до такого уровня, ради котораго пролетаріатъ покидаетъ сельское хозяйство. Земледѣльческій капитализмъ умираетъ, но не повышаетъ заработной платы до такого уровня. Для того, чтобы существовать, ему нужна нормальная прибыль. А въ силу разсмотрѣнныхъ выше особенностей сельскохозяйственнаго производства для полу-

ченія нормальной прибыли ему нужна сверхнормальная эксплуатація рабочаго. Капиталистическое земледѣліе существуетъ, пока такая эксплуатація возможна; и оно разлагается, когда она становится невозможной—на болѣе высокихъ ступеняхъ экономическаго равитія, при большемъ развитіи промышленнаго капитализма, въ силу болѣе высокаго развитія производительныхъ силъ и болѣе высокаго культурно-экономическаго уровня пролетаріата.

Итакъ, земледѣльческій капитализмъ потому разлагается въ современныхъ условіяхъ, что неизбѣжный ростъ индустріи повышаетъ уровень заработной платы въ странѣ, а неблагопріятныя особенности земледѣльческаго производства, систематически понижающія доходность сельскохозяйственнаго капитала, не позволяютъ ему обезпечить своимъ рабочимъ нормальный уровень вознагражденія труда и удержать въ своемъ распоряженіи рабочую силу, перетекающую въ индустрію.

Таковы причины разложенія современнаго крупно-капиталистическаго земледѣлія; таковы причины побѣды надъ нимъ мелко-трудового крестьянскаго хозяйства, которое захватываетъ позиціи, оставленныя за невыгодностью капиталомъ. Но каковъ же соціологическій смыслъ этого явленія? Каковы его историческія послѣдствія?

Земледѣльческій капитализмъ разлагается по мѣрѣ роста индустріи и развитія производительныхъ силъ, т. е. на высшихъ ступеняхъ капиталистическаго развитія. Слѣдовательно, онъ является спутникомъ и элементомъ, по преимуществу, первоначальныхъ ступеней капитализма. Эпоха его высшаго расцвѣта находится въ прошломъ каждой капиталистической страны. Разлагается же онъ въ тѣхъ условіяхъ, которымъ принадлежитъ будущее. Это вполнѣ опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу и историческое мѣсто капиталистическаго земледѣлія. Капиталистическое земледѣліе, которое нынѣ разрушается, будетъ разрушаться и впредь; разрушеніе его не временно и не случайно: его требуетъ самая природа буржуазно-капиталистическихъ отношеній.

Съ другой стороны, не временна и не случайна живучесть современнаго крестьянства, устойчивость и побѣда мелко-крестьянскаго земледѣлія въ капиталистическомъ строѣ. Напротивъ, крестьянство и его трудовое земледѣліе являются необходимыми элементами этого строя и будутъ существовать въ немъ всегда. Этого мало: по мѣрѣ дальнѣйшаго экономическаго развитія капиталистическихъ странъ трудовое земледѣльческое крестьянство стремится стать единственнымъ классомъ, занятымъ въ сельскомъ хозяйствѣ; оно стремится представить собою все земледѣльческое населеніе; а само земледѣльческое производство стремится стать только крестьянскимъ, только трудовымъ. Ему принадлежитъ будущее—не только въ царствѣ свободы, но и въ предѣлахъ царства необходимости.

Однако, вѣдь современное трудовое сельскохозяйственное про-

изводство есть мелкое производство; въ немъ неизбѣжны огромныя непроизводительныя растраты труда, а потому ему не должно и не можетъ быть мѣста въ будущемъ, въ идеально-хозяйственномъ строѣ. Развитіе производительныхъ силъ и универсальный экономическій принципъ сохраненія энергіи требуютъ концентраціи, обобществленія сельскохозяйственнаго производства,—какъ и индустріальнаго. Но въ обрабатывающей промышленности предпринимательскій капиталъ концентрируетъ и обобществляетъ производство; капиталъ вноситъ въ индустрію прогрессивные пріемы труда и ведетъ ее къ болѣе совершеннымъ формамъ. Въ этомъ заключается, какъ извѣстно, «историческая миссія» капитала. По отношенію къ сельскому хозяйству онъ отказывается выполнять свою историческую миссію. Какими же путями пойдетъ земледѣліе къ своимъ совершеннымъ формамъ, оставаясь трудовымъ? Какія силы могутъ и должны сконцентрировать и обобществить сельскохозяйственное производство?

Для этого остается только одинъ мыслимый путь: сознательныя усилія самихъ представителей трудового земледѣлія,—усилія, направленныя къ постепенному органическому объединенію современныхъ мелкихъ хозяйствъ въ интересахъ экономіи труда. Т. е. единственная сила, которая способна повести земледѣльческое производство къ его конечнымъ совершеннымъ формамъ, это—активное обобществленіе снизу, кооперація мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Мы не можемъ сейчасъ обсуждать и предрѣшать тѣ формы объединенія снизу, которымъ суждено сыграть главную роль въ дѣлѣ обобществленія сельскохозяйственнаго производства. Быть можетъ, будущее здѣсь принадлежитъ частной иниціативѣ и частно-правовымъ союзамъ, возникшимъ въ силу свободнаго соглашенія; быть можетъ, большую роль сыграетъ здѣсь общественная власть въ лицѣ мелкихъ органовъ сельскаго самоуправленія, и хозяйственные союзы земледѣльцевъ явятся, главнымъ образомъ, публично-правовыми организаціями. Но какъ бы то ни было, единственное средство къ обобществленію сельскохозяйственнаго производства, это—сознательная воля самихъ земледѣльцевъ, направленная къ данной цѣли. И если принципу экономіи труда суждено торжествовать и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ въ другихъ отрасляхъ, если земледѣльческому производству въ силу этого предстоитъ быть обобществленнымъ, то ему предстоитъ идти путемъ коопераціи.

Такова, вкратцѣ, та схема аграрнаго развитія, которую я пытался защищать въ моей упоминавшейся выше книгѣ,—схема, по выраженію г. В. В., «не составляющая, правда, исключительнаго достоянія г. Суханова, но имъ рафинировнная и, такъ сказать, округленная» *).

*) См. „Вѣстникъ Европы“, 1909, № 5, стр. 353.

Схема эта построена не апріорно, не умозрительнымъ путемъ а на основаніи фактовъ сельскохозяйственной дѣйствительности. Не что иное, какъ статистическіе ряды цифръ послужили основаніемъ для установленія причинъ и условій разложенія крупно-капиталистическаго сельскаго хозяйства. Предметомъ статистическаго изслѣдованія мнѣ послужили, главнымъ образомъ, соціальныя отношенія и проявленія земледѣльческаго капитализма въ крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ Россіи.

Колебанія въ значеніи и вѣсѣ крестьянскаго земледѣльческаго капитализма по отдѣльнымъ районамъ Россіи подъ вліяніемъ степени индустріализаціи населенія—и внушили мнѣ впервые мысль о конфликтѣ между земледѣльческимъ капитализмомъ и тѣми условіями, которыя порождаетъ развитіе индустріи. При этомъ надо замѣтить, что крестьянскій земледѣльческій капитализмъ въ Россіи я считалъ наиболѣе устойчивымъ, наименѣе чувствительнымъ, наименѣе поддающимся вліянію тѣхъ условій, которыя его разрушаютъ. Во первыхъ, потому, что это капитализмъ крестьянскій: въ такого рода хозяйствахъ далеко не весь продуктъ превращается въ товаръ, а предприматель обыкновенно выступаетъ въ качествѣ техническаго работника; при наличности въ такихъ предпріятіяхъ элементовъ потребительно-трудового хозяйства для нихъ колебанія въ заработной платѣ должны естественно имѣть меньшее значеніе, чѣмъ въ типичныхъ и законченныхъ капиталистическихъ хозяйствахъ. Во вторыхъ, потому, что въ нищенской Россіи, при громадномъ количествѣ «избыточнаго» земледѣльческаго населенія и крайней его бѣдности, индустрія развивается очень туго, а заработная плата въ ней чрезвычайно низка. Въ третьихъ, потому, что Россія—страна экстенсивно-вывозящая: это значитъ, что дѣлу разрушенія земледѣльческаго капитализма здѣсь — въ противоположность Западной Европѣ — не помогаетъ конкуренція иноземнаго экстенсивнаго хлѣба, и вліяніе индустріализаціи здѣсь предоставлено самому себѣ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что факторы, разрушающіе крестьянскій земледѣльческій капитализмъ въ Россіи, должны оказаться, по меньшей мѣрѣ, столь же дѣйствительными въ другихъ странахъ, а также по отношенію къ болѣе типичнымъ проявленіямъ земледѣльческаго капитализма. Въ Россіи даже крестьянское капиталистическое земледѣліе проявило чрезвычайную чувствительность по отношенію къ индустріализаціи населенія. Вліяніе промысловыхъ заработковъ сказалось не только на всемъ громадномъ пространствѣ Россіи, но и въ предѣлахъ ея небольшихъ районовъ. Это послужило мнѣ основаніемъ для того, чтобы считать неизбѣжнымъ разрушеніе земледѣльческаго капитализма и въ другихъ странахъ, когда онъ сталкивается тамъ съ тѣми же условіями, которыя разрушаютъ его въ Россіи. И бѣглый взглядъ на эволюцію капиталистическаго земледѣлія въ Зап. Европѣ и въ Соед. Штатахъ не обнаружилъ ничего такого, что могло бы хоть

сколько-нибудь противорѣчить изложенной схемѣ аграрной эволюціи.

Однако, формулируя эту схему, я хорошо понималъ, что для, окончательнаго ея утвержденія мною было разсмотрѣно, хотя и очень большое, но все же недостаточное количество фактическихъ данныхъ. Для меня было вполнѣ ясно, какъ ясно и теперь, что вновь накопляемый и вновь разрабатываемый фактическій матеріалъ легко можетъ эту схему опровергнуть. Поэтому я выставлялъ ее, конечно, не какъ незыблемую истину, не какъ окончательное рѣшеніе вопроса о формахъ аграрной эволюціи; я выставлялъ ее лишь какъ теоретическую возможность, лишь какъ гипотезу, которая дальнѣйшими изслѣдованіями можетъ быть и утверждена, какъ истина, и отвергнута, какъ фикція *).

X.

Изложенная схема аграрнаго развитія вызвала довольно многочисленныя печатныя возраженія. Но ни одинъ изъ моихъ критиковъ не пытался фактически опровергнуть ее. Никто изъ нихъ ни разу не сослался на факты, которые ей противорѣчатъ или не вяжутся съ ней. Повидимому, такіе факты неизвѣстны моимъ критикамъ, какъ и мнѣ самому. Но опровергнуть любую теорію можно не только ссылками на противорѣчащіе факты. Можно совершенно уничтожить ее, доказавъ методологическую неправильность ея построенія. Именно съ этого фронта и повели аттаку авторы, почтившіе мою книгу своими замѣчаніями.

Наиболѣе обстоятельному разбору подвергли мою книгу — А. В. Пѣшехоновъ, П. П. Масловъ и проф. Бажаевъ. Ихъ главнѣйшіе аргументы мы и постараемся сейчасъ разсмотрѣть и оцѣнить. Это дастъ намъ прекрасный случай подробнѣе комментировать изложенную схему и способы ея построенія.

По своему характеру всѣ эти аргументы, въ сущности, могутъ быть разбиты на три основныхъ категоріи. Одни аргументы направлены противъ моихъ апріорныхъ предпосылокъ, признаніе которыхъ предшествовало разработкѣ фактическаго матеріала и нисколько не зависѣло отъ характера послѣдняго. Другіе аргументы говорятъ о недостаточности и непригодности использованнаго мною матеріала для сдѣланныхъ мною выводовъ. И, наконецъ, аргументы третьяго рода отмѣчаютъ неправильное истолкованіе мною этого матеріала, зависящее отъ того, что я не учелъ вліянія различныхъ факторовъ, оставшихся «внѣ круга моего зрѣнія».

Единственный аргументъ первой категоріи выдвигаетъ г. Ма-

*) См. предисловіе къ указанной книгѣ.

словъ *) и этотъ аргументъ былъ бы убійственнымъ, если бы былъ справедливымъ. При построеніи вышеизложенной схемы я исходилъ, между прочимъ, изъ того положенія, что развитіе производительныхъ силъ въ каждой капиталистической странѣ выражается, главнымъ образомъ, ростомъ промышленнаго капитализма. Перетеканіе рабочихъ силъ изъ сельскаго хозяйства въ индустрію я выставлялъ, какъ характерный моментъ современнаго экономическаго развитія. Условія сильно развитой и дифференцированной индустріи я выставлялъ, какъ условія, свойственныя высокимъ ступенямъ капиталистической эволюціи и высокому развитію производительныхъ силъ. И я не думалъ, чтобы все это могло вызвать какія-либо возраженія. Единственно, казалось мнѣ, кто могъ бы протестовать противъ подобныхъ утвержденій, это—старые народники, изъ числа тѣхъ, съ которыми въ свое время велъ побѣдоносную борьбу «вреднѣйшій изъ марксистовъ» — Н. К. Михайловскій.

И вотъ, какъ это ни странно, только что приведенныя утвержденія встрѣтили энергичный отпоръ изъ марксистскаго лагеря — и только оттуда. Но надо сказать, что, во первыхъ, они едва ли вообще подлежатъ сомнѣнію, а во-вторыхъ, они неразрывно слиты съ самой сущностью марксизма. Г. Маслову пришлось, слѣдовательно, выразить свое отрицательное отношеніе къ нимъ въ нѣсколько замаскированномъ видѣ. Онъ воспользовался для этого слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Я изслѣдовалъ соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ по даннымъ земской статистики. Желая выяснить вліяніе индустріализаціи на проявленія капитализма въ крестьянскомъ земледѣліи, я судилъ о степени индустріализаціи того или иного района по проценту приписного крестьянскаго населенія, занятаго внѣземледѣльческими промыслами; т. е. въ каждомъ районѣ я разсматривалъ одно только крестьянство и его дифференціацію по занятіямъ. И думается, я поступалъ вполнѣ правильно. Ибо для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе развитіе индустріи не вообще, а именно по стольку, по скольку оно связано съ перемѣщеніемъ изъ сельскаго хозяйства въ индустрію мѣстныхъ рабочихъ силъ, по скольку оно связано съ дифференціацией занятій мѣстнаго земледѣльческаго населенія; именно это можетъ способствовать развитію его производительныхъ силъ; и именно это, какъ выяснилось въ результатѣ изслѣдованія, подрываетъ основы земледѣльческаго капитализма. Принимая во вниманіе неизбѣжность индустріализаціи крестьянскаго населенія и дефференціаціи его по за-

*) Г. Масловъ дважды возвращался къ разбору моей книги. Помимо статьи въ „Познаніи Россіи“ (№ 3) онъ посвятилъ этому критическую замѣтку въ „Современномъ Мірѣ“ (1909 г., № 5). Въ дальнѣйшемъ мы будемъ ссылаться на обѣ эти рецензіи.

нятіямъ, я считалъ районы съ большей дифференціаціей крестьянскихъ занятій районами болѣе развитыми въ экономическомъ отношеніи; тѣ же районы, гдѣ крестьянство болѣе однородно по своимъ занятіямъ, гдѣ большая его часть находится еще во власти земли, я считалъ районами болѣе отсталыми. Помимо апріорныхъ соображеній, изученіе динамики крестьянскаго хозяйства заставило меня утверждать, что тѣ же отношенія должны возникнуть въ будущемъ и въ болѣе отсталыхъ, нынѣ чисто земледѣльческихъ районахъ. Вполнѣ естественно при этомъ, что въ промышленныхъ районахъ на душу приписного сельскаго населенія добывается меньше земледѣльческихъ продуктовъ, чѣмъ въ земледѣльческихъ районахъ. Если большая часть населенія занята въ индустріи, то естествено, что въ данномъ районѣ производительныя силы развиваются, главнымъ образомъ, за счетъ индустріи, а не сельскаго хозяйства. Отъ этого эти районы не перестаютъ ни быть болѣе передовыми, ни отличаться именно такой экономической структурой, которая свойственна болѣе высокому развитію производительныхъ силъ. Это, казалось бы, слѣдовало не только признавать, но на этомъ слѣдовало бы настаивать каждому марксисту.

Но г. Масловъ разсуждаетъ не такъ. Всю экономическую структуру района онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ; развитіе производительныхъ силъ оно измѣряетъ только количествомъ хлѣба, добываемымъ въ данномъ случаѣ на душу населенія; перемѣщеніе же рабочихъ силъ изъ сельскаго хозяйства въ индустрію для него является ничѣмъ инымъ, какъ только признакомъ паденія земледѣльческаго хозяйства. Въ результатѣ г. Масловъ обвиняетъ меня въ томъ, что я считаю «сползаніе къ безлошадности и погоню за сторонними заработками огромнымъ прогрессомъ земледѣльческаго хозяйства», «что разореніе крестьянства я считаю прогрессивнымъ явленіемъ»—а также и во многихъ другихъ не менѣе странныхъ нелѣпостяхъ. Но это не важно. А важно то, что разложеніе земледѣльческаго капитализма при ростѣ индустріи получаетъ тогда совершенно иной смыслъ: тогда, очевидно, земледѣльческій капитализмъ разлагается въ условіяхъ, свойственныхъ не развитію, а паденію производительныхъ силъ. «Тѣ районы,—пишетъ г. Масловъ, гдѣ добывается хлѣба по 10 пуд. на душу, г. Сухановъ считаетъ районами передовыми, а гдѣ добывается по 30 пудовъ—районами отсталыми, потому что въ послѣднихъ трудъ въ земледѣліи производительнѣе, и населеніе не нуждается въ побочныхъ заработкахъ». Интересно, знаетъ-ли г. Масловъ, сколько пудовъ хлѣба добывается въ Англіи на душу населенія? И интересно, какую страну г. Масловъ сочтетъ передовой, Англію или Россію?

Но гдѣ же, собственно, источникъ недоразумѣнія? Вотъ гдѣ. Въ своей первой книгѣ, «Аграрный вопросъ», а затѣмъ въ своей послѣдней книгѣ, «Къ теоріи развитія народнаго хозяйства», вы-

пущенной уже послѣ написанія г. Масловымъ обѣихъ рецензій о моей книгѣ, г. Масловъ устанавливаетъ слѣдующее понятіе развитія производительныхъ силъ: «состояніе производительныхъ силъ даннаго населенія опредѣляется суммой продуктовъ, производимыхъ въ странѣ для дальнѣйшаго производства, т. е. для производительнаго потребленія. Развитіе производительныхъ силъ выразится въ увеличеніи количества этихъ продуктовъ». «Слѣдовательно, пишетъ и подчеркиваетъ г. Масловъ, понятіе развитія производительныхъ силъ примѣнимо не къ отдѣльному предпріятію, а къ процессу измѣненія въ хозяйственномъ положеніи цѣлой области или страны» *). Со всѣмъ этимъ можно вполнѣ согласиться. И именно на такой точкѣ зрѣнія я стоялъ при обоснованіи моей схемы аграрной эволюціи.—Но при разборѣ моей книги г. Масловъ примѣняетъ понятіе развитія производительныхъ силъ уже не къ населенію области или страны, а къ отдѣльной отрасли хозяйства, къ земледѣлію. Мало того: какъ это ни странно, но г. Масловъ измѣряетъ это «развитіе производительныхъ силъ въ земледѣліи» количествомъ хлѣба, добытаго на душу не земледѣльческаго, а всего крестьянскаго населенія даннаго района. Иначе, какое же основаніе можетъ быть для утвержденія, что въ промышленныхъ районахъ хлѣба добывается непремѣнно 10 пуд. на душу, когда въ земледѣльческихъ 30 пуд. **).

Г. Масловъ находитъ нужнымъ не считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ промышленныхъ районахъ большая часть крестьянской рабочей силы обращена не на земледѣліе, а на промыслы; онъ дѣлитъ земледѣльческій продуктъ не на меньшую часть, а на всю рабочую силу крестьянства, не считаясь съ тѣмъ, что большая часть ея здѣсь направлена на добываніе продуктовъ въ индустріи. Понятно, что при такихъ условіяхъ г. Масловъ считаетъ развитіе производительныхъ силъ ихъ паденіемъ и наоборотъ. Въ результатѣ отъ моей схемы аграрной эволюціи, конечно, ничего не остается. Мало того: г. Масловъ тутъ же убиваетъ и второго зайца. Оказывается, что «собранный г. Сухановымъ интересный матеріалъ» свидѣтельствуетъ о разложеніи земледѣльческаго капитализма «при паденіи производительныхъ силъ въ земледѣліи» и о развитіи его при обратныхъ условіяхъ. Судьба земледѣльческаго капитализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и марксистскія воззрѣнія на аграр-

*) См. „Къ теоріи развитія народнаго хозяйства" Спб. 1910, стр. 14—17. У автора вся цитата курсивомъ.

**) Въ „Аграрномъ вопросѣ" самъ г. Масловъ указывалъ на то, что въ нечерноземно-промышленныхъ губерніяхъ урожаи выше, чѣмъ въ черноземно-земледѣльческихъ. Кромѣ того, самъ г. Масловъ настаивалъ на томъ, что отвлеченіе крестьянства отъ земледѣлія индустріей связано съ ростомъ производительности труда въ земледѣліи, что оно влечетъ за собой „ростъ капиталистической ренты", а затѣмъ и развитіе земледѣльческаго капитализма. Все это „по нуждѣ" забывается.

ный вопросъ —такимъ образомъ вполнѣ обезпечены. Ник. Сухановъ «такъ ярко иллюстрируетъ правильность марксисткой точки зрѣнія на эволюцію земледѣльческаго хозяйства, какъ не удалось иллюстрировать ни одному марксисту».

Однако, допущенное г. Масловымъ перемѣщеніе понятій слишкомъ элементарно для того, чтобы оно могло вызвать серьезныя недоразумѣнія. Понятіе «развитія производительныхъ силъ въ земледѣліи»—фиктивно и внутренне противорѣчиво: это—то же, что пресловутый «глобусъ Пруссіи». И надо сказать, что со стороны марксизма особенно страннымъ представляется отрицаніе основного положенія, изъ котораго я исходилъ, а именно, что условія, связанныя съ индустріализаціей крестьянства, суть условія будущаго, что эти условія свойственны болѣе высокимъ ступенямъ развитія производительныхъ силъ въ капиталистическомъ строѣ. Между прочимъ, Вл. Ильинъ посвятилъ краснорѣчивымъ иллюстраціямъ этого не мало интересныхъ страницъ въ своей извѣстной книгѣ*).

Разсмотрѣнный аргументъ представляетъ изъ себя все то, что имѣлъ сказать г. Масловъ противъ изложенной схемы аграрной эволюціи.

Основное возраженіе А. В. Пѣшехонова *) состоитъ въ томъ, что я слишкомъ сузилъ поле своего фактическаго изслѣдованія. Тѣсные предѣлы изученныхъ фактовъ не соотвѣтствуютъ универсальности выводовъ; узость фактическаго фундамента не соотвѣтствуетъ широтѣ построенной на немъ теоріи. А. В. Пѣшехоновъ опасается, какъ бы при такихъ условіяхъ эта теорія не рухнула. Отнюдь, впрочемъ, не утверждаетъ, но опасается...

Я никогда не утверждалъ, что теорія эта не можетъ рухнуть. Повторяю: я смотрю на нее, лишь какъ на гипотезу, которой пока рѣшительно ничто въ дѣйствительности не противорѣчитъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, имѣлъ ли я право выставить эту гипотезу, опираясь на использованный мною матеріалъ. Думаю, что такое право я безусловно имѣлъ.

«Г. Сухановъ ограничилъ поле своего изслѣдованія Россіей,— пишетъ г. Пѣшехоновъ. Могъ ли онъ распространить свои выводы на весь міръ?» Я ограничилъ изслѣдованіе Россіей въ виду физической невозможности изслѣдовать съ той же подробностью другія страны въ предѣлахъ строго опредѣленнаго для меня пространства и времени. Мотивы, правда, не важны; важенъ самый фактъ. Но я указывалъ (см. l. c., стр. 89—90), почему въ данномъ случаѣ Россія является вполнѣ типичной страной, почему данные выводы можно съ полнымъ основаніемъ распространить и на эволюцію

*) См. В. Ильинъ. „Развитіе капитализма въ Россіи", Спб. 1908. Напр., стр. 201—202 и сл.

**) См. „Русское Богатство", 1909 г. № 8.

другихъ странъ,—если не въ формѣ категорическаго утвержденія, то въ видѣ обоснованнаго предположенія. Этого, однако, мало: вѣдь эволюція другихъ странъ, хотя и не служила предметомъ моего изслѣдованія, но не оставалась совершенно внѣ круга моего зрѣнія; вѣдь въ общихъ и грубыхъ чертахъ она извѣстна каждому, а кромѣ того мнѣ пришлось совершить спеціальную, хотя и очень бѣглую экскурсію въ другія страны· Я не обнаружилъ при этомъ ничего, что противорѣчило бы выставленной мною схемѣ. Однако, г. Пѣшехоновъ протестуетъ. «Не предпринимая даже внутреннихъ экскурсій по заграничнымъ странамъ», г. Пѣшехоновъ считаетъ возможнымъ утверждать, что «Германія или Англія на много опередили насъ въ экономическомъ развитіи, а земледѣльческій капитализмъ будетъ въ нихъ вѣдь покрѣпче нашего». Это безъ сомнѣнія нанесло бы сильный ударъ моей схемѣ, можетъ быть—даже смертельный ударъ. Но зачѣмъ же все таки г. Пѣшехоновъ дѣлаетъ это утвержденіе фактическаго характера, не наведя соотвѣтствующей фактической справки? Г. Пѣшехоновъ отказался отъ заграничной экскурсіи; но вѣдь я то ее предпринялъ. И уже изъ самой рецензируемой книги г. Пѣшехоновъ могъ бы убѣдиться, что земледѣльческій капитализмъ въ Германіи, а особенно въ Англіи имѣетъ совершенно ничтожное значеніе и что разложеніе его совершается неуклонно. Эволюція его въ странахъ Зап. Европы, на сколько позволяетъ судить сдѣланная мною краткая справка, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ моей схемой. И опровергать ее съ данной точки зрѣнія можно не апріорными утвержденіями, а только спеціальными изслѣдованіями.

Далѣе, «г. Сухановъ ограничилъ свое изслѣдованіе крестьянскимъ хозяйствомъ, считая только его вполнѣ достовѣрнымъ свидѣтелемъ развитія капитализма... Но если крестьянское хозяйство не видало капиталистическаго развитія, то, можетъ быть, въ дворянскомъ или купеческомъ оно имѣется?» Я показалъ, что проявленія земледѣльческаго капитализма имѣются въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, куда и при какихъ условіяхъ идетъ его развитіе. Но вѣдь г. Пѣшехоновъ и не пытается утверждать, что дворянскій и купеческій капитализмъ могутъ служить достовѣрными свидѣтелями въ дѣлѣ о земледѣльческомъ капитализмѣ. Почему же онъ упрекаетъ меня, что я не опирался на ихъ показанія и «отвелъ» ихъ, какъ ненадежныхъ свидѣтелей. Впрочемъ, въ купеческомъ хозяйствѣ я, по выраженію г. Пѣшехонова, «произвелъ обыскъ», который въ достаточной степени опредѣлилъ физіономію этого хозяйства и его развитія. Дворянскій же помѣщичій капитализмъ не представлялъ для меня уже никакого интереса, ибо его можно разсматривать, лишь какъ форму ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній или какъ своеобразный способъ полученія земельной ренты (см. I. с. стр. 91—100). Этотъ историческій пережитокъ совершенно безполезенъ при изу-

ченіи законовъ экономической эволюціи. Да и его ближайшее будущее въ Россіи, кажется, ни у кого не вызываетъ никакихъ сомнѣній... Основывая свои выводы на изученіи роли капитала, главнымъ образомъ, въ крестьянскомъ земледѣліи, я имѣлъ въ виду, что именно эта роль его, и только она, можетъ достовѣрно свидѣтельствовать о будущей судьбѣ земледѣльческаго капитализма. Такимъ образомъ, данное суженіе сферы моего фактическаго изслѣдованія было, на мой взглядъ, вполнѣ цѣлесообразнымъ.

Но А. В. Пѣшехоновъ указываетъ, что я еще болѣе ограничилъ предѣлы статистическаго изученія. «Г. Сухановъ ограничилъ поле своего изслѣдованія высшими группами крестьянства... Но и высшія группы интересуютъ г. Суханова далеко не въ полномъ ихъ составѣ.. Онъ считаетъ возможнымъ ограничить предѣлы изслѣдованія лишь хозяйствами съ наемными рабочими». Здѣсь я долженъ прежде всего внести фактическую поправку. Я изслѣдовалъ спеціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ его цѣломъ, отъ буржуазныхъ до пролетарскихъ группъ, и въ предѣлахъ каждой группы. Въ этомъ можно убѣдиться, только перелиставъ II-ю часть моей книги. Но передо мной была и спеціальная задача: изучить проявленія капитализма въ крестьянскомъ земледѣліи. Эти проявленія я, конечно, могъ найти только въ высшихъ группахъ крестьянства. Мало того: желая внести очень существенный коррективъ въ разсужденія марксистскихъ авторовъ, которые отождествляли высшія группы съ капиталистическими, я подчеркивалъ, что проявленій капитализма можно искать только среди батрацкихъ хозяйствъ высшихъ группъ. Только тамъ я ихъ, конечно, и искалъ. И это вовсе не было ограниченіемъ моего изслѣдованія: это было его необходимымъ пріемомъ. Г. Пѣшехоновъ долженъ согласиться, что не могъ же я искать сельскохозяйственныхъ капиталистовъ среди деревенской бѣдноты... Но вѣдь низшія группы поставляютъ капиталистическому земледѣлію рабочую силу. «Не слѣдовало ли бы обслѣдовать и низшія группы крестьянства?» Во-первыхъ, я ихъ вообще обслѣдовалъ. Во-вторыхъ, съ интересующей г. Пѣшехонова точки зрѣнія, ихъ обслѣдованіе ничего дать не могло, такъ какъ низшія группы поставляютъ рабочую силу и помѣщикамъ, и въ индустрію,—и выдѣлить элементы, продающіе рабочую силу высшимъ группамъ земледѣльческаго крестьянства, нѣтъ никакой возможности. Въ-третьихъ, я указывалъ, что происхожденіе этихъ рабочихъ и не имѣетъ никакого значенія—«хотя бы они всѣ поголовно были изъ-за границы». «Но если такъ, пишетъ А. В. Пѣшехоновъ, то почему же капиталисты промысловыхъ мѣстностей не выписываютъ ихъ, разъ свои уходятъ въ индустрію,—если не изъ-за границы, то изъ земледѣльческихъ мѣстностей?» Этотъ вопросъ очень существенный, но разрѣшается онъ очень просто: потому что для привлеченія рабочихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей необходимо поднять заработную плату, т. е.

сдѣлать то самое, чего сельскохозяйственные предприниматели не могли сдѣлать по отношенію къ мѣстнымъ рабочимъ для удержанія ихъ отъ перехода въ индустрію; да кромѣ того, вѣдь и пришлые-то уйдутъ туда же, если будетъ оттуда спросъ.

Таковы замѣчанія А. В. Пѣшехонова по поводу излишней узости фактическаго фундамента моей схемы. Изъ очерченныхъ мною предѣловъ фактическаго изслѣдованія—одни вытекали изъ самаго существа дѣли, другіе (при своей неизбѣжности) были достаточно обоснованы; они не были случайны, искусственны, преднамѣрены; а слѣдовательно, и мои выводы, сдѣланные на основаніи даннаго матеріала, нельзя a priori признать незакономѣрными. Количественно этотъ матеріалъ относится болѣе чѣмъ къ 1,7 милл. крестьянскихъ хозяйствъ. Въ результатѣ, упрекъ г. Пѣшехонова, что я «имѣлъ дѣло лишь съ небольшой частью фактовъ, преднамѣренно или случайно мною выдѣленныхъ», я призналъ бы по меньшей мѣрѣ незаслуженнымъ.

Но г. Пѣшехоновъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія и по существу моихъ выводовъ. Онъ не рѣшается присоединиться къ нимъ и въ виду того, что я не училъ вліянія всей сложной совокупности фактовъ на изучаемый мною объектъ; онъ констатируетъ во мнѣ «склонность забывать или игнорировать то, что не вошло въ заранѣе намѣченную мною схему, и даже все то, что въ предѣлахъ этой схемы не попалось мнѣ на глаза». Это очень важно, и для меня было бы крайне существенно знать, чего именно я не принялъ во вниманіе при выясненіи извѣстныхъ закономѣрностей. Однако, г. Пѣшехоновъ не выясняетъ этого исчерпывающе, а только иллюстрируетъ это примѣрами. Это очень мало, тѣмъ болѣе, что его примѣры не кажутся мнѣ убѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ.

«Работая надъ русскими данными и сводя въ концѣ концовъ весь вопросъ къ расцѣнкѣ наемнаго труда въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ, г. Сухановъ совершенно не принялъ во вниманіе нашей таможенной системы... Представьте себѣ, что таможенная стѣна будетъ, наконецъ, снесена или сильно понижена... Что же тогда?» По моему, тогда будетъ вотъ что. Послѣ временнаго краха и упадка промышленности, послѣ временнаго паденія производительныхъ силъ наступитъ эпоха нормальнаго развитія россійской индустріи и интенсивнаго роста производительныхъ силъ. Въ переходную эпоху упадка, когда, по справедливому замѣчанію г. Пѣшехонова, расцѣнка труда измѣнится въ благопріятную для сельскаго хозяйства сторону, земледѣльческій капитализмъ можетъ почувствовать себя довольно хорошо и поднять голову. Но затѣмъ ростъ индустріи снова станетъ давить его и стирать съ лица земли. Мнѣ кажется, что все будетъ происходить согласно буквальному смыслу вышеизложенной схемы.—Вѣдь, согласно этой схемѣ, соотношеніе между уровнемъ заработной платы въ индустріи и земледѣліи создается не промышленными пошлинами; вѣдь то же со-

отношеніе, съ тѣми же послѣдствіями мы видимъ, напр., и въ Германіи, гдѣ таможенной стѣной охраняется сельское хозяйство въ большей степени, чѣмъ индустрія.

...«Другой примѣръ. Г. Сухановъ считаетъ за безспорный фактъ, что рабочіе, ушедшіе въ индустрію, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются съ сельское хозяйство. Въ дѣйствительности, однако, такое массовое обращеніе къ землѣ бывало... Даже такой памятный фактъ новѣйшей исторіи, какъ «обращеніе къ землѣ», остался внѣ круга зрѣнія г. Суханова».

Фактъ этотъ вовсе не остался внѣ круга моего зрѣнія. Въ одной изъ моихъ работъ мнѣ пришлось даже толковать его, какъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ фактовъ русской экономической дѣйствительности *). Но вѣдь онъ имѣлъ бы значеніе для моей схемы только въ томъ случаѣ, если бы рабочіе, возвращающіеся къ землѣ, питали и возрождали земледѣльческій капитализмъ. А это г. Пѣшехоновъ и не пытался доказать. Но если бы онъ и доказалъ это, то моя схема отъ этого ничуть не пострадала бы, ибо рабочіе возвращаются къ землѣ именно въ эпоху упадка индустріи и паденія производительныхъ силъ.

Сказаннымъ исчерпываются главнѣйшія замѣчанія А. В. Пѣшехонова, направленныя противъ моей схемы аграрной эволюціи. Впрочемъ, г. Пѣшехоновъ не находитъ возможнымъ «оспаривать эту теорію и возражать противъ связанныхъ съ нею программныхъ выводовъ»; онъ полагаетъ только, что «она далеко не достаточно обоснована г. Сухановымъ». Противъ этого я, въ свою очередь, не могу ничего возразить. Но я думаю, что вполнѣ обоснована она можетъ быть только накопленіемъ и разработкой новыхъ фактическихъ матеріаловъ.

Остальныя критическія замѣчанія, которыя сдѣлалъ г. Пѣшехоновъ, повторилъ и проф. Бажаевъ. Мы разсмотримъ ихъ дальше.

Устанавливая обратную зависимость между индустріализаціей крестьянства и капитализаціей крестьянскаго земледѣлія, я составилъ таблицу, изъ которой видно, что по отдѣльнымъ губерніямъ процентъ многопосѣвныхъ хозяйствъ правильно падаетъ по мѣрѣ увеличенія процента лицъ, занятыхъ промыслами **). И г. Пѣшехоновъ, и проф. Бажаевъ указываютъ на то, что я свой важнѣйшій выводъ основалъ на колебаніяхъ процента многопосѣвныхъ хозяйствъ, а не на болѣе точныхъ признакахъ капитализма. Проф. Бажаевъ ссылается при этомъ на мои собственныя слова, что многопосѣвныя (и вообще крупныя, сильныя) хозяйства представляютъ изъ себя лишь ту среду, въ которой мы должны искать капиталистическихъ хозяйствъ. «Поэтому,—пишетъ проф.

*) См. брошюру „Что дастъ земля городскому рабочему". М. 1907.

**) Надо замѣтить, что г. Масловъ перепечатываетъ эту таблицу съ большими ошибками и пропусками. См. „Познаніе Россіи", III, стр. 102.

Бажаевъ,—построенный авторомъ рядъ можетъ въ лучшемъ случаѣ претендовать на приблизительное соотвѣтствіе фактической послѣдовательности развитія крестьянскаго капитализма». Въ предѣлахъ отдѣльныхъ губерній размѣры капитализаціи здѣсь, несомнѣнно, учитываются только приблизительно; но соотношеніе между губерніями въ таблицѣ отражено достаточно точно. Многопосѣвныя хозяйства, конечно, не болѣе, какъ среда для капитализма. Но вѣдь я еще до конструированія таблицы выяснилъ, что соотношеніе между процентомъ капиталистическихъ и многопосѣвныхъ хозяйствъ сохраняется по губерніямъ одно и то же (особые случаи я оговорилъ, и они только увеличиваютъ отраженную въ таблицѣ правильность). Почему, однако, я помѣстилъ въ таблицѣ многопосѣвныя, а не капиталистическія хозяйства? Да потому, что капиталистическій характеръ крестьянскаго хозяйства не составляетъ его внѣшняго признака, а можетъ быть установленъ лишь косвенными путями. Процентъ капиталистическихъ крестьянскихъ хозяйствъ къ общей ихъ массѣ не можетъ быть учтенъ вполнѣ точно. И я не хотѣлъ представлять читателю этотъ учетъ, такъ какъ онъ неизбѣжно отличался бы нѣкоторой примѣсью фантазіи. По матеріаламъ, имѣющимся въ книгѣ, каждый желающій можетъ самъ произвести этотъ учетъ. Я же предпочелъ въ столь отвѣтственной таблицѣ опираться на вполнѣ достовѣрныя и точныя цифры.

«Но въ этомъ еще не самая крупная погрѣшность таблицы,—пишетъ проф. Бажаевъ.—Еще менѣе допустимо характеризовать относительное развитіе индустріализма при помощи относительнаго количества промышленниковъ... Развѣ годятся для этого чрезвычайно пестрыя по своему составу цифры промышленниковъ?.. Ясно, что для данной цѣли не годятся не только сельскохозяйственные наемные рабочіе, но и кустари, которые являются представителями промышленности не капиталистической, а трудовой, всегда прекрасно уживавшейся съ трудовымъ же земледѣліемъ». Земледѣльческіе промыслы, конечно, не могутъ характеризовать индустріализаціи крестьянства, и потому мнѣ пришлось ихъ въ своемъ мѣстѣ выдѣлить. Но всѣ остальные виды промысловъ, я думаю, для этого «годятся». Всякая дифференціація занятій свидѣтельствуетъ о высшей степени экономическаго развитія; приложеніе крестьянскаго труда къ любой отрасли производства, помимо земледѣлія, означаетъ индустріализацію крестьянства и связано съ относительнымъ ростомъ производительныхъ силъ. Вовсе не требуется, чтобы крестьяне непремѣнно отрывались отъ земледѣлія и превращались въ наемныхъ слугъ промышленнаго капитала: совершенно то же значеніе можетъ имѣть и развитіе кустарныхъ промысловъ, соединенныхъ или не соединенныхъ съ земледѣліемъ. И то, и другое способствуетъ росту производительныхъ силъ и повышаетъ экономическій уровень населенія. Оди-

наковыя послѣдствія это можетъ имѣть и для земледѣльческаго капитализма.

Предыдущими замѣчаніями проф. Бажаевъ пытается разрушить установленную мною закономѣрность. Но онъ идетъ несравненно дальше. Онъ берется самъ объяснить колебанія въ степени развитія крестьянскаго земледѣльческаго капитализма по отдѣльнымъ районамъ Россіи. Какъ видимъ, онъ повертываетъ дѣло весьма радикально. Посмотримъ, каковы результаты.

Въ другой моей же таблицѣ проф. Бажаевъ констатировалъ «довольно ясно выраженную прямую зависимость отъ средняго обезпеченія надѣльной землей». Правда, мнѣ показалась эта зависимость не только не ясно выраженной, но и вовсе не существующей: ибо одинаковыя нормы надѣловъ встрѣчаются въ губерніяхъ и наивысшаго развитія, и полнаго отсутствія земледѣльческаго капитализма; высшія нормы надѣловъ встрѣчаются въ районахъ меньшаго его развитія, а низшія—въ районахъ съ болѣе капитализированнымъ крестьянскимъ земледѣліемъ. Но проф. Бажаевъ говоритъ, что «эта зависимость стала бы еще болѣе наглядной, если бы можно было внести соотвѣтствующія поправки, зависящія отъ качественныхъ различій. Вѣдь совершенно очевидно, что 6 десятинъ въ Орловской губерніи значатъ для земледѣлія больше, чѣмъ 10 десятинъ гдѣ-нибудь въ Вологодской». Съ Вологодской губерніей соединяется представленіе о подсѣчномъ хозяйствѣ. При такихъ условіяхъ десятина земли въ ней, дѣйствительно, нѣсколько несоизмѣрима съ десятиной Орловской, Смоленской, Воронежской и другихъ губерній. Но вѣдь проф. Бажаеву извѣстно, что я взялъ не Вологодскую губернію, а Грязовецкій уѣздъ ея, гдѣ ведется исключительно трехпольное хозяйство съ удобреніемъ; если такъ, то десятина земли здѣсь значитъ никакъ не меньше, чѣмъ въ губерніяхъ центральной (черноземной и нечерноземной) Россіи. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, какую же проф. Бажаевъ видитъ **внутреннюю** зависимость между размѣрами надѣла и степенью капитализаціи земледѣлія? Характера этой внутренней связи онъ не указываетъ. А между тѣмъ это необходимо: иначе я съ тѣмъ же успѣхомъ могу приписать колебанія капитализма по отдѣльнымъ районамъ положенію небесныхъ свѣтилъ. Въ-третьихъ, изслѣдуя внутри-земледѣльческія условія развитія крестьянскаго земледѣльческаго капитализма, я показалъ, что онъ развивается, главнымъ образомъ, за счетъ внѣнадѣльнаго фонда, на основѣ активно сконцентрированной—купчей и арендной—земли: развитіе его несравненно въ большей степени зависитъ отъ степени вмѣстимости арендного фонда, чѣмъ отъ надѣльныхъ нормъ. Вліяніе вмѣстимости арендного фонда несомнѣнно и велико. Но я показалъ, что и это вліяніе парализуется вліяніемъ иныхъ, внѣземледѣльческихъ условій, а именно—индустріализаціей: въ земледѣльческихъ губерніяхъ средней черноземной полосы

арендный фондъ тѣсенъ, а арендныя цѣны очень высоки; тѣмъ не менѣе, проявленія капитализма въ крестьянскомъ земледѣліи тамъ достаточно сильны. Въ промышленномъ районѣ арендный фондъ обширнѣе, а арендныя цѣны ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было; однако, крестьянскаго земледѣльческаго капитализма здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ не существуетъ (см. l. c., стр. 353—360). На всѣ эти обстоятельства проф. Бажаевъ почему-то не обратилъ ни малѣйшаго вниманія.

Онъ ссылается далѣе на то, что въ районахъ сильно развитого капитализма рѣдкое населеніе и высокія нормы надѣловъ «весьма благопріятны для развитія экстенсивнаго крестьянскаго земледѣлія, а на почвѣ послѣдняго и земледѣльческаго капитализма». Но развѣ проф. Бажаевъ не видитъ, что вотъ тутъ-то десятина земли, дѣйствительно, значитъ меньше, чѣмъ въ болѣе интенсивныхъ районахъ и что многоземелье здѣсь сильно смягчается? А кромѣ того, какая же опять таки связь между экстенсивностью и развитіемъ капитализма? Проф. Бажаевъ не указалъ ея. Укажу я: экстенсивное земледѣліе требуетъ меньше рабочихъ рукъ на единицу продукта, а потому оно и оказывается болѣе устойчивымъ передъ разрушительнымъ натискомъ индустріализаціи (см. l. c., стр. 363 и слѣд.).

«Наличности совершенно обратныхъ условій въ нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ совершенно достаточно для объясненія отсутствія тамъ крестьянскаго земледѣльческаго капитализма... Иными словами, рѣшающее значеніе принадлежитъ не возникновенію въ той или иной мѣстности промышленнаго капитализма, а именно неблагопріятнымъ для развитія земледѣлія мѣстнымъ условіямъ». Почему же меньшая благопріятность условій для земледѣлія вообще разрушаетъ именно земледѣльческій капитализмъ? Если земледѣліе вообще существуетъ, то непонятно, почему же ему не быть капиталистическимъ? Вѣдь оно можетъ быть оборудовано, какъ извѣстно, гораздо лучше, чѣмъ крестьянское. Такія условія повышаютъ издержки производства? Несомнѣнно. Но вѣдь и продажныя цѣны въ Московской или Тверской губерніи вдвое выше, чѣмъ въ Саратовской или Пермской. Въ послѣдней, впрочемъ, условія земледѣлія вовсе не болѣе благопріятны, чѣмъ въ Московской, хотя крестьянскій земледѣльческій капитализмъ достигъ тамъ очень высокаго развитія...

«Безполезно искать здѣсь (въ центрально-промышленномъ районѣ) послѣдствій конфликта двухъ видовъ капитализма,—пишетъ проф. Бажаевъ,—хотя бы потому, что земледѣльческій капитализмъ здѣсь никогда и не процвѣталъ». Думаю, что и это заявленіе, при всей его смѣлости, бьетъ мимо цѣли. Я утверждалъ, что промышленный капитализмъ подрываетъ основы земледѣльческаго. Но я указывалъ и на то, что и некапиталистическая индустріализація можетъ имѣть тѣ же послѣдствія. Допустимъ, что въ

промышленномъ районѣ земледѣльческаго капитализма никогда не существовало. Это могло бы означать только то, что ранняя дифференціація занятій и промышленная жизнь, начавшаяся въ доисторическую эпоху, не дали ему здѣсь развиться. Это нисколько не противорѣчило бы моей схемѣ. Но кромѣ того надо замѣтить, что свои выводы относительно эволюціи крестьянскаго земледѣльческаго капитализма я дѣлаю не только на основаніи статики крестьянскаго земледѣлія въ различныхъ районахъ; на сколько позволяли мнѣ матеріалы, я пытался изслѣдовать и его динамику; и это показало, что и въ промышленномъ районѣ не такъ давно существовали слабыя проявленія крестьянскаго земледѣльческаго капитализма, которыя съ теченіемъ времени совершенно аннулируются.

«Какъ объяснить,—спрашиваетъ далѣе проф. Бажаевъ,—почему сосѣдство такого обширнаго промышленнаго центра, какъ Донецкій горнозаводскій районъ, не оказало разлагающаго вліянія на крестьянскій земледѣльческій капитализмъ въ губерніяхъ Таврической, Харьковской, Воронежской и др.?» Но откуда же проф. Бажаевъ заключаетъ, что этотъ факторъ не оказалъ разлагающаго вліянія? Напротивъ, динамическія данныя, приводимыя мною по Воронежской губерніи, свидѣтельствуютъ о чрезвычайно интенсивномъ разложеніи крестьянскаго капиталистическаго земледѣлія. О Харьковской губерніи мы имѣемъ только статическія данныя. Что же касается высшаго расцвѣта капитализма въ Таврической губерніи, то вѣдь объ этомъ проф. Бажаевъ судитъ по приводимымъ мною цифрамъ, относящимся къ началу 80-хъ годовъ. Другихъ данныхъ въ нашемъ распоряженіи не было, а въ 80-хъ годахъ южной горной промышленности почти не существовало; говорить о ея вліяніи въ ту эпоху едва ли возможно.

Отрицая обратную зависимость между индустріализаціей и капитализаціей земледѣлія, проф. Бажаевъ протестуетъ и противъ распространенія моей схемы на другія страны. Правда, онъ признаетъ фактъ паденія земледѣльческаго капитализма въ странахъ Зап. Европы и въ Соед. Штатахъ; признаетъ онъ также и фактъ перетеканія земледѣльческаго населенія въ промышленность. «Но,—говоритъ онъ,—географическое распредѣленіе странъ и районовъ... не подчиняется той закономѣрности, которую защищаетъ авторъ. Очень слабое развитіе земледѣльческаго капитализма мы, напр., одновременно наблюдаемъ и въ Бельгіи, и въ Даніи, и въ Швейцаріи, и въ Германіи,—степень индустріализированности коихъ, однако, рѣзко различна». Послѣдній фактъ самъ по себѣ отмѣченъ совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти страны несоизмѣримы между собою по степени развитія въ нихъ земледѣльческаго капитализма. Это—величины разнородныя; и сопоставлять ихъ съ интересующей насъ точки зрѣнія—методологически неправильно. Въ образованіи современныхъ формъ капиталистическаго

земледѣлія всѣхъ этихъ странъ принимали участіе историческіе, внѣ-экономическіе факторы,—и при томъ въ различной степени. Различія въ историческихъ условіяхъ эпохи феодализма, различія въ размѣрахъ экспропріаціи крестьянства и «огораживанія полей», различія въ размѣрахъ политическаго воздѣйствія на концентрацію земель,—обусловили различное значеніе захватно-дворянскаго земледѣлія въ общей массѣ капиталистическихъ хозяйствъ этихъ странъ. При такихъ условіяхъ, если бы при сопоставленіи ихъ и обнаружилась интересующая насъ закономѣрность,—то она могла бы быть только случайной, и мы были бы не въ правѣ придавать ей какое-либо научное значеніе. Для правильнаго сопоставленія этихъ странъ мы должны были бы предварительно выдѣлить хозяйства, образованіе которыхъ имѣло внѣ-экономическій базисъ. При изслѣдованіи земледѣлія въ Россіи я находился въ довольно благопріятномъ положеніи по отношенію къ каждому пункту,—въ силу особенностей русскихъ матеріаловъ.

Проф. Бажаевъ и здѣсь, однако, не ограничивается критикой моей схемы. Онъ и здѣсь самъ объясняетъ фактъ «быстраго исчезновенія земледѣльческаго капитализма въ районахъ (Германіи) съ высокой плотностью населенія и съ особенно выдающимся развитіемъ городской индустріи». «Ближайшей причиной такого вытѣсненія, пишетъ онъ, оказывается соперничество земледѣльческаго капитализма съ мелкимъ трудовымъ земледѣліемъ. Дѣло въ томъ, что въ промышленныхъ округахъ образуется громадный спросъ на продукты высоко интенсивнаго земледѣлія... А въ производствѣ этихъ продуктовъ крупное хозяйство, какъ показываетъ опытъ, не можетъ конкурировать съ мелкимъ и уступаетъ ему мѣсто». Недоразумѣніе, заключающееся въ приведенныхъ строкахъ, крайне печально. Насъ отсылаютъ отъ Понтія къ Пилату. Я спрашиваю: почему крупно-капиталистическое земледѣліе разлагается и уступаетъ мѣсто мелко-трудовому? Проф. Бажаевъ отвѣчаетъ: опытъ показываетъ, что оно не можетъ успѣшно конкурировать съ мелкимъ земледѣліемъ... Боюсь, что при такомъ пониманіи самаго существа проблемы мы едва ли далеко пойдемъ въ ея рѣшеніи *).

Остальные немногіе аргументы проф. Бажаева, основанные, какъ мнѣ кажется, всецѣло на недоразумѣніяхъ, мнѣ приходится за недостаткомъ мѣста оставить въ сторонѣ. Въ общемъ я долженъ отмѣтить, что не только положительные отзывы проф. Бажаева о моей книгѣ, но и его безпощадные критическіе удары были для меня чрезвычайно цѣнны: они дали мнѣ матеріалъ для

*) Аналогичное недоразумѣніе произошло и съ А. В. Пѣшехоновымъ. Можетъ быть, «дѣло не въ томъ только,—пишетъ онъ,—что рабочіе уходятъ въ индустрію, но и въ томъ, что земля и прочія средства производства не такъ быстро концентрируются». Земля и прочія средства земледѣльческаго производства не только вовсе не концентрируются, но раздробляются. Весь вопросъ въ томъ и состоитъ, почему это такъ, и что изъ этого слѣдуетъ.

того, чтобы снова провѣрить методологическія основы вышеизложенной схемы и снова убѣдиться въ ихъ правильности.

Наконецъ, и А. В. Пѣшехоновъ, и проф. Бажаевъ ставятъ вопросъ: въ состояніи ли кооперація обобществить сельско-хозяйственное производство. Для развитія производственной земледѣльческой коопераціи въ современныхъ условіяхъ существуетъ, несомнѣнно, очень много препятствій,—юридическихъ, экономическихъ и культурно-психологическихъ. Но я думаю, что вопросъ о коопераціи, какъ факторѣ концентраціи земледѣльческаго производства, есть въ конечномъ счетѣ лишь вопросъ о наличности технико-экономическихъ преимуществъ у коллективно-крупнаго земледѣлія. Если эти преимущества существуютъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что земледѣльческое производство будетъ обобществлено,—въ той мѣрѣ, въ какой существуютъ эти преимущества. Это—вопросъ о будущемъ торжествѣ человѣческаго разума въ области экономики. Я не сомнѣваюсь, что въ будущемъ всѣ препятствія для торжества разума исчезнутъ. Когда это будетъ—другой вопросъ, который рѣшать я не пытался. Но во всякомъ случаѣ, согласно нѣмецкой пословицѣ, сказавшій А долженъ сказать и В: кто согласится, что земледѣльческое производство не будетъ обобществлено капиталомъ, тотъ долженъ признать, что эта «историческая миссія остается на долю коопераціи».

Н. Гиммеръ (Сухановъ).

САМУМЪ.

I.

Было это на Меккской желѣзной дорогѣ въ Аравіи, на границѣ пустыни Нифудъ.

Инженеръ Тутушкинъ проснулся въ предсмертномъ ужасѣ отвратительнаго сна.

Видѣлъ онъ, будто его положили въ гробъ, опустили въ могилу и засыпаютъ землей. Комья земли стучатъ о гробовую крышку. Глуше, глуше... Невнятно слышатся равнодушные голоса людей. Кто-то наверху надъ могилой говоритъ лживую и пошлую рѣчь. Тутушкинъ кричитъ изо всѣхъ силъ:

— Не говори, мерзавецъ! Не говори, кто ты тамъ?! Замолчи! Не хочу...

Но голосу у него нѣтъ. Слышится одно только сипѣнье...

Жена плачетъ, даже взвизгиваетъ, но все это неискренно, ненатурально. Такъ же плакала она и раньше по самымъ ничтожнымъ и глупымъ поводамъ. Подлая гречанка!

Въ душѣ Тутушкина, вмѣстѣ съ ужасомъ, камнемъ легла злоба. Боже мой, никому не нуженъ!

Но вотъ онъ слышитъ голосъ сына, Сережи. Жадно и даже съ радостью прислушивается. Сережа плачетъ искренно и твердитъ слова:

— Папочка, милый пальчикъ! Папочка, милый пальчикъ!

Почему пальчикъ, неизвѣстно. А трогательно до боли, до безумія.

Инженеръ плачетъ, хочетъ разодрать руками пустую грудь и, ловя воздухъ, разѣваетъ ротъ широко и безполезно, точно рыба на сухомъ берегу.

Наконецъ, мучительно проснулся.

Тутушкинъ спалъ въ вагонѣ, сидя на лавочкѣ, привалившись въ уголъ около окна. Откинувшись на спину, онъ долго дышалъ, какъ загнанная лошадь. Сердце поворачи-

валось и толкалось въ груди болѣзненно и неровно. Тѣло облилось холоднымъ пòтомъ и бѣлье прилипло. Въ дорогѣ уже около недѣли онъ не снималъ верхнія одежды. Онѣ давятъ, какъ каменныя.

Поѣздъ стоитъ. Темно. Однако, похоже на разсвѣтъ. Окна съ той и другой стороны узкаго отдѣленія вагона прорѣзываются тусклыми сѣрожелтыми четыреугольниками. Въ стѣны вагона, потолокъ и оконныя стекла, дѣйствительно, какъ и во снѣ, что-то стучитъ частымъ и неодинаковымъ стукомъ: шуршитъ мелкій песокъ, стучатъ камешки. Въ щеляхъ и отдушинахъ вагона воетъ вѣтеръ. Иногда удары вѣтра хлещутъ по стѣнамъ пескомъ длинно и прикладисто, точно кто-то пробѣгаетъ вдоль поѣзда и ударяетъ по вагонамъ гигантскимъ вѣникомъ.

Въ купе душно, но все-же не такъ, какъ было во снѣ. Можно дышать, хотя въ горлѣ першитъ, и языкъ лежитъ во рту, точно кусокъ сухой глины, прилипаетъ къ влажнымъ мѣстамъ десенъ и зубовъ. Хочется его выплюнуть на полъ и швырнуть ногой подъ лавку. Слюна сочится чуть-чуть, и все тѣло жаждетъ и томится.

Холодный потъ, выжатый изъ соннаго тѣла кошмарнымъ ужасомъ, быстро высохъ. И каждая жилка тѣла болѣзненно чувствуетъ сухую, терпкую и колючую одежду, пропитанную мельчайшимъ пескомъ пустыни.

Тутушкинъ хлебнулъ изъ бутылки, разведенной коньякомъ, воды. Стало легче; мысли прояснились. Въ душѣ загорѣлось радостное сознаніе жизни. Гробъ—это былъ сонъ. А онъ, инженеръ Тутушкинъ, живъ и радуется жизни, даже непріятной и трудной. Поѣздъ застигнутъ песчанымъ бураномъ—это ясно. Но пусть ходитъ въ пустынѣ песчаная мятель и заглядываетъ въ окна мутнымъ, плывучимъ, сѣрожелтымъ лицомъ,—онъ живъ и можетъ бороться.

Въ первыя минуты было даже какъ будто весело, что поднялась мятель, что Тутушкинъ кому-то можетъ доказать силы крѣпкаго и живучаго тѣла. „Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“—вспомнилъ онъ изъ Тургенева и радостно усмѣхнулся въ растрепанную бороду.

Тутушкинъ ѣхалъ съ мусульманскимъ паломническимъ поѣздомъ по Меккской желѣзной дорогѣ. Ѣхалъ онъ въ пустынный конецъ своего участка. Было горячее паломническое движеніе, и по дорогѣ все не ладилось: мало рабочихъ, и даже задерживаются поѣзда.

Проѣхали Маанъ и изъ каменистаго Заіорданья вступили въ область песчаныхъ пустынь. Вчера цѣлый день было тепло и тихо. Только съ вечера небо надъ Аравіей стало тревожно-краснымъ. Прозрачный воздухъ испуганно метался

надъ пустыней. Лицо чувствовало посмѣнно горячія и холодныя струи. Поневолѣ приходило на мысль что-то сказочное, миѳологическое. Можетъ быть, въ ясномъ воздухѣ, подъ зловѣще краснымъ небомъ, происходитъ невидимая борьба злыхъ и добрыхъ, горячихъ и холодныхъ духовъ? Они крутятся надъ землей, свиваются пучками, падаютъ упругими воздушными клубками на каменистыя поляны и снова взлетаютъ, поднимая за собой легкіе вихри пыли.

А за ночь изъ красной Аравійской пустыни поднялся песчаный буранъ.

Поѣздъ стоитъ. Гдѣ онъ стоитъ?

Тутушкинъ протянулся ближе къ окну. Ничего не видно. Мимо оконъ неслись и мыли стекла желтобурые, мутные песчаные потоки. Линовали стекла косыми линіями и стучали по стѣнамъ камешками и крупнымъ пескомъ. По полу вагона протянулись длинныя расплывчатыя полосы песку. Песокъ затянулъ тонкой липкой пленкой лавки, вещи, одежду. Когда Тутушкинъ всталъ, на лавкѣ четко выдѣлилось незанесенное пескомъ сидѣнье.

Противъ Тутушкина на другой лавкѣ лежитъ носатый рябой турокъ въ шакальемъ тулупчикѣ (по ночамъ въ пустынѣ бываетъ холодно). Это—подрядчикъ; онъ буритъ вдоль дороги артезіанскіе колодцы. Самъ себѣ онъ выдумалъ особый титулъ: поставщикъ воды Гиджасской желѣзной дороги. По-французски это выходило съ четырьмя de подъ рядъ, при чемъ слово поставщикъ онъ выговаривалъ „фурнисоръ“. Его такъ всѣ и называли: „господинъ фурнисоръ“, что доставляло турку большое удовольствіе. Всетаки, какъ будто, и не простой подрядчикъ.

Онъ спитъ. Лицо его, какъ и все въ вагонѣ, покрыто тонкимъ слоемъ сѣрожелтой пыли. Точно померъ турокъ, засохъ и лежитъ въ вагонѣ давно, давно. Потому такъ и запылился. Даже непріятно на него смотрѣть: какія-то безобразныя, носатыя, рябыя мощи.

Около него на веревочкѣ, моргая глазами, сидитъ тощая и маленькая бѣлая собачка неизвѣстной породы. По мнѣнію хозяина—помѣсь фоксъ-терьера и крысы. Она робко на коготкахъ подошла къ Тутушкину и, задрожавъ отъ непріятныхъ ощущеній всѣмъ тѣломъ, просительно лизнула его въ сапогъ. Должно быть, хочетъ пить.

На одной лавкѣ съ Тутушкинымъ въ другомъ углу свернулся комочкомъ и спитъ дамасскій чиновникъ Муса. Четвертое мѣсто въ отдѣленіи принадлежитъ главному кондуктору поѣзда. Но его здѣсь нѣтъ. Вѣроятно, вышелъ распорядиться по поѣзду.

Тутушкинъ тоже рѣшилъ выйти, узнать, что дѣлается

въ пустынѣ, и гдѣ стоитъ поѣздъ. Разсчитавъ, откуда дудетъ вѣтеръ, онъ открылъ дверь съ подвѣтреной стороны. Хрустнула дверная ручка, и непріятно завизжали петли, точно кто-то провелъ грифелемъ по доскѣ. Но порывъ вѣтра въ то же мгновеніе захлопнулъ дверь. Въ купе успѣлъ ворваться упругій клубокъ бури, и мягко разсыпался по лавкамъ, людямъ и вещамъ крупной песчаной пылью.

— У-ухъ, какая буря!

У Тутушкина захватило дыханіе. Онъ неловко открылъ ротъ и поневолѣ хлебнулъ большой глотокъ пыльнаго воздуху. На зубахъ заскрипѣло; во рту остался вкусъ глины и соли. Долго онъ плевался, но слюны не было. Языкъ, сухой и неуклюжій, не вмѣщался во рту и больно теръ нёбо. Затошнило, и по кожѣ побѣжали колючіе муравьи.

— А, чортъ!—выругался громко инженеръ. Но сухой языкъ не могъ выговорить „р",—вышло „чётъ".

Проснулся фурнисоръ. Онъ чихнулъ, снялъ тулупчикъ, долго отряхалъ щеки и носъ. Раза два наступилъ на собачку и въ раздраженіи оттолкнулъ ее ногой, какъ тряпку. Собачка забилась подъ лавку, жалобно верещитъ и дрожитъ. Это видно по привязи: натянутая веревочка вздрагиваетъ, точно леска съ только что сѣвшей на крючекъ рыбой.

Съ пробужденіемъ фурнисора, въ отдѣленіи стало еще душнѣе и тѣснѣе, точно въ сонномъ состояніи турокъ вытѣснялъ меньше воздуху. Онъ наполнилъ собой, своимъ голосомъ, носомъ и размашистыми крылатыми жестами все купе. Заговорилъ по-французски съ акцентомъ глухого: выговариваетъ слова, точно камни съ мѣста на мѣсто переваливаетъ.

„Ужъ лучше бы по-турецки говорилъ!"—съ раздраженіемъ подумалъ Тутушкинъ.

И французскій языкъ фурнисора, и его титулъ съ четырьмя „de" подрядъ, и длинный носъ, и шакалій тулупчикъ, даже собака—все фурнисоровское стало инженеру противнымъ, даже ненавистнымъ. А тотъ еще похвалиться вздумалъ:

— Вотъ непріятность! Изъ одного чорта четыре. Самумъ дуетъ. Я это вчера предвидѣлъ. Помните, господинъ инженеръ, я вчера вамъ говорилъ?..

Тутушкинъ намѣренно ничего не отвѣчаетъ, дѣлаетъ видъ, что не слышитъ. Хвастливое самодовольство фурнисора его злитъ. Нашелъ чѣмъ хвалиться! Подумаешь, какую радость предсказалъ...

Просыпается и эффенди Муса. Это длинный и сухощавый мулатъ, сынъ турецкаго паши отъ негритянки-прислуги. У Мусы кофейнаго цвѣта сморщенное лицо, губы почти темныя, а между ними часто сверкаетъ наивный розовый кончикъ языка. Маленькая обезьянья голова, длинная шея, покатыя женскія плечи, писклявый голосъ. Онъ напоминаетъ евнуха.

Съ фурнисоромъ они часто ведутъ богословскіе споры. Фурнисоръ вольнодумствуетъ, хвалитъ всѣ религіи, въ особенности христіанскую (въ угоду Тутушкину). Муса — фанатичный мусульманинъ, но возражаетъ слабо, протестуетъ больше вздохами и молчаніемъ. Когда фурнисоръ хватаетъ черезъ край, Муса и совсѣмъ умолкаетъ, ставитъ ноги на скамейку и шепчетъ себѣ въ колѣни стихи Корана. Тогда фурнисоръ отступаетъ.

Фурнисоръ—большой поклонникъ европейской культуры. Муса и въ этомъ съ нимъ несогласенъ, но въ возраженіяхъ опять-таки слабъ. И фурнисоръ оба дня на трехъ языкахъ, турецкомъ, арабскомъ и французскомъ, доказывалъ Тутушкину и Мусѣ блага европейскихъ порядковъ.

Нѣкоторое время всѣ трое сидятъ и съ тоской смотрятъ въ мутножелтыя окна вагона. Говорить не объ чемъ. Въ душѣ поднимается раздраженіе, и не хочется даже взглянуть другъ другу въ глаза. На лицахъ выраженіе безпредѣльной злобы и тоски.

Фурнисоръ нѣсколько минутъ смотритъ немигающимъ взглядомъ въ окно. Тутушкину виденъ овалъ его громаднаго, какъ у вола, съ красными прожилками глазного яблока. Глазъ быстро засыхаетъ и покрывается легкимъ налетомъ пыли. За яблокомъ выгибается, точно спина какой-то горбатой рыбы, неправдоподобный носъ. Муса-эффенди перебираетъ четки и шепчетъ молитвы. Въ купе движется воздухъ, колышетъ тончайшую липкую пыль. Полъ уже сплошь покрылся красножелтымъ пескомъ.

Вѣтеръ налетаетъ порывами. Точно кто-то воетъ, пыхтитъ, скрежещетъ около вагона зубами, обхватываетъ его упругими и длинными лапами вдоль и поперекъ, качаетъ, бьетъ, хочетъ раздавить. На минуту утомленный, валится внизъ, съ шипѣньемъ разсыпается подъ колесами. Гнутся стѣны, двери, окна; вагонъ вздрагиваетъ, качается и повизгиваетъ колесами, растирая на рельсахъ сухой и крупный песокъ. Чуть-чуть прояснятся окна, затихнетъ грохотъ, вой и шипѣнье песчаной бури. Но за стѣнами постоянно чувствуется гигантское напряженіе разбушевавшейся стихіи. Она замолкла только на минуту, прилегла вдоль вагоновъ на землю. Но вотъ снова застонала, взметнулась кверху и съ высоты

упала на крыши вагоновъ со свистомъ, хохотомъ и воемъ.

Грызетъ, стучитъ, ломаетъ и хлещетъ пескомъ...

Фурнисоръ щелкнулъ крышкой часовъ и сказалъ въ пространство:

— Девять часовъ. Изъ одного чорта четыре! Еще цѣлый день такъ будетъ...

Онъ выпускаетъ изъ груди весь воздухъ, выкатываетъ глаза, долго не рѣшается вдохнуть сухой и пыльный воздухъ и безсильно-злобно мотаетъ головой. А на выкаченныхъ бѣлкахъ проступаютъ красныя жилки, точно линіи океанскихъ пароходныхъ движеній на глобусѣ.

Становится жарко. Грохотъ песчаной бури колдуетъ отнимаетъ силы и волю. Не хочется двигаться, говорить, думать. Никто не вспомнилъ о пищѣ.

II.

Въ мутномъ окнѣ появилось темное пятно человѣческой фигуры. Раскрылась дверь, и въ отдѣленіе вагона, втолкнутый бурей, быстро впрыгнулъ оберъ-кондукторъ.

Это—молодой турокъ съ плотной бородкой и пушистыми баками, придававшими его лицу безпокойное, рысье выраженіе. Но глаза у него синіе, задумчивые и ласковые. Его приходъ нарушилъ тягостное и злобное молчаніе въ маленькомъ отдѣленіи. Онъ перевелъ духъ, оглядѣлъ тоскующія лица фурнисора, инженера и Мусы и весело расхохотался.

— Что, господа начальство, недовольны?!

Глаза его закрылись отъ смѣха, какъ у грѣющагося на солнцѣ кота. Лицо еще больше раздалось въ ширину, бѣлые зубы блеснули и, казалось, освѣтили пыльно-желтый сумракъ вагона.

— Гдѣ стоимъ?—спросилъ фурнисоръ. И въ голосѣ его послышалась какая-то надежда. А можетъ быть, просто съ приходомъ веселаго кондуктора и ему стало веселѣе.

— Въ Дамаскѣ на площади! Пожалуйте въ гостиницу... Ха-ха-ха! Конечно, въ пустынѣ.

— Далеко ли до станціи?

— Далеко. Километровъ семьдесятъ. Ѣхать совершенно невозможно. Вѣтеръ дуетъ вкось, почти навстрѣчу. На полотнѣ песчаные сугробы. Надо выждать. Можетъ быть, недолго...

Кондукторъ сѣлъ на лавку и съ радостнымъ лицомъ оглядѣлъ пыльное купе. Видимо, послѣ бури въ открытомъ полѣ сидѣть въ купе доставляетъ ему наслажденіе. Онъ

порылся на пыльной полкѣ, досталъ узелокъ съ провизiей, развернулъ его. Въ узелкѣ, въ тонкихъ хлѣбныхъ лепешкахъ завернуты маслины. Закрывая ихъ отъ пыли полой мундира, кондукторъ бралъ по одной, отрывалъ куски лепешки и жадно глоталъ, вытягивая шею. Острый кадыкъ точно какой-то подкожный челнокъ, бѣгалъ вдоль бѣлой глотки, нырялъ въ пушистую, черную бороду и, подхватывая тамъ куски пищи, спускалъ ее внизъ большими непрожеванными комками.

Молчаливо-торопливые и жадные глотки кондуктора возбудили аппетитъ у всѣхъ. Тутушкинъ почувствовалъ, что языкъ у него сдѣлался мокрымъ. Онъ вынулъ изъ-подъ лавки корзину съ провизiей: сыръ, яйца и бѣлый хлѣбъ, засохшiй въ одну ночь, какъ камень. Вспомнилъ жену, приславшую ему эту корзину съ провизiей изъ Дамаска, но вспомнилъ безъ благодарности: онъ еще не примирился съ ней послѣ сновидѣнiя. Фурнисоръ предложилъ инженеру свои такiя же, какъ у кондуктора, свернутыя въ комокъ лепешки. Верхнiй слой ихъ тоже засохъ, но нижнiе были еще влажны и гибки. Появились апельсины. Подсѣлъ со своимъ узелкомъ и Муса. Выползла изъ-подъ лавки дрожащая собаченка. Сидя на пескѣ, поводила высохшимъ, облупившимся носомъ и просительно поднимала лапку.

Завтракъ сдѣлался общимъ.

Всѣ жевали, перекидываясь незначительными фразами. Часто морщились, когда на зубахъ хрустѣлъ песокъ. Кондукторъ совѣтовалъ беречь воду и фрукты. Хорошо, если буря продолжится одинъ день. А если два, три дня? Воды мало во всемъ поѣздѣ. Никто не думалъ... Въ февралѣ самумъ дуетъ очень рѣдко. Къ полудню будетъ жарко. Въ поѣздѣ шесть вагоновъ и четыре платформы. Въ вагонахъ еще ничего, хотя воздухъ отвратительный. На платформахъ никакой защиты. Лежатъ въ повалку мужчины и женщины, укрылись плащами, мѣшками, кто чѣмъ можетъ. Есть больные...

Послѣ ѣды всѣ почувствовали себя бодрѣе. Тутушкинъ и фурнисоръ собрались съ кондукторомъ обойти поѣздъ. Муса не пошелъ. Онъ усѣлся съ ногами на лавкѣ въ углу купе, взялъ въ руки четки и приготовился читать молитвы.

Всѣ трое другъ за дружкой поспѣшно выпрыгнули изъ вагона въ пустыню.

Въ первую минуту у всѣхъ захватило дыханiе. Хлестнуло изъ-подъ вагона по глазамъ и чуть не сбило съ ногъ. Кондукторъ съ фурнисоромъ, какъ люди болѣе привычные, удержались на ногахъ, а Тутушкинъ отъ неожиданности присѣлъ на горячiй и ползучiй песокъ. Долго глаза его

омывались безсильной слезой, но мало-по-малу инженеръ приспособился, смотрѣлъ сквозь рѣсницы и, когда нужно, совсѣмъ закрывалъ глаза. Чтобы оправиться, всѣ трое, держась другъ за друга, отошли отъ вагоновъ въ сторону. Тамъ буря неслась ровнѣе; можно было стоять на ногахъ.

Въ первое время Тутушкину стало даже жутко. Все, что между землей и небомъ, неслось съ бѣшенымъ воемъ и свистомъ. Отъ земли поднималось горячее, упруго крутящееся курево и багряно-желтыми клубками взлетало въ высоту. И все двигалось, неслось въ туманную бездну, текло, крутилось.

Дрожала земля. Плыла пустыня. Свертывалась и развертывалась на горячихъ камняхъ сыпучимъ тѣломъ, плывя, кружилась въ бѣшеномъ изступленьи, многоликая, тысячеголосая. Не терпѣла препятствій. Длинными, желтыми песчаными холстинами металась подъ вагоны, хлестала чрезъ желѣзнодорожную насыпь и разсыпалась на другой сторонѣ шипящей поползухой.

Стоитъ на минуту остановиться, и песокъ обтекаетъ ноги, взмываетъ къ колѣнямъ желтой волной.

Солнце тускло, неподвижно-багрово и просвѣчиваетъ, точно раскаленное пятно на чугунной плитѣ. И весь текучій песчаный хаосъ забагрѣлся въ вышинѣ свѣтомъ раздражающимъ и тревожнымъ...

Приходило на мысль, что-гдѣ нибудь высоко надъ землей спокойно сіяетъ синее небо, ясно свѣтитъ солнце. Но въ это трудно повѣрить: здѣсь кажется, что весь міръ разрушается и горитъ.

Только поѣздъ стоитъ неподвижно и даетъ надежду на спасеніе. Но въ пяти саженяхъ и поѣзда почти не видать; онъ тонетъ въ дымно-пламенномъ куревѣ земли и видится длинной цѣпью безформенныхъ темныхъ пятенъ, точно миражъ въ пустынѣ. Слышно только, какъ болѣзненно-непрерывнымъ и жалобнымъ звономъ разными голосами звенятъ чугунныя колеса. Удаляться страшно: уведетъ, замететъ, закружитъ горячими вирами пустыня... Ближе къ вагонамъ! Радостно думать, что тамъ можно укрыться отъ бури, можно сидѣть, говорить, спать. Пыльное и душное купе вагона манитъ къ себѣ тихимъ уютомъ.

Оправившись, всѣ трое идутъ вдоль поѣзда, поддерживая другъ друга. Кондукторъ впереди, Тутушкинъ за кондукторомъ, а за инженеромъ—фурнисоръ. Инженеръ, поворачивая голову отъ ударовъ вѣтра, видитъ большой носъ фурнисора и вспоминаетъ русскую пословицу: держи носъ по вѣтру. Ему становится весело и смѣшно. Онъ говоритъ

фурнисору эту пословицу по арабски. Тотъ понялъ, схватилъ себя рукой за носъ и со смѣхомъ крутитъ головой.

Прошли одинъ, два, три вагона. Подошли къ платформамъ. Онѣ имѣютъ странный, даже страшный видъ мертваго поля. Темными запыленными кучами согнулись подъ плащами человѣческія тѣла. Круглятся тощія спины, острыми углами выдаются локти, колѣни.

Услышалъ людей и, пылясь, какъ высохшій дождевикъ, поднялся и развернулъ плащъ старикъ-арабъ. У него красныя вывороченныя вѣки, больные глаза. Онъ часто мигаетъ, смотритъ изъ-подъ плаща молча, провожаетъ глазами задумчиво, равнодушно, а губы шепчутъ стихъ Корана. Даже бородка чуть-чуть трясется.

И такъ всѣ вдоль края платформы: поднимаются, смотрятъ точно изъ темныхъ пыльныхъ норъ, шепчутъ молитвы или молча устало вздыхаютъ и снова ложатся подъ пыльные плащи. Только одна пожилая женщина остановила кондуктора. Открылась совсѣмъ,—даже вуали на лицѣ нѣтъ. Видимо, ей уже не до приличій. Лицо у ней дрябло-бѣлое, зубы черные, на зрачки опустились разбухшіе отъ малокровія вѣки, что придаетъ ея лицу выраженіе безумія. Она стоитъ на платформѣ на колѣняхъ и, растрепанная вѣтромъ, кричитъ и машетъ руками. Буря рветъ на клочки ея голосъ, и разобрать, о чемъ она говоритъ, трудно. Изрѣдка, точно пули, бьютъ по ушамъ отдѣльныя слова: „Смерть... Станція... Аллахъ“... Можно только догадаться, что ей худо, и она проситъ ѣхать, а не стоять. Кондукторъ покрутилъ головой, указалъ на землю, потомъ вскинулся грудью вверхъ и, притворно падая, безнадежно разбросилъ руки. Дескать,—куда же въ такую бурю поѣдешь! Женщина со стономъ повалилась на платформу, а трое путниковъ, цѣпляясь за вагоны, поддерживая другъ друга, пошли дальше.

Разбѣгаясь на широкомъ просторѣ пустыни, буря катилась на паровозъ, какъ водопадъ, какъ лавина.

Вѣтеръ кололся объ его стальную громаду и валился за паровикомъ на землю тяжелыми резиновыми глыбами, падалъ на людей, давилъ, сбивалъ съ ногъ и, отталкиваясь отъ земли, поднималъ людей на воздухъ.

Паровозъ гудѣлъ, испуганно дрожалъ, уцѣпившись колесами за рельсы, походя на какое-то большое, черное длинное животное. Оно припало на всѣ четыре ноги, дрожитъ и рычитъ отъ страха, не рѣшается подняться и убѣжать.

Подхваченное вихремъ, тѣло инженера иногда теряло почти весь свой вѣсъ. Еще одно маленькое усиліе бури, и она подниметъ его, Тутушкина, какъ песчинку, закрутитъ,

понесетъ надъ пустыней на клубахъ песчаной пыли и выброситъ гдѣ-нибудь на скалистыя горы Хаурана. Со страхомъ онъ хватался за фурнисора.

Кондукторъ показалъ спутникамъ на тендеръ и полѣзъ вверхъ по отвѣсной желѣзной лѣсенкѣ. За нимъ—фурнисоръ. Фурнисора сбило вѣтромъ и отбросило въ сторону въ мягкій песчанный бугоръ. Онъ поползъ на четвереньках. Глаза ему засыпало пескомъ. Онъ искалъ дорогу руками, хваталъ колеса, золотники. Отвернулъ паровой крантикъ и закричалъ отъ испуга какимъ-то страннымъ голосомъ, точно овца заблеяла. Тутушкинъ сталъ фурнисору помогать и, ползая рядомъ, помогъ ему взобраться на тендеръ и самъ влѣзъ.

За желѣзнымъ крыломъ паровика тихо, хотя пыльно и часто сыплется сверху песокъ. Паровозъ глухо гудитъ колесами, трубой, всѣми своими трубками, рычагами и винтами, тревожно вздрагиваетъ отъ ударовъ бури. Можно разговаривать и смотрѣть безъ большой опаски.

Машинистъ—сухой, высокій, жилистый черногорецъ въ темной барашковой шапочкѣ и замасляной курткѣ. Онъ озабоченно смотритъ въ окно, затягиваясь изъ трубочки. Сморщенныя щеки парусятъ, проваливаются въ беззубый ротъ.

Кондукторъ долго стоялъ, заложивъ руки за спину, будто припоминалъ, зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Поднялъ голову и разсѣянно спросилъ:

— Ну, что-же, ѣдемъ?

И видно было—самъ зналъ, что нельзя ѣхать. А спросилъ такъ себѣ, для разговора, на всякій случай.

Машинистъ сплюнулъ и коротко отвѣтилъ.

— Нельзя...

И нѣсколько минутъ ждалъ, не скажетъ ли кондукторъ что нибудь еще. Онъ былъ раздраженъ и хотѣлъ, чтобы кондукторъ сказалъ что-нибудь такое, къ чему можно придраться. Но тотъ молчалъ. Машинистъ началъ объяснять сердито и отрывисто.

— Видитъ Богъ, никакъ невозможно. Я ходилъ утромъ по полотну. Пескомъ перетянуло. Надо выждать. Можетъ съ рельсъ сойти. Если къ вечеру не утихнетъ, затушу паровозъ. Воды не хватитъ. Приходятъ, берутъ. А у меня всего на два котла осталось. Совсѣмъ не на чемъ будетъ ѣхать. Развѣ господинъ фурнисоръ вотъ здѣсь просверлитъ намъ... пальцемъ... артезіанскій колодезь? Да и то сказать, угля тоже немного.

Помощникъ машиниста, молодой рыжій еврей изъ Дамаска распахнулъ огненную пасть паровоза и бросилъ туда нѣсколько ковшей каменнаго угля. Изъ поддувала посыпа-

лись искры. Видно было, какъ они закрутились и понеслись вмѣстѣ съ клубами пыли длиннымъ роемъ огненныхъ мухъ.

Кондукторъ тоскливо вздыхаетъ, безнадежно-затуманеннымъ взоромъ смотритъ на градусникъ и, качая головой, говоритъ:

— Двадцать восемь градусовъ! Жарко.

— Подождите немного, еще жарче будетъ, — говоритъ машинистъ.

Почему-то эти слова машиниста возбуждаютъ во всѣхъ раздраженіе и досаду. Инженеръ спускается съ тендера внизъ, крѣпко держась за мѣдныя перила. За нимъ, молча, пошли остальные.

— Черезъ часъ и вѣтеръ сильнѣе поднимется! — говоритъ, сплевывая въ сторону, машинистъ, уже явно затѣмъ, чтобы доставить непріятность.

Всѣмъ троимъ хочется пить, но никто не желаетъ одолжаться у машиниста.

Чувство безпомощности и безнадежной затерянности снова охватили ихъ, когда они очутились въ полной власти бушующей стихіи. Вѣтеръ замѣтно крѣпчалъ. Воздухъ становился красноватымъ. Это уже несутся красные пески аравійской пустыни.

У кондуктора сорвало съ головы феску. Онъ взмахнулъ руками, но феска мелькнула темнымъ пятномъ и скрылась, улетѣла, точно птица. Турокъ обвязалъ носовымъ платкомъ бритую голову и торопливо побѣжалъ въ купе, придерживаясь за края платформъ и ручки вагоновъ. За нимъ, неуклюже взмахивая руками, подбиваемый вѣтромъ, точно пьяный, заторопился фурнисоръ.

Въ это время на ближайшей платформѣ раздалось пѣніе. Мусульманинъ почуялъ полдень, сбросилъ съ себя плащъ, подъ которымъ лежалъ, и, задыхаясь, загораживая руками открытый ротъ, запѣлъ призывную молитву.

Мгновеньями звуки молитвы пропадали. Буря уносила ихъ, навертывая на свои упругіе клубки, стирала, проглатывала ревущей пастью. Видно только, какъ мусульманинъ шевелитъ ртомъ. Въ прорывахъ бури напѣвъ падалъ на землю, растекался около вагоновъ, хриплый, пугливый, тоскующій...

Тутушкинъ привалился къ вагону, закрылъ глаза, чтобы не засорило пескомъ, и съ какимъ то новымъ, никогда неиспытаннымъ настроеніемъ сталъ слушать знакомый печальный мотивъ призывной молитвы.

Шипѣлъ песокъ, звенѣли колеса, свистѣла и выла буря. Разорванные звуки тоскующаго напѣва странно напомнили Тутушкину задавленныя рыданія. Не плачетъ ли на самомъ

дѣлѣ? Нѣтъ, стоитъ, еле держится на ногахъ, шатается и поетъ знакомую молитву.

„Нѣтъ божества кромѣ единаго Бога. Свидѣтельствую что Мухàммадъ посланникъ Бога“...

И была безысходная тоска въ этомъ тягучемъ пустынномъ напѣвѣ.

Среди зеленыхъ садовъ Дамаска, въ тихую звѣздную ночь, съ высоты многочисленныхъ минаретовъ напѣвъ этотъ звучитъ грустно и красиво. Но Тутушкину показалось, что понятенъ онъ только вотъ здѣсь, подъ аккомпаниментъ песчаной бури, огненнаго самума.

Въ каменистыхъ и песчаныхъ пустыняхъ Аравіи вспыхнула своеобразная, огненная арабская культура. Все народу этому дала пустыня! Бредовыя суры Корана и пламенную вѣру, злобу и любовь, душу и тѣло. И мысли у этихъ людей пустынныя, всепоглощающія и граничатъ съ безуміемъ.

„Великъ Богъ, великъ Богъ! Пріидите на дорогу спасенія“...

Платформа зашевелилась. Паломники разостлали коврики и цыновки, и, обращаясь лицами къ Меккѣ, стали на молитву. Нѣкоторые слѣзли на землю и сѣли тамъ на разостланныхъ цыновкахъ. Песокъ уже обтекаетъ ихъ и заливаетъ, точно вода. Заметалъ цыновки, засыпалъ ноги. Одинъ сѣдой старикъ отошелъ отъ вагоновъ подальше. Онъ сидитъ по поясъ въ пескѣ.

Тутушкину вспомнились древніе отшельники, закапывавшіе себя въ землю. Онъ пошелъ вдоль вагоновъ. На площадкахъ тоже паломники. Сидятъ на цыновкахъ, задумчивые и неподвижные, съ невидящими, устремленными впередъ глазами.

О чемъ они думаютъ? Мыслей, навѣрное, нѣтъ; въ душѣ одно яркое свѣтло-зеленое пятно,—святая Мекка. Остановится поѣздъ—пойдутъ пѣшкомъ. Устанутъ ноги—поползутъ на четверенькахъ. Будутъ умирать,—умрутъ, уцѣпившись мыслью за священный порогъ Каабы.

По песку ползетъ сѣдой старикъ. Онъ кончилъ молитву, ходить при такой бурѣ не въ силахъ и ползетъ обратно въ вагонъ, точно какое-то старое, больное домашнее животное.

Разорвались песчаныя тучи. Свѣтъ упалъ на поѣздъ и пустыню кровяно-красными, быстро ползучими бликами.

Какъ будто сразу стало жарче. Душнѣе воздухъ, горячѣе текучій и летучій песокъ...

И вдругъ снова заклубились песчаныя тучи, загудѣлъ сильнѣе вѣтеръ, и снова, потрясая небомъ и землей, загремѣла буря.

III.

Въ служебномъ отдѣленіи Тутушкина въ первую минуту охватило радостное чувство свѣжести и тишины. Не трубитъ въ ушахъ вѣтеръ, не сѣчетъ пескомъ лицо, шею, руки. Но это только на минуту. Скоро онъ почувствовалъ, что въ купе душно и жарко. Кондукторъ сидитъ въ углу, откинулъ назадъ голову, дышитъ тяжело, спитъ. Обнажилъ подъ бородой бѣлую полосу шеи съ застывшимъ острымъ кадыкомъ. Тутушкину непріятно смотрѣть на эту шею. Невольно приходитъ въ голову мысль о томъ, что въ такомъ положеніи кондуктора легко зарѣзать: чиркнуть острымъ ножомъ по этой бѣлой натянутой глоткѣ—и конецъ. Мысль инженеру ненужная, пришла въ голову отъ томительнаго бездѣлья, но неотступная. Отъ этой мысли ему дѣлается, какъ будто, жарче и душнѣе.

Фурнисоръ сидитъ съ ногами на лавочкѣ и, устремляясь въ одномъ тягучемъ жестѣ къ Мусѣ, сидящему напротивъ, говоритъ хрипло, вращая большими бѣлками. Говоритъ на обычную свою тему, но съ раздраженіемъ и часто презрительно фыркаетъ и пыхтитъ.

— Ничего, говорю тебѣ, мой господинъ, не поможетъ. Въ котлѣ вари—ничего не подѣлаешь. Мы неучены. А въ Европѣ... Ох-хо-о! Я путешествовалъ тамъ, насмотрѣлся. Ох-хо-о!..

— Что же ты тамъ видѣлъ?—спрашиваетъ Муса.

Спросилъ и самъ раскаялся. Зачѣмъ? Совсѣмъ ему неинтересно. Спросилъ и отвернулся. Розовымъ кончикомъ языка облизалъ темныя, сухія губы, вскинулъ вверхъ четки и текучей струей спустилъ ихъ въ костистую, длинную и узкую, точно у обезьяны, ладонь.

Фурнисоръ строго выкатилъ на Мусу бѣлки и выпустилъ изъ себя презрительную струю воздуха.

— Что видѣлъ? Га-а! Да вотъ, къ примѣру, былъ я около Тріеста въ одномъ селеніи. Видѣлъ я тамъ машину для сдиранія кожи съ живыхъ собакъ... Приводятъ на заводъ собакъ большихъ и маленькихъ... Всякихъ. Только, чтобы ошейника не было. И въ машину. А изъ машины съ одной стороны кожи летятъ, а съ другой—ободранныя собаки. Живыя еще, тявкаютъ: „бахъ, бахъ, бахъ!“ Прыгаютъ, въ пыли валяются. Еще не понимаютъ, что кожи на нихъ нѣтъ. Черезъ полчаса сдохнутъ... Вотъ тебѣ, пустое дѣло—съ собаки кожу содрать, а у нихъ—машина.

Муса не утерпѣлъ и злорадно возразилъ:

— Такъ, по твоему, это хорошо—съ живыхъ собакъ машиной кожу драть? Ць-ць-ць! Га, европеецъ, тоже!

Фурнисоръ долго глядѣлъ на Мусу съ напускнымъ изумленіемъ. Такого оборота мысли онъ не предвидѣлъ и теперь напряженно соображалъ, какъ повернуть разговоръ въ свою пользу.

— Ну вотъ, я тебѣ про одно, а ты про другое. Я про машину говорилъ... У нихъ вездѣ машина. Вотъ и мы съ тобой на чемъ теперь ѣдемъ? На машинѣ. Кто ее выдумалъ? Ну-ка, скажи? Можетъ быть, вы, господинъ Муса, со своей женой ее выдумали, эту машину?..

Намекъ на изобрѣтательность Мусиной жены явно для Мусы обиденъ. Придраться не къ чему, а обида есть. Сдерживая раздраженіе, Муса возражаетъ.

— А что твоя машина можетъ сдѣлать? Вотъ подулъ самумъ—мы и стоимъ. Вотъ она твоя машина! Да и ни къ чему! Нѣтъ машины—пѣшкомъ пойдемъ. Тысячу лѣтъ ходили. А теперь въ машину сѣли и сидимъ. Хорошо? Ць-ць-ць. Европеецъ, тоже!

Фурнисоръ выражаетъ изумленное презрѣніе всѣмъ, чѣмъ можетъ: глазами, губами, какимъ-то особымъ вывернутымъ жестомъ рукъ. Обращаясь къ Тутушкину, онъ раздраженно восклицаетъ:

— Слыхали, господинъ инженеръ?

Потомъ засуетился, въ раздраженіи сталъ искать свои туфли, обулъ одну ногу и спустилъ ее съ лавки на полъ.

Было непонятно, что̀ онъ хочетъ дѣлать. Можетъ быть, уйти собирается? Но онъ только презрительно плюнулъ, растеръ для виду туфлей песокъ и опять втянулъ подъ себя, точно спрутъ, гибкую ногу.

— Тьфу, а не разговоръ! Вотъ ты сказалъ слово, господинъ Муса, а не подумалъ. Гдѣ тебѣ думать? Ты не привыкъ. Такъ ужъ ты лучше слушалъ бы умныхъ людей...

— Не желаю,—говоритъ Муса и нервно скрипитъ въ кулакѣ четками.

— Не жела-аешь?—ехидно протянулъ фурнисоръ.—Такъ и не спорилъ бы, если не желаешь. Можетъ быть, по твоему, и мои колодцы въ пустынѣ не нужны? А вѣдь я ихъ не пальцемъ копаю, а машинами, господинъ Муса. Га-а! Вотъ оно что, господинъ Муса! А если вмѣсто пустыни здѣсь будетъ сплошной садъ, можетъ, ты и тогда, господинъ Муса, скажешь—не надо?!.

Муса обиженъ, совсѣмъ обиженъ. Разговоръ ему не нравится. Но садъ въ пустынѣ изумляетъ. Забывая на минуту обидный тонъ, онъ съ недоумѣніемъ переспросилъ:

— Са-адъ?

— Да, сплошной садъ, я тебѣ говорю. Подъ землей рѣки текутъ! Только надо ихъ достать. А чѣмъ достать? Машинами! Да, машинами. Мало будетъ подземной воды,—приведемъ воду за тысячу километровъ. Машинами облака по небу пустимъ, дождь надъ пустыней прольемъ. Горы раздробимъ, долины завалимъ. Привеземъ плодородной земли, оросимъ водой и дождемъ и насадимъ въ пустынѣ сады. О-о! Теперь, видишь, геенна здѣсь, а тогда—рай будетъ. Не зачѣмъ и на небо ходить, господинъ Муса,—вотъ, что я тебѣ скажу про машины.

Муса молчитъ, не желаетъ больше разговаривать. Онъ отвернулся, смотритъ въ окно, за которымъ воетъ и крутится буря и нервно швыряетъ ногтемъ большого пальца шарики четокъ. Кондукторъ спитъ. Инженеръ, въ изнеможеніи и съ тоской, смотритъ въ пространство между фурнисоромъ и Мусой. Но глаза его неподвижны; врядъ ли онъ что-нибудь видитъ.

Фурнисоръ не унимается.

— Мусульмане знаютъ только свой Коранъ, а больше и знать ничего не желаютъ. А я изучалъ всѣ религіи. Вездѣ есть истина, господинъ Муса... И христіанскую знаю, какъ свою... Напримѣръ, я знаю, что православные причащаются тѣла и крови... Ты, господинъ Муса, конечно, не знаешь, что такое—причащаются тѣла и крови?..

— И не желаю,—со злобой отвѣчаетъ Муса.

— Ну, вотъ видишь,—и не знаешь. А я знаю. Они причащаются тѣла и крови вмѣстѣ, а протестанты—отдѣльно. Знаю, что католики признаютъ: Духъ Святой изошелъ... Вотъ ты не знаешь, господинъ Муса, что значитъ изошелъ? Даже самаго этого слова не понимаешь?

— И не желаю...

— Ну, вотъ видишь, не знаешь. А я знаю. Изошелъ отъ Отца и Сына. А православные полагаютъ, — только отъ Отца...

Муса вдругъ повернулся къ фурнисору и, глядя на него въ упоръ злыми, маленькими глазками, спросилъ:

— Ну, а къ чему всѣ эти твои знанья? Вотъ ты узналъ: тѣло и кровь, изошелъ... А для чего все это? Развѣ Мухаммадъ,—да будетъ Господь благословенъ и да хранитъ его—развѣ онъ говорилъ намъ: „изучайте религіи невѣрныхъ?!.“ Говорилъ? Ну-ка, скажи?!

Муса въ озлобленіи всталъ съ лавки. Его маленькое личико ощерилось, какъ у кошки.

Фурнисоръ струсилъ и хотѣлъ оправдаться.

— Такъ вѣдь Мухаммадъ,—да будетъ Господь благос-

ловенъ и да хранитъ его,—про настоящее время ничего не говорилъ. Если бы онъ жилъ теперь...

Произошло неожиданное и безобразное. Муса качнулся на фурнисора всѣмъ тѣломъ, ударилъ его по щекѣ около шеи ударомъ прикладистымъ и мясистымъ, ухватилъ за затылокъ и стащилъ на полъ. Фурнисоръ не успѣлъ вынуть изъ-подъ себя ногъ и повалился съ лавки, точно мѣшокъ съ мукой. А на него упалъ Муса.

Тутушкинъ бросился ихъ разнимать.

Чуткій кондукторъ проснулся и, еще не понимая, что случилось и что нужно дѣлать, повалился въ общую кучу.

— Послушайте, послушайте! Господа!.. Такая буря, а вы... Что же это, послушайте!..

Спросонья доводъ этотъ кажется кондуктору самымъ убѣдительнымъ. Но онъ быстро пришелъ въ себя и началъ дѣйствовать энергично. Оттащилъ Мусу въ уголъ и сталъ вмѣстѣ съ Тутушкинымъ поднимать фурнисора. Фурнисоръ притворился избитымъ, стоналъ, весь какъ-то повялъ и тянулся съ полу, точно тѣсто. Наконецъ, поднялся, сѣлъ на лавку и, привалившись въ уголъ, закрылъ глаза. Вздыхалъ, имѣлъ видъ умирающаго.

Муса заторопился, задвигалъ острыми локтями, открылъ дверь и съ видомъ человѣка, бросающагося въ море, выпрыгнулъ изъ отдѣленія въ пустыню. Уходя, прихлопнулъ дверью раздраженную фразу:

— Не хочу съ безбожникомъ...

Кондукторъ поилъ фурнисора водой, мочилъ ему виски. Фурнисору ничего не оставалось, какъ придти въ себя. Онъ открылъ большіе глаза, глаза умирающаго быка, и невѣроятно тонкимъ голосомъ спросилъ:

— Гдѣ я?..

Кондукторъ не выдержалъ и засмѣялся, повизгивая, какъ молодой щенокъ. Потомъ сдѣлалъ укоризненное лицо и объяснилъ для приличія:

— Ну, и дуракъ же этотъ Муса! Ть, ть, ть! Видитъ Богъ, онъ совсѣмъ сошелъ сегодня съ ума.

И опять захохоталъ вволю.

Фурнисоръ отряхался, бранилъ Мусу по-французски, по-турецки, по-арабски. Щупалъ мѣсто удара и качалъ головой. Спрашивалъ инженера плачущимъ голосомъ:

— Ну, скажите, господинъ инженеръ. И за что онъ меня? Ну, вы только подумайте! Неужели же я все это навралъ, господинъ инженеръ? Ну, скажите...

IV.

Было нудно сидѣть и слушать жалобы фурнисора, безсмысленные голоса и грохотъ бури.

Становилось все жарче и жарче.

Въ отдѣленіи плавала буропепельная мгла. Но иногда окна свѣтлѣли. И тогда маленькое купе наливалось желтымъ, багрянымъ или оранжевымъ свѣтомъ, трепетнымъ и тревожно бѣгущимъ.

Кондукторъ выходилъ, пришелъ и опять заснулъ на лавкѣ, но спалъ чутко и тревожно. При всякомъ сильномъ ударѣ бури открывалъ мутные невидящіе глаза и снова закатывалъ подъ набрякшія вѣки синіе зрачки. Только въ прорѣзахъ вѣкъ еще нѣкоторое время виднѣлись полоски желтоватыхъ бѣлковъ. И тогда онъ имѣлъ видъ подозрительный и ехидно подсматривающій, до тѣхъ поръ, пока снова не смыкались плотно длинныя, какъ у женщины, запыленныя рѣсницы.

Отъ тоски инженеръ считалъ, куда теперь долетѣли первыя волны самума. Буря началась часовъ двѣнадцать тому назадъ. Средняя скорость бури—километровъ двѣсти въ часъ. Значитъ, первые валы самума укатились на двѣ съ половиной тысячи километровъ... Гдѣ нибудь на Кавказѣ теперь, или въ сѣверномъ Иранѣ...

И мысли о большихъ разстояніяхъ, о снѣжныхъ вершинахъ и изумрудно-зеленыхъ поляхъ кавказскихъ плоскогорій на минуту поглощали въ сознаніи Тутушкина и бурю, и аравійскую пустыню, и купе съ спящимъ кондукторомъ, и все еще вспухшимъ отъ униженія, надутымъ фурнисоромъ.

Въ дверномъ окнѣ появилось круглое, темное пятно. Раскрылась дверь, и вошелъ старикъ-арабъ. Кондукторъ проснулся.

— А?.. Ты что?.. Что случилось?..

Старикъ легонько нагнулся и, продолжая всѣхъ разглядывать, сдѣлалъ рукой обычное привѣтствіе. Глаза у старика круглые, удивленные, на носу пучекъ изжелта-бѣлыхъ волосъ. Тутушкинъ вспомнилъ дѣтскую пѣсенку:

„У меня крючечкомъ носъ,
„Пухомъ—перьемъ весь обросъ.
„Чѣмъ я не красива?..“

Вошедшій принесъ съ собой острый запахъ сухонькаго, прокаленнаго солнцемъ старческаго тѣла. Онъ молча сѣлъ

на свободное Мусино мѣсто, укрылъ полами халата тощія колѣни и, сидя, опять всѣхъ слегка привѣтствовалъ.

Стало сразу интересно, что скажетъ этотъ спокойный, разглядывающій всѣхъ старикъ.

— Ты что, шейхъ? Ну, говори,—съ нѣкоторой тревогой спросилъ уже совсѣмъ проснувшійся кондукторъ.

— Что же, стоимъ?

— Буря,—извинился кондукторъ.

— А мы хотимъ идти...

— Какъ идти?

— Пѣшкомъ.

— Да куда идти-то?—уже съ раздраженіемъ и страхомъ передъ новой непріятностью спросилъ, возвышая голосъ, кондукторъ.

— Впередъ идти. Въ Мекку святую. Машина не можетъ,—мы можемъ. Такъ хочетъ Богъ.

Старикъ спокойно развернулъ полы халата и, для большей наглядности, показалъ сухія жилистыя голени ногъ.

— Вотъ...

И на мгновеніе слова старика и сухія птичьи голени ногъ показались убѣдительными... Такъ бываетъ во снѣ. Передаютъ палку и говорятъ: „А вотъ и ружье". И ужъ въ рукахъ твоихъ ружье; держишь его съ осторожностью и осматриваешь тревожно: не заряжено ли?

Спокойный ли голосъ старика, или другое что, но на одно маленькое мгновеніе всѣмъ представилось разумнымъ и неизбѣжнымъ то, что онъ сказалъ: стала машина — слѣдовательно, надо идти пѣшкомъ.

Кондукторъ поглядѣлъ на фурнисора, на инженера. Лицо его выражало недоумѣніе.

— Да кто же идетъ-то?

— Мы... народъ... паломники...

— Сколько васъ?

— Не знаю. Много... И господинъ Муса.

Фурнисоръ началъ по-французски бранить передъ инженеромъ Мусу. Это все Муса смутилъ народъ. Конечно, кромѣ него некому выдумать такую глупость. Ужъ всѣмъ въ Дамаскѣ извѣстно, и даже мальчишки на базарѣ знаютъ, что Мусу жена бьетъ,—до того онъ глупъ. Просто, связать бы его и положить подъ лавку,—вотъ какъ поступилъ бы съ нимъ фурнисоръ!

Кондукторъ досталъ гдѣ-то феску, а поверхъ фески повязалъ голову платкомъ. Ввзволнованно онъ допрашивалъ и убѣждалъ старика.

— Гдѣ же они? Въ вагонахъ?

— Нѣтъ, вышли...

— Такъ, вѣдь, мы скоро поѣдемъ! Какъ перестанетъ буря,—а она скоро перестанетъ, въ этомъ кондукторъ увѣренъ, — такъ и поѣдемъ. Далеко ли вы уйдете? А можетъ быть, даже и совсѣмъ не уйдете. Занесетъ пескомъ... Помрете... Бедуины ограбятъ...

— Такъ хочетъ Богъ...

— Безполезно идти. Пойми, старикъ! Если вы и день, и два уйдете впередъ, — поѣздъ васъ нагонитъ. Вы сядете въ поѣздъ. Зачѣмъ же идти? Лучше подождать.

— Богу угодно, чтобы мы шли. Нагонитъ—сядемъ. А теперь пойдемъ.

Около вагоновъ въ плывучей мглѣ бури двигались туманныя тѣни людей. Ближе—тяжелѣе и яснѣе; дальше—меркнущія, трепетныя и легкія, готовыя взлетѣть и растаять, точно привидѣнія.

Тѣни эти походили на рисунки водолазовъ въ водѣ. Но только тамъ, въ глубинѣ воды—тяжело, тихо и неподвижно. Здѣсь все летучее, устремленное въ одну сторону: полы плащей, концы кушаковъ, головные платки, — все летитъ, треплется, плещется въ одномъ тягучемъ напряженномъ порывѣ.

Всѣ тѣни склонялись въ одну сторону, противъ вѣтра; сходятся, расходятся, молчаливыя, напряженныя, покачнувшіяся.

Поѣздъ ожилъ. Зашевелились платформы. Люди входятъ въ вагоны и выходятъ. Появляются и исчезаютъ въ клубахъ бури медлительныя, людскія тѣни. Изрѣдка слышны выкрики, отрывки словъ. Женскій голосъ среди мужскихъ восклицаній, странно звонкій, точно золотая монета, упавшая вмѣстѣ съ ворохомъ сухихъ листьевъ на каменный полъ. Онъ разрѣзалъ грохотъ бури, даже какъ будто смирилъ бѣшенную стихію, связалъ ее гибкой, острой и тягучей проволокой.

— Кариме-э! О, Кариме!

Временами буря закружится около вагоновъ, раздуетъ одежды женщинъ, точно воздушные шары. Вѣтеръ рветъ изары и безстыдно обнажаетъ то, что женщины могутъ показывать только мужу: лицо, волосы, шею, ноги... Женщины свертываются на вѣтру клубками, чтобы удобнѣе было поймать концы изара и снова укрыться.

Закрылась, встала спиной къ вѣтру, противъ пролета между вагонами. Ринулся вѣтеръ и упруго облѣпилъ тонкой одеждой круглую узкую спину, широкія бедра, выпуклыя икры ногъ... Раздѣлилъ ноги, нащупалъ каждую линію тѣла, каждую выпуклость, даже какъ бы до обнаженія..

Старикъ прикрикнулъ на женщину и даже рукой замахнулся.

— Иди, ты! Иди въ вагонъ. Что тутъ стоишь? Стыдно такъ. Тьфу!

И была въ движеніяхъ людей, голосахъ и жестахъ странная увѣренность, спокойствіе и тишина. Именно—тишина!

Тутушкину казалось, что тишина эта мгновеньями поглощаетъ самую бурю, утишаетъ природу. Это было почти чудесно.. Можетъ быть, кто-нибудь изъ этихъ спокойныхъ и увѣренныхъ людей, одинъ самый спокойный, вѣрующій и знающій остановится и скажетъ. А можетъ быть, даже не остановится, а на ходу уронитъ спокойное слово, точно отдастъ приказаніе своему слугѣ:

— Буря умолкни!..

Скажетъ это слово тихимъ и увѣреннымъ голосомъ, но такъ, что всѣ услышатъ. И руку слегка приподниметъ надъ пустыней, спокойную, сухую, съ гладкой, старческой глянцевитой кожей. Скажетъ—буря умолкни,—и умолкнетъ, и настанетъ великая тишина. Остановится ядовитый самумъ и посыплется съ высоты горячимъ пескомъ.

— Кариме-э! О, Кариме!

Звонкій женскій голосъ разрушилъ очарованіе этой близкой и странной возможности чуда. Гудитъ и хлещетъ по лицу раскаленнымъ пескомъ буря. Подошелъ старикъ въ широкомъ плащѣ, съ кожаныиъ кувшиномъ черезъ плечо. Упирается спиной въ вѣтеръ, что-то бубнитъ, раскрываетъ волосатую дыру рта, а ничего не разберешь. То-оже, чудотворецъ! Бараны, вотъ кто вы, чортъ бы васъ побралъ!

Тутушкинъ вдругъ разсердился и закричалъ на старика. Даже толкнулъ его къ вагону, на дверь показалъ.

— Въ вагоны идите, всѣ въ вагоны!..

Фурнисоръ съ кондукторомъ ходятъ въ толпѣ тѣней, схватываются руками съ одной тѣнью, съ другой. Машутъ, что-то говорятъ. Но огненная рѣка самума уноситъ всѣ слова въ пустыню.

Встрѣтился фурнисоръ. У турка щеки отвисли отъ удивленія и растерянности, точно у нюхающей собаки. Онъ наклонился къ инженеру и забубнилъ по-французски въ самое ухо:

— А вѣдь уйдутъ! Видитъ Богъ, эти люди обезумѣли и уйдутъ. Но онъ, Тутушкинъ не позволитъ. Чортъ возьми! И развѣ онъ не начальникъ своего участка? Га-а! Онъ беретъ на свою отвѣтственность, — поѣздъ сейчасъ пойдетъ. Пусть всѣ садятся въ вагоны. Въ вагоны, чортъ возьми! Бараны!

Ослѣпленный пескомъ и вѣтромъ, раздраженный, балан-

сируя руками и присѣдая къ землѣ, когда не было силъ идти, инженеръ пошелъ къ паровику. За нимъ—кондукторъ, фурнисоръ и двое любопытныхъ паломниковъ. Остальные медленно, какъ будто неохотно расползлись по вагонамъ.

Когда всѣ взобрались на тендеръ, стало тѣсно,—негдѣ, повернуться. Стальная масса паровоза раскалилась. Термометръ показываетъ тридцать четыре градуса.

— Надо пустить поѣздъ,—говоритъ инженеръ.

И чувствуетъ, что слова его безсильны. И еще раньше отвѣта машиниста знаетъ, что машинистъ не послушается.

А вотъ тотъ старикъ съ тихимъ повелительнымъ голосомъ и старческой глянцевитой рукой—онъ бы приказалъ... Его послушались бы.

— Чортъ возьми! Но старика нѣтъ! Старикъ — бредъ, воображеніе, вздоръ.

И еще раньше, чѣмъ машинистъ успѣлъ что-нибудь сказать, Тутушкинъ закричалъ на него со злобой. Такой злобы, такого болѣзненнаго раздраженія инженеръ не помнилъ въ своей жизни. Точно что то огненное вспыхнуло у него внутри. Въ глаза ударили слезы. Онъ закричалъ на старика голосомъ чужимъ и непріятнымъ самому себѣ:

— Я тебѣ приказываю! Я говорю... да, я приказываю! Ты долженъ... Я отвѣчаю!..

Кричалъ онъ по арабски, и на гортанномъ звукѣ голосъ его пересѣкся. Крикъ вышелъ жалкимъ и смѣшнымъ. Выругался сквернымъ русскимъ ругательствомъ, точно кто-нибудь могъ его здѣсь понять.

Сверху сыпался за воротъ горячій песокъ и раздражалъ еще сильнѣе, раздражалъ до боли, до мучительнаго желанія, ударить кого-нибудь, что-нибудь разбить.

— Муса... — вспомнилъ Тутушкинъ и рѣшилъ: „надо сдержать себя“. Было бы унизительно и глупо ударить стараго черногорца.

Дрожащей рукой машинистъ вынулъ изо рта трубку, отстранилъ ее отъ лица и отвѣтилъ:

— Я не пущу поѣзда!..

Порывъ самума смелъ съ крыши паровика горячій песокъ, дунулъ въ лицо ядовитой мглой. Тутушкинъ затопалъ ногами, схватилъ машиниста за воротникъ куртки и сталъ толкать съ тендера.

— Собака! Я приказываю! Уходи, я самъ!..

Машинистъ уперся руками въ столбики, и столкнуть его инженеръ не смогъ. Кондукторъ съ фурнисоромъ разнимали, успокаивали, уговаривали Тутушкина. Паломники качали головами, укоризненно цыкали языкомъ. И было неизвѣстно, кого они осуждаютъ: инженера или упрямаго машиниста.

Черногорецъ махнулъ рукой, весь дрожа сѣлъ на подножку тендера и сказалъ:

— Коли хотите, — пускайте сами. Я ни за что не отвѣчаю...

Тутушкина охватилъ мучительный стыдъ. Онъ готовъ былъ убѣжать въ свое отдѣленіе.

— И зачѣмъ я ушелъ оттуда! Боже мой! Вотъ проклятый день! - думалъ онъ, дрожа всѣмъ нутромъ, готовый заплакать.

— И что хуже всего—старикъ правъ. Паровозъ пустить невозможно, это ясно...

Но, все таки, насколько могъ твердымъ голосомъ, приказалъ помощнику машиниста:

— Топи на полный паръ.

Паломники ушли. Машинистъ сидѣлъ на подножкѣ, свѣсивъ голову. Помощникъ старательно сыпалъ уголь въ огненную яму котла, гдѣ бушевала огненная буря. Труба гудѣла, точно морская сирена. Кондукторъ съ фурнисоромъ изрѣдка перебрасывались ненужными словами.

— Жарко!

— О-о-о!

— Сильнѣе дуетъ?

— Чортъ возьми!..

Казалось, на тендеръ забралась сама неловкость, топчется, дѣлаетъ угловатыя движенія и задѣваетъ всѣхъ.

Тутушкинъ смотрѣлъ въ мутное оконце и думалъ о томъ что поѣздъ пустить невозможно, и что онъ, инженеръ, начальникъ желѣзнодорожнаго участка, въ сущности говоря, не имѣетъ даже права машинисту приказывать. Положимъ: пустыня, самумъ... паломники... Какія ужъ тутъ правила! Въ такихъ случаяхъ люди подчиняются не писанымъ правиламъ, а разумнымъ распоряженіямъ. Но вѣдь и это преимущество не на сторонѣ инженера; онъ накричалъ, а все безъ толку. Ничего изъ этого не выйдетъ. Скверно! Уйти бы...

Но чувствуется такая неловкость, что трудно сдвинуться съ мѣста, точно ноги стали чугунными, и привинчены къ чугунному полу вздрагивающаго тендера. Въ душѣ инженера поднималось новое раздраженіе, уже противъ кондуктора съ фурнисоромъ.

— Ну что, дураки, мнутся тутъ!

Испуганное и неожиданно-искреннее восклицаніе фурнисора разбило оцѣпенѣніе неловкости.

— А вѣдь пошли!

— Гдѣ?

— Кто?..

Мимо паровоза парами и въ одиночку другъ за другомъ,

туманной цѣпью силуэтовъ, потянулись паломники. Въ передней парѣ по обезьяньей головкѣ тѣни можно узнать Мусу. Тянутся круглоголовые, клинобородые, кутаются въ плащи, наклоняются, упираясь головами, плечами въ огненный потокъ бури, таютъ и тонутъ въ текучей мглѣ.

Опять всѣ трое,—Тутушкинъ, фурнисоръ и кондукторъ,—сошли внизъ, уговаривали, грозили, приказывали остановиться, обождать. Но паломники обходили ихъ молча, какъ горный ручей обтекаетъ камни, стволы деревьевъ, и шли дальше.

Машинистъ всталъ около машины и коротко приказалъ помощнику:

— Не топи! Довольно.

Прошли всѣ. Человѣкъ пятьдесятъ. Хотѣла идти женщина. Но ее не взяли, затолкали обратно въ вагонъ.

V.

По прежнему кружится, несется и воетъ пустыня.

Вся она безформенная и безумная. Перемѣшала краски, линіи, дали и близости и несется огненнымъ потокомъ, катится съ одного края неба до другого на песчаныхъ колесахъ.

И отовсюду она стремительная и неудержимо летучая.

Но одна сторона ея стала тяжелой и значительной.

Это та сторона, куда ушли паломники.

Самъ не зная, зачѣмъ, инженеръ прошелъ нѣсколько десятковъ саженъ вдоль полотна за паломниками.

Буря уже замела ихъ слѣды, прокатилась поперекъ дороги тысячами летучихъ песчаныхъ колесъ. Но она не могла замести какого-то невидимаго и стойкаго слѣда, этого слѣда людского безумія.

Они прошли вотъ тутъ, вдоль полотна. И странное дѣло, Тутушкинъ не только зналъ это,—конечно, они могли идти только вдоль полотна,—но какъ бы чувствовалъ. Точно они прошли, а на ихъ пути выросла высокая, невидимая, но стойкая стѣна.

Это было глупо, безумно и ненужно, что они ушли. Но вотъ людское безуміе стало вдругъ утвержденіемъ въ хаосѣ пустынной бури. Утвержденіемъ болѣе прочнымъ, чѣмъ вотъ это желѣзнодорожное полотно, чѣмъ самыя крѣпкія и стойкія сооруженія человѣческихъ рукъ.

Въ возбужденіи инженеръ упрямо шелъ дальше, боролся съ бурей, часто почти ложился на упругія подушки вѣтра. Шелъ и думалъ.

И все нужное, разумное, понятное въ человѣческой жизни: дома, пароходы, фабрики, телеграфы, банки, министры, церкви, цари, деньги, улицы, машины, города и деревни, желѣзныя дороги, монахи, проститутки, магазины, начальство и подчиненные, жены и мужья,—все житейское, планомѣрное представилось ему хаосомъ, бурей, которая цѣлыя тысячелѣтія кружится, проносится надъ землей и океаномъ, какъ текучая пустыня.

И только безумное, непонятное, непланомѣрное и житейски-ненужное утверждается въ этой пустынѣ жизни, въ могучемъ потокѣ человѣческихъ поколѣній.

Царь, оставившій свой царскій престолъ и одѣвшійся въ рубище; Человѣкъ, принявшій крестную смерть за грѣхи всего міра, и сотни тысячъ людей, идущихъ черезъ горы и моря освобождать отъ невѣрныхъ гробъ этого Человѣка; люди, умирающіе за слово, за одно маленькое движеніе мысли человѣческой, за утвержденіе истины, которую слѣдующія поколѣнія считаютъ ложью, и справедливости, которая завтра покажется величайшей несправедливостью; и тысячи безумцевъ, сожженныхъ, замученныхъ, утверждающихъ что-нибудь въ этомъ неудержимомъ потокѣ жезни, въ пустынной житейской бурѣ земли.

Только безумные живутъ.

Все остальное проносится надъ землей и океаномъ безъ слѣда.

Было жарко и душно. Сердце сильно билось. Въ глазахъ плавали и разбрасывались летучимъ вѣеромъ красныя, голубыя, фіолетовыя пятна. Кожа на всемъ тѣлѣ горѣла и болѣла. И все тѣло жаждало и томилось.

Вѣтеръ былъ такъ сухъ и горячъ, что, казалось, буря сама по себѣ, безъ камней и песку, шумѣла бы и шипѣла, пересыпая и крутя одинъ этотъ раскаленный, пахнущій, точно на мельницѣ, жженымъ камнемъ воздухъ.

Вспомнились прохладные дамасскіе фонтаны.

При воспоминаніи о водѣ закружилась голова и затошнило. Спутались и перемѣшались мысли.

А они все идутъ, идутъ, упираясь грудью въ упругія стѣны бури.

Побѣжать, догнать ихъ и просить, на колѣняхъ ползать и просить: „Возьмите и меня съ собой!..“

— Что это, я съ ума схожу?—подумалъ Тутушкинъ.—Кажется, скоро въ обморокъ упаду!..

А пустыня въ одну минуту замететъ, закидаетъ пескомъ, заровняетъ землей, укроетъ. И никто не найдетъ.

Инженеръ испуганно присѣлъ на рельсы, чтобы немного

отдохнуть. Идти назадъ не было силы. И сидѣлъ такъ въ напряженномъ забытьи минуту или часъ—неизвѣстно.

Все видѣлъ и слышалъ. Но всѣ явленія внѣшняго міра и воспоминанія врывались въ сознаніе несвязныя, болѣзненно-одинокія.

— Кто это такая Кариме, которую звала женщина? Дочь ея, сестра или подруга?

И рѣшеніе этого вопроса представилось важнымъ до безпокойства, до тревоги.

Площадь въ Дамаскѣ. Фонтанъ. Около фонтана колонна. А подъ колонной въ ямкѣ копошливая куча маленькихъ щенятъ. Мальчишка бросилъ щенка въ бассейнъ. Щенокъ захлебывается, тявкаетъ, скулитъ, то погружается въ воду, то выплываетъ наверхъ.

— Какое наслажденіе, вотъ такъ, тонуть въ бассейнѣ съ холодной водой, захлебываться ею, тявкать и скулить по собачьи!

А тогда, проходя мимо фонтана, Тутушкинъ пожалѣлъ, вынулъ щенка изъ воды палкой. Зачѣмъ?

Отшлифованныя текучимъ пескомъ рельсы были горячи, блестѣли, точно серебряныя. Желѣзнодорожное полотно уходило вдаль, поднималось вверхъ, точно лѣстница — двѣ рельсы и ступеньками шпалы,—терялось въ пыли.

Изрѣдка открывалось солнце и падало въ прорывы пыльныхъ облаковъ раскаленно-красное, зловѣще близкое.

Шипѣлъ песокъ. Шумѣлъ въ ушахъ вѣтеръ, точно играли по близости на граммофонѣ. Чудился даже мотивъ:

„Не плачь, дитя, не плачь напра-асно“...

А пустыня плыла вдоль желѣзнодорожнаго полотна, подъ ногами, кружила ему голову, обтекала кругомъ, будто что-то живое, ехидно-враждебное.

Когда инженеръ съ громадными усиліями вернулся обратно къ поѣзду и забрался на тендеръ, машинистъ безъ словъ догадался, что ему надо пить. Онъ подалъ Тутушкину влажный, пористый кувшинъ съ холодной водой, немного пахнущей глиной.

И никогда въ жизни инженеръ не пилъ съ такимъ наслажденіемъ! Это было рожденіемъ вновь, воскресеніемъ изъ мертвыхъ. Тѣло впитывало въ себя проглоченную воду съ жадностью губки, размягчалось, проникалось влажной прохладой. Забѣгали подъ кожей живчики, расширилась высохшая грудь, твердо и увѣренно забилось сердце. Прохладная влага обтекала мозгъ, омывала черепъ. Вспыхнули мысли новыя, радостно волнующія. Вспомнился первый поцѣлуй...

Инженеръ пилъ и изъ-за кувшина влажнымъ, любовнымъ взглядомъ косился на старика-машиниста. Не отры-

ваясь губами отъ кувшинной дудочки, Тутушкинъ протянулся, взялъ широкую съ распухшими венами ладонь машиниста и такъ держалъ ее, пока не напился. Старикъ готовно тянулся къ нему рукой, склонялся плечомъ, чтобы инженеру было удобнѣе его руку держать, отворачивалъ смущенное лицо и отдавалъ притворно-грубымъ, голосомъ приказанія помощнику.

— Простите меня, дорогой мой, ради Бога простите за мою грубость.

— Э, что ужъ тамъ... Ладно... Нахимъ, отверни кранъ, долей котелъ... Кажется, утихать стало немного... Можетъ, скоро и ѣхать будетъ возможно.

VI.

Когда совсѣмъ прояснилось и улеглась пыль,—а случилось это вдругъ, почти въ нѣсколько минутъ,—поѣздъ тронулся въ путь. Зазвенѣли колеса, запылили вагоны, отряхая изо всѣхъ своихъ угловъ и щелей пыль и песокъ.

Въ двухъ мѣстахъ на подъемахъ приходилось останавливаться, расчищать занесенный пескомъ путь. Но песку на полотнѣ было немного. Опаснѣе было другое. Во многихъ мѣстахъ дорога была совсѣмъ размыта бурей, такъ что обнажились и сѣли шпалы и полотно опускалось внизъ, какъ слабо натянутый ремень. Приходилось ѣхать медленно и осторожно, останавливаться и осматривать путь—нѣтъ ли разрыва.

Бѣлѣлъ солнечный свѣтъ, яснѣе становился угасающій день, раздвигались свѣтлѣющія дали и наливались золотисто-синимъ воздухомъ.

Пустыня пряталась во время бури за каждымъ камешкомъ, укрывалась за каждой скалой, свертывалась сыпучимъ, песчанымъ тѣломъ, полегла за каждымъ возвышеньемъ длинными сумками, хвостами и холмами.

И теперь всѣми своими умытыми вѣтромъ, отшлифованными пескомъ камнями, камешками и скалами смотритъ въ одну сторону удивленная пустыня, смотритъ тревожно и недовѣрчиво: пронеслась ли буря?

Километрахъ въ десяти отъ остановки поѣздъ догналъ паломниковъ. Еще издали увидѣли темную кучку людей недалеко отъ желѣзнодорожной насыпи. Люди не шли, а почему-то стояли и странно толкались на одномъ мѣстѣ...

Побудь нѣсколько дней одинъ въ пустынѣ. Она ласково приблизитъ къ тебѣ всѣ свои дали, сузитъ горизонтъ, уменьшится, принизитъ холмы... Рукой подать отъ края и до края.

Но вотъ ты увидѣлъ вдали всадника, пѣшехода...

И вдругъ произойдетъ съ пустыней жуткое превращеніе. Выростутъ холмы, поднимутся надъ пескомъ голыя скалы. Пустыня развернется и станетъ необъятной, безпредѣльно таинственной и загадочной, какъ вѣчность.

Разбѣгутся во всѣ стороны цвѣтныя дали. И почувствуешь, что за этими легкими, синѣющими далями все та-же песчаная пустыня безъ конца и края, а среди этого океана песковъ ползетъ навстрѣчу тебѣ маленькая, черная козявочка—человѣкъ...

Избѣгай въ пустынѣ встрѣчи съ другимъ человѣкомъ. Будь одинъ. Наединѣ съ тобой она привѣтливѣе, доступнѣе, ближе и понятнѣе, какъ женщина, какъ смерть.

Паломники хоронили старика съ круглыми спокойными глазами, того самаго, который приходилъ въ отдѣленіе начальства для переговоровъ. Онъ не вынесъ дороги и задохнулся.

Руками и ногами товарищи вырыли въ пескѣ могилу и опустили туда трупъ. Онъ казался совсѣмъ маленькимъ, какъ трупъ ребенка. Точно передъ смертью жадная пустыня и раскаленный самумъ высосали изъ него кровь, мозгъ и мясо. Только носъ съ пучкомъ желтыхъ волосъ выдавался на маленькомъ личикѣ и пугалъ своей ненужностью и величиной.

Пѣли спокойно, грустнымъ и зловѣщимъ униссономъ. Засыпали яму и разсѣлись въ вагонѣ. Одинъ паломникъ, уже когда тронулся поѣздъ, медленно вышелъ изъ вагона, воткнулъ въ песчаный холмикъ надъ могилой палку, а къ палкѣ привязалъ старую феску. Потомъ, не торопясь, вернулся къ остановившемуся поѣзду.

Когда садилось солнце, поѣздъ сталъ среди пустыни, и паломники высыпали изъ вагоновъ на песокъ совершить вечернюю молитву.

Закрывъ глаза, стоялъ на площадкѣ молодой мусульманинъ и пѣлъ призывную молитву.

„Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ! И нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога“.

Въ звукахъ молитвы слышались голоса недавней бури.

Съ лицами, обращенными къ святому городу, на коври-

кахъ и цыновкахъ неподвижно сидѣли паломники. И невидящіе, устремленные вдаль глаза говорили ясно: остановится поѣздъ—пойдутъ пѣшкомъ; устанутъ ноги—поползутъ на четвереňкахъ; будутъ умирать—умрутъ спокойно, ухватившись мысленно за священный порогъ Каабы. .

Тихо слушала, удивленно смотрѣла всѣми своими камнями подметенная самумомъ пустыня.

И золотыя пылинки—остатки дневной бури—тихо плавали въ лучахъ заходящаго солнца.

С. Кондурушкинъ.

Черноморская регистрація.

(Окончаніе).

IX.

Устройство столовой.— Проектъ потребительной лавки и борьба съ коками.

Въ лицѣ делегатскихъ собраній правленіе пріобрѣло необычайно подвижной и удобный аппаратъ, крайне облегчавшій и упрощавшій всю работу правленія. Правленіе снова стало на твердую почву и снова могло работать увѣренно.

Время было осеннее, и приближалась зима. А зима—тугое время для моряковъ. Движеніе пароходовъ сокращается, наступаетъ разомъ и безработица, и холодъ, и голодъ. Нужно было подумать о приближавшихся трудныхъ дняхъ. Нужно было подумать о томъ, гдѣ бы прокормиться и погрѣться морякамъ зимою. Потолковавши въ правленіи, мы остановились на мысли открыть столовую. Въ ней была настоятельная нужда и не только зимой. И въ лѣтнее время морякъ ухитряется голодать. Выходитъ это у него очень просто. Разсчитавшись съ парохода, онъ расплачивается съ долгами и платитъ за квартиру, остальныя деньги быстро уплываютъ у него.

Публика наша начинала щелкать зубами, «держать декохтъ», какъ говорили у насъ въ порту. Если бы удалось какъ-нибудь организовать питаніе въ кредитъ, то этого можно было бы избѣжать. Вопросу о столовой мы посвятили нѣсколько делегатскихъ собраній. Параллельно съ этимъ шло обсужденіе этого вопроса и на пароходахъ. Мысль вездѣ была принята съ восторгомъ: всѣмъ слишкомъ знакомо было холодно-голодное зимнее прозябаніе. Средства для столовой мы добыли тремя путями: касса Регистраціи дала взаймы крупную сумму столовой, какъ самостоятельному предпріятію. Кромѣ того былъ произведенъ спеціальный сборъ по постановленію делегатскаго собранія. Сборъ, конечно, общій и принудительный. Здѣсь опять делегатское собраніе сдѣлало то, чего не въ силахъ было сдѣлать правленіе. Сверхъ установленныхъ взносовъ

правленіе не осмѣлилось бы взять ни копѣйки лишней. Делегатское собраніе постановило сдѣлать добавочный взносъ, и всѣ безпрекословно подчинились. Авторитетъ делегатскихъ собраній былъ уже достаточно внушителенъ для этого.

На собранныя такими путями деньги была оборудована столовая и пущена въ ходъ. Но этого было мало: нужны были оборотныя средства. Въ этихъ видахъ всякій, разсчитавшійся съ парохода, а стало быть и имѣющій деньги морякъ долженъ былъ вмѣстѣ съ записью въ очередь внести немедленно 3 руб. въ фондъ столовой. Онъ получалъ талонъ, который позволялъ ему пользоваться безъ всякой платы обѣдами цѣлый мѣсяцъ (что стоило 7 руб.). Но право на пользованіе этими обѣдами онъ получалъ не немедленно, а по истеченіи 2 недѣль послѣ записи въ очередь и внесенія 3 рублей

Сроки были разсчитаны такъ, чтобы ему не пришлось голодать Обыкновенно матросъ оставался на берегу около шести недѣль. Предполагалось, что въ теченіе двухъ недѣль со времени полученія заработка онъ можетъ пропитаться изъ своихъ денегъ. Затѣмъ онъ идетъ со своимъ талономъ и мѣсяцъ обѣдаетъ въ столовой. А къ тому времени подходитъ его очередь, и онъ вновь поступаетъ на пароходъ, и стало быть, вновь обезпеченъ ѣдой. 4 рубля, которые еще слѣдовали съ него, взыскиваются потомъ, при первой же получкѣ.

Такимъ образомъ, моряки и столовая взаимно кредитовали другъ друга. Двѣ недѣли столовая пользовалась тремя рублями моряка, ничего не давая ему. Затѣмъ въ двѣ недѣли морякъ съѣдалъ свои три рубля. Наконецъ, еще двѣ недѣли морякъ обѣдалъ въ кредитъ.

Такъ была организована наша столовая. Для нея было снято обширное помѣщеніе, и она быстро пошла въ ходъ. Веденіе ея взялъ на себя одинъ изъ товарищей по правленію. Поставилъ онъ ее такъ, что заслужилъ прозвище «Яша-кормилецъ», а какъ онъ кормилъ, можно судить еще и потому, что не было отбою отъ постороннихъ, желавшихъ обѣдать у насъ. Но на всѣхъ желающихъ не хватало, и мы принуждены были отказывать.

Когда регистрація была закрыта, то столовая, вызвавшая особенную ненависть и зависть союзниковъ была безпощадно разгромлена. Объясняется это тѣмъ, что она имѣла явно соціалистическій характеръ. Открыта она была, какъ частное предпріятіе Яшикормильца, помѣщалась совершенно отдѣльно отъ Регистраціи на другой улицѣ, и ея судьба не могла никакъ отразиться на судьбѣ Регистраціи. И нашъ Яша, ярый соціалъ-демократъ, обставилъ ее по своему вкусу. Если въ Регистраціи надъ предсѣдательскимъ столомъ висѣлъ царскій портретъ, то въ столовой стѣны были увѣшаны портретами Маркса, Бакунина, Каутскаго, Бебеля и т. д. Она стала клубомъ для соціалистовъ-моряковъ, что, конечно, не могло быть терпимо въ Регистраціи. Этимъ и объясняется особенная злоба противъ нея союза русскаго народа.

Около того-же времени возникла мысль и о другомъ финансовомъ предпріятіи болѣе обширнаго характера. Дѣло въ томъ, что пароходы представляли собою большой и постоянный рынокъ для съѣстныхъ припасовъ. Достаточно сказать, что на пароходахъ находилось около 3000 человѣкъ однѣхъ командъ, не говоря уже о судовой администраціи и пассажирахъ.

Вся прибыль до сихъ поръ шла въ карманы частныхъ торговцевъ, и они дѣлали великолѣпныя дѣла. Совершенно естественно было, чтобы эта прибыль направлялась теперь въ кассу Регистраціи. По нашимъ, даже скромнымъ, исчисленіямъ чистый доходъ могъ дать тысячъ 15—20 въ годъ. И нужно было только протянуть руку, чтобы взять ихъ.

Прогорѣть мы не могли ни въ какомъ случаѣ, ибо разъ Регистрація открываетъ потребительную лавку, то ни одинъ морякъ, ни одна команда не стала-бы покупать гдѣ либо, кромѣ своей регистраціонной лавки. Единственная опасность, которая смущала насъ, это какъ-бы не развить собственническихъ наклонностей въ моряхъ и не превратить Регистрацію въ коммерческое учрежденіе. Чтобы избѣжать этой опасности, мы проектировали обратить всю прибыль на организацію общепролетарскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Я съ головой ушелъ въ разработку этого плана.

Но пока мы судили, да рядили, притягательная сила барышей уже сдѣлала свое дѣло. И въ то время, какъ мы только начали вести агитацію среди моряковъ за созданіе нашей потребиловки, намъ пришлось имѣть уже дѣло съ организовавшейся группой, довольно рѣшительно протягивавшей лапу къ этому лакомому куску.

Это были коки, мятежники коки, ставшіе центромъ черносотенной опасности въ Регистраціи. Это была наша Вандея, которую задавить Регистраціи удалось не безъ усилій. Коки—это ничто иное какъ повара, готовящіе обѣдъ для команды. Послѣдняя сама находитъ и нанимаетъ себѣ кока. Ни въ какомъ отношеніи къ судовой администраціи въ смыслѣ службы коки не находятся. Имъ выдаются продовольственныя суммы, и они закупаютъ провизію. Это служитъ для нихъ источникомъ значительныхъ доходовъ. Съ одной стороны, они получаютъ извѣстный процентъ съ продавцевъ, съ другой—они стараются кормить команды поэкономнѣе и «выгадывать» на этомъ, что только возможно.

Такимъ образомъ, эта группа занимала среди моряковъ совершенно особое положеніе. Съ командами у нихъ интересы были противоположные. Они на командахъ наживались. Это былъ элементъ не пролетарскій, а міроѣдскій. Правда, эксплуатація грошевая, но психологія нисколько не отличалась отъ психологіи крупныхъ міроѣдовъ.

Когда у насъ возникла мысль о потребительской лавкѣ, то коки нашли, что не дурно бы положить барыши себѣ въ карманъ. Выступили они, какъ особая группа. Не теряя времени, они ском-

пановали дѣло на паяхъ. Пай—10 рублей. Чуя крупную наживу, сюда-же примкнули тысячники. Затрудненія это не представляло. Коки были единственной щелью, через которую въ нашу Регистрацію могъ проникнуть непролетарскій элементъ. Для коковъ не существовало никакихъ цензовъ. Разъ умѣлъ варить и команда его принимала—тѣмъ самымъ кокъ становился членомъ Регистраціи. На бѣду мы незадолго передъ тѣмъ дали имъ полную автономію, т. е. право имѣть своего выборнаго, самимъ устанавливать нормы пріемовъ коковъ и сноситься черезъ своего представителя съ правленіемъ Регистраціи. Пользуясь этой автономіей, они стали принимать къ себѣ фиктивныхъ коковъ, явившихся со своими большими деньгами для устройства потребительной лавки на паяхъ. Пока мы успѣли спохватиться, коки уже пустили дѣло въ ходъ и открыли продажу. Команды на пароходахъ, знавшія о томъ, что Регистрація собирается открыть свою лавку, сначала думали, что это она и есть и стали усиленно покупать. Коки возликовали.

Велико было раздраженіе моряковъ, когда выяснилось, что кучка любителей наживы собралась погрѣть руки около Регистраціи. Ко мнѣ стали являться гонцы съ пароходовъ.

— Говорятъ, что это не наша регистраціонная лавка, товарищъ предсѣдатель?

— Нѣтъ, не наша...

— А коки говорятъ, будто наша...

— Врутъ коки, мы свою пока еще обдумываемъ. Коки открыли свою въ подрывъ нашей...

— Ахъ, с-с-ы! Такъ мы имъ бойкотъ...—И юнецъ летитъ назадъ.

Мы предложили кокамъ не заводить исторіи и передать дѣло Регистраціи. Куда тамъ!

Заправилы и слушать ничего не хотѣли. Поддерживаемые втайнѣ союзомъ русскаго народа, они вели себя вызывающе. Мы погрозили репрессіями. Они отвѣтили угрозами отдѣленія отъ Регистраціи. Тогда мы объявили ихъ автономную организацію недѣйствительной. Отмѣнили особое представительство ихъ и перевели на общее положеніе. Отправка на пароходы коковъ должна была совершаться нашимъ правленіемъ, равно какъ и пріемъ новыхъ коковъ въ число членовъ Регистраціи.

Коки отвѣтили открытой войной. Сняли свое помѣщеніе, вырѣзали особую печать «Регистрація коковъ» и попытались вступить въ самостоятельныя сношенія съ пароходовладѣльцами. Дѣйствовали они такъ рѣшительно потому, что заручились поддержкой союза русскаго народа и властей. Когда мы перенесли вопросъ о кокахъ на общее собраніе, генералъ-губернаторъ вычеркнулъ этотъ вопросъ изъ порядка дня и присутствовавшій на собраніи чиновникъ не допустилъ его обсужденія. Тогда мы расправились съ коками при помощи делегатскаго собранія. Результатъ былъ для нихъ самый

плачевный. Открытый мятежъ противъ Регистраціи моряки имъ не могли простить. Делегатское собраніе постановило всѣхъ коковъ, членовъ новообъявленной Регистраціи исключить. Немедленно же началось изгнаніе командами мятежныхъ коковъ съ пароходовъ. Въ то же время у насъ была открыта запись желающихъ служить коками. Явилось, конечно, достаточно. Это были отчасти старые коки, оставшіеся вѣрными Регистраціи, отчасти новые, привлеченные извѣстіями о борьбѣ коковъ съ нами, и явившіеся поддержать насъ. Изгоняемые коки замѣщались нашими изъ Регистраціи. Здѣсь только большинство ихъ увидѣло, куда ихъ завели заправилы обѣщаніями выгоднаго дѣла съ потребительской лавкой. Послѣдній ударъ довершилъ разгромъ. Представитель новооснованной «Регистраціи коковъ», явившійся въ контору русскаго общества, былъ прогнанъ со словами: «съ насъ и одной Регистраціи предостаточно».

Коки пали духомъ и смирились. По одиночкѣ являлись они и просили принять ихъ на общихъ основаніяхъ обратно въ Регистрацію.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Мы ихъ записали. Только заправилы да фиктивные коки съ капиталами не попали обратно къ намъ, такъ какъ передъ ними мы заперли двери. Такъ плачевно окончилась попытка капитала использовать нашу пролетарскую организацію въ цѣляхъ наживы и эксплуатаціи.

X.

Вспомогательныя учрежденія при Регистраціи.

Мой очеркъ былъ бы не полонъ, если бы я не сказалъ нѣсколькихъ словъ еще о нѣкоторыхъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ Регистраціи.

Такъ, при ней была организована юридическая помощь морякамъ. Для этого мы имѣли на жалованьи своего юриста. Всѣ дѣла и тяжбы моряки передавали Регистраціи. Въ дѣлахъ, гдѣ морякъ искалъ вознагражденіе за болѣзнь или увѣчье съ предпринимателей, нашъ юристъ давалъ отзывъ. Согласно этому отзыву, Регистрація выдавала потерпѣвшему искомую сумму и тѣмъ избавляла его отъ необходимости ждать конца судебной волокиты. Послѣдняя не всегда была доступна потерпѣвшему за недостаткомъ средствъ. Поэтому онъ часто долженъ былъ довольствоваться полученіемъ «отступного» во много разъ меньше той суммы, которую могъ получить по суду. Такимъ образомъ, Регистрація устраняла одинъ изъ худшихъ видовъ грабежа, учиняемаго предпринимателемъ, и, кромѣ того, приходила на помощь въ самую критическую минуту.

Имѣлся также у Регистраціи свой докторъ. Задача его была

не совсѣмъ обыкновенная. Кромѣ обычной медицинской помощи онъ былъ намъ еще необходимъ для тщательной провѣрки болѣзни того или другого моряка. Это покажется страннымъ: какое дѣло можетъ быть Регистраціи до того, боленъ ли человѣкъ, или только говоритъ, что боленъ? Между тѣмъ это было намъ важно. Дѣло въ томъ, что всякій, разсчитавшійся съ парохода, долженъ былъ обычнымъ порядкомъ записаться въ очередь.

Только для больныхъ дѣлалось исключеніе. Ихъ, когда они являлись послѣ болѣзни, записывали не въ заднюю очередь, а ставили въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ десятками. Такимъ образомъ, больные получали огромную привилегію по сравненію съ другими разсчитывающимися.

Естественно поэтому, что всякій, разсчитавшійся съ парохода, старался сдѣлать это подъ видомъ болѣзни, чтобы поскорѣе обратно попасть на пароходъ. Это, конечно, нарушало интересы другихъ. Мы скоро убѣдились, что совершенно здоровые люди приносятъ намъ свидѣтельства отъ частныхъ врачей о болѣзни. Чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, мы и пригласили своего врача. Мы дали ему инструкцію не давать поблажки являющимся къ нему и безъ церемоніи выпроваживать всякихъ сомнительныхъ больныхъ. А число ихъ увеличивалось еще и по другой причинѣ.

Я писалъ уже о хорошихъ пароходахъ и угольщикахъ. Стоящіе на очереди прибѣгали ко всякимъ уловкамъ, чтобы попасть на хорошій пароходъ и избѣжать угольщика. Однимъ изъ обычныхъ пріемовъ было сказаться больнымъ. Отказаться отъ парохода нельзя, ибо тогда тебя переписываютъ безъ дальнихъ разговоровъ въ заднюю очередь. Если же ты не идешь по болѣзни, то очередь остается за тобой. Поэтому было очень важно въ нужную минуту заболѣть на нѣсколько дней и выздоровѣть, когда окажется вакансія на хорошемъ пароходѣ. Это и практиковалось въ широкихъ размѣрахъ, пока мы не призвали доктора на предметъ уловленія. Когда было изловлено нѣсколько такихъ симулянтовъ, делегатское собраніе наказало ихъ посылкой на угольщиковъ независимо отъ того, куда пришлась ихъ очередь.

Была и еще цѣль, пожалуй, главная, ради которой намъ былъ нуженъ свой докторъ. Когда Регистрація стала настойчиво добиваться вознагражденія морякамъ за время болѣзни, то предприниматели пригласили врача и стали свидѣтельствовать ихъ при поступленіи. Если морякъ оказывался не совсѣмъ здоровымъ, то ему или вовсе отказывали, или брали подписку, что въ случаѣ болѣзни онъ ничего не будетъ искать съ пароходовладѣльца. И тутъ вдругъ оказалось, что моряки страшно хилый и болѣзненный народъ. Смотришь,—дѣтина здоровеннѣйшій. Освидѣтельствуетъ его врачъ пароходовладѣльца и здоровья какъ не бывало. Посмотрѣли мы, посмотрѣли: видимъ—процентъ болѣзненныхъ у насъ растетъ не по

днямъ, а по часамъ. Надо принимать мѣры. Вотъ мы и пригласили своего врача, противопоставивъ пароходовладѣльческой медицинѣ регистраціонную. Эффектъ получился удивительный. Процентъ болѣзненности среди моряковъ быстро пошелъ на убыль. И радостно было намъ видѣть, какъ быстро поздоровѣла масса моряковъ, пережившая передъ тѣмъ припадокъ хилости.

И юристъ нашъ, и докторъ получали такое же жалованье, какъ и члены правленія.

Было сдѣлано кое-что и въ области просвѣтительной работы. Чтенія лекцій и рефератовъ, даже обученія грамотности намъ не разрѣшили. Пришлось ограничиться библіотекой. Было важно, чтобы читали плавающіе на пароходахъ. Поэтому мы примѣнили систему передвижныхъ пароходныхъ библіотекъ. Были сорганизованы маленькія библіотечки различнаго типа и содержанія и пущены по пароходамъ. Книги были, главнымъ образомъ, беллетристическаго, историческаго и общественнаго характера. Каждая библіотечка должна была оставаться на одномъ и томъ же пароходѣ опредѣленный срокъ. Затѣмъ она передвигалась на другой пароходъ, а на ея мѣсто являлась другая. Многаго мы не успѣли сдѣлать. Было пущено въ ходъ лишь около 25 библіотекъ, что по сравненію съ общимъ числомъ пароходовъ (200!) являлось цифрой ничтожной.

Проектировали мы еще нѣкоторыя учрежденія, но они такъ и не вышли изъ области предположеній, такъ и погибли въ зародышевомъ состояніи вмѣстѣ съ материнскимъ организмомъ — Регистраціей.

XI.

Финансы Регистраціи.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о финансовыхъ дѣлахъ Регистраціи. Къ сожалѣнію, матеріалъ у меня крайне скудный. Лично я за все время не имѣлъ ни малѣйшаго касательства къ кассѣ Регистраціи, если не считать полученія жалованія.

Такое изолированіе себя отъ денежнаго ящика было необходимѣйшимъ условіемъ, чтобы избѣжать всевозможныхъ подозрѣній при какомъ угодно оборотѣ дѣлъ. Въ настоящій разъ я воспользуюсь цифрами, присланными мнѣ товарищемъ, завѣдовавшимъ кассой. Онъ настоятельно подчеркиваетъ, что цифры сообщаются по памяти и лишь приблизительныя, ибо всѣ матеріалы и документы были заарестованы при закрытіи Регистраціи.

Поступленія въ кассу состояли:

1) изъ единовременнаго взноса съ забастовочныхъ денегъ, т. е. денегъ, уплаченныхъ морякамъ пароходовладѣльцами за время забастовки; взносъ этотъ равнялся 25% полученной моряками суммы

2) изъ вступительныхъ взносовъ въ размѣрѣ одного рубля со всѣхъ тѣхъ, кто не былъ членомъ ранѣе существовавшей Регистраціи;

3) изъ регулярныхъ 4% мѣсячныхъ отчисленій всѣми членами Регистраціи служащими на пароходахъ; эти четыре процента отчислялись только съ жалованья, кормовыя деньги, а также плата за сверхурочные часы и грузовыя работы обложенію не подлежали.

При выдачѣ жалованья многіе капитаны просто удерживали слѣдуемую сумму съ каждаго служащаго, заносили ихъ имена на листъ съ обозначеніемъ удержанной съ нихъ суммы, подводили итогъ и отправляли этотъ листъ и деньги въ Регистрацію. Здѣсь все заносилось въ книги, изготовлялись квитанціи и тѣмъ же порядкомъ отправлялись капитану для врученія командѣ. Дѣлалось это, конечно, съ согласія командъ, но не на всѣхъ пароходахъ. Только благожелательно относившіеся къ Регистраціи капитаны и ихъ помощники брали на себя хлопоты по сбору денегъ для Регистраціи. Позднѣе, когда стали функціонировать делегатскія собранія и каждый пароходъ имѣлъ своихъ постоянныхъ делегатовъ для сношеній съ Регистраціей, на нихъ и было возложено собираніе взносовъ, составленіе списковъ, доставка денегъ въ Регистрацію и раздача квитанцій командамъ. Такимъ образомъ, поступленіе взносовъ происходило само собою безъ всякаго затрудненія для правленія.

Приходъ по мѣсяцамъ располагался приблизительно такъ: іюнь — 1100 р., іюль — 1800, августъ — 2700, сентябрь — 3100, октябрь—3400, ноябрь—2900. Всего 15000 руб. По кассѣ было не то 15200, не то 15300 съ чѣмъ-то. Расходъ былъ приблизительно таковъ:

Жалованье правленію	4.210	руб.
» дневальнымъ при Регистраціи и столовой	375	»
Помѣщеніе Регистраціи	680	»
Пособія безработнымъ	650	»
Пособіе столовой	1.680	»
Пособія на стачки, взносъ въ центральн. бюро и пр.	750	»
Конторскіе расходы	300	»
Библіотека	125	»
Командировка въ Петербургъ	250	»
Мелкіе расходы	325	»
Итого . . .	9.345	руб.
Весь приходъ .	15.000	»
Остатокъ . .	5.655	руб.

Столько, приблизительно, и было въ день закрытія Регистраціи.

Читатель, вѣроятно, уже обратилъ вниманіе, что львиная доля расходовъ приходилась на содержаніе самой Регистраціи: на жалованье правленію, плату за помѣщеніе, канцелярскіе расходы, плату дневальнымъ и т. д.

Дѣйствительно, Регистрація стоила огромныхъ денегъ. Но тотъ, кто увидѣлъ бы вблизи эту сложную, усовершенствованную машину, тотъ не удивился бы ея дороговизнѣ. Паровая молотилка стоитъ умопомрачительно дорого по сравненію съ цѣпомъ. Но это никого не удивляетъ. Она того стоитъ. Стоила и Регистрація затрачиваемыхъ на нее денегъ.

XII.

Регистрація и профессіональное движеніе въ Одессѣ.

Переходя къ взаимоотношенію между Регистраціей и общимъ профессіональнымъ движеніемъ въ Одессѣ, я долженъ отмѣтить, что мы довольно долго стояли въ сторонѣ отъ этого движенія. Мы такъ погрузились въ себя, въ свои дѣла, нужды и заботы, что не имѣли времени и повода вспомнить о томъ, что не одни же моряки существуютъ на свѣтѣ. Для насъ же свѣтъ клиномъ сошелся на нашей Регистраціи. А въ это самое время шла дѣятельная работа въ области объединенія и организаціи всей рабочей массы въ Одессѣ. Возникали новые союзы, существовавшіе создавали общій органъ въ видѣ центральнаго бюро,начинали жить общей жизнью. Рабочая масса Одессы, какъ единое цѣлое, подступала къ обсужденію вопросовъ и задачъ, выдвигаемыхъ общественной жизнью вообще и всероссійскимъ профессіональнымъ движеніемъ въ частности. Ставились и горячо трактовались вопросы, выходившіе далеко изъ сферы узко-профессіональныхъ интересовъ. Масса во взаимномъ общеніи вырабатывала въ себѣ широту взгляда и пониманіе общепролетарскихъ задачъ. Отъ этого движенія стояли въ сторонѣ моряки со своей Регистраціей. И это продолжалось такъ долго, что на насъ уже стали коситься: «Моряки-де не способны видѣть дальше своего носа, они могутъ стойко бороться за *свои* интересы, могутъ страстно интересоваться всѣмъ, что касается ихъ организаціи, но неспособны интересоваться чѣмъ либо, что прямо къ нимъ не относится».

Но какъ разъ, когда начало складываться такое мнѣніе, мы немножко очнулись отъ своей суматохи и оглянулись по сторонамъ. Я говорю *мы*, ибо въ этомъ не отличаю себя отъ массы моряковъ. Я съ такимъ же азартомъ погрузился въ наши спеціально морскія дѣла, какъ и всѣ моряки и такъ же, какъ они, довольно долго не зналъ и знать не хотѣлъ ничего, кромѣ Регистраціи.

Въ одинъ прекрасный день я былъ ошеломленъ вопросомъ: «Вы что же не являетесь на засѣданія секретаріата. Этотъ вопросъ задалъ мнѣ одинъ изъ членовъ секретаріата? Съ удивленіемъ я узналъ, что бюро профессіональныхъ союзовъ выбрало меня заочно въ свой секретаріатъ. Это былъ почетный дипломъ, выданный объединеннымъ организованнымъ пролетаріатомъ Одессы нашей Регистраціи.

Признаться, это избраніе меня пристыдило. Мнѣ стало стыдно, что я до такой степени сузилъ свой кругозоръ и ушелъ съ головой въ регистраціонную сутолоку, забывая объ общихъ задачахъ и перспективахъ движенія.

Однако, время не ждало и, утѣшивъ себя соображеніемъ, что конь о четырехъ ногахъ, да и то спотыкается, я принялся нагонять упущенное. Нужно было пріобщить моряковъ къ жизни рабочей массы въ Одессѣ, нужно было ввести ихъ въ русло общаго движенія, связать всѣми нитями съ организаціонной жизнью всего города и ввести въ кругъ вопросовъ и интересовъ, волнующихъ всѣхъ рабочихъ, безъ различія профессіи. Это сдѣлать было тѣмъ легче, что со своими неотложными дѣлами мы уже поуправились и кромѣ того имѣли такой чудесный органъ общенія съ массой моряковъ, какъ делегатскія собранія.

Созвалъ я правленіе.

Такъ и такъ, говорю, господа хорошіе. Какъ это ни странно, существуетъ на бѣломъ свѣтѣ и еще нѣчто, кромѣ моряковъ и Регистраціи; ждетъ, молъ, моряковъ организованный пролетаріатъ Одессы въ общіе ряды, зоветъ Центральное Бюро профессіональныхъ союзовъ представителей Регистраціи къ себѣ на засѣданія.

— Надо идти, коли зовутъ и честью просятъ, рѣшило правленіе и назначило двухъ членовъ своихъ постоянными представителями въ Центральное Бюро.

Я въ счетъ не шелъ. Какъ членъ секретаріата, я все равно уже входилъ въ составъ Бюро. Но этого было мало. Этимъ оказывалось связаннымъ съ общегородской организаціей лишь правленіе Регистраціи. А нужно было связать самую массу моряковъ, какъ можно непосредственнѣе. Мы ходатайствовали о допущеніи на засѣданія Центральнаго Бюро еще нѣсколькихъ представителей отъ моряковъ съ правомъ только совѣщательнаго, а не рѣшающаго голоса. Намъ охотно разрѣшили. Ближайшее делегатское собраніе было посвящено обсужденію отношенія моряковъ къ остальнымъ рабочимъ организаціямъ и къ ихъ объединяющему центру. Это было первымъ засѣданіемъ делегатовъ отъ пароходовъ, на которомъ обсуждался вопросъ, ни въ какомъ отношеніи не стоявшій къ специфическимъ морскимъ дѣламъ. Въ тотъ вечеръ Регистрація пробила свою цеховую скорлупу и вышла на широкую дорогу общерабочаго движенія.

Делегатское собраніе постановило немедленно же вступить въ тѣснѣйшія сношенія съ Центральнымъ Бюро. При этомъ оно рѣшило, что кромѣ двухъ членовъ правленія каждое делегатское собраніе выбираетъ трехъ человѣкъ для присутствія на очередномъ засѣданіи Центральнаго Бюро. Эти трое должны были дѣлать докладъ о всемъ происходившемъ. Мѣра эта была весьма цѣлесообразна. Три человѣка изъ среды делегатскаго собранія давали отчетъ о засѣданіи Центральнаго Бюро делегатскому собранію, спеціально собиравшемуся для слушанія доклада если даже другихъ дѣлъ и не было. Делегаты же давали отчетъ о выслушанномъ каждый на своемъ пароходѣ, гдѣ живо интересовались всѣмъ, что дѣлается на берегу и отчетовъ требовали неукоснительно. Важно было, что Центральное Бюро при этомъ не было чѣмъ то далекимъ, и о чемъ сухо докладывалъ бы членъ правленія. Нѣтъ, въ немъ бывали Петръ, Иванъ и Семенъ, служащіе на пароходахъ, гдѣ они разсказывали обо всемъ, какъ очевидцы, дѣлились своими впечатлѣніями, вопросами и сомнѣніями съ товарищами. Составъ делегатскихъ собраній мѣнялся, ибо мѣнялись пароходы, стоявшіе въ порту, и потому отъ делегатскаго собранія являлись всякій разъ три новыя лица въ Центральное Бюро и число моряковъ съ пароходовъ побывавшихъ на засѣданіяхъ все увеличивалось.

Устанавливалась текучая, но самая непосредственная, самая живая связь моряковъ, находящихся на пароходахъ и оторванныхъ отъ берега, съ самымъ сердцемъ общей рабочей жизни Одессы. Неудобство же постоянной смѣны лицъ, какъ представителей отъ моряковъ, парализовалось тѣмъ, что Регистрація имѣла и постоянныхъ своихъ представителей въ лицѣ двухъ членовъ правленія. Такой комбинаціей представительства—2 постоянныхъ и 3 мѣняющихся—достигалось и постоянство связи, и непосредственность этой связи съ массой моряковъ. На жизнь Регистраціи такой характеръ связи оказывалъ самое благотворное вліяніе, повышая ея интенсивность и обогащая содержаніе. Делегатскія собранія, происходившія разъ въ недѣлю и посвящаемыя исключительно своимъ регистраціоннымъ дѣламъ, стали сходиться чаще для выслушиванья и обсужденія докладовъ своихъ представителей въ Центральномъ бюро.

Я сдѣлалъ бы упущеніе, если бы не разсказалъ о впечатлѣніи, произведенномъ моряками на Центральное Бюро и обратно. Когда появились загорѣлыя, чисто русскія лица въ матросскихъ костюмахъ на засѣданіи Центральнаго Бюро, состоявшемъ въ своемъ большинствѣ изъ евреевъ, они произвели сенсацію.

Моряки, издавна считавшіеся оплотомъ темноты и грубости, пропитанные антисемитизмомъ и кастовымъ духомъ, чуждые и враждебные всему, что не изъ ихъ цеха, эти самые моряки сидятъ здѣсь на однихъ скамьяхъ съ женщинами и евреями—двумя категоріями, которыя портовымъ людомъ доселѣ разсматрива-

лись, какъ низшія существа! Явленіе было настолько странное для всякаго одессита, что ему вѣрилось съ трудомъ, хотя фактъ былъ передъ глазами: моряки не только сидѣли, но, оправившись отъ перваго смущенія въ непривычной средѣ, дѣятельно принимали участіе въ дебатахъ. Правда, они были еще совсѣмъ дѣтьми въ вопросахъ, въ которыхъ свободно разбирались остальные члены бюро, и рѣчи ихъ были наивны, хотя и горячи. Но ихъ слушали со вниманіемъ и благодарностью, ибо своимъ появленіемъ они укрѣпляли вѣру всѣхъ присутствующихъ въ облагораживающую силу трудовой солидарности и общественности, поднимающихъ людей, уничтожающихъ всѣ перегородки между ними, стирающія всѣ грани между іудеемъ и эллиномъ.

И даже я, сжившійся съ моряками, хотя и слабѣе, но все же почувствовалъ это дуновеніе вѣры, которое обвѣяло всѣхъ присутствующихъ въ тѣ минуты.

Не меньшее, если не большее впечатлѣніе произвело это засѣданіе и на моряковъ.

Когда мы вышли, они взволнованно и торопливо дѣлились со мной впечатлѣніями.

— Я точно на свѣтъ народился, Миша,—говорилъ мнѣ молодой морякъ, извѣстный въ порту кутила, буянъ и необузданная натура.—Барышни сидятъ, работницы... Разсуждаютъ, какъ я и подумать не сумѣю. А вѣдь у меня только и словъ для нихъ было, что похабныя... Евреи вотъ тоже... Не все, стало быть, они о своемъ карманѣ думаютъ. Сегодня сколько ихъ было, и всѣ за одно съ нами. И вотъ съ такими впечатлѣніями шелъ этотъ и два другіе туда, въ портъ, въ гущу, на пароходы. Какіе листки, какія прокламаціи и горячія рѣчи ораторовъ могли замѣнить этихъ живыхъ людей, вносившихъ новую свѣжую струю въ души и умы моряковъ?!

XIII.

Перевыборы и созданіе партійныхъ группъ. Я чувствую себя тормазомъ.

Такъ шло время и незамѣтно истекъ трехмѣсячный срокъ полномочій правленія.

Наступили новые выборы. Нѣкоторые изъ товарищей рѣшили отказаться въ случаѣ своего вторичнаго избранія. Нужно было подумать о ихъ замѣстителяхъ. Мы оказались въ большомъ затрудненіи, гдѣ ихъ искать и какъ найти. Мы перебирали различныхъ лицъ; но о ихъ пригодности совершенно не могли судить. Тотъ—человѣкъ безусловно честный, но что такое онъ во всемъ прочемъ—неизвѣстно. Этотъ—грамотный и неглупый, но опять во всемъ другомъ величина неизвѣстная. Да и руководиться приходилось случайными, отрывочными впечатлѣніями. Наступилъ день

выборовъ. Созвали мы общее собраніе. Правленіе было переизбрано. Было человѣка два, которыхъ не слѣдовало бы переизбирать. По поводу ихъ произошла заминка. Моряки ждали отъ меня какихъ либо указаній на счетъ этихъ сомнительныхъ кандидатуръ. Но хотя я всей душой желалъ ихъ провала, выступать мнѣ противъ нихъ было нельзя. Да и никому изъ правленія. Это имѣло бы характеръ сведенія личныхъ счетовъ. Наше молчаніе было принято за желаніе, чтобы эти лица были опять выбраны, и собраніе избрало ихъ. Оно не хотѣло идти противъ мнимаго желанія правленія, опасаясь обидѣть. Получилась ерунда. Были избраны люди, отъ которыхъ охотно хотѣли бы избавиться и моряки, и правленіе. Еще хуже вышло, когда пришлось выбирать новыхъ, на мѣсто отказавшихся. Общее собраніе оказалось еще безпомощнѣе, чѣмъ правленіе. Когда я предложилъ намѣтить кандидатовъ, собраніе не знало, что дѣлать, чѣмъ руководиться. Назвали нѣсколько именъ, но они не были никому извѣстны. Обратились ко мнѣ: «укажите вы, товарищъ предсѣдатель, кого выбрать: мы на васъ полагаемся». Опасаясь, какъ бы не вышло хуже, я принужденъ былъ указать кандидатовъ. Ихъ выбрали. Получилась вторая нелѣпость: при соблюденіи всѣхъ демократическихъ формъ правленіе пополняется по назначенію предсѣдателя.

Положеніе заставило серьезно задуматься. Пока я здѣсь, все идетъ ладно, а если меня не будетъ, какой разбродъ, какая сумятица можетъ подняться! Данное правленіе, вполнѣ пригодное и работоспособное, можетъ полетѣть по чисто случайнымъ причинамъ, и Регистрація можетъ попасть въ руки и неумѣлыя, и недостойныя. Въ аморфной массѣ моряковъ нѣтъ тѣхъ силъ, которыя бы во всѣхъ дѣлахъ вели одну связную политику, держали бы всю жизнь Регистраціи въ опредѣленномъ руслѣ, устраняли бы шатанія и метанія изъ крайности въ крайность, къ чему такъ склонна всякая масса.

Делегатскія собранія быстро выростали и пріобрѣтали все большее значеніе въ жизни Регистраціи, но ростъ ихъ былъ предопредѣленъ: они могли развиться лишь въ одномъ направленіи, въ направленіи власти. Но умъ, направляющая сила оставалась у меня: нуженъ былъ коллективный органъ, который могъ бы выполнить эту функцію. Такимъ органомъ могли явиться лишь партійныя группы, состоящія изъ людей опредѣленныхъ убѣжденій, опредѣленнаго міросозерцанія, ставящія всѣ вопросы дня подъ угломъ ихъ отношенія къ общимъ вопросамъ и задачамъ. Такія группы могли выработать свое твердое отношеніе ко всему, что дѣлается въ Регистраціи и Регистраціей, выработать свою линію поведенія и организованно, дисциплинированно проводить ее всюду, и въ повседневныхъ бесѣдахъ и спорахъ, и въ преніяхъ на делегатскихъ собраніяхъ, и въ дебатахъ общихъ собраній. Только партійныя группы могли съ пониманіемъ дѣла успѣшно производить

оцѣнку людей, ставить и поддерживать кандидатуры въ правленіе и вообще, вступая въ соглашеніе между собой, вліять на его составъ и дѣятельность. Само собой понятно, что онѣ могли вліять только идейно, ибо никакой власти у нихъ не было и не могло быть. Если делегатскія собранія становились вмѣстилищемъ власти, столь необходимой въ жизни Регистраціи, то партійныя группы должны были стать вмѣстилищемъ ума, направляющаго эту власть.

Необходимость созданія такой направляющей силы чувствовалась, конечно, и раньше. Исторія съ выборами послужила рѣшающимъ толчкомъ.

Въ правленіи были и соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры по убѣжденіямъ. Собравшись вмѣстѣ, не какъ члены правленія, а какъ люди опредѣленныхъ убѣжденій, мы порѣшили приступить къ созданію своихъ группъ. Это было въ первый разъ, что члены правленія предприняли нѣчто въ нѣдрахъ Регистраціи не какъ выборные отъ моряковъ, а какъ люди партіи. Группы были образованы. Я назвалъ ихъ партійными, но это въ сущности не совсѣмъ вѣрно. Онѣ прежде всего не входили въ составъ партіи, не являлись ея частью, не были въ организаціонной связи съ нею. Во вторыхъ, онѣ не ставили себѣ тѣхъ задачъ, какія ставитъ себѣ партія, т. е. не имѣли въ виду ни вести соціалистическую пропаганду и агитацію, ни вербовать новыхъ членовъ въ партію.

Онѣ ставили себѣ цѣли дѣловыя, непосредственно практическія: вліять организаціонно и въ духѣ своего міросозерцанія и на всѣ дѣла Регистраціи, малыя и большія. Я называю ихъ партійными группами лишь потому, что онѣ объединяли людей по тому же принципу, по какому объединяетъ ихъ и партія: по принадлежности къ одному общественному міровоззрѣнію. Связь этихъ группъ съ партіями выражалась въ томъ лишь, что когда въ этихъ группахъ обсуждались вопросы, касавшіеся Регистраціи, но имѣвшіе общій характеръ, то группы приглашали людей изъ партіи для обсужденія и освѣщенія этихъ вопросовъ съ чисто партійной точки зрѣнія.

Созданіе партійныхъ группъ было послѣднимъ шагомъ, переводившимъ Регистрацію окончательно съ рельсъ единоличнаго режима на путь коллективнаго самоуправленія массы.

Моя роль была окончена. Я былъ еще полезенъ, но уже не былъ необходимъ. Масса моряковъ вышла изъ дѣтскаго періода, и Регистраціи не нужна была больше ничья рука для опоры, больше того. Прошло нѣкоторое время, и я сталъ чувствовать, что становлюсь тормазомъ въ развитіи самодѣятельности и самостоятельности моряковъ. Мы всѣ слишкомъ сжились съ единоличнымъ верховенствомъ. Правленіе, слишкомъ привыкло повиноваться мнѣ; моряки, въ массѣ и поодиночкѣ, слишкомъ привыкли полагаться на меня, видѣть во мнѣ послѣднюю и рѣшающую инстанцію

всѣхъ дѣлъ, всѣхъ вопросовъ, всѣхъ затрудненій; делегатскія собранія слишкомъ привыкли слушаться моего голоса. Партійныя группы, состоящія изъ тѣхъ же моряковъ, тоже не могли проявить себя достаточно самостоятельно. Я, съ своей стороны, слишкомъ привыкъ накладывать на все въ Регистраціи свою руку.

Происходитъ, напримѣръ, щекотливое недоразумѣніе на пароходѣ. Кто нибудь изъ товарищей по правленію могъ бы справиться съ нимъ, — быть можетъ, не такъ хорошо, какъ я, но все же вполнѣ удовлетворительно. «А вдругъ промахнется?» — беретъ сомнѣніе, и я отправляюсь самъ.

Делегатское собраніе рѣшаетъ вопросъ. Путается, мнѣнія дѣлятся. Разбродъ. Въ концѣ концовъ оно пришло бы къ рѣшенію. Но зачѣмъ ему путаться, когда своимъ вмѣшательствомъ я сразу поставлю вопросъ надлежащимъ образомъ и приведу къ рѣшенію? И я не выдерживаю, вмѣшиваюсь...

Общее собраніе не знаетъ какъ быть съ труднымъ вопросомъ. Оно могло бы его отложить, передать на обсужденіе правленію, делегатскому собранію. Его обсудили бы группы и слѣдующее собраніе съ нимъ справилось бы. Но зачѣмъ? Вопросъ спѣшный, а у меня въ рукахъ рѣшеніе. Стоитъ показать его общему собранію, и оно приметъ его. И я опять вмѣшиваюсь...

И по старому всѣ въ Регистраціи обращаютъ ко мнѣ взглядъ при затрудненіяхъ. Безусловной же необходимости въ этомъ нѣтъ. При помощи всѣхъ органовъ, имѣвшихся у нея, Регистрація справилась бы сама со всѣми трудностями. Мое присутствіе мѣшало этимъ органамъ развиваться и крѣпнуть. Они оставались, въ сущности, потенціальными органами. Я чувствовалъ, что долженъ уѣхать на время, на нѣсколько мѣсяцевъ, ибо, пока я здѣсь, сила инерціи будетъ держать въ своей власти и меня, и моряковъ, и Регистрацію.

Такъ постепенно я перешелъ отъ чувства своей безусловной необходимости для Регистраціи къ ощущенію вреда своего для нея же.

Къ этому прибавилось и еще кое-что. Я сталъ замѣчать, что власть не прошла безслѣдно и для моей психики. Я замѣтилъ, что у меня слишкомъ часто стали прорываться начальственныя нотки, что я не прочь и прикрикнуть, а то и ногой топнуть при случаѣ, и кулакомъ по столу постучать. Положимъ, что имѣя дѣло съ моряками, безъ этого не обойтись было. Моряки не ягнята, и обхожденіе съ ними дѣло не легкое. Правда, иной разъ, только грохнувъ кулакомъ по столу и прибавивъ такой трехъэтажный оборотъ, которому позавидовалъ бы любой портовикъ, можно было призвать къ порядку разбушевавшагося. Правда, иной разъ только бѣшенно сорвавшись съ мѣста можно было добиться отъ какого-нибудь разъяреннаго коренастаго медвѣдя, вмѣсто свирѣпаго рычанія, че-

ловѣческой рѣчи. Ярость, натолкнувшись на бѣшенство, падала и, черезъ минуту, начинался дѣловой разговоръ между нами.

Повторяю, моряки далеко не агнцы, и безъ повышенія голоса и внушительной жестикуляціи обойтись было немыслимо. Но наклонность говорить тономъ начальника къ подчиненному у меня разрослась свыше мѣры...

Все это вмѣстѣ взятое—и положеніе дѣлъ въ Регистраціи, и мое собственное состояніе—ставило на очередь вопросъ объ оставленіи мною Регистраціи. Сдѣлать это было не легко, не легко оторвать себя отъ живого, любимаго дѣла. И я оттягивалъ рѣшительный шагъ. Но помощь мнѣ явились разомъ, съ одной стороны, полиція, съ другой—Союзъ русскаго народа.

XIV.

Регистрація и Союзъ русскаго народа.—Бѣгство.

Среди моряковъ имѣлись и черносотенцы. На свѣтъ Божій своего лица они не показывали и злобствовали лишь тайно. Гнѣздомъ ихъ была организація коковъ, поднявшая бунтъ противъ Регистраціи. Не мало ихъ имѣлось и среди боцмановъ. Когда вышло столкновеніе съ коками и ихъ воротилы увидѣли, что я не собираюсь съ ними шутить, союзники рѣшили воздѣйствовать на меня прочувствованнымъ посланіемъ.

Однажды я получаю письмо съ оригинальнымъ адресомъ: «Одесса. Портъ. Начальнику красной морской гвардіи. Товарищу Адамовичу»,—и почта, не задумываясь, доставила этотъ пикантный конвертъ прямо мнѣ въ Регистрацію.

Анонимное посланіе, съ чернымъ крестомъ на верху, начиналось широковѣщательно: «Мы, моряки, оставшіеся вѣрными царю и отечеству, говоримъ тебѣ, жидовскому ставленнику и т. д.» Коротко говоря, мнѣ въ нарочито безграмотной формѣ предлагали убираться по добру по здорову.

Это письмо послужило намъ исходной точкой для интенсивной анти-черносотенной пропаганды среди моряковъ. Моряки были массой крайне темной и отсталой. Когда начиналась забастовка, то въ самой средѣ моряковъ раздавались опасенія, какъ бы многіе изъ матросовъ не присоединились къ погромщикамъ. Эти опасенія были настолько сильны, что день начала забастовки былъ даже отложенъ, потому что онъ совпадалъ съ предполагавшимся днемъ погрома. Когда этотъ день прошелъ спокойно, послѣдующій также, тогда лишь стачечный комитетъ объявилъ забастовку.

Конечно, послѣ того положеніе радикально измѣнилось, за четыре-пять мѣсяцевъ, истекшихъ со дня начала забастовки, моряки многое пережили, передумали, перечувствовали. Но это сдѣлалось само собою, помимо чьего-либо сознательнаго вмѣшательства

По крайней мѣрѣ, со стороны самой Регистраціи или ея правленія ничего для проясненія политическаго сознанія сдѣлано не было. Въ частности, по поводу Союза русскаго народа масса моряковъ мало думала; слыхала о немъ, какъ о чемъ то чужомъ, никакого отношенія къ ней не имѣющемъ. Не было до сихъ поръ и повода, чтобы она могла занять по отношенію къ нему ту или иную позицію. Выступленіе черносотенцевъ съ письмомъ, полнымъ угрозъ мнѣ, предсѣдателю Регистраціи, и ругательствъ по отношенію къ самой Регистраціи рѣзко измѣнило картину. Письмо было нами перепечатано и распространено среди моряковъ. Оно вызвало возмущеніе во всей массѣ, и дало мнѣ основаніе выступить по поводу Союза русскаго народа на ближайшемъ делегатскомъ собраніи. Вопросъ о черносотенцахъ силою вещей сталъ очереднымъ вопросомъ въ жизни Регистраціи.

Опираясь на поддержку партійныхъ группъ, дѣйствовавшихъ невидимо въ массѣ моряковъ, я развилъ агитацію, на какую былъ только способенъ. Всѣ свои способности, всю энергію и весь свой авторитетъ и вліяніе я употребилъ, чтобы закрѣпить, распространить и сдѣлать сознательнымъ то чувство стихійнаго возмущенія, которое вызвало письмо среди моряковъ. Союзники сами, не желая того, пробили широкую брешь, чрезъ которую мысль моряковъ могла выбраться изъ своего регистраціоннаго монастыря въ широкій міръ общественной жизни.

Одесса находилась въ то время въ постоянномъ ожиданіи погрома. Организованный пролетаріатъ усиленно обсуждалъ мѣры борьбы противъ союзниковъ. На очереди стоялъ вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ городѣ въ случаѣ погрома. Вопросъ этотъ обсуждался и въ профессіональныхъ союзахъ, и въ партійныхъ организаціяхъ. Былъ вынесенъ онъ на обсужденіе и нашихъ делегатскихъ собраній.

Значеніе погромовъ для рабочаго движенія и для дѣла политическаго освобожденія Россіи для моряковъ къ этому времени достаточно уже выяснилось. Чувство отвращенія къ нимъ было единодушнымъ. Делегатское собраніе постановило прекратить движеніе пароходовъ, какъ только начнется погромъ. Кромѣ того было рѣшено морякамъ немедленно же идти на громилъ. Правленію было поручено въ случаѣ нужды, не созывая делегатскаго собранія, своей властью остановить движеніе и вызвать моряковъ изъ порта въ городъ.

Рѣшеніе это приняли вполнѣ хладнокровно и сознательно представители тѣхъ самыхъ пароходовъ, которые должны были прекратить движеніе, приняли его въ дѣловомъ собраніи. Понимая всю серьезность шага, я указалъ делегатскому собранію, что оно затѣваетъ дѣло не шуточное и что нужно быть осторожнымъ при принятіи такого рѣшенія. Указалъ и на то, что Центральное Бюро

не рѣшилось на принятіе такого постановленія и передало его на обсужденіе отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ.

— Вотъ мы и обсудили,—отвѣтили мнѣ,—а что другіе профессіональные союзы еще не приняли такого рѣшенія, такъ это не бѣда. Съ насъ починъ будетъ...

Постановленіе вошло въ силу. Это была ужъ серьезная угроза погромнымъ планамъ союзниковъ. Удалось бы или нѣтъ выйти морякамъ на улицу при погромѣ, это, конечно, большой вопросъ. Но что пароходы бы стали по малѣйшему знаку изъ Регистраціи, теперь не подлежало никакому сомнѣнію. А за моряками сталъ бы и весь портъ. Много вѣроятія, что за портомъ послѣдовалъ бы и городъ. Но если бы этого и не случилось, то остановка всего торговаго флота и одесскаго порта явилась бы такимъ разстройствомъ нормальной жизни, что удовольствіе «маленькой жидотрепочки» становилось слишкомъ дорогимъ баловствомъ. Возможность же перехода этой частичной пріостановки промышленной жизни города во всеобщую забастовку дѣлала положеніе еще болѣе серьезнымъ.

Союзъ русскаго народа понялъ всю внушительность угрозы и не раздумывалъ долго въ поискахъ виновнаго. На экстренномъ собраніи союзниковъ было принято рѣшеніе немедленно покончить съ предсѣдателемъ Регистраціи. Въ тотъ же вечеръ это извѣстіе было доставлено мнѣ. У меня была хорошая знакомая, у которой былъ знакомый изъ околодочныхъ. Этотъ околодочный и прибѣжалъ къ ней съ извѣстіемъ, и просилъ передать мнѣ, чтобы я не медлилъ и скрылся, ибо союзники съ исполненіемъ рѣшенія мѣшкать не будутъ.

Я положилъ въ карманъ браунингъ и отвѣтилъ тѣмъ, что созвалъ экстренное делегатское собраніе и провелъ на немъ рѣшеніе о безповоротномъ изгнаніи изъ Регистраціи и, стало быть съ Чернаго моря, всякаго моряка, уличеннаго въ принадлежности къ союзу русскаго народа. Черезъ день въ моемъ кабинетѣ было установлено присутствіе лица, долго и внимательно изучавшаго мою физіономію и немедленно скрывшагося, какъ только на него обратили вниманіе. Это было днемъ, до обѣда. Передъ вечеромъ прибѣжала въ Регистрацію хозяйка моей квартиры и сообщила, что явилась полиція и устроила у меня засаду. Какимъ-то чудомъ ей удалось ускользнуть и прибѣжать ко мнѣ.

Было ясно, что подъ ногами у меня начинало горѣть. Я взвѣсилъ положеніе,—оно было не сложно. Въ меня будетъ стрѣлять союзникъ, я буду стрѣлять въ него. Если онъ меня не убьетъ, то убью его я, и меня повѣситъ военный судъ. Возможно, что я раньше встрѣчусь съ полиціей. У меня браунингъ въ карманѣ, нравъ запальчивый, нервы напряжены до крайности... Кто могъ поручиться за характеръ, какой приметъ бесѣда съ полиціей? Какъ ни кинь, все клинъ. Либо убьютъ, либо повѣсятъ и въ самомъ лучшемъ случаѣ просто арестуютъ. Что бы ни случилось,

въ Регистраціи мнѣ дольше не продержаться. Да и цѣпляться за нее, какъ сказано, резона уже не было.

Съ чистой совѣстью я могъ сказать Регистраціи: «Нынѣ отпущаеши»... Я рѣшилъ уѣхать. Нужно было оставить кого-нибудь на своемъ мѣстѣ и приготовить моряковъ къ мысли о моемъ отъѣздѣ что бы не вышло сумятицы въ первый моментъ въ дѣлахъ. На ближайшее воскресенье уже было назначено общее собраніе, и я рѣшилъ до него остаться.

Чтобы усыпить бдительность полиціи, былъ пущенъ слухъ о моемъ бѣгствѣ изъ Одессы. Черезъ день весь портъ облетѣло извѣстіе, что предсѣдатель Регистраціи бѣжалъ, спасаясь отъ союзниковъ и полиціи. О томъ, что это не такъ, знало лишь два товарища изъ правленія, съ которыми я видался по вечерамъ въ своемъ строгомъ заключеніи. Прошло еще нѣсколько дней, остававшихся до воскресенья, и никто не сомнѣвался, что отъ меня и слѣдъ простылъ,—не сомнѣвались и союзники, и полиція. Велико было изумленіе моряковъ, когда въ воскресенье я открылъ собраніе, происходившее, какъ обычно, въ зданіи Регистраціи. Быстро покончивъ съ нѣсколькими мелочами, я сообщилъ собранію, что мнѣ, вѣроятно, придется по дѣламъ на время уѣхать. Напомнилъ о той сумятицѣ, какая вышла при моемъ первомъ недѣльномъ отсутствіи благодаря тому, что у меня не было замѣстителя, и просилъ собраніе выбрать товарища предсѣдателя, къ которому бы переходила власть при моемъ отъѣздѣ, такъ чтобы и сами моряки и правленіе знали, кто беретъ всѣ дѣла въ свои руки. Выбрали по моему указанію одного изъ членовъ правленія.

Между тѣмъ шпіоны уже успѣли о моемъ присутствіи извѣстить, кого слѣдуетъ. Только что я перешелъ къ очереднымъ дѣламъ, какъ мнѣ сообщили, что всѣ выходы со двора Регистраціи занимаются полиціей, что въ прилежащихъ улицахъ прячутся въ засадѣ кучки полицейскихъ. Очевидно меня собирались взять по окончаніи собранія, когда будемъ расходиться.

Тѣмъ временемъ я, не закрывая собранія и ничѣмъ не нарушая его хода, подъ предлогомъ усталости передалъ предсѣдательство только что выбранному товарищу предсѣдателя. Пока продолжалось собраніе, я переодѣлся въ сосѣдней комнатѣ и черезъ окно очутился въ саду. Полиція заняла всѣ выходы изъ нашего обширнаго двора, но она заняла только оффиціальные выходы. Не могла она знать, что есть еще одинъ, неоффиціальный. Это было просто на просто высокое дерево у стѣны, взобравшись на которое, можно было перебраться на стѣну, а оттуда въ садъ сосѣдняго двора и затѣмъ на улицу. Я безпрепятственно вышелъ этой дверью. Собраніе закончилось безъ меня, и полиція ушла съ пустыми руками.

Написавши морякамъ прощальное письмо, съ выясненіемъ при-

чинъ отъѣзда, я перебрался въ Кіевъ и, перемѣнивъ фамилію, предался тамъ мирному отдохновенію.

Эта попытка выудить меня была единственнымъ случаемъ безпокойства Регистраціи полиціей. Все остальное время и до, и послѣ нея, моряковъ оставляли въ покоѣ. Кругомъ, во всѣхъ союзахъ, въ это время производились обыски и аресты, устраивались придирки, не разрѣшались общія собранія и т. д. и т. д. Нѣсколько брошюръ или прокламацій, найденныя въ помѣщеніи союза, вызывали неизбѣжное закрытіе его. Словомъ, кругомъ хозяйничала полиція, но къ намъ она не показывала носу. И это было понятно: шевелить такое осиное гнѣздо безъ крайней необходимости было опасно и непріятно—мы такъ и знали, что полиція сдѣлаетъ къ намъ визитъ лишь при закрытіи Регистраціи, и потому дѣйствовали съ увѣренностью, что травить Регистрацію нельзя: ее надо сломить или не трогать.

XV.

Заговоръ противъ Регистраціи.—Петербургское совѣщаніе.—Закрытіе Регистраціи.

Итакъ, я уѣхалъ. Регистрація, освобожденная отъ предсѣдательскихъ помочей, пошла впередъ увѣреннымъ, твердымъ шагомъ. Правленіе дѣятельно поддерживало сношенія со мною, освѣдомляя меня обо всемъ творящемся. Одинъ разъ даже отправило одного изъ товарищей посовѣтоваться со мной по какому то серьезному вопросу. Я, съ своей стороны, держалъ себя, такъ сказать, подъ парами, чтобы во всякую минуту явиться въ Регистрацію въ случаѣ неожиданнаго кризиса. Но это оказалось излишнимъ—Регистрація великолѣпно справлялась и безъ меня, и ея различные органы функціонировали гораздо успѣшнѣе, чѣмъ я даже ожидалъ. Прошелъ мѣсяцъ. Тѣмъ временемъ противъ Регистраціи собиралась гроза. Враждебныя силы стали готовиться къ рѣшительной схваткѣ съ нею.

Центромъ заговора противъ Регистраціи стала главная контора Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ Одессѣ. Тамъ въ тиши инспекторскаго кабинета былъ разработанъ обстоятельный планъ военныхъ дѣйствій; и нужно отдать справедливость его вдохновителямъ, планъ былъ недуренъ. Сводился онъ къ слѣдующему. Такъ какъ закрытіе властями Регистраціи неминуемо вызвало бы остановку пароходнаго движенія и работъ въ порту, то вся задача заключалась въ томъ, чтобы эту забастовку съ первыхъ же шаговъ обезсилить и разстроить. Поэтому сначала нужно было организовать кадры, готовыя замѣнить моряковъ и поддержать пароходное движеніе. Работу эту взялъ на себя Союзъ русскаго народа. На Днѣпрѣ онъ заранѣе подобралъ нѣкоторое количество

пароходныхъ служащихъ, готовыхъ явиться на службу по приказу. Въ самой Одессѣ онъ предоставилъ своихъ членовъ для выполненія всякихъ работъ во время забастовки и свои дружины для охраны пароходовъ и штрейкбрехеровъ. Затѣмъ была выработана техника закрытія Регистраціи. Въ одинъ прекрасный день на всѣхъ пароходахъ, гдѣ бы они ни находились, капитанами должна была быть прочитана командамъ «прокламація» конторы Русскаго Общества о закрытіи Регистраціи и объ измѣненіи условій службы. Здѣсь-же отъ командъ должна была быть отобрана подписка о согласіи на новыя условія. Нежелавшіе подлежали немедленному разсчету. Затѣмъ, по прибытіи въ одесскій портъ, предполагалось изолировать команду отъ береговыхъ моряковъ съ помощью военной силы. Былъ намѣченъ еще цѣлый рядъ мѣръ, но это были главнѣйшія. Былъ выработанъ и самый текстъ прокламаціи.

На бѣду планъ этотъ сталъ извѣстенъ правленію Регистраціи гораздо раньше, чѣмъ предполагалось. Документы были выкрадены и доставлены правленію. Пока послѣднее обдумывало, какъ быть, предсѣдатель Союза русскаго народа, гр. Коновницынъ, помѣстилъ въ Кишиневской газетѣ «Другъ» телеграмму съ предложеніемъ безработнымъ рабочимъ и крестьянамъ поступать черезъ его посредство на пароходы Русскаго Общества. Очевидно, подготовка кадровъ штрейкбрехеровъ шла недостаточно успѣшно, и онъ хотѣлъ ускорить дѣло. Это была съ его стороны медвѣжья услуга. Телеграмма немедленно попала въ руки правленія, и съ нею члены его отправились въ контору Русскаго Общества и потребовали объясненій. Тамъ стали увѣрять, что Русское Общество не при чемъ. Въ контору былъ вызванъ графъ Коновницынъ, который находился на службѣ въ Русскомъ Обществѣ, (онъ завѣдывалъ прачешной), и отъ него, по требованію членовъ Регистраціи, была отобрана подписка въ томъ, что телеграмма въ «Другѣ» была его личной затѣей, сдѣланной безъ вѣдома дирекціи. Тотъ принужденъ былъ дать подписку. Правленіе Регистраціи удалилось, заявивъ, что особеннаго значенія этой роспискѣ оно не придаетъ, ибо у него въ рукахъ имѣются документы, доказывающіе причастность дирекціи къ предпріятію Коновницына. Это было для дирекціи Русскаго Общества ударомъ грома среди яснаго дня. Дирекція совершенно растерялась отъ неожиданности, такъ какъ была увѣрена, что планы заговорщиковъ неизвѣстны Регистраціи. Этимъ слишкомъ раннимъ раскрытіемъ плановъ и объясняется, какъ я думаю, что закрытіе Регистраціи произошло лишь черезъ мѣсяцъ съ лишнимъ.

Тѣмъ временемъ, къ началу октября, въ Регистрацію пришло предложеніе прислать своихъ представителей въ особое совѣщаніе при министерствѣ торговли и промышленности, каковому совѣщанію поручено было выработать проектъ регистраціонныхъ морскихъ конторъ для представленія его въ Государственную Думу

на утвержденіе. Эта то коммиссія и пригласила представителей отъ всѣхъ морскихъ организацій, какъ судовыхъ командъ, такъ и судового начальства. Регистрація назначила двухъ уполномоченныхъ, въ томъ числѣ и меня.

Въ совѣщаніи я и мой товарищъ оказались единственными делегатами отъ судовыхъ командъ. Всѣ остальныя моря прислали только представителей отъ судового начальства. Мы успѣли, однако, сплотить около себя демократически настроенныхъ представителей судовой администраціи Чернаго и Каспійскаго морей и принялись воевать. Составъ коммиссіи былъ довольно пестрый: чиновники министерства, бывшіе морскіе генералы, представители крупныхъ пароходныхъ обществъ, разные тайные совѣтники, посвятившіе себя изученію морского дѣла и, наконецъ, представители отъ профессіональныхъ организацій. Все это сошлось въ залахъ министерства торговли и промышленности.

Пока мы тамъ отстаивали интересы судовыхъ командъ противъ просвѣщенныхъ тайныхъ совѣтниковъ и надменно невѣжественныхъ нѣмцевъ-шкиперовъ съ Балтійскаго моря, въ Одессѣ, наконецъ, рѣшились закрыть Регистрацію. Въ тотъ же день вспыхнула забастовка. Мы немедленно покинули совѣщаніе, заявивъ, что правительство одной рукой приглашаетъ моряковъ совѣщаться о регистраціонныхъ конторахъ, а другой закрываетъ уже существующія, и что при такой политикѣ представителямъ моряковъ не мѣсто на совѣщаніи.

Затѣмъ мы сѣли въ поѣздъ и разными путями направились въ Одессу. Насъ ждали и моряки, и полиція. Товарищъ мой проскользнулъ въ городъ, меня же взяли на вокзалѣ портовые жандармы, спеціально дежурившіе тамъ и знавшіе меня въ лицо. Затѣмъ ворота тюрьмы закрылись за мной почти на годъ.

XVI.

Зимняя забастовка и разгромъ моряковъ.

Когда въ Петербургѣ я получилъ извѣстіе о закрытіи Регистраціи и началѣ забастовки, для меня не было никакихъ сомнѣній ни относительно результата этой борьбы, ни относительно тѣхъ формъ, въ какія она выльется. Совершенно ясно было, что Регистрацію прикончатъ, чего бы это ни стоило. Съ другой стороны, было не менѣе ясно, что моряки, натолкнувшись въ своей борьбѣ на всяческіе виды насилія и убѣдившись въ безнадежности при данныхъ условіяхъ массовой борьбы, кинутся въ крайности со всей своей страстью. Такъ и случилось. Эта зимняя забастовка превратилась въ трагическую борьбу на смерть между всѣми силами, пущенными въ ходъ противъ Регистраціи, и кучкой моря-

ковъ, которые шли на все, лишь бы нанести наибольшій вредъ врагамъ.

Остановить пароходное движеніе забастовщикамъ не удалось. Ноябрь мѣсяцъ—время, когда навигація сокращена до минимума, и большинство моряковъ находится на берегу безъ работы. Объявленіе забастовки лишь присоединило остальныхъ къ этой безработной массѣ. Забастовавшіе тотчасъ были замѣщены кадрами союзниковъ. Союзъ русскаго народа поставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою охрану въ порту и на пароходы. Союзники, въ томъ числѣ даже гимназисты и студенты, замѣщали и портовыхъ грузчиковъ, забастовавшихъ изъ солидарности съ моряками. Военныя власти наводнили портъ войсками и совершенно отрѣзали пароходы отъ сообщенія съ берегомъ. Движеніе пароходовъ такимъ образомъ не пріостановилось, и всѣ моряки представляли въ сущности не массу бастующихъ, а массу безработныхъ на берегу. Совершенно естественно, что въ этой массѣ выросла рѣшимость помѣшать движенію другими средствами, если прекращеніе работъ не привело къ цѣли. Стали взрывать пароходы, жечь ихъ, сажать на мель, на камни. Въ самомъ порту производились ночныя вооруженныя нападенія на пароходы, охраняемые союзниками.

Моряки готовы были на все, жертвовали даже жизнью, лишь бы вышедшій изъ Одессы пароходъ не совершилъ своего плаванія благополучно. Одно время казалось, что эта безумная по дерзости задача будетъ выполнена. Не проходило дня, что бы тотъ или другой пароходъ не былъ выведенъ изъ строя. Казалось, обѣ стороны рѣшили скорѣе довести флотъ до уничтоженія, чѣмъ уступить. Если бы хватило силъ, то дѣло, пожалуй, тѣмъ бы и кончилось. Это не была борьба рабочихъ съ работодателями, а смертельная битва реакціонныхъ силъ съ революціонной, по самой сути своей пролетарской организаціей.

Но силы были слишкомъ не равны. Еще были увеличены патрули, еще усилена охрана, и дальнѣйшая борьба стала невозможной. На ряду съ этимъ шли массовые аресты и высылки моряковъ. Масса лишилась наиболѣе активныхъ своихъ людей. Мимо моего окна въ одесской тюрьмѣ прошли сотни моряковъ, безпощадно высылаемыхъ во всѣ концы Россіи.

Средства кассы истощились; голодъ и холодъ, а затѣмъ раздоры въ стачечномъ комитетѣ докончили дѣло. Моряки были разбиты послѣ почти мѣсячной борьбы... Регистрація была сломлена.

Теперь началась расправа съ побѣжденными. Всѣ, желавшіе поступить обратно, должны были обращаться въ контору Русскаго Общества. Тамъ были составлены проскрипціонные списки, и всякій, кто хоть чѣмъ нибудь вызвалъ неудовольствіе начальства при Регистраціи, безжалостно отвергался. Принимаемыхъ записывали, не спрашивая ихъ согласія, въ Союзъ русскаго народа. Малѣйшій протестъ противъ этого вызывалъ немедленное изгнаніе

навсегда. На пароходахъ введена была чуть не военная дисциплина. Союзники, оставшіеся на службѣ на всѣхъ пароходахъ, всякую минуту были готовы револьверами и резинами поддержать эту дисциплину. Они же взяли подъ свой надзоръ и тѣхъ изъ судового начальства, кто недостаточно энергично нажималъ на команды. Это была вооруженная диктатура Союза русскаго народа на пароходахъ, неоффиціальное военное положеніе.

Но и съ разбитыми, упавшими духомъ моряками приходилось быть осторожными. До сихъ поръ въ своей борьбѣ они не трогали лицъ. Теперь же капитаны двухъ пароходовъ были убиты. Въ послѣдовавшей затѣмъ перестрѣлкѣ съ полиціей погибли и тѣ, кто ихъ убилъ. Это было грозное предостереженіе. Зарвавшіеся побѣдители почувствовали, что всему есть предѣлъ. Какъ это ни странно, но эти два выстрѣла улучшили взаимоотношенія. Въ настроеніи побѣдителей произошелъ переломъ, и съ этого момента жизнь на пароходахъ стала настраиваться на болѣе мирный ладъ.

Мало-по-малу старыя команды стали возвращаться на пароходы. Потихоньку и исподволь черносотенцы вытѣснялись бывшими регистраціоными моряками. Записанные въ Союзъ русскаго народа оставались тамъ, ибо выходъ попрежнему вызывалъ увольненіе. Но наемъ пересталъ производиться въ конторѣ, а по старому перешелъ въ руки судовой администраціи. Послѣдняя мало-по-малу перестала требовать записи въ союзники. По веснѣ, когда началась навигація и появилась настоятельная потребность въ старыхъ испытанныхъ командахъ, судовая администрація въ большинствѣ стала сама подъ всякими предлогами избавляться отъ служащихъ-союзниковъ и замѣнять ихъ старыми опытными регистраціонными моряками. Мало-по-малу все вернулось въ прежній, до-революціонный видъ и лишь кое-гдѣ задержался одинъ другой союзникъ, ассимилировавшійся съ моряками и утратившій все союзническое, кромѣ имени. Послѣдніе всплески волнъ пронесшейся бури утихли совершенно.

Такъ возникла, жила, боролась и пала «Регистрація моряковъ черноморскаго торговаго флота».

. . . .

Прошелъ годъ со дня открытія Регистраціи и мнѣ еще разъ довелось повидать моряковъ. Меня отправили по этапу моремъ изъ Одессы въ другую тюрьму.

Скованныхъ попарно ручными кандалами, насъ привелъ конвой на пароходъ и размѣстилъ на нарахъ въ арестантскомъ помѣщеніи подъ палубой. По старому раздалась команда, прогудѣлъ гудокъ и, чуть покачиваясь, пароходъ отвалилъ отъ пристани. Прохо-

дившій мимо помощникъ капитана узналъ меня, и скоро всю команду облетѣла вѣсть, что меня перевозятъ.

Одинъ за другимъ моряки столпились у дверей нашего помѣщенія. Молча приходили они, кланялись мнѣ и оставались стоять. Все знакомыя, близкія фигуры и лица.

Молча столпились и смотрятъ...

И среди этого молчанія вдругъ раздался голосъ:

— Эхъ! Товарищъ дорогой!

Крикнувшій это бросился мимо часового и остановился около меня съ глазами, полными слезъ...

— Ну, что же у васъ хорошаго?—спросилъ я, наконецъ.

— Да что, батько...—Вы—въ тюрьмѣ, а мы—въ истинно-русскомъ союзѣ...

Плескались волны о бортъ, глухо стучала въ глубинѣ машина и, ритмично покачиваясь, все дальше и дальше уносилъ насъ пароходъ.

— Не кручиньтесь, товарищи!—сказалъ я столпившимся морякамъ:—придетъ опять наше время...

— Выбирайтесь только вы, товарищъ, на волю, а наше отъ насъ не уйдетъ...—отвѣтили они мнѣ.

. . . .

И вотъ я снова на волѣ. И вѣрю: «наше отъ насъ не уйдетъ»...

К. Арлъ.

Разсказы Барнаво.

Пьера Милля.

Пер. съ французскаго Ѳ. М. Г.

I.

Мари-Свинчатка.

Не знаю, было ли у нея когда нибудь имя, какъ у всѣхъ бываетъ, фамилія, которая принадлежала, не скажу, ея отцу, а хотя бы ея матери; профессія же ея была изъ тѣхъ, которыя не одобряются моралью. Чтобы добиться ея согласія поставщику, который привезъ ее въ Африку, пришлось увѣрить ее, что она поѣдетъ немножко дальше Марсели: надо будетъ проѣхать маленькій проливъ по спокойному морю, и черезъ нѣсколько часовъ она окажется въ странѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ Франціи, только мужчины гораздо щедрѣе.

И въ теченіе долгихъ, долгихъ дней съ площадки второго класса на безграничномъ океанѣ искала она глазами дома, кафе, большіе бульвары Порта-Ферри, куда ее отправили въ обществѣ рыхлой блондинки Пазифаи и Карменъ-Румынки.

Черезъ три недѣли большой пароходъ бросилъ якорь у устья рѣки, тяжело катившей свои желтыя воды среди низкихъ береговъ. Самый свѣтъ солнца, казалось, пронизанъ былъ вѣчной сыростью, и первое, что она замѣтила, сходя на берегъ, были воткнутые въ грязь кресты. Таковъ былъ Портъ-Ферри, исходная точка новаго территоріальнаго пріобрѣтенія, центръ будущей колоніи, гдѣ побѣдители жили въ деревянныхъ и соломенныхъ хижинахъ, чуть не плавая въ грязи. Но пятьсотъ человѣкъ, одѣтыхъ въ бѣлое и хаки, привѣтствовали Мари, Пазифаю, Карменъ-Румынку, пароходъ, Францію и торговца женщинами, доставившаго имъ любовь. Карменъ-Румынка и Пазифая плакали.

— Мы здѣсь умремъ,—говорили онѣ,—непремѣнно умремъ!

Онѣ осматривали домъ, въ которомъ имъ предстояло жить и продавать наслажденія, бамбуковыя стѣны, покрытыя старыми иллюстрированными афишами, иронически напоминавшими о Парижѣ. Жуткая темнота, притаившаяся въ углахъ лишеннаго оконъ жилища, спускалась на ужасныя постели, какъ черное покрывало на гробъ, между тѣмъ, какъ въ открытую дверь уже входили болѣе смѣлые изъ мужчинъ, изъ которыхъ никто не могъ встрѣтить отказа.

— Мы умремъ здѣсь, умремъ!

Мари смотрѣла на нихъ съ удивленіемъ, не понимая причины ихъ ужаса и слезъ. Большое несчастье сознавать свою участь, когда она неизбѣжна. Ея безпечность избавляла ее отъ страха, который испытывали ея подруги. Въ самомъ Парижѣ она пережила болѣе ужасныя вещи, спала въ еще худшихъ конурахъ, рисковала получить ударъ ножемъ, узнала жестокость мужчинъ: она дала себѣ клятву жить.

И вотъ почему, послѣ того, какъ она три мѣсяца спустя проводила на кладбище съ воткнутыми въ грязь крестами бѣлокурую Пазифаю и Карменъ-Румынку, она осталась безъ страха за себя, спокойная, и какъ будто гордясь своего рода побѣдой.

Ей казалось, что ея смуглая кожа и неизмѣнно здоровое тѣло могутъ все перенести. Къ тому же она осталась царицей этихъ мѣстъ! Это была царица, отдававшаяся всѣмъ, потому что это былъ ея долгъ. Она была глубоко убѣждена, вслѣдствіе извращенія нравственныхъ понятій, создающаго особый мозгъ и особую душу у представительницъ ея касты, что это — ея долгъ! Добрая, ласковая, примиряющая, она царствовала, такъ какъ была здѣсь единственной бѣлой женщиной и не сознавала своего позора, о которомъ всѣ, въ концѣ концовъ, забыли. И когда Барнаво, рядовой колоніальной пѣхоты, состоявшій уже второй разъ на службѣ, изобрѣтатель словечекъ, дѣлатель мѣстныхъ знаменитостей, какъ Варвикъ былъ „дѣлателемъ королей",—когда Барнаво окрестилъ ее Мари-Свинчаткой, она приняла это имя, какъ дань уваженія, и гордилась имъ такъ же, какъ нѣкогда султанъ Магометъ гордился титуломъ „Завоеватель". Говорю вамъ, она царствовала и никогда не знала соперницъ! Одни батальоны приходили на мѣсто другихъ, новые начальники смѣняли старыхъ, на ея глазахъ выросъ Портъ-Ферри, была построена набережная, былъ заложенъ фундаментъ первыхъ домовъ изъ кирпича, засверкали первыя крыши изъ волнистой жести,—признакъ роскоши, символъ упроченія африканскихъ владѣній. Она одна вспоминала еще героическія време на

хранила воспоминаніе о черныхъ дняхъ, когда лихорадка уложила столькихъ людей, которымъ уже больше не суждено встать.

Случилось разъ, что лѣто было гораздо дождливѣе обыкновеннаго. Вмѣсто внезапныхъ ураганов, сразу проливавшихъ на землю потоки воды, которую солнце тотчасъ высушивало,—дождь тяжелый, сѣрый, какъ въ Европѣ, сѣялъ по цѣлымъ недѣлямъ, пропитывалъ солому хижинъ, наполнялъ давно пересохшія русла притоковъ и вздувалъ рѣку, ставшую широкой, какъ озеро. Травы росли съ бѣшенной быстротой; по временамъ изъ глубины чащи кустарниковъ слышенъ былъ сильный и глухой шумъ паденія, отъ котораго звенѣла земля: это дерево, державшееся лишь корой, рушилось подъ тяжестью своихъ мокрыхъ листьевъ и одѣвавшаго его мха, пропитаннаго теперь, какъ губка, водой; и мухи милліардами носились надъ гнилью. Мари пошла поговорить съ врачемъ.

— Я ужъ это видѣла одинъ разъ. Это плохой знакъ... Бѣдные наши ребята!

Она привыкла говорить „наши ребята“, говоря о солдатахъ. Врачъ нахмурилъ брови. Онъ тоже слишкомъ хорошо зналъ, что должно произойти. У перваго же изъ паціентовъ, явившагося съ жалобой на сильную головную боль, онъ, не говоря ни слова, осмотрѣлъ зрачки и приказалъ немедленно уложить его въ постель. Вечеромъ Мари-Свинчатка сказала ему:

— У него были очень блестящіе глаза, правда? А теперь у него кровь идетъ носомъ? Это желтая лихорадка?

— Да,—грустно отвѣтилъ врачъ.

Мари повторяла:

— Бѣдные ребята! Что-жъ намъ дѣлать?

— Ничего нельзя сдѣлать,—отвѣтилъ врачъ,—надо ихъ растирать лимономъ, впрыскивать имъ хининъ и усыплять ихъ опіумомъ, чтобы помочь перенести ознобъ. Это все, что до сихъ поръ было найдено, и это немногаго стоитъ. Но, главное, нужно было бы тѣхъ, у которыхъ еще ничего нѣтъ, охранять отъ москитовъ. Эти дрянныя насѣкомыя, которыя теперь вмѣстѣ съ дождемъ появились, точно изъ-подъ земли, и переносятъ это въ кожу. Всякій укушенный ими обреченъ на смерть. И сказать только, что вотъ уже шесть лѣтъ мы просимъ у министерства металлическихъ сѣтокъ для казармы! Онѣ придутъ, когда будетъ уже слишкомъ поздно. Знаете что, Мари? Вы сдѣлайте себѣ сѣтку отъ москитовъ и завѣшивайте окна вашими кисейными платьями, если у васъ нѣтъ ничего другого.

— О, я...—сказала Мари.

И ничего больше не прибавила. Но на слѣдующій день она принесла врачу пять сѣтокъ отъ москитовъ. Это было исходнымъ пунктомъ великой борьбы. Скупили .у торговцевъ кисею, и Марія стала во главѣ большой мастерской, сама размѣщала повсюду хрупкія преграды, задерживавшія бѣшенство незамѣтныхъ насѣкомыхъ. И когда, съ наступленіемъ вечера, они наполняли воздухъ своимъ невыносимымъ тонкимъ пѣніемъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ звукъ трубы непріятеля въ осажденномъ городѣ, Мари ходила осматривать свои укрѣпленія. Ахъ, было бы слишкомъ лицемѣрно, слишкомъ глупо скрывать: къ ней продолжали ходить и за другимъ. Вы думаете, много такихъ мужчинъ, которые въ ожиданіи холодной смерти, зная, что противъ нея безсильны энергія мускуловъ и напряженная сила организма, имѣютъ мужество переживать свой ужасъ въ одиночествѣ, не вѣшаясь, какъ малые ребята, на шею женщинѣ? И не мало такихъ объятыхъ ужасомъ любовниковъ проводила Мари-Свинчатка къ ихъ послѣднему одинокому ложу, въ досчатый, уже похожій на гробъ, баракъ, въ которомъ врачъ помогалъ имъ умирать своимъ смѣхотворнымъ опіумомъ и совершенно безполезнымъ хининомъ. А изъ тѣхъ, которые благодаря случаю воскресали, не было ни одного, который не видѣлъ бы этого милаго женскаго лица, склоненнаго надъ его изголовьемъ.

Дожди прекратились. Сухое время года вернулось вмѣстѣ съ морскимъ вѣтромъ, грязь на кладбищѣ не тревожили больше, и изъ Франціи прибылъ генералъ-инспекторъ, чтобы ободрить людей, принять мѣры, которыя всегда принимаются слишкомъ поздно, и, по крайней мѣрѣ, превознести живыхъ за то, что они уцѣлѣли, такъ какъ никто ужъ ничего не могъ сдѣлать для мертвыхъ. И они проходили, эти живые, съ тѣми изъ начальниковъ, которые остались въ живыхъ, со своимъ ярко вычищеннымъ оружіемъ, со своими дребезжащими желѣзными повозками, которыя они теперь сами возили, потому что за лошадьми некому было ходить и лошади тоже гибли. А позади этого опустошеннаго смущеннаго отряда, упираясь, говоря, что „не знаетъ, чего отъ нея хотятъ“, увлекаемая врачемъ, продефилировала въ свою очередь и Мари-Свинчатка.

— Наша сестра милосердія,—сказалъ врачъ.

Генералъ зналъ. Онъ привѣтствовалъ Мари-Свинчатку, привѣтствовалъ отъ всего сердца, передъ всѣми солдатами, передъ офицерами, передъ знаменемъ.

— Вамъ нельзя дать ордена, сударыня, но... вы позволите мнѣ поцѣловать васъ?

Никогда за всю ея жизнь съ Мари-Свинчаткой не слу-

чалось, чтобъ ее спрашивали объ этомъ. „Вы позволите"? Она заплакала.

Подъ вечеръ она сидѣла на порогѣ своего дома. Черезъ полуоткрытую дверь видна была низкая кровать, закрытая красной матеріей, такая кровать, какія, навѣрное, были нѣкогда въ римскомъ Субуррѣ, какія до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ подозрительныхъ кварталахъ въ Марсели и Тулонѣ. Но сердце Мари было полно невыразимой радости и въ то же время ей почти хотѣлось умереть, такъ какъ она знала, что въ ея жизни уже не будетъ ничего столь же важнаго и хорошаго, какъ то, что она испытала въ этотъ день. Въ этотъ же моментъ она услышала дребезжаніе лефевровскихъ повозокъ. Онѣ катились по твердой дорогѣ на своихъ огромныхъ легкихъ колесахъ, она ихъ хорошо знала, но теперь онѣ были обращены въ корзины для цвѣтовъ: пышные красные гибиски, цвѣта рѣзкаго, какъ трубный звукъ, лиловые цвѣты гигантскихъ шиповниковъ и все золото мимозъ. Спѣша, тѣснясь въ безпорядкѣ, благоухая, катились онѣ, докатились до нея, подталкиваемыя всѣмъ гарнизономъ, и гарнизонъ закричалъ:

— Вотъ цвѣты, цвѣты, цвѣты! Мари-Свинчатка, эти цвѣты для тебя!

И Барнаво, рядовой морской инфантеріи, который прошелъ мимо нея со своими славными свѣтлыми глазами, сверкавшими изъ-подъ его каски по обѣ стороны тонкаго носа, бросилъ ей въ подолъ серебрянную монету.

— Вотъ тебѣ піастръ, Мари-Свинчатка, піастръ!—Она посмотрѣла на монету, какъ будто пробудившись отъ сна.

— Ахъ! Въ самомъ дѣлѣ... Да, правда. Ну, что жъ! входи, Барнаво!

Но Барнаво отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не сегодня. Сегодня отдыхъ, праздникъ для всѣхъ. Распоряженіе высшаго начальства. А ты теперь—членъ гарнизона.

Она подняла глаза, не понимая, а остальные, въ свою очередь, всѣ триста человѣкъ, оставшихся въ живыхъ, бросали къ ея ногамъ по блестящей монетѣ и проходили, отдавая ей честь.

— По домамъ, смирно!

Долго сидѣла Мари-Свинчатка, растерявшись, передъ своимъ сокровищемъ, и разбросанныя монеты почти пугали ее. Ей казалось, что эти деньги не могли принадлежать ей, потому что онѣ были изъ чистаго источника, а такимъ путемъ она никогда ихъ не зарабатывала. Наконецъ, дрожавшими пальцами она собрала ихъ и положила въ сакъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда она пришла къ генералу

— Я не могу эти деньги оставить себѣ,—сказала она. Генералъ молча смотрѣлъ на нее.—Я не могу положить эти деньги вмѣстѣ съ другими. Довольно ли кроватей въ госпиталѣ, который строится?

Вотъ почему въ госпиталѣ Порта Ферри существуетъ кровать съ надписью на бѣлой табличкѣ:

№ 1. *Пожертвованіе Мари-Свинчатки.*

Теперь я хочу разсказать, какъ Мари-Свинчатка любила и какъ умерла. Я не хочу этимъ сказать, что она умерла отъ любви. Совершенно вѣрно, что иногда умираютъ отъ любви, не только въ книгахъ, но я не хочу говорить ничего въ чемъ бы я не былъ вполнѣ увѣренъ, а если великая страсть, которую Мари-Свинчатка молча питала въ своемъ сердцѣ къ доктору Рожэ, и была сколько-нибудь замѣшана въ ея смерти, то Мари никогда никому въ этомъ не признавалась: это—тайна, которую она унесла съ собой. Женщина всегда сохраняетъ стыдъ. У Мари не могло быть стыда тѣла; ей запрещала это ея профессія. У нея былъ стыдъ большого чистаго чувства, которымъ полна была ея душа.

Сначала это зародилось въ ней потому, что благодаря доктору къ ней пришла слава. Она не могла забыть дня, когда генералъ привѣтствовалъ ее передъ знаменемъ и поцѣловалъ, какъ даму, дня, когда солдаты принесли ей цвѣты, она не могла забыть и болѣе продолжительныхъ и еще болѣе дорогихъ дней эпидеміи, когда у нея было другое дѣло, кромѣ однообразной и печальной профессіи любви. Это докторъ взялъ ее подъ руку и сказалъ передъ всѣми: „Наша сестра милосердія!“ Съ нимъ она работала и рисковала жизнью, когда умирали люди. Въ глубинѣ души она отдала ему свое сердце, окружила его культомъ робкаго, безмолвнаго обожанія.

Все, что она когда-либо осмѣливалась просить у него, было его фотографія и фотографія маленькой дочери, которая была у него во Франціи, ибо онъ былъ женатъ. Онъ уступилъ ея желанію изъ снисхожденія, взявъ съ нея лишь обѣщаніе не показывать никому этихъ портретовъ. Мари сдержала слово, по подолгу разсматривала снимки, когда была одна, какъ необыкновенныя вещи, которымъ цѣны нѣтъ. Мысль о томъ, что врачъ имѣлъ ребенка, доставляла ей одновременно и удовольствіе, и огорченіе. Но ея разсудительный умъ былъ способенъ лишь къ правильнымъ сужденіямъ. Она упрекала себя за мечты о томъ, что выше ея положенія.

Только дѣти негровъ скоро замѣтили, что могутъ все получить у нея. Маленькія дѣвочки приносили ей своихъ

куколъ, изъ которыхъ у нѣкоторыхъ были ожерелья изъ стеклянныхъ бусъ, изъ настоящаго стекла, безцѣнныя украшенія и прически, какъ у настоящихъ туземныхъ дамъ, т. е. длинное руно, свернутое утинымъ хвостомъ и ниспадавшее на спину. Онѣ цѣлые дни проводили у ея хижины, забавляясь своими *кепе-суку*: два стручка колоквинты съ камешками внутри, образующіе погремушку. Онѣ осыпали другъ друга сѣрой пылью, чтобы сдѣлаться „какъ бѣлые", а Мари мыла ихъ, давая имъ предварительно сахару. Родители, наконецъ, стали смотрѣть на нее, какъ на своего рода добрую и очень могущественную колдунью. Почести, оказанныя Мари-Свинчаткѣ послѣ эпидеміи, не укрылись отъ ихъ вниманія. Изъ этого они заключили, что она прогнала болѣзнь волшебными заклинаніями. Иногда она заходила къ негритянкамъ, мучившимся въ родахъ. Она ничего не дѣлала, но стояла, задумавшись, когда онѣ протяжно кричали, или присаживалась на корточки на связку соломы, и у нихъ укоренилось вѣрованіе, что въ ея присутствіи было что-то спасительное, что защищало отъ злыхъ духовъ.

Время шло. Мари-Свинчатка съ нѣкоторымъ удивленіемъ стала замѣчать, что ея силы здоровой женщины, которыми она такъ гордилась, покидаютъ ее. По временамъ выступалъ на ея щекахъ внезапный румянецъ, ей казалось, что она падаетъ въ обморокъ. У ея висковъ, глазъ, ушей кожа приняла восковой оттѣнокъ. Она узнала и другія боли, и лихорадка стала ежедневно посѣщать ее.

Доктора называютъ болѣзнь тропической анеміей. Это ченое названіе, которое немного значитъ, кромѣ того, что отъ нея надо умереть. И, дѣйствительно, кончаютъ тѣмъ что умираютъ, ни о чемъ не жалѣя, какъ бы засыпая, кончаютъ тѣмъ, что уже не боятся смерти, потому что это становится гораздо легче, удобнѣе, лучше, чѣмъ двигаться. Какъ бы ни былъ молодъ больной, онъ думаетъ, какъ спокойный меланхоликъ, какъ глубокій старикъ, и таетъ совершенно незамѣтно. Вотъ что такое тропическая анемія. Такъ таяла и Мари-Свинчатка.

Она умирала, не испытавъ больше ни одной минуты душевнаго мира послѣ своего великаго счастья. Все вокругъ нея измѣнилось, она ничего больше не узнавала. Городъ выросъ. Теперь здѣсь были богатые дома съ подъѣздами и верандами, и военные незамѣтно уступали мѣсто штатскимъ, что наполняло ее изумленіемъ: штатскіе пріѣзжали съ женами, которыя отворачивали глаза, когда она проходила мимо. Здѣсь былъ дворецъ правительства, каменная церковь, въ которой кюрэ былъ отецъ Феликсъ, бывшій унтеръ-

офицеръ зуавовъ; былъ выстроенъ госпиталь. Ее пригласили на освященіе, показали кровать, которую она учредила, въ ея присутствіи упомянули въ рѣчи ея имя, но съ деликатной сдержанностью: вѣдь городъ измѣнился, вѣдь теперь здѣсь были порядочныя женщины... Вотъ что не трогало Мари-Свинчатки, такъ это порядочныя женщины; но что пронзило ей сердце, такъ это, когда она увидѣла у кровати, носившей ея имя, настоящихъ сестеръ милосердія... Ея героическая роль была кончена, впредь она будетъ лишь дѣвкой, Мари-Свинчаткой. Эти мысли не возникали у нея съ такой точностью, но душа ея невыразимо волновались, ослабѣвшее тѣло испытывало безконечную тягость.

Она имѣла, однако, счастье испустить духъ безъ большихъ страданій въ послѣдній день поста рамадана подъ вечеръ, котораго съ нетерпѣніемъ ждали обращенные въ исламъ туземцы. Солнце, наконецъ, закатилось за горизонтъ, оставивъ на западной сторонѣ неба пламенное сіяніе, точно только что лопнувшій снарядъ. И еще трепетало это сіяніе, когда на западѣ показался полумѣсяцъ. На нѣжно-голубоватомъ небосклонѣ онъ казался едва видной бѣлой полоской, чѣмъ-то вродѣ царапины ногтемъ на мраморномъ столѣ.

При видѣ мѣсяца изъ всѣхъ глиняныхъ стѣнъ чернаго города, изъ всѣхъ улицъ поднялся громкій крикъ восторга, кличъ, привѣтствовавшій возвращеніе свѣтила, начало ночного празднества. Изъ сѣрыхъ жилищъ вышли наряженныя для танца жрицы сладострастныхъ обрядовъ этой ночи, туземныя женщины, сестры по профессіи Мари-Свинчатки. Онѣ собирались толпами, на ихъ тонкихъ ногахъ звенѣли мѣдныя кольца. На лицѣ Мари мелькнула тѣнь послѣдней улыбки при мысли, что ей, по крайней мѣрѣ, предстоитъ отдыхъ, вѣчный отдыхъ, и она тихо скончалась нѣсколько часовъ спустя.

Она не пожелала принять кюрэ Порта-Ферри. Прибытіе сестеръ милосердія сдѣлало ее антиклерикалкой. Она втайнѣ ревновала этихъ торжествующихъ соперницъ, Пречистую Дѣву, явившуюся вмѣстѣ съ ними, и гнѣвъ ея подчасъ прорывался въ выраженіяхъ, которыя лучше не повторять. Она вѣдь не была ни порядочной женщиной, ни изящной салонной дамой: вообразите же, что она могла придумать! Но бывшій унтеръ-офицеръ зуавовъ, который оставилъ военную службу, чтобы сдѣлаться сержантомъ небеснаго воинства, сохранилъ слишкомъ много воспоминаній изъ своей прежней жизни, чтобы сердиться на нее за это. Онъ хотѣлъ, чтобы очищенное смертью тѣло Мари-Свинчатки проникло, наконецъ, за порогъ церкви, и всѣ тѣ, кто зналъ ее раньше,—а вы знаете, съ какой стороны знали ее!—проводили ее до ея послѣдняго ложа,

цѣломудреннаго и страшнаго. Барнаво говорилъ: „Матушка наша! Матушка наша!“ Онъ не забылъ, однако, что она была для него еще кое-чѣмъ: въ глубинѣ души мужчины никогда не забываютъ этого... Да, послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ изъ кліентовъ, Мари, провожали ее, и отецъ Феликсъ не побоялся напомнить объ этомъ. Онъ сказалъ, что у нея были всѣ добродѣтели, за исключеніемъ одной, которую помѣшали ей развить эгоизмъ и чувственность мужчинъ; такъ какъ онъ одинъ не имѣлъ съ ней дѣла, то у него, несомнѣнно было основаніе надѣяться, что его молитва о скорбной душѣ дойдетъ до милосердаго Господа.

Такъ говорилъ отецъ Феликсъ. Онъ былъ, можетъ быть, не очень краснорѣчивъ, но я вамъ передаю его слова, ничего не измѣняя, никакой ложью не желая портить столь простую исторію: къ ней мнѣ стыдно было бы ради искусства примѣшать слова, которыя не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Есть, впрочемъ, еще кое-что, что мнѣ необходимо прибавить, чтобы была извѣстна вся правда, хотя я, право, не знаю, какъ бы мнѣ приличнѣе выразиться.

Черные, видѣвшіе чудеса и чары во всѣхъ существахъ и всѣхъ явленіяхъ, не могли отказаться отъ культа своей доброй колдуньи. Вотъ почему они воздвигли ей памятникъ на свой манеръ, изъ отвердѣвшей грязи съ намазанными известью башенками. А чтобы безошибочно было извѣстно, что здѣсь покоится духъ Мари-Свинчатки, а не кого другого, и что она, несомнѣнно, и отсюда будетъ продолжать совершать чудеса, они помѣстили между башенками ея статую, сдѣланную изъ дерева. Большіе артисты, они не льстили себя надеждой сдѣлать ея изображеніе похожимъ, сдѣлали такъ, чтобы видно было на изваяніи этой голой женщины, что это именно женщина, и чтобы никто не могъ на этотъ счетъ сомнѣваться.

Такъ ихъ благоговѣйными руками была увѣковѣчена память Мари по прозванію Свинчатка, съ ея всѣмъ доступнымъ тѣломъ и ея великимъ сердцемъ.

II.

Правосудіе.

Мой конь споткнулся, уперся передними ногами и покатился по глинистому склону, точно на скэтингъ-ринкѣ. Но онъ сдѣлалъ это не ради удовольствія. Когда онъ наткнулся на камень, его заднія ноги подогнулись, подковы на

всѣхъ четырехъ ногахъ зазвенѣли, ударяясь другъ о дружку, и онъ безшумно рухнулъ на землю. Барнаво, который шелъ впереди, благоразумно держа свою лошадь за узду (у него такія длинныя ноги, что я вынужденъ оставаться въ сѣдлѣ, чтобы поспѣть за нимъ), живо помогъ мнѣ высвободиться. Потомъ онъ поднялъ дрожавшее животное и сказалъ мнѣ тономъ упрека:

— Вы не придержали своего коня. Надо смотрѣть на этихъ дорогахъ. О чемъ вы думаете?

— Ни о чемъ,— отвѣтилъ я.

Онъ пожалъ плечами, проникнутый справедливымъ презрѣніемъ. Не могъ же я ему признаться, что думалъ объ одной страницѣ Рёскина. Онъ не знаетъ этого писателя, и эстетика занимаетъ мало мѣста въ его обычныхъ размышленіяхъ. Рескинъ описываетъ гдѣ-то небольшую просѣку, которую онъ видѣлъ на Юрѣ возлѣ форта Жу: мрачныя ели, гордо высящійся, крутой, патетическій утесъ, одинокій орелъ въ безграничномъ безмолвіи неба. И онъ прибавляетъ: „И вотъ, если бы я не зналъ, что близко отъ меня есть люди, если бы я не зналъ, что въ ста футахъ отъ этого дикаго мѣста пахарь идетъ за своей сохой, неужели, вы думаете, оно бы мнѣ понравилось? Этотъ пейзажъ испугалъ бы меня, я чувствовалъ бы лишь его ужасъ“. Ахъ, какъ правъ маститый англо-саксонскій ясновидецъ!

По тропинкѣ, гдѣ два человѣка не могли бы пройти рядомъ, мы огибали вершину совершенно отвѣсной скалы въ шестьсотъ метровъ высоты, у подошвы которой шумѣлъ невидимый и звонкій потокъ. Мелкая изморозь, отвратительный дождикъ, который моросить всю зиму на сѣверѣ Тонкина, пронизывалъ насъ до костей. Когда временами онъ прекращался на минуту, туманъ оставлялъ еще больше воды на листьяхъ, на землѣ, на бѣдныхъ людяхъ и бѣдныхъ животныхъ, чѣмъ когда дождь падалъ вполнѣ открыто. Однако, изрѣдка, въ короткіе промежутки, внезапный порывъ вѣтра разрывалъ тучу. Тогда открывались смутныя, величественныя, тревожныя очертанія: огромные сталактиты, висѣвшіе надъ нашими головами какъ бы для того, чтобы доказать геологамъ, что эти отвѣсныя скалы были нѣкогда лишь стѣнами гигантскаго грота; что-то въ родѣ вѣерныхъ пальмъ, которыя съ головокружительной высоты, одинокія и прекрасныя, свѣшивались съ маленькаго скалистаго балкона, — точно герань съ окна пятаго этажа въ Парижѣ; и коршуны съ огромными крыльями, неподвижно чернѣвшіе въ мутномъ воздухѣ. Но я проклиналъ все это, все это угнетало меня, заставляло дрожать всѣмъ тѣломъ. Люди, отправляющіеся въ удобныхъ

экипажахъ по прекраснымъ дорогамъ наслаждаться волненіемъ при видѣ ледниковъ, хаоса скалъ, пустынь, играютъ въ страхъ, какъ малыя дѣти: надо, чтобы это было на самомъ дѣлѣ.

Барнаво, удивленный моимъ молчаніемъ, думалъ, что обидѣлъ меня. Онъ сказалъ, чтобъ перемѣнить разговоръ:

— Однако, мы не первые мѣсимъ эту грязь. Здѣсь проходили люди, цѣлая орава, и недавно... Туземцы... вотъ слѣды ихъ голыхъ ногъ. И бѣлые, солдаты: вотъ слѣды сапогъ. Былъ и верховой, можетъ быть, офицеръ.

Въ Барнаво нѣтъ ничего, что напоминало бы слѣдопыта: читать по знакамъ, оставленнымъ людьми, не его спеціальность. Но что тутъ прошелъ отрядъ, слѣдовавшій за всадникомъ, это замѣтилъ бы и сторожъ изъ Булонскаго лѣса. Вдругъ, когда мы достигли другого склона суровой горной громады, одинъ изъ тѣхъ сильныхъ порывовъ вѣтра, о которыхъ я говорилъ, опять разсѣялъ туманъ. У моего коня, шерсть встала дыбомъ, и онъ остановился, какъ будто у края пропасти.

Тутъ была не пропасть, но нѣчто поразительное: неожиданное, грандіозное, варварское дѣло рукъ человѣческихъ — лѣстница мандаринской дороги. Для спуска въ долину древніе китайскіе завоеватели не заботились вычислять уклоны, округлять повороты. Зачѣмъ? Министры, чиновники, военачальники древней имперіи не трудились даже взбираться на спину мула, садиться въ повозку. Въ паланкинѣ величественно сопровождали они толпу вооруженныхъ воиновъ, рабовъ и носильщиковъ. Для чего же, въ такомъ случаѣ, тратить время и силы? Три тысячи ступеней изъ твердаго камня спускались по прямой линіи до плоскаго дна долины.

Я точно видѣлъ этихъ жестокихъ, лѣнивыхъ и въ то же время настойчивыхъ завоевателей, растянувшихся на перинахъ передвижной постели, съ ихъ тонкими губами, сморщенными презрѣніемъ, съ ихъ видомъ старыхъ спесивыхъ надсмотрщиковъ, добравшихся до управленія провинціями лишь благодаря своему прекрасному почерку, бичующихъ своимъ рѣзкимъ голосомъ глашатаевъ въ желтыхъ туникахъ, солдатъ съ фантастическими сѣкирами и самострѣлами, покрытыми пурпурной краской. И жители деревень, бѣдные, забитые крѣпостные, съ головой между колѣнъ, простирались ницъ вдоль всей этой чудовищной лѣстницы, сбѣгавшей съ неба вмѣстѣ съ завоевателями.

И какъ будто въ самомъ дѣлѣ ожило это шествіе: длинная вереница людей кончала спускъ по ступенямъ, растянувшись до самой равнины. Барнаво, имѣвшій зоркіе глаза, сказалъ:

— Это—офицеръ здѣшняго оружія (онъ хотѣлъ сказать „колоніальной пѣхоты") съ милиціонерами... и кули, кажется, туземцы, тащутъ что-то на спинѣ.

Караванъ, замѣтивъ насъ, остановился, чтобы подождать насъ. Мы подвигались впередъ довольно медленно, ибо я вынужденъ былъ сойти съ лошади: наши животныя храпѣли и упирались въ скользкія ступени. Когда мы подошли ближе, Барнаво замѣтилъ:

— Это не кули. Они несутъ не поклажу, а „кангъ". Это арестанты.

Офицеръ, сопровождавшій караванъ, подошелъ къ намъ.

— Капитанъ Жильманнъ,—сказалъ онъ, представляясь.—Изъ округа Іенъ-Минъ.

Я назвалъ себя. Онъ пожалъ мнѣ руку. Мои глаза невольно остановились на арестантахъ. Представьте себѣ, что у человѣка шея такъ тѣсно зажата между двумя перекладинами лѣстницы, что онъ не можетъ вытащить ее оттуда: это — кангъ. Онъ сдѣланъ изъ бамбука, запертъ висячимъ замкомъ, легокъ, но не можетъ быть снятъ безъ помощи того, у кого имѣется ключъ отъ замка. Для надзора за арестантомъ кангъ лучше ядра каторжника. Попробуйте бѣжать съ этимъ грузомъ на плечахъ, который задѣваетъ за вѣтки, застрѣваетъ въ дверяхъ! Хорошій кангъ стоитъ двухъ тюремныхъ сторожей.

— Вы смотрите на этихъ несчастныхъ,—сказалъ капитанъ Жильманнъ. — Я ихъ сопровождаю до ближайшаго поста. Ихъ поведутъ отъ этапа къ этапу въ Гайфонгъ, за сто лье отсюда, на судъ. Да, подходящее занятіе для военнаго: полицейскимъ префектомъ—куда ни шло, но быть тюремщикомъ!

Онъ говорилъ охотно, съ громкими взрывами голоса, какъ говорятъ люди, перенесшіе періоды молчанія, достаточно продолжительнаго, чтобы заставить человѣка страдать отъ одиночества, но слишкомъ короткаго, чтобъ онъ могъ утратить вкусъ къ разговору. Капитанъ былъ эльзасецъ изъ Виссембурга: квадратный лобъ, острый подбородокъ, черные волосы, густые и жесткіе, какъ щетина подстриженной гривы, глаза темные или зеленые, въ зависимости отъ освѣщенія или момента, не особенно широко раскрытые, мечущіеся изъ стороны въ сторону; наконецъ, туловище очень тонкое въ перехватѣ, очень мускулистое на видъ и такое гибкое, что являлось желаніе сбросить его съ большой высоты, чтобы посмотрѣть, какъ высоко оно подпрыгнетъ. Пока онъ говорилъ, солдатъ успѣлъ изслѣдовать бродъ потока. Потокъ былъ глубокій, но можно было рискнуть. Дѣйствительно, я перешелъ его на своемъ конѣ, не замочивъ

ничего, кромѣ сапогъ, и Барнаво тоже. Затѣмъ стали переходить, ухватившись другъ за друга, окруженные милиціонерами, стѣсненные кангомъ арестанты, которымъ вода доходила подъ мышки. Одинъ изъ нихъ оступился, отдѣлился отъ ряда, потерялъ равновѣсіе, и вода завертѣла его, какъ щепку, не давая возможности стать на ноги.

Теченіе уносило его, и онъ былъ уже далеко. Жильманнъ сдѣлалъ недовольную гримасу, какъ если бы плохо навьюченный мулъ сбросилъ свою поклажу.

— Отвратительное ремесло!—повторялъ онъ:—какое отвратительное ремесло!

Затѣмъ онъ ринулся крупной рысью внизъ по теченію, пустилъ коня на перерѣзъ потоку, брезгливо вытащилъ человѣка за руку, далъ ему одно изъ своихъ стремянъ, за которое тотъ могъ бы держаться, и вернулся все такой же простой, живой, общительный и ворчливый.

— Бѣдняга!—сказалъ онъ.—Онъ сдѣлалъ бы лучше, если бы въ самомъ дѣлѣ утонулъ вмѣсто того, чтобы издохнуть тамъ во славу судоговоренія!

Окружные начальники, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, имѣютъ право присуждать подчиненныхъ имъ туземцевъ лишь къ нѣсколькимъ днямъ заключенія. Всѣ дѣла о преступленіяхъ и болѣе важныхъ проступкахъ вѣдаетъ регулярная магистратура. Представьте себѣ недовольство средне-вѣкового сеньера, которому оставили бы лишь право низшей юстиціи, отнявъ у него „веревку и палача“: вы поймете чувство, которое питаютъ провинціальные начальники къ краснымъ и чернымъ мантіямъ! Такъ какъ я думаю, что они неправы, то я хотѣлъ было заставить капитана Жильманна раздѣлить мое убѣжденіе. Онъ рѣзко мнѣ отвѣтилъ:

— Вы не понимаете! Этотъ человѣкъ—воръ: при прежней системѣ онъ отдѣлался бы нѣсколькими ударами бамбука. А тамъ вотъ, гдѣ они претендуютъ на гуманность, онъ умреть... Увѣряю васъ. Вотъ я задержалъ нѣкоего Банга, убійцу. Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что съ нимъ произошло, я не перестаю спрашивать себя, хорошо ли я поступилъ?

Печальный караванъ снова двинулся въ путь. Мы медленнымъ алюромъ ѣхали впереди. Капитанъ Жильманнъ продолжалъ, жуя конецъ своей можжевеловой трубки:

— Да, когда я подумаю о бѣдномъ Бангѣ, убившемъ человѣка, вся эта судейщина раздражаетъ меня до ужаса. А между тѣмъ, поймалъ его я. Я—причина его несчастья.

Этотъ Бангъ былъ вождемъ племени *мео*. Вы знаете эту расу: она населяетъ всѣ скалы, вершины, сахарныя головы, пики этой удивительной страны, этого Донгкуанга, гдѣ не найдется четырехъ мѣстъ, достаточно плоскихъ, чтобы

можно было сѣсть, не боясь скатиться съ трехсотфутовой высоты. Правда, есть тамъ и плоскогоріе, но и оно покрыто милліономъ каменныхъ иглъ, такихъ крѣпкихъ, что, когда черезъ него прокладывали дорогу, пришлось тѣ изъ нихъ, которыя встрѣчались по пути, взрывать одну за другой минами. А между тѣмъ, вы видѣли: это плоскогоріе, эти пики, эти скалы,—все обработано и засѣяно маисомъ. Это дѣлаютъ мео. Въ первое время, когда я проводилъ дороги для муловъ въ своемъ участкѣ, они цѣлый день смѣшили меня. Мои аннамитскіе стрѣлки и рабочіе солдаты набрасывали сначала щебень, а поверхъ щебня, чтобъ скрѣпить его, слой земли, взятой съ краевъ дороги. Ну, такъ мео, мужчины, женщины и дѣти, слѣдовали за рабочими съ полными корзинами кукурузныхъ зеренъ за спиной. Они уносили пригоршню земли, какъ воробьи крадутъ колосья, убѣгали, карабкались на утесы, на которыхъ ящерица не могла бы удержаться: пригоршня земли, два зерна маиса, и они снова принимаются за свое. Такова ихъ манера: сѣютъ на камняхъ и тѣмъ живутъ. Потѣшнѣе всего, что дѣвушки *мео* особенно благосклонны къ молодымъ людямъ, живущимъ въ самыхъ неприступныхъ и наиболѣе удаленныхъ отъ рѣкъ и источниковъ мѣстахъ. По выходѣ замужъ, имъ приходится отправляться за водой за три-четыре километра, а такъ какъ подъемъ всегда отчаянно крутъ, то у нихъ оказывается цѣлыхъ три часа, когда мужья ихъ не колотятъ.

Въ теченіе этого времени онѣ могутъ плести изъ пеньки матерію для юбокъ со складками и матросскихъ воротниковъ съ четырьмя бѣлыми тесьмами: это ихъ костюмъ, который очень любопытно посмотрѣть.

Предупреждаю васъ также, что онѣ любятъ деньги и не очень суровы.

Мео скупы и выносливы въ трудѣ, какъ овернцы; пьяницы, какъ шесть старыхъ солдатъ иностраннаго легіона вмѣстѣ; мстительны, какъ корсиканцы, и довольно таки развратны, какъ всѣ люди вообще.

Я разсказываю вамъ все это, чтобы уяснить вамъ дѣло Банга, который былъ ихъ вождемъ, даже потомкомъ бывшаго короля. Ибо эти мео шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ были могущественнымъ народомъ. Ихъ король былъ суровый малый, сотнями рубилъ головы, жегъ деревни и заставилъ выстроить для себя крѣпость, стѣны которой имѣли шесть метровъ толщины. Затѣмъ на нихъ напали китайцы и превратили ихъ въ дикарей.

Братъ этого Банга убилъ одного изъ своихъ друзей, котораго засталъ, когда тотъ заговаривалъ зубы его женѣ на кукурузномъ полѣ. Въ сущности, это было дѣло семейное,

въ которое никто не долженъ вмѣшиваться. Къ несчастью это было преступленіе, слѣдовательно, административное дѣло слѣдовательно, необходимо было написать донесеніе. Къ Бангу явился унтеръ-офицеръ и сказалъ ему:

— Подпиши-ка мнѣ бумагу, что твой братъ убилъ Фена

— Не подпишу,—отвѣтилъ Бангъ.—Это противно нашимъ обычаямъ. Ты бы лучше позавтракалъ со мной.

Они вмѣстѣ позавтракали, какъ добрые пріятели, и Бангъ проводилъ унтеръ-офицера, котораго сопровождалъ лишь переводчикъ, до хижины, находящейся на половинѣ дороги къ форту. Тутъ унтеръ-офицеръ неожиданно заявилъ Бангу:

— Такъ ты ничего не хочешь подписать?

— Ничего! — отвѣтилъ вождь. — Тысячу разъ сожалѣю, что не могу доставить тебѣ удовольствія.

— Возьми тюрбанъ, — крикнулъ унтеръ-офицеръ своему переводчику,—и подцѣпи мнѣ этого человѣка!

Онъ не успѣлъ кончить, какъ изъ за скалъ раздались ружейные выстрѣлы. Когда, нѣсколько часовъ спустя, подняли тѣло бѣдняги, на немъ насчитали тридцать семь ранъ. Бангъ пригласилъ для своей охраны своихъ друзей, и они слѣдовали за нимъ ползкомъ. Совершивъ преступленіе, онъ возвратился къ себѣ домой, взвалилъ своей женѣ на плечи всѣ инструменты, оружіе, патроны, мѣдныя тазы, дощечки съ письменами предковъ, ткацкій станокъ, всего около пядидесяти кило, т. е. пустяки для спины меоской женщины. Затѣмъ онъ вырылъ свой запасъ піастровъ, завязалъ ихъ въ уголъ своего *кеао* и пустился по направленію къ Китаю, напрямикъ, какъ волкъ, черезъ пропасти... Между тѣмъ мы, хозяева страны, обязанные наказать его, ждали по тропинкамъ.

Вы, конечно, понимаете, что у меня есть тайная полиція: честный малый, довольно ловкій, которому я плачу четверть піастра за день, когда онъ работаетъ, и сверхъ того даю харчи его слугѣ и его женѣ. Онъ притворяется, будто торгуетъ солью и занимается контрабандой. Случилось бабушкѣ ли-тріонга, такъ сказать, туземнаго су-префекта,— умереть въ одинъ прекрасный день отъ приступа ревматизма, и ея внукъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы задать большой праздникъ: онъ повиновался обычаямъ и желанію обывателей. Я никогда не видѣлъ ничего болѣе забавнаго на деревенской ярмаркѣ: карусели съ деревянными лошадками, поединки фигуръ, одѣтыхъ всадниками эпохи Чингисъ-хана, посаженныхъ на настоящихъ лошадей и вооруженныхъ бамбуковыми пиками; плакальщицы, несущія гробъ, одѣтыя въ большія покрывала изъ бѣленой пеньки, съ болтающимися у ушей полосками изъ пенько-

вого полотна, съ парикомъ изъ нечесанной пеньки на головѣ, и подъ гробомъ, впереди и позади его, люди, которые танцуютъ, гримасничая, точно одержимые, не говоря уже о несмѣтномъ количествѣ свинины и водки на счетъ пораженнаго горемъ внука.

Моя тайная полиція, по мѣрѣ силъ принимая участіе во всемъ этомъ торжествѣ, встрѣтила друга, который жилъ всегда въ Китаѣ, а здѣсь проживалъ на дачѣ.

— Здорово!—сказалъ китайскій другъ.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ты видишь,—отвѣчала моя полиція,—я торгую солью.

— И помогаешь администраціи?—сказалъ китаецъ, подмигивая.—Кого ищешь ты теперь? Банга? Я знаю, гдѣ онъ: въ Китаѣ, но возлѣ самой границы, въ четырехъ лье отсюда.

Въ одинъ мигъ мои ребята сообразили планъ дѣйствія. Китаецъ пригласилъ Банга на званый обѣдъ. Скатиться подъ столъ—любезность, которую мео обязанъ оказать хозяину, а Бангъ строго сообразовался съ обычаями. Вотъ почему онъ перешелъ границу, какъ простой герцогъ Энлгэнскій, со связанными руками и ногами, но даже не замѣтивъ этого, такъ какъ храпѣлъ, какъ волчокъ. Онъ проснулся въ рукахъ моихъ людей, которые пришли получить товаръ на нашей территоріи. Тутъ онъ понялъ и крикнулъ громкимъ, полнымъ отчаянья голосомъ:

— Убейте меня! Убейте меня сейчасъ. Французы пошлютъ меня въ Дельту.

И это вѣрно, что для всякаго мео послать его въ Дельту, т. е. въ Ганои или въ Гаифонгъ, даже не какъ обвиняемаго, а просто, какъ свидѣтеля, это—смерть, безъ преувеличенія, и смерть на медленномъ огнѣ, какая, должно быть, ужасно мучительна, судя по страху, который они испытываютъ передъ нею. Эти люди могутъ жить только въ горахъ, въ чистомъ, холодномъ воздухѣ. Они даже въ собственной странѣ не могутъ перенести недостатка движенія Все равно, какъ если бы посадить въ клѣтку серну.

Бангъ умолялъ вдову Фена, котораго убилъ его братъ, чтобъ она отомстила ему, всадивъ ему ножъ въ глотку. Вдовѣ очень хотѣлось это сдѣлать, но я вынужденъ былъ отказать ей въ этомъ удовольствіи. Я хорошо зналъ, что это былъ наилучшій, не административный исходъ для него. Бангъ долженъ былъ судиться въ Гаифонгѣ двадцать два дня пути.

Я написалъ свой рапортъ, который слѣдовалъ обычнымъ іерархическимъ путемъ. Въ это время мой узникъ ждалъ въ своей камерѣ. Сначала я заковалъ его въ кандалы. Но

скоро мнѣ сообщили: „Заключенный чахнетъ". Тогда я велѣлъ его расковать. Этого все еще было недостаточно. Каждое утро мнѣ доносили: „Заключенный опускается. Заключенный все больше опускается". Тогда я началъ кормить его тѣми блюдами со своего стола, которыя онъ любилъ, и велѣлъ давать ему хлѣбъ, который онъ считалъ пирожнымъ, папиросы, а главное,—водку. Онъ благодарилъ меня нѣжнымъ взглядомъ, говоря:

— Зачѣмъ ты такъ заботишься обо мнѣ, вѣдь я долженъ умереть?

Я заботился о немъ потому, что мнѣ повторяли по телеграфу: „Главное, чтобъ его привезли живымъ! Необходимо его судить".

По прибытіи его въ Гаифонгъ, семьдесятъ два дня употребили на слѣдствіе по его дѣлу. Онъ все слабѣлъ и слабѣлъ. Этотъ особой породы гигантъ, ловкій и подвижной, превращался въ скелетъ. Его лихорадило, онъ больше ничего не ѣлъ. Рѣшено было снять крышу съ его помѣщенія, чтобы дать ему больше воздуха, и заставить его жить. Знойный климатъ доводилъ его до одурѣнія. Слѣдствіе велось очень смѣшно. Ему предлагали вопросы, которые переводилъ аннамитскій переводчикъ; а онъ отвѣчалъ на языкѣ *мео* по той уважительной причинѣ, что зналъ лишь этотъ языкъ, а *мео*—языкъ, котораго ни одинъ иностранецъ на свѣтѣ не знаетъ и, можетъ быть, никогда не будетъ знать, потому что его слова насвистываютъ вмѣсто того, чтобы выговаривать. Бангу дали бамбуковую кровать. Онъ прятался подъ ней цѣлые дни, какъ запуганная собака.

Наконецъ, его представили въ судъ для разбора дѣла, и снова началась комедія допросовъ. Ему задавали вопросы по аннамитски. Бангъ открылъ ротъ, вѣроятно, съ цѣлью объяснить на своемъ нелѣпомъ нарѣчіи, что онъ не понимаетъ. Переводчикъ въ свою очередь объяснилъ, что не понимаетъ обвиняемаго. Когда превосходные филологи объяснили, что никто никогда не сможетъ понять обвиняемаго, то судъ, достаточно освѣдомленный, рѣшилъ, что вопросы все таки будутъ предложены согласно закону... И они были предложены. А Бангъ все время какъ-то странно двигалъ руками, такъ какъ находился въ агоніи.

Его удалось поднять, чтобъ онъ выслушалъ стоя приговоръ, осуждавшій его на смерть. Онъ не былъ взволнованъ этимъ по двумъ причинамъ: первая—та, что онъ не могъ понять ни одного слова изъ приговора, вторая—та, что онъ не въ состояніи былъ даже понимать и свой родной языкъ. Онъ медленно опустился на скамью и умеръ.

Я полагаю, для суда было все-таки большимъ утѣше-

ніемъ, что ему удалось довести Банга до приговора хотя обстоятельства, не зависившія отъ человѣческой воли, помѣшали его исполненію. Я же жалѣю, горько жалѣю, что воспрепятствовалъ вдовѣ Фена всадить Бангу ножъ въ Адамово яблоко! Какъ вы полагаете, не слѣдовало бы изобрѣсти способъ судить и казнить убійцъ-туземцевъ согласно ихъ законамъ и въ ихъ странѣ?

— Возможно, — отвѣтилъ я задумчиво.—Но тогда имъ вбивали бы подъ ногти деревянные гвозди, ихъ сажали бы на колъ, ихъ рѣзали бы на куски, что противно нашимъ нравамъ.

— Это было бы менѣе жестоко,—серьезно возразилъ капитанъ Жильманнъ.

— Есть еще другая сторона,—сказалъ Барнаво съ сосредоточеннымъ видомъ.—Я думаю, что когда этихъ людей судятъ у судей, пріѣхавшихъ изъ Европы, они не понимаютъ, за что ихъ осуждаютъ, за что оправдываютъ,—однимъ словомъ, не понимаютъ самаго хода судейской работы... Я помню, однажды на Мадагаскарѣ я видѣлъ, какъ судъ присяжныхъ судилъ *омбіази*, колдуна, который убилъ европейца. Это былъ гнусный негодяй, и я нахожу вполнѣ естественнымъ, что въ его тѣло всадили двѣнадцать пуль. Но клянусь вамъ, онъ не понялъ ничего изъ церемоній трибунала.

Ему дали адвоката, который говорилъ за него послѣ обвинительной рѣчи прокурора. Это былъ очень краснорѣчивый адвокатъ. Онъ великолѣпно жестикулировалъ, призывалъ въ свидѣтели судей, самого обвиняемаго, и все это съ громкими раскатами голоса. Судъ удалился и черезъ пять минутъ вернулся съ вердиктомъ: смерть. Перевели приговоръ негру. Онъ не выразилъ изумленія. Но, обратившись къ солдату-малайцу, который сторожилъ его, онъ спросилъ:

— Почему они заставили говорить противъ меня двухъ человѣкъ? Довольно бы одного.

Онъ думалъ, что адвокатъ тоже требовалъ его казни. Такъ понялъ онъ его жесты и рѣчь.

— Но,—сказалъ я, — суть въ томъ, чтобы адвокатъ хорошо защищалъ.

— Нѣтъ,—просто возразилъ Барнаво. — Суть въ томъ, чтобъ подсудимый умеръ, убѣжденный въ нашей справедливости, а не въ мести. Здѣсь недоразумѣніе во всѣхъ подробностяхъ.

Передъ отъѣздомъ съ вами на сѣверъ Тонкина, я присутствовалъ на засѣданіи исправительнаго суда въ Ганои. Мнѣ говорили, что во время Тэта — это новый годъ у аннамитовъ—судьи примѣняютъ свою компетенцію ко всякаго рода туземнымъ проступкамъ, и что тутъ есть чему

поучиться. Во время Тэта аннамитъ, чтобы кутнуть, готовъ украсть даже цвѣты, которыми онъ только что украсилъ алтарь предковъ, если бы только нашелся такой дуракъ, который купилъ бы ихъ. Я говорилъ себѣ: „Эго будетъ интересно“.

Но я не принялъ въ разсчетъ множества вещей. Въ особенности, я забылъ переводчика. Правосудіе понимаетъ, читаетъ, пишетъ и говоритъ только по-французски. А такъ какъ аннамитъ не понимаетъ по-французски, то между нимъ и судьей необходимъ посредникъ. Признаюсь, я готовъ былъ придти въ восхищеніе отъ знаній присяжнаго переводчика, говорившаго въ моемъ присутствіи.—Предсѣдатель суда сказалъ ему: Спросите обвиняемаго, почему, найдя тридцать пять штукъ часовъ у пострадавшаго ювелира, онъ похитилъ только тридцать четыре штуки?

Толмачъ перевелъ вопросъ, и обвиняемый отвѣтилъ въ высшей степени музыкально и, вѣроятно, въ высшей степени краснорѣчиво.

Въ высшей степени музыкально, потому что аннамскій языкъ—языкъ интонацій. Если вы произносите *а* въ *до-мажоръ*, это значитъ „бѣлый“; вы повторяете его въ *до-миноръ*—это значитъ „черный“; а если вы его поете въ *си*, въ *фа* или *соль*, значитъ: „вѣчность“, „почтальонъ“ или „красивый молодой блондинъ“. Я прибавилъ: „вѣроятно въ высшей степени краснорѣчиво“, потому что обвиняемый во воровствѣ туземецъ говорилъ очень долго. Я услышалъ переводъ, столь же краткій, сколько поразительный:

— Обвиняемый говоритъ, что ему семнадцать лѣтъ.

Если этому переводчику платятъ хорошо, я желалъ бы занять его мѣсто. Я думалъ, что гораздо труднѣе быть переводчикомъ!

Мы засмѣялись, но онъ продолжалъ:

— Погодите, это не все! Послѣ этого разбиралось другое дѣло: аннамитъ обвинялся въ томъ, что во время игры въ *ба-куанъ*, — родъ крокета, гдѣ шары замѣнены деньгами, — онъ стянулъ около ста піастровъ, составлявшихъ кассу его сосѣда.

Но я ровно ничего не понялъ. Тутъ было безконечное шептанье. Шептанье пострадавшаго, бормотаніе судей, клохтанье вора. Я какъ то присутствовалъ однажды въ Парижѣ на экзаменахъ, которымъ подвергаютъ хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей: здѣсь точь въ точь то же самое, и это очень непріятно для публики, которая пришла поучиться.

Когда я убѣдился, что мнѣ ничего не понять, я пошелъ погулять на берегъ Малаго-Озера. Вы знаете, какъ красиво это озеро. Есть люди, желающіе добиться того, чтобъ его

засыпали, потому что оно—резервуаръ москитовъ. Но это было бы очень жаль!

Въ то время, какъ я находился на берегу озера, на другомъ берегу начинался закатъ солнца.

Ахъ, какъ прекрасно, безмятежно и величественно прощаніе дня съ землею въ этихъ краяхъ!

Въ то время, какъ я, съ очень серьезнымъ видомъ, углубленъ былъ въ созерцаніе заката, ко мнѣ приблизился аннамитъ и продѣлалъ предо мной обрядъ привѣтствія, т. е. сложилъ руки, застылъ, немного согнувъ туловище въ ожиданіи, пока я соглашусь удѣлить ему вниманіе. Я сейчасъ же узналъ его! Это былъ человѣкъ, обвиненный въ кражѣ піастровъ во время игры въ *ба-куанъ*. Полагая, что его присутствіе свидѣтельствуетъ объ оправданіи, я поздравилъ его.

Тогда онъ отвѣтилъ мнѣ на очень плохомъ французскомъ языкѣ, который не осмѣлился пустить въ ходъ передъ судомъ:

— Моя не знай адресъ мисье Беранже. Хочетъ знай.

Я тотчасъ понялъ, что онъ воспользовался отсрочкой, предоставляемой благодѣтельнымъ закономъ, которымъ мы обязаны этому сенатору; и я полагалъ, что онъ хочетъ обратиться къ послѣднему съ личной благодарностью. Я ошибся. Дѣло было гораздо сложнѣе. Онъ попытался объясниться. Прежде всего, онъ очень спокойно сознался, что укралъ сто пятнадцать піастровъ у своего сосѣда по игрѣ, китайца Пу-Сенга.

Это, по его представленію, не имѣло никакого значенія. Онъ посвятилъ меня въ тайны своего дѣла, чего я никогда не понялъ бы самъ.

— Моя взялъ піастры. Эта хорошо. Но А-Пикъ, китаецъ, онъ видѣть... Сао, аннамитъ, онъ видѣть. Эта плоха: два свидѣтель. Моя что дѣлать? Моя писать бумага А-Пикъ, писать бумага Сао.

— Зачѣмъ?—спросилъ я, думая, что уже дошелъ до высшей степени удивленія.

— Моя обѣщать платить десять піастровъ одинъ, десять піастровъ другой. И они обѣщалъ свидѣтель за меня много хорошо.

„Свидѣтель“ „много хорошо“ значило сдѣлать ложное показаніе. Мой интересный собесѣдникъ продолжалъ:

— А-Пикъ, свидѣтель много хорошо, говорить моя взять ничего. Но другой скверный воръ: брать себѣ десять піастровъ, сказать моя виноватъ. Мисье прокуроръ—моя ему ничего давать—сказать на меня много плохо. Конецъ, мисье

Трубиналъ (трибуналъ) говорить, дѣлать приговоръ, и онъ сказать: моя виноватъ, но моя не сидѣть тюрьма, ни совсѣмъ не наказывать, почему мисье Беранже попросить вотъ такъ за мнѣ. Ну, моя хочить знай домъ мисье Беранже, ему посылать десять піастровъ. Твоя знай дорога?

— Дорогу?—сказалъ я. И я посовѣтовалъ ему написать въ сенатъ, въ Парижъ.

— Какъ, Барнаво,—воскликнулъ я,—вы дали такой совѣтъ!

— Что-жъ,—отвѣтилъ онъ,—вѣдь это была фантазія аннамита... Я, впрочемъ, задаю себѣ вопросъ, что г. Беранже понялъ въ письмѣ, написанномъ по-китайски. Если онъ не могъ разобрать письма, я сожалѣю, ибо аннамитъ дѣлалъ ему предложеніе, которое могло его удивить. Аннамитъ такъ объяснилъ мнѣ свое желаніе:

— Моя благодари мисье Беранже, послать десять піастровъ, обѣщать мисье Беранже другой десять піастровъ за моя имѣть вся деньга.

— Какія деньги?

Я совершенно растерялся. И я увѣренъ, что вы никогда не отгадаете, что хотѣлъ аннамитъ! Онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ. Если „трубиналъ“ не посадилъ его въ тюрьму за совершенный имъ проступокъ, то это, по его мнѣнію, произошло оттого, что „трубиналъ“ рѣшилъ, что его проступокъ не есть проступокъ. Слѣдовательно, нуженъ былъ лишь небольшой бакшишъ, чтобы „мисье Беранже“ велѣлъ вернуть ему деньги, украденныя у китайца.

— Барнаво,—сказалъ я,—въ вашихъ исторіяхъ нѣтъ здраваго смысла.

— У меня-то есть здравый смыслъ,—возразилъ упрямый Барнаво.—А вотъ, насчетъ судей, депутатовъ, газетъ и всѣхъ этихъ типовъ изъ Франціи... Неужели вы думаете, что то, что вкладываютъ въ головы туземцевъ по части представленій о справедливомъ и несправедливомъ, стоитъ того, что уничтожаютъ? А тѣхъ, кого присылаютъ сюда, я ихъ знаю...

— Увы!—сказалъ я,—я тоже знаю!

Лѣкарственное средство.

(Изъ записокъ аптекарскаго ученика).

— По верхню зарубку...

— По нижню зарубку...

За рѣшеткой, которая, дѣлитъ большую комнату аптеки на двѣ половины, стоятъ крестьяне, одинъ впереди, другой немножко сзади; аптекарскій ученикъ молча взялъ стклянку съ прозрачной жидкостью, налилъ мензурку до верхней черты и подалъ первому крестьянину. Тотъ выпилъ, крякнулъ и обтерся рукавомъ. Въ ту же мензурку аптекарскій ученикъ налилъ изъ стклянки «по нижнюю зарубку» и подалъ другому, который молча ждалъ. Въ глазахъ у него виднѣлась жадность. Онъ тоже выпилъ, и изъ зажатой руки откусилъ крендель.

Сзади, у двери собралась вереница ждущихъ, стоявшихъ плотно плечо въ плечо, въ ожиданіи очереди.

«По верхню зарубку, по нижню зарубку»... Дѣло налажено и идетъ стройно безъ заминки: выпилъ—въ сторону, другой за нимъ...

Это въ базарный день идетъ бойкая продажа въ аптекѣ одуряющаго спиртнаго напитка—киндеръ-бальзама.

Пить киндеръ-бальзамъ пришли прямо изъ церкви. Почти такой же густой толпой, какой выходили изъ темныхъ вратъ древняго храма, хлынули крестьяне въ аптеку. Прежде для праздника выпить заходили въ винную лавку, но уже лѣтъ пять, съ открытіемъ дѣятельности ловкаго провизора, выпиваютъ въ аптекѣ. Никогда не пившіе вина, «киндеръ» пьютъ на томъ основаніи, что «киндеръ» де лѣкарство.

Киндеръ-бальзамъ довольно жгучая жидкость, непривычному человѣку она противна, но крестьяне «киндерщики» привыкли уничтожать его въ изумительныхъ дозахъ.

— Да ополосни ты хоть стаканчикъ,—говоритъ одинъ изъ крестьянъ,—у Петьки грибы на губахъ, ко мнѣ перейдетъ.

Помощникъ, услыхавъ неожиданный протестъ, покорно подошелъ къ умывальнику и сполоснулъ мензурку. Опять пошла круговая

спѣшно, безостановочно, дѣловито. А на столѣ образовалась горка мѣдяковъ, да нѣсколько бумажекъ лежитъ въ сторонѣ.

Запасъ бальзаму израсходованъ. Въ большую мензурку наливаютъ опять изъ пудоваго баллона.

Подходятъ еще четверо.

— Дай-ка намъ съ верхней полки,—говоритъ сѣдой старикъ и бросаетъ на столъ серебрянный рубль.

— Давай на всѣ... Дочку просваталъ, спрыснуть надо...

— Ну милости просимъ, новозванный сватушка.—Старикъ отошелъ, за нимъ сватъ, такой же старикъ въ синей холщевой поддевкѣ и двѣ бабы-свахи... Компанія разсѣлась на скамейкахъ и началось угощеніе.

— Пустите-ка меня!—Сквозь толпу протискалась баба и черезъ рѣшетку подала лукошко съ яйцами.

— Дай киндеру,—сказала она.

— Куда-жъ я твои яица то дѣну?

— Съѣшь.

— Ну тебя!

— Свѣженькія изъ подъ курочекъ, счетомъ три десятка, полфунта дай.

— Полфунта? Яйца то по гривеннику вездѣ, киндеръ фунтъ семьдесятъ копѣекъ. Хитра больно.

— Ну, сколько причтется, отпусти.

Помощникъ замялся. Неудобно взять-то при народѣ. Какъ-бы не сказали, что аптека совсѣмъ кабакъ. А многое можно пріобрѣсти выгодно. Служащіе аптеки и пріобрѣтали: придетъ баба или мужикъ съ вещами, вещи берутъ очень дешево, деньги кладутъ въ кассу. Для знакомыхъ за полцѣны покупали масло, яйца, сѣно, даже солому...

— Здѣсь, что-ли, пить-то будешь?—спрашиваетъ помощникъ.

— Подниму ли? Ну, налей. Животомъ, дѣвоньки, замаялась,—затараторила баба уже къ стоявшимъ въ толпѣ другимъ бабамъ,—съ утра такъ и барандычитъ, такъ и барандычитъ.

Помощникъ подалъ мензурку, отвернулась баба немного въ сторонку, перекрестилась и, не передохнувъ, выпила. Затѣмъ вытащила изъ кармана луковицу и стала закусывать.

Кругомъ засмѣялись. У стойки на очереди уже стоитъ другая баба и суетъ помощнику полотенце.

— На что мнѣ?—говоритъ опять помощникъ.

— Утираться будешь.

— Чай, я деньги долженъ вложить въ кассу, вѣдь земская аптека-то, спросятъ отчета.

— Да я и недорого возьму.

— Сколько же?

— Полбутылки дашь, твое будетъ.

— Кабакъ, что ли, здѣсь, дура ты этакая! Полбутылки!

— Ну, налей вотъ стаканъ, что въ рукахъ держишь. И ладно.

— Ловка больна, тутъ на семь гривенъ.

— Дарья мало не любитъ!—подхватили въ толпѣ.

— Ну тебя, давай, знаешь вѣдь самъ... При этомъ баба стрѣльнула глазами.

— Здѣсь, что ли, выпьешь?

— Пьяницу нашелъ, да што ты!

— Пей здѣсь... Дарья! Ничего,—поощряютъ сосѣди.

— Выпить развѣ въ самомъ дѣлѣ, мужики?

Дарья покраснѣла и, взявъ мензурку, присѣла на скамейку и выпила.

— Давай мнѣ бульшой чашка... поминать,—сказалъ у рѣшетки черемисинъ.

— Окса уло? *).

— Уло!—Рубль шлепнулся о столъ. Полтора фунта черемисинъ унесъ въ первую переднюю. Тамъ прямо на полу сидѣли: мать, жена, братья; изъ мензурки купившій далъ отпить матери, та пошептала что-то про себя, отпила, потомъ возвратила ему, онъ выпилъ, затѣмъ второй братъ и такъ далѣе по старшинству. Всѣ они только что пришли съ кладбища, похоронивъ отца. Стало входить въ обычай въ аптекѣ справлять тризну, которая у черемисъ справляется по язычески.

Въ растворенную дверь ворвался шумъ. Вошли трое дѣтей, потомъ баба, а за ней мужикъ, всѣ страшно взволнованные.

— Непутные, мѣсто вамъ здѣсь!—кричалъ мужикъ.—За надобьемъ люди идутъ, они въ драку!—Мужикъ кричалъ на всю аптеку. Провизоръ выскочилъ изъ кабинета, гдѣ онъ проводилъ большую часть времени.

— Что тебѣ сдѣлали... о чемъ?

— Ваше благородье, пьяницы окаянные разсѣлись на рундукѣ, не пускаютъ. Мнѣ вотъ надобья надо, робяты хвораютъ... рецепты отъ дохтура вотъ.

Провизоръ пошелъ въ сѣни, гдѣ наткнулся на интересную сцену: человѣкъ пятнадцать мужиковъ заняли весь полъ въ коридорѣ, достали гдѣ-то чайную чашку и пьютъ. На колѣняхъ у каждаго закуска. Пьяные сидятъ даже на ступенькахъ, трое лежатъ, издавая богатырскій храпъ. Какая-то больная старуха съ подвязанными глазами палкой щупаетъ дорогу, загороженную пьяницами. «Псы непутные, пустите, что ли, въ аптеку-то»,—говоритъ она. Какой-то парень, котораго она ткнула палкой, вскочилъ на ноги и толкнулъ ее. Бѣдняга кувыркомъ полетѣла въ грязь.

— Петръ, Петръ!—крикнулъ провизоръ въ лабораторію. Петръ сторожъ, парень лѣтъ 22, выбѣжалъ, засучивъ рукава, и началъ расталкивать компанію.

*) Деньги есть?

Сойдя съ крыльца, выпивающіе собесѣдники усѣлись подъ окошкомъ аптеки на тротуарѣ, и чашка опять пошла въ круговую. Одинъ совершенно пьяный улегся поперекъ тротуара, загородивъ проходъ. Между тѣмъ Петръ, потерявъ надежду растолкать нѣкоторыхъ потребителей «лѣкарственнагоо средства», покоившихся въ глубочайшемъ снѣ,—принялся сволакивать ихъ за ноги вонъ на улицу. Поглядѣвъ кругомъ, онъ принялся укладывать ихъ по другую сторону крыльца, одного за другимъ рядышкомъ. Нѣсколько дѣйствительно больныхъ получили, наконецъ, возможность проникнуть въ аптеку.

— Александръ Васильичъ, принимайте рецепты, — сказалъ провизоръ помощнику,—«киндеръ» буду продавать я.—Помощникъ отошелъ къ «отпускному столу» и собралъ у больныхъ рецепты, а провизоръ сталъ разливать бальзамъ. Лучшее мѣсто все-таки заняли «киндерщики». Они проходили впередъ и отталкивали больныхъ, чувствуя свое привилегированное положеніе, отпускаетъ имъ самъ провизоръ, «начальникъ» въ формѣ: свѣтлыя пуговицы на тужуркѣ, канты—чиновникъ по виду. Вправо за стѣною, за двумя столами шла работа по рецептамъ. Ее дѣлали мы,—два ученика и другой сторожъ, Ефимъ. Безъ всякой теоретической подготовки, усвоившіе лишь элементарные пріемы обращенія съ вѣсами и ступками, мы работаемъ вполнѣ самостоятельно, приготовляя лѣкарства для довѣрчиво ожидающихъ больныхъ. Не менѣе энергично работаетъ Ефимъ, неграмотный парень, заимствовавшій свои техническія познанія отъ насъ.

Началась выдача лѣкарствъ, которая пошла далеко не такъ гладко, какъ отпускъ цѣлебнаго бальзама. Дѣло это было поставлено на «строгихъ началахъ»: выдавали тогда, когда всѣ рецепты были «сдѣланы». Больнымъ приходилось ждать по два и по три часа. На просьбы и мольбы не обращалось ни малѣйшаго вниманія, если не стояло на рецептѣ Statim, cito. Инымъ до дому ѣхать 15—20 верстъ, инымъ идти это разстояніе пѣшкомъ, всеравно ждутъ. Терпѣливъ православный народъ. А заершится кто—выводили вонъ.

— Жаловаться пойду! –случалось закричитъ въ отчаяніи мужикъ, да и не пойдетъ... А если пойдетъ «въ управу», пользы отъ этого никакой, а лѣкарство жалобщику выдадутъ послѣднему. Впрочемъ, купцамъ и чиновникамъ выдавали не въ очередь.

Вотъ, наконецъ, началась выдача... Толпа за рѣшеткой зашевелилась. Съ подвязанными руками, съ залѣпленными ранами, съ завязанными глазами... кого только тутъ не было въ этой скорбной полутемной прихожей земской аптеки глухого уѣзднаго города! Тяжко больные, иной разъ при послѣднемъ издыханіи, чахоточные, тифозные, которыхъ не приняли въ больницу за неимѣніемъ мѣста, были принесены сюда-же и ждали очереди, валяясь на полу; въ прихожей есть скамейки, но онѣ заняты «киндерщиками», съ

больными не церемонятся.—Ой, батюшки задавили!—стонетъ кто-то въ ожидающей толпѣ.

— Марья Карпова,—начальнически крикнулъ помощникъ.

— Тише!—закричали въ толпѣ на галдящихъ.

— Я Марья Карпова,—отозвался женскій голосъ изъ самыхъ сѣней. Человѣкъ 60—70 отдѣляло Марію Карпову отъ рѣшетки, и молодая женщина минуты двѣ барахталась въ толпѣ.

— Да расступитесь вы, дьяволы!—закричалъ помощникъ.—Ты Марія Карпова? Получай.—Антонъ Логиновъ!

— Здѣсь!—донесся изъ толпы тонкій дѣтскій голосокъ. Помощникъ отдаетъ пакетецъ съ порошками высокому, какъ колокольня мужику со словами:—Передай тамъ. Пакетецъ пошелъ по рукамъ искать Антона Логинова.

— Андрей Аверьяновъ!

— Я.

— Павелъ Флегонтовъ!

— Здѣсь.

— Иванъ Артамоновъ!

— Мнѣ.

— Григорій Карповъ!

— Я!—отдалось изъ угла, и въ то-же время рыжебородый крестьянинъ, стоявшій у пультра, сказалъ тоже: я!

Смѣшеніе именъ въ земскихъ аптекахъ дѣло обычное и, конечно, довольно опасное.

Инцидентъ вызываетъ нѣкоторое волненіе.

— Григорій Карповъ! Кто Григорій Карповъ? Выходи!

— Я Григорій Карповъ!

— И я тоже...

— Ты, рыжая борода, чѣмъ боленъ?

— Да не я боленъ... Я для сына... Павелъ онъ... Сынъ то-есть...

— Какъ же ты, елова голова, откликаешься!—кричитъ на него помощникъ.

— Матка была у дохтура то,—оправдывается крестьянинъ,—думалъ, на меня прописали, въ волости вонъ все такъ.

— Дубина ты этакая, башка большая, дуракъ!..

Отпускъ лѣкарствъ конченъ. Всѣ непьяные посѣтители ушли, пьяные валяются у крыльца. Вечеромъ придутъ еще опохмеляться. Провизоръ тоже ушелъ въ свою квартиру. Къ рѣшеткѣ, опираясь на палку, подходитъ старуха съ повязкой на глазахъ.

— Капельки то дай, батюшка, — говоритъ она глухимъ голосомъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ помощникъ.

— Анна Петрова.

— Да вѣдь я тебѣ уже отдалъ лѣкарство!

— Нѣтъ, нѣтъ, родной, не получала, не давалъ.

— Я вызывалъ Анну Петрову... Отдалъ.

— Шкура какая рази позарилась на мое здоровье, схватила... сдавили меня тамъ у печки,—гадаетъ озадаченная старуха.

Помощникъ роется въ рецептахъ.

— Старая базыга, умирать надо, а лѣчишься,—раздраженно замѣчаетъ онъ, роясь въ бумагахъ.

— Рада бы умереть, сынокъ, смерти нѣтъ, — спокойно отвѣчаетъ старуха.

— Ищутъ тебя на томъ свѣтѣ... Съ новаго года вотъ законъ выйдетъ—не лѣчить стариковъ.

— Ну?

— То-то... пишутъ ужъ... Да что болитъ то у тебя?—спросилъ помощникъ, поднимая голову отъ рецептовъ.

— Глазыньки, глазыньками замаялась, капелекъ фершалъ прописалъ.

— Порошки отъ кашля остались... На, вотъ, найди бабу, перемѣни.

— Гдѣ я слѣпая то буду искать? Не примѣтила, кто взялъ.

— Ну, бери, что осталось... Не разсуждай. Да ты не кашляешь ли? — вдругъ, оживившись и просіявъ, спрашиваетъ помощникъ.

— Кашляю, родной, десятый, почитай, годъ кашляю.

— Ну, такъ чего же лучше? И валяй, лѣчись, матушка, пользуй кашель... какъ же ты, бабушка, такъ запустила кашель-то, а? Ай, ай, ай! Въ голосѣ его слышится укоризна. — Давно бы захватить надо. Уже здорова была бы.

— По сколь примать то?

— Сейчасъ скажу тебѣ. Помощникъ разбираетъ сигнатуру.

— Тутъ сказано принимать два раза въ день по порошку, но тутъ, должно быть... для молодой, не пройметь, чай, тебя, устарѣла ты больно.

— Восьмой десятокъ доходитъ, родимый.

— Восьмой? Ну, катай по три въ день.

Старуха покорно беретъ пакетикъ съ чужими порошками.

— Свѣтъ то вольный закрылся отъ меня, — говоритъ она черезъ минуту.

— Ну, проваливай, проваливай, не скандаль...

Старуха уходитъ.

Подошло мое дежурство. Это значитъ, что я, ученикъ, долженъ остаться съ 10 часовъ вечера, всю ночь, до 10 часовъ утра самостоятельно одинъ въ аптекѣ. По закону ученикъ ни минуты не долженъ оставаться распорядителемъ аптеки, но мы хозяйничали по полусутокъ. За время дежурства самые важные экстренные рецепты дѣлались, какъ Богъ на душу положитъ. Предстоитъ, на-

примѣръ, инъекція; нужна большая точность и скорость въ работѣ. Тяжело больной ждетъ. За помощникомъ посылать некогда: на рецептѣ cito, да и пришедшій за лѣкарствомъ умоляетъ отпустить скорѣе. Ну, и отпускаешь. Провизоръ, уходя изъ аптеки, каждый разъ неизмѣнно говорилъ, чтобы за нимъ посылали, въ случаѣ, если ночью будутъ рецепты, но дѣлалось это, очевидно, только для очистки совѣсти. Если случалось оторвать его вечеромъ отъ карточнаго стола, онъ принимался ворчать: «Серьезнаго ничего нѣтъ... Пустой рецептъ!.. Можно бы, кажется, и самому сдѣлать». Другой разъ сторожъ обѣгаетъ весь городъ и возвращается измученный: нигдѣ не нашелъ. Съ спѣшнымъ рецептомъ ждали напрасно, и все равно, скрѣпя сердце, принимаешься за приготовленіе безъ «руководства»... Все сходило благополучно... Мѣсто глухое, кліенты безропотные, смиренные...

Въ 6 часовъ утра, когда на дворѣ было еще темно, въ аптекѣ уже раздалось знакомое:—«По верхню зарубку», и два пятака шлепнулись на столъ. Неодѣтый, въ одномъ бѣльѣ, я вышелъ изъ «дежурки» и налилъ (бутылка и мензурка стояли въ готовности на столѣ—онѣ никогда не убирались). Мужикъ перекрестился и съ жадностью выпилъ. «Крѣпкій нынче дѣлаете, — сказалъ онъ одобрительно,—настоящій».—Не прошло и двухъ минутъ, какъ дверь отворилась снова, вошли плотники.

— Передъ работой дай-ка выпить! Животы что-то побаливаютъ. Поѣли вчерась на ужинѣ кислова, оно, видно, и взяло... Налей-ка, братецъ, по пятачному, — сказалъ артельный староста. Я сталъ наливать по 6 драхмъ. Плотники пили по-очереди, наскоро.

Снаружи заглянулъ дьячекъ и, увидавъ плотниковъ, шмыгнулъ въ боковую дверь, внутрь аптеки. Когда плотники вышли, дьячекъ осторожно шмыгнулъ въ рецептурную.

— Дай-ка, Ѳедя, что-то не въ голосѣ я, а утреню надо служить...

Дьячекъ пользовался цѣлительнымъ бальзамомъ безплатно. Я налилъ. За дьячкомъ вбѣжала баба. Поспѣшно, точно за ней гнались, она вынула изъ подъ фартука кусокъ холста... Нужно сказать, что во всей деревенской Россіи существуетъ ни на чемъ не основанное мнѣніе, будто киндеръ-бальзамъ, обладающій свойствами излѣчивать отъ всякой хвори, особенно пользителенъ при женскихъ болѣзняхъ. Провизоръ вначалѣ своей полезной дѣятельности въ нашей аптекѣ именно эти свойства «киндера» очень краснорѣчиво расписывалъ бабамъ, являвшимся за другими лѣкарствами. Женскія болѣзни сильно распространились въ деревняхъ, и пропаганда имѣла успѣхъ. Конечно, болѣзней не убавилось, за то явился алкоголизмъ. Втянувшись, бабы не дорожатъ ничѣмъ, пропиваютъ все; если бы въ аптекѣ принимали въ уплату сарафаны, онѣ снимали бы ихъ тутъ же. Съ десятокъ бабъ изъ

ближайшихъ деревень, постоянно бѣгавшихъ въ аптеку, стали типичными алкоголичками, со всѣми грязными нравственными послѣдствіями этой ужасной болѣзни.

— Сколько же тебѣ, Матрена? — Мы уже знали, какъ зовутъ нашихъ «завсегдатайницъ».

— Али обидишь?

— Охота выпить?

— Оглашенный... наливай скорѣе.

День начался обычнымъ порядкомъ.

Около 11 часовъ въ аптеку пришелъ монахъ, помолился Богу, поздоровался чинно, вынулъ записку, надѣлъ очки и сказалъ:

— «Киндеръ-бальзаму» дайте,—и сталъ читать: «фунтъ, фунтъ, два, фунтъ, фунтъ»...

Помощникъ—онъ ужъ тогда былъ у стойки—сталъ вынимать изъ шкафа заготовленныя стклянки.

— Постой-ка, ужо, сколько ты поставилъ фунтовиковъ?—вдругъ остановился монахъ.—Пять? неладно... Давай считать сызнова.

— Ставь вотъ сюды... Отцу Паисію фунтъ, отцу Михаилу фунтъ, отцу Павлу два, къ этому углу, сюда... Отцу Венедикту два, отцу Іоанну два, еще два послушникамъ... Ставь эти... Набралось до двадцати стклянокъ.

— Все, что ли?

— Не торопись, дай десятифунтовую.

— Общую?

— На трапезную...

Позвали сторожа, онъ упаковалъ въ корзину и снесъ монаху бутылки въ тарантасъ.

— Нынче настоящій даете, или какъ? — спросилъ у меня однажды знакомый мужикъ Семка, только что продавшій любимую лошадь и пришедшій въ аптеку за утѣшеніемъ. Я дѣлаю видъ, что вопросъ меня оскорбляетъ. Мы, правда, слегка подбавляли aquae destillatae, — акцизный контроль на аптеки не распространяется,—но, конечно, это была «профессіональная тайна».

— Что ты, Семенъ, ерунду несешь?—говорю я съ обиженнымъ видомъ.

— Болтаютъ люди, и я заодно: быдто коли послабѣе.

— Жена у тебя печетъ пироги... Тоже, когда удастся, а когда нѣтъ.

— Какъ печка испечетъ, такъ и печется,—весело подхватилъ мой собесѣдникъ,—ну, налей еще на гривенничекъ.

Такія подозрѣнія высказывались все чаще. Крестьяне просили «дать настоящаго» или «снять съ верхней полки». Бабы, наоборотъ: «намъ полегше. Мужского-то настоящаго не осилимъ». Бальзамъ разбавлялся сильно. А такъ какъ отъ воды онъ мутнѣлъ, то провизоръ придумалъ пропускать его черезъ жженую магнезію; магнезія дѣлала его прозрачнымъ...

Трактирщикъ Максимка, видя, что аптека бойко торгуетъ бальзамомъ и отбиваетъ у него торговлю, сталъ тоже покупать «киндеръ» и прибавлять его къ водкѣ. Даже виноградныя вина вскорѣ у него получили привкусъ бальзама. Сидѣльца же казенной винной лавки мы сгубили: лавка стала выручать такъ мало, что ее перевели изъ перваго разряда во второй.

Случилось однажды крупное событіе. Въ одномъ глухомъ селѣ, окруженномъ лѣсами, жилъ священникъ о. Анфалъ. Прихожане его были черемисы, наполовину язычники, и бѣдняга отъ тоски и одиночества сталъ въ своей глуши запивать. Въ аптеку онъ пріѣзжалъ сначала за лѣкарствомъ, а затѣмъ сталъ понемногу присматриваться къ тому, что у насъ дѣлалось. Работника у него не было. Водку приходилось покупать самому, а это неудобно: въ городѣ жилъ благочинный. Въ аптеку же ходить незазорно, и о. Анфалъ замѣнилъ очищенную цѣлебнымъ бальзамомъ. Вскорѣ онъ сталъ нашимъ добрымъ знакомымъ. Заходилъ съ задняго хода прямо въ дежурку, гдѣ стоялъ столъ и кровать. Здѣсь отцу Анфалу было свободно и привольно... Выпьетъ сверхъ мѣры, можно выспаться тутъ же.

Въ одинъ злополучный день онъ пришелъ такимъ образомъ въ дежурку. Кто-то изъ насъ принесъ ему обычный полуфунтовикъ. Онъ пилъ сначала одинъ, затѣмъ, когда отпускъ кончился, къ нему пришелъ мой товарищъ, ученикъ, бывшій дежурнымъ. Сторожъ принесъ изъ лавки килекъ, колбасы, и о. Анфалъ заночевалъ въ аптекѣ. Лошадь его стояла у насъ же, въ хлѣву... На другой и на третій день батюшка опять не уѣхалъ, опять ночевалъ и пилъ. На четвертый день бальзамъ побѣдилъ бѣднаго пастыря: о. Анфалъ въ одномъ бѣльѣ сбѣжалъ изъ аптеки и прибѣжалъ на почту. Нравы въ городѣ патріархальные, всѣ двери открыты. О. Анфалъ пробрался къ телеграфному аппарату, отъ котораго случайно отлучился дежурный, и принялся барабанить... Кончилось больницей, куда бѣднягу отправили въ бѣлой горячкѣ.

Проникло наше цѣлебное средство и въ женскій монастырь. Монашки не рѣшались открыто покупать бальзамъ и заходили для этого дѣла къ провизоршѣ: принесутъ вышитыя подушки, копелечки, искусственные цвѣты, потомъ дипломатично станутъ жаловаться на разныя болѣзни. Провизорша посылаетъ въ аптеку—и начинается пріятная бесѣда, съ «невиннымъ» угощеніемъ.

Сельскіе батюшки являлись въ будніе дни, когда крестьянъ въ аптекѣ мало, и брали на потребу основательно, съ запасцемъ, фунтовъ по 5 или 10, чтобы хватило надолго...

Крестьяне относились къ аптекѣ очень благодушно. Удобно, дешево (дешевле даже, чѣмъ въ винной лавкѣ), и пить можно было не на холоду. Жаловались только, что мы, заодно ужъ, не держимъ закуски.

— Выпить—лучше не надо, закуски нѣтъ,—говоритъ мужикъ,

вопросительно глядя на помощника.—А то, можетъ, есть? А?.. Воблишки хоть...

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ помощникъ строго.

Мужикъ подумалъ и поманилъ меня пальцемъ изъ-за рабочаго стола.

— Слышь, малый, возьми вотъ... сбѣгай живымъ духомъ... воблишки принеси...

— Убирайся ты!

Мужикъ горестно качаетъ головой.

Впрочемъ, изобрѣтательный провизоръ нашелся и тутъ: онъ распорядился отпускать на закуску мятныхъ лепешекъ. Въ виду непредвидѣнности назначенія за лепешку брали по пятаку, за пару 10 копѣекъ... Дѣло наладилось.

По вечерамъ въ аптеку приходили горожане, составлялись пріятныя компаніи. Время проходило пріятно. Изъ аптеки то и дѣло подавали цѣлебный бальзамъ. Закуски собесѣдники приносили свои. Порой ставились карточные столы. Аптека превращалась въ клубъ. Въ ярмарку (ихъ было двѣ: въ іюнѣ и августѣ) у насъ толпились лошадиные барышники съ кнутами въ рукахъ, торговались, били по рукамъ и, конечно, «лѣчились»... Въ аптекѣ стоялъ дымъ коромысломъ, и доступъ больнымъ становился невозможенъ... Если порой вспыхивалъ скандалъ,—на сцену являлся сторожъ Петръ, дѣтина огромнаго роста и феноменальной силы... Онъ тотчасъ же бралъ кого надо за шиворотъ и мгновенно вытаскивалъ, какъ тряпку... Порой его мощная десница опускалась такъ на плечи «строптивыхъ» больныхъ, которые начинали роптать, называли аптеку кабакомъ и слишкомъ настойчиво требовали своевременнаго отпуска лѣкарствъ...

Въ концѣ сентября, когда открылось земское собраніе, гласные крестьяне явились въ аптеку «отвѣдать киндеру». Провизоръ приготовилъ нарочно для нихъ крѣпкаго, на славу... Нѣкоторые изъ этихъ гласныхъ даже поселились въ аптекѣ. На одномъ изъ заключительныхъ засѣданій собраніе ассигновало намъ награду: провизору 100 р., помощнику 50, ученикамъ по 25 р. Когда гласные разъѣхались, одинъ изъ нихъ, по фамиліи Кугуяловъ, остался и застрялъ въ аптекѣ на недѣлю. Пріѣхала на телѣгѣ жена—выручать мужа.

— Думала я ужъ, пропалъ ты, Кузьма,—сказала она пьяному супругу. Сторожа Петръ и Ефимъ бережно повели почтеннаго гласнаго подъ руки... Когда его усадили, жена вернулась къ намъ и попросила тоже бальзамчику «для домашности». Ей дали фунтъ.

Глубокой осенью я оставилъ эту аптеку и уѣхалъ изъ города...

«И похоже это на правду? И можетъ это случиться?—спроситъ словами Гоголя иной читатель.—«Все можетъ случиться, и все по-

хоже на правду на святой Руси»,—отвѣчу я. Все, описанное выше, я срисовалъ прямо съ натуры, ничего не прибавляя отъ себя. Скажу еще, что богоспасаемый городишко, гдѣ земство поощряло «увеличеніе доходовъ» со своей аптеки наградами изобрѣтательнымъ служащимъ,—расположенъ всего въ какихъ-нибудь ста верстахъ отъ большого университетскаго города. Много-ли такихъ городовъ съ такими аптеками,—не знаю. Знаю, что они есть. Провизоръ, который такъ умѣло увеличилъ доходность нашей земской аптеки, не былъ Колумбомъ. Америка была открыта до него. Онъ служилъ ранѣе въ аптекѣ, гдѣ велась широкая торговля киндеръ-бальзамомъ, и бальзамомъ майскимъ и іерусалимскимъ, и можжевеловымъ спиртомъ. Темное населеніе незнакомо съ цѣлебными свойствами этихъ «лѣкарственныхъ средствъ», сначала приходится, конечно, ознакомить съ ними. Нашъ провизоръ, вступивъ въ отправленіе обязанностей,—прежде всего вывѣсилъ объявленіе: «Здѣсь продается киндеръ-бальзамъ». Затѣмъ онъ принялся отъ времени до времени «подлѣчивать» больныхъ безвозмездно, великодушно затративъ на пропаганду около пуда бальзаму...

Послѣ этого «косная масса», наконецъ, стала подаваться, и... лѣченіе пошло—какъ описано выше...

Ив. Полубарьевъ.

БОЙ БЫКОВЪ.

Іоганна Іенсена.

Переводъ А. С. П.

Второе мая у испанцевъ день свободы. Случилось такъ, что вѣсть о разгромѣ при Кавитэ пришла въ Мадридъ какъ разъ въ этотъ день. Испанцы устроили утромъ маленькое возстаніе, которое подало поводъ къ великолѣпному военному параду. Шумъ и ожесточеніе утонули въ краскахъ.

Послѣ полудня въ городѣ установилось спокойствіе.

Но часамъ къ четыремъ Мадридъ сталъ похожъ на пчелиный улей, въ который кто-то воткнулъ палку. На Пуэрта дель Соль изъ-за экипажей нельзя было пройти. Они мчались такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти, и всѣ по одному направленію, къ улицѣ Алькала. Здѣсь движеніе было чудовищно. Тамъ и сямъ красовались громадные омнибусы, передъ дверцами которыхъ стояли на стражѣ кучера, въ экстатическомъ усердіи поднимая руки къ небу и вопя:

— Есть мѣста, есть мѣста!

А тѣ, которые заняли мѣсто подъ парусинной крышей, тоже кричали и шумѣли, какъ мыши въ ловушкѣ. Въ одно мгновеніе одинъ изъ омнибусовъ наполнился, кучеръ вскочилъ на козла, хлестнулъ муловъ и помчался съ такой быстротой, какую только могли выдержать ремни и упряжь. Въ нѣкоторыхъ экипажахъ была упряжка изъ шести муловъ, жалкихъ одровъ, но головы ихъ были увѣшаны прекраснѣйшими красными помпонами.

Не зная, что означаетъ вся эта сутолока, я тоже поискалъ себѣ мѣста въ одномъ изъ экипажей, и мы помчались галопомъ на Калле де Алькала.

Экипажи обгоняютъ насъ, мы обгоняемъ другихъ, я вижу сотни лицъ. Мы проѣзжаемъ мимо экипажей, въ которыхъ сидятъ знатныя испанки. Ихъ черные волосы прикрыты только кружевомъ, а красивыя лица похожи на боль-

14*

шіе опалы; онѣ напудрены и накрашены. Онѣ сидятъ, полныя благороднаго спокойствія, подъ открытымъ небомъ, которое бросаетъ легкій отблескъ на ихъ щеки, какъ будто сверкающія фосфорическимъ свѣтомъ на солнцѣ. По троттуарамъ идутъ испанцы, мрачно укутавшись до самаго подбородка плащемъ; гдѣ-то стоитъ нищій; мы проносимся мимо тріумфальной арки,—на лѣстницѣ лежитъ, закрывъ лицо плащемъ, какой-то человѣкъ. Онъ худъ и оборванъ, и среди всего этого шума, во всемъ своемъ убожествѣ, крѣпко спитъ, а возлѣ него лежитъ, свернувшись клубкомъ, собаченка и тоже спитъ.

Но вотъ появляется верхомъ на мулѣ парень, весь одѣтый въ красное; онъ гордо сидитъ на самомъ крестцѣ, какъ въ циркѣ, а за нимъ быстрой рысью слѣдуетъ экипажъ. Онъ похожъ на цвѣточную корзину, въ немъ гордо возсѣдаютъ восемь торреадоровъ въ красныхъ, желтыхъ и шитыхъ золотомъ костюмахъ. У муловъ на головахъ огромныя соломенныя шляпы съ колокольчиками!

Еще одинъ экипажъ съ капеадорами. И затѣмъ, медленной рысью, пикадоръ. Онъ поднялся на огромныхъ стременахъ, имѣющихъ видъ чашекъ старинныхъ вѣсовъ, и держится неподвижно, какъ статуя; за нимъ слѣдуетъ мулатъ въ огненно-красной курткѣ.

А на углу Калле де Алькала я только десять минутъ тому назадъ прочелъ телеграммы, написанныя мѣломъ на большой доскѣ. Въ нихъ говорилось о кровопролитномъ морскомъ сраженіи, говорилось, что американцы готовятся высадиться на Кубѣ. И я читалъ еще влажныя экстренныя прибавленія къ газетамъ, въ которыхъ съ паѳосомъ изображалось несчастье: *ужасная, неслыханная* катастрофа! Самое пораженіе характеризовалось, какъ почетное: *el glorioso desastre de Cavite.*

Мимо этихъ телеграммъ мчатся жители Мадрида по дорогѣ къ Plaza de los Toros, эти газеты лежатъ у нихъ въ карманахъ.

А нашъ омнибусъ несется все впередъ, мы уже на вершинѣ холма. Тамъ нашего кучера охватываетъ безуміе, онъ соскакиваетъ съ козелъ, какъ тигръ, бросается на муловъ и, точно въ припадкѣ бѣшенства, отпрягаетъ переднюю тройку, оттаскиваетъ муловъ въ сторону,—и мы несемся внизъ по холму съ одной упряжкой.

Наконецъ, мы достигаемъ Plaza de los Toros, красной арены въ концѣ города. Ну и давка-же здѣсь! Дуетъ свѣжій вѣтеръ. Надъ окрестными полями, точно снѣжныя хлопья, носится пыль, я вижу, какъ крошечные ослы съ трудомъ двигаются впередъ подъ тяжестью испанцевъ, возсѣдающихъ

на нхъ спинахъ; рысью подъѣзжаетъ какой-то крестьянинъ, ноги у него отъ колѣнъ до щиколотокъ обмотаны красными, какъ киноварь, тряпками; у него необыкновенно задорный видъ, а лицо похоже на черную, съежившуюся картофелину.

Передъ обѣими кассами—бѣшеная свалка. И входъ поглощаетъ толпу—ее какъ будто уноситъ сильный порывъ вѣтра. Шумъ невѣроятный. Вдругъ вижу, какъ какой-то человѣкъ садится среди всей этой сутолоки на землю и стаскиваетъ съ ноги сапогъ. Онъ заглядываетъ въ него и киваетъ головой,—да, такъ оно и есть, туда забрался камень. И человѣкъ вытряхиваетъ камень, съ улыбкой наслаждаясь своимъ частнымъ маленькимъ тріумфомъ.

Я вижу, что есть билеты по девяносто четыре пезеты.

La corrida начинается въ половинѣ пятаго. Это обычное время въ каждое воскресенье, потому что тогда первый актъ богослуженія до нѣкоторой степени оконченъ. Времени какъ разъ достаточно, чтобы выйти изъ однихъ воротъ и войти въ другія, потомъ отсюда домой и затѣмъ на вечернюю службу. Остатокъ вечера каждый можетъ употребить на то, чтобы содѣйствовать по мѣрѣ силъ дѣлу размноженія испанскаго народа.

На Plaza de los Toros нѣтъ ни уголка свободнаго. Люди распредѣлены такъ, что тѣ, кто обыкновенно находится на солнечной сторонѣ жизни, сидятъ на тѣневой сторонѣ—la sombra—между тѣмъ какъ, наоборотъ, тѣ, которые стоятъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, даромъ пользуются солнцемъ. Цѣны на билеты опредѣлены съ такой патріархальной заботливостью, что это соотношеніе получается само собой.

Я, конечно, сидѣлъ на тѣневой сторонѣ, скамья была каменная, и у меня не было ничего, кромѣ мягкой подушки, для защиты отъ жесткаго сидѣнья. Весь огромный циркъ былъ полонъ людей. Plaza de los Toros выстроена въ мавританскомъ стилѣ,—наглая и грубая поддѣлка. Балконы и ложи были усѣяны разноцвѣтными головными уборами, края ложъ обвивались вокругъ, точно цвѣтные пояса, а все вмѣстѣ напоминало тѣ искусныя цвѣточныя клумбы, какія видишь въ городскихъ паркахъ, или-же мастерски приготовленный, сложный и разноцвѣтный салатъ, поданный въ салатникѣ. А надъ огромнымъ кольцомъ поднималось небо, точно сырный колпакъ.

При звукахъ мѣдныхъ инструментовъ на арену выѣзжаютъ два герольда и отвѣшиваютъ глубокій поклонъ передъ президентской ложей. Затѣмъ они выводятъ «кадриль» капеадоровъ, пикадоровъ на лошадяхъ и конюховъ. Всѣ они привѣтствуютъ президента и становятся вдоль барьера.

Безъ промедленія впускаютъ перваго быка. Его уже заранѣе раздразнили и искололи, онъ бѣжитъ по песку и съ удивленіемъ озирается; это красивое, молодое, откормленное животное. Капеадоры простираютъ свои легкіе шелковые плащи, и быкъ замѣчаетъ ихъ. Ужъ васъ я не выпущу,—думаетъ онъ и начинаетъ гоняться за ними. Капеадоры разсыпаются въ стороны — они движутся такъ, какъ будто душа у нихъ находится въ задней части тѣла,—и одинъ, душа котораго необыкновенно подвижна, спѣшитъ навстрѣчу быку, останавливается передъ нимъ и вызывающе выпячиваетъ грудь. Быкъ бросается на него, капеадоръ ускользнулъ въ сторону и размахиваетъ у него передъ глазами своимъ плащемъ. Другіе смѣняютъ его, и эта игра продолжается нѣсколько времени. Быкъ поворачивается направо и налѣво, какъ крестьянскій мальчикъ, попавшій въ толпу играющихъ городскихъ дѣтей и тщетно старающійся поймать одного изъ нихъ. Онъ сердится, онъ съ шумомъ выпускаетъ воздухъ изъ ноздрей, точно выстрѣлы изъ духовыхъ ружей,—теперь онъ подготовленъ къ дальнѣйшему. Пикадоры держатся у барьера на своихъ выходныхъ лошадяхъ. Это рослые, крѣпко сколоченные парни въ желтыхъ замшевыхъ штанахъ. Имъ подаютъ пики, и одинъ изъ нихъ выѣзжаетъ впередъ. У лошади на глазахъ положенная наискось повязка; правый глазъ, который при маневрахъ будетъ обращенъ къ быку, совсѣмъ закрытъ, лѣвымъ-же она немного видитъ. Это придаетъ лошади безпечный видъ, какъ будто она въ игрѣ въ жмурки немножечко плутуетъ.

Быкъ замѣчаетъ храбреца, который стоитъ передъ нимъ на лошади и вызывающе направилъ въ него пику. Онъ отступаетъ назадъ, скребетъ передними лапами песокъ, опускается на нихъ, измѣряетъ разстояніе, киваетъ и какъ будто шепчетъ самому себѣ:—Ничего не подѣлаешь!..

И то, чему человѣкъ могъ-бы помѣшать, происходитъ, *должно* произойти: быкъ съ грохотомъ бросается на лошадь и всадника. Пикадора выбрасываетъ изъ сѣдла, онъ падаетъ на нѣкоторомъ разстояніи, точно мѣшокъ муки, на песокъ. Лошадь корчится, сильно спотыкается и падаетъ. И тотчасъ-же снова появляются капеадоры съ своими красными плащами. Быкъ бросается на нихъ и гонитъ ихъ къ барьеру, гдѣ они поспѣшно укрываются въ безопасное мѣсто. Конюхи помогаютъ пикадору встать; публика неистовствуетъ, а лошадь, лошадь обрабатываютъ палками и ремнями до тѣхъ поръ, пока она опять поднимается на ноги. У нея только двѣ легкія раны, одна на животѣ и одна между ребрами; онѣ глубиной, самое большее, въ чет-

верть метра, а длиной съ человѣческую руку. Кровь потокомъ хлещетъ при каждомъ біеніи пульса.

— Какое это имѣетъ значеніе,—какъ будто думаетъ лошадь, жуетъ удила и облегченно фыркаетъ, считая, что дешево отдѣлалась. Но, вотъ, пикадоръ опять вскакиваетъ въ сѣдло и гонитъ дрожащее животное впередъ. Новое громовое столкновеніе, и на этотъ разъ лошадь и всадника отбрасываетъ къ барьеру. Пикадоръ спокойно держится подъ защитой лошади, хотя его положеніе никакъ нельзя назвать пріятнымъ, а быкъ яростно раздираетъ внутренность трепещущей, безумно испуганной лошади. Въ этотъ моментъ толстоголовое животное, ярость котораго сосредоточилась въ рогахъ,—воплощеніе тысячеголовой глазѣющей толпы.

Когда капеадорамъ удастся отвлечь быка, пикадора вытаскиваютъ. Ему здорово досталось: онъ хромаетъ и громко стонетъ. Но лошадь должна встать. И конюхи бьютъ ее по мордѣ и глазамъ своими палками. Эти палки сдѣланы изъ особой, гибкой и узловатой терновой лозы. Да, да, подождите минутку... Лошадь хочетъ сдѣлать все, что въ ея силахъ—этого хочетъ всякая лошадь при всякихъ условіяхъ, она послушна и разумна. Но она не можетъ. Она должна. И когда она, наконецъ, пошатываясь, стоитъ на ногахъ, изъ ея живота свѣшивается почти до земли мѣшокъ коричневыхъ и бѣло-голубыхъ кишекъ. Но разъ она еще можетъ стоять, она еще годна, она должна еще разъ взяться за дѣло. Пикадоръ своими стонами создалъ себѣ фонъ, на которомъ можетъ выступить въ качествѣ закаленнаго героя; онъ садится въ сѣдло (овація). Но когда лошадь хочетъ двинуться впередъ, она наступаетъ задней ногой на кишки и вытаскиваетъ ихъ еще больше—Ивъ!—говоритъ она и падаетъ на заднія ноги. Пикадоръ съ досадой сходитъ на землю. Лошадь получаетъ позволеніе немного посидѣть; можетъ быть, она еще оправится. Она сидитъ на заднихъ ногахъ, какъ собака, поворачиваетъ голову то туда, то сюда и осматривается. У нея своеобразное, покорное выраженіе. Если ей позволятъ нѣсколько минутъ посидѣть и немного отдышаться, она опять будетъ повиноваться своему всаднику. Между тѣмъ о ней забываютъ, такъ какъ все вниманіе обращено на быка, который собирается вырвать печень и кишки у другой лошади—*буквально*: когда быкъ отворачивается отъ превратившейся въ безформенную груду лошади, на рогахъ у него остаются длинные, сочащіеся кровью лоскутья кишекъ. Пикадора подбираютъ, его штаны покрыты кровью. Въ тотъ-же моментъ на середину арены выскакиваетъ первый бандерильеро, высоко поднявъ бандерильи,

какъ будто собираясь управлять съ помощью двухъ дирижерскихъ палочекъ музыкальной пьесой.

У лошади, которая сидитъ въ сторонѣ на заднихъ ногахъ и размышляетъ о своемъ безсиліи, является впечатлѣніе, что всѣ ее забыли. Можетъ быть, она можетъ немного отдохнуть. И она тихо ложится на бокъ и кладетъ голову на песокъ. Одинъ изъ конюховъ видитъ это, подходитъ и крѣпко ударяетъ ее по глазамъ. Но, убѣдившись, что у нея больше нѣтъ силъ, онъ вытаскиваетъ ножъ съ сердцевиднымъ остріемъ и вонзаетъ его ей въ спину. Въ теченіе минуты лошадь корчится и вытягивается, какъ отъ электрическаго тока, затѣмъ успокаивается. Только ножи здѣсь милосердны.

Бандерильеро топаетъ ногой о землю и важно разгуливаетъ взадъ и впередъ. Быкъ галопомъ бросается на него. И, нагнувшись впередъ, стоя между рогами, человѣкъ съ быстротой молніи вонзаетъ быку обѣ бандерильи разомъ въ спину,—и его ужъ нѣтъ. Аплодисменты. У этихъ бандерилій имѣются крючки, иначе онѣ сейчасъ же выпали бы опять; и когда быкъ движется, острія въѣдаются въ его живое мясо. Онъ отбрасываетъ голову назадъ и возбужденно подпрыгиваетъ на мѣстѣ. Кровь струится по бокамъ и каплетъ съ подгрудка. Когда быкъ двигается, изъ его лопатки вылетаютъ красныя искры. А онъ двигается непрерывно со свойственной ему неуклюжей гибкостью, онъ хочетъ заколоть одного изъ этихъ двуногихъ въ зеленыхъ или желтыхъ, или красныхъ шелковыхъ костюмахъ, онъ думаетъ, что отъ него ждутъ этого. Но, вмѣсто того, чтобы въ самомъ дѣлѣ взять кого-нибудь на рога, глупый быкъ получаетъ еще двѣ пары бандерилій, и, очутившись вблизи одной изъ мертвыхъ лошадей, онъ, въ своихъ мукахъ и ярости, бросается, точно пловецъ, головой внизъ на мертвое тѣло, рветъ, терзаетъ, комкаетъ его и вытаскиваетъ наружу всѣ внутренности. Кажется, что мертвая лошадь снова ожила и барахтается самымъ фантастическимъ образомъ; это имѣетъ невѣроятный нелѣпый, причудливый видъ, и толпа хохочетъ. Когда по этой громадной, пестрой, прелестной цвѣточной клумбѣ проходитъ волна смѣха, это звучитъ такъ, какъ будто съ шумомъ проносится огромная стая странныхъ птицъ, только что полакомившихся падалью.

Теперь быкъ уже совсѣмъ задыхается, онъ очень усталъ, онъ громко дышетъ, залитые кровью бока вздымаются, а языкъ безсильно высовывается изо рта. Но это придаетъ ему задорный и хитрый видъ, онъ похожъ на собаку, съ которой играютъ, и которая отъ усердія забываетъ спрятать языкъ.

Въ представленіи наступаетъ пауза. Въ промежуткѣ быкъ

обнюхиваетъ дверь, черезъ которую вошелъ; онъ кладетъ голову на бокъ и разсматриваетъ засовъ. Не могутъ ли открыть эту дверь? Нѣтъ. Очевидно, этого не собираются дѣлать. Наоборотъ. Капеадоры опять гонятъ его на средину арены. Теперь быкъ пытается спастись, перепрыгнувъ черезъ барьеръ,—неожиданный, великолѣпный прыжокъ двукопытнаго. По толпѣ зрителей проходитъ невольное движеніе. Но быкъ попадаетъ только въ коридоръ, откуда его опять выгоняютъ на арену.

Передъ президентской ложей стоитъ съ обнаженной головой эспада Энрике Варгасъ и обращаетъ кверху свое бритое, какъ у патера лицо. Онъ проситъ позволенія окончить игру. Ему незачѣмъ просить объ этомъ, это только формальность. Если бы онъ, напротивъ, просилъ пощадить быка.. Но Энрике Варгасъ *не* проситъ объ этомъ,—у него можетъ быть, есть жена и дѣти.

Затѣмъ онъ походкой камердинера выходитъ впередъ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ огненно-красное покрывало, а въ правой, деликатной, перпендикулярной линіей, шпагу. Сначала онъ утомляетъ и одурманиваетъ быка покрываломъ, а затѣмъ онъ втыкаетъ въ него шпагу четыре раза, и все неправильно. Видано ли что-нибудь подобное? Оба первыхъ раза клинокъ оставался въ спинѣ животнаго, но при прыжкахъ быка онъ снова выпадалъ. Ударъ долженъ придтись въ опредѣленное мѣсто, и эспада долженъ занять опредѣленную позицію передъ быкомъ. Онъ приводитъ быка въ полубезчувственное состояніе краснымъ покрываломъ, и когда животное въ отчаяніи и нерѣшимости останавливается, онъ долженъ поспѣшить попасть въ него. Онъ дѣлаетъ свое дѣло плохо, и публика осыпаетъ его насмѣшками. Я тоже нахожу, что єто нечистая работа, и кричу ему:—Негодяй!—Что пользы, что пятый ударъ хорошъ? Онъ уходитъ безъ аплодисментовъ, очень смущенный и красный отъ стыда.

Рукоятка шпаги и нѣсколько дюймовъ клинка торчатъ надъ спиной быка. Остальное находится глубоко въ его внутренностяхъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, хорошо ли сдѣланъ ударъ. Сколько времени еще выдержитъ быкъ? Онъ извивается, останавливается и изгибаетъ спину. Вслѣдствіе внутренняго кровоизліянія, кровь съ журчаньемъ бьетъ изо рта. У быка непонимающій и немного глупый видъ; онъ высоко поднимаетъ голову, какъ будто для того, чтобы сосредоточить все вниманіе на больномъ мѣстѣ, и, такъ какъ такая поза годится для этого, онъ вдругъ поднимаетъ ревъ: му-у! Въ моемъ мозгу проносится смутное воспоминаніе о лѣтнемъ настроеніи, зеленыхъ пастбищахъ, журчащихъ ручейкахъ и далекомъ мычаніи коровъ.

Вскорѣ послѣ этого быкъ начинаетъ шататься. Но капеадоры не даютъ ему шататься, какъ ему угодно; они неотступно окружаютъ его своими плащами, и онъ тычетъ въ нихъ своей рогатой головой и вольтижируетъ, какъ умѣетъ. Вдругъ ему опять вспоминается дверь хлѣва, ему хочется домой, и онъ, шатаясь, пересѣкаетъ арену, какъ человѣкъ, который хотя и пьянъ, но все же, правда, нѣсколько неувѣренно, находитъ дорогу домой.

Но быку не позволяютъ идти домой, его гонятъ кругомъ, и въ своемъ отчаяніи онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку раздробить кости кому-нибудь изъ людей. Такъ какъ онъ оглушенъ, и у него кружится голова, онъ не обращаетъ вниманія на свои глаза, и концы плащей хлещутъ нѣжные зрачки.

Да, да, подождите только!.. Быкъ приходитъ въ себя и бросается на нихъ, гонитъ ихъ всѣхъ черезъ барьеръ. Нѣсколько времени онъ стоитъ и таращитъ на нихъ глаза, и—да, потомъ онъ ложится, просто ложится. На моментъ, пока его оставляютъ въ покоѣ, онъ чувствуетъ себя немного лучше, облизываетъ нѣсколько разъ каждую ноздрю и дѣлаетъ движеніе глотанія, какъ будто чувствуя потребность вытолкнуть назадъ жвачку и опять прожевать ее. Но вотъ они всѣ подскакиваютъ къ нему и ударяютъ его плащами по глазамъ. Быкъ поворачиваетъ голову туда и сюда, вѣки у него дрожатъ, затѣмъ, разъ такъ ужъ должно быть, поднимается и стоитъ, пошатываясь. Его потрясаетъ предсмертная дрожь, и онъ выплевываетъ на землю сгустокъ крови. Тычетъ и машетъ безсильными рогами по направленію къ капеадорамъ. И неповоротливая голова падаетъ внизъ: онъ такъ усталъ.

Только когда быкъ падаетъ, капеадоры оставляютъ его въ покоѣ. Теперь, къ сожалѣнію, очередь за конюхами, это неудачный номеръ. Два, три раза вонзаютъ они ножъ въ спину быка, и послѣ нѣсколькихъ минутъ агоніи онъ умираетъ. Входятъ конюхи съ упряжками и, зацѣпивъ крюками мертвыхъ животныхъ, галопомъ тащатъ по аренѣ. Они безжизненно мотаются по бокамъ, что за радость видѣть это!

Это номеръ первый. Ничего особеннаго, не очень яростно и средне по храбрости: семь нападеній, четыре паденія, двѣ лошади. Бандерильи были хороши. Шпага очень плоха.

Второй, третій и четвертый номера тоже очень жалки. За то пятый номеръ очень оживленный и интересный. Три лошади. Антоніо Фуэнтесъ наноситъ удары пять разъ отвратительно, за то шестой ударъ чудесный. Антоніо Фуэнтесу, вообще довольно ловкому, слѣдуетъ больше работать.

Седьмой и послѣдній быкъ былъ хорошъ, основательно

раздраженъ и замученъ до безумія. Онъ разорвалъ восемь лошадей. Но „El Nacional“ констатировалъ съ нѣкоторой горечью, что, правда, трое изъ нихъ были наполовину убиты еще прежними быками. Что это за неприличіе! Намъ нужны здоровыя животныя. Мы не хотимъ здѣсь, въ Испаніи, убивать мертвыхъ лошадей.

Послушайте, какъ были убиты эти восемь лошадей. Первой быкъ вонзилъ рога глубоко въ мясистую грудь и швырнулъ ее на землю; послѣ этого, при второмъ нападеніи, у нея была такъ ужасно разорвана шея, что смерть наступила немедленно. Между тѣмъ пикадоръ воспользовался случаемъ, чтобы честно уколоть быка пикой, и, когда послѣ этого его подобрали, стонущаго и покрытаго синяками, онъ удостоился апплодисментовъ. Вторая лошадь была поставлена пикадоромъ въ непочтительную позу по отношенію къ быку, такъ что этотъ послѣдній колебался, что ему дѣлать (браво!!), затѣмъ быкъ напалъ на лошадь и вонзилъ свой рогъ подъ ея хвостъ, *поднялъ* ее надъ землей и, наконецъ, сжалъ ее во всю ея длину. И когда лошадь опять очутилась на ногахъ, изъ ея зада капала густая красная кровь. Это выглядѣло такъ, какъ будто она дѣлала что-то другое, и вызвало бурную вспышку веселости. Но среди шума я слышалъ, какъ кричала лошадь, дико и пронзительно, какъ локомотивъ въ горномъ ущельѣ. Вообще-же лошади во время мученій держали себя спокойно. Третьей разорвали морду, она молчала; такъ какъ видны были зубы, казалось, что она весело улыбается. Затѣмъ ей разорвали ногу, она не пикнула, а въ третій разъ поскакала впередъ, при чемъ снаружи мотались кишки. Тонкая кишка мѣшала животному, но она не поднимала большого шума изъ-за этого. Только въ четвертый разъ быкъ прижалъ ее къ забору и разорвалъ.

Четвертая лошадь хотѣла защищаться и ударяла копытами—но не очень долго! Пятая фыркнула, когда подъ ней задымились ея внутренности. Шестая только качала головой и истекала кровью. Седьмую быкъ въ припадкѣ ярости разорвалъ всю, и у нея не было времени проявить какъ-нибудь свое отношеніе къ этому. Восьмая выражала свою боль ногами, когда ей становилось невмоготу—весь бокъ у нея зіялъ, печень и легкія лежали наружу,—она дрыгала ими такъ, какъ будто подъ ногами у нея былъ огонь. Сейчасъ-же послѣ этого она упала, ее ударили и закололи, и, получивъ милосердный ударъ ножомъ, она махнула хвостомъ прежде, чѣмъ умереть.

А быкъ былъ въ концѣ концовъ убитъ. Онъ носился

вокругъ со своей болью и не могъ отомстить. Ахъ, нѣтъ. И въ концѣ концовъ онъ легъ, какъ это сдѣлали остальные, и насладился нѣсколькими приватными прерывистыми вздохами,—но онъ долженъ былъ опять защищаться и колоть рогами, ослѣпленный темнотой, пока не упалъ.

Этимъ кончилась la corrida. Она была очень неудачна—говорили газеты. Никакого благородства при пролитіи крови.—No bueno.

Парламентскій кризисъ.

(*Изъ Англіи*).

I.

Четырнадцатаго апрѣля Нижняя палата приняла рядъ резолюцій, вызванныхъ поведеніемъ лордовъ по отношенію къ бюджету 1909 года. Резолюціи эти сводятся къ слѣдующему.

1. Если лорды не даютъ своего согласія на денежный билль, принятый коммонерами и отправленный въ Верхнюю палату, то такой законопроектъ черезъ мѣсяцъ представляется премьеромъ королю и, получивъ его утвержденіе, становится закономъ *).

2. Спикеръ палаты по своему усмотрѣнію опредѣляетъ является ли представленный билль денежнымъ, или нѣтъ.

3. Если какой-либо другой билль, не денежный, трижды, въ трехъ послѣдовательныхъ сессіяхъ, былъ принятъ Нижней палатой, но отвергаемъ лордами, то онъ представляется премьеромъ королю и, въ случаѣ утвержденія, становится закономъ. Промежутокъ не меньшій, чѣмъ два года, долженъ пройти между моментомъ перваго внесенія билля въ парламентъ и королевскимъ утвержденіемъ послѣ того, какъ палата приметъ законопроектъ въ третій разъ.

4. Продолжительность парламента уменьшается съ семи лѣтъ до пяти лѣтъ.

Таковы были резолюціи, представляющія собою принципы будущаго билля для реформы Верхней палаты. Мы видимъ, что Нижней палатѣ предоставляется ими абсолютный контроль надъ финансами страны. Теоретическое право отклонять (но не измѣнять) денежные билли, которымъ лорды воспользовались послѣ трехъ вѣковъ, чтобы отвергнуть бюджетъ 1909 года,—отнимается окончательно. Предоставленіе спикеру рѣшать, носитъ ли билль денежный характеръ или нѣтъ, показываетъ ту глубину довѣрія, которое питаютъ коммо-

*) Читатели знаютъ, что, хотя англійскіе короли имѣютъ теоретическое право отвергать билли, но со времени королевы Анны не было случая, чтобы корона воспользовалась своимъ правамъ veto. И сдѣлай это король теперь, фактъ признанъ былъ бы революціоннымъ выступленіемъ короны.

неры къ своему предсѣдателю. Хотя спикеръ очень часто принадлежитъ не къ министерской партіи (до избранія, напр., нынѣшній спикеръ числился въ рядахъ консервативной партіи), но либералы, тори, ирландцы и рабочіе абсолютно довѣряютъ его безпристрастію. Двухлѣтній промежутокъ, о которомъ говорится въ третьемъ пунктѣ резолюціи, является гарантіей, что какая-нибудь спорная мѣра не будетъ проведена сгоряча. За два года страна успѣетъ достаточно познакомиться съ такимъ законопроектомъ и оцѣнить его по достоинству.

Двадцать второго марта, т. е. тогда, когда Нижняя палата еще обсуждала резолюціи, лордъ Розбери внесъ въ Верхнюю палату свой проектъ реформы ея, тоже въ видѣ резолюцій. Лорды успѣли весною разсмотрѣть и принять только первую половину этихъ резолюцій. Парламентскій кризисъ казался неизбѣжнымъ уже въ маѣ, такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что лорды отклонятъ резолюціи, принятыя Нижней палатой. Но шестого мая неожиданно скончался король Эдуардъ VII. Это явилось оффиціальной причиной для временнаго примиренія между партіями. «Нельзя втягивать новаго короля, оплакивающаго своего родителя, въ водоворотъ политической борьбы»,—говорили представители главныхъ партій. Дѣйствительно, для разрѣшенія вопроса участіе короля было неизбѣжно: онъ долженъ былъ дать «гарантіи» либеральному премьеру. Сводятся онѣ къ слѣдующему. Предположимъ, назначаются выборы. Главнымъ пунктомъ программы либераловъ является вопросъ о лордахъ. Избиратели даютъ свои полномочія либераламъ на то, чтобы покончить съ палатой наслѣдственныхъ законодателей и на установленіе первенства Нижней палаты. Либералы вносятъ соотвѣтственный билль, который получаетъ согласіе коммонеровъ. Но лорды, несомнѣнно, отвергнутъ такой законопроектъ. Для предупрежденія этого либеральный премьеръ долженъ запастись «гарантіями» отъ короля, т. е. обѣщаніемъ назначить по указанію кабинета столько новыхъ перовъ, чтобы они имѣли большинство въ Верхней палатѣ.

Такъ вотъ вожди партій рѣшили, что нельзя тревожить короля, только что потерявшаго отца. Таковъ былъ оффиціальный предлогъ для перемирія. Несомнѣнно было также и то, что немедленный кризисъ и выборы въ маѣ были крайне невыгодны для всѣхъ партій. Онѣ затратили такъ много на выборную борьбу въ январѣ 1910 года, что фонды всѣхъ партій были истощены совершенно. Консерваторы не только не успѣли собрать средствъ, но не знали, съ какимъ лозунгомъ обратиться къ странѣ. На январскихъ выборахъ тори убѣдились, что ни протекціонизмъ, ни защита лордовъ, ни протестъ противъ обложенія «незаработаннаго приращенія» энтузіазма не вызываютъ. Либералы тоже не желали немедленныхъ выборовъ, потому что, помимо того, что ихъ боевые фонды истощились, партія не знала, какъ обстоятъ ея дѣла въ странѣ: не было еще дополнительныхъ выборовъ, которые дали бы возмож-

ность опредѣлить настроеніе избирателей. Ирландцамъ и рабочимъ немедленные выборы въ маѣ были не съ руки вслѣдствіе полнаго истощенія средствъ. Относится это въ особенности къ рабочимъ. Дѣло Осборна, о которомъ читатели «Русскаго Богатства» уже знаютъ *), отняло у рабочихъ возможность собрать быстро боевой фондъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Нижняя палата назначила «конференцію восьми» для выработки плана, какъ выйти изъ политическаго тупика. Въ составъ конференціи отъ либераловъ вошли премьеръ, Ллойдъ-Джорджъ, Биррель и лордъ Кру. Консервативная партія избрала Бальфура, Остина Чемберлэна, лорда Лэнсдауна и графа Каудора. Семнадцатаго іюня состоялось первое засѣданіе конференціи. Ни крайніе радикалы, ни крайніе консерваторы не сочувствовали мирнымъ переговорамъ и желали разрыва. Крайніе радикалы боялись, что условіемъ міра будетъ компромиссъ съ лордами. Крайніе консерваторы опасались, что соглашеніе состоится на счетъ «тарифныхъ реформъ». Засѣданія конференціи происходили въ глубокой тайнѣ; но, не смотря на это, смутные слухи все же проникали въ печать, что давало возможность строить безчисленныя гипотезы. Извѣстно было, напр., что представители консервативной партіи, въ видѣ исхода въ случаѣ столкновенія между палатами, рекомендуютъ совмѣстное засѣданіе ихъ. Стало извѣстно, что либералы подняли вопросъ о томъ, можно ли считать исходомъ совмѣстное засѣданіе съ Верхней палатой, въ которой лорды-консерваторы представляютъ подавляющее большинство. При такомъ соотношеніи силъ консерваторы будутъ имѣть всегда большинство при совмѣстныхъ засѣданіяхъ палатъ. Потомъ въ печать проникъ слухъ, что консерваторы поставили такое условіе: въ совмѣстномъ засѣданіи палатъ не должны разсматриваться вопросы, заключающіе въ себѣ органическое измѣненіе конституціи (т. е. вопросъ объ областномъ сеймѣ въ Ирландіи). Либералы, по слухамъ, отвѣтили, что въ такомъ случаѣ невыгодность условій, при которыхъ партіи приходится работать, когда она у власти,—фиксируется. Консерваторы тогда предложили въ такихъ случаяхъ устраивать референдумъ. Таковы были слухи, проникавшіе въ печать въ то время, когда засѣдала конференція восьми. Умѣренныя консервативныя газеты убѣждали вождя оппозиціи (т. е. Бальфура) устроить такъ, чтобы конференція дала какіе-нибудь положительные результаты.

Пятнадцатаго ноября долженъ былъ открыться парламентъ, и за нѣсколько дней до этого «конференція восьми», послѣ двадцати засѣданій, разошлась, не достигнувъ никакихъ результатовъ. Такимъ образомъ, снова возникло то же положеніе дѣлъ, какъ и въ апрѣлѣ, когда Нижняя палата приняла перечисленныя выше резо-

*) См. статью „Рабочее движеніе". „Р. Б.", X, 1910.

люціи. Я сказалъ, что въ мартѣ лордъ Розбери внесъ въ Верхнюю палату свои резолюціи, содержащія проектъ реформы. Сводятся онѣ къ слѣдующему.

Порядокъ, при которомъ каждый пэръ становится членомъ Верхней палаты, отмѣняется. Реформированная Верхняя палата состоитъ изъ:

а) наслѣдственныхъ законодателей, избранныхъ лордами изъ своей среды;

b) пэровъ, засѣдающихъ по той должности, которую они занимали *);

с) изъ членовъ по выбору (порядокъ выборовъ и кто именно эти члены—не указано).

Проектъ этотъ встрѣтилъ полное одобреніе со стороны консервативной печати.

Весною лорды успѣли принять только первую половину резолюцій, предложенныхъ лордомъ Розбери. Когда парламентъ открылся, лорды поспѣшили принять и вторую половину резолюцій.

Но населеніе отнеслось очень скептически къ утвержденію, что реформа Верхней палаты, основанная на этихъ резолюціяхъ, дѣйствительно внесетъ какія-нибудь измѣненія. И вотъ черезъ недѣлю послѣ открытія парламента лордъ Лэнсдаунъ внесъ въ Верхнюю палату новыя резолюціи, на этотъ разъ, дѣйствительно, существенныя. Сводятся онѣ къ слѣдующему.

1. Верхняя Палата реформируется на основаніи проекта, выработаннаго лордомъ Розбери. Численный составъ ея значительно сокращается.

2. Лорды отказываются отъ своего права отклонять денежные билли, предоставленнаго имъ конституціей, если только будутъ приняты мѣры противъ того, чтобы неденежный билль не подносился бы, какъ денежный. Характеръ билля, т. е. денежный ли онъ, или нѣтъ опредѣляется соединенной коммиссіей, состоящей изъ представителей обѣихъ палатъ подъ предсѣдательствомъ спикера, который имѣетъ такой же голосъ, какъ и всѣ остальные члены. Если коммиссія, вслѣдствіе раздѣленія голосовъ, не можетъ опредѣлить характеръ билля, происходитъ совмѣстное совѣщаніе обѣихъ палатъ.

3. Если Верхняя палата дважды (съ промежуткомъ не меньше, чѣмъ въ годъ) отклонитъ неденежный билль, принятый коммонерами, назначается совмѣстное засѣданіе обѣихъ палатъ. Если же обсуждаемый вопросъ—крайней важности и не фигурировалъ въ избирательной программѣ, то по поводу него назначается референдумъ.

Проектъ, предложенный лордами, представляетъ значительный шагъ

*) Отставные генералы и адмиралы, бывшіе генералъ-губернаторы и вице-короли.

впередъ въ сравненіи съ позиціей, занимавшейся ими и ихъ защитниками до послѣдняго времени. До сихъ поръ ими доказывалось, что палата лордовъ—идеальный институтъ и что онъ долженъ имѣть контроль надъ финансами страны. Проектъ, поспѣшно принятый лордами, былъ встрѣченъ похвалами со стороны консерваторовъ и рѣзкой критикой со стороны либераловъ и радикаловъ. Крайне интересна перемѣна во взглядахъ консерваторовъ на референдумъ. Когда обсуждался бюджетъ 1909 года, предложено было кѣмъ то устроить референдумъ. Консервативныя газеты, защищающія теперь референдумъ, возстали тогда противъ предложенія. «Daily Mail» нашла референдумъ «абсурдной, фантастической и нелѣпой мѣрой». «Daily Express» доказывалъ, что «референдумъ—неуклюжее и глупое нововведеніе, которое можетъ повести къ революціи». «Globe» вспомнилъ, что референдумъ отвѣтственъ за многія катастрофы во Франціи. «Эту мѣру трудно даже защищать». «Daily Telegraph» нашелъ, что на предложеніе о референдумѣ можно отвѣтить только «презрительнымъ смѣхомъ». И всѣ эти газеты теперь не находятъ достаточно сильныхъ словъ для воспѣванія «дѣйствительно демократическаго способа узнавать отношеніе населенія къ законопроекту». Доказывая преимущества этого проекта передъ реформой Верхней палаты, намѣченной министерской резолюціей, извѣстный русской публикѣ проф. Дайси говоритъ:

«Парламентскій билль даетъ Палатѣ общинъ или, точнѣе, партіи, господствующей тамъ, полную возможность осуществлять любой законопроектъ, какъ бы ничтожно ни было то большинство, на которое министерская партія опирается». Правда, возможность это ограничена нѣкоторыми условіями. Главное изъ нихъ то, что безъ согласія лордовъ билль можетъ стать закономъ не раньше, какъ черезъ два года. Затѣмъ продолжительность парламента ограничена пятью годами. Такимъ образомъ, въ случаѣ затяжного кризиса обращеніе къ избирателямъ становится почти неизбѣжнымъ. Но все же, по мнѣнію проф. Дайси, у страны нѣтъ гарантіи отъ слишкомъ поспѣшнаго законодательства. Партія, располагающая въ Нижней палатѣ ничтожнымъ большинствомъ, будетъ имѣть полную возможность проводить какіе угодно революціонные законы. Если законопроектъ, нарушающій основы конституціи, будетъ внесенъ въ первыхъ три года существованія парламента, то нѣтъ никакой надежды, что министерство по поводу него обратится къ странѣ. «Министерскій проектъ реформы Верхней палаты, — продолжаетъ проф. Дайси, — передаетъ Нижней палатѣ или, точнѣе, той партіи, которая имѣетъ ничтожное большинство въ Нижней палатѣ, всѣ права при проведеніи новыхъ законовъ. Такимъ образомъ, одной палатѣ желаютъ предоставить такія широкія права, какихъ не имѣютъ соотвѣтственныя учрежденія во Франціи, Швейцаріи или въ Соединенныхъ Штатахъ. Нижняя палата была бы менѣе ограничена въ свободѣ законодательство-

вать, чѣмъ тогда, когда Кромвель казнилъ короля и уничтожилъ Верхнюю палату» *).

II.

Либералы, возражая защитникамъ проекта, намѣченнаго лордами, указывали прежде всего на туманность его. «Что представляетъ собою новая Верхняя палата, которую намъ такъ настоятельно рекомендуютъ теперь?—сказалъ премьеръ на большомъ митингѣ въ Національномъ либеральномъ клубѣ.—Передъ нами туманное тѣло неопредѣленной величины и неизвѣстнаго состава. Мы знаемъ, что туда должны войти наслѣдственные пэры, крупные чиновники и выборныя пэры; но мы не знаемъ, въ какой пропорціи; намъ неизвѣстно, кто, кого и какъ будутъ выбирать». Министръ внутреннихъ дѣлъ (Черчель), критикуя проектъ лордовъ, указалъ, что у массъ нѣтъ никакихъ основаній довѣрять наслѣдственнымъ законодателямъ. Верхняя палата являлась всегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ консерваторовъ. «Реформа» Верхней палаты поведетъ лишь къ усиленію ея. Теперь должно произойти одно изъ двухъ: или абсолютное veto лордовъ будетъ уничтожено, или Нижняя палата будетъ совершенно обезсилена. Проектъ, предложенный лордами, только ловушка. «Въ резолюціяхъ, принятыхъ лордами, мы замѣчаемъ двѣ основныя черты,—продолжалъ Черчель.—Прежде всего лорды позаботились, чтобы въ Верхней палатѣ послѣ реформы консерваторы располагали постояннымъ большинствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что предлагаетъ намъ лордъ Лэнсдаунъ? Онъ рекомендуетъ Палатѣ общинъ пригласить для совмѣстнаго совѣщанія всю Верхнюю палату, которая въ преобразованномъ видѣ явится новымъ Карлтонъ-клубомъ **). И члены этого Карлтонъ-клуба своею численностью возьмутъ верхъ надъ Нижней палатой, когда у власти тамъ будутъ либералы. Если же у лордовъ не будетъ надежды разбить либераловъ-коммонеровъ при совмѣстномъ совѣщаніи палатъ, то тогда является другое средство рекомендуемое Лэнсдауномъ—референдумъ. Можно заранѣе сказать, что по поводу каждаго сколько-нибудь значительнаго билля, предложеннаго либералами, лорды потребуютъ референдума. За то никогда не будетъ референдума, когда у власти станутъ консерваторы. Таковъ компромиссъ, предложенный лордами. Таковъ ихъ эйрениконъ».

«Вопросъ обстоитъ очень просто,—читаемъ мы въ одномъ изъ памфлетовъ, выпущенныхъ либеральной партіей.—Кому вершить дѣла въ Англіи: всему ли населенію или старшимъ сыновьямъ богатыхъ людей, не имѣющимъ понятія о страданіяхъ народа и

*) «Times», November 30, 1910.

**) Знаменитый консервативный клубъ.

о борьбѣ за хлѣбъ, никѣмъ не избираемымъ и не отвѣтственнымъ ни передъ кѣмъ. Эти пятьсотъ наслѣдниковъ могутъ быть глупцами или плутами, или тѣмъ и другимъ.

«Въ прошломъ эти люди отобрали у англійскаго народа его землю, бывшую общимъ достояніемъ. Они обратили поля и лѣса въ садки для дичи и въ заповѣдные парки для себя; что касается народа, то его загнали въ душные города. Лорды возставали противъ каждой изъ тѣхъ вольностей, которыми пользуется теперь англійскій народъ. Они не давали массамъ избирательныхъ правъ; они держали диссентеровъ, католиковъ и евреевъ за чертой цивилизаціи. Лорды высосали всю кровь изъ Ирландіи, превратили половину Шотландіи въ паркъ для дичи и ограбили населеніе Лондона непомѣрной рентой. И эти люди теперь предлагаютъ народу, чтобы онъ разрушилъ Нижнюю палату и сдѣлалъ ихъ своими хозяевами на вѣчныя времена! Жители Англіи, вспомните, какимъ образомъ начался весь этотъ кризисъ! Все дѣло произошло отъ того, что лорды впервые въ исторіи Англіи отвергли бюджетъ.

«Почему лорды сдѣлали это?

«По двумъ причинамъ. Потому что бюджетъ заключалъ въ себѣ налогъ на землю и потому что онъ не содержалъ налога на хлѣбъ.

«Но намъ говорятъ, что лорды готовы реформировать свою собственную палату. Какое право имѣютъ лорды передѣлывать нашу конституцію? Кто далъ имъ право указывать намъ, какой характеръ должна имѣть Верхняя палата? Почему именно лордами внезапно овладѣло желаніе вводить реформы? Оно появилось тогда, когда населеніе заявило, что больше не желаетъ терпѣть наглости лордовъ. Лорды стали внезапно реформаторами, когда убѣдились, что терпѣніе народа истощилось.

«Каковы предлагаемыя реформы? Характеръ ихъ мѣняется не то что ежедневно, а ежечасно. Планъ, намѣченный лордами, затуманенъ умышленно. Онъ составленъ такъ неопредѣленно, что можетъ означать все, когда надо получить избирательные голоса, и ничего, когда выборы кончены. По плану лорда Лэнсдауна Верхняя палата должна состоять изъ лицъ по выбору и по назначенію. Но въ ней не будетъ представителей, избранныхъ всѣмъ населеніемъ.

«Наслѣдственные пэры будутъ выбирать изъ своей среды двѣсти представителей. Безъ всякаго сомнѣнія, они всѣ будутъ консерваторы. Надо вспомнить, что недавно случилось въ Шотландіи. Мѣстные пэры выбираютъ изъ своей среды представителей въ палату лордовъ. Только одинъ шотландскій лордъ выступилъ въ защиту бюджета 1909 года. И только этого лорда забаллотировали другіе пэры». Такимъ образомъ, ядромъ реформированной Верхней палаты явятся двѣсти объединенныхъ консерваторовъ. Теперь о членахъ по назначенію. «Мы знаемъ тѣхъ людей, которые попадутъ такимъ образомъ въ Верхнюю палату,—читается дальше въ памфлетѣ. —

То будутъ: лордъ Керзонъ, который довелъ Индію почти до открытаго мятежа, лордъ Мильнеръ, разорившій Южную Африку и упорно возстававшій противъ либеральнаго законопроекта, давшаго колоніямъ миръ. Въ Верхнюю палату попадутъ намѣстники, управлявшіе подчиненными расами, какъ дѣтьми, и генералы, которые захотятъ примѣнить фельдфебельскіе пріемы въ законодательномъ собраніи. Такова будетъ новая Верхняя палата. «Реформа» будетъ заключаться въ удаленіи немногихъ представителей либерализма. Лорды били населеніе кнутами. Оно возстало. И теперь, въ видѣ реформы, наслѣдственные законодатели предлагаютъ ввести скорпіоны. Старый аркебузъ сломался въ рукахъ лордовъ. И теперь они просятъ у населенія взамѣнъ новый пулеметъ.» Въ памфлетѣ дальше доказывается, что совмѣстное засѣданіе палатъ въ случаѣ конфликта, предлагаемое лордами, крайне невыгодно для массы.

«Когда у власти будутъ тори, столкновенія между палатами ждать нечего,—читаемъ мы.—Тогда и совмѣстныхъ засѣданій не будетъ. Они начнутся только тогда, когда власть перейдетъ къ либераламъ. Коммонеры, напримѣръ, принимаютъ билль объ обязательномъ страхованіи рабочихъ. Лорды отклоняютъ законопроектъ, какъ они постоянно поступали съ мѣрами подобнаго рода. И тогда назначается совмѣстное засѣданіе обѣихъ палатъ. Верхняя палата—вся консервативная; въ Нижней палатѣ либералы имѣютъ незначительное большинство. И въ результатѣ совмѣстнаго совѣщанія явится отклоненіе билля подавляющимъ большинствомъ

«Видите ли вы теперь сущность уловки?—спрашиваетъ памфлетъ.—Поняли ли вы, что при такой «реформѣ», какую предлагаетъ Лэнсдаунъ, ни одинъ либеральный билль не имѣетъ шансовъ на осуществленіе, какъ бы ни было велико большинство, которымъ либеральное министерство располагаетъ въ Нижней палатѣ.» Референдумъ, по мнѣнію критика, является такою же ловушкою, какъ и совмѣстное совѣщаніе палатъ.

«Населенію предлагаютъ референдумъ. Лордъ Лэнсдаунъ такъ горитъ желаніемъ узнать мнѣніе избирателей, что они будутъ имѣть общіе выборы по поводу любого либеральнаго не денежнаго билля. Видитъ ли населеніе Англіи ловушку? Лорды могутъ любой законопроектъ разсмотрѣть въ совмѣстномъ засѣданіи съ коммонерами. Референдумъ будетъ устроенъ по поводу биллей объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Уэльсѣ, по поводу выкупа земли въ Шотландіи или гомруля для Ирландіи,—другими словами, по поводу законопроектовъ, которые, по мнѣнію лордовъ, будутъ отвергнуты населеніемъ. Бюджетъ 1909 года былъ бы задушенъ при совмѣстномъ совѣщаніи палатъ. За то это совѣщаніе пропустило бы законопроектъ о введеніи протекціонизма». Авторъ памфлета напоминаетъ населенію про тѣ законопроекты, которые отвергнуты или изуродованы лордами только за послѣднія пять лѣтъ.

Школьный законопроектъ загубленъ.

Билль объ уничтоженіи множественныхъ вотовъ отвергнутъ.

Билль о мелкихъ надѣлахъ въ Шотландіи отвергнутъ.

Билль о надѣленіи землей ирландскихъ фермеровъ, изгнанныхъ во время аграрной смуты двадцать пять лѣтъ тому назадъ, искалѣченъ.

Билль о сокращеніи пьянства—отвергнутъ.

Законопроектъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ въ шахтахъ—искалѣченъ.

Билль о реформѣ выборовъ въ Лондонѣ—искалѣченъ.

Ирландскій земельный билль—искалѣченъ.

Билль объ оздоровленіи городовъ (основной пунктъ—принудительное отчужденіе земли)—изуродованъ.

Билль о жилищахъ для шотландскихъ сельскихъ работниковъ—отвергнутъ.

Бюджетъ 1909 года—отвергнутъ.

Если у «нереформированной» Верхней палаты, въ которой есть либеральные лорды, такой длинный рекордъ, то каковъ же онъ будетъ, когда осуществится реформа, предлагаемая лордомъ Лэнсдауномъ?—спрашиваетъ авторъ памфлета.

Англичане, любящіе во всемъ точность, прибѣгли къ математической формулѣ, чтобы доказать непріемлемость проекта, предложеннаго Верхней палатой. Проектъ представляетъ собою, по мнѣнію критиковъ съ метематическимъ складомъ ума, уравненіе, въ которомъ всѣ величины не извѣстны. «Резолюція лорда Розбери,—читаемъ мы у одного любителя точныхъ формулъ,—комбинируетъ неизвѣстное количество пэровъ и не пэровъ въ пропорціи, которую еще остается открыть. Дальнѣйшія резолюціи, въ которыхъ говорится о полномочіяхъ Верхней палаты, снова берутъ неизвѣстное число представителей лицемѣрной палаты и комбинируютъ ихъ съ неизвѣстнымъ числомъ представителей Палаты общинъ. Законопроекты, по поводу которыхъ соединенныя палаты выскажутся окончательно, отдѣлены отъ другихъ биллей границей, которую никто не можетъ опредѣлить. И этотъ остатокъ, который, вѣроятно, будетъ заключать всѣ законопроекты, непріятные консерваторамъ, будетъ подвергнутъ референдуму. Проекты лорда Лэнсдауна лучше всего могутъ быть выражены математической формулой, въ которой всѣ буквы выражаютъ неизвѣстныя величины.

Пусть h = наслѣдственному пэру,
» h_1 = наслѣдственному пэру ex officio,
» p = лицу, избираемому извнѣ,
» m = члену Палаты общинъ.

Въ такомъ случаѣ Палата лордовъ (новаго типа)$=xh+yh'+pz$.

Если обѣ палаты расходятся во взглядахъ, тогда происходитъ совмѣстное совѣщаніе, которое должно быть выражено формулой:

$$\frac{xh+yh_1+zp}{a}+\frac{670m}{b}$$

a и *b* представляютъ собою неопредѣленные и неизвѣстные дѣлители. Такова та мѣра, которую лорды предлагаютъ вмѣсто простого и яснаго плана объ уничтоженіи veto Верхней палаты. Другой критикъ, тоже съ математическимъ складомъ ума, доказываетъ при помощи сложенія и вычисленія непріемлемость проекта лордовъ.

«Предположимъ, что новая Палата лордовъ будетъ состоять изъ 200 членовъ, выбранныхъ пэрами, и изъ 200 сенаторовъ не пэровъ. Можно съ достовѣрностью сказать, что двѣсти лордовъ образуютъ сплоченную консервативную группу, такъ какъ ни одинъ лордъ либералъ не будетъ избранъ.

Предположимъ теперь, что въ Нижней палатѣ, состоящей изъ 600 коммонеровъ, либералы имѣютъ большинство въ сто голосовъ. Въ такомъ случаѣ въ Палатѣ общинъ будетъ 350 либераловъ и 250 консерваторовъ. Допустимъ теперь, что сенаторы не пэры представляютъ настроеніе страны въ такой же пропорціи, какъ и коммонеры. Предположеніе это не совсѣмъ правдоподобно, такъ какъ, вѣрнѣе всего, въ Верхнюю палату попадетъ больше консерваторовъ, чѣмъ въ Нижнюю. Но предположимъ, что сенаторы избраны обѣими партіями въ такой же пропорціи, какъ и коммонеры. Тогда мы будемъ имѣть 120 сенаторовъ либераловъ и 80 консерваторовъ. При совмѣстномъ засѣданіи палатъ соотношеніе силъ консерваторовъ и либераловъ представится въ такомъ видѣ:

	консерваторы	либералы
наслѣдственные пэры . .	200	—
не пэры.	80	120
коммонеры.	250	350
	530	470

Консервативное большинство=60.

Такимъ образомъ, даже тогда, когда либералы будутъ располагать большинствомъ въ сто голосовъ, министерство останется въ меньшинствѣ при совмѣстномъ совѣщаніи». Другими словами, проектъ, предложенный лордами, означаетъ постоянное господство консерваторовъ.

III.

Конференція восьми распалась. Явилась необходимость снова обратиться къ избирателямъ, чтобы получить отъ нихъ полномочія на разрѣшеніе политическаго кризиса путемъ уничтоженія veto Верхней палаты.

Необходимость новыхъ выборовъ захватила консерваторовъ врасплохъ. Всѣ старые боевые девизы ихъ оказались неподходящими. Въ началѣ ноября критика дѣйствій министерства сводилась, главнымъ образомъ, къ ворчанію по поводу новыхъ земельныхъ налоговъ. Министерство финансовъ разослало землевладѣльцамъ опросные листы для выясненія характера ихъ собственности. И консерваторы говорили, что эти вопросы крайне «запутаны» и «сложны», что «ни одинъ человѣкъ» не можетъ отвѣтить на нихъ вполнѣ.

На январскихъ выборахъ боевыми лозунгами консерваторовъ были: тарифная реформа, защита Палаты лордовъ и «гомруль—означаетъ гибель Англіи». Выборы показали консерваторамъ, что большинство населенія—противъ протекціонизма. Въ особенности Ланкаширъ оставался совершенно равнодушнымъ къ теоріямъ, что «тарифная реформа означаетъ бо́льшую заработную плату и работу для всѣхъ». Кое-гдѣ въ большихъ городахъ протекціонисты имѣли успѣхъ въ наиболѣе бѣдныхъ кварталахъ, обусловленный существовавшей тогда безработицей. Но теперь промышленный кризисъ миновалъ, и протекціонисты больше не могутъ защищать тезисъ, что свободная торговля порождаетъ безработицу. Въ рядахъ протекціонистовъ произошелъ расколъ во взглядахъ на необходимость обложенія хлѣба. Поднятъ былъ вопросъ о томъ, цѣлесообразно ли вообще теперь рекомендовать обложеніе хлѣба? Другіе протекціонисты, теоретически стоявшіе за налогъ на хлѣбъ, задавали вопросъ: надо ли облагать всякій привозимый хлѣбъ, или только тотъ, который привозится не изъ колоній? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ вводить только налогъ на иностранный хлѣбъ. Но въ такой постановкѣ падаетъ совершенно утвержденіе, что налогъ на хлѣбъ вводится для того, чтобы дать возможность англійскимъ фермерамъ стать на ноги. Возьмемъ конкретный примѣръ. Фермеръ Джонесъ находитъ невыгоднымъ сѣять пшеницу. Онъ жалуется на помѣщика, назначившаго высокую ренту и ставящаго невозможныя условія при арендѣ (напр., запрещеніе продавать солому), на отсутствіе tenant rights (вознагражденіе за всѣ сдѣланныя улучшенія), на канадскихъ, аргентинскихъ и русскихъ землевладѣльцевъ, отправляющихъ дешевую пшеницу въ Англію. Фермеру Джонесу говорятъ: «мы устроимъ таможенный кордонъ и обложимъ весь привозный

хлѣбъ высокой пошлиной; когда у васъ исчезнутъ конкуренты, вы сможете сѣять пшеницу». Разсужденіе кажется Джонесу логичнымъ. Онъ прибавляетъ только, что помѣщикъ беретъ слишкомъ много за землю; но его успокаиваютъ: «Мы введемъ выкупъ земли, какъ въ Ирландіи». И Джонесъ становится протекціонистомъ. Но вотъ Джонесъ слышитъ, что желаютъ обложить только хлѣбъ, привозимый изъ Аргентины, Соединенныхъ Штатовъ и Россіи. Канадскій же и индійскій хлѣбъ будутъ ввозить безпошлинно. Джонесъ говоритъ, что ему это невыгодно; что ему все равно, кто будетъ его душить: канадскій ли фермеръ, или аргентинскій; что при обложеніи иностраннаго хлѣба выгадаютъ канадскіе фермеры, а его, Джонеса, все равно ждетъ раззореніе. Сторонники тарифныхъ реформъ могутъ отвѣтить Джонесу только то, что интересы имперіи требуютъ, чтобы налогъ на хлѣбъ, привозимый изъ колоній, не вводился.

На январьскихъ выборахъ консерваторы защищали лордовъ, но убѣдились, что массы настроены крайне враждебно противъ наслѣдственныхъ законодателей. Многіе тори заявили, что не могутъ больше идти къ избирателямъ съ «инкубомъ», т. е. съ лордами, на плечахъ. И мы видѣли, съ какою поспѣшностью консерваторы выдвинули реформу Верхней палаты. Консерваторамъ пришлось поступиться также своимъ третьимъ боевымъ лозунгомъ, т. е. обличеніемъ радикаловъ за намѣреніе дать Ирландіи областной сеймъ. Въ этомъ году мы наблюдаемъ въ Англіи любопытный переворотъ во взглядахъ по вопросу о децентрализаціи вообще. Сильное впечатлѣніе на всѣ политическія партіи произвели событія въ Южной Африкѣ. Въ 1902 году кончилась тамъ упорная война, продолжавшаяся три года. Результатомъ ея было то, что двѣ голландскія республики перестали существовать. Казалось, что вражда между побѣдителями и побѣжденными посѣяна теперь на вѣчныя времена. Казалось, что теперь дѣти отъ матерей выучатъ раньше всего слово «месть». Такъ бы оно, несомнѣнно, и случилось; но Англія черезъ шесть лѣтъ послѣ разгрома республикъ дала имъ самоуправленіе. И черезъ годъ въ Южной Африкѣ, по инціативѣ населенія, началось сближеніе колоній, населенныхъ англичанами и голландцами. Въ 1909 году представители Капской Колоніи, Наталя, Трансвааля и Колоніи Оранжевой рѣки собрались въ Преторію, чтобы выработать сообща планъ федераціи колоній. Вмѣстѣ сошлись люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ были врагами и воевали другъ противъ друга. Тутъ были: докторъ Джемсонъ, устроившій набѣгъ въ январѣ 1896 года на Трансвааль, генералы Бота, Герцогъ и др. Пришлось разрѣшить много трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Надо было придумать такъ, чтобы въ федеральномъ парламентѣ малонаселенныя колоніи не были обижены. Вопросъ разрѣшился очень удачно. Затѣмъ предстоялъ

трудный вопросъ о языкѣ. Рѣшено было, что оба языка, англійскій и голландскій, пользуются совершенно равными правами въ федеральномъ парламентѣ. И такимъ образомъ, полюбовно были разрѣшены всѣ сложные и запутанные вопросы, которые лордъ Мильнеръ когда-то напрасно пытался распутать бюрократическими пріемами. Въ Южной Африкѣ возникла новая федерація, заявившая свою лояльность. Такимъ образомъ дарованіе завоеваннымъ республикамъ автономіи повело къ укрѣпленію союза между имперіей и Южной Африкой.

Возникновеніе федераціи и заявленіе вождей ея о своей лояльности къ Имперіи произвели глубокое впечатлѣніе въ Англіи. Подъ вліяніемъ этихъ событій въ англійской печати поднятъ былъ вопросъ о децентрализаціи въ Соединенномъ королевствѣ. Крайне характерно, что вопросъ начали разрабатывать консервативныя газеты. Вдохновителемъ крайнихъ консерваторовъ въ Англіи является Observer. Тамъ пишетъ Гарвинъ, бывшій феній и динамитчикъ, который теперь является властителемъ думъ консерваторовъ. Гарвинъ внушилъ лордамъ мысль отвергнуть бюджетъ. Гарвинъ, какъ оказывается, убѣдилъ Бальфура передъ выборами, происходящими теперь, дать ручательство, что вопросъ о протекціонизмѣ подвергнутъ будетъ предварительно референдуму. (Объ этомъ дальше). И вотъ Observer, не далѣе, какъ 30 октября, убѣждалъ ольстерскихъ консерваторовъ принять федерализмъ, т. е. между прочимъ областной сеймъ для Ирландіи. Газета доказывала, что между федерализмомъ и гладстоновскимъ гомрулемъ нѣтъ ничего общаго. Гомруль повелъ бы къ распаденію имперіи, тогда какъ областной сеймъ для Ирландіи (N. B.—фактически то же самое) поведетъ къ скрѣпленію связи между отдѣльными частями имперіи. Въ Observer'ѣ въ защиту областного сейма для Ирландіи выступилъ лордъ Дёкрейвенъ, предложившій лѣтъ пять тому назадъ проектъ «деволюціи» (гомруля), о которомъ я писалъ въ свое время въ Русскомъ Богатствѣ. «Тѣ, которые еще недавно были противъ самоуправленія Ирландіи, все больше убѣждаются, что федерализмъ можетъ принести имперіи много пользы, — пишетъ лордъ Дёкрейвенъ.—Федерализмъ сблизитъ отдѣльныя части Британской имперіи. Онъ избавитъ центральный парламентъ отъ многихъ чисто мѣстныхъ биллей, обсужденіе которыхъ мѣшаетъ коммонерамъ заняться общегосударственными вопросами. Федерализмъ, кромѣ того, поведетъ къ возрожденію Ирландіи». «Я—ирландецъ,—продолжаетъ дальше лордъ Дёкрейвенъ.—Мнѣ тяжело сознавать, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ населеніе Ирландіи уменьшилось на половину. Во всѣхъ культурныхъ странахъ состоятельные люди, имѣющіе досугъ, принимаютъ дѣятельное участіе въ управленіи страной. Въ Ирландіи же послѣдніе всегда находятся во враждѣ съ правительствомъ. Ни въ одной культурной странѣ содержаніе

правительства не обходится такъ дорого населенію, какъ въ Ирландіи» *).

Юніонистскія газеты доказывали, что Ирландскій народъ по природѣ своей консервативенъ, а между тѣмъ, неразумная политика сдѣлала его революціоннымъ.

Осенью въ Times'ѣ появился рядъ статей, которыя произвели очень большое впечатлѣніе. Авторъ, подписавшійся Pacificus, отстаивалъ необходимость областныхъ сеймовъ для Шотландіи, Валиса и Ирландіи.

«Федералисты толкуютъ,—говоритъ Pacificus въ своей шестой статьѣ,—что имперскій парламентъ, сохраняя въ неприкосновенности свои верховныя права, можетъ передать часть своихъ функцій ряду провинціальныхъ парламентовъ, которые будутъ вѣдать чисто мѣстныя дѣла Шотландіи, Ирландіи и Валиса. Эти національные или провинціальные парламенты должны быть совершенно независимы одинъ отъ другого; но всѣ они признаютъ абсолютное главенство имперскаго парламента. Послѣдній долженъ состоять изъ двухъ палатъ, какъ теперь. Въ Нижнюю палату должны войти представители отъ всего королевства, при чемъ представительство должно быть пропорціонально населенію. Имперскій парламентъ вѣдаетъ дѣла, касающіяся благосостоянія и безопасности всего королевства. Такъ напримѣръ, общеимперская и внѣшняя политика, оборона и всѣ вопросы, касающіеся измѣненія конституціи, должны находиться въ рукахъ верховнаго парламента. Ему также принадлежитъ право пересмотра и отмѣны законопроектовъ, принятыхъ областными сеймами. Таможни тоже находятся въ вѣдѣніи имперскаго парламента, отъ котораго, такимъ образомъ, зависитъ введеніе протекціонизма. «Изъ всего этого видно,—продолжаетъ Pacificus,—что имперскій парламентъ будетъ имѣть большія права, чѣмъ Канадскій, Австралійскій или Южно-Африканскій».

Интересно сравнить этотъ проектъ областныхъ сеймовъ съ требованіями ирландцевъ. Они были сформулированы недавно Редмондомъ. Ирландія не желаетъ отдѣляться отъ имперіи. Она требуетъ областной сеймъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Въ вѣдѣніи сейма находятся мѣстныя дѣла: пути сообщенія, народное образованіе, судъ и т. д. Подъ контролемъ областного сейма находится также полиція. Имперскій парламентъ, куда Ирландія посылаетъ своихъ представителей (меньше, чѣмъ въ настоящее время) вѣдаетъ общую политику, оборону, сношенія съ другими государствами. Имперскій парламентъ вводитъ обще государственные налоги. Въ его вѣдѣніи находится таможенная политика.

Мы видимъ, что осенью этого года консерваторы намѣчали планъ «деволюціи», немногимъ отличающійся отъ гомруля. Въ

*) «Observer», October 30, 1910.

прежніе годы «гомруль» выдвигался консерваторами, какъ пугало. На выборахъ они постоянно повторяли, что «home rule» означаетъ «home ruin» (т. е. разрушеніе родины). Тотъ фактъ, что консерваторы сами стали защищать «деволюцію» и федерализмъ, лишилъ ихъ одного изъ боевыхъ лозунговъ. И вотъ вслѣдствіе того, что «конференція восьми» не договорилась ни до чего, внезапно возникла перспектива новыхъ выборовъ. Консерваторамъ понадобилось быстро придумать какой-нибудь боевой лозунгъ. И это сдѣлалъ Гарвинъ изъ Observer'а, поднявшій вопль: «Отечество въ опасности! Берегитесь человѣка съ американскими долларами!»

Уже много лѣтъ, какъ ирландцы ежегодно отправляютъ въ Америку и въ Британскія колоніи видныхъ представителей націоналистической партіи, чтобы собрать тамъ деньги на политическую борьбу. Жертвуютъ ирландцы, вынужденные оставить родину и разбогатѣвшіе на чужбинѣ. На собранныя деньги поддерживается парламентская ирландская партія. Этими деньгами покрываются расходы, сопряженные съ выборами. Поѣздка за деньгами не составляетъ секрета. Объ этомъ пишутъ всѣ газеты. Ирландская пресса публикуетъ имена всѣхъ жертвователей, въ числѣ которыхъ не мало лицъ, занимающихъ крайне важное положеніе въ британскихъ колоніяхъ (судьи, министры парламентовъ и пр.). Въ этомъ году ирландцы тоже отправили въ Соединенные Штаты и въ колоніи представителей, которые привезли 200 тысячъ долларовъ. И на основаніи этого факта Observer поднялъ вопль, подхваченный мелкой печатью и усиленно повторявшійся на выборахъ. Суть «обвиненія», выставленнаго Observer'омъ, заключается въ томъ, что враги Англіи—ирландцы—привезли изъ Америки золото, чтобы при помощи его разрушить британскую конституцію и имперію. И такъ какъ ирландцы являются союзниками либераловъ, то послѣдніе, значитъ, являются исполнителями преступленія. Тридцатаго октября Observer доказывалъ, что ирландцы естественные союзники юніонистовъ, такъ какъ консервативны по своей природѣ. Газета убѣждала оранжистовъ (т. е. ирландскихъ помѣщиковъ) помириться съ «деволюціей». Въ слѣдующемъ номерѣ, вышедшемъ черезъ недѣлю (Observer—воскресная газета), мы находимъ рядъ статей, въ которыхъ доказывается, что ирландцы—коварные убійцы, получившіе «американскіе доллары», чтобы покончить съ имперіей. Приведу здѣсь два заголовка статей Гарвина:

«Бой единственный въ исторіи.
«Гомруль или разрушеніе имперіи.
«Человѣкъ съ американскимм деньгами.
«Англію продаютъ.
«Цѣна—200 тысячъ долларовъ.
«Пробужденіе націи».

Это все одинъ заголовокъ. А вотъ другой.

«Англія, пробудись отъ сна!
«Нація, возстань!
«Выборы при помощи долларовъ.
«Избирателей гонятъ, какъ скотъ.
«Надо спасать родину.»

Теперь приведу нѣсколько выдержекъ изъ безумныхъ статей, разсчитанныхъ, повидимому, на совершенно глупыхъ людей. «Съ рѣдкимъ единодушіемъ вся націоналистическая пресса произнесла лозунгъ для самаго важнаго въ парламентской исторіи Англіи боя, который долженъ начаться теперь. Что является самымъ существеннымъ въ этой борьбѣ? Какой фактъ доминируетъ? Самое крупное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что Редмондъ высадился въ Квинстонѣ съ двумястами тысячами долларовъ. При помощи американскаго золота онъ намѣренъ разрушить британскую конституцію. Министерство, находящееся теперь у власти, его министерство... Редмондъ явился съ американскими деньгами, чтобы разрушить величіе Англіи. Онъ привезъ золото, собранное у американскихъ милліонеровъ для того, чтобы предать Англію соціалистамъ и чтобы закрѣпить навсегда свободную торговлю. При помощи американскихъ долларовъ хотятъ навязать на вѣчныя времена британскимъ рабочимъ систему (свободную торговлю), отнимающую у нихъ заработокъ. При помощи американскихъ денегъ Редмондъ хочетъ разрушить вторую палату и радикально измѣнить историческій характеръ нашего парламента. Онъ высадился съ американскими деньгами, чтобы въ интересахъ своихъ союзниковъ-соціалистовъ отнять у насъ конституцію».

Министры давно уже были въ заговорѣ съ Редмондомъ. Убѣждая корону дать согласіе на революцію, «они довели Эдуарда VII до безвременной могилы»,—продолжаетъ Observer. Теперь государство въ опасности. «Нашъ долгъ спасти имперію. Мы можемъ спасти ее. И мы спасемъ! Не пройдетъ и недѣли, какъ отъ края до края Англію освѣтитъ пожаръ, который пожретъ министерство, вскормленное на американскіе доллары».

Газету нисколько не смущаетъ, что сумма, при помощи которой хотятъ купить всю Британскую имперію, слишкомъ ничтожна. «Говорятъ, что сумма, заплаченная за великую измѣну, равна 200 тысячамъ. Она ничтожна; но и Христа вѣдь купили только за тридцать серебрениковъ». За двѣсти тысячъ долларовъ «конституція продана соціалистамъ, а Ольстеръ проданъ ирландскимъ революціонерамъ». Газета увѣрена, что теперь, когда страна узнала все, спасители родины, юніонисты, одержатъ блестящую побѣду на выборахъ.

«На послѣднихъ выборахъ можно было говорить еще, что пэры стоятъ между страной и бюджетомъ. Но что скажутъ теперь радикалы?—спрашиваетъ Observer.—Пэры грудью защищаютъ британскую конституцію отъ людей, желающихъ разрушить ее при

помощи американскихъ денегъ... Человѣкъ съ американскими деньгами сидитъ теперь на плечахъ у канцлера казначейства и душитъ своими объятіями горло несчастнаго новаго Синбада». Observer предсказываетъ, что если коалиціонное министерство снова станетъ у власти, оно черезъ мѣсяцъ доведетъ Англію до банкротства.

«Можно ли себѣ представить что нибудь болѣе безстыдное наглое и болѣе безчестное, чѣмъ намѣреніе взорвать остатки британской конституціи при помощи денегъ, собранныхъ ирландскими революціонерами въ Америкѣ? «Molly Maguires» *), получивъ свое, удалятся въ свой парламентъ. У насъ же будетъ уничтожена Верхняя палата. Останется только однопалатный парламентъ, который введетъ соціализмъ, грабежъ имуществъ и прочія бѣдствія». Статья заканчивается призывомъ ко всѣмъ англичанамъ. Надо спасать конституцію, вольности, корону! Вопль былъ подхваченъ всею консервативною печатью. Въ избирательныхъ манифестахъ, выпущенныхъ потомъ консервативными кандидатами, мы находимъ такія мѣста:

«Передъ вами самые важные выборы во всей исторіи Англіи,— читаемъ мы въ выборномъ воззваніи сэра Вильяма Булля.—Если радикалы возьмутъ верхъ, то Британская имперія погибнетъ непремѣнно». «Спасайте отечество!—пишетъ консервативный кандидатъ, капитанъ Джесиль.—Каждый голосъ, поданный за радикаловъ, есть голосъ за разгромъ имперіи и за революцію!»

Художники поспѣшили выразить въ рисункахъ мысль, высказанную Observer'омъ. Такимъ образомъ появились тѣ безчисленные «картоны», которые поражаютъ посторонняго наблюдателя своеобразными полетами фантазіи. Познакомлю читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ рисунковъ.

Редмондъ, съ лицомъ сатаны, размахивая зеленымъ флагомъ, пляшетъ на британскомъ знамени.

Аскитъ въ костюмѣ пирата наступилъ ногой на связаннаго плѣнника (veto Верхней палаты) и цѣлится въ него изъ пистолета, на стволѣ котораго надпись: «Роспускъ парламента». За перегородкой стоитъ Редмондъ и нацѣлился пистолетомъ въ премьера. Человѣкъ за перегородкой говоритъ: «Если ты не выстрѣлишь, выстрѣлю я». У ногъ Редмонда, конечно, мѣшки съ американскими долларами.

Ирландскій возокъ, запряженный геральдическими звѣрями Великобританіи—львомъ и единорогомъ. Въ возкѣ, на мѣшкахъ съ американскими долларами, сидитъ Редмондъ и погоняетъ звѣрей дубинкой. Позади возка на веревкѣ привязана собака съ лицомъ премьера.

*) Такъ называлось ирландское тайное общество, члены котораго, переодѣвшись женщинами, заманивали политическихъ враговъ и душили ихъ.

Подвалъ подъ Палатой лордовъ. Заговорщики вкатили туда нѣсколько бочекъ съ порохомъ (на нихъ надпись «Революція»). Гай-фоксъ (Ллойдъ-Джорджъ) собирается швырнуть горящій факелъ въ пороховую бочку. За главнымъ заговорщикомъ стоитъ его помощникъ (премьеръ) и держитъ въ рукахъ мѣшки съ американскими долларами.

Сатана, съ лицомъ Редмонда, держитъ на пальцѣ попугая (премьера), показываетъ ему кусокъ сахара съ надписью: «американскіе доллары» и говоритъ: «Попка, скажи гомруль»!

Громадный павіанъ накинулся на женщину, изображающую Британію, и сдавилъ ей горло. У Британіи выпалъ изъ рукъ трезубецъ и щитъ. Подпись призываетъ всѣхъ англичанъ спасать родину. Подписи подъ другими картинами были очень патетическія: «Спасайте корону»! «Безопасность или разгромъ»! «Потерпите ли вы диктаторовъ съ американскимъ золотомъ?» «Реформа или революція».

Даже нѣкоторые ежемѣсячные журналы подхватили крики Observer'а. «Внѣ сомнѣнія, что демагоги близки къ гибели,—читаемъ мы предсказаніе въ ноябрской книжкѣ National Review... Юніонисты должны одержать блестящія побѣды всюду въ Англіи. Не будетъ удивительно, если попытка человѣка съ американскими долларами господствовать надъ нами приведетъ министерскую партію къ колоссальному провалу. Пробужденіе боевого духа въ юніонистской партіи съ тѣхъ поръ, какъ Редмондъ сталъ бряцать своимъ американскимъ золотомъ, представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ феноменовъ нашего времени».

Изъ серьезныхъ консервативныхъ журналовъ только Saturday Review заявилъ, что толки про американскіе доллары—глупы. Журналъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что консервативная печать компрометируетъ себя повтореніемъ классической глупости.

IV.

Либеральная печать сперва не обращала вниманія на вопли объ американскихъ долларахъ. Первымъ счелъ надобнымъ выяснить дѣло извѣстный ирландскій публицистъ и членъ парламента Т. П. О'Конноръ. Онъ указалъ сперва, что тори, изображающіе теперь ирландцевъ разбойниками, покушающимися на имперію, недавно только заигрывали съ ними и соблазняли децентрализаціей. Что касается «американскихъ долларовъ», то надо начать съ того, что консерваторы невѣрно опредѣлили ихъ происхожденіе. Часть денегъ собрана въ Канадѣ. Видя, что отказъ въ самоуправленіи посѣялъ глубокую рознь между Англіей и Ирландіей, канадскій премьеръ и многіе именитые канадцы обратились къ метрополіи съ горячимъ призывомъ. Они умоляли Англію дать Ирландіи об-

ластной сеймъ. Чтобы дать возможность ирландцамъ вести парламентскую борьбу за гомруль, канадцы снабдили ихъ деньгами. По словамъ О'Коннора въ Канадѣ нѣтъ ни одного министра, который не сочувствовалъ бы теперь ирландцамъ».

Затѣмъ отвѣтили консерваторамъ нѣкоторые министры. Ллойдъ-Джорджъ ядовито замѣтилъ, что «американскіе доллары» не пугали ирландскихъ помѣщиковъ. Покуда земля не была выкуплена, деньги на уплату ренты присылались ирландскимъ крестьянамъ ихъ сыновьями и братьями изъ Америки. Всего за сорокъ лѣтъ ирландскіе помѣщики получили изъ Америки восемьдесятъ милліоновъ долларовъ. Почему же тѣ же помѣщики подняли теперь вопль, когда Редмондъ собралъ для своей партіи отъ американскихъ ирландцевъ 200 тысячъ долларовъ. Сборъ производился открыто. Цѣль, на которую идутъ деньги, совершенно легальна. Черчель къ замѣчанію, сдѣланному Ллойдъ-Джорджемъ, прибавилъ еще одно. Лорды, приходящіе въ ужасъ теперь отъ того, что Редмондъ собираетъ деньги отъ своихъ земляковъ въ Америкѣ, ничего не имѣютъ сами противъ американскихъ долларовъ. Постоянно мы слышимъ, что тотъ или иной раззорившійся лордъ выгодно продалъ свой титулъ въ Америкѣ и добылъ тамъ невѣсту съ большимъ приданнымъ. Газеты сейчасъ же привели точныя справки

Герцогъ Марлборо женился на дочери Вандербильда и взялъ 10 мил. долларовъ. Герцогъ Боксберъ тоже взялъ американскую невѣсту съ десятью милліонами. Герцогъ Манчестеръ совершилъ менѣе выгодную сдѣлку, такъ какъ за дочерью американскаго нефтепромышленника Циммермана взялъ только два милліона дол. На американскомъ матеріальномъ рынкѣ графы котируются ниже, чѣмъ герцоги, но тоже довольно высоко. Графы Крэйвенъ и Страфсрдъ получили по милліону долларовъ, графъ Доиомаръ—только пятьсотъ тысячъ долларовъ. Только графу Керзону посчастливилось: его «учли» почти какъ герцога—въ пять милліоновъ дол. и т. д

Національный союзъ реформаторовъ (либеральная организація)—обратился къ секретарю Лиги тарифныхъ реформъ (консервативная организація) съ любопытнымъ письмомъ.

«Въ виду тѣхъ оскорбленій, которыми юніонисты осыпаютъ ирландцевъ по поводу денегъ, собранныхъ ими, мы обращаемся къ вамъ съ просьбой сообщить, изъ какихъ источниковъ черпаетъ свои средства Лига тарифныхъ реформъ»? Національный союзъ реформаторовъ предложилъ дать Лигѣ тысячу ф. ст., если она позволитъ просмотрѣть списки жертвователей, сдѣлать изъ нихъ выборки и обнародовать имена. Цѣлью письма было доказать, что Лигу поддерживаютъ такія лица и фирмы, которыя извлекутъ непосредственную выгоду отъ введенія протекціонизма. Лига тарифныхъ реформъ вызова не приняла.

Мистеръ *Пончъ* не преминулъ вмѣшаться въ споръ по поводу американскихъ долларовъ и сказать свое слово. Вотъ нѣкоторыя

выдержки ихъ пародіи мистера *Понча* на «обличительныя» статьи Гарвина. «Диктаторъ здѣсь! Онъ прибылъ къ нашимъ берегамъ, къ берегамъ счастливой Англіи, окруженной серебрянными волнами. Диктаторъ прибылъ! Карманы его пучатся отъ золота. Сундуки его набиты неправедно добытыми долларами. Враги нашей страны (въ томъ числѣ многіе канадцы) нагрузили диктатора золотомъ намъ на погибель. Онъ прибылъ, чтобы купить нашу Англію, чтобы обмѣнять иностранное золото на вольности, добытыя для насъ предками. Когда всѣ уразумѣютъ этотъ фактъ, будетъ ли хоть одинъ патріотъ, который не сгоритъ отъ стыда? останется ли хоть одинъ любящій родину, который не скажетъ: «умру, но не допущу!» Кричите о диктаторѣ съ американскими долларами въ городахъ! Бейте въ набатъ въ графствахъ! Возглашайте на всѣхъ площадяхъ. Ступайте во всѣ кабаки. Заявите тамъ: «Диктаторъ съ американскими долларами прибылъ! Онъ тутъ!» Двѣсти тысячъ долларовъ! Подумайте только объ этомъ! съ какой стати сдѣлалъ бы диктаторъ необыкновенное путешествіе въ Америку? Съ какой стати собралъ бы онъ съ заклятыхъ враговъ Англіи и въ томъ числѣ съ сэра Вильфрида Лорье *) коллосальную сумму въ сорокъ тысячъ ф. ст. на англійскія деньги, если бы не замышлялъ погубить имперію? Диктаторъ прибылъ, чтобъ купить британское правительство... Джентльмэны,—пародируетъ дальше мистеръ *Пончъ* истеричныя статьи Гарвина,—ясенъ ли вамъ теперь исходъ борьбы? Вопросы о тарифныхъ реформахъ, объ обложеніи земли, о налогахъ на крѣпкіе напитки, о школахъ отодвинуты теперь на второй планъ. Впередъ выдвигается вопросъ: «Допустите ли вы, чтобы насъ купили за американскіе доллары? На прошлыхъ выборахъ мы задали вамъ вопросъ, хотите ли вы, чтобы надъ нами взяла верхъ Германія? Этотъ вопросъ мы опять поднимемъ въ свое время. Но теперь вы должны рѣшить: хотите-ли вы, чтобы нами управляла Америка? Джентльмэны! я вѣрю, что вы любите родину и поэтому рѣшите вопросъ, какъ настоящіе патріоты! Англію могутъ любить только англичане и отчасти шотландцы, но ни въ коемъ случаѣ валійцы и ирландцы». Кстати про Гарвина, являющагося вдохновителемъ торійской партіи. Ирландцевъ онъ изображаетъ въ настоящій моментъ, какъ анархистовъ, горящихъ желаніемъ довести Британскую имперію до гибели. Ноябрьская книжка Fortnightly Review вышла раньше, чѣмъ «конференція восьми» прекратила свои засѣданія. Въ этой книжкѣ есть статья, въ которой очень убѣдительно доказываются всѣ выгоды федерализма и восхваляются патріотизмъ и умѣренность ирландцевъ. Авторъ этой статьи—тотъ же Гарвинъ. Онъ приводитъ въ Fortnightly Review слѣдующіе аргументы въ пользу ирландскаго област-

*) Лорье премьеръ Канадскаго парламента и считается большимъ лоялистомъ

ного сейма. 1) Настроеніе населенія сильно измѣнилось за последнее время вслѣдствіе ряда реформъ, осуществленныхъ консервативнымъ министерствомъ (муниципальное и земское самоуправленіе, выкупъ земли и пр.). Ирландскіе фермеры, ставшіе собственниками, превратились изъ революціонеровъ въ консерваторовъ и поэтому являются естественными союзниками торійской партіи. 2) Гомруль поведетъ къ сближенію Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей. Теперь противъ такого союза ирландцы, пользующіеся въ Соединенныхъ Штатахъ крупнымъ вліяніемъ, какъ вслѣдствіе богатства, такъ и потому, что засѣдаютъ въ конгрессѣ, и сенатѣ. Покуда ирландскій вопросъ не разрѣшенъ,—доказываетъ Гарвинъ,—нѣтъ никакой надежды на заключеніе союза между великой республикой и Англіей. 3) Всѣ самоуправляющіяся колоніи хотятъ, чтобы Англія дала Ирландіи областной сеймъ. Колонисты преисполнены симпатіями къ Ирландіи, и многіе министры «британскихъ владѣній, лежащихъ за морями»,—ирландскаго происхожденія. Англійская политика, отказывающая Ирландіи въ областномъ сеймѣ, кажется колоніямъ—по выраженію Гарвина—«чистымъ безуміемъ». 4) Областной сеймъ дастъ самоуправленіе не только Ирландіи, но и Англіи: коренное населеніе ея, а въ особенности жители южныхъ земледѣльческихъ графствъ, будутъ рады, когда «кельты» удалятся въ свой парламентъ. Исчезнетъ, такимъ образомъ, «инородческое вліяніе». Возраженія противъ гомруля кажутся Гарвину «фантастическими», и онъ разбиваетъ ихъ. Первая «фантазія» та, что, въ случаѣ, если Ирландія будетъ имѣть самоуправленіе, непріятель воспользуется островомъ, какъ базой, во время войны съ Англіей. До тѣхъ поръ, покуда британскій флотъ властвуетъ на морѣ,—доказываетъ Гарвинъ,—страхъ захвата Ирландіи ни на чемъ не основанъ. Гарвинъ успокаиваетъ Ольстерцевъ, убѣждая ихъ, что въ ирландскомъ областномъ сеймѣ они будутъ занимать такое же положеніе, какъ французы въ Канадскомъ парламентѣ: отъ нихъ будетъ зависѣть дать преобладаніе той или другой партіи. Гарвинъ дальше восхваляетъ умѣренность и государственную мудрость Редмонда, заявлявшаго нѣсколько разъ, что Ирландія будетъ лояльной, когда получитъ самоуправленіе. Черезъ недѣлю тотъ же публицистъ изображалъ Редмонда сатаной, а ирландцевъ—воинствомъ его.

V.

Сессія открылась 15 ноября, а черезъ семь дней по совѣту кабинета король распустилъ парламентъ, просуществовавшій только одиннадцать мѣсяцевъ. «Почему понадобились новые выборы?—объяснялъ премьеръ за два дня до событія.—Въ парламентской исторіи Англіи нѣтъ примѣра, чтобы правительство, располагающее зна-

чительнымъ большинствомъ, пользующееся довѣріемъ страны, обратилось къ избирателямъ послѣ одиннадцатимѣсячнаго пребыванія у власти. Но новыя обстоятельства требуютъ установленія новыхъ прецедентовъ». Каковы же эти новыя обстоятельства? Никогда еще ни одна партія не располагала въ Нижней палатѣ такимъ большинствомъ, какъ либералы въ 1906 году. Между тѣмъ палата лордовъ отвергала или уродовала почти каждый законопроектъ, внесенный министерствомъ. Лорды, наконецъ, отклонили бюджетъ 1909 года. Въ новомъ парламентѣ, собравшемся въ январѣ, было большинство въ сто голосовъ за ограниченіе veto лордовъ. Министерство провело рядъ резолюцій. Смерть короля установила временное перемиріе. И вотъ теперь снова наступаютъ военныя дѣйствія. Ради чего ведется борьба?

Либералы не имѣютъ возможности проводить законы, когда стоятъ у власти. Палата, состоящая изъ лицъ, не отвѣтственныхъ передъ избирателями, добивается права назначать по своему желанію новые выборы, когда у власти стоятъ либералы. «Мы боремся теперь за то, чтобы прогрессисты имѣли такой же шансъ осуществлять законы, какъ и консерваторы. Затѣмъ мы боремся за установленіе дѣйствительно представительнаго правительства»,— сказалъ Аскитъ. Премьеръ отвѣтилъ консерваторамъ, утверждавшимъ, что министерство стремится установить однопалатный парламентъ. Такой парламентъ существовалъ уже въ Англіи десять лѣтъ, когда у власти стояли консерваторы. Лорды пропускали тогда безъ малѣйшихъ измѣненій каждый билль, принятый коммонерами *).

Дальнѣйшее изложеніе намѣреній либераловъ мы находимъ въ гулльской рѣчи премьера, произнесенной послѣ роспуска парламента. «Мы выставляемъ принципы, что въ демократической странѣ выборные представители народа должны имѣть рѣшающій голосъ не только въ политикѣ, но и въ составленіи законовъ». Аскитъ защищаетъ резолюціи объ отмѣнѣ veto, принятыя Нижней палатой и изложенныя выше. Онъ доказываетъ, что эти резолюціи достаточно гарантируютъ страну отъ слишкомъ поспѣшнаго законодательства. Затѣмъ премьеръ возвращается къ вопросу, зачѣмъ назначаются новые выборы? «Годъ тому назадъ консерваторы изображали на всѣхъ платформахъ Палату лордовъ, какъ единственную защитницу народныхъ вольностей. Наслѣдственныхъ законодателей восхваляли за то, что они проявили «высшій патріотизмъ» и гражданское мужество, отклонивъ «наиболѣе несправедливый и самый непопулярный бюджетъ нашего времени». Избиратели приглашались признать заслуги лордовъ. Какія перемѣны произошли за одиннадцать мѣсяцевъ! — продолжалъ Аскитъ.—Теперь сами лорды признаютъ, что ихъ палата не идеальна и спѣшатъ произ-

*) Times, November 21.

вести въ ней перестройки. Тори боятся начать новую выборную кампанію, имѣя на плечахъ такого инкуба, какъ лорды. Новые выборы должны рѣшить вопросъ, кому управлять Англіей: лордамъ или коммонерамъ.»

Ллойдъ-Джорджъ и Черчель еще болѣе категорически формулировали причины, почему необходимы новые выборы. «Кризисъ создался тогда, когда лорды отклонили бюджетъ, — сказалъ канцлеръ казначейства.—Правительству необходимы были деньги для защиты страны и для осуществленія широкаго плана соціальныхъ реформъ. Оно обложило большіе доходы и предметы роскоши. Лорды потребовали, чтобы очень богатыхъ людей не трогали и чтобы доходы въ казну собирались путемъ обложенія предметовъ первой необходимости, т. е. хлѣба и мяса. Нижняя палата сказала: нѣтъ. Лорды тогда вышвырнули бюджетъ. Теперь министерство проситъ народъ помочь ему вышвырнуть лордовъ». «Дѣло противъ палаты лордовъ достигло теперь послѣдней инстанціи,—говорится въ обращеніи Черчеля къ его избирателямъ. — Выборы должны или разъ навсегда покончить съ этимъ дѣломъ, или демократическая форма правленія перестанетъ у насъ существовать. Лорды захватили такой контроль надъ нижней палатой, что фактически ни одинъ билль, неугодный наслѣдственнымъ законодателямъ, не можетъ стать закономъ. Хоть правительство опирается на сильную партію, но оно можетъ осуществлять только такіе законы, которые угодны консерваторамъ. Такое положеніе дѣла не можетъ болѣе продолжаться. Избиратели должны дать либераламъ полномочія отнять у лордовъ ихъ право veto.» «Шестьсотъ пэровъ полагаютъ, что они умнѣе 45 милліоннаго населенія,—сказалъ Ллойдъ-Джорджъ на большомъ митингѣ въ Сѣверномъ Лондонѣ.—Планъ реформы Верхней палаты, выработанный лордами, означалъ бы слѣдующее. Демократію держали бы вѣчно въ намордникѣ, чтобы она не могла кусаться. Референдумъ означалъ бы выборы ежегодно или даже дважды въ годъ, словомъ, каждый разъ, когда либералы предложили бы какой-нибудь важный билль».

Консерваторы поспѣшно составили свою избирательную программу. Мы находимъ въ ней сперва слѣдующіе пункты: 1) реформа палаты лордовъ, 2) соціальныя реформы, 3) сильный флотъ, 4) справедливое обложеніе, 5) тарифныя реформы, 6) выкупъ земли въ Англіи. Читатели «Русскаго Богатства» знаютъ уже, что дѣло Осборна *) выдвинуло на первый планъ вопросъ о жалованіи коммонерамъ. Либералы обѣщали осуществить въ ближайшемъ будущемъ эту реформу, значущуюся уже много лѣтъ въ ихъ программѣ. Консерваторы немедленно заявили, что и они ничего не имѣютъ противъ такой реформы.

*) См. „Р. Б.", IX. „Рабочее движеніе въ Англіи".

Два года тому назадъ программу либеральной партіи отличали отъ консервативной гомруль и свободная торговля. Мы видѣли, что наканунѣ выборовъ почти вся консервативная печать признала необходимость «деволюціи», т. е. областныхъ сеймовъ. Оставался вопросъ о протекціонизмѣ. Мнѣ не разъ приходилось уже выяснять, почему вопросъ о протекціонизмѣ возникъ въ Англіи и почему онъ имѣетъ такое громадное значеніе для промышленнаго міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества. Консервативная партія мало по малу стала партіей «тарифныхъ реформъ» по преимуществу. Тори фритредеры или были вытѣснены изъ партіи, или измѣнили свои взгляды на таможенную политику. Самъ вождь оппозиціи изъ фритредера обратился въ протекціониста. Но на послѣднихъ выборахъ выяснилось, что массы недовѣрчиво относятся къ главному тезису протекціонистовъ: «тарифныя реформы (т. е. налоги на хлѣбъ и на мясо) ведутъ къ улучшенію условій жизни». Въ особенности большую недовѣрчивость проявилъ Ланкаширъ, т. е. центръ обрабатыванія волокнистыхъ веществъ. И передъ самыми выборами, на большомъ митингѣ въ колоссальной Альбертовой залѣ, вождь оппозиціи заявилъ, что консерваторы оставляютъ на время протекціонизмъ. Бальфуръ далъ ручательство, что консерваторы, ставъ у власти, не введутъ «тарифныхъ реформъ» до тѣхъ поръ, покуда не устроятъ по этому поводу референдумъ. Многимъ консерваторамъ это «ручательство» очень не понравилось. Они доказывали, что тори, ставъ у власти, имѣютъ право немедленно «расширить базисъ финансоваго обложенія», т. е. ввести налогъ на хлѣбъ. Но большинство консерваторовъ нашло, что вождь ихъ, давъ ручательство, сдѣлалъ поразительно ловкій политическій ходъ, который долженъ сразу привлечь на сторону тори всѣхъ умѣренныхъ либераловъ. По разсчетамъ консерваторовъ, эти умѣренные давно уже испуганы «революціонными» планами министерства, но стоятъ за него только потому, что они фритредеры. Въ особенности разсчитывалось, что «ручательство» должно принести консерваторамъ большія побѣды въ Ланкаширѣ. Что же касается большихъ городовъ, то консерваторы разсчитывали, что вопли объ «американскомъ диктаторѣ» вызовутъ тамъ взрывъ негодованія противъ радикаловъ.

Одна изъ самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ провинціальныхъ газетъ *) «Yorkshire Observer» помѣстила очень любопытную статью о происхожденіи «ручательства», даннаго Бальфуромъ. На основаніи «абсолютно вѣрныхъ сообщеній» газета утверждаетъ, что въ рѣчи вождя оппозиціи не было сперва мѣста о «ручательствѣ». Бальфуръ, когда явился въ Альбертову залу, не думалъ еще дѣлать заявленія о томъ, что консерваторы подвергнутъ вопросъ о про-

---

*) Вообще въ Англіи провинціальныя газеты являются въ неизмѣримо большей степени вождями общественнаго мнѣнія, чѣмъ столичная печать.

текціонизмѣ референдуму. Передъ тѣмъ, какъ Бальфуръ вышелъ на платформу, онъ имѣлъ длинное совѣщаніе съ Гарвиномъ, который убѣдилъ вождя оппозиціи дать «ручательство». Этотъ фактъ еще разъ доказываетъ, какимъ громаднымъ вліяніемъ пользуется истерическій журналистъ, бывшій феній и динамитчикъ.

Заявленіе Бальфура опять выдвинуло вопросъ о референдумѣ на первый планъ. Горячими защитниками революціонной мѣры стали консерваторы, а врагами ея—радикалы. Защитникъ этой мѣры проф. Дайси снова формулировалъ всѣ доводы за референдумъ, сопоставивъ ихъ съ доводами противъ. «Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я изучаю вопросъ о референдумѣ съ теоретической и практической стороны,—пишетъ проф. Дайси.—Мнѣ кажется, я знаю всѣ достоинства и недостатки этого института. Постараюсь разсмотрѣть всѣ доводы, выставляемые противниками. Референдумъ—не что иное, какъ veto, налагаемое націей на законопроектъ, не одобряемый ею.

Первое возраженіе. Референдумъ представляетъ собою неизвѣстный въ Англіи институтъ, который уменьшитъ власть парламента вообще и Палаты общинъ въ частности.

Отвѣтъ. Возраженіе существенно; но на первый взглядъ оно болѣе серьезно, чѣмъ оказывается послѣ болѣе внимательнаго изученія. Палата общинъ никогда не пользовалась абсолютной неограниченной властью, если не считать бѣдственныхъ лѣтъ во время революціи. Во времена Елизаветы власть Палаты общинъ была ограничена авторитетомъ короны, т. е. правомъ ея налагать абсолютное veto. Въ послѣдующія времена дѣйствіе Нижней палаты, въ большей или меньшей степени, направлялось и, конечно, сдерживалось вліяніемъ не столько всей Верхней палаты, сколько наслѣдственныхъ лордовъ *). Даже въ наше время дѣйствіе лордовъ, когда оно выражаетъ желаніе всей страны, очень популярно. Въ доказательство проф. Дайси ссылается на 1893 годъ, когда лорды отклонили гладстоновскій проектъ гомруля. Референдумъ является только новымъ проявленіемъ того главенства народа, которое отстаивается всѣми демократами. Только нѣкоторые виги пытались отрицать это верховное право народа. Предлагающіе референдумъ поднимаютъ не новый вопросъ: имѣютъ ли лорды право или, точнѣе, не входитъ ли въ ихъ обязанность, апеллировать къ избирателямъ каждый разъ, когда палата общинъ принимаетъ билль, который, по мнѣнію пэровъ, не былъ санкціонированъ націей?

Второе возраженіе. Верховная власть націи достаточно охраняется правомъ избирателей одобрять или не одобрять своей

*) Изученіе исторіи Верхней палаты показываетъ, что лорды-епископы всегда тянули за наслѣдственными лордами. Въ иныхъ случаяхъ епископы были даже болѣе консервативны, чѣмъ наслѣдственные законодатели.

запиской, опущенной въ урну, каждый вопросъ, поднятый на общихъ выборахъ. Такимъ образомъ, зачѣмъ референдумъ, когда есть общіе выборы?

Отвѣтъ. Хотя это возраженіе, повидимому, существенно, но утвержденіе, содержащееся въ немъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Другими словами, оно не вѣрно. Въ настоящее время населенію рѣдко представляется случай высказаться на выборахъ по поводу какого нибудь точно формулированнаго вопроса. Обыкновенно избирательная программа содержитъ два-три пункта, совершенно различные по своему характеру. Избиратель, напримѣръ, имѣетъ теперь передъ собою два вопроса: 1) Желаете ли вы, чтобы Аскитъ и товарищи его остались у власти? 2) Желаете ли вы, чтобы парламентская резолюція, передающая право законодательствовать только Нижней палатѣ превратилась въ законъ? На первый вопросъ избиратель желаетъ отвѣтить утвердительно, а на второй—отрицательно. Но теперь избиратель вынужденъ сказать да по поводу обоихъ вопросовъ. Вопросъ, поставленный теперь избирателямъ, крайне осложнился. Въ самомъ дѣлѣ: ихъ спрашиваютъ, одобряютъ ли они парламентскую резолюцію? Но это заключаетъ въ себѣ рядъ другихъ вопросовъ: желаютъ ли избиратели гомруль? сочувствуютъ ли они соціалистическому законодательству? осуждаютъ ли они или одобряютъ политическую эмансипацію женщинъ? Каждый консерваторъ фритрэдеръ былъ недавно еще въ столь затруднительномъ положеніи. Онъ желалъ, чтобы у власти стали Бальфуръ съ товарищами, но былъ рѣшительно противъ введенія протекціонизма. Вождь юніонистовъ разрѣшилъ недоумѣніе такого избирателя. Какимъ образомъ? Бальфуръ далъ ручательство, что протекціонизмъ будетъ введенъ только послѣ референдума. Приговоръ населенія на общихъ выборахъ подается широкимъ толкованіямъ. Проф. Дайси спрашиваетъ, рѣшатся ли либералы, если станутъ у власти, ввести законы объ уничтоженіи veto, объ эмансипаціи женщины и о гомрулѣ, если лорды отклонятъ эти мѣры? Такой кризисъ можетъ быть предупрежденъ референдумомъ. Общіе выборы имѣютъ свои достоинства, но они ни въ коемъ случаѣ не могутъ замѣнить референдумъ.

Третье возраженіе. Референдумъ по характеру своему представляетъ апелляцію отъ парламента, заключающаго въ себѣ наиболѣе знающихъ представителей страны, къ невѣжеству народа.

Отвѣтъ. Это возраженіе сдѣлалъ Генри Мэнъ. Оно заключаетъ въ себѣ извѣстную истину; но въ сущности это—возраженіе противъ народнаго правительства. Возраженіе доказываетъ,—говоритъ проф. Дайси,—что въ нѣкоторыхъ странахъ и въ извѣстные періоды, правленіе одного немногочисленнаго класса и просвѣщеннаго деспота выгоднѣе для страны, чѣмъ правленіе демократическое. Въ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ Англія, по всей вѣроятности, выиграла отъ того, что власть находилась въ рукахъ

крупныхъ помѣщиковъ и богатыхъ торговцевъ. По всей вѣроятности, будь тогда назначенъ референдумъ, населеніе высказалось бы противъ союза между Англіей и Шотландіей и запретило бы примѣненіе календаря. Но въ Англіи теперь демократическое правленіе прочно утвердилось. Значительное большинство избирателей такъ же просвѣщено, какъ и члены парламента. Ихъ рѣшеніе, кромѣ того, не можетъ быть сковано партійной дисциплиной. Въ такомъ случаѣ аргументъ, содержащійся въ третьемъ возраженіи, падаетъ самъ собою. Противники референдума забываютъ,—продолжаетъ проф. Дайси,—что и въ частной жизни мы иногда бываемъ вынуждены обратиться къ экспертамъ даже тогда, когда мы и не слѣдуемъ ихъ совѣту. Мы обращаемся къ сапожнику за сапогами, но отказываемся взять сапоги, если они намъ не по ногѣ. Только носящій сапоги знаетъ, гдѣ они жмутъ. То же самое можно сказать и о политикѣ.

Четвертое возраженіе. Референдумъ понизитъ характеръ палаты общинъ.

Отвѣтъ. Въ этомъ возраженіи содержится извѣстная, хотя небольшая, доля правды. Вполнѣ возможно, что избиратель подастъ голосъ за партію, намѣтившую билли, которымъ онъ не сочувствуетъ, въ томъ разсчетѣ, что эти законопроекты все равно подвергнуты будутъ потомъ референдуму. Но и теперь происходитъ нѣчто подобное,—увѣряетъ проф. Дайси.—Многіе коммонеры голосуютъ за билли, которымъ не сочувствуютъ, въ надеждѣ, что законопроекты будутъ отвергнуты лордами. По увѣренію проф. Дайси, многіе кандидаты (онъ думаетъ, вѣроятно, юніонисты) въ 1906 г. обѣщали на выборахъ поддерживать билль объ узаконеніи «пикетированія» (Trades Disputes Bill, ставшій закономъ въ 1906 году) въ полной надеждѣ, что лорды отклонятъ мѣру. Такая слабость — говоритъ Дайси — граничитъ съ лицемѣріемъ; но референдумъ исправитъ все. Тогда коммонеръ сможетъ открыто сказать: «лично я сомнѣваюсь въ цѣлесообразности законопроекта, за который голосую въ силу соображеній партійной дисциплины; но народу предоставляется сказать послѣднее слово».

Пятое возраженіе. Референдумъ измѣнитъ всю существующую нынѣ партійную систему.

Отвѣтъ. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Здѣсь мы подходимъ къ самому существенному, раздѣляющему защитниковъ и противниковъ референдума. Первые полагаютъ, что партійная система развилась уже такъ широко, что только референдумъ можетъ остановить дальнѣйшее развитіе. Противники же референдума являются преданными сторонниками партійной системы и полагаютъ, что ея усиленіе и развитіе необходимо въ интересахъ народнаго представительства *).

*) «Prof. A. V. Dicey, «An Appeal to the Nation», (Перепечатка статей, появившихся сперва въ «Times'ѣ).

Профессору Дайси отвѣтилъ проф. Морганъ. Онъ указалъ, что идея о референдумѣ принимаетъ у консерваторовъ все болѣе и болѣе странный характеръ. «Проф. Дайси, въ сущности, совѣтуетъ назначать референдумъ по поводу каждаго сколько нибудь важнаго законопроекта, такъ какъ это дастъ возможность правительству оставаться у власти, даже тогда, когда билль, предложенный имъ, отвергнутъ. Избиратель, отклонивъ законопроектъ министерства, скажетъ этимъ, — говоритъ проф. Дайси,—что не желаетъ отставки кабинета, хотя не одобряетъ его билля. Дайси ссылается на Швейцарію, гдѣ исходъ референдума рѣдко ведетъ за собою отставку министерства. Мы не станемъ разбирать здѣсь, хорошъ ли этотъ обычай или плохъ,—говоритъ проф. Морганъ.— Мы скажемъ только, что онъ совершенно не совмѣстимъ съ существующимъ понятіемъ объ отвѣтственности министерства. Референдумъ не только убиваетъ партійную систему, но дѣлаетъ палату лордовъ излишней и значительно уменьшаетъ права Нижней палаты. Быть можетъ, въ маленькой странѣ, какъ Швейцарія, референдумъ иногда является практической мѣрой, но въ большомъ государствѣ дѣйствіе его можетъ быть только гибельно. Если правительство можетъ избавиться отъ всѣхъ затрудненій, введя референдумъ и предлагая населенію отвѣтить д а или н ѣ т ъ по поводу любого законопроекта, то оно перестаетъ быть руководителемъ общественнаго мнѣнія. Оно лишается того вліянія и авторитета, которыми должно располагать правительство каждой великой страны. При введеніи референдума въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ проф. Дайси, министерство превратится въ постоянную бюрократію. Оно захватитъ всецѣло въ свои руки администрацію. Во всякомъ случаѣ оно превратится въ служащихъ, отбывающихъ извѣстный срокъ (time-servers, по терминологіи проф. Моргана), готовыхъ пожертвовать всѣмъ, лишь бы заслужить популярность. Но министерство тогда не будетъ больше о т в ѣ т с т в е н н ы м ъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается теперь. Исчезнетъ тотъ контроль надъ правительствомъ, который существуетъ теперь при партійной системѣ» *).

Либералы поспѣшили также отвѣтить по поводу «ручательства», даннаго Бальфуромъ.

«Что означаетъ «ручательство»?—читаемъ мы въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ во время выборовъ прокламацій.

«Никто не знаетъ этого. Самъ Бальфуръ отказывается точнѣе объяснить, что онъ хотѣлъ сказать. Два года тому назадъ онъ сказалъ, что никакое «ручательство» не свяжетъ его, если понадобится дѣйствовать. Связало ли его «ручательство», которое онъ далъ въ 1900 году? Или «ручательство», данное въ 1904 году? **)

---

*) Westminster Gazette. December 6, 1910.

**) Рѣчь идетъ объ обѣщаніи не включать протекціонизмъ въ програму.

«Чего хочетъ Бальфуръ?

«Онъ хочетъ заручиться вашими избирательными голосами.

«Ваши избирательные голоса необходимы ему для того, чтобы разрушить ваши вольности. Онъ желаетъ при помощи этихъ голосовъ сдѣлать лордовъ вашими хозяевами.

«Бальфуръ разставилъ капканъ для народа. Вмѣсто приманки положено тамъ одно слово ручательство.

«Не поддававайтесь обману. Вопросъ остается неизмѣннымъ: или вы, или лорды. Каждый голосъ, поданный за консерваторовъ, будетъ голосомъ за управленіе при помощи лордовъ. Каждый голосъ, поданный за либераловъ, будетъ голосомъ за управленіе при помощи народа».

Каррикатуристы либеральной партіи поспѣшили выразить въ картинахъ положеніе дѣла. Вотъ, напр., собака, которую пересылаютъ въ Манчестеръ. У ней лицо Бонара Лоу, вождя протекціонистовъ, выставившаго свою кандидатуру въ столицѣ хлопка. На шеѣ у собаки ярлыкъ съ надписью референдумъ. Подпись гласитъ: «Когда собаку отправляли въ Манчестеръ, на ярлыкѣ значилось: Тарифная реформа. Теперь на немъ значится: Референдумъ. Что стало съ первой надписью»? Вотъ другой «картонъ». Изображаетъ онъ Бальфура, поднимающагося на воздушномъ шарѣ (юніонистская партія). Чтобы подняться, вождь оппозиціи вышвырнулъ сперва пэровъ, а потомъ тарифныхъ реформаторовъ. Та же мысль, но иначе, выражена въ картинѣ. «Отступленіе изъ Москвы». Вмѣсто Наполеона—Бальфуръ; вмѣсто его маршаловъ—лордъ Лэнсдаунъ. Отступающіе бросили весь обозъ: лордовъ и тарифную реформу.

Ирландская партія передъ выборами заявила, что лорды являются единственнымъ препятствіемъ при достиженіи гомруля. Такъ какъ либералы ставятъ въ первую голову отмѣну veto лордовъ, то поэтому, заявилъ Редмондъ, націоналисты всячески поддержатъ ихъ. Въ Ирландіи соперничество вождей сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ рядахъ ирландской партіи существуетъ вражда, не совсѣмъ понятная для постороннихъ, между Редмондомъ и Вильямомъ О'Брайеномъ, хотя оба стремятся къ одной и той же цѣли. Консерваторы типично старались использовать эту вражду; но у О'Брайена «партія», состоящая всего лишь изъ одиннадцати человѣкъ.

Рабочіе не желали выборовъ, которые надвинулись въ крайне неблагопріятный моментъ: касса рабочей партіи была почти пуста, а судебное рѣшеніе по дѣлу Осборна не давало возможности устроить принудительный сборъ. Но когда выборы стали неизбѣжны, рабочая партія въ своемъ избирательномъ манифестѣ выставила два пункта: уничтоженіе veto верхней палаты и отмѣну рѣшенія по дѣлу Осборна.

VI.

Передъ роспускомъ парламента положеніе партій въ Нижней палатѣ выражалось слѣдующими цыфрами:

Либераловвъ	274
Рабочихъ	40
Націоналистовъ	72
Независимыхъ націоналистовъ	10
Юніонистовъ	274
	670.

Такъ какъ рабочіе и ирландцы (націоналисты) голосуютъ вмѣстѣ съ либералами, то у министерства было большинство въ 122 голоса.

Выборы начались третьяго декабря. Отличались они, прежде всего, необыкновенной страстностью. Кандидаты всѣхъ партій, а торійскіе—въ особенности, проявляли крайнюю рѣзкость, когда упоминали про противниковъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. Бывшій министръ торійскаго кабинета, говоря о правительствѣ, назвалъ его «собраніемъ шелудивыхъ». Консервативный кандидатъ Смитъ, говоря о либеральномъ кандидатѣ Вудкокѣ, сказалъ: «Я опросилъ всѣхъ, но никто не знаетъ такого адвоката, какъ мистеръ Драйсдейлъ Вудкокъ. Я досталъ тогда фотографію его. Признаться, ничего подобнаго я не видѣлъ въ моей жизни. Съ такимъ лицомъ человѣку мѣсто не въ парламентѣ, а въ звѣринцѣ». Герцогъ Марлборо, говоря на митингѣ противъ Ллойдъ-Джорджа, сказалъ, что канцлеръ казначейства принадлежитъ къ націи, давшей больше всего воровъ и незаконнорожденныхъ. Либералы, конечно, тоже не оставались въ долгу и отвѣчали тою же монетою. Вотъ, напр., отвѣтъ, который далъ герцогу Марлборо одинъ изъ либеральныхъ кандидатовъ Хеммердсъ. «Герцогъ родился въ тотъ же день, что и я, и учился со мною въ одной школѣ. Онъ чистилъ комнату моего брата *) и дѣлалъ это очень плохо. Вотъ отмѣтки герцога, когда онъ учился въ Винчестерской школѣ. Онъ всегда былъ послѣднимъ ученикомъ. Въ этомъ отношеніи за три года пребыванія въ школѣ у него не было соперника. Затѣмъ герцогъ перешелъ въ Кэмбриджскій университетъ, гдѣ тоже не блисталъ успѣхами. Не кончивъ курса, онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ женился на дѣвицѣ, имѣвшей очень много милліоновъ. Теперь онъ строго осуждаетъ Редмонда за то, что тотъ собралъ деньги у своихъ

---

*) Въ большихъ англійскихъ школахъ, а въ особенности въ Итонѣ и Гарро, существуетъ еще система, въ силу которой младшіе мальчики, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, прислуживаютъ старшимъ.

соотечественниковъ, вынужденныхъ переселиться вслѣдствіе уродливости земельной системы въ Ирландіи. И этого человѣка Аскитъ, Ллойдъ Джорджъ и сэръ Эдуардъ Грэй должны были просить, чтобы онъ пропустилъ билль. И если герцогъ не хотѣлъ исполнить просьбу, билль погибалъ. Подобное положеніе дѣлъ невыносимо».

Но выборы вообще отличаются страстностью. Особенность этихъ выборовъ заключается въ томъ, что консерваторы, пугая страну радикалами и соціалистами, въ дѣйствительности выставляли болѣе революціонныя мѣры, чѣмъ либеральное правительство. Вотъ интересное письмо нѣкоего консерватора Спайерса, повѣствующаго про то, какъ его испугали собственные союзники. Спайерсъ — видный дѣятель «Анти - соціалистическаго союза», имѣющаго цѣлью «разоблачать и опровергать соціализмъ во всѣхъ формахъ, какъ явныхъ, такъ и скрытыхъ». Во время выборовъ союзъ послалъ его, чтобы поддержать консервативныхъ кандидатовъ. Спайерсъ былъ убѣжденъ, что ему придется, съ одной стороны, защищать тарифную реформу и конституцію, а съ другой - обличать гомруль и соціализмъ. Теперь пусть самъ Спайерсъ разсказываетъ про свои испытанія. Онъ является въ округъ № 1. «Ораторъ, выступившій раньше меня, во всеуслышеніе заявилъ, что главнымъ пунктомъ консервативной программы является тарифная реформа. Непосредственно за тѣмъ, къ великому моему ужасу, въ видѣ аргумента, ораторъ выставилъ гибельное заблужденіе о правѣ всѣхъ на трудъ, лежащее въ основѣ соціалистическихъ теорій, и принялся развивать тезисъ, что производить цѣнности надо для пользы, а не для выгоды. Въ видѣ иллюстраціи ораторъ привелъ заявленіе соціалистовъ, что въ Англіи двѣнадцать милліоновъ человѣкъ живутъ на рубежѣ голода, т. е. то заявленіе, которое Анти-соціалистическій союзъ все время опровергаетъ». Ораторъ дальше осыпалъ насмѣшками фритрэдеровъ, представляющихъ отжившую экономическую доктрину, и сталъ глумиться надъ совершенно правильной теоріей, что обложеніе должно примѣняться только ради государственныхъ доходовъ. (Эта теорія составляетъ нашъ оплотъ противъ соціалистовъ, требующихъ обложенія съ цѣлью конфискаціи). Кончивъ свою рѣчь, ораторъ уступилъ мѣсто мнѣ. Я тотчасъ же началъ защищать налогъ на хлѣбъ доказывая, что пошлины не увеличатъ стоимости продуктовъ, такъ какъ онѣ поощрятъ нашихъ фермеровъ сѣять пшеницу въ Англіи. Но тутъ фритрэдеръ, находившійся въ залѣ, задалъ мнѣ щекотливый вопросъ. Я не нашелъ другого отвѣта, какъ гибельную соціалистическую теорію про то, что, если земля будетъ принадлежать народу, два графства смогутъ снабжать Англію необходимымъ хлѣбомъ. При другихъ условіяхъ моимъ долгомъ было опровергать именно эту теорію». Членъ Анти-соціалистическаго союза былъ вызванъ въ округъ № 2. «Здѣсь я нашелъ безконечное множество «картоновъ», выпущенныхъ консервативной партіей и изо-

бражающихъ бѣдственное положеніе безработныхъ при свободной торговлѣ. Я увидалъ, что эти «картоны» являются отличнымъ аргументомъ, который соціалисты выставляютъ противъ капиталистическаго строя. Такимъ образомъ я не могъ произнести мою лучшую рѣчь о выгодахъ капитализма. Вмѣсто этого я долженъ былъ помогать мѣстнымъ дамамъ-юніонисткамъ разсылать воззванія къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ.

«Я прибылъ въ округъ № 3. Здѣсь я нашелъ, что либераламъ удалось возбудить у населенія большую ненависть противъ лордовъ. Въ виду этого я составилъ панегирики нашей конституціи и былъ глубоко убѣжденъ, что моя рѣчь сильно поможетъ консервативному кандидату. Но меня убѣдили не произносить ее. Больше того. Я замѣтилъ, что большинство консерваторовъ сильно стѣснены необходимостью защищать нашу конституцію. Всюду я слышалъ, какъ консерваторы толковали про гомруль и федерализмъ. На придачу, вождь нашей партіи произнесъ рѣчь, въ которой восхвалялъ референдумъ и говорилъ о верховной власти народа». Авторъ письма прибываетъ въ округъ № 4. Тутъ опять консерваторъ, возражая фритрэдеру, прибѣгъ къ чисто соціалистической теоріи объ отвѣтственности государства передъ индивидумомъ. Убѣдившись, что «консервативная партія соціализирована», членъ Антисоціалистической лиги вопрошаетъ, зачѣмъ же юніонисты обличаютъ такъ соціализмъ?

Въ сущности, нѣтъ ни одной реформы, фигурирующей въ программѣ радикаловъ, которую не выставили бы консерваторы. И ко всѣмъ этимъ пунктамъ протекціонисты прибавили еще референдумъ.

Выборы шли поразительно ровно. Нѣкоторые либеральные округи перешли, правда, къ консерваторамъ, а консервативные округи достались либераламъ, но, въ общемъ, никакихъ большихъ перемѣнъ не произошло. Я пишу тогда, когда выборы еще не закончены вполнѣ, но уже выяснилось, что въ новомъ парламентѣ соотношеніе силъ будетъ такое же, какъ и въ старомъ. Консерваторы, либералы, рабочіе и ирландцы, въ общемъ, будутъ располагать столькими же мѣстами, какъ и послѣ январскихъ выборовъ. И снова возникаетъ вопросъ: сможетъ ли либеральное министерство, въ такомъ случаѣ, выйти изъ тупика, изъ котораго не могло выбраться въ январѣ вслѣдствіе слабости?

Діонео.

Изъ области современной реакціи.

I.

Господствующее реакціонное направленіе проникаетъ все глубже и глубже во всѣ стороны жизни и каждое новое завоеваніе его неизмѣнно сопровождается попираніемъ двухъ главнѣйшихъ устоевъ истинной государственнности: уваженія къ закону и—равенству всѣхъ передъ закономъ.

Часто устои эти попираются при соприкосновеніи государственной власти съ инородцами. Но не менѣе часто попираются они и въ отношеніяхъ власти къ крестьянству.

Вмѣсто дальнѣйшихъ шаговъ въ направленіи, провозглашенномъ указомъ 5 октября, вмѣсто дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ направленіи достиженія полной равноправности крестьянъ съ другими сословіями, мы встрѣчаемся въ настоящее время съ мѣрами репрессіи, изобрѣтаемыми исключительно для крестьянъ и усиливающими то правовое неравенство, которое существуетъ въ дѣйствующемъ правѣ по отношенію къ крестьянству. Такого рода мѣропріятія принимаются по отношенію къ такъ называемымъ «аграрникамъ».

Такъ окрестили на мѣстахъ ссылки тѣхъ представителей крестьянскаго населенія, которые были высланы въ административномъ порядкѣ за яко-бы проявленное ими участіе въ аграрныхъ безпорядкахъ.

Мы говоримъ «за яко-бы проявленное ими участіе» потому, что, какъ увидимъ ниже, крестьяне выселялись такимъ упрощеннымъ порядкомъ, который совершенно не обезпечивалъ даже правильности утвержденія, что высылаемые дѣйствительно участвовали въ аграрномъ движеніи.

Стремленіе обезпечить спокойствіе крестьянъ принудительнымъ удаленіемъ изъ ихъ среды тѣхъ, кто былъ такъ или иначе замѣшанъ въ безпорядкахъ, легко было бы осуществить при содѣйствіи «исключительныхъ положеній», если бы у администраціи были средства распознаванія безпокойныхъ элементовъ среди мѣстнаго населенія. Сама администрація, претендующая на наличность у нея такихъ средствъ въ городахъ, сознавала свое безсиліе въ деревнѣ.

Кромѣ того, она сочла слишкомъ медленнымъ и затруднительнымъ даже тотъ упрощенный способъ административной ссылки, который начертанъ въ исключительныхъ положеніяхъ. Онъ все таки требуетъ производства административнаго разслѣдованія о каждомъ выселяемомъ, собранія болѣе или менѣе достовѣрныхъ

свѣдѣній о его поведеніи и т. д. При массовыхъ высылкахъ даже такой упрощенный порядокъ показался слишкомъ сложнымъ и рѣшено было его упростить.

Созданъ былъ особый порядокъ срочныхъ административныхъ высылокъ для крестьянъ, порядокъ, основанный на высочайше утвержденномъ 23 января 1906 года постановленіи совѣта министровъ, которое не было опубликовано *), но было сообщено циркулярно всѣмъ губернаторамъ.

Особыя условія, созданныя указаннымъ постановленіемъ, выражаются въ томъ, что административное дознаніе, требуемое для примѣненія срочной административной высылки, замѣняется для крестьянъ приговоромъ ихъ обществъ, удостовѣряющимъ, что данный крестьянинъ является зачинщикомъ или участникомъ аграрныхъ безпорядковъ.

Особымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ рекомендовалось практиковать такой способъ обнаруженія участниковъ аграрныхъ безпорядковъ и воздѣйствія на нихъ.

Крестьянскимъ учрежденіямъ вмѣнялось въ обязанность побуждать общества къ составленію приговоровъ, которые вмѣсто соблюденія формальностей, требуемыхъ прил. къ 205 ст. уст. о пред. и прес прест. **), прямо должны передаваться земскимъ начальникамъ для провѣрки. Земскіе же начальники обязаны были представлять ихъ непосредственно губернаторамъ, которые на общемъ основаніи законовъ о срочной административной высылкѣ распоряжались о высылкѣ указанныхъ лицъ или непосредственно (въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ по охранѣ) или черезъ посредство особаго совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно требовалъ отъ земскихъ начальниковъ оповѣщенія сельскихъ обществъ, во-первыхъ, о томъ, что для такихъ приговоровъ не требуется $^2/_3$ голосовъ, а достаточно простое большинство и, во-вторыхъ, что въ этихъ случаяхъ общества освобождены отъ взноса какихъ-либо денегъ за высылаемыхъ, ибо расходы на высылку и содержаніе ихъ правительство принимаетъ всецѣло на себя.

Министръ считаетъ необходимымъ, говорится въ циркулярѣ, «чтобы участковые органы крестьянскихъ установленій въ уѣздахъ озаботились всѣми доступными имъ способами оповѣстить подвѣдомственное имъ сельское населеніе, что высылка выдаваемыхъ по общественнымъ приговорамъ зачинщиковъ и участниковъ аграрныхъ безпорядковъ будетъ производиться не на счетъ сель-

*) Оно до сихъ поръ нигдѣ не опубликовано, хотя на основаніи его много крестьянъ были выселены въ Вологодскую, Вятскую и Архангельскую губерніи.

**) Т. е. вмѣсто правилъ о высылкѣ крестьянъ по приговорамъ обществъ за порочное поведеніе.

скихъ обществъ, а на счетъ казны. Обстоятельство это замѣчаетъ циркуляръ, имѣетъ первостепенную важность, такъ какъ изъ практики извѣстно, что опасенiе крупныхъ расходовъ на переселенiе выселяемыхъ, часто удерживаетъ сходы отъ составленiя приговоровъ о выдачѣ правительству вредныхъ и порочныхъ членовъ обществъ».

Такимъ образомъ, послѣ попытки указа 5 октября уравнять права крестьянъ, они немедленно были подчинены новому ограниченiю. Не въ примѣръ другимъ сословiямъ крестьянъ можно при содѣйствiи ихъ обществъ выслать административнымъ порядкомъ двоякимъ образомъ: вѣчно, съ исключенiемъ изъ обществъ за порочное поведенiе, и срочно не болѣе, какъ на пять лѣтъ, безъ исключенiя изъ обществъ и безъ лишенiя правъ на надѣлъ. Какъ разъ къ моменту, когда правительство торжественно заявляло, издавая указъ 9 ноября, что оно стремится раскрѣпостить личность крестьянъ и уравнять ихъ въ правахъ съ другими сословiями, освободить отъ власти и опеки обществъ, создается новая мѣра, которой закрѣпляется и усиливается старая зависимость крестьянъ отъ произвола обществъ. Если въ архаическомъ законѣ о вѣчной ссылкѣ крестьянъ за порочное поведенiе общества обязаны указывать факты, свидѣтельствующiе о порочности высылаемаго, то въ новомъ неопубликованномъ законѣ 1906 года достаточно голословнаго заявленiя простого большинства общества объ участiи даннаго лица въ безпорядкахъ, чтобы это лицо было выселено на пять лѣтъ въ отдаленныя губернiи.

Въ недавнее время правительство пустило въ ходъ еще одно изобрѣтенiе: соединенiе двухъ указанныхъ родовъ высылки крестьянъ по отношенiю къ «аграрникамъ».

Во многихъ перiодическихъ изданiяхъ появились корреспонденцiи, рисующiя безвыходное положенiе аграрниковъ,—крестьянъ, высланныхъ въ административномъ порядкѣ на пять лѣтъ и по истеченiи срока узнавшихъ, что они кромѣ того высылаются за порочное поведенiе по приговорамъ общества навсегда.

Эти сообщенiя появились еще въ 1909 году. Такъ, мы знаемъ, что 14 человѣкъ крестьянъ Дмитрiевскаго уѣзда Курской губернiи были высланы на три года въ Архангельскую губернiю. Срокъ высылки ихъ оканчивался 22 октября 1909 года. Но еще въ iюнѣ 1909 года земскiй начальникъ с. Хомутовки, откуда были высланы эти 14 человѣкъ, возбудилъ на сельскомъ сходѣ вопросъ о высылкѣ уже сосланныхъ крестьянъ за порочное поведенiе навсегда *).

При какой обстановкѣ составлялся такой приговоръ, видно изъ разсказа корреспондента о составленiи приговора о двухъ изъ этихъ 14 крестьянъ, Кирилловыхъ. Крестьяне с. Хомутовки,

*) „Право", 1910 г., № 34.

несмотря на дважды заявленное требованіе земскаго начальника (требованіе, какъ увидимъ, явно незаконное), два раза составляли приговоры, въ которыхъ удостовѣряли, что они знаютъ Кирилловыхъ съ лучшей стороны, что эти крестьяне всегда пользовались почетомъ и уваженіемъ и занимали нерѣдко общественныя должности. Несмотря на эти приговоры, 8 октября, т. е. за 12 дней до окончанія срока административной ссылки, общество, очевидно, уже подъ угрозой земскаго начальника составило приговоръ объ удаленіи Кирилловыхъ «за пьянство, буйство и подозрѣніе въ поджогахъ».

Въ результатѣ, —пишетъ корреспондентъ,—въ день окончанія высылки Кирилловыхъ вмѣсто выдачи имъ проходного свидѣтельства для возвращенія на родину, имъ объявили, что они остаются въ Архангельской губерніи навсегда по приговору общества. То же самое мы узнаемъ и про другихъ крестьянъ, сосланныхъ въ отдаленныя губерніи: Архангельскую, Вологодскую, Вятскую.

Вотъ что пишутъ г. Герасимову изъ Томской губерніи *) 20 крестьянъ села Старославинскаго Саратовской губерніи.

Въ 1906 году по постановленію департамента полиціи отъ 12 марта 1906 года они были высланы въ административномъ порядкѣ въ Нарымскій край Томской губерніи. По окончаніи срока высылки, вмѣсто возвращенія на родину, ихъ водворили въ селѣ Тисуль Томской губерніи, при чемъ имъ было объявлено, что это сдѣлано вслѣдствіе сообщенія саратовскаго губернатора, что на мѣстѣ ихъ прежней приписки составленъ приговоръ общества объ удаленіи ихъ изъ общества. Приговоръ состоялся за мѣсяцъ до окончанія срока ссылки.

Корреспондентъ даже описываетъ обстоятельства, при которыхъ состоялся такой приговоръ.

Въ село явился приставъ и, созвавъ сходъ изъ наличныхъ крестьянъ, потребовалъ составленія приговора объ административно-ссыльныхъ, заявляя, что иначе они скоро возвратятся изъ ссылки, начнутъ поджоги и пр. На отказъ крестьянъ составить приговоръ приставъ сталъ угрожать обложеніемъ штрафа въ 2 рубля 50 копѣекъ съ души. Послѣ долгихъ уговоровъ, застращиваній, посылки за стражниками приговоръ былъ составленъ. Изъ той же Томской губерніи тому же корреспонденту пишутъ объ удаленіи незадолго до окончанія срока высылки высланныхъ въ 1906 году крестьянъ д. Дары Могилевской губерніи.

Пишущій эти строки также получилъ нѣсколько писемъ, сообщающихъ о совершенно аналогичныхъ случаяхъ.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что свѣдѣнія идутъ изъ разныхъ губерній, что на мѣстахъ, откуда высланы въ срочную ссылку крестьяне, вспоминаютъ о нихъ какъ разъ за нѣсколько

*) „Право“, 1910 г. № 34.

мѣсяцевъ до окончанія ссылки, то невольно зарождается мысль о томъ, что принимаемыя мѣры инспирируются изъ центра и являются результатомъ строго обдуманной системы.

Изъ сопоставленій, различныхъ выдержекъ оффиціальныхъ документовъ, а именно постановленій губернскихъ присутствій, присутственныхъ мѣстъ, сообщенныхъ въ періодической печати, можно заключить о характерѣ распоряженій, дѣлаемыхъ изъ центра. Для того, чтобы опредѣлить степень законности этихъ распоряженій, намъ необходимо остановиться на архаическомъ законѣ, существующемъ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ по отношенію къ праву крестьянскихъ обществъ выселять своихъ порочныхъ членовъ.

II.

Какъ извѣстно, указъ 5 октября 1906 года «объ уравненіи правъ крестьянъ» не коснулся и не измѣнилъ закона о ссылкѣ крестьянъ по приговорамъ общества. Это тѣмъ болѣе странно, что право обществъ приговаривать членовъ своихъ къ принудительной высылкѣ, создавая тяжелое неравенство въ положеніи крестьянъ сравнительно съ другими сословіями, покоится на условіяхъ крѣпостного быта и, казалось бы, должно было исчезнуть не въ эпоху политическаго обновленія государственнаго строя Россіи, а въ гораздо болѣе раннюю эпоху отмѣны крѣпостного права.

При существованіи крѣпостного права помѣщики имѣли право отдавать крестьянъ за порочное поведеніе въ арестантскія роты или сдавать ихъ въ рекруты. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ высылаемый передавался въ руки правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ переставалъ быть крѣпостнымъ. Это былъ суровый законъ, усиливавшій произволъ помѣщичьей власти, примѣненіе котораго ограничивалось только однимъ условіемъ: экономической невыгодой для помѣщика лишиться крѣпостныхъ. И этотъ законъ, связанный съ порабощеніемъ крестьянской личности, сохранился и послѣ освобожденія, только власть помѣщика была замѣнена властью общества.

Къ чести составителей положеній 19 февраля надо сказать, что изданіе закона, уполномачивающаго сельскія общества на выселеніе своихъ порочныхъ членовъ, не обошлось безъ упорной оппозиціи лучшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Послѣдніе съ Милютинымъ во главѣ горячо возражали противъ принятія закона, противорѣчащаго общему началу, принятому для крестьянской реформы, въ силу котораго крестьяне не могутъ быть лишены правъ или ограничены въ нихъ иначе, какъ по суду.

Но сторонники реакціи одержали верхъ, ссылаясь на необходимость дать возможность крестьянскимъ обществамъ избавляться

отъ порочныхъ членовъ, упорныхъ неплательщиковъ податей, разъ исправная уплата податей обезпечивается круговой порукой обществъ. Впрочемъ, вначалѣ предполагали ограничиться только дарованіемъ обществамъ права исключать изъ своей среды порочныхъ членовъ безъ передачи ихъ правительству.

Но въ дальнѣйшемъ движеніи проекта Положеній 19 февраля 1861 года послѣдствія исключенія изъ обществъ за порочное поведеніе были опредѣлены чрезвычайно суровыя: исключенный передавался въ распоряженіе правительства, заключался подъ стражу и по этапу препровождался въ Сибирь, гдѣ и приписывался къ крестьянскому обществу мѣста водворенія. Одновременно онъ лишался всѣхъ правъ, связанныхъ съ мѣстомъ прежней приписки. Такъ опредѣлялась по общему положенію о крестьянахъ, изданному 19 февраля 1861 года, ссылка по приговору общества.

Приговоры должны были составляться большинствомъ $^{2}/_{3}$ голосовъ, рассматриваться мировыми посредниками и утверждаться губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

Вмѣсто начала, которое хотѣли провозгласить лучшіе дѣятели крестьянской реформы, что крестьяне, какъ и лица другихъ сословій, могутъ быть лишены правъ состоянія или ограничены въ нихъ *только по суду*, въ общемъ положеніи о крестьянахъ появилась статья, сразу обнаруживающая половинчатость реформы 61 года: «крестьяне не могутъ быть лишены правъ состоянія или ограничены въ нихъ иначе, какъ по суду *или по приговору общества*». Мы видѣли, что мотивомъ созданія такого права обществъ исключать изъ своей среды приводили круговую поруку въ уплатѣ податей и повинностей.

Но круговая порука отмѣнена, а законъ о правѣ ссылки по приговору общества—остался.

Впрочемъ, въ 1900 году одновременно съ отмѣной ссылки на житье въ Сибирь по судебному приговору рѣшили нѣсколько ограничить ссылку крестьянъ по приговору общества. Ограничить, но не уничтожить! И при томъ ограничить въ довольно ничтожной степени. Правила закона 10 іюня 1900 года *) предоставляютъ обществамъ право высылки только тѣхъ членовъ общества, которые проживаютъ въ данныхъ обществахъ. Кромѣ того, они требуютъ, чтобы въ приговорѣ были подробно указаны основанія, по коимъ это лицо признается угрожающимъ общественному спокойствію и безопасности.

Законъ 1900 года требуетъ отъ земскихъ начальниковъ провѣрки состоявшагося приговора на мѣстѣ съ опросомъ членовъ схода объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его составленіе, для того, чтобы земскій начальникъ могъ убѣдиться въ достовѣрности и убѣдительности поводовъ къ высылкѣ. Желая еще усилить

*) Прил. къ 205 ст. уст. о пред. и крес. пр.

контроль надъ составленіемъ приговоровъ, законъ требуетъ, чтобы послѣ провѣрки земскимъ начальникомъ приговора онъ еще разъ провѣрялся уѣзднымъ предводителемъ дворянства и только тогда шелъ на утвержденіе губернскаго присутствія, на опредѣленіе котораго въ порядкѣ надзора высылаемый можетъ еще принести жалобу въ сенатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обществу вмѣняется въ *обязанность* внести деньги, слѣдуемыя на снабженіе одеждой и на кормовое довольствіе, какъ самаго удаляемаго, такъ и тѣхъ членовъ его семьи, которые пожелаютъ слѣдовать за нимъ, за время со дня передачи его въ руки правительства и до дня водворенія его на мѣстѣ въ Сибири или въ другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, указанныхъ въ особомъ расписаніи. Если семья удаляемаго остается на мѣстѣ и не слѣдуетъ за нимъ, она можетъ сохранить въ своемъ владѣнія и земельный надѣлъ его. Если же семья идетъ за удаляемымъ, то надѣлъ послѣдняго оставляется въ пользу общества, а общество за это должно внести дополнительно деньги на кормовое довольствіе, опредѣляемое уставомъ о ссыльныхъ, какъ удаляемаго, такъ и членовъ его семьи со времени его водворенія на два года впередъ. Всѣ эти деньги общество должно внести одновременно съ передачей приговора о выселеніи изъ общества для провѣрки его земскому начальнику.

Конечно, такое постановленіе закона, возлагающее на общество очень чувствительное бремя платежей, является существенной гарантіей противъ слишкомъ опрометчивыхъ приговоровъ. Какъ видно изъ мотивовъ закона 1900 года, законодатель имѣлъ въ виду, что, возлагая на общества обязанности взноса кормовыхъ денегъ, онъ окажетъ сдерживающее вліяніе на практику высылокъ. И это предположеніе осуществилось. Высылки уменьшились въ числѣ. Практика второго департамента Сената, въ свое время очень строго слѣдившаго при наличности жалобъ за соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ закономъ, и отмѣнявшимъ приговоры при малѣйшемъ нарушеніи ихъ, еще болѣе способствовала уменьшенію ихъ числа.

Такъ стояло дѣло, пока особенный порядокъ высылокъ не понадобился правительству для борьбы съ аграрнымъ движеніемъ.

Тогда-то министерство внутреннихъ дѣлъ стало стремиться устранять всѣ препятствія къ возможно широкому примѣненію высылокъ по приговорамъ за порочное поведеніе къ крестьянамъ, проявившимъ оппозиціонное настроеніе. Вопреки прямому указанію въ мотивахъ закона 1900 года, что обязанность, возлагаемая на общество, оплачивать расходы казны по пересылкѣ высылаемыхъ и выдачѣ кормовыхъ денегъ, создана для того, чтобы общества осторожно и обдуманно примѣняли свое грозное право высылки, администрація изыскивала въ отдѣльныхъ случаяхъ способы осво-

бодить общества отъ этихъ обязанностей и принять расходы на счетъ различныхъ источниковъ, имѣвшихся въ ея распоряженіи.

Наконецъ, была придумана общая мѣра, о которой мы выше упомянули. Обратили приговоры обществъ въ удостовѣренія о причастности даннаго крестьянина къ аграрнымъ безпорядкамъ, создали возможность составленія такихъ приговоровъ по простому большинству голосовъ и примѣнили эти приговоры къ срочной административной высылкѣ, предусмотрѣнной исключительными положеніями. При такомъ порядкѣ, конечно, отпадала обязанность обществъ уплачивать расходы по высылкѣ.

Подобный порядокъ могъ примѣняться только при высылкахъ на срокъ не больше пяти лѣтъ.

Срокъ оканчивался. Правительство не желало возвращенія высланныхъ и стало требовать составленія о высланныхъ уже приговоровъ о ихъ порочности для оставленія ихъ въ мѣстахъ высылокъ навсегда. При этомъ пришлось нарушить существующій законъ о высылкѣ за порочное поведеніе. Законъ прямо говоритъ, что такіе приговоры могутъ быть составляемы по отношенію къ членамъ общества, «*проживающимъ*» въ данномъ обществѣ. Какъ можно говорить о «проживающемъ» по отношенію къ лицу, уже пять лѣтъ принудительно проживающему въ отдаленныхъ отъ обществъ мѣстахъ.

Это обстоятельство не смутило министерство.

Приговоры, хотя и съ трудомъ, были добыты. Обществамъ объяснялось при этомъ, что они избавляются отъ внесенія денегъ за пересылку, потому что высылаемые уже высланы и останутся въ мѣстѣ ссылки. А такъ какъ мѣста административной высылки не совпадали съ мѣстами, указанными для ссылаемыхъ по приговорамъ за порочное поведеніе, то губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность входить въ министерство съ ходатайствомъ объ оставленіи высланныхъ въ мѣстахъ ихъ административной ссылки.

Конечно, такое избавленіе обществъ отъ уплаты за высылку было вторымъ нарушеніемъ закона. Легко представить себѣ, какое тяжелое положеніе должны испытать тѣ крестьяне, къ которымъ описанный порядокъ былъ примѣненъ.

Сосланные на пять лѣтъ въ обычномъ административномъ порядкѣ, крестьяне не устраивались въ мѣстахъ высылки для постояннаго въ нихъ проживанія. Ссылка была срочная. Она не лишала ихъ правъ, какъ членовъ обществъ, не лишала ихъ правъ на надѣлъ и на ихъ домообзаводство. Семьи ихъ оставались на родинѣ, справляли всѣ работы. Сосланные могли поддерживать свои хозяйства высылкой заработанныхъ въ ссылкѣ денегъ. Находясь въ тяжелыхъ условіяхъ, сосланные жили надеждой на возвращеніе на родину, въ семью, на свое хозяйство. Они, вѣроятно, всѣ пять лѣтъ считали дни окончанія срока ссылки.

И вдругъ въ послѣдніе дни, когда они, можетъ быть, счастли-

вые, собирались возвратиться въ дорогія для нихъ мѣста, увидѣть дорогихъ имъ людей, они получаютъ извѣщеніе о высылкѣ ихъ за порочное поведеніе навсегда.

Въ то время, какъ ихъ товарищи по ссылкѣ, принадлежащіе къ другимъ сословіямъ, проводившіе вмѣстѣ съ ними время ссылки, свободны отъ нея, и законъ, не допускающій сроковъ высылки болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ, ограждаетъ ихъ отъ возможности продленія срока ихъ изгнанія, крестьяне должны оставаться вѣчными изгнанниками и подвергаются лишенію правъ. Они лишаются права на надѣлъ, права числиться членомъ ихъ прежнихъ обществъ. Они должны «избирать» себѣ «родъ жизни», т. е. принудительно приписываться къ чужому, часто враждебному имъ обществу въ мѣстѣ ссылки и при томъ безъ права на надѣлъ въ этомъ обществѣ. Изъ временно высланныхъ они становятся изгоями, не имѣющими правъ на землю, которую они когда-то обливали своимъ потомъ.

И все это вслѣдствіе неправильнаго примѣненія къ нимъ архаическаго закона, стоящаго въ явномъ противорѣчіи съ основными началами современной государственности.

Интересна дальнѣйшая судьба сосланныхъ крестьянъ, ихъ попытки освободиться отъ придавившей ихъ несправедливости. Ссылаясь на нарушеніе закона, требующаго проживанія въ моментъ составленія приговора порочнаго члена въ обществѣ, крестьяне жаловались.

Губернскія присутствія оставляли ихъ жалобы безъ послѣдствій, но второй департаментъ сената жалобы ихъ уважалъ и приговоры отмѣнялъ. Участи крестьянъ, однако, онъ не измѣнилъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, пользуясь своимъ правомъ, перенесъ дѣло въ общее собраніе Сената, гдѣ оно еще окончательнаго разрѣшенія не получило.

Разсказанное нами вопіющее дѣло должно было бы обратить вниманіе даже третьей государственной Думы.

Въ такомъ дѣлѣ необходимо было бы проявить законодательную иниціативу и внести проектъ объ отмѣнѣ отжившаго закона о правѣ сельскихъ обществъ ссылать своихъ членовъ за порочное поведеніе. Этотъ позорный пережитокъ крѣпостного права долженъ исчезнуть изъ нашего дѣйствующаго законодательства.

Если онъ не исчезъ до сихъ поръ, то только потому, что вообще нестроенія въ крестьянской жизни, если они не грозятъ отразиться на жизни «высшихъ» слоевъ населенія, мало заботятъ господствующіе классы.

А. Леонтьевъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Итоги по оффиціозному и оффиціальному подсчету.—2. Результатъ безсилія и потсдамскихъ переговоровъ. Проектъ персидскихъ и индійской дорогъ. Призывы къ варягамъ. Наши государственные таланты.—3. О моральномъ самоопредѣленіи господствующихъ классовъ.—4. Совѣты хозяевамъ и совѣты странѣ.—5. Въ Зерентуѣ и Вологдѣ.—Памяти П. Ѳ. Николаева.

Всюду есть «политически господствующіе классы». Есть это сокровище и у насъ. Опредѣленные общественные слои были хозяевами Россіи до 1905 г. Попытка передать хозяйство въ другія, народныя, руки не удалась. Прежніе хозяева остаются и до сихъ поръ хозяевами. Вотъ уже почти 5 лѣтъ, какъ они хозяйничаютъ почти безъ помѣхъ. Они ведутъ государственный корабль, какъ хотятъ и какъ умѣютъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще даже для самихъ хозяевъ возникаютъ поводы, невольно заставляющіе спрашивать себя:

— А что мы собственно сдѣлали? и что дѣлаемъ? и куда идемъ?

5 лѣтъ назадъ, въ самый разгаръ спора за власть, такіе вопросы, разумѣется, не могли возникать. Государственный корабль явно потерпѣлъ серьезную аварію. Послѣ доказательствъ, предъявленныхъ японцами подъ Мукденомъ и Цусимой, сами хозяева не могли отрицать, что плоды ихъ прежнихъ трудовъ плачевны. Но, отстаивая свое право быть хозяевами, они тѣмъ самымъ заявляли странѣ, что обладаютъ способностями, достаточными и необходимыми для того, чтобъ исправить проломы, поврежденія и дать кораблю надлежащій ходъ. Мало того, приходилось утверждать, что только у нихъ, у хозяевъ, и есть эти способности. Интеллигенція безпочвенна, утопична, предана порокамъ. Народъ неподготовленъ, развращенъ, дикъ, «коснѣетъ въ невѣжествѣ». Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ эти старыя пѣсни о русскомъ народѣ и въ особенности о русской интеллигенціи распѣвались на всѣ лады. Помимо всего прочаго, онѣ имѣли цѣлью доказать, что только именно хозяева, не народъ и не интеллигенція, обладаютъ необходимыми для государственнаго дѣла способностями, умомъ, талантами. И пока шла борьба, трудно было и ждать иныхъ доказательствъ, кромѣ чисто голословныхъ утвержденій: мы способны, а вы неспособны. На требованіе представить болѣе серьезные аргументы, хозяева могли отвѣтить и, дѣйствительно, отвѣчали:

— Погодите, дайте время, наши таланты, наше превосходство мы докажемъ на опытѣ.

По мѣрѣ того, какъ годъ уходитъ за годомъ, естественно,

сами хозяева начинаютъ чувствовать нѣкоторую потребность разобраться, что собственно они доказали, въ какой мѣрѣ убѣдили страну въ своихъ способностяхъ и въ своемъ превосходствѣ. Отъ этой потребности не можетъ освободиться даже правительственная «Россія». Даже у нея сквозь обычныя расхваливанія премудраго начальства начинаютъ прорываться щекотливые вопросы. Вотъ, напр., мы обѣщались возродить военную мощь государства. А это сдѣлано послѣ японской войны?—спрашиваетъ «Россія». И сама же отвѣчаетъ:

«Въ продолженіе этого времени у насъ смѣнилось четыре военныхъ министра, четыре начальника генеральнаго штаба и шесть начальниковъ главнаго штаба. При этомъ каждая смѣна лицъ вела за собою измѣненія въ организаціи и устройствѣ военныхъ управленій, такъ что за указанный промежутокъ времени наши военно-административные органы подвергались постояннымъ метаморфозамъ, а иные изъ нихъ, въ предѣлахъ тѣхъ же 5—6 лѣтъ, успѣли начать и окончить свое существованіе. Такой частой и безпощадной ломки въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не могло бы, конечно, выдержать ни одно самое элементарное коммерческое предпріятіе... Самое горячее время, самый благопріятный моментъ... готовности послѣ неудачной войны загладить свои грѣхи былъ упущенъ. Богатый запасъ творческой энергіи былъ растраченъ на текущую работу по организаціи такихъ мѣропріятій, которыя теперь признаны лишними, или же на реорганизацію того, что теперь снова возстановлено въ своемъ прежнемъ видѣ» *).

Съ флотомъ выходитъ еще хуже. «Голосъ Москвы» вынужденъ констатировать, что даже съ тѣми жалкими остатками, какіе уцѣлѣли отъ портъ-артурскаго и цусимскаго разгрома, хозяева не умѣютъ справиться:

— «Одна напасть за другой. Только что самъ министръ на собственной яхтѣ чуть не потопилъ подводную лодку, какъ на весь міръ оскандалился броненосецъ «Слава»... На Черномъ морѣ подводная лодка потопила катеръ»... Скандалы слѣдуютъ за скандалами; имъ «конца не видно»... «Какъ Божій день ясно, что идти дальше такимъ же путемъ, значитъ, идти ко второй Цусимѣ, потому что дѣла во флотѣ обстоятъ, можетъ быть, такъ же плохо, какъ и раньше, а можетъ быть, и еще хуже».

И тѣмъ не менѣе, «при такихъ безнадежныхъ условіяхъ» въ Государственную Думу «не сегодня—завтра будетъ внесено предложеніе о крупныхъ ассигнованіяхъ на флотъ». «Откуда,—спрашиваетъ «Голосъ Москвы»,—можетъ быть увѣренность, что народныя деньги пойдутъ дѣйствительно на возрожденіе флота?» А передъ страной встаетъ болѣе общій и болѣе важный вопросъ: по какому же собственно праву нынѣшніе хозяева хозяйничаютъ, если они неспособны обезпечить даже военную оборону? Вѣдь послѣдняя—основной пунктъ ихъ государственной программы.

---

*) Цит. по „Рѣчи", 3 сентября.

Но оставимъ пока эти общіе вопросы. Во всякомъ случаѣ проекты колоссальныхъ ассигновокъ на постройку флота заготовлены. Въ связи съ ними заготовлены проекты новыхъ чудовищныхъ займовъ за границей,—называютъ цифру въ нѣсколько милліардовъ рублей. Судьба этихъ проектовъ несомнѣнна. Въ концѣ концовъ тѣ же хозяева, призванные въ Таврическій дворецъ разыгрывать роль народныхъ представителей, составляютъ большинство; они отъ имени народа дадутъ согласіе и отъ имени народа подпишутъ обязательства. Но какими же мы обладаемъ рессурсами для платежей по старымъ и грядущимъ обязательствамъ? Этимъ вопросомъ по другому поводу и независимо отъ военно-морскихъ проектовъ задается главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Кривошеинъ. Подписанная имъ записка къ одному изъ новыхъ законопроектовъ, о которомъ я скажу нѣсколько словъ ниже, рѣшительно отвергаетъ оффиціальный оптимизмъ министра Коковцева, увѣрявшаго, что наши финансы окрѣпли, «благосостояніе развивается». Наша платежеспособность зиждется главнымъ образомъ на экспортѣ хлѣба. Г. Кривошеинъ подвелъ итоги за 5 лѣтъ (1904—1908) и обнаружилъ, что нашъ вывозъ хлѣбовъ систематически падаетъ изъ года въ годъ и въ теченіе названнаго періода сократился на 45 процентовъ, почти вдвое *). За то же время ввозъ зерновыхъ хлѣбовъ въ Россію, возростая тоже довольно систематически, увеличился болѣе, чѣмъ въ 4 раза **). Этотъ общій выводъ,—говоритъ г. Кривошеинъ—«основанный на цѣломъ рядѣ лѣтъ, мало ослабляется исключительной урожайностью 1909 года». «Исключительный» урожай все таки остается счастливой случайностью. Вообще же, «если и на будущее время сборъ хлѣбовъ не будетъ увеличиваться въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для удовлетворенія постепенно увеличивающейся потребности страны (въ частности, потребности ежегоднаго прироста населенія, на что нужно 45 мил. пудовъ ежегоднаго увеличенія), то нашъ хлѣбный экспортъ, уменьшаясь съ каждымъ годомъ, можетъ совершенно прекратиться». «Совершенно прекратиться»—это, конечно, крайность, гроза болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Въ ближайшемъ будущемъ у г. Кривошеина возникнетъ «опасеніе за нашъ разсчетный балансъ»: лишь только русская урожайность возвратится отъ исключеній 1909—1910 г.г. къ нормѣ, мы должны будемъ платить проценты по долговымъ обязательствамъ, находящимся за границей, главнымъ образомъ за счетъ золотого запаса государственнаго казначейства. А платить приходится, кстати сказать, много,—общая сумма нашихъ долговыхъ

---

*) Абсолютныя цыфры для пшеницы, ржи, ячменя и овса таковы: въ 1904 г. мы вывезли 547 мил. пудовъ, въ 1905—545, въ 1906—503, въ 1907—345, въ 1908—305 милліоновъ пудовъ.

**) Абсолютныя цифры ввоза хлѣбовъ: въ 1904 г.—3, 2 мил. пудовъ въ 1905—3; въ 1906—6,1; въ 1907—11,7; въ 1908—13,7 милліоновъ пудовъ.

обязательствъ въ одной только Франціи въ 1910 г. достигла круглымъ счетомъ 18 милліардовъ франковъ *).

Мы стоимъ передъ очевидностью финансоваго „кризиса". Есть, однако, очевидности еще болѣе грозныя Уже въ 1900 году только 48% нашего крестьянскаго населенія имѣли достаточное приложеніе своему труду, остальные 52 процента находились въ состояніи либо совсѣмъ безработномъ, либо полубезработномъ; ихъ трудовая энергія, не могла быть вполнѣ поглощена ни земледѣліемъ, ни слабо развитой обрабатывающей промышленностью. Г. Кривошеинъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ сказать, какъ считались хозяева съ этимъ огромнымъ фактомъ. Да и зачѣмъ ему говорить: все вѣдь происходило на нашихъ глазахъ. 2½ милліарда франковъ, занятые за границей въ началѣ 1906 г., помогли отстрочить и финансовый, и общій экономическій кризисъ. А затѣмъ, все время подкрѣпляясь займами, хозяева вотъ уже почти 6 лѣтъ „бьютъ стекла", дополнительнымъ обезземеліемъ трудовыхъ массъ при помощи указа 9 ноября, хуторами, переселеніями, успокоительными эксцессами и всякими другими способами созданы новые милліоны полубезработныхъ и безработныхъ. Не углубляясь въ оцѣнку этого хозяйничанья, г. Кривошеинъ, однако, не скрываетъ отъ себя, къ чему оно ведетъ. «Если все останется въ томъ же положеніи,— говоритъ онъ—если по прежнему значительная доля рабочей наличной силы, не находя себѣ примѣненія, будетъ оставаться неиспользованной, то (общій экономическій) кризисъ неизбѣженъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ».

Конечно, вопросы, о которыхъ трактуетъ г. Кривошеинъ, встаютъ передъ страной въ формѣ грубой, конкректной. Цифровые итоги, общія соображенія отъ основной массы народа ускользаютъ; они и недоступны ей. Однако, и основная масса населенія не можетъ не видѣть того, что отмѣтилъ незадолго передъ смертью Л. Н. Толстой: обнаруживается небывалое обиліе людей, разоренныхъ, безпристанныхъ, просящихъ милостыни, и часто до крайности озлобленныхъ. Нищими Россія никогда въ сущности не была скудна. Но непосредственное обывательское впечатлѣніе подсказываетъ, что теперь нищета достигла непривычно-огромныхъ даже въ Россіи размѣровъ. Г. Кривошеинъ правъ: этотъ результатъ хозяйской «ставки на сильныхъ», навѣрное, грозитъ намъ тѣми или иными, но тяжкими государственными потрясеніями. И для предотвращенія бѣдствія г. Кривошеинъ видитъ только одно средство: «надо расширить область примѣненія народнаго труда, увеличить его производительность». Но вѣдь это общее мѣсто, пустыя слова. Конкретно - то что намъ предлагаютъ? А видите ли что: около

*) Въ эту сумму вошли желѣзнодорожныя облигаціи, свидѣтельства земельныхъ банковъ и т. д. На главную массу, конечно, составляютъ долги по государственнымъ займамъ.

5 лѣтъ назадъ мы преобразовали министерство земледѣлія въ главное управленіе земледѣлія и землеустройства; теперь же, чтобъ спастись отъ финансоваго и общаго экономическаго кризиса, намъ необходимо, по мнѣнію г. Кривошеина, произвести обратную реформу,—главное управленіе земледѣлія и землеустройства «преобразовать» въ министерство земледѣлія. Вывѣску надо перемѣнить. Ко внесенному въ Думу законопроекту объ этой перемѣнѣ вывѣски на одномъ изъ нашихъ многочисленныхъ вѣдомствъ и приложена г. Кривошеинымъ объяснительная записка, въ которой онъ довольно убѣдительно доказываетъ неизбѣжность финансоваго и общаго экономическаго кризиса въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ.

Безъ сомнѣнія, рецептъ не оригиналенъ. То же вѣдь происходитъ и съ такъ называемымъ эпидемическимъ вопросомъ. Дохозяйничались наши хозяева до того, что Россія превратилась въ разсадникъ эпидемій. Холеру мы обрусили. Тифъ обратили въ православную болѣзнь. Теперь вотъ надвигается чума,—и бубонная, и легочная. Для борьбы съ этими врагами у насъ нѣтъ ни средствъ, ни сколько-нибудь серьезной санитарной организаціи. Но за то у насъ есть проектъ: переименовать одинъ изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство народнаго здравія. И трудно придумать что-либо болѣе характерное для государственныхъ талантовъ нынѣшнихъ хозяевъ, чѣмъ эта попытка устранить при помощи вывѣсокъ огромныя государственныя бѣдствія.

Впрочемъ, мы не только на счетъ вывѣсокъ. Есть у насъ въ запасѣ и другіе проекты. Словно копируя старую распрю Плеве и Витте изъ-за фабричной инспекціи, мы заготовили проектъ о передачѣ крестьянскаго банка изъ министерства финансовъ въ предполагамое министерство земледѣлія. Есть у насъ проектъ «государственнаго сельско-хозяйственнаго банка», съ основнымъ капиталомъ въ 15 милліоновъ рублей на всю Россію. Заготовляемъ мы также проектъ «коммунальнаго банка». Въ былые дни оффиціозная печать имѣла терпѣніе возлѣ каждаго такого мыльнаго пузыря сочинять пространныя доказательства, что именно отсюда-то, изъ пузырей, и должно произойти спасеніе Россіи. Вѣдь это, дескать, только соціалисты, кадеты, демократы хотятъ все рубить сплеча. По ихнему, если 52% земледѣльческаго населенія не находитъ достаточнаго приложенія своему труду,—значитъ, необходимо возможно полнѣе обезпечить это населеніе землей. А мы достигнемъ благополучія посредствомъ мелкихъ, но систематическихъ улучшеній,—не потрясая основъ. Въ особенности октябристская печать любила такимъ способомъ убѣждать въ превосходствѣ третьей Думы надъ ея предшественницами: предшественницы кричали, грозили сорвать Россію съ ея исконныхъ устоевъ, третья Дума своей будничной, спокойной и, на поверхностный взглядъ, мелкой работой обновитъ страну. Теперь даже «Голосъ Москвы»

признаетъ, что три года думской работы прошли въ сущности безплодно. «Колесо законодательной работы вертится въ пустую». И до такой степени нѣтъ надеждъ на лучшую судьбу думскихъ работъ, что, по словамъ того же «Голоса Москвы»—среди фракціи октябристовъ возникла мысль о коллективномъ отказѣ отъ депутатскихъ полномочій. Серьезно считаться съ появленіемъ «отзовизма» во фракціи октябристовъ было бы затруднительно. Слова объ отказѣ отъ депутатскихъ полномочій, безъ сомнѣнія, такъ и останутся словами. Они характерны равно по стольку, по скольку свидѣтельствуютъ, какъ среди самихъ хозяевъ оцѣниваются достигнутые результаты.

Да и какъ могли получиться болѣе утѣшительные результаты. Вѣдь у насъ—реакція,—говорятъ «Московскія Вѣдомости». «Реакція это—моментъ усталости, не больше. Отдохнутъ... и опять начнется поступательное движеніе революціи». «Такова судьба всѣхъ реакцій. Въ смыслѣ чего-нибудь прочнаго, положительнаго, она не имѣетъ и не можетъ имѣть рѣшительно никакого значенія». Не будемъ судить, на сколько вѣрно это категорическое мнѣніе о всѣхъ вообще реакціяхъ. Для насъ важно лишь отмѣтить попытку оффиціозной печати теоретически разобраться въ вопросѣ, почему собственно итоги пятилѣтняго хозяйчанья столь плачевны. Среди нынѣшнихъ оффиціозовъ «Московскія Вѣдомости»—едва ли не единственный органъ, способный къ отвлеченному мышленію. Во всякомъ случаѣ, это — газета болѣе грамотная, чѣмъ, напр., «Земщина» или «Россія». Пожалуй, она грамотнѣе «Новаго Времени». И не мудрено, что именно «Московскія Вѣдомости» взяли на себя задачу теоретически обслѣдовать, почему государство такъ и остается въ бѣдственномъ состояніи, и при какихъ условіяхъ возможно выйти изъ тупика. Этому обслѣдованію посвященъ въ московскомъ оффиціозѣ за послѣднее время цѣлый рядъ статей. Изъ нихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что «Россіи нужна совсѣмъ не реакція, а возрожденіе жизненности національныхъ историческихъ основъ»,—«только симъ побѣдиши, и ничѣмъ больше»... Узнаемъ далѣе, что «возродить жизненность основъ» при нынѣшнихъ основныхъ законахъ невозможно, такъ какъ «съ 17 октября (1905 г.) у насъ заложено такое положеніе вещей, которое по существу непрочно, противорѣчиво и составляетъ для страны какое-то политическое перемиріе, даетъ Россіи не окончательный политическій строй, а временную отсрочку въ ожиданіи политическаго строя». И чтобъ сдвинуться съ мѣста, намъ «потребна», прежде всего, «безотлагательно» «реформа,—такая реформа, которая дала бы намъ строй несомнѣнно прочный, завершенный, не возбуждающій сомнѣнія въ своей жизнеспособности». Однако, попытка опредѣлить, въ чемъ же именно должна заключаться эта «реформа», «Московскимъ Вѣдомостямъ» мало удалась. Вышло туманное размышленіе о чемъ-то, повидимому,

похожемъ на замѣну законодательной Думы законосовѣщательнымъ соборомъ. И выводъ изъ всѣхъ этихъ теоретическихъ разсужденій получается такой: ничего положительнаго не сдѣлано, да и нельзя сдѣлать при существующемъ политическомъ строѣ; надо измѣнить строй,—а какъ измѣнить, неизвѣстно; нельзя измѣнять такъ, какъ предлагаютъ «правые»,—горе намъ будетъ,—предупреждаютъ «Московскія Вѣдомости»—если наша реакція приведетъ къ реставраціи; но нельзя измѣнять и такъ, какъ требуютъ лѣвые; нельзя и сидѣть между двумя стульями, какъ октябристы. Нужно что-то иное, чего никто доподлинно не знаетъ.

Словомъ, хозяева не доказали, что они способны управлять государственнным кораблемъ. Это вынуждены признать даже ихъ апологеты. Мало того, они вынуждены удостовѣрить, что хозяева и не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь положительнаго, необходимаго для нихъ самихъ.

II.

Не бѣда бы, если бы вопросъ о результатахъ хозяйничанья вставалъ, такъ сказать, академически. Мы оказались неспособными. Страна это видитъ. Слѣдовательно, права хозяйничать за нами она признать не можетъ. Самое худшее, что отсюда слѣдуетъ,—это страхъ новой революціи, неизбѣжность которой стараются доказать «Московскія Вѣдомости». Но Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Непосредственной опасности все-таки нѣтъ. Пока силы въ нашихъ рукахъ. Мы еще, Богъ дастъ, поживемъ. А послѣ насъ хоть потопъ. На академическіе вопросы можно бы и рукой махнуть. Гораздо хуже, что неспособность вести государственный корабль заставляетъ самихъ хозяевъ чувствовать нѣкоторыя практическія неудобства. Какъ разъ теперь на очереди стоитъ одно изъ такихъ неудобствъ, изъ котораго хозяева тщетно ищутъ сколько-нибудь удовлетворительнаго выхода.

Существо очередного затрудненія «Новое Время» излагаетъ такъ:

«Россія заключила съ Персіей въ 1880 г. договоръ, въ силу котораго Персія отказалась отъ права давать желѣзнодорожныя концессіи кому-либо, кромѣ русскихъ. За тридцатилѣтній срокъ мы не воспользовались нашимъ исключительнымъ правомъ, и Персія осталась безъ желѣзныхъ путей сообщенія. Въ этомъ году срокъ договора истекъ, и Персія вольна теперь давать желѣзнодорожныя концессіи, кому ей заблагоразсудится. Помѣшать желѣзнодорожному строительству мы теперь не въ правѣ и не въ состояніи» *).

Договоръ, о которомъ говоритъ «Новое Время», заключенъ въ наши лучшіе дни, когда и у насъ самихъ, и у нашихъ сосѣдей была вѣра, что Россія—исключительно мощное, въ военномъ смыслѣ слова,

*) „Новое Время", 12 ноября.

государство. Насъ боялись, и мы во многихъ случаяхъ диктовали свою волю. Мы не допускали постройки желѣзныхъ дорогъ ни въ одной Персіи. Не безызвѣстно, что подъ давленіемъ изъ Петербурга Германія сочла благоразумнымъ сузить свой планъ Багдадской дороги, которую предполагалось соединить вѣтками съ сѣверо-восточными провинціями Азіатской Турціи. Мы вообще не допускали постройки желѣзныхъ дорогъ вблизи нашей закавказской границы. И дѣлали это по соображеніямъ, во первыхъ, политическимъ,—чтобъ легче было закавказскую границу защищать, во вторыхъ, экономическимъ—чтобъ имѣть въ Персіи рынокъ для нашей обрабатывающей промышленности. Но срокъ стараго договора истекаетъ. Возобновить его мы «не въ состояніи». Намъ не позволятъ получить вновь такое же обязательство, если бы даже Персія согласилась его выдать. У насъ прежде всего нѣтъ рессурсовъ, необходимыхъ, чтобъ сохранить прежнія выгоды. Нѣтъ рессурсовъ, и мы не знаемъ, какъ ихъ пріобрѣсти.

Говоря вообще, эта непріятность, надвигающаяся съ юга, съ персидской стороны, не первая и, разумѣется, не послѣдняя. Надвигаются непріятности и съ запада: достаточно напомнить такой крупный актъ, какъ аннексія Босніи и Герцеговины. Кстати сказать, по поводу этой аннексіи наши хозяева не рѣшились даже протестовать,—они лишь безсильно поворчали, ничего, впрочемъ, не вызвавъ въ Западной Европѣ, кромѣ насмѣшливаго пренебреженія. Надвигаются непріятности и съ востока. Совсѣмъ недавно восточный сосѣдъ аннексировалъ Корею,—и наши хозяева не рискнули даже ворчать, они сдѣлали видъ, что это, во всякомъ случаѣ, крупное событіе для нихъ неинтересно. Но аннексіей дѣло не ограничивается. Сейчасъ, напр., Японія развиваетъ въ Манчжуріи и Кореѣ желѣзнодорожное строительство съ нескрываемымъ разсчетомъ—отвлечь грузы отъ русской сѣверо-манчжурской дороги на свои линіи. Какими бы громами разразились наши хозяева по такому поводу въ былые дни! Теперь они просто помалкиваютъ... Международное положеніе Россіи опредѣлялось въ значительной мѣрѣ вѣрою въ ея исключительную военную мощность. Разъ эта вѣра исчезла, и хозяева неспособны ее возстановить, Россія обречена терять,—терять до тѣхъ поръ, пока ея международное положеніе станетъ сообразнымъ съ ея новымъ удѣльнымъ вѣсомъ. Условія современнаго намъ международнаго соперничества обрекаютъ Россію, руководимую нынѣшними хозяевами, на то, чтобъ въ концѣ концовъ занять мѣсто, свойственное государствамъ, разстроеннымъ внутренней политикой и неспособнымъ имѣть рѣшающій голосъ въ политикѣ внѣшней.

Не однѣ политическія потери у насъ впереди. Недавно, по случаю того же окончанія желѣзнодорожныхъ договоровъ съ Персіей, одинъ изъ крупнѣйшихъ промышленниковъ русскаго Закавказья г. Тагіевъ высказалъ любопытныя соображенія относительно экономическихъ

итоговъ послѣднихъ лѣтъ. «Русской промышленности—заявилъ г. Тагіевъ—уже закрыли путь въ Манчжурію и ослабили (ея) сношенія съ Турціей. Почти единственный (крупный, внѣшній) рынокъ для сбыта русскаго товара—Персія», но, съ проведеніемъ тамъ желѣзныхъ дорогъ, «нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ рынокъ будетъ захваченъ Германіей и Англіей... Никакая конкуренція съ этими иностранными производителями для Россіи не мыслима, и ей будетъ негдѣ сбывать свое производство, кстати сказать, значительно уступающее и по качеству, и по количеству Англіи и Германіи» *). 9 ноября,—между прочимъ, въ виду того же окончанія договора съ Персіей,—было созвано въ Москвѣ совѣщаніе крупныхъ промышленниковъ съ представителями правительства. Московскіе промышленники высказали по существу то же, что и г. Тагіевъ. «Персія является нынѣ почти единственнымъ крупнымъ экспортнымъ рынкомъ для Россіи», и желѣзныя дороги у насъ этотъ рынокъ отнимутъ»...**). Къ этимъ огульнымъ выводамъ, конечно, необходимы нѣкоторыя оговорки. Персія—почти единственный серьезный экспортный рынокъ не для всей вообще нашей промышленности; правильнѣе говорить, главнымъ образомъ, о промышленности мануфактурной. Но общій смыслъ явленія безспоренъ. Сила военнаго оружія помогала русской промышленности занять позиціи, на которыя она при свободной конкуренціи разсчитывать не можетъ. Военная опора ослабѣла, и русскіе промышленники естественно вынуждены отступать, терять занятыя позиціи. Результатъ при данныхъ условіяхъ неизбѣжный, фатальный. И единственное, на что можно разсчитывать теперь, это—дипломатическое искусство, при помощи котораго, быть можетъ, удастся смягчить, ослабить неизбѣжныя потери.

На московскомъ совѣщаніи 9 ноября присутствовалъ представитель министерства иностранныхъ дѣлъ г. Клеммъ. Онъ разъяснилъ, въ какой мѣрѣ страна можетъ разсчитывать на дипломатическіе таланты. По словамъ г. Клемма, во время переговоровъ по случаю недавняго свиданія въ Потсдамѣ россійскую дипломатію освѣдомили о намѣреніяхъ Германіи. Послѣдняя желаетъ, чтобы сооружаемая на нѣмецкіе капиталы Багдадская желѣзная дорога была продолжена въ Персію вплоть до Тегерана. Вообще она не можетъ допустить, чтобъ Багдадская дорога осталась изолированной отъ будущей Персидской сѣти. Однако, «Германія не имѣетъ притязаній на постройку въ Персіи дорогъ на нѣмецкіе капиталы». Да оно и понятно: «при современномъ слабомъ культурномъ развитіи Персіи желѣзныя дороги тамъ неминуемо обречены на убыточность, почему трудно, если не совсѣмъ невозможно, привлечь капиталы на это дѣло. Необходима была бы гарантія дохода со

*) «Каспій», 19 ноября.
**) «Промышленность и Торговля», 15 ноября; стр. 556.

стороны персидскаго правительства, которое, однако, само нуждается въ деньгахъ»... Итакъ, Германія «не имѣетъ претензій» строить на нѣмецкіе капиталы. И во время потсдамскихъ переговоровъ намъ предложили, «чтобы мы сами выстроили дорогу отъ Тегерана до Ханекена (на границѣ Персіи съ Турціей, куда будетъ подведена вѣтвь Багдадской дороги)». Мы выслушали это предложеніе. и «выразили... согласіе.» Представители промышленниковъ Г. А. Крестовниковъ и В. П. Рябушинскій иллюстрировали изложенное г. Клеммомъ такимъ сравненіемъ:

— Германія во время потсдамскихъ переговоровъ заявила, что намѣрена насъ высѣчь, но при этомъ предложила, чтобы мы сами приготовили необходимыя для этой операціи розги; мы согласились... *)

Впрочемъ, по толкованію г. Клемма, это обязательство дано нами условно: мы выразили согласіе «провести линію отъ Ханекена до Тегерана, когда у насъ будетъ сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Персіи»; «слѣдовательно, предварительно намъ нужно имѣть желѣзнодорожную сѣть, строить которую мы, однако, не обязались». Можно думать, что Потсдамъ истолкуетъ наше «согласіе» нѣсколько иначе. Пока, во всякомъ случаѣ, русское правительство само торопится поскорѣе выполнить обѣщанное. Присутствовавшій на московскомъ совѣщаніи кн Г. Н. Трубецкой мотивировалъ эту торопливость такъ:

«Очевидно, стремленія Германіи къ персидскимъ рынкамъ мы не можемъ задержать,—это не въ нашихъ силахъ. Но разъ вопросъ о дорогѣ Ханекенъ—Тегеранъ вполнѣ рѣшенный, то лучше, чтобъ дорогу выстроили не нѣмцы, а мы, *чтобы мы были на ней* хозяевами» **).

Эту аргументацію вслѣдъ за кн. Трубецкимъ развило «Новое Время»: намъ выгоднѣе «самимъ стать хозяевами персидскихъ путей» и т. д. «Мы будемъ хозяевами»... Это празднословіе «Русскія Вѣдомости» опрокинули простымъ напоминаніемъ о Манчжуріи. Чтобы стать хозяевами на территоріи, гдѣ происходитъ сложное международное соперничество, нужна сила. Повторить манчжурскій опытъ, т. е. строить въ Персіи желѣзныя дороги за счетъ государственнаго казначейства подъ прикрытіемъ частнаго флага,—значитъ, явно идти на то, чтобъ подвергнуться и манчжурскимъ послѣдствіямъ. Если бы Потсдамъ хоть сколько-нибудь опасался, что мы можемъ стать хозяевами, то онъ, конечно, и не предложилъ бы намъ «самимъ» заняться строительствомъ. При наличномъ соотношеніи силъ, дорога, построенная нами на манчжурскихъ условіяхъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ станетъ не нашей. Но, говорятъ, мы и предполагаемъ строить на другихъ условіяхъ, — мы хотимъ на сей разъ привлечь, дѣйствительно,

*) „Русскія Вѣдомости", 11 ноября.

**) Тамъ же.

частные капиталы, и при томъ не русскіе, а международные, а привлекать ихъ намъ приходится потому, что, кромѣ насъ, некому,—персидское правительство не можетъ гарантировать дохода, ибо само нуждается въ деньгахъ. До нѣкоторой степени можно повѣрить, что разговоръ о привлеченіи именно *частныхъ* капиталовъ теперь ведется искренно и серьезно, а не для отвода глазъ. Нами уже спроектирована и самая форма гарантіи, довольно подробно изложенная «Новымъ Временемъ». Будущимъ международнымъ акціонерамъ персидскихъ дорогъ нами предлагается слѣдующее: мы обязуемся возвращать имъ «часть чистой прибыли» отъ перевозки грузовъ, слѣдующихъ транзитомъ по нашимъ дорогамъ изъ-за русско-персидской и за русско-персидскую границу. По слухамъ, проникшимъ въ печать, это условіе подсказано намъ также въ Потсдамѣ. На сколько эти слухи вѣрны,—судить мудрено. Да и не такъ оно интересно. Сами ли мы придумали этотъ способъ субсидированія, или онъ намъ подсказанъ, но легко представить, какое положеніе можетъ занять группа международныхъ капиталистовъ, получившихъ предлагаемое обязательство Россіи. Для этой группы прямой резонъ взять персидскую торговлю въ свои руки. Во-первыхъ, у нея будетъ право перевозить свои товары въ Персію черезъ Россію по исключительно дешевому тарифу; во-вторыхъ, съ каждаго пуда конкурирующихъ товаровъ, перевезенныхъ по русскимъ дорогамъ, она, группа международныхъ акціонеровъ, будетъ получать добавочную премію изъ нашего государственнаго казначейства. При такихъ условіяхъ акціонеры легко могутъ стать монополистами, завладѣть персидскимъ рынкомъ. И немудрено, что къ этому проекту, по газетнымъ свѣдѣніямъ, относятся холодно промышленники не только въ Россіи, Франціи и Англіи,—онъ вызвалъ возраженія и со стороны части промышленныхъ круговъ въ самой Германіи. Въ большей или меньшей степени онъ ничего хорошаго не сулитъ всѣмъ вообще промышленникамъ, которые не попадутъ въ компанію по постройкѣ сѣверныхъ персидскихъ дорогъ. Съ немалою вѣроятностью можно предположить, что всѣ эти планы зародились у небольшой группы предпринимателей, которая, опираясь на свое вліяніе въ Потсдамѣ, сумѣла получить отъ русскаго правительства желательныя для нея обѣщанія.

Но оставимъ предположенія. И безъ нихъ получается анекдотъ въ пошехонскомъ вкусѣ: мы цѣною приплатъ за счетъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, убыточность которыхъ и безъ того давно уже возбуждаетъ тревоги, ищемъ международные капиталы для продленія нѣмецкой дороги черезъ Персію до Тегерана. Въ такомъ видѣ все глубокомысліе, обнаруженное нами въ Потсдамѣ, имѣло бы видъ ужъ очень краснорѣчивый. Къ счастью, у насъ есть старый, возникавшій еще въ 80-хъ годахъ, по инціативѣ, между прочимъ, г. Хомякова, проектъ индійской желѣзной дороги. Мы вытащили его изъ-подъ спуда. Наскоро подновили. И дѣло получило

такой видъ. Мы собираемся собственно строить «великій индійскій путь»: «отъ Лондона до Бомбея», а если говорить болѣе точно, то отъ Решта на Тегеранъ и черезъ пустыни восточной Персіи до соединенія съ англо-индійской сѣтью въ Белуджистанѣ. Конечно, мы при этомъ соединимъ рельсами персидскій囘ештъ съ Баку и нашей закавказской желѣзнодорожной сѣтью. Весь этотъ «великій путь»,—отъ Решта до Белуджистана займетъ около 1500 верстъ. И любопытно,—въ первое время «Новое Время» очень шумливо излагало планъ именно индійской дороги, оставляя въ тѣни желѣзнодорожныя предположенія относительно сѣверо-западной Персіи и совершенно умалчивая о данномъ нами въ Потсдамѣ «согласіи» соединить Багдадскую дорогу съ Тегераномъ. Недоразумѣніе выяснилъ тотъ же г. Клеммъ на московскомъ совѣщаніи 9 ноября. Онъ счелъ нужнымъ заявить, что правительство въ данный моментъ реально озабочено собственно постройкою желѣзныхъ дорогъ въ сѣверо-западной Персіи, вопросъ о которыхъ обсужденъ и предрѣшенъ потсдамскимъ совѣщаніемъ. «Что же касается плана дороги изъ Баку въ Индію», то вопросъ этотъ «возбужденъ на дняхъ», и «министерство иностранныхъ дѣло этого вопроса еще не изучило и не имѣетъ о немъ опредѣленнаго сужденія». Несмотря на это заявленіе, «Новое Время» все-таки продолжаетъ кричать о «великомъ индійскомъ пути», и если упоминало о потсдамскихъ обѣщаніяхъ, то лишь вскользь, мимоходомъ, какъ о мелочи, на которой не стоитъ долго останавливаться. И въ самомъ дѣлѣ; хотимъ мы строить «великій путь»,—«отъ Лондона до Бомбея»; мы беремся за предпріятіе огромнаго, міроваго значенія; если при этомъ понадобится провести вѣтку въ какихъ-нибудь 400—500 верстъ отъ Тегерана къ турецко-персидской границѣ, то вѣдь это—пустяки. Однако, замаскировать міровыми планами нашу очередную дипломатическую «побѣду» не удалось и «Новому Времени». Да и какъ могло удасться? Разстояніе Лондонъ—Бомбей, конечно, огромно. Но вѣдь значительная часть разстоянія между этими пунктами въ нѣкоторомъ родѣ уже покрыта рельсами. И остается лишь сомкнуть готовые пути. Если международный капиталъ найдетъ нужнымъ теперь же произвести смыканіе, то онъ сдѣлаетъ это и помимо насъ,—«мы помѣшать не въ силахъ». Взять смыканіе на себя намъ затруднительно,—и прежде всего потому, что у насъ нѣтъ рессурсовъ удержать дѣло въ своихъ рукахъ. Международной группѣ, которая возьмется за это предпріятіе, разумѣется, выгодно получать субсидіи изъ россійскаго государственнаго казначейства. Но какая выгода Россіи обязывать себя выдачей субсидій? Въ концѣ концовъ даже «Новое Время» было вынуждено признать, что вопросъ о выгодахъ стоитъ по меньшей мѣрѣ спорно, нуждается въ предварительномъ обслѣдованіи. Для его обслѣдованія возникъ особый получастный—полуоффиціальный комитетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ

остается совершенно неприкрытымъ другой вопросъ: съ какой собственно радости мы обязались субсидировать продолженіе нѣмецкой Багдадской дороги до Тегерана?

Это послѣднее обязательство, повторяю, до такой степени краснорѣчиво, что вполнѣ понятна та тревога въ либеральной печати и среди промышленныхъ круговъ, какую возбудилъ планъ «великаго индійскаго пути». Дѣйствительно, вѣдь можно опасаться, что наши хозяева, обезкураженные потсдамскими успѣхами, ухватятся за этотъ планъ. Ухватятся, очертя голову, побуждаемые единственно потребностью прикрыть неловкость. Можно даже опасаться, что намъ позволятъ строить «великій путь» на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ мы строили дорогу отъ Мукдена до Портъ-Артура,—позволятъ именно потому, что мы безсильны удержать въ своихъ рукахъ предпріятіе, что насъ выгодно втянуть въ новую рискованную авантюру, запутать въ новыхъ силкахъ. Не безосновательно гг. Рябушинскій и Крестовниковъ на московскомъ совѣщаніи убѣждали представителя правительства, что «не слѣдовало бы забывать манчжурской авантюры». Увы, наши хозяева до сихъ поръ не сумѣли внушить довѣріе къ ихъ способности соображать свои шаги и не зарываться.

И не только индійскій проектъ возбуждаетъ понятную тревогу. Мы вообще теперь богаты сознаніемъ неловкостей и неудачъ. Потребность такъ или иначе прикрыть ихъ, несомнѣнно, обостренна. Сообразно этому, то и дѣло возникаютъ удивительные проекты, направленные неизмѣнно къ одной и той же цѣли,—привлечь иностранные капиталы на предметъ починки нашихъ прорѣхъ. Проектами этого рода полна текущая жизнь. Остановлюсь лишь на одномъ изъ нихъ, наиболѣе новомъ, возникшемъ вотъ по какому случаю:

«Мы пережили—жалуется «Новое Время»—два года исключительныхъ урожаевъ хлѣбовъ. Но мы оказались не въ состояніи использовать ихъ во всю величину. Если бы у насъ была на лицо теперь же система зернохранилищъ, мы могли бы не торопиться съ продажей нашихъ избытковъ. Безъ нихъ мы оказались принужденными сбывать нашъ урожай за пониженныя цѣны, лишь бы не подвергнуть его вліянію стихіи на станціонныхъ платформахъ».

«Новое Время» кое чего не договариваетъ и кое о чемъ умалчиваетъ. Умалчиваетъ оно о томъ, что въ виду исключительныхъ урожаевъ правительство употребило всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы удержать хлѣбныя цѣны отъ паденія, и съ этой цѣлью, между прочимъ, открыло широкій кредитъ подъ хлѣбъ. Въ концѣ концовъ образовались огромные запасы хлѣбовъ, покрытыхъ ссудами, но хранить эти запасы негдѣ. И гніютъ они—этого «Новое Время» не договариваетъ—не столько на станціонныхъ платформахъ, сколько въ случайныхъ и болѣе или менѣе примитивныхъ амбарахъ. Мало того, за неимѣніемъ зернохранилищъ, приходи-

лось выдавать землевладѣльцамъ ссуды съ условіемъ, чтобы они сами хранили заложенный хлѣбъ. На этой почвѣ мѣстами получилось то, что вмѣсто заложеннаго хорошаго хлѣба, на рукахъ у должника оказывается прѣль и гниль. Случается и такъ, что значительную часть солидно оплаченнаго ссудами зерна вдругъ поѣдаютъ крысы, появляющіяся нивѣсть откуда въ несмѣтномъ количествѣ и нивѣсть куда пропадающія. Операціи по поддержкѣ хлѣбныхъ цѣнъ производятся на ура, безъ надлежащей организаціи надзора, при отсутствіи даже мѣстъ, приспособленныхъ для храненія хлѣба. Естественно, онѣ должны привести къ цѣлому ряду скандаловъ, потерь, злоупотребленій. И вотъ, какъ разъ теперь, когда эти естественныя послѣдствія начинаютъ выясняться, въ Россію направился представитель какой то «большой американской финансовой группы, которая располагаетъ огромными средствами». И возникаетъ проектъ:

— «Сѣверная Америка располагаетъ широкимъ опытомъ въ устройствѣ зернохранилищъ... Она располагаетъ также нужными для этого средствами. Россія нуждается во всемъ этомъ. Остается, такимъ образомъ, выработать условія, при которыхъ американскій капиталъ нашелъ бы себѣ примѣненіе въ Россіи». «Россія не намѣрена играть роль собаки на сѣнѣ, которая и сама сѣна не ѣстъ, и другимъ не даетъ». Конечно, американскія предложенія должны быть «разумны», «пріемлемы». Но мы охотно предоставимъ группѣ капиталистовъ двойную выгоду: во-первыхъ, доходъ отъ зернохранилищъ, а во-вторыхъ, «еще болѣе значительную выгоду», какая получится, «благодаря урегулированію міровыхъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя теперь портятся потому, что Россія временами вынуждается сбывать свой хлѣбъ за безцѣнокъ» *).

Конечно, эту вторую «выгоду» собственно получатъ прежде всего американскіе хлѣбные экспортеры. Группа капиталистовъ, не причастная къ американской хлѣбной торговлѣ, отъ смягченія русской конкуренціи, можетъ получить лишь очень гадательныя выгоды. Но, разумѣется, наиболѣе «широкимъ опытомъ въ устройствѣ зернохранилищъ» располагаютъ именно хлѣботорговцы «Сѣверной Америки». Имъ наиболѣе выгодно облагодѣтельствовать насъ элеваторами, такъ какъ, опираясь на мощную сѣть элеваторовъ, они, дѣйствительно, могутъ взять въ свои руки нашу хлѣбную торговлю. И мы на это заранѣе соглашаемся; съ трогательнымъ смиреніемъ открыто признаемъ, что сами мы необходимаго для насъ устроить не можемъ, не имѣемъ ни знаній, ни способностей, ни средствъ: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ,—придите и княжите»... Быть можетъ, нынѣ призываемые варяги изъ Америки почему-либо не возьмутся княжить. Но вообще нѣтъ ничего мудренаго при такихъ условіяхъ, если послѣ

*) „Новое Время“, 27 ноября.

какихъ-либо новыхъ торжественныхъ дипломатическихъ совѣщаній вдругъ обнаружится, что мы такъ же «согласились» передать русскую хлѣбную торговлю въ руки тѣхъ или иныхъ варяговъ, какъ согласились заботиться о соединеніи Багдада съ Тегераномъ.

Мы неспособны—признаетъ даже «Новое Время». И, конечно, въ основѣ этой неспособности лежатъ общія, принципіальныя причины. Мнѣ уже не разъ на страницахъ «Русскаго Богатства» приходилось выяснять, что основная соціально-охранительная тенденція хозяевъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ насущными потребностями Россіи. При наличныхъ, современныхъ намъ, условіяхъ эта тенденція по существу антигосударственна, ведетъ страну къ разложенію и разстройству. Разумѣется, для той цѣли, которую ставятъ гг. Столыпины и Марковы, могутъ найтись и дѣятели, соотвѣтствующіе ея глубинѣ и жизненности. Если дѣло плодотворно, то для него найдутся и крупные дѣятели. Если дѣло мелко, и мертво, то и дѣятели не крупны. Большіе умы и таланты трудно привлечь къ разрѣшенію задачи, не оправдываемой ни логически, ни исторически. Это общее правило сказывается и въ данномъ случаѣ. Основная цѣль хозяевъ такова, что они не могли и не могутъ дать ничего положительнаго. Ни одна изъ насущныхъ государственныхъ потребностей, уже въ силу этого условія, не можетъ быть удовлетворена. Положеніе создается трудное, опасное, обрекающее страну на огромныя потери. Изъ скверныхъ положеній, по пословицѣ, не бываетъ хорошихъ выходовъ. Но наши дѣятели обнаруживаютъ такую глубину ума, такіе блестящіе таланты, что невольно заставляютъ опасаться худшаго: положеніе, и безъ того скверное, можетъ запутаться и осложниться до полной безнадежности.

III.

Хозяева проявили въ полномъ блескѣ свои умственныя способности. Проявили они и разныя другія свои качества... Недавно, въ концѣ ноября, товарищъ предсѣдателя Государственной Думы кн. Волконскій счелъ долгомъ оффиціально удостовѣрить, какую репутацію пріобрѣла Дума среди населенія. Убѣждая депутатовъ вести себя прилично, не употреблять площадныхъ ругательствъ, онъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго, подтвердилъ свои доводы ссылкою на слѣдующій «маленькій примѣръ»:

— «Я—говорилъ кн. Волконскій—не фантазію разсказываю, а быль. На этихъ дняхъ, проходя по улицѣ, я обошелъ нѣсколько рабочихъ, и между ними былъ разговоръ; они, очевидно, говорили о какомъ-то собраніи. Одинъ сказалъ:. Что у васъ было много шума и брани? А другой отвѣчалъ:—Ну, зачѣмъ, у насъ не Госу-

дарственная Дума»... (*Смѣхъ справа*)... Господа, кое-кому смѣшно, а мнѣ было и больно, и очень стыдно» *).

Можно бы привести «примѣры» болѣе яркіе. Можно бы напомнить, между прочимъ, что самыя фамиліи нѣкоторыхъ, наиболѣе преданныхъ правительству, депутатовъ стали нарицательными, обогатили русскій языкъ, какъ новыя ругательныя слова. Нашъ «парламентъ» безспорно пріобрѣлъ въ народѣ вполнѣ опредѣленную репутацію. На эту репутацію не разъ обращала вниманіе либеральная печать. И послѣдняя не разъ высказывала мнѣніе, что тактика «правыхъ» партій именно къ тому и клонится, чтобъ опозорить въ глазахъ народа Государственную Думу, а вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитировать и самую идею народнаго представительства. Если принять эту гипотезу, то самый «смѣхъ справа», какимъ сопровождалась рѣчь предсѣдательствующаго кн. Волконскаго, получитъ достаточное, на первый взглядъ, объясненіе: «правымъ» радостно, что ихъ старанія увѣнчиваются успѣхомъ, и они смѣются отъ удовольствія.

Не берусь судить, дѣйствительно ли «правые» учиняютъ въ Таврическомъ дворцѣ скандалы и непристойности съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ—опозорить Думу, дискредитировать идею народнаго представительства. Думаю, однако, что дѣло не такъ просто. Суть не въ однихъ «правыхъ». И нельзя имѣть въ виду только то, какъ страна оцѣниваетъ *думское* поведеніе хозяевъ вообще. Хозяева опредѣленнымъ образомъ характеризуютъ себя и въ Думѣ, и внѣ Думы. На основаніи этой автохарактеристики страна выясняетъ для себя ихъ физіологію, ставитъ имъ тотъ или иной баллъ,—уже не за успѣхи только, но и за «поведеніе». Какова бы ни была репутація Думы, но она лишь частность въ оцѣнкѣ хозяйскаго поведенія вообще. Именно—эта общая оцѣнка для насъ и наиболѣе интересна. Но для выясненія ея одного «примѣра», приведеннаго кн. Волконскимъ, мало.

Предварительно позвольте остановиться хотя бы на такомъ внѣдумскомъ и даже неполитическомъ эпизодѣ. По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ Уманскомъ у., Кіевской губерніи, случайно скопились необыкновенно дѣятельные землеустроители. Они превратили Уманскій уѣздъ въ одинъ изъ первыхъ, если «не самый первый», по количеству отрубныхъ хозяйствъ. Дѣятельность развита ими на столько энергическая, что въ ноябрѣ 1910 года пришлось назначить ревизію для выясненія «причины вызванныхъ землеустройствомъ волненій среди крестьянъ» **). Конечно, для демонстрированія столь ревностныхъ трудовъ понадобилось устроить въ Умани сельско-хозяйственную выставку. Какъ водится, къ выставкѣ были приготовлены «картограммы и діаграммы, изъ коихъ явствовало,

*) Цит. по „Рѣчи", 25 ноября.
**) „Кіевская Мысль", 27 ноября.

что почти половина крестьянскихъ земель Уманскаго уѣзда разбита на правильные хутора и отруба». Доказывались картограммами и разные другіе успѣхи. Но, дабы привлечь къ обозрѣнію этихъ успѣховъ возможно больше публики, разумѣется, нужно поставить надлежаще увеселительную часть. «Для развлеченія» было заготовлено около 3000 ручныхъ голубей. А затѣмъ... предоставляю слово корреспонденту «Кіевскихъ Вѣстей», описывавшему, какое развлеченіе было предложено администраціей сельско-хозяйственной выставки посѣтителямъ:

Нѣкоторые голуби были на столько приручены, что по выпускѣ изъ корзины садились на ней и спокойно перелетали въ публику, садясь кому-нибудь на плечо. Голубя сгоняли съ корзинки, и приготовившійся стрѣлокъ стрѣлялъ дробью... Много искалѣченныхъ голубей падало вблизи мѣста казни, и ихъ добивали руками... Разстрѣливали голубей даже дамы Одна изъ нихъ... искалѣчила голубей больше другихъ, и за это получила золотой жетонъ. При разстрѣливаніи голубей присутствовала многочисленная публика, въ томъ числѣ и простые крестьяне, молодежь и дѣти. Разстрѣлъ продолжался сряду 4 дня. Ежедневно вывозили на базаръ полными возами побитыхъ и замученныхъ голубей и продавали по 3—5 к. за штуку *).

Кошкодавы все-таки прятались отъ дневного свѣта и людского глаза. А тутъ стрѣляли и «добивали руками» ручныхъ голубей среди бѣла дня, публично съ разрѣшенія начальства, и даже золотымъ жетономъ за эти подвиги какую-то даму наградили. Затрудняюсь сказать, какое отношеніе имѣетъ эта милая забава къ сельскому хозяйству и землеустройству. Но какое впечатлѣніе она можетъ произвести на каждаго сколько-нибудь чуткаго и совѣстливаго человѣка,—понятно само собою. И, конечно, люди устроили ее безъ намѣренія опорочить выставку и землеустроителей. Администраторы выставки, землеустроители, дама, награжденная жетономъ, боюсь, просто не поймутъ, что собственно насъ въ ихъ забавѣ возмущаетъ, почему собственно мы считаемъ невинное, съ ихъ точки зрѣнія, развлеченіе ничѣмъ неоправдываемой гнусностью. Дама, навѣрное, даже гордится своимъ жетономъ. И, думая о ней, я невольно вспоминаю другую даму, мою хорошую знакомую, у которой, когда она узнала, какъ увеселяли себя уманцы, вырвалось нервное восклицаніе:

— Господи, бываютъ же такіе люди! Особенные какіе-то!

Быть можетъ, и не особенные. Но уманскую охотницу на ручныхъ голубей воспитаніе, привычки, нравы, вкусы той среды, въ которой она живетъ, обработали такъ, что она находитъ удовольствіе въ такихъ вещахъ, какія насъ, людей иной житейской школы, морально возмущаютъ и оскорбляютъ. И та дама, и эта дама—люди. Но ихъ моральныя конструкціи до такой степени раз-

---

*) „Цит. по Волжскимъ Вѣстямъ", 7 октября.

личны, что между ними пропасть, полная невозможность понять другъ друга. И въ жизни есть такіе люди, которые—столь чужды намъ морально, что для насъ они во многихъ отношеніяхъ словно «особенные какіе-то».

Беру другой примѣръ,—недавно опубликованное въ газетахъ журнальное постановленіе фатежской (Курской губ.) уѣздной земской управы слѣдующаго, дословно, содержанія:

«На земскомъ собраніи большинство гласныхъ высказалось за то, чтобы не имѣть въ фатежскомъ земствѣ служащихъ лѣваго направленія, а такъ какъ управѣ извѣстно, что врачъ Н. Н. Кураевъ былъ избираемъ выборщикомъ въ Государственную Думу, при чемъ послѣдній разъ былъ избранъ и защищалъ интересы кадетской партіи, то въ виду предстоящихъ въ недалекомъ будущемъ новыхъ выборовъ въ Государственную Думу, *дабы избавиться отъ кандидатуры его,* управа постановила: завѣдующаго фатежской земской больницей, врача Кураева, уволить со службы фатежскому земству, при чемъ дать двухмѣсячный срокъ для подысканія себѣ новаго мѣста» *).

Газеты уже пояснили, что г. Кураевъ—одинъ изъ лучшихъ врачей въ Курской губерніи; ему, между прочимъ, выразило въ октябрѣ н. г. «искреннюю благодарность земскаго собранія за выдающуюся борьбу съ холерой» само фатежское земство. Но оставимъ эти подробности, какъ бы ни подчеркивали они и безъ того ясный смыслъ происходящаго. Едва ли кто рѣшится предполагать, что фатежскій дворянинъ г. Батезатулъ, авторъ нашумѣвшаго въ свое время проекта объ отдачѣ китайцевъ въ крѣпостную собственность русскихъ помѣщиковъ, а нынѣ «хозяинъ» мѣстнаго земства, какъ его почему-то называютъ, имѣетъ заднія и злокозненныя намѣренія: вотъ, дескать, мы составимъ и подпишемъ журнальное постановленіе управы, оно будетъ опубликовано, и такимъ образомъ мы положимъ начало дискредитированію въ глазахъ народа будущей четвертой Думы... Приходится просто предположить, что господа Батезатулы способны прибѣгать къ изложеннымъ въ управскомъ постановленіи средствамъ; ихъ нравственному чувству это такъ же не претитъ, какъ уманской дамѣ, награжденной золотымъ жетономъ, не претитъ для забавы душить голубей. Но этого предположенія мало. Оно не все объясняетъ. Людямъ съ неразвитымъ или своеобразно направленнымъ нравственнымъ чувствомъ многое не претитъ. Шулерамъ не претитъ передергивать, ворамъ—красть, мздоимцамъ—брать и вымогать взятки. Однако, и шулера, и воры, и мздоимцы все таки стараются походить на приличныхъ людей, такъ или иначе маскируютъ свое ремесло. Все таки и порокъ обычно платитъ дань добродѣтели. Пусть нравственному чувству господъ Батезатуловъ не претитъ избраннымъ

*) Цит. по „Рѣчи", 24 ноября; курсивъ мой.

фатежской управой способомъ устранять возможныхъ во время выборовъ кандидатовъ. Пусть для ихъ нравственнаго чувства безразличны очевидныя послѣдствія этого способа: уѣздъ теряетъ одного изъ лучшихъ, по признанію самого земства, врачей, полезнаго работника, больница лишается завѣдующаго и явно обречена на разстройство: какой-же уважающій себя врачъ согласится занять мѣсто г. Кураева, удаленнаго по такимъ оригинальнымъ причинамъ? Пусть для ума и сердца господъ Батезатуловъ безразлично то обстоятельство, что они разрушаютъ и безъ того жалкую медицинскую организацію уѣзда, и дѣлаютъ это какъ разъ въ то время, когда населенію угрожаютъ многоразличныя эпидеміи. Но зачѣмъ же открыто, безъ стѣсненія писать въ оффиціальномъ документѣ: уволить врача Кураева, «въ виду предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу, дабы избавиться отъ кандидатуры его»?... Безъ сомнѣнія, большую роль играетъ сознаніе безнаказанности. Но нужна, мнѣ кажется, и нѣкоторая доля увѣренности въ своей правотѣ. Иначе какъ бы люди рѣшились документально увѣковѣчить свой поступокъ, явно позорный съ общечеловѣческой точки зрѣнія? Въ самомъ дѣлѣ: не только вѣдь отъ другихъ человѣкъ скрываетъ свои завѣдомо для него предосудительные поступки. И для себя вѣдь для своей совѣсти онъ старается облечь завѣдомо для него безстыдное дѣяніе въ возможно болѣе благовидныя и извинительныя формы. Но то и характерно, что господа Батезатулы, видимо, не чувствуютъ даже потребности изобрѣтать благовидную форму. Безнаказанность безнаказанностью, но чтобъ дойти до столь откровенныхъ мотивировокъ, надо таки, дѣйствительно, не стыдиться своихъ поступковъ,—говоря иначе, не чувствовать и не сознавать, что въ этихъ поступкахъ есть постыдное. И если такова моральная конструкція курскаго дворянина Батезатула, то... я не знаю, чѣмъ собственно г. Батезатулъ отличается отъ другого курскаго дворянина Маркова и многихъ прочихъ своихъ политическихъ единомышленниковъ и друзей?

Безъ сомнѣнія, есть люди, моральная конструкція которыхъ существенно отлична отъ нашей. Многими бы примѣрами изъ современной дѣйствительности можно показать любопытныя особенности этихъ людей. Но для насъ другое въ данный моментъ важнѣе. Въ странѣ господствуютъ опредѣленные общественные слои. Они проявили свои творческія способности. Они развернули свои умственныя силы. Сверхъ того, страна увидѣла, повторяю, и нравственную ихъ физіономію. Такъ или иначе, но они опредѣлили себя и морально, — предъявили странѣ свои моральные понятія и взгляды. Хороши ли они, плохи-ль, высоки или низки, хуже или лучше нашихъ,—оцѣнивать не будемъ. Но такіе ли это понятія и взгляды, какіе и у насъ, обыкновенныхъ среднихъ обывателей, не хозяевъ, или другіе? Одной ли мы съ

ними, съ хозяевами, моральной конструкціи, или различной? Примѣры внѣдумскіе оставляю пока въ сторонѣ. Обращусь къ примѣрамъ думскимъ.

Актъ 3 іюня призвалъ «хозяевъ» быть большинствомъ въ Государственной Думѣ. Они пришли и заняли мѣста. Они принесли на эту публичную арену привычки, понятія и вкусы, убѣжденія и предразсудки своей среды. И съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности стало выясняться, что передъ нами люди именно какъ бы особой, отличной отъ насъ, обыкновенныхъ обывателей, конструкціи. Припомните, напримѣръ, хотя бы такой не мало нашумѣвшій въ свое время эпизодъ. Лѣвый депутатъ излагаетъ потрясающій фактъ, — гнусное насиліе надъ старухой. Депутатъ октябристъ вслухъ съ мѣста дѣлаетъ игривое замѣчаніе: а я бы такой старухой не соблазнился... Выраженіе мною смягчено,—представитель большинства облекъ свою мысль въ форму, еще болѣе циничную, даже гораздо болѣе циничную. Но это ужъ относится къ привычкѣ употреблять непечатныя слова. Для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе существо той мысли, которая была высказана. Мы знали, конечно, что насилія совершаются, что насильники дѣйствуютъ звѣрски. Мы знали даже, что насильники, извѣстные, уличенные, довольно таки часто остаются безнаказанными. Можно было предполагать, что среди хозяевъ найдутся люди, которыхъ насиліе не возмущаетъ, не потрясаетъ, не ужасаетъ. Гораздо труднѣе было думать, что насиліе, надругательство надъ женщиной, настраиваетъ «ихъ» на игривый ладъ, вызываетъ у нихъ игривыя ассоціаціи. Если бы и возникло такое предположеніе, оно бы казалось невѣроятнымъ. Но когда люди сами за себя говорятъ, — приходится вѣрить.

И тѣмъ болѣе приходится вѣрить, что замѣчаніе, о которомъ я напоминаю,—не осталось единичнымъ случаемъ. Не буду напоминать о другихъ случаяхъ этого рода, — углубленіе въ прошлое отвело бы насъ далеко въ сторону отъ обозрѣнія текущихъ явленій. Но вотъ совсѣмъ недавній, злободневный эпизодъ. Дума обсуждаетъ спѣшность «запроса относительно запрещенія печати оглашать свѣдѣнія о происходящихъ въ Петербургѣ событіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ». Депутатъ Гегечкори, мотивируя спѣшность запроса, ссылается, между прочимъ, на такой фактъ: «на бестужевскихъ курсахъ одинъ изъ офицерскихъ чиновъ полиціи позволилъ себѣ сдѣлать попытку обнять курсистку»... Правая часть Думы встрѣчаетъ эти слова игривымъ смѣхомъ. «И когда,—говоритъ далѣе г. Гегечкори,—одна изъ слушательницъ, въ порывѣ естественнаго негодованія, нанесла, защищая честь своей подруги, пощечину, то мы въ распоряженіяхъ градоначальника читаемъ, что эта слушательница, такъ мужественно защищавшая честь своей подруги, подвергнута 3-хъ мѣсячному аресту „за проявленіе неуваженія къ чину полиціи при исполненіи имъ служебныхъ

обязанностей"... *) Г. Гегечкори истолковываетъ намѣренія полицейскаго офицера весьма опредѣленно. Правые—сторонники и защитники правительства. Пусть имъ желательно реабилитировать администрацію, во что бы то ни стало. Съ ихъ стороны былъ бы понятенъ протестъ противъ толкованія г. Гегечкори. Дѣйствія околоточнаго или пристава поддаются вѣдь и другому истолкованію: полиція «удаляла» курсистокъ, въ суматохѣ околоточный прибѣгнулъ къ извѣстной «жестикуляціи» единственно «для порядка», не имѣя тѣхъ намѣреній, которыя ему приписали, и за которыя онъ получилъ пощечину. Можно вѣдь придать данному факту и такое освѣщеніе, что все дѣло сведется къ простой неловкости, къ недоразумѣнію. И намъ была бы, повторяю, понятна попытка правыхъ воспользоваться этой возможностью; было бы понятно, если бы они возмущались, негодовали противъ толкованія, изложеннаго г. Гегечкори. Было бы понятно даже, если бы они выразили свой протестъ въ буйныхъ скандальныхъ формахъ. Но смѣхъ, игривый смѣхъ и только смѣхъ по поводу того, что вотъ околоточный пытался учинить непотребство,—о чемъ онъ говоритъ, кромѣ того, что на данную группу людей напоминаніе о такихъ фактахъ дѣйствуетъ, какъ легкая пріятная щекотка? Можетъ быть, это лучше нашего отношенія къ такимъ фактамъ, или хуже. Но для насъ такое отношеніе не только чуждо, но и оскорбительно. И съ людьми, которые такъ относятся, мы не можемъ имѣть ничего общаго. Не можемъ даже не въ силу различія политическихъ, соціальныхъ или философскихъ взглядовъ. У насъ и у нихъ непосредственныя моральныя чувства непримиримы до полной враждебности.

Было бы грубой ошибкой обобщать: всѣ хозяева такіе же, какъ Половцовъ, Марковъ, Крупенскій, Пуришкевичъ... Группа хозяевъ, конечно, пестра; элементы, ее составляющіе, довольно разнородны. Можно говорить лишь о средней, преобладающей чертѣ въ моральной конструкціи хозяевъ,—преобладающей, несмотря на несомнѣнное разнообразіе понятій, привычекъ, политическихъ и всякихъ иныхъ взглядовъ. И опредѣлять преобладающую черту, конечно, нужно не на основаніи думскихъ эпизодовъ. Она характеризуется прежде всего и главнымъ образомъ жизнью. Дю-Лю, по газетнымъ свѣдѣніямъ, помилованъ. Дѣянія знаменитаго персидскаго консула Зайченка не вызвали даже разслѣдованія. Обвиненія, предъявленныя прессою о. Восторгову, нисколько не мѣшаютъ ему пользоваться довѣріемъ и благосклонностью святѣйшаго синода. Всплываютъ похожденія нѣкоего Голосова, тоже протоіерея, и тоже законоучителя двухъ женскихъ гимназій въ Омскѣ. Протоіерея Голосова газеты обвиняютъ въ томъ, что онъ урокaми закона божія и обязанностью ученицъ исповѣдываться у

*) Цит. по „Рѣчи", 4 декабря.

него во время говѣнія пользовался, какъ средствомъ для гнусныхъ цѣлей. И этотъ дѣятель нашелъ защиту у епископа; попытки мѣстной печати огласить и освѣтить преступленія мѣстная администрація пресѣкла штрафами. Обнаруживаются земскіе начальники, которые съ особеннымъ усердіемъ обрушиваютъ свою «близкую къ народу власть» на женское населеніе ввѣренныхъ имъ районовъ. Недавно газеты довольно подробно описывали развратныя похожденія одного изъ такихъ земскихъ начальниковъ; похожденія раскрыты и обличены на судѣ, и—ничего, этотъ «земскій» продолжаетъ оставаться «земскимъ»; не видно, чтобъ начальство безпокоилось. Открытъ женскій монастырь, въ которомъ игуменья и «солидныя монахини» увлеклись дѣлами, равносильными поставкѣ живого товара любителямъ. И опять таки—ничего; духовное начальство приняло какія-то мѣры, дѣвочка-ребенокъ, преступленіе надъ которой обнаружено, куда-то убрана, свидѣтельницъ преступленія тоже куда-то убрали; замели слѣды и только*). Я упоминаю мелькомъ объ исторіяхъ, болѣе или менѣе нашумѣвшихъ, и при томъ немногихъ. Останавливаться на случаяхъ повседневныхъ, обыкновенныхъ было бы равносильно попыткѣ перечислить сводническія объявленія «Новаго Времени»: каждый день они тамъ печатаются, и каждый день болѣе или менѣе,—на нашъ, конечно, взглядъ,—гнусны. Передъ нами своего рода повѣтріе, эпидемія. И, сопоставляя эту эпидемію съ думскими эпизодами, начинаешь понимать, что оба данныя взаимно дополняютъ и поясняютъ одно другое.

Моральная конструкція однихъ представителей «большинства» такова, что гнусное, по нашему мнѣнію, ихъ не задѣваетъ и не оскорбляетъ, лишь пріятно щекочетъ. У другихъ представителей того же большинства конструкція, навѣрное, иная, болѣе близкая къ нашей, средне-обывательской и общечеловѣческой. Этому разнообразію въ Думѣ соотвѣтствуетъ и разнообразіе въ жизни. Г. Арцыбашева преслѣдуютъ за порнографію. «Новое Время» печатаетъ свои объявленія. Петербургскій градоначальникъ закрываетъ дома терпимости. «Старца» Распутина ласкаетъ «высшій свѣтъ». Среди хозяевъ разныя настроенія, разныя теченія. Равнодѣйствующую опредѣляетъ безнаказанность похожденій во вкусѣ персидскаго консула, ихъ ростъ, развитіе, ихъ превращеніе въ повѣтріе русской жизни. Какъ бы тамъ ни было, а русская жизнь, по крайней мѣрѣ, въ такихъ проявленіяхъ, какъ объявленія «Новаго Времени», безнаказанные подвиги персидскихъ консуловъ, русскихъ протоіереевъ, земскихъ начальниковъ и даже игуменій, все таки зависитъ отъ коллективнаго ума «господствующихъ классовъ», отъ ихъ коллективной воли, отъ ихъ коллективной морали.

*) См., напр., „Оренбургскій Край“, 28 октября; „Волжскія Вѣсти“, 11 ноября.

Сама по себѣ игривость одного изъ «хозяевъ» г. Половцова при г. Половцовѣ и должна бы остаться. Но когда мы наблюдаемъ въ жизни цѣлое повѣтріе, соотвѣтствующее этой игривости, то мы въ правѣ думать, что она—признакъ не только индивидуальный, но и групповой, характерный для тѣхъ общественныхъ слоевъ, групповое моральное чувство которыхъ ужъ очень терпимо относится... ну, хотя бы къ тому, что сообщаютъ газеты о законоучительскихъ трудахъ члена палаты Архангела Михаила и каѳедральнаго омскаго протоіерея Голосова.

Когда въ Думѣ, обыкновенно по иниціативѣ «лѣвыхъ», возникаютъ сужденія относительно того или иного «отечественнаго факта», который возмущаетъ моральное чувство не только русскаго населенія, но и Европы, г. Марковъ имѣетъ привычку во всеуслышаніе объявлять,—мало бьютъ, надо больше, плохо сѣкутъ, нужно больнѣе, не розгами, а плетьми, жаль, что плети отмѣнили, жаль, что мало вѣшаютъ, жаль, что не всѣ политическіе преступники «издохли», жаль, что не всѣ они кончаютъ самоубійствомъ, жаль, что ихъ мало разстрѣливаютъ часовые и надзиратели черезъ окна, вотъ если бы всѣхъ перестрѣляли, а еще лучше, если бъ они сами всѣ поголовно «издохли», или если бъ они всѣ поголовно были доведены до самоубійства, то онъ, г. Марковъ, по его словамъ, былъ бы очень радъ... Но г. Хомяковъ, напр., этого не говоритъ. И нельзя сказать, что всѣ хозяева таковы, какъ г. Марковъ. Но вотъ передо мною груды матеріаловъ, отражающихъ то, чѣмъ богата—слишкомъ богата!—жизнь. Пытки, истязанія, надругательства, издѣвательства, побои просто, побои со смертельнымъ исходомъ, членовредительства, убійства... Слишкомъ далека жизнь отъ соотвѣтствія лукавому благодушію г. Хомякова. Но и не такъ ужъ совершенна, какъ требуется моральными идеалами г. Маркова. Жизнь идетъ по какой-то равнодѣйствующей средней линіи, проходящей между двумя названными дѣятелями, хотя и ближе къ Маркову, чѣмъ къ Хомякову. И такъ какъ репрессивный-то разгулъ во всякомъ случаѣ зависитъ отъ власти хозяевъ, то приходится думать, что ихъ коллективному, групповому моральному чувству во всякомъ случаѣ не противны тѣ ужасы русской жизни, которые волнуютъ насъ, туземныхъ обывателей, волнуютъ общественное мнѣніе западной Европы, и съ которыми мы неспособны примириться.

Ужасы, насилія... Не новость, конечно, они въ Россіи. И не теперь только они смущаютъ совѣсть обыкновеннаго средняго русскаго человѣка. Но пока хозяева дѣйствовали по преимуществу въ тиши канцелярій, не выступали на публичную арену, русскій человѣкъ старался смущавшія и возмущавшія его совѣсть явленія жизни объяснять возможно болѣе благовидно. «Начальство не знаетъ»,—кабы оно знало, нешто-бъ допустило. «Ошибка вышла»,—тотъ или иной шагъ предпринятъ, навѣрное, съ намѣреніемъ устроить «по-

божьи», по-хорошему, но начальство не знало дѣйствительнаго положенія вещей, не сообразило всѣхъ послѣдствій, оттого, и случилось... «Маленькіе недостатки механизма»... Хотѣлось вѣрить, что нѣтъ сознательнаго намѣренія дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Невѣроятно было думать, что то, что дѣлается, дѣлается съ твердой увѣренностью въ своей правотѣ. Въ этомъ смыслѣ третья Дума существовала не даромъ: она заставила вѣрить тому, во что не хотѣлось вѣрить; она убѣдила насъ въ томъ, что казалось невозможнымъ и невѣроятнымъ.. Ну, кто могъ думать, въ самомъ дѣлѣ, что высшій представитель исполнительной власти, предсѣдатель совѣта министровъ публично во неуслышаніе, съ высоты думской трибуны, объявитъ «ставку на сильныхъ» руководящимъ государственнымъ принципомъ, категорическимъ императивомъ внутренней политики? Какъ можно было утверждать, что среди людей, занимающихъ видное и отвѣтственное общественное положеніе, есть такіе господа, которыхъ разсказъ о гнуснѣйшихъ насиліяхъ приводитъ въ игривое настроеніе,—господа, на столько далекіе отъ общечеловѣческихъ моральныхъ понятій, что они не стѣсняются даже проявлять это настроеніе публично? Много мы въ Россіи видывали. Но людей, которые при видѣ невыносимыхъ человѣческихъ страданій способны публично и громогласно злорадствовать и дѣлаютъ это, зная, что каждое ихъ слово заносится въ стенограммы и можетъ быть предано оглашенію въ печати всего культурнаго міра,—такихъ людей мы до послѣдняго времени все-таки не видывали. Ихъ намъ показали въ третьей Думѣ Марковы и Пуришкевичи. И ея стенограммы,—безъ сомнѣнія, цѣнный матеріалъ и для психолога, и для соціолога, желающаго точнѣе опредѣлить политическую группу, которая господствуетъ въ огромной странѣ, но по своей моральной конструкціи, очевидно, и значительно разнится отъ современнаго намъ и преобладающаго общечеловѣческаго типа.

Не вполнѣ, быть можетъ, хозяева воспользовались публичной ареной третьей Думы, чтобъ отрекомендовать себя странѣ. Пожалуй, не лишне бы желать болѣе отчетливой автохарактеристики. Но и сдѣланное приблизило насъ къ тому, чтобы сдать въ архивъ старыя обывательскія иллюзіи. Приходится признать, что «насъ» и «ихъ» раздѣляетъ, помимо всего прочаго, различіе моральной конструкціи. Въ томъ, противъ чего наше непосредственное чувство протестуетъ, какъ противъ вопіющей несправедливости, они видятъ нормальный порядокъ вещей. Что по нашему стыдно, то по ихнему безразлично или даже похвально. Тамъ, гдѣ мы содрогаемся, они восхищаются. Моральные устои ихъ и наши до того несходны, что порою намъ трудно, почти невозможно понять другъ друга. Мы какъ бы говоримъ на разныхъ языкахъ,—словно люди совершенно различныхъ культуръ и эпохъ.

IV.

Я бы не рѣшился сказать, что различіе моральныхъ кострукцій вполнѣ сознано страной. Но хозяева своими трудами и выступленіями послѣднихъ лѣтъ все-таки помогли приблизиться къ сознанію этого крупнаго факта,—быть можетъ, даже болѣе крупнаго и рѣшающаго, чѣмъ безсиліе и неспособность вести государственный корабль. Страна приблизилась къ этому сознанію, по крайней мѣрѣ, на столько, что теперь, по крайней мѣрѣ, г. Милюковъ, навѣрное, уже не протянетъ руки вправо, приглашая наиболѣе близкую къ общечеловѣческому культурному типу октябристскую часть хозяевъ найти почву для взаимнаго пониманія и совмѣстной работы. Надежды убѣдить, доказать, «столкнуть влѣво» хотя бы только октябристовъ сданы въ архивъ. На ихъ мѣстѣ возникаютъ другія теоріи, по нынѣшнимъ временамъ, довольно симптоматическія.

Въ началѣ ноября, когда обсуждался въ Думѣ запросъ о новороссійскомъ процессѣ, всплыли наружу многія детали этого процесса. Всплыла, между прочимъ, и такая подробность: одинъ мировой судья, давшій въ качествѣ свидѣтеля, благопріятныя для обвиняемыхъ показанія, былъ переведенъ на худшее мѣсто. Министерство юстиціи увѣряло, что этотъ судья «переведенъ вовсе не за свои свидѣтельскія показанія, а за погрѣшности по службѣ». И г. Маклаковъ заявилъ въ своей рѣчи по поводу запроса, что онъ этому объясненію радуется. Радуется «не потому, что оно достовѣрно». Нѣтъ, г. Маклаковъ не считаетъ его достовѣрнымъ. «Но все-таки—говорилъ онъ—надо радоваться, ибо въ общежитіи есть такъ называемая условная неправда, которая требуется общественной благопристойностью, и эту благопристойность министерство юстиціи въ данномъ случаѣ все-таки уважило» *). Иными словами: насъ такое воздѣйствіе на совѣсть свидѣтеля глубоко возмущаетъ, и во всемъ культурномъ мірѣ оно признается возмутительнымъ и недопустимымъ; вы, повидимому, люди иного склада; ваша совѣсть съ такими фактами вполнѣ мирится, но вы, все-таки, дѣлаете намъ уступку, увѣряете, что ваша совѣсть о данномъ случаѣ говоритъ такъ же, какъ и наша; мы вамъ не вѣримъ, но, видя вашу, хотя бы и скромную, попытку считаться съ моральными требованіями культурнаго человѣчества, все-таки радуемся.

Черезъ нѣсколько недѣль потрясающе напомнилъ о себѣ установленный хозяевами тюремный режимъ. Произошли событія, которыя не могутъ не взволновать совѣсти обыкновеннаго человѣка. На выясненіи этихъ событій я остановлюсь ниже. Пока отмѣчу

---

*) „Рѣчь", 4 ноября.

лишь, что онѣ, несомнѣнно, потрясли общество. Въ Думу былъ внесенъ спѣшный запросъ. Мотивировалъ спѣшность, между прочимъ, г. Родичевъ. Онъ признаетъ, что тюремный режимъ вообще жестокъ, ужасенъ, что, въ частности, заключенные зерентуйской каторжной тюрьмы были доведены до массового самоубійства. Онъ не думаетъ, что факты можно опровергнуть. Онъ обращается къ правительству съ просьбой: «*солги* же намъ, скажи, что это невѣрно»... *) Если не можете чувствовать ужасъ происходящаго, то скажите, какъ выражается г. Маклаковъ, «неправду, которая требуется общественной благопристойностью».

Таковы доводы, обращенные въ сторону хозяевъ. Нашлись доводы и для другой стороны. Смерть Толстого вызвала въ Петербургскомъ студенчествѣ рѣшеніе демонстративно высказать чувство, возбуждаемое смертными казнями. Представители студентовъ передали это рѣшеніе оппозиціоннымъ думскимъ фракціямъ съ просьбой опредѣлить свое отношеніе къ нему. Либеральныя фракціи отвѣтили студенчеству «горячей просьбой»—сдержать «порывъ», сдержать, между прочимъ, потому, что онъ «можетъ послужить поводомъ для торжества враговъ свободы»... Въ увѣщевательномъ воззваніи оппозиціонныхъ депутатовъ этотъ намекъ на какое-то возможное «торжество враговъ» такъ и остался непоясненнымъ, а потому мало понятнымъ, почти загадочнымъ. Развернуть его, примѣнить къ конкретному примѣру взялъ на себя трудъ кн. Евгеній Трубецкой. Московское студенчество, какъ и студенчество другихъ университетскихъ центровъ, пришло къ тому же рѣшенію, къ какому и петербургское. Полиція дѣйствовала противъ демонстрантовъ съ обычной для нея экспрессіей. Это вызвало новый протестъ уже противъ московской полиціи,—въ университетѣ была объявлена трехдневная забастовка. Когда она кончилась, выступилъ кн. Трубецкой. Онъ не разсматриваетъ, на сколько естественно чувство, вызванное дѣйствіями полиціи и приведшее до забастовкѣ. Но—утверждалъ онъ—это рѣшеніе подсказано провокаторами, и вотъ собственно почему оно провокаторамъ понадобилось. Правые открыли походъ противъ академической автономіи, внесли запросъ о злоупотребленіяхъ «свободой» въ высшихъ школахъ; правые предвидятъ, что оппозиція будетъ критиковать ихъ запросъ. И чтобъ затруднить для оппозиціи ея роль, чтобъ ослабить ея критику, они стараются производить въ университетахъ безпорядки. Когда у кн. Трубецкого потребовали доказательствъ, онъ отвѣтилъ, что у него ихъ нѣтъ; возможно даже, «въ худшемъ случаѣ», что имъ допущены фактическія «ошибки»; но вообще, по его мнѣнію, «забастовка выгодна только крайнимъ правымъ и газетѣ «Россіи», которые лицемѣрно негодуютъ противъ безпорядковъ въ высшей школѣ, а

*) „Рѣчь", 30 ноября.

въ душѣ радуются имъ» *). Оцѣнивать поведеніе кн. Трубецкова въ этомъ инцидентѣ не будемъ. Для насъ важнѣе уловить общій смыслъ лозунга: молчите, ибо «враги свободы» радуются...

Не знаю, «радуются» ли они. Но, судя по отзывамъ оффиціозной прессы, они органически не могутъ понять, почему собственно происходитъ «безпорядокъ»... Когда я пишу эти строки, почти вся студенческая Россія взволнована событіями въ вологодской и зерентуйской каторжныхъ тюрьмахъ. Сходки, забастовки, болѣе или менѣе демонстративное проявленіе чувствъ, вызванныхъ событіями, и, конечно, обычныя въ такихъ случаяхъ дѣйствія полиціи. И представьте, «Россіи» отлично извѣстно, почему это происходитъ: «профессіоналы революціи собрали силы и возобновили натискъ». Общественное мнѣніе Европы возмущено? Но для «Россіи» развѣ можетъ быть сомнѣніе, что это просто-на-просто масонская интрига? Всё устраиваютъ масоны, профессіоналы революціи, кучка коноводовъ, обладающая дьявольскимъ, таинственнымъ средствомъ подымать массы. И полагаю, съ точки зрѣнія г. Маркова, только гипотеза о масонахъ и профессіоналахъ можетъ сколько-нибудь удовлетворительно объяснить происходящее. Совѣсть г. Маркова не взволнована происходящимъ; чувства возмущенія у него нѣтъ,—наоборотъ, ему, по его словамъ, даже пріятно, что какихъ-то тамъ «арестантовъ» выпороли, какихъ-то «каторжниковъ» довели до самоубійства. Г. Маркову очень «понятно», почему лѣвые депутаты волнуются,—разумѣется, имъ боязно, что они попадутъ на каторгу, и съ ними будетъ поступлено, какъ съ нынѣшними каторжанами. Даже у людей, лично ему извѣстныхъ по дѣятельности въ Думѣ, г. Марковъ не видитъ никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ эгоистическихъ и шкурныхъ. Тѣмъ болѣе трудно для него представить морально чуждые ему мотивы массовыхъ явленій. Конечно, Марковыми не будетъ понятъ предостерегающій смыслъ того броженія, какое теперь начинаетъ прорываться наружу. Хозяевъ это ничему не научитъ. Ихъ образъ дѣйствія не смягчится; скорѣе наоборотъ...

Не знаю, радуются ли они... Думаю даже, что не очень. Событія развернулись раньше, чѣмъ окончены разговоры объ очередномъ займѣ. Появились было даже нѣкоторыя уступки европейскому общественному мнѣнію. И г. Хрулевъ увѣрялъ Европу, что въ нашихъ тюрьмахъ режимъ гуманный; и смертныя казни все-таки сокращены... Тамъ послѣ поста бываетъ и мясоѣдъ. Примѣрно, въ 1912 году можно бы и отпраздновать бородинскую годовщину. Но теперь не время. Кн. Трубецкой въ одномъ правъ: чуть только протестующее чувство вырвалось наружу, чуть только публика шевельнулась, и пошли аресты, обыски, высылки, штрафы, конфискаціи, усугубленныя «обязательныя постановленія» въ уни-

*) „Рѣчь", 1 декабря.

верситетахъ полиція, войска. Навѣрное, и «автономію» прекратятъ. Быть можетъ, и цензуру возстановятъ. Да ужъ и возстановили отчасти: стенограммами Государственной Думы подтверждено, что газетнымъ редакціямъ прямо приказываютъ,—не писать о студенческихъ сходкахъ, о резолюціяхъ, о мѣрахъ подавленія студенческихъ «безпорядковъ». И вотъ кн. Евгеній Трубецкой говоритъ:

— Ахъ, господа, если бы вы отказались отъ проявленія чувствъ, и, по моему мнѣнію, конечно, благородныхъ, естественно вытекающихъ изъ вашей моральной конструкціи, но непонятныхъ тѣмъ людямъ, которые...

А другую сторону убѣждаетъ г. Родичевъ:

— Совѣсть Европы, вотъ, вѣдь какъ реагируетъ. И совѣсть русскаго населенія такъ же. Кажется, ваша совѣсть иная. Ну, такъ хоть солгите, хоть для приличія скажите, что вы чувствуете то же, что и всѣ.

Мы къ ихней конструкціи приспособимся, они къ нашей, и выйдетъ мостъ,—правда, построенный изъ того матеріала, который г. Родичевъ называетъ ложью, а все таки... Люди уже чувствуютъ, что между двумя пунктами нуженъ какой-то мостъ. Это значитъ,—они чувствуютъ также, что между этими пунктами лежитъ пропасть. А разъ почувствовали, то скоро и сознаютъ. А когда сознаютъ, то сами поймутъ, что пропасти ни ложью, ни лицемѣріемъ, ни политиканствомъ, ни иными столь же эфемерными матеріалами не засыплешь.

Впрочемъ, по человѣчеству, мнѣ понятно желаніе построить между ними и нами хоть какой-нибудь мостъ, хоть изъ такого матеріала, какъ политиканство и лицемѣріе. Съ тревожнымъ и жуткимъ чувствомъ и пишу эти слова: между нами пропасть. И вообще-то не безмятежное и не безбѣдственное плаваніе предстоитъ кораблю, если его кормчіе даже сами готовы признать: не умѣемъ править, ничего у насъ не выходитъ. Но когда, сверхъ того, внутри корабля среди его экипажа обнаруживается моральная пропасть, то надо бояться худшаго. При первомъ же свѣжемъ вѣтрѣ взаимная чуждость и враждебность могутъ принять столь безпощадную форму, что пережитые нами усмирительные эксцессы временъ Трепова и Дурново покажутся пустякомъ,—какъ и теперь уже эксцессы временъ Плеве кажутся порою лишь блѣднымъ намекомъ на послѣдующее. Въ ту и другую сторону можетъ быть безпощадность. И кому не хотѣлось-бы, чтобъ чаша сія миновала насъ? Да вѣдь мало-ли чего хочется!

V.

«Въ теченіе второй половины настоящаго года были получены указанія, что революціонныя организаціи, собирая большія суммы денегъ, подготовляютъ массовые побѣги политическихъ арестантовъ въ особенности изъ тюремъ Нерчинской каторги. Эти данныя нашли себѣ подтвержденіе въ фактѣ обнаруженія яда *тіоколь*, отправленнаго въ большомъ количествѣ, въ посылкѣ изъ Иркутска въ Зерентуй каторжному внѣтюремнаго разряда. Ядъ этотъ, повидимому, предназначался для отравленія мѣстнаго надзора и конвойной команды, въ цѣляхъ устройства побѣга. Затѣмъ, на имя содержавшагося въ Зерентуйской тюрьмѣ Сазонова, осужденнаго за убійство министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, была получена посылка, въ которой среди предметовъ первой необходимости оказался учебникъ физики Краевича, въ корешкѣ переплета коего были обнаружены задѣланными 500 руб. кредитными билетами. Разслѣдованіемъ было установлено, что деньги эти предназначались для устройства побѣга, въ числѣ другихъ каторжныхъ, Маріи Спиридоновой, осужденной за убійство совѣтника тамбовскаго губернскаго правленія Луженовскаго. Указанныя обстоятельства побудили мѣстную тюремную администрацію усилить надзоръ въ тюрьмахъ Нерчинской каторги и обратить особенное вниманіе на пресѣченіе недозволенныхъ сношеній съ каторжнымъ міромъ.

«27 сего ноября начальникъ зерентуйской тюрьмы, на основаніи п. I ст. 275 уст. о ссыльн., призналъ необходимымъ подвергнуть тѣлесному наказанію каторжныхъ Сломянскаго и Петрова, послѣ чего, въ видѣ протеста каторжные арестанты Масловъ, Одинцовъ и Пухальскій порѣзали себѣ вены на рукахъ, арестанты же Михайловъ, Кунай и вышеупомянутый Сазоновъ отравились морфіемъ, отчего послѣдній и скончался. Независимо сего, почти всѣ каторжные, осужденные за государственныя преступленія, объявили голодовку, требуя отмѣны тѣлеснаго наказанія и другихъ ослабленій тюремнаго режима» *).

Такъ излагаетъ правительственное сообщеніе событія въ зерентуйской тюрьмѣ. На первый взглядъ между первой частью сообщенія и второй, излагающей, что случилось съ 27 ноября, нѣтъ никакой логическая связи. Но это на первый взглядъ. Правительство какъ будто не желаетъ стоять только на юридической почвѣ. Конечно, начальникъ тюрьмы имѣлъ «законное» право примѣнить тѣлесное наказаніе: 1 пунктъ 275 статьи. Однако, вообще совѣсть многихъ не мирится съ такими наказаніями, какъ розги. А въ данномъ случаѣ сугубо нельзя примириться. Ни для

*) „Новое Время“ 30 ноября.

кого не секретъ, на какой интеллектуальной высотѣ стоятъ въ Россіи обычно такъ называемые «государственные преступники». Что бы тамъ ни говорилъ законъ, но простое житейское чувство не можетъ терпѣть примѣненіе позорныхъ наказаній къ тѣмъ отпрыскамъ образованнаго русскаго общества, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе становятся на мѣсто декабристовъ и петрашевцевъ. Напоминаютъ вѣдь о себѣ тѣни Пестелей, Трубецкихъ, Безстужевыхъ, Одоевскихъ, Достоевскихъ... И правительство резонно переноситъ вопросъ на почву житейскихъ, обыденныхъ отношеній. Были свѣдѣнія, что подготовляется побѣгъ. Вѣрны они или не вѣрны, — вопросъ иной. Но вообще это бы полъ-горя. Такова ужъ тюремная обстановка, что начальство можетъ добросовѣстно повѣрить вздорному измышленію любого «филера» относительно яко-бы подготовляемаго побѣга. Но какія ужасныя, безчеловѣчныя средства замышлялось употребить. Удалось захватить поличное: «ядъ тіоколь», и при томъ «въ большомъ количествѣ». По разслѣдованію признано, что этимъ ядомъ заключенные, «повидимому», хотѣли отравить тюремную стражу. Конечно, послѣдняя была объ этомъ освѣдомлена: она же вѣдь и нашла ядъ, она и установила, для чего онъ предназначался. Пусть же каждый здравомыслящій человѣкъ разсудитъ,—какъ могла, какъ должна была она относиться къ такимъ арестантамъ! Какими глазами она смотрѣла на людей, которые замышляли ее отравить! И, конечно, замышляютъ,—продолжаются, вѣдь, «недозволенныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ», и, навѣрное, съ цѣлью достать снова ядъ для отравы. При такихъ условіяхъ, очевидно, шла борьба за жизнь и смерть. Стража могла видѣть въ заключенныыхъ прежде всего своихъ личныхъ и безчеловѣчныхъ враговъ. Въ тюрьмѣ долженъ былъ водвориться адъ. И въ концѣ концовъ начальникъ примѣнилъ позорное, волнующее всѣхъ насъ, но, по мнѣнію правительства, заслуженное отравителями средство. А если и незаслуженное, то извинительное: трудно было начальнику тюрьмы соображать средства противъ людей, которые, можно думать, и его собирались отравить.

Эта житейская связь между попыткой отравы и послѣдующими событіями было бы понятна, если бы правительство въ своемъ сообщеніи назвало какой-либо другой ядъ. Написать какое-либо другое слово: ціанистый кали, стрихнинъ, мышьякъ, кураре, ничего вѣдь не стоило. Еще проще было опустить названіе яда. Обнаруженъ ядъ, а какой,—не все ли равно? «Тіоколь» же—классическое и при томъ весьма популярное средство противъ извѣстныхъ легочныхъ болѣзней. Его «ядовитыя» свойства до сихъ поръ никому не были извѣстны. Ихъ впервые открыло русское правительство. И хоть открытіе это опубликовано и въ Россіи, и за границей, но наукой оно рѣшительно отвергнуто... Написали «тіоколь», хотя могли написать и «стрихнинъ». И выводы получаются совсѣмъ не

тѣ, какіе желательны правительству. Къ нашему житейскому опыту и здравому смыслу обратились авторы сообщенія. Въ качествѣ одного изъ многихъ обывателей, приглашенныхъ оффиціальнымъ сообщеніемъ вдуматься, при какой обстановкѣ произошло волнующіе насъ событіе, я стараюсь понять, какъ, въ самомъ дѣлѣ, и что происходило. И моя мысль невольно останавливается прежде всего на «тіаколѣ».

Въ Зерентуѣ, Акатуѣ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ каторжныхъ и некаторжныхъ тюрьмахъ сильно развиты легочныя болѣзни. Онѣ всегда были сильно развиты. Но теперь—это намъ извѣстно даже изъ оффиціальныхъ отчетовъ тюремнаго вѣдомства—многое измѣнилось къ худшему. Тюрьмы переполнены. Не знаю точныхъ цифръ относительно Зерентуя. Но въ Акатуѣ, напримѣръ, около года тому назадъ въ камерѣ на 14 человѣкъ сидѣло 30, въ одиночкахъ 3 шага длины и 3 ширины помѣщалось по двое. Почти половина заключенныхъ спитъ на полу, такъ какъ на нарахъ мѣста не хватаетъ. Воздуха едва $^1/_2$ куб. сажени на человѣка. При этомъ прогулки сокращены до небывалой крайности. И есть какая-то странная система въ этомъ сокращеніи. Предо мною частныя свѣдѣнія относительно того же Акатуя: «однажды все лѣто были лишены прогулки» за то,—что не привѣтствовали начальника крикомъ: «здравія желаемъ», «другой разъ всю зиму не гуляли, потому что начальникъ отобралъ на зиму халаты»... Словомъ, все складывается такъ, чтобъ въ особенности были поражены легкія. И тѣмъ не менѣе «тіоколь» тюремному вѣдомству неизвѣстенъ, до такой степени неизвѣстенъ, что вотъ его объявили на всю Европу «ядомъ»...

Но пусть тюремное вѣдомство не освѣдомлено. Заключенные, очевидно, знаютъ, что такое тіоколь. Да и какъ не знать,—среди нихъ есть и бывшіе студенты-медики, бываютъ среди нихъ и врачи. Хоть нѣкоторые изъ нихъ могли бы «выписать» это лѣкарство и на свои средства. Но передо мною опять данныя относительно того же Акатуя: «прежде разрѣшалось своими деньгами... дѣлиться съ товарищами; теперь ничего этого нѣтъ, сколько бы ты ни имѣлъ и какъ бы ни нуждались твои товарищи,—тратить разрѣшается не болѣе 4 р. 20 коп. въ мѣсяцъ и всякая взаимопомощь преслѣдуется». 4 р. 20 коп. — такая сумма, изъ которой, за вычетомъ расходовъ на чай, сахаръ, табакъ, почтовыя марки, мыло, всякую прочую мелочь, даже «на улучшеніе пищи» врядъ ли что останется. Да это теперь и запрещено. О выпискѣ лѣкарствъ и думать нечего. Это въ Акатуѣ. И относительно Зерентуя правительство сообщаетъ: тіоколь выписанъ «каторжникомъ *внѣтюремнаго* разряда». Значитъ изъ «вольной команды». И выписанъ тайкомъ отъ начальства. Почему тайкомъ? Вообще что ли запрещено пріобрѣтать лѣкарства? Казенныя тюремныя аптеки общественныхъ лѣкарствен-

ныхъ средствъ не имѣютъ, а выписка ихъ заключенными на свои средства безусловно не допускается,—такъ, что ли?

Коробка попадаетъ въ руки начальства. На ней надпись: «тіоколь». Кому-то первому приходитъ въ голову, что это—ядъ. Кто-то вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ выводъ: «это они хотятъ всѣхъ насъ отравить». Предположеніе быстро переходитъ въ увѣренность. И... какъ же тюремная стража, узнавъ, что ее хотятъ отравить, поступила прежде всего съ тѣмъ «каторжникомъ внѣтюремнаго разряда», которому была адресована посылка? Что съ нимъ, съ несчастнымъ, сдѣлали? Не можетъ быть, чтобъ мѣстное начальство оставило безнаказаннымъ человѣка, замышлявшаго столь ужасное преступленіе. И если заключенные знали, что наказанію подвергается ихъ товарищъ, обвиняемый въ покушеніи отравить стражу тіоколемъ, то какъ они себя чувствовали? Какими способами старались разъяснить начальству его ошибку? Вѣдь не можетъ быть, чтобъ они не старались. И что имъ за происходившее отсюда «нарушеніе дисциплины» было? Затѣмъ,—дѣйствительно, въ тюрьмѣ должны были возникнуть жуткія отношенія,—и при томъ гораздо болѣе жуткія, чѣмъ даютъ понять авторы правительственнаго сообщенія. По сообщенію, тіоколь таки ядъ, значитъ, заключенные должны чувствовать свою вину, должны признавать, что стража имѣетъ основаніе смотрѣть на нихъ, какъ на личныхъ враговъ. Въ дѣйствительности-то заключенные—сторона, обвиняемая и подозрѣваемая единственно по невѣжеству обвинителей. Они не могутъ признать себя виновными въ намѣреніи отравить кого-бы то ни было тіоколемъ, но не могутъ и оправдаться. Имъ не вѣрятъ. Да и какъ могла стража повѣрить? Въ Петербургъ донесено, и въ Петербургѣ высшимъ начальствомъ признано,—не подлежитъ сомнѣнію, ядъ. А высшее начальство—тотъ народъ ученый,—не хуже, чай, Сазоновыхъ и Спиридоновыхъ понимаетъ, что ядъ, а что не ядъ.

Да, Зерентуй при такихъ условіяхъ долженъ былъ стать адомъ. Но вѣдь есть же въ главномъ тюремномъ управленіи врачи. Отчего же начальникъ этого управленія г. Хрулевъ не справился у нихъ, что такое тіоколь? Да и въ Иркутскѣ, откуда этотъ препаратъ присланъ въ Зерентуй, есть врачи. Можно вѣдь было и у иркутскихъ врачей мѣстному начальству справиться; можно было справиться если не у врачей, то хоть у иркутскихъ аптекарей. Въ качествѣ одного изъ обывателей, къ житейскому опыту и здравому смыслу которыхъ адресовано сообщеніе, я знаю, конечно, общій порядокъ направленія канцелярскихъ бумагъ. Онѣ могли пройти отъ столоначальника къ столоначальнику, мимо врачей; могли попасть къ врачамъ лишь при особой любознательности административнаго начальства. Но, казалось бы, какъ не проявить любознательность въ столь отвѣтственномъ дѣлѣ? Вѣдь должно же было начальство понимать, что для заключенныхъ наступаетъ адъ. Какъ

же не справиться, заслужили они этого или не заслужили. Простая справка,—и недоразумѣніе выяснилось бы. И, быть можетъ, не было бы трагическаго финала. Оказывается, однако, что и теперь, когда русскому правительству объяснили уже, что такое тіоколь, обвиненіе въ попыткѣ отравить съ заключенныхъ Зерентуйской тюрьмы не хотятъ снять. «Россія» напримѣръ, пишетъ: «а вдругъ будетъ произведенъ, дѣйствительно, серьезный химическій анализъ, и окажется, что тіоколь въ извѣстныхъ сочетаніяхъ является ядомъ?»... Ужъ лучше бы «частная» молчала. Эдакъ и кулекъ съ сахаромъ можно назвать бомбой, потому что и сахаръ—«въ извѣстныхъ химическихъ сочетаніяхъ»—«является» взрывчатымъ веществомъ. Неужели оффиціозу непонятно, что этой настойчивостью онъ открываетъ дорогу для подозрѣній въ склонности умышленно натравливать тюремную стражу противъ заключенныхъ? Можно вѣдь, и такъ сказать: потому и сталъ тіоколь ядомъ, что кому-то и для чего-то надо было превратить Зерентуй въ адъ. На мѣстѣ «Россіи» умнѣе было бы не подсказывать эти вопросы.

Совершенно правильно, повторяю, авторы сообщенія переносятъ вопросъ на почву житейскихъ отношеній. Дѣйствительно, когда рѣчь идетъ о примѣненіи розогъ къ политическимъ заключеннымъ, одной формальной ссылкой на статью закона ничего не докажешь. Иное дѣло, если это не столько политическіе преступники, сколько люди, замыслившіе массовое отравленіе чиновъ тюремной стражи и конвойной команды. И не будь приведено названіе «яда», или будь оно измѣнено, на обывателей, не склонныхъ вдумываться въ детали, было бы, несомнѣнно, произведено извѣстное впечатлѣніе. Однако, помѣшало авторамъ не только слово: «тіоколь». Имъ одновременно пришлось писать сообщеніе относительно вологодской каторги, гдѣ наказанію розгами подвергнуты сразу 59 человѣкъ, и для этого, оказывается, не нужно было ни яду, ни напряженной обстановки, когда одна сторона подозрѣвается въ умыслѣ отравить, а другая естественно желаетъ, чтобъ ее не отравили.

По словамъ авторовъ сообщенія, вологодское дѣло началось такъ: *15 ноября* «арестанты каторжнаго разряда отказались выйти на работы въ мастерскія, требуя замѣны назначенной по случаю Рождественскаго поста постной пищи скоромною. Несмотря на увѣщанія тюремной администраціи, отказъ отъ работъ продолжался *четыре* дня и былъ прекращенъ только вслѣдствіе угрозы примѣнить тѣлесное наказаніе». 15 ноября — какъ разъ начало Рождественскаго поста. И для насъ не совсѣмъ понятно, почему собственно этотъ постъ, прежде и въ тюрьмахъ не обязательно соблюдаемый, теперь рѣшено соблюдать во что бы то ни стало—подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Опять мы подходимъ къ странному, но систематическому воздѣйствію на желудки заключенныхъ. Прежде разрѣшали покупать на свои средства и на артельныхъ началахъ припасы для улучшенія пищи. Теперь запрещаютъ.

Прежде не ограничивали расходъ собственныхъ арестантскихъ денегъ на питаніе. Теперь, какъ мы уже видѣли, въ Акатуѣ опредѣленъ максимумъ мѣсячнаго расхода: 4 р. 20 коп. Сверхъ того, и постная пища оказывается безусловно обязательной, хотя люди-то разные: одни ее даже любятъ, на желудки другихъ она дѣйствуетъ удручающе. И, конечно, если въ камерѣ есть нѣсколько человѣкъ, желудки которыхъ тюремной постной пищи не выносятъ, то и вся камера—мы говоримъ, конечно, о политическихъ—будемъ настаивать на скоромной пищѣ. Въ такихъ случаяхъ именно тотъ, кто лично не имѣлъ бы ничего противъ поста, особенно настойчиво хлопочетъ за болѣе слабаго товарища. Для насъ, обыкновенныхъ людей, это такъ понятно, просто и человѣчно. Но тюремная администрація смотритъ иначе: она уже за одно это грозитъ розгами.

«Увѣщанія» и угрозы тянутся *4 дня*. Все это время, по сообщенію, арестанты отказываются отъ постной пищи,—стало быть, и не ѣдятъ ее. Питались ли они въ это время однимъ хлѣбомъ, или въ тюрьмѣ была полная голодовка, — объ этомъ правительственное сообщеніе умалчиваетъ. Его авторы пишутъ: угрозами примѣнить розги сопротивленіе было сломлено и тотчасъ же «*19 ноября* работы въ тюрьмѣ возобновились, но, при отправкѣ въ карцеръ одного арестанта содержащіеся съ нимъ каторжане произвели массовые безпорядки, выразившіеся въ крикѣ, шумѣ, ломаніи дверей, сопротивленіи надзору, вслѣдствіе чего за указанные проступки 59 каторжныхъ были наказаны розгами по распоряженію тюремной инспекціи». За что «одного арестанта» отправляли въ карцеръ,—тоже не объяснено. Будемъ надѣяться, что это не былъ голодавшій, и ослабленный голодовкою до физической невозможности исполнить приказъ: «иди на работу». Если же на это не надѣяться, то «массовые безпорядки» получаютъ весьма простое объясненіе, и за то, что они произошли, надо наказывать прежде всего не заключенныхъ. Видимо, и сами авторы сообщенія чувствуютъ, что въ картинѣ, представляемой ими, не все ладно: въ Вологду—пишутъ они—командированъ помощникъ начальника главнаго тюремнаго управленія; «независимо сего», прокурорамъ поручено произвести «всестороннее разслѣдованіе».

Но пока прокуроры разслѣдуютъ, намъ все таки приходится обдумывать обращеніе правительства къ нашему житейскому опыту и здравому смыслу. Одного отправляютъ въ карцеръ,—дѣло въ тюрьмѣ обыкновенное и привычное. Тѣмъ не менѣе вся, повидимому, политическая часть тюрьмы начинаетъ кричать, шумѣть, ломать двери. И много вѣдь ихъ, «политиковъ», въ Вологдѣ,—59 человѣкъ только розгами наказаны, а были же, вѣроятно, и такіе, которыхъ врачъ не призналъ способными вынести это наказаніе. Чуть не сотня людей приходитъ въ чрезвычайное волненіе, когда одного отправляютъ въ такое обыкновенное мѣсто, какъ карцеръ. Почему,

откуда такая нервность, эта неспособность привыкнуть къ обыкновеннымъ тюремнымъ эпизодамъ?

Да, карцеръ—обыкновенный тюремный эпизодъ. Но... предо мною все тѣ же данныя объ Акатуйской каторгѣ. Политическій Владимірскій отправленъ въ карцеръ на 10 дней, — этотъ срокъ въ Акатуѣ сталъ нормальнымъ. Владимирскій находитъ, что наказаніе наложено на него несправедливо и объявляетъ голодовку. Хлѣбъ и вода остаются нетронутыми. На пятыя сутки Владимирскаго, впавшаго въ безпамятство, уносятъ въ лазаретъ. «Горломъ идетъ кровь. Въ лазаретѣ приводятъ Владимирскаго въ чувство, держатъ недѣли двѣ, и когда онъ поправляется такъ, что можетъ ходить, его снова отправляютъ въ карцеръ, досиживать срокъ. Черезъ четыре дня повторяется то же самое,—Владимирскаго, почти умирающаго, несутъ въ лазаретъ. На губахъ запекшаяся кровь, кандалы свѣшиваются до полу»... «Теперь я узналъ—пишетъ бывшій заключенный той же Акатуйской тюрьмы—что Владимирскій окончательно не выдержалъ режима и скончался». Авторъ письма утверждаетъ, что это случай не единичный. Въ подтвержденіе онъ называетъ фамилію еще одного заключеннаго (инженеръ Свѣжинскій), который тоже отсиживалъ нормальные 10 дней карцера въ 2 пріема: перенесли въ лазаретъ, поправили и опять въ карцеръ. И хоть случаи вовсе не единичные, однако самъ же авторъ письма добавляетъ, что акатуйцы къ нимъ не могутъ привыкнуть. И, между прочимъ, во время карцернаго сидѣнія Владимирскаго и Свѣжинскаго «вся тюрьма протестовала, отказавшись отъ прогулки, а нѣкоторые присоединились и къ голодовкѣ».

И мы, обыватели, не сидящіе въ данный моментъ въ тюрьмахъ, разсуждающіе вчужѣ, со стороны, можетъ быть, и привыкли бы къ этому обыкновенному придатку тюремнаго быта, если бы карцеры не были мѣстами, нарочито сырыми, холодными, темными и вонючими, если бы въ нихъ не заключали людей на сроки, опасные для здоровья и жизни, если бы не было тѣхъ особенныхъ пріемовъ обращенія съ «карцерными», которые, правда, наблюдаются почти всюду, но отъ которыхъ тѣмъ не менѣе жутко. А не знать этихъ пріемовъ нельзя. Слишкомъ всенароднымъ учрежденіемъ стала наша тюрьма. Почти 250 тысячъ заключенныхъ; это вѣдь, значитъ, что у нихъ «на волѣ» нѣсколько милліоновъ родныхъ, друзей, знакомыхъ. А что знаютъ нѣсколько милліоновъ людей, того не скроешь. Даже въ русскія газеты, несмотря на систему штрафовъ и конфискацій, правда-то просачивается. Читали, слышали, знаемъ. А потому и привыкнуть не можетъ. Силъ человѣческихъ не хватаетъ на то, чтобъ привыкнуть. И вотъ хоть и не знаешь доподлинно, что такое вологодскій карцеръ, и какъ тамъ съ людьми обращаются, но простое человѣческое чувство подсказываетъ: видно, хорошее это мѣсто, если оно людей такъ волнуетъ!

Мы вчужѣ и со стороны не можемъ не нервничать. Но когда спрашиваешь: какъ бы я держалъ себя на мѣстѣ вологодскихъ каторжанъ, только что вынесшихъ 4-дневную, хотя, быть можетъ, и неполную голодовку и отправляемыхъ тѣмъ не менѣе на работу, то невольно начинаешь лучше понимать, какъ получилось то «преступленіе», которое вызвало массовую экзекуцію. А вѣдь, чтобъ понять преступленіе, надо именно представить себя на мѣстѣ преступника, умозрительно войти въ его положеніе. Но для этого надо взять не только голодовку. Надо взвѣсить всю вообще обстановку современнаго намъ русскаго тюремнаго быта. Беру для примѣра письмо того же бывшаго заключеннаго Акатуйской тюрьмы, годъ назадъ отпущеннаго оттуда. Сидящіе въ одиночныхъ камерахъ «обыскиваются *пять разъ* въ день ежедневно; каждый день *пять разъ* раздѣвайся, снимай обувь, показывай голыя ноги, давай ощупывать себя всего... Къ тому же надзиратели, если и грубы въ общихъ камерахъ, то все таки сдерживаются видя предъ собою» 30 человѣкъ. Другое дѣло въ одиночкѣ»... Обращеніе со всѣми политическими на *ты*. Отняты ремни для ношенія кандаловъ: все время «холодное желѣзо на голомъ тѣлѣ». Многіе, сверхъ того, закованы въ наручни. Наручни—это «цѣпь съ тяжелымъ стальнымъ замкомъ по серединѣ»; она «на столько коротка, что дальше, чѣмъ на 1/4 аршина, рукъ развести нельзя». Даже ѣсть можно только двумя руками: «подносишь обѣ руки съ ложкой ко рту, а замокъ по зубамъ». И въ наручняхъ людей теперь держатъ годами,—на глазахъ у товарищей. Въ переполненныхъ камерахъ воздухъ ужасный, но къ окну подойти нельзя: стрѣляютъ. Случаи стрѣльбы не рѣдки. И это годъ тому назадъ; а смягчался за послѣднее время или ожесточался, пояснять едва ли нужно. Умышлено опускаю разсказы о прямыхъ злоупотребленіяхъ властью, о мелкихъ повседневныхъ придиркахъ, подчеркнутыхъ желаніяхъ унизить человѣка, эксцессахъ, побояхъ, примѣненіяхъ оружія. Что ужъ говорить объ эксцессахъ и злоупотребленіяхъ! Хорошъ и нормальный «законный» порядокъ. Онъ такъ премудро устроенъ, заключенные, благодаря ему, должны быть доведены до такого состоянія, что въ любое время и каждый, кому лично нравится надругательство надъ «политическими», или кто ждетъ награды за надругательство надъ ними, можетъ создать поводъ для примѣненія ихъ.

«Когда я — пишетъ тотъ же бывшій акатуевецъ — попалъ на свободу, я первое время никакъ не могъ понять, какъ это люди могутъ спокойно жить, смѣяться, ѣсть, пить, спать, когда въ этотъ моментъ въ тюрьмахъ»... «Я и вамъ пишу — обращается онъ къ адресату — и боюсь, что, прочитавъ мое описаніе, вы скажете: что жъ, особеннаго ничего нѣтъ, бываетъ и хуже,—вотъ въ такой то тюрьмѣ»...

Къ несчастью,—да, бываетъ и хуже: прочтите правительственное сообщеніе.

«Русскія Вѣдомости» напомнили, что уже не первый разъ въ Россіи происходитъ изложенное въ этомъ сообщеніи:

«21 годъ тому назадъ въ политической каторжной тюрьмѣ на Карѣ... по распоряженію генералъ-губернатора бар. Корфа, была подвергнута тѣлесному наказанію политическая каторжанка Надежда Сигида. Тюремный врачъ призналъ, что она наказанія вынести не можетъ, и отказался присутствовать при экзекуціи, но экзекуція тѣмъ не менѣе послѣдовала. Сигида лишь нѣсколькими часами пережила унизительное наказаніе, какому ее подвергли; потрясенная позорной расправой, она въ ту же ночь скончалась. За нею послѣдовали въ могилу три другія политическія заключенныя: М. В. Калюжная, М. П. Ковалевская и Н. С. Смирницкая. Онѣ... были неспособны жить подъ угрозой такого наказанія. Онѣ предпочли смерть... Мужское населеніе каторги, узнавъ о томъ, что произошло среди женщинъ, послѣдовало ихъ примѣру, и 14 человѣкъ приняли ядъ... Доза опіума оказалась слишкомъ слабой, и всѣ отравившіеся остались въ живыхъ. На слѣдующую ночь послѣдовала новая попытка отравленія уже морфіемъ. Въ тюремной аптекѣ всѣ препараты были плохого качества, на большинство отравившихся не дѣйствовалъ и морфій, но двое изъ нихъ С. Н. Бобоховъ и И. В. Калюжный, принявшіе тройную дозу морфія, достигли своей цѣли» *).

«Времена были тогда глухія». Тѣмъ не менѣе карійская трагедія получила огласку, нашла достойный отзывъ, въ особенности за границей. Баронъ Корфъ понялъ, какъ дѣйствуютъ такія мѣры на моральное чувство обыкновенныхъ культурныхъ людей въ Россіи и внѣ Россіи. Можетъ быть, и даже вѣроятно, его моральное чувство было иное. Но онъ «смущенно обѣщалъ, что больше тѣлесныя наказанія къ политическимъ не будутъ примѣняться». 21 годъ назадъ баронъ Корфъ все таки смутился. И всѣ, отъ кого зависѣло выполнять данное имъ обѣщаніе, хотя бы теоретически признали, что нельзя до такой степени оскорблять моральное чувство, хотя бы и непонятное и чуждое для нихъ. И теперь обыкновенные люди въ Россіи и за границей по существу такіе же, какъ и тогда, и такъ же, какъ и тогда, до крайности оскорблено ихъ моральное чувство. А «они»... Правительство опубликовало свое «сообщеніе». Дума большинствомъ отвергла спѣшность запроса. Марковъ и октябристъ Люцъ произнесли рѣчи, о которыхъ лучше молчать. «Они» не поняли да, видимо, и не понимаютъ, что собствеяно оскорбляетъ всѣхъ насъ, обыкновенныхъ людей. Больше того, — они уже не смущаются, что обыкновенное, человѣческое чувство имъ чуждо... Все развивается, даже аномаліи: два десятилѣтія прошли не даромъ.

---

20 ноября скончался Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа надѣлила неутолимой жаждой общественнаго дѣла на благо народа и «угораздила» родиться въ Россіи. При всемъ трагизмѣ этого противорѣчія, у покойнаго до-

*) «Русскія Вѣдомости», 1 декабря.

стало энергіи и душевныхъ силъ бороться до конца. И онъ могъ бы съ полнымъ правомъ сказать о себѣ: жилъ не даромъ. Не даромъ жилъ, и до послѣднихъ дней сохранилъ бодрость духа и вѣру въ будущее. Его сознательная жизнь, а вмѣстѣ и первые шаги общественной дѣятельности, начались какъ разъ на переломѣ отъ свѣтлаго промежутка 1861—63 гг. къ реакціи послѣдующихъ лѣтъ (родился въ 1845 г.). Общественное дѣло сводилось въ значительной мѣрѣ къ тому, чтобъ отстоять то, что отнимаютъ назадъ. И уже одно это до нѣкоторой степени предопредѣляло ближайшую судьбу такихъ начинающихъ жить людей, какимъ былъ Петръ Өедоровичъ. Едва кончивъ университетъ, подготовляясь къ магистерскому экзамену, онъ былъ арестованъ, какъ членъ каракозовской «Организаціи», и преданъ верховному уголовному суду. Была возможность отдѣлаться сравнительно легкимъ наказаніемъ, и защитникъ хотѣлъ даже этой возможностью воспользоваться. Но Петръ Өедоровичъ предпочелъ мужественное поведеніе на судѣ и заплатилъ за это восьмилѣтними каторжными работами, потомъ долгой ссылкой въ Якутской области; всего въ общей сложности на расплату за мужественное поведеніе на судѣ ушло почти 20 лѣтъ—возвращенъ П. Ө. въ Россію только въ серединѣ 80-хъ годовъ. По возвращеніи онъ отдается напряженному литературному труду: неутомимо переводитъ цѣлый рядъ капитальныхъ книгъ для издательства Павленкова, ведетъ ежемѣсячные обзоры періодическихъ изданій въ «Русской Мысли», не забываетъ и общественной дѣятельности, и его, разумѣется, не забываютъ... привлекать,—то по дѣлу объ укрывательствѣ нелегальнаго, то по дѣлу о журналѣ «Самоуправленіе». Тѣмъ временемъ возникаетъ и болѣе серьезное «дѣло»: о принадлежности къ подпольной организаціи: «Народное Право». И для Петра Өедоровича снова наступаютъ годы ссыльныхъ и поднадзорныхъ скитаній, вперемежку съ литературной и общественной работой: изъ Одессы во Владиміръ, изъ Владиміра въ Черниговъ...

Трогательную черту Петра Өедоровича отмѣчаетъ, по своимъ воспоминаніямъ, г. Н. І. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: покойный обладалъ даромъ собирать вокругъ себя молодежь. Въ скромное жилище поднадзорнаго молодежь проникала, «несмотря на всѣ препоны и рогатки».

«До сихъ поръ — пишетъ г. Н. І. — я помню... долгіе зимніе вечера. Тѣсная комнатка вся полна; многимъ сидѣть не на чемъ; накурено. Свѣтъ отъ лампы почти меркнетъ. Что нибудь читается: «Историческія письма» Лаврова, главы изъ сочиненія Уорда («Динамическая Соціологія»), Летурно («Эволюція религіи»), что-нибудь другое. Послѣ чтенія начинается бесѣда. Много семинаристовъ. Они, видимо, захвачены прочитаннымъ... Мы, гимназисты, тоже очарованы новымъ строемъ мысли. Бесѣда переходитъ къ другимъ предметамъ, захватывается современность, трактуются факты русской общественности, настоящее связывается съ прошлымъ. Открываются новые горизонты, которые увлекаютъ и уносятъ къ другимъ бе-

регамъ. По лѣтамъ П. Θ. жилъ на дачѣ, въ деревушкѣ... верстахъ въ 10 отъ Владиміра. Мы, юнцы, совершали туда паломничество. Вооружившись книгами, мы гурьбой забирались съ П. Θ. въ лѣсъ, и тутъ на просторѣ бесѣды шли непринужденнѣе и свободнѣе. Не было страха, что вотъ-вотъ раздастся тревожный звонокъ, и бесѣдѣ будетъ положенъ конецъ» *).

А «тревожные звонки» частенько таки безпокоили Петра Θедоровича и во Владимірѣ, и въ другихъ пунктахъ...

И еще черта по воспоминаніямъ о покойномъ, напечатаннымъ въ «Кіевскихъ Вѣстяхъ». Петръ Θедоровичъ живетъ въ Черниговѣ, боленъ, никуда не выходитъ изъ квартиры.

«Подошли выборы въ городскую думу. Прогрессивные избиратели чувствовали себя очень слабыми. Черная опасность была сильна... Былъ дорогъ каждый прогрессивный избиратель. И П. Θ., имѣвшій избирательскій цензъ,... больной. слабый, опираясь на палку... появился въ залѣ городской думы», чтобы подать голосъ. «Когда онъ прошелъ передъ урнами,... въ залѣ стало тихо, лица сдѣлались серьезными. Какъ сама совѣсть стоялъ въ залѣ этотъ старикъ, опираясь на палку» **).

Въ Черниговѣ и умеръ этотъ мужественный гражданинъ, энергію котораго не могли сломить никакія невзгоды, щедро усѣявшія его жизненный путь.

А. Петрищевъ.

Двѣ встрѣчи.

(Петръ Францевичъ Лесгафтъ 1871—1907).

Петръ Францевичъ Лесгафтъ занимаетъ въ моей душѣ совершенно особенное, исключительное по своему значенію, мѣсто. Это обусловливается не длительностью личнаго знакомства, не числомъ дней или часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ. Внутренній смыслъ нашихъ встрѣчъ—вотъ въ чемъ дѣло.

Мнѣ было 19 лѣтъ, когда осенью 1871 года я вошла въ анатомическій театръ Казанскаго Университета, чтобы просить профессора анатоміи П. Ф. Лесгафта о допущеніи меня къ слушанію его лекцій. Насъ было двое—я и моя сестра, Лидія.

Стремленіе женщинъ къ университетскому образованію въ то время было еще совсѣмъ ново, и въ Казани—мы были первыми, стучавшимися въ университетскія двери.

*) «Русскія Вѣдомости», 26 ноября.

**) «Кіевскія Вѣсти», 23 ноября.

Правда, къ тому времени Суслова уже получила въ Цюрихѣ докторскій дипломъ. Извѣстіе объ этомъ въ журналѣ «Дѣло» и дало мнѣ указаніе, въ какую сторону идти.

Не мысль о долгѣ народу, не рефлектирующая совѣсть кающагося дворянина побудили меня учиться, чтобъ сдѣлаться врачемъ въ деревнѣ. Въ 1869 году я кончила въ Казанскомъ Родіоновскомъ Институтѣ. Мой умъ, по выходѣ изъ него, былъ совершенно свободенъ отъ подобныхъ идей. Онъ былъ дѣвственной почвой, но такою, на которой могло возрости уваженіе къ наукѣ, къ знанію, и стремленіе къ общественности и общественной дѣятельности.

И онѣ возросли отъ сѣмянъ, намѣренно, а частью ненамѣренно брошенныхъ окружающими.

Моей матери, которая въ дѣтствѣ почти не получила образованія, но путемъ самостоятельнаго труда и работы надъ собой достигла высотъ духовнаго развитія и была интеллигентнымъ человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ слова,—я обязана тѣмъ, что тотчасъ по выходѣ изъ института стала работать умственно. Мать дала мнѣ лучшіе журналы того времени: «Отечественныя Записки» и «Дѣло», а въ ея библіотекѣ я нашла «Современникъ» и «Слово».

По ея же настоянію я стала читать книги на иностранныхъ языкахъ (Шиллера, Гёте).

Моей классной дамѣ, умной и энергичной П. А. Черноусовой, я обязана тѣмъ, что услышала слова, навсегда запечатлѣвшіяся въ умѣ и имѣвшія громадное моральное значеніе въ моей жизни. Какъ-то разъ, обращаясь не ко мнѣ, а къ другой воспитанницѣ, она, дѣлая ей выговоръ за лѣность, съ подчеркнутымъ выраженіемъ сказала: «Вы думаете—выйдете изъ института и конецъ ученью. Нѣтъ! ученье никогда не можетъ кончиться. Всю жизнь, вплоть до могилы—надо учиться!»...

Эти случайно слышанныя слова, ихъ глубокій смыслъ тогда же бросили пучекъ свѣта въ мой умъ. Я не могла забыть ихъ и не забыла.

Избытокъ жизненныхъ силъ, не сознанныхъ, но пронизывавшихъ все существо, волновалъ меня, и радостное ощущеніе свободы послѣ четырехъ стѣнъ закрытаго учебнаго заведенія—рвалось наружу. Вотъ это-то преизбыточно радостное настроеніе перваго вступленія въ жизнь и было истиннымъ источникомъ моихъ альтруистическихъ стремленій. Повышенный душевный тонъ требовалъ дѣятельности, и жизнь безъ проявленія своей личности во внѣ—была немыслима.

То обстоятельство, что, сравнивая себя со своими подругами, я, вѣрно или невѣрно, но считала себя поставленной въ особенно счастливыя условія, внѣшнія и внутреннія... то, что я была, какъ мнѣ казалось, наиболѣе любимой всѣми среди всѣхъ—трогало меня и вызывало нѣжное чувство признательности, неопредѣленное по своему объекту. Признательность къ кому? Къ подругамъ, которыя любили

и не завидовали? Къ учителямъ, которые отстаивали и отстояли мое первенство?.. Къ отцу и матери, которые послѣ суроваго спартанскаго дѣтства окружили чуткой заботливостью обо всемъ, что можетъ плѣнить только что выпущенную институтку?.. Къ солнцу, которое золотило поле? Къ звѣздамъ, которыя сіяли надъ темнотою сада?!.. Это была признательность—вообще; не признательность къ кому-нибудь въ частности, но признательность ко всѣмъ и за все.

За блага міра, за блага жизни хотѣлось отблагодарить кого-то. Сдѣлать что-нибудь хорошее... такое хорошее, чтобъ и тебѣ, и другому хорошо стало.

Въ одномъ разсказѣ Ожешко говорится, что стоитъ Мадонна на вершинѣ храма и простерла руки къ міру. И отъ этихъ рукъ, протянутыхъ къ незримымъ слезамъ обездоленныхъ, струятся золотыя нити, освѣщаютъ и согрѣваютъ всѣхъ, кто нуждается въ любви и состраданіи.

Не есть ли это изображеніе счастливаго настроенія каждой здоровой молодой души, вступающей въ жизнь при радостныхъ предзнаменованіяхъ?

Не испытывалъ ли каждый такого періода, когда, безъ умствованій и самоугрызенія, — такъ, просто, хочется, стоя на вершинѣ храма, сыпать золото добра вокругъ себя? Хочется, чтобъ окружающее было въ гармоніи съ тобой... было здорово, весело, красиво и сильно...

... А кругомъ—была деревня. Была грязь и бѣдность, была болѣзнь и невѣжество.

И золотая нить протянулась отъ Сусловой ко мнѣ, а потомъ пошла дальше, къ деревнѣ, къ ея обитателямъ, чтобъ позже протянуться еще далѣе—къ народу вообще... къ родинѣ и... къ человѣчеству.

Кромѣ настроенія, были и хорошія слова. Мой дядя, П. Х. Купріяновъ, выдающійся земскій дѣятель Тетюшскаго уѣзда, былъ поклонникомъ Чернышевскаго, Писарева и Джона Стюарта Милля. Отъ дяди я услышала впервые теорію утилитаріанизма; онъ далъ мнѣ и статью о немъ. «Наибольшее счастье наибольшаго числа людей», говорилъ дядя, «должно быть цѣлью каждаго человѣка»... И я проникалась этой мыслью. Мой умъ не былъ загроможденъ идеями и сомнѣніями: онъ не сопротивлялся тому, что говорилъ дядя. Напротивъ, ученіе утилитаризма сразу показалось мнѣ очевидной истиной: дядя какъ будто лишь формулировалъ то, въ чемъ я *уже была убѣждена*. Надо сказать, что я считала немыслимымъ не выполнять того, что признавала истиннымъ. *Истинное*, *желательное* и *должное* были для меня тріедины и нераздѣльны и всякая истина, разъ признанная таковой, пріобрѣтала уже тѣмъ самымъ принудительный характеръ для моей воли. Это была логика характера.

Всѣ эти настроенія и вліянія должны были раздвинуть и сломить рамки безмятежнаго деревенскаго житья въ лонѣ семьи. Нельзя было жить безъ дѣятельности, безъ отдаленной высокой цѣли. Книжка журнала съ извѣстіемъ о Сусловой опредѣлила мое будущее: путь, пройденный ею, сталъ желаннымъ и для меня. Я стала добиваться поступленія въ университетъ, за границей, въ Казани, гдѣ угодно, лишь бы учиться, стать врачемъ и принести мои знанія въ деревню, какъ оружіе противъ болѣзни, нищеты и невѣжества.

Тщетно просила я отца отпустить меня за границу—онъ не соглашался. Это объясняется тѣмъ, что въ то время всѣ родители, по новизнѣ дѣла, боялись отпускать дочерей въ открытое море жизни: слишкомъ ужъ это было необычно и родителямъ грезились всевозможныя опасности для оставляющихъ семейное гнѣздо.

У меня было одно утѣшеніе: ласкаясь, я спросила однажды отца: «Да, вы, быть можетъ, думаете, что я не достигну цѣли, что у меня силъ не хватитъ?»...

А онъ сказалъ: «Нѣтъ! Я знаю, если ты возьмешься, ты исполнишь».

Не знаю, чѣмъ была вызвана такая увѣренность, но я помню, что въ смыслѣ *самопознанія* она дала мнѣ руководящую нить. Эти серьезно сказанныя слова имѣли громадное воспитательное значеніе для моей личности: они укрѣпили мою волю.

...Черезъ два года я уѣхала изъ деревни въ Казань, чтобы слушать лекціи въ университетѣ.

По совѣту дяди я пошла прежде всего къ профессору Петрову. Дядя говорилъ, что онъ сочувствуетъ высшему образованію женщинъ. Но Петровъ былъ патологомъ и, сказавъ, что надо начинать съ другого конца, направилъ меня къ профессору химіи Марковникову и къ профессору анатоміи—Лесгафту.

Марковниковъ оказался круглымъ и добродушнымъ. Онъ добродушно выслушалъ насъ, добродушно согласился дать мѣсто въ лабораторіи, однако лишь въ часы, когда тамъ не работаютъ студенты. Слушанье лекцій осталось открытымъ вопросомъ: мы должны были, по его словамъ, сначала поработать практически. Онъ подвелъ насъ къ шкафчикамъ съ реагентами и, порекомендовавъ купить аналитическую химію Меншуткина, добродушно почилъ отъ всѣхъ хлопотъ о насъ.

На утро мы съ сестрой принесли требуемую книгу и тотчасъ началась безобразная по своему безсмыслію мазня. Мы что-то брали, чего-то прибавляли, кипятили, фильтровали и... ничего не понимали! Чудная наука, раскрывающая столько міровыхъ загадокъ, прекрасная, какъ волшебная сказка, сводилась на механическія манипуляціи, значеніе и связь которыхъ оставались для насъ въ полной неизвѣстности.

Ни разу Марковниковъ не подошелъ, чтобы спросить, что мы дѣлаемъ? Ни разу не далъ какого-либо полезнаго указанія... не полюбопытствовалъ, имѣемъ ли мы общее понятіе о химіи? что мы знаемъ? *чего* не знаемъ?... Можно было придти въ отчаяніе отъ безполезности работы: мы ясно видѣли, что дѣлаемъ не то, что надо. Но, молодыя провинціальныя дурочки, мы все-таки терпѣливо кипятили и терпѣливо фильтровали, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ наступитъ минута и чудо совершится: внезапно озаритъ насъ свѣтъ и мы поймемъ: что, зачѣмъ и почему?... Но свѣтъ не приходилъ, озареніе такъ и не произошло...

Но вотъ мы отправилисъ въ другую обитель—въ анатомическій театръ. Это было совершенно отдѣльное зданіе во дворѣ университета и хозяиномъ тамъ былъ Петръ Францевичъ Лесгафтъ.

Мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ залъ, уставленный столами. На однихъ лежали трупы женщинъ и мужчинъ, старыхъ и молодыхъ; на другихъ—отдѣльные члены человѣческаго тѣла: рука, нога и т. п. Серьезные молодые люди молча стояли у столовъ или сидѣли, склонившись со скальпелемъ въ рукѣ. Всѣ были въ бѣлыхъ фартукахъ, дѣловитые и погруженные въ работу. Никто и не взглянулъ на насъ. Высокая дѣвушка, худая и смуглая, съ некрасивымъ мужеподобнымъ лицомъ, была, повидимому, ассистенткой, остальные—студенты, каждый занятый какимъ-нибудь препаратомъ.

Острое зловоніе стояло въ воздухѣ; тогда еще не употребляли формалина для дезинфекціи труповъ и въ препаровочной работали въ нездоровой удушающей атмосферѣ.

Мы приготовились и къ зрѣлищу оголенныхъ мертвыхъ тѣлъ, и къ зловонію. Мы ждали этого и заранѣе укрѣпились въ позиціи не поддаваться отталкивающему впечатлѣнію, которымъ насъ пугали. И мы выдержали искусъ.

Передъ нами стоялъ профессоръ: небольшого роста, рѣзко выраженный брюнетъ лѣтъ 32—34. Худощавое серьезное лицо и темные глаза, смотрящіе изподлобья, пытливо обратились къ намъ и остановились, какъ бы измѣряя, будетъ ли изъ насъ толкъ.

И тотчасъ же, коротко и дружески, какъ будто былъ знакомъ съ нами сто лѣтъ, онъ далъ согласіе, чтобъ мы ходили на лекціи, а на утро обѣщалъ приготовить анатомическій препаратъ.

Петръ Францевичъ повелъ насъ въ свой кабинетъ. Это была комната, слѣдующая за препаровочной: неприглядная, голая—настоящая мастерская анатома—столы да полки по стѣнамъ. Вотъ и все. На полкахъ банки со спиртовыми препаратами, а на столахъ—микроскопъ и большой инкубаторъ съ горящей лампочкой. Въ инкубаторѣ, на ватѣ, лежали куриныя яйца, и Петръ Францевичъ объяснилъ намъ, что онъ вынимаетъ одно яйцо за другимъ черезъ небольшіе промежутки времени и разсматриваетъ

подъ микроскопомъ, наблюдая различныя стадіи развитія куринаго зародыша. Онъ указалъ при этомъ на значеніе этого рода наблюденій для изученія исторіи развитія человѣка и рекомендовалъ намъ осмотрѣть банки со всевозможными зародышами, стоявшія на полкахъ.

Тутъ мы впервые увидали зародыши разныхъ млекопитающихъ; увидали жаберныя дуги и очень занявшій насъ хвостикъ человѣческаго зародыша и множество другихъ новыхъ предметовъ. Эмбріологія, видимо, очень занимала тогда Петра Францевича. Эта наука была въ то время сама еще въ зачаткѣ и единственнымъ учебникомъ въ университетахъ былъ знаменитый Кёлликеръ.

Петръ Францевичъ былъ такъ простъ въ обращеніи, что мы сразу почувствовали себя легко и свободно. И вмѣстѣ съ тѣмъ кругомъ была такая дѣятельная дѣловая атмосфера, что насъ охватывало сознаніе серьезности момента, того момента, когда раскрываются двери науки и человѣкъ вступаетъ на путь серьезнаго труда во имя далекаго идеала жизни.

На утро мужеподобная дѣвица дала намъ наборъ съ инструментами и трупъ кошки, скелетъ которой мы должны были приготовить. Слѣдовало методически снять всѣ мягкія части и присмотрѣться къ общему расположенію мускуловъ, нервовъ и сосудовъ. Надѣвъ фартуки, серьезно и боязливо, чтобъ не испортить чего-нибудь (!), мы принялись за работу...

Стали мы ходить и на лекціи. Обыкновенно Петръ Францевичъ входилъ въ аудиторію изъ своего кабинета, и мы слѣдовали за нимъ. Большая аудиторія, расположенная амфитеатромъ, была сплошь занята мужскою молодежью, а внизу, направо отъ профессора, стояли двѣ табуретки для насъ.

Мы были всегда такъ поглощены тѣмъ, что говорилъ Петръ Францевичъ, что я не замѣтила и не запомнила ни одного лица. Но студенты-медики, для которыхъ появленіе женщинъ было новостью, хорошо замѣтили насъ, и семь лѣтъ спустя, когда я пріѣхала въ Самару служить въ земствѣ, тамошній врачъ тотчасъ призналъ во мнѣ одну изъ слушательницъ, которыя въ 1871 г. бывали на лекціяхъ Петра Францевича. И это воспоминаніе сдѣлало насъ друзьями.

Удивительно было обаяніе личности Петра Францевича. Онъ читалъ остеологію. Что можетъ быть суше ея? И, однако, часъ проходилъ незамѣтно, и аудиторія, переполненная и неподвижная, слушала лекцію съ неослабнымъ интересомъ, какъ самый животрепещущій докладъ. Петръ Францевичъ имѣлъ даръ *заставить слушать* себя: всѣ чувствовали, что въ излагаемомъ предметѣ все нужно, все необходимо; ничего нельзя пропустить—все надо запомнить твердо, непоколебимо на всѣ будущія времена. Всѣ чувствовали, что передъ ними мастеръ своего дѣла и что этотъ

мастеръ закладываетъ фундаментъ медицинскаго образованія, отъ солидности котораго въ памяти слушателя зависитъ, быть можетъ, вся будущность его, какъ врача или человѣка науки.

Глубокая почтительность со стороны студентовъ окружала Петра Францевича. Въ препаровочной въ минуты отдыха и дома при встрѣчахъ со студентами было множество разговоровъ о немъ. Это была центральная фигура для первокурсниковъ: гроза и вмѣстѣ любимецъ. Намъ разсказали, что Петръ Францевичъ—любимый и выдающійся ученикъ профессора петербургской медико-хирургической академіи—Грубера, который самъ вышелъ изъ школы Гиртля. Кто изъ студентовъ и врачей тогдашней Россіи не зналъ этихъ славныхъ именъ?! Кто не зналъ Грубера, этого большого, оригинальнаго человѣка, твердаго и непреклоннаго передъ властями, грудью защищавшаго студенчество при столкновеніяхъ съ полиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ суроваго и непреклоннаго передъ лицомъ этой учащейся молодежи, отъ которой требовалъ точности въ знаніи, внушая этимъ, что серьезное отношеніе къ наукѣ, къ своей спеціальности есть долгъ, обязанность по отношенію къ себѣ и къ обществу.

Того же закала былъ и Петръ Францевичъ: независимый по характеру, страстно любящій свою науку и ревнивый къ занятіямъ студентовъ... Сильный и добрый, простой и серьезный... «Человѣкъ» чувствовался въ немъ при первомъ же соприкосновеніи, и чудное сліяніе хорошей личности съ прекраснымъ преподавателемъ создавало очарованіе, дѣлавшее его образцомъ, идеаломъ для поколѣній, имѣвшихъ счастье начинать свои студенческіе годы подъ его руководствомъ.

Для всякаго начинающаго учиться и начинающаго жить величайшимъ счастьемъ является встрѣча съ превосходнымъ образцомъ человѣчества. Это счастье—потому что это одинъ изъ могущественныхъ благопріятныхъ факторовъ, опредѣляющихъ все будущее человѣка. И на порогѣ университета, на этомъ порогѣ жизни, учащаяся молодежь находила это счастье, встрѣчала этотъ образецъ. Я испытала это на себѣ; но я не была вѣдь исключеніемъ: кругомъ вся атмосфера была пропитана тѣмъ же вліяніемъ, тѣмъ же отношеніемъ, и впослѣдствіи множество того же рода признаній вырывалось отъ другихъ его учениковъ.

Энергичная, дѣйственная любовь Петра Францевича къ своему предмету невольно передавалась и заражала его учениковъ. Это были именно ученики, а не слушатели. Вступивъ въ анатомическій залъ, студентъ отрѣшался отъ внѣшняго міра, имъ овладѣвалъ учитель, и настойчиво и неуклонно, благодаря собственной настойчивости и любви къ дѣлу, лѣпилъ его по своему подобію.

«Да не будетъ ученикъ недостоинъ учителя своего»—безсознательно зарождалось, развивалось и зрѣло въ умѣ каждаго.

Если учитель говорилъ о крошечныхъ канальцахъ каменистой части височной кости... если онъ указывалъ на легкій желобокъ, въ которомъ проходитъ нервъ — развѣ возможна была мысль, что это пустякъ, что это не нужно, не пригодится будущему медику или хирургу? Нѣтъ! Если Лесгафтъ говоритъ, если онъ требуетъ, значитъ—нужно. И каждая деталь запечатлѣвалась, казалась важной; каждая фраза о зависимости организацiи отъ отправленія принималась, какъ откровеніе, каждое обращеніе къ исторіи развитія бросало свѣтъ въ уголокъ сознанія...

И вотъ, когда мы уже прикоснулись къ источнику, когда, казалось, уже получали первые ключи къ познанію явленій природы — безсмысленно, неожиданно и грубо наши занятія были прерваны.

Однажды утромъ, когда мы съ сестрой пришли въ анатомическій театръ и вошли въ препаровочную—мы были удивлены, что на столахъ труповъ нѣтъ; студентовъ — нѣтъ; Лесгафтъ — отсутствуетъ...

И вотъ намъ сказали: по высочайшему повелѣнію, переданному по телеграфу изъ Петербурга, Лесгафтъ отрѣшенъ отъ профессуры и лишенъ на-всегда права дальнѣйшаго преподаванія.

Но за что?! За что?

Новость казалась чудовищной, нелѣпой...

Потомъ студенты, особенно близкіе Лесгафту, объяснили, что часть профессоровъ не сочувствовала личности Петра Францевича, всегда прямого и рѣзкаго, и что они писали доносы на него, обвиняя во вредномъ вліяніи на университетскую молодежь.

Тѣ-же студенты сообщили намъ, что другіе профессора: Марковниковъ, Голубевъ, Ковалевскій, возмущенные изгнаніемъ Петра Францевича, отказываются отъ своихъ каѳедръ и, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, переходятъ въ другіе университеты, что и студенты, хотя и немногіе, не желаютъ дольше оставаться въ Казанскомъ университетѣ и перейдутъ въ Петербургъ, куда уѣзжаетъ и изгнанный Лесгафтъ.

Я была въ то время такъ далека отъ политики, что не поняла связи событія съ общимъ строемъ нашей страны, и мое негодованіе обращалось, главнымъ образомъ, на предполагаемыхъ доносчиковъ и клеветниковъ.

Мнѣ было грустно, что мои планы рушились, что мое ученіе прервано и, боясь повторенія того же въ будущемъ, я тогда же рѣшила не добиваться болѣе ничего въ Россіи и ѣхать за границу. Тамъ не помѣшаютъ! И безъ препятствій, безъ тревогъ можно будетъ спокойно учиться и кончить курсъ.

Было больно за Петра Францевича. Мы пошли къ нему на домъ. Тамъ все было вверхъ дномъ. Продавалась мебель, посуда— ломка жизни была полная. Петръ Францевичъ съ женой и ма-

ленькимъ сыномъ оставался безъ средствъ и безъ всякихъ перспективъ въ будущемъ. Все было разбито и приходилось строить новую жизнь, на новомъ мѣстѣ, въ иной обстановкѣ и въ другихъ условіяхъ. Петръ Францевичъ, учитель по призванію, лишился аудиторіи, лишился атмосферы, которою жилъ, лишился возможности работать, какъ онъ хотѣлъ.

... Онъ выглядѣлъ спокойнымъ; какъ всегда, говорилъ съ легкой ироніей—и мы не услышали ни одной банальной фразы: онъ былъ весь—сдержанность и тактъ. О происшедшемъ онъ не сказалъ ни слова. Мы тоже не спрашивали ни о чемъ: вѣдь мы могли узнать все отъ студентовъ. Купили мы съ сестрой изъ продававшихся вещей по чайной чашкѣ «на память»; принесли Петру Францевичу нарочно снятую для него фотографію, на которой изображены вдвоемъ у столика за анатоміей.

И долго бѣлая чашка мной сохранялась. Однажды, въ Шлиссельбургѣ, подъ конецъ заключенія, жандармы дали мнѣ совершенно такую же. Я страшно обрадовалась ей: она мнѣ напомнила Петра Францевича въ Казани.

Послѣ ухода Петра Францевича оставаться въ Казани намъ было не зачѣмъ: я уѣхала опять въ деревню, въ Тетюшскій уѣздъ, а весной 72 г. мы съ сестрой покинули свое Никифорово и отправились въ Цюрихъ, гдѣ новые горизонты, широкіе и далекіе, захватили насъ...

. . . .

Потомъ прошла почти цѣлая жизнь. Прошло 35 лѣтъ. Прошелъ Шлиссельбургъ. И вотъ я имѣла счастье *послѣ Шлиссельбурга* встрѣтиться опять съ Петромъ Францевичемъ.

Какъ странно, какъ фантастично было встрѣтиться въ началѣ жизни, а потомъ—въ концѣ ея...

Тогда, при первой встрѣчѣ, я была молодымъ росткомъ, неоформленнымъ сырымъ матеріаломъ, изъ котораго жизнь могла лѣпить и такъ и этакъ, а онъ — твердый, совершенно опредѣлившійся, вполнѣ сложившаяся, сильная личность.

А теперь—вдругъ встрѣтились равные, и такіе друзья, такіе близкіе, родные! Такъ понимаемъ другъ друга, съ полслова, прямо и спрашивать ни о чемъ не надо, словно жизнь и душа каждаго на ладони у другого.

Вотъ радость: онъ даже физически почти не измѣнился—не растолстѣлъ и не обрюзгъ: все тотъ же тонкій, хрупкій и черты лица не огрубѣли... много морщинъ, щеки глубоко впали—вотъ и все. Та же добродушно ироническая усмѣшка и форма рѣчи; все тѣ же живые глаза, смотрящіе исподлобья... Быстрота движеній, неугомонная энергія и работоспособность... Онъ ведетъ меня показывать свое царство, свое дѣтище, ведетъ по кабинетамъ, ведетъ въ лабораторію: химическую, зоологическую... показываетъ драгоцѣнныя коллекціи, тончайшіе препараты—чуть не лучшіе въ

Европѣ; прекрасныя чучела... Сокровища по анатоміи, эмбріологіи, зоологіи мелькаютъ передъ глазами. И онъ—король безъ короны въ своемъ царствѣ науки; здѣсь все создано, собрано имъ и все проникаетъ и поддерживаетъ его воля...

Онъ разсказываетъ объ основаніи своего Института, говоритъ о Высшей Женской Школѣ, о молодежи, которая проходитъ чрезъ его руки, о препятствіяхъ и затрудненіяхъ, которыя ставились и ставятся ему на пути разными министерствами и всевозможными родами полиціи.

Онъ разсказываетъ о П. Н. Дурново, о свиданіи съ премьеромъ послѣ обыска и закрытія Института.

— У васъ тамъ все свобода!—говоритъ П. А. Столыпинъ.

— Да,—отвѣчаетъ Петръ Францевичъ.—Ваша правда: у насъ свобода, свобода науки, которая не знаетъ ни желѣзныхъ рѣшетокъ, ни цѣпей...

При обыскѣ, въ одномъ изъ помѣщеній, найдена нелегальная литература.

— Никто, какъ сама же полиція подложила,—добродушно твердитъ Петръ Францевичъ... Я смѣюсь...

— Департаментъ полиціи потомъ дѣлаетъ запросъ: кто несетъ отвѣтственность за вещи, находимыя въ помѣщеніяхъ Института?

«Я несу отвѣтственность. Я одинъ», пишетъ въ отвѣтъ Петръ Францевичъ.

Онъ взглядываетъ на меня и лукавая искра пробѣгаетъ въ его глазахъ.

Я понимаю—его хотѣли поймать... и я смѣюсь...

Потомъ рѣчь идетъ объ организаціи женскихъ курсовъ, о совѣтѣ профессоровъ, о составѣ совѣта.

— Онъ все мнѣ толкуетъ, что онъ соціалъ-демократъ,—говоритъ Петръ Францевичъ, называя фамилію.

— А мнѣ что за дѣло, что онъ соціалъ-демократъ! Будь, чѣмъ хочешь—эсъ-декъ, эсъ-еръ!.. Нѣтъ! ты мнѣ *свою личность, свою человѣческую личность* покажи! А то онъ, видите ли,—*эсъ-декъ!*—горячился Петръ Францевичъ. И я понимаю его, и тихо улыбаюсь: «конечно!»

Разговоръ переходитъ на моихъ товарищей по Шлиссельбургу: Новорусскаго, Морозова и Лукашевича, которыхъ Петръ Францевичъ приспособилъ къ лабораторнымъ занятіямъ и къ лектированью.

— Вотъ и васъ устрою,—говоритъ онъ съ привѣтливымъ взглядомъ.

— Да нѣтъ-же, Петръ Францевичъ. Полиція не позволитъ, да и что мнѣ дѣлать у васъ! Развѣ шерстку вашей пантеры чесать?! ее отъ моли беречь?—смѣюсь я, указывая на прекрасное чучело животнаго.

— Нечего смѣяться—найдемъ дѣло!—говоритъ Петръ Францевичъ.

Говоримъ объ общихъ знакомыхъ. Такой-то растолстѣлъ.

— И къ чему этотъ жиръ?!—восклицаетъ Петръ Францевичъ.

— Совсѣмъ ни къ чему!.. Вотъ мнѣ тотъ самый сюртукъ впору, что я тридцать лѣтъ назадъ сшилъ... Жиръ — это нехорошо! это лишнее; это ненужная тяжесть! Я радъ, что вы не растолстѣли.— Смотритъ онъ на меня.

Вернулись въ его квартиру, въ кабинетъ.

Открываетъ альбомъ и показываетъ карточку 71 года: я съ сестрой Лидіей за столикомъ, съ анатоміей.

О ея существованіи я и забыла... Какъ трогательно, что столько лѣтъ онъ хранилъ ее!..

Кабинетъ простой, невзрачный, сѣрый. Столъ и масса полокъ съ книгами.

— А, вотъ, *NN* купилъ дорогую мебель,—говоритъ Петръ Францевичъ.—И къ чему? Развѣ на простомъ столѣ нельзя работать? Я каждый разъ, какъ вижу жену *NN*, такъ сейчасъ ее пилить начинаю за мебель... Ну, не все ли равно работать на орѣховомъ столѣ или на сосновомъ? Ничего этого не надо, я и на простомъ отлично работаю,—и онъ указываетъ на свой бѣдный, старый столъ, на которомъ лежитъ неоконченная рукопись.

Дорогой Петръ Францевичъ! Все тотъ же аскетъ, серьезный, не думающій о благахъ міра, объ удобствахъ жизни, о томъ, что ѣсть, что пить, во что одѣваться.

— Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, больныхъ принимаю,—продолжаетъ знакомить меня со своей жизнью.

— Какъ? Да развѣ вы практикуете? Неужели хватаетъ времени и на это?—удивляюсь я.

— Да. Лѣчу безплатно. Когда всѣ врачи отказываются, идутъ ко мнѣ. И ничего—случается, что и помогаю!—смѣется Петръ Францевичъ.

— А, знаете, кого я лѣчилъ?—спрашиваетъ онъ и, помолчавъ, объявляетъ:—сына П. Н. Дурново...

Изумленіе. Вотъ какъ!

— Да, когда никто не помогъ, за мной прислали.

— И за то,—Петръ Францевичъ лукаво улыбается—за то *при немъ* меня пальцемъ не трогали!.. Я смѣюсь.

. . . .

О, дорогой Петръ Францевичъ... Живой или мертвый—онъ со мной. Вѣдь я и такъ всю жизнь была съ нимъ въ разлукѣ,—и смерть ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи.

Но частица его души перешла въ мою душу.

Онъ далъ мнѣ образъ человѣка науки и вмѣстѣ съ тѣмъ общественнаго дѣятеля, ваятеля душъ человѣческихъ. Онъ научилъ любить свое дѣло и всецѣло отдаваться ему. И какъ удивительно, черезъ 35 лѣтъ найти того же самаго *сильнаго* человѣка, того же первокласснаго дѣятеля!

Всю жизнь онъ былъ однимъ и тѣмъ же. Всю жизнь защищалъ свою человѣческую личность и личность ближняго отъ всякаго поруганія, гнета и насилія... Всю жизнь боролся за свободу науки, за свободу преподаванія; всю жизнь воспитывалъ молодежь въ идеалѣ труда и исполненія долга.

Честь ему, любовь и слава!..

Моя жизнь была богата прекрасными образами. По временамъ душа трепетала отъ радостнаго порыва передъ лицомъ подвига, героизма и самоотверженной отваги. Но все это были люди, обвитые чернымъ флёромъ—надъ ними витала надпись: «Се—обреченные». Ихъ долей было—умереть! Умереть на эшафотѣ или въ одинокой камерѣ узника... Увянуть, не давъ всего, что они могли дать, увянуть въ бездѣятельности, внѣ потока жизни. Изъ поколѣнія людей, наиболѣе мнѣ родныхъ по духу, наиболѣе близкихъ,—кто остался внѣ тюрьмы и ссылки? Кто жилъ, какъ всѣ люди живутъ, въ вѣчной живой борьбѣ съ предразсудками, съ отсталыми учрежденіями, день за днемъ подкапываясь подъ нихъ?.. въ борьбѣ съ носителями всякой лжи, лицемѣрія, съ представителями власть имущихъ, угнетающихъ мысль, подавляющихъ дѣятельность?..

Послѣ выхода изъ Шлиссельбурга *такого* общественнаго дѣятеля, всю жизнь проведшаго въ активной борьбѣ,—я встрѣтила *лично* лишь одного. Это былъ Петръ Францевичъ Лесгафтъ. Въ 19 лѣтъ онъ явился передо мной и чуть не черезъ 40 лѣтъ опять явился—все тотъ же, только углубленный и болѣе для меня понятный. Онъ былъ въ моей жизни, въ этомъ смыслѣ, единственный и одинъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ моей душѣ.

Англичане удивляются русскимъ; удивляются ихъ умѣнью умирать, героизму, съ которымъ они идутъ на смерть. Но кромѣ героизма смерти есть героизмъ жизни. И я удивляюсь великимъ людямъ Англіи, умѣющимъ жить. Жить, т. е. творить, создавать.

Къ такимъ героямъ жизни, творцамъ ея, я причисляю Петра Францевича Лесгафта.

Я удивляюсь ему.

Вѣра Фигнеръ.

Англійскій біографъ Толстого.

(Aylmer Maude, «The Life of Tolstoy. Later Years»; Лондонъ, 1910).

I.

Если при жизни Толстого о немъ говорилось и писалось чрезвычайно много, въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ, отъ Нью-Йорка до Мадрида и отъ Архангельска до Мельбурна, то смерть его, конечно, вызвала еще болѣе живое выраженіе мнѣній современнаго человѣчества объ одномъ изъ своихъ вождей и учителей. Число большихъ произведеній, посвященныхъ біографіи и сочиненіямъ Толстого, уже считается сотнями. Количество-же малыхъ статей и текущихъ газетныхъ извѣстій о немъ прямо безгранично. А въ данный моментъ съ увѣренностью можно утверждать, что имя Льва Толстого повторяется чаще всѣхъ другихъ именъ на пространствѣ цѣлаго земного шара.

При такихъ обстоятельствахъ трудно сказать что-нибудь новое въ простой журнальной статьѣ. Да пишущій эти строки и не претендуетъ на новизну. Его задача—болѣе простая. Она заключается въ томъ, чтобы дать читателю понятіе о новой біографіи Толстого, посвященной второй половинѣ его жизни. Эта книга написана хорошо извѣстнымъ въ мірѣ толстовцевъ и, въ особенности, среди англо-саксонскихъ послѣдователей графа, Эльмеромъ Модомъ (Алексѣемъ Францевичемъ Моодомъ, какъ онъ называется на русскій ладъ въ «Письмахъ» Толстого). Авторъ уже нѣкоторое время тому назадъ написалъ біографію первой половины жизни Толстого подъ заглавіемъ: «Жизнь Толстого. Первые пятьдесятъ лѣтъ». Настоящій, хотя и независимый внѣшнимъ образомъ отъ перваго, томъ носитъ названіе: «Жизнь Толстого. Позднѣйшіе годы». Предисловіе къ книгѣ помѣчено 15 августа 1910 г. Такимъ образомъ, біографія великаго художника и моралиста доведена почти до самыхъ послѣднихъ событій.

Эльмеръ Модъ уже давно знаетъ Толстого. Первое его знакомство со Львомъ Николаевичемъ относится ко второй половинѣ 80-хъ годовъ, а именно, къ 1887 г. На сколько можно понять по отрывочнымъ автобіографическимъ свѣдѣніямъ, авторъ пріѣхалъ въ Россію 16-ти лѣтнимъ подросткомъ и сталъ здѣсь зарабатывать средства къ жизни, повидимому, профессіональнымъ трудомъ, — какимъ въ частности, Модъ умалчиваетъ. Въ Россіи же онъ женился на русской, сестрѣ В. И. Алексѣева, который раньше принадлежалъ къ такъ называемымъ чайковцамъ, а въ 80-хъ годахъ принужденъ былъ, въ силу очень стѣсненныхъ матеріальныхъ условій, по-

ступить домашнимъ учителемъ въ семью Толстыхъ. При помощи этого-то человѣка, ставшаго вскорѣ сторонникомъ Толстого, и нашъ англичанинъ познакомился со Львомъ Николаевичемъ и почти сейчасъ же испыталъ его сильное вліяніе. Уже довольно рано онъ началъ знакомить своихъ соотечественниковъ со взглядами и самой личностью Толстого. Затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что въ концѣ 90-хъ годовъ онъ могъ отказаться отъ хлѣбной работы въ Россіи и рѣшилъ посвятить себя переводу сочиненій и пропагандѣ идей Толстого въ Англіи. Здѣсь нѣкоторое время онъ помогалъ въ этомъ смыслѣ одному изъ наиболѣе вѣрныхъ и энергичныхъ учениковъ Толстого, Черткову, которому по высылкѣ изъ Россіи съ 1896 г. пришлось жить тоже въ Англіи. Модъ дѣятельно участвовалъ, по просьбѣ Толстого, и въ устройствѣ жестоко притѣсняющихся русскимъ правительствомъ духоборовъ, которые рѣшили отрясти прахъ съ ногъ своихъ на оффиціальную Россію и искать за океаномъ, въ Канадѣ, болѣе свободной и благопріятной обстановки для организаціи идеальнаго общежитія. Модъ, вмѣстѣ съ другими учениками и поклонниками Толстого, число которыхъ все увеличивалось въ англо-саксонскихъ странахъ, вступалъ въ переговоры съ канадскими властями, которыя были нѣсколько напуганы радикализмомъ міропониманія, а главное, практическихъ требованій, предъявляемыхъ къ жизни русскими сектантами, и потому желали, какъ говорится, получить нѣкоторыя гарантіи отъ иниціаторовъ духоборскаго исхода въ Америку, въ томъ, что способъ существованія религіозной общины не будетъ идти черезчуръ въ разрѣзъ съ требованіями современной общественной и государственной организаціи.

Всѣмъ знакома печальная исторія прозябанія духоборовъ подъ небомъ Канады, гдѣ, казалось бы, притѣсненій со стороны государства нельзя было ждать. Но мы говоримъ теперь не объ ихъ судьбѣ. Мы упомянули объ этомъ обстоятельствѣ лишь для того, чтобы указать, какую роль игралъ англичанинъ, написавшій книгу о Толстомъ, въ практическомъ воплощеніи его идеала. Издательская и организаторская работа Эльмера Мода сопровождалась уже довольно рано столкновеніями съ ближайшими и «строжайшими» (ofstrict observance) учениками Толстого, въ родѣ Черткова. Эти тренія вызвали въ концѣ концовъ охлажденіе Мода къ послѣдовательнымъ толстовцамъ, но оставили въ немъ горячую любовь къ самому Льву Николаевичу и согласіе, если не съ частностями, то съ общимъ высоко гуманнымъ характеромъ той проповѣди, какая стала жизненной задачей Толстого со времени духовнаго кризиса. Такимъ образомъ, дѣятельность біографа свелась въ послѣдніе годы къ хорошимъ переводамъ на англійскій языкъ различныхъ сочиненій, статей и писемъ Толстого.

Черезъ всю новую біографію Мода проходитъ эта горячая симпатія автора къ человѣку, который, какъ указываетъ самъ жизнеопи-

сатель, произвелъ на него, иностранца, занятаго сначала лишь дѣловыми интересами, сильнѣйшее впечатлѣніе. Эльмеръ Модъ сохранилъ самыя лучшія отношенія какъ съ самимъ Львомъ Николаевичемъ, такъ и съ его семьей. Не разъ въ его біографіи вы встрѣчаете ссылки на письма, которыя Толстой писалъ ему не только по общимъ теоретическимъ вопросамъ, но и относительно практическихъ приложеній основной идеи къ жизни. Одна изъ главъ біографіи, касающаяся религіозныхъ воззрѣній Толстого (гл. II, «Theology and the Gospels», стр. 25—63), была внимательно просмотрѣна самимъ Львомъ Николаевичемъ, который нашелъ изложеніе этой важнѣйшей стороны своего міропониманія въ общемъ вполнѣ точнымъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ счелъ нужнымъ сдѣлать легкія поправки, предоставляя на выборъ біографа воспользоваться ими или оставить ихъ въ сторонѣ (Разумѣется, Модъ постарался сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія). Съ другой стороны, какъ вся готовившаяся къ печати біографія, такъ и отдѣльные матеріалы, служившіе для ея составленія, просматривались графинею Софіею Андреевною, которая сообщала автору нѣкоторыя свѣдѣнія очень интимнаго характера, провѣряла данныя, находившіяся въ рукахъ біографа, и вообще дѣлала все, чтобы придать бóльшую точность фактическому содержанію книги.

Для русскаго читателя книга Мода, конечно, не будетъ представлять ничего существенно новаго. Она основана, главнымъ образомъ, на очень обширномъ матеріалѣ біографій, писемъ и воспоминаній, который существуетъ на русскомъ языкѣ. Такъ, авторомъ утилизированы біографія Толстого, написанная Бирюковымъ, воспоминанія Фейнермана (Тенеромо), Арбузова, Семенова, Анны Сёронъ и т. п. Лишь иногда англичанинъ даетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ разговоровъ съ самимъ Толстымъ или членами его семьи. Но въ общемъ новая книга Мода, недурно написанная, полезна уже тѣмъ, что объединяетъ въ одно цѣлое и доводитъ почти до самаго конца факты изъ жизни Толстого, между тѣмъ, какъ, напр., очень подробная біографія, составленная г. П. Бирюковымъ, доведена во второмъ томѣ лишь до осени 1884 г. Обстоятельная работа Мода *) можетъ быть интересна русской публикѣ еще въ томъ отношеніи, что она написана подъ угломъ зрѣнія европейца («западника», какъ самъ себя называетъ Модъ, довольно удачно передавая это понятіе по англійски словомъ We-

*) Въ книгѣ 653 страницы убористой печати, не считая приложеній: подробной хронологіи событій въ жизни Толстого, хронологическаго же перечня по годамъ всѣхъ его произведеній, и т. п. Модъ помѣстилъ въ концѣ книги даже двѣ партіи шахматовъ, игранныя имъ съ Толстымъ. Біографія также содержитъ восемь гравюръ, представляющихъ воспроизведенія портретовъ Льва Николаевича и его близкихъ. Великолѣпна начальная гравюра: «Толстой въ 1906 г.», на которой поражаетъ сходство выраженія великаго реформатора съ «Моисеемъ» Микеланджело.

sterer). Эта, если можно такъ выразиться, интеллектуальная позиція автора способствуетъ тому, что въ книгѣ затрогиваются тѣ стороны Толстого, которыя, пожалуй, у русскаго біографа остались бы въ тѣни именно вслѣдствіе того, что онѣ являются нашими родными чертами и не обращаютъ на себя нашего вниманія, но производятъ сильное впечатлѣніе на западнаго европейца въ силу самого контраста.

Замѣтимъ кстати, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Модъ цитируетъ самого Толстого, или нѣкоторые другіе матеріалы, имѣющіе цѣнный характеръ, мы предпочитаемъ, конечно, брать цитаты изъ первоисточниковъ, т. е. пользоваться русскимъ оригиналомъ, въ родѣ, напр., того, который находится въ біографіи Бирюкова или въ только что появившихся на свѣтъ письмахъ Толстого.

II.

Заслугой Мода является прежде всего то, что онъ съ большимъ чутьемъ и тактомъ умѣетъ среди русской литературы находить такія оцѣнки Толстого, которыя глубже проникаютъ въ міровоззрѣніе этого чрезвычайно крупнаго человѣка и не грѣшатъ тѣмъ банальнымъ упрощеніемъ душевнаго развитія Толстого, которымъ страдаютъ, напр., обычныя легенды о необыкновенно рѣзкомъ будто бы переломѣ, расколовшемъ жизнь великой личности на двѣ половины: позади остается великій художникъ; впередъ выдвигается посредственный мыслитель. И между этими двумя полосами нѣтъ словно никакой живой связи,—точно онѣ принадлежатъ двумъ совершенно разнымъ людямъ. Кто, дѣйствительно, изъ посредственныхъ писателей и критиковъ не писалъ упражненій на тему о томъ, что на сколько графъ Толстой великъ, какъ творецъ безсмертныхъ художественныхъ образовъ, на столько же онъ всегда слабъ, какъ логическій мыслитель? У Эльмера Мода хватаетъ вкуса не браться за это дешевое противоставленіе, а отыскать въ русской печати болѣе серьезныя мнѣнія, дающія гораздо болѣе вѣрное представленіе о томъ, что принято называть «кризисомъ» Толстого. Англійскій біографъ знаетъ замѣчательныя статьи Н. К. Михайловскаго, посвященныя Толстому еще въ серединѣ 70-хъ годовъ, и умѣло пользуется ими. Среди массы печатнаго хлама, написаннаго о Львѣ Николаевичѣ, эти работы, дѣйствительно, поражаютъ своимъ глубокимъ проникновеніемъ въ міровоззрѣніе Толстого и, мало того, являются прогнозомъ нароставшаго кризиса, заранѣе вычерчивая траекторію того пути, на которомъ Левъ Николаевичъ 60-хъ и 70-хъ годовъ переходитъ къ Льву Николаевичу начала 80-хъ.

Въ своихъ «Запискахъ профана» 1875 г., Михайловскій показалъ, какъ въ столь могучей и, казалось бы, цѣльной индивидуальности замѣчается своего рода надрывъ. У Толстого есть своя

«десница» и есть своя «шуйца». Съ одной стороны, Толстой съ необыкновенной смѣлостью бьетъ въ забрало всѣмъ нашимъ предразсудкамъ относительно культуры, образованія, прогресса, фатально принимающихъ въ современномъ обществѣ характеръ явленій, которыя рѣзко отграничиваютъ отъ трудового народа «незанятые классы». Съ другой стороны, привычки жизни Толстого выработали въ немъ такое чисто инстинктивное и традиціонное тяготѣніе именно къ казовой культурѣ и внѣшнему прогрессу, что онъ, самъ того не замѣчая, робѣетъ въ своемъ великомъ отрицаніи и начинаетъ цѣпляться за тѣ самыя учрежденія, которыя столь дороги незанятымъ классамъ. Десница Толстого энергично указываетъ на гигантскую и все расширяющуюся пропасть между «обществомъ» и «народомъ». Шуйца же его старается затушевать этотъ великій расколъ, перекинуть черезъ бездну такой мостъ, чтобы ему, отрицающему съ геніальной дерзостью значеніе прогресса, существующаго только для верховъ, можно было бы тѣмъ не менѣе заниматься художественнымъ изображеніемъ культуры, столь дорогой сердцу праздныхъ сословій, и изображать тонкіе переливы ощущеній въ душѣ наиболѣе типичныхъ представителей этихъ тунеядческихъ группъ.

Какъ у Фауста, въ груди графа Толстого, охватывавшей весь міръ, жили и боролись за преобладаніе двѣ души. Исторія столкновенія ихъ, завершившаяся кризисомъ, который только обнаружилъ давнишнее внутреннее противорѣчіе, была уже заранѣе очерчена Михайловскимъ. Въ сущности, по мнѣнію этого наилучшаго истолкователя эволюціи Толстого, не было такого момента въ развитіи могучей личности Льва Николаевича, когда затихалъ бы совершенно голосъ этой душевной борьбы и тревоги. Еще къ его «Казакамъ», еще къ его яснополянскимъ статьямъ начала 60-хъ годовъ, еще къ Каратаеву «Войны и Мира» восходитъ этотъ вѣчный протестъ ума, ищущаго правды и свободы, противъ лжи и лицемѣрія современной культуры, противъ пустопорожности тѣхъ интересовъ и движеній души, которымъ предаются культурные люди верховъ. Значитъ, когда рѣчь заходитъ о кризисѣ Толстото, надо было бы собственно говорить о томъ окончательномъ психологическомъ взрывѣ, который опрокидываетъ неустойчивую систему колеблющагося равновѣсія между широко человѣческими идеалами и узкокультурными вкусами этого въ высшей степени искренняго искателя истины.

Уже съ первыхъ страницъ новой біографіи чувствуется, что авторъ продумалъ это объясненіе совершавшагося въ душѣ Льва Николаевича перелома и отнюдь не желаетъ слѣдовать за тѣми поверхностными критиками, которые на гигантской фигурѣ Толстого рѣзко проводятъ пограничную черту между исключительно свѣтовой стороной ея, воплощенной въ художественности, и стороной сплошь тѣневой, выражающейся въ работѣ логической мысли, а

вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочиваютъ смѣну одного воплощенія Толстого другимъ къ короткому промежутку времени. «Тѣ, кто слѣдилъ за прежней жизнью Толстого, найдутъ труднымъ открыть внѣшніе признаки столь великаго и внезапнаго измѣненія. Романы и повѣсти, написанные имъ раньше, уже предвѣщали (въ подлинникѣ foreshadowed: «бросали свою тѣнь на») тѣ взгляды, какіе онъ теперь сталъ проповѣдывать. И его дѣятельность въ яснополянской школѣ уже практически указывала на то же самое направленіе. Въ его внѣшней жизни не было видно внезапнаго перелома: то, что слѣдовало, вытекало изъ развитія того, что было раньше. Такъ что намъ кажется болѣе естественнымъ говорить не о его переходѣ черезъ Рубиконъ, а о его постоянномъ восхожденіи на гору» (стр. 1—2).

Замѣтьте, это мнѣніе Модъ высказываетъ несмотря на то, что самъ Толстой говоритъ о своемъ кризисѣ въ гораздо болѣе рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ. Помните тѣ произведшія сенсацію слова Толстого въ «Исповѣди» о томъ, какъ съ нимъ случилось то же самое, «что случается съ человѣкомъ, который вышелъ за дѣломъ и вдругъ дорогой рѣшилъ, что дѣло это ему совсѣмъ не нужно,—и повернулъ домой». Естественно, что все, что у него было прежде по правую руку, очутилось по лѣвую, а что было по лѣвую—оказалось по правую. Честь, богатство, расширеніе своего «я» ему теперь представились дѣлами отъ лукаваго. Бѣдность, смиреніе, самопожертвованіе, служеніе другимъ, приняли теперь въ его глазахъ характеръ единаго и истиннаго блага. Оставаясь на почвѣ сравненія, сдѣланнаго Михайловскимъ еще въ половинѣ 70-хъ годовъ, мы могли бы сказать, что уже давно его десница показывала противоположную сторону съ его шуйцей, и что онъ не повернулъ назадъ, а рѣшительнѣе двинулся лишь въ томъ самомъ направленіи, куда шелъ. Но, дѣйствительно, должно отмѣтить тотъ фактъ, что періодъ кризиса выражался у Толстого въ энергичномъ подчеркиваніи тѣхъ самыхъ противорѣчій, которыя раньше оставались затушеванными, и въ цѣломъ рядѣ очень опредѣленныхъ и характерныхъ поступковъ, которыми онъ внѣшнимъ образомъ старался порывать съ тѣми нитями, какія привязывали его къ прежней культурной жизни. Это обостреніе внутренней борьбы, это усиленіе никогда не умолкавшаго голоса протеста, исходившаго отъ революціонной стороны личности Толстого и направлявшагося противъ стороны реакціонной и мирящейся съ окружающей средой, должно отнести къ рубежу 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Модъ цитируетъ любопытное письмо Толстого къ Страхову отъ апрѣля 1878 г. Замѣчательно уже самое начало письма: «Другое это то, что я нынче говѣлъ и сталъ читать Евангеліе и Ренана: «Жизнь Іисуса», всю прочелъ, и все время читалъ и удивлялся на васъ. Могу объяснить ваше пристрастіе къ Ренану только тѣмъ, что вы были очень молоды, когда читали его. Если у Ренана есть

какія нибудь свои мысли, то это двѣ слѣдующія: 1) что Христосъ не зналъ l'évolution et le progrès, и въ этомъ отношеніи Ренанъ старается поправлять его и съ высоты этой мысли критикуетъ его. Это ужасно, для меня по крайней мѣрѣ; прогрессъ, по мнѣ, есть логарифмъ времени, т. е. ничего, констатизмъ факта, что мы живемъ по времени, и вдругъ это-то становится судьей высшей степени, которую мы знаемъ. Легкомысленность или недобросовѣстность этого воззрѣнія удивительны. Христіанская истина, т. е. наивысшее выраженіе абсолютнаго добра, есть выраженіе самой сущности внѣ формы, времени и др. Ренаны же смѣшиваютъ ея выраженіе абсолютно съ выраженіемъ ея въ исторіи и сводятъ ее на временное проявленіе и тогда обсуждаютъ. Если христіанская истина высока и глубока, то только потому, что субъективно абсолютна. Если же разсматривать ея объективное проявленіе, то она паравнѣ съ Code Napoléon и т. п. Другая новая у Ренана мысль—это то, что если ученіе есть ученіе Христа, то былъ какой-нибудь человѣкъ и этотъ человѣкъ непремѣнно потѣлъ и ходилъ... Но что же изъ этихъ историческихъ подробностей я узналъ новаго?.. Все прогрессъ, все évolution. Можетъ быть, что для того, чтобы узнать человѣка, какъ государственное животное, надо узнать среду и движеніе, развитіе, но чтобы понять красоту, истину и добро, никакое изученіе среды не поможетъ, да и не имѣетъ ничего общаго съ разсматриваемымъ. Тамъ идемъ по плоскости, а тутъ совсѣмъ другое направленіе—вглубь и вверхъ. Нравственную истину можно и должно изучать и конца ея изученія нѣтъ, но это изученіе идетъ вглубь, какъ ведутъ его люди религіозные, а это дѣтская, пошлая и подлая шалость» (Модъ, стр. 3—4.—Я цитирую подлинный текстъ по книгѣ «Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г.г. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко»; Москва, 1910 г., стр. 127—128).

Конечно, эти рѣзкія слова, столь обычныя у Толстого, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выразить свое мнѣніе, отнюдь не должны смѣшиваться съ риторическими восклицаніями нашихъ клерикаловъ, которые въ области этихъ вопросовъ могутъ и не такую анафему прочитать Ренану. У Толстого все—порывъ, и все—искренность. А у этихъ людей заученныя и, зачастую, не совсѣмъ безкорыстныя упражненія въ декламаціи. Кромѣ того, можно было бы указать и въ предшествовавшихъ, яснополянскихъ, статьяхъ, Толстого,—и при томъ, замѣтьте, написанныхъ десницею, а не шуйцею его,—на отрицаніе правомѣрности всеобщаго приложенія точки зрѣнія прогресса и исключительно „историческаго“ пониманія вещей.

Удовольствуюсь цитатой изъ давнишней педагогической работы Толстого о «Прогрессѣ и опредѣленіи образованія», которую приводитъ Н. К. Михайловскій: «Со временъ Гегеля и знаменитаго афоризма: «что исторично, то разумно», въ литературныхъ и изу-

стныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся историческое воззрѣніе. Вы говорите, напримѣръ, что человѣкъ имѣетъ право быть свободнымъ, судиться на основаніи только тѣхъ законовъ, которые онъ самъ признаетъ справедливыми, а историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстный историческій моментъ, обусловливающій извѣстное историческое законодательство и историческое отношеніе къ нему народа. Вы говорите, что вы вѣрите въ Бога,—историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстныя религіозныя воззрѣнія и отношеніе къ нимъ человѣчества... Скажите, что вы любите или вѣрите во что нибудь,—историческое воззрѣніе говоритъ: любите и вѣрьте, и ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣніи. Пройдутъ вѣка, и мы найдемъ то мѣсто, которое вы будете занимать въ исторіи; но впередъ знайте, что то, что вы любите, не безусловно прекрасно, и то, во что вы вѣрите, не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дѣти—ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто и приложеніе» («Полное собр. соч. Н. К. Михайловскаго», изд. 4-е, Спб., 1909, т. III, стр. 432).

Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы взять у Михайловскаго еще одну-двѣ цитаты изъ прежняго Толстого, указывающія на другой существенный элементъ его міровоззрѣнія, постепенно развившагося въ новую вѣру, а именно на его горячую любовь къ трудовому люду и самому принципу физическаго труда: «Въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы, и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ, и, главное, подтверждаетъ меня въ этой мысли то простое наблюденіе, что работникъ точно также саркастически и умно обсуживаетъ барина и смѣется надъ нимъ за то, что онъ не знаетъ, что соха, что сволока, что гречиха, что крупа». И далѣе: «Ежели прогрессисты считаютъ народъ неимѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія, и народъ считаетъ прогрессистовъ людьми, озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливости ни той, ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа, на томъ основаніи, что 1) народа больше, чѣмъ общества, и что потому должно предположить, что большая доля правды на сторонѣ народа; 2) и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ, какъ-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественныя произведенія, прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа». И наконецъ: «Весь интересъ исторіи заключается для меня не въ прогрессѣ цивилизаціи, а въ прогрессѣ общаго благосостоянія. Прогрессъ же благосостоянія, по нашимъ убѣжденіямъ, не только

не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но большею частью противоположенъ ей» (стр. 445—446).

Изъ письма къ Страхову видно, какъ Толстой своими дѣйствіями выражаетъ одновременно пока двѣ стадіи религіознаго развитія, низшую и высшую. Съ одной стороны, онъ соблюдаетъ постъ, т. е. стоитъ за традиціи, содержаніе которыхъ для громаднаго большинства сознательныхъ людей совершенно вывѣтрилось. Но, съ другой стороны, онъ страстно ищетъ истины и съ негодованіемъ отметаетъ все то, что, по его мнѣнію, отвѣчаетъ на запросы религіозной истины остроумной игрой, а не серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Читатель, конечно, уже понимаетъ, что это страстное стремленіе Толстого разобраться въ насущныхъ вопросахъ вѣры отнюдь нельзя смѣшивать съ банальнымъ слѣдованіемъ обычаю и обряду. Наоборотъ. Все, въ чемъ кристаллизуется, въ чемъ застываетъ, теряя свой внутренній жаръ, религія окружающаго его населенія, зачастую несетъ для грандіозно-чуткой души Льва Николаевича большое разочарованіе. Модъ не безъ основанія подчеркиваетъ слѣдующее короткое письмо Толстого своей женѣ изъ Кіева, куда онъ отправился поклониться святынямъ. Письмо помѣчено 14-мъ іюня 1879 г., т. е. относится къ той эпохѣ, когда наростающій кризисъ принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія формы. Вотъ что читаемъ мы: «Все утро до 3-хъ ходилъ по соборамъ, пещерамъ, монахамъ и очень недоволенъ поѣздкой. Не стоило того. Въ 7 часовъ пошелъ въ Лавру, къ схимнику Антонію, и нашелъ мало поучительнаго. Что дастъ Богъ завтра» (Модъ, стр. 9; — «Письма», стр. 128—129).

Какое впечатлѣніе вынесъ Левъ Николаевичъ изъ дальнѣйшаго пребыванія въ колыбели русскаго православія, неизвѣстно по письмамъ. Но, вѣроятно, оно было врядъ ли способно поддержать традиціонную сторону колеблющейся вѣры. Біографъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, какъ постепенно слабѣлъ этотъ обрядовый элементъ у Толстого. Остановимся лишь на одномъ, но очень типичномъ случаѣ, который англичанинъ разсказываетъ со словъ уже извѣстнаго нашимъ читателямъ В. И. Алексѣева. Въ семьѣ Толстого строго соблюдались посты, и всѣ, начиная съ графа и кончая дѣтьми, воздерживались отъ скоромнаго, которое готовилось только Алексѣеву, да еще французскому гувернеру. Но однажды за столомъ, когда вся семья ѣла постное, лакей оставилъ на окнѣ блюдо съ котлетами, только что подававшееся двумъ преподавателямъ. Вдругъ Левъ Николаевичъ, обращаясь къ сыну, сказалъ: «Илюша, дай-ка мнѣ котлетъ». Сынъ подалъ и Левъ Николаевичъ съ аппетитомъ съѣлъ скоромную котлету и съ этихъ поръ пересталъ поститься» (Модъ, стр. 12—Цитировано въ книгѣ П. Бирюкова «Левъ Николаевичъ Толстой»; Москва, 1908, т. II, стр. 330).

Эта активность, это желаніе,—порою по зрѣломъ размышленіи

послѣ колебаній,—но непремѣнно перейти отъ мысли къ дѣйствію составляетъ, какъ извѣстно, коренную черту Толстого. Если онъ предавался чему-нибудь, то предавался во всю. И, находясь въ періодѣ такого увлеченія, онъ не только говорилъ о своемъ тяготѣніи къ извѣстному дѣлу, но почти всегда осуществлялъ свои желанія на практикѣ. Пусть читатель припомнитъ всѣ теперь уже давнымъ давно извѣстные факты увлеченій графа картами, кутежами, модными костюмами, балами, гимнастикой, сельскимъ хозяйствомъ, верховой ѣздой, охотой, радостями семейной жизни и т. п. Толстой остается всегда вѣренъ себѣ. У него слово съ дѣломъ никогда не расходится, и идея ищетъ исхода въ актѣ. Разсказанный нами случай демонстративнаго, если можно такъ выразиться, отказа отъ обряда поститься, рѣзко выражаетъ, символизируетъ совершенно въ духѣ Толстого созрѣваніе въ немъ той мысли, что нельзя примирить требованія церкви съ требованіями разума и совѣсти. Модъ считаетъ, что на эту точку зрѣнія Толстой окончательно становится въ теченіе 1879 г. Англійскій біографъ цитируетъ письмо графини къ сестрѣ, помѣченное ноябремъ этого года. «Левочка все работаетъ, какъ онъ выражается; но—увы!—онъ пишетъ какія то религіозныя разсужденія, читаетъ и думаетъ до головныхъ болей, и все это, чтобы показать, какъ церковь несообразна съ ученіемъ Евангелія. Едва ли въ Россіи найдется десятокъ людей, которые этимъ будутъ интересоваться. Но дѣлать нечего, я одно желаю, чтобы ужъ онъ поскорѣе это кончилъ и чтобы прошло это, какъ болѣзнь. Имъ владѣть или предписывать ему умственную работу такую или другую никто въ мірѣ не можетъ, даже онъ самъ въ этомъ не властенъ» (Модъ, стр. 13; я беру эту цитату въ ея русскомъ оригиналѣ изъ біографіи П. Бирюкова, стр. 335—336).

Мы считаемъ нужнымъ тутъ же процитировать слѣдующее замѣчаніе Мода, которымъ онъ сопровождаетъ приведенное письмо и которое пригодится намъ ниже для оцѣнки одной изъ сторонъ личнаго существованія Толстого. «Письма его жены бросаютъ свѣтъ на нелады, которые должны были, несомнѣнно, возникнуть при тѣсной близости двухъ людей съ сильно развитой индивидуальностью, одинъ изъ которыхъ измѣнилъ свой взглядъ на жизнь и желалъ въ соотвѣтствіи съ этимъ измѣнить и свой жизненный путь. Я зналъ одну даму, которая говорила, что человѣкъ не долженъ мѣнять своихъ мнѣній послѣ того, какъ вступилъ въ бракъ. Графиня Толстая должна была часто чувствовать потребность сказать что-нибудь въ этомъ родѣ, видя, какъ ея мужъ тратилъ силы въ горячихъ стремленіяхъ къ выводамъ, которыхъ она не раздѣляла и къ которымъ, по мѣрѣ того, какъ они постоянно росли и развивались, для нея становилось все болѣе и болѣе невозможнымъ приспособиться» (Модъ, стр. 13). Мы еще вернемся къ этому вопросу. Скажемъ пока, что такъ или иначе, но Толстой

въ началѣ 80-хъ годовъ уже пережилъ первый рѣшительный періодъ душевнаго кризиса, если, вообще говоря, можно строго прилагать это понятіе къ его эволюціи, и уже написалъ «Исповѣдь», явившуюся первымъ литературнымъ выраженіемъ его новой вѣры.

III.

О новомъ міропониманіи Толстого и, прежде всего, о его религіозной системѣ писалось такъ много, что намъ нечего заниматься этимъ вопросомъ въ настоящемъ этюдѣ. Мы вполнѣ понимаемъ, что Модъ въ систематической біографіи испытываетъ потребность поговорить со своими читателями о морально-религіозныхъ взглядахъ Толстого и посвящаетъ этому цѣлыя главы (см., напр., главу II, «Богословіе и Евангелія», стр. 25—63, или главу IV, «Богатство и бѣдность», стр. 100—149, гдѣ, распространяясь о евангельскихъ выводахъ Толстого въ примѣненіи къ богатымъ и бѣднымъ, авторъ цитируетъ почти въ сплошномъ переводѣ первые 12 автобіографическихъ главъ изъ сочиненія Льва Николаевича: «Такъ что же намъ дѣлать»). Но здѣсь насъ интересуетъ гораздо больше проявленіе тѣхъ рельефныхъ сторонъ индивидуальности Толстого, которыя чрезвычайно рѣзко очерчиваются въ испытанномъ имъ кризисѣ и даже до извѣстной степени опредѣляютъ характеръ его. Одною изъ этихъ сторонъ является всегда характеризовавшая Толстого необыкновенная мощь его на рѣдкость конкретнаго художественнаго воображенія, создающаго чрезвычайно жизненные образы, которые потрясаютъ своимъ реализмомъ читателей и вызываютъ обратнымъ ударомъ цѣлый міръ эмоцій въ душѣ самого творца. Другой стороной будетъ сильная, страстная, кипучая натура Толстого, которой трудно совлекать ветхаго Адама со всѣми страстьми его и похотьми его, но которая тѣмъ съ большею энергіею искренности и активнаго раскаянія стремится отдѣлаться отъ того, что ей кажется недостойнымъ новой и лучшей вѣры.

Толстого нерѣдко называютъ раціоналистомъ. И, дѣйствительно, этотъ эпитетъ можетъ не безъ основанія прилагаться къ его способу пропаганды тѣхъ идей, какія онъ въ данный моментъ считаетъ истинными. Разумъ, логика, отсутствіе внутреннихъ противорѣчій—все это является для Толстого критеріемъ истинности положеній, къ какимъ онъ въ данный моментъ приходитъ. И этимъ же чисто логическимъ, разсудочнымъ, подчасъ почти резонерскимъ головнымъ путемъ онъ стремится убѣдить свою аудиторію въ правильности того или иного взгляда. Все это такъ. Но если изъ посылокъ онъ дѣлаетъ выводы путемъ силлогизма, то самыя-то посылки даются ему художественнымъ воображеніемъ и нравственной эмоціей. Здѣсь уже вступаетъ въ свои права сторона необыкновенно энергичнаго ощущенія, претворенія его въ художественные образы

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, могучаго психическаго аффекта, который окрашиваетъ и осмысливаетъ для Толстого исходный пунктъ его разсужденій. Когда Толстой пропагандируетъ, онъ прежде всего прибѣгаетъ къ логическимъ пріемамъ. Но когда самъ для себя онъ складываетъ извѣстное міровоззрѣніе, творческими основами его новой вѣры являются воображеніе и аффектъ, — художественный образъ и настроеніе души. Изъ посылокъ Толстой дѣлаетъ выводы, какъ логикъ. Но самыя посылки даются ему эстетическимъ воспріятіемъ и нравственнымъ чувствомъ. Нѣтъ спору, что, какъ живой и цѣльный человѣкъ, Толстой и въ логической области доказательствъ нѣтъ-нѣтъ, да и развернетъ всю гигантскую силу своего художественнаго таланта. Но все же онъ старается здѣсь идти путемъ логическаго разсужденія. За то все, что лежитъ въ подкладкѣ его силлогизма, дается ему, повторяемъ мы, способностью художественнаго видѣнія, художественнаго перевоплощенія и чрезвычайно сильной нравственной моціей.

Возьмемъ, напр., вопросъ, въ какой степени его артистическое воображеніе и способность видѣть предметы, какъ живыми, и необыкновенно реально передавать ихъ являются однимъ изъ главныхъ элементовъ выработки того міровоззрѣнія, въ которомъ онъ увидалъ весь смыслъ своего новаго существованія. Было бы долго приводить читателю тѣ высокохудожественные образы, которые составляютъ автобіографическую часть его работъ, т. е. изображаютъ съ несравненной силой и тѣлесностью тѣ условія жизни, среди которыхъ онъ жилъ, и тѣхъ состояній сознанія, черезъ которыя онъ переходилъ во время кризиса. Я позволю себѣ упомянуть лишь объ одной подробности, какъ мнѣ кажется, недостаточно отмѣченной біографами. Мы знаемъ, какую роль въ евангельскомъ ученіи Толстого играютъ безусловная любовь къ ближнему и безусловное непротивленіе злу насиліемъ. Однимъ изъ самыхъ первыхъ проявленій на практикѣ его новаго міровоззрѣнія было, какъ извѣстно, письмо къ Александру III о необходимости помиловать царсубійцъ. Политическую сторону мы оставляемъ здѣсь внѣ разсмотрѣнія: для насъ теперь важна его нравственная сторона.

Какъ бы вы ни относились къ его взгляду на предметъ, но на васъ неотразимо дѣйствуетъ глубокая искренность человѣка, который пишетъ: «Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту. Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали бы ихъ куда-нибудь въ Америку, и написали бы манифестъ со словами вверху: «а Я говорю: любите враговъ своихъ», не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы я

слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: «не знаю, что другiе». Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россiи добро и любовь отъ этихъ словъ... Только одно слово прощенiя и любви христiанской, сказанное и исполненное съ высоты престола, и путь христiанскаго царствованiя, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россiю. Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революцiонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа» (Модъ, стр. 66—70: въ бiографiи цѣлая глава (III) носитъ названiе «Письма къ царю»; я цитирую по подлиннику, помѣщенному у Бирюкова на стр. 363—373).

Можно разно относиться къ тѣмъ выраженiямъ традицiоннаго лойялизма, скорлупу которыхъ не могъ еще пробить въ это время Толстой, успѣвшiй выучиться писать монархамъ совершенно свободно лишь позже. Но нельзя остаться равнодушными къ той силѣ искренности и любви, которою проникнуты эти строки довольно необычнаго со стороны вѣрноподданнаго прошенiя къ царю. Надо было до глубины души быть потрясеннымъ приготовлявшейся казнью, чтобы найти въ себѣ такiе звуки страстной мольбы. И, дѣйствительно, Толстой былъ глубоко потрясенъ. Но потрясенъ—и я прошу читателей обратить вниманiе на это обстоятельство—не только какъ исповѣдникъ новой вѣры, увидѣвшiй въ прощенiи врагамъ высшiй смыслъ христiанской жизни, но и какъ человѣкъ, обладающiй до кошмарности яркимъ воображенiемъ и содрагающiйся отъ ужаса передъ образами, проходящими въ его же сознанiи. Чрезвычайно любопытное подтвержденiе этому мы находимъ въ разговорахъ Толстого съ Фейнерманомъ, какъ разъ по поводу упомянутой казни. Уже нѣсколько лѣтъ спустя Левъ Николаевичъ говорилъ своему собесѣднику: «Позже, когда я слышалъ о томъ, что было сдѣлано, я не могъ оторвать глазъ отъ этихъ висящихъ фигуръ. Образъ женщины, Софьи Перовской, въ особенности угнеталъ меня. Я ясно рисовалъ себѣ, какъ она вкладывала свою голову, пока петля не легла у ней на горлѣ; а затѣмъ, когда стулъ былъ вытолкнутъ изъ-подъ ея ногъ, и веревка притянула нѣжный хрящъ ея гортани туго-туго къ твердому позвонку затылка, она внезапно почувствовала, какъ кровь хлынула въ ея голову, и стала корчиться всѣмъ тѣломъ... Я задыхался. Я не одинъ разъ глоталъ слюну, чтобы убѣдиться, что мое горло еще не сдавлено... Я видѣлъ эти выпиравшiе глаза, устремленные неподвижно въ ожиданiи неумолимой близости чего-то страшнаго. И видѣлъ посинѣлое лицо подъ чернымъ колпакомъ. О ужасъ всего этого! О ужасъ!» (Модъ, стр. 73—74) *).

*) Въ сущности то же соединенiе мучительной работы воображенiя и порыва нравственнаго негодованiя ясно проглядываетъ въ письмѣ Толстого къ Бирюкову о томъ состоянiи, какое испытывалъ Левъ Нико-

Процитирую еще продолженіе этого разговора. Сказавъ, что тѣ «ужасы» смертной казни, какіе люди обрушиваютъ на другихъ, не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ благодѣтельное провидѣніе позаботилось о томъ, чтобы смерть теряла свою страшную сторону именно тогда, когда она совсѣмъ близка къ намъ, Толстой переходитъ въ доказательство къ одной сценѣ изъ своей личной жизни,—изъ жизни страстнаго охотника, любившаго помѣряться съ дикимъ звѣремъ: «Я вспоминаю, что однажды, когда медвѣдь бросился на меня и подмялъ меня подъ себя, впиваясь когтями своей огромной лапы въ мое плечо, я не испытывалъ страданій. Я лежалъ подъ нимъ и смотрѣлъ въ его теплую, широкую пасть съ влажными, бѣлыми зубами. Онъ дышалъ надо мною, и я видѣлъ, какъ онъ повертывалъ голову, чтобы укусить меня сразу въ два виска, и какъ, отъ торопливости или отъ пробудившагося аппетита, онъ щелкнулъ пастью въ воздухѣ какъ разъ надъ моей головой и снова открылъ свой ротъ, этотъ красный, влажный, голодный ротъ со струившейся слюной. Я почувствовалъ, что былъ на порогѣ смерти, и смотрѣлъ въ глубь этой пасти, какъ осужденный на казнь смотритъ въ могилу, вырытую для него. Я смотрѣлъ— и помню, что не чувствовалъ ни страха, ни ужаса. Я видѣлъ однимъ глазомъ за очертаніями этого рта клочокъ голубого неба, блестѣвшій между пурпурными облаками, нагроможденными одно на другое, и я думалъ, какъ хорошо быть тамъ вверху» (Модъ, стр. 74—75).

Такимъ образомъ, каковы бы ни были нравственныя цѣли, которыя преслѣдовалъ въ данномъ случаѣ моралистъ, но способность видѣть предметъ во всей его поражающей реальности, несомнѣнно, составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей Толстого, могущихъ объяснять въ значительной степени энергію его проповѣди. Ибо съ этой чертой, по всей вѣроятности, связана и его другая способность, способность перевоплощать свое ощущеніе въ художественный образъ, отъ котораго отдѣляется волна колоссальнаго психическаго внушенія, захватывающаго всю аудиторію, но не оставляющаго спокойнымъ и самого творца. Можно даже сказать, что Толстой обладаетъ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ другіе, изощренною чувствительностью къ имъ же самимъ создаваемымъ картинамъ и фигурамъ. Извѣстенъ тотъ фактъ, что надъ нѣкоторыми мѣстами своихъ произведеній онъ плакалъ и въ процессѣ творчества, и послѣ, читая ихъ. Такъ, когда во «Власти Тьмы» наступаетъ дѣйствительно потрясающая сцена удушенія ребенка въ погребѣ, и совершившій ужасное дѣло Никита на яву бредитъ преступленіемъ, — «какъ захрустятъ эти косточки, да какъ запищитъ... опять пищитъ, право, пищитъ», — то Толстой безъ слезъ

лаевичъ, узнавъ о предстоящей казни (Модъ, стр. 65; „Письма“, стр. 308—309: это письмо написано много лѣтъ спустя послѣ событія, въ 1906 г.).

никогда не могъ доходить до этого мѣста, въ слезахъ же имъ написаннаго.

Что касается до другой стороны Толстого, а именно, его сильной, мятущейся натуры, часто волнуемой цѣлымъ ураганомъ человѣческой страсти и человѣческаго чувства, то объ этомъ говорятъ тѣ самые люди, которые, въ качествѣ его вѣрныхъ,—слѣдовало бы сказать правовѣрныхъ,—учениковъ, желали бы безъ конца идеализировать своего учителя, лишить его всего земного и грѣховнаго и сдѣлать изъ него чистаго ангела. Почти на каждой страницѣ его жизнеописаній, вышедшихъ изъ интимнаго круга людей, близкихъ по духу, сквозитъ эта человѣчески грѣховная, но и человѣчески привлекательная, безпокойная и потрясаемая всевозможными стремленіями могучая индивидуальность. «Онъ жилъ, какъ всегда, всей своей сильной животной и духовной природой» (стр. 230); «годы безпорядочной, хаотической жизни съ борьбой и часто разнузданностью страстей» (стр. 292); «онъ отдается со всею присущею ему страстностью» (стр. 296), — почти на каждой страницѣ хотя-бы Бирюковской біографіи встрѣчаете вы выраженія, характеризующія эту сторону Толстого. За все онъ принимается со всѣмъ пыломъ и со всею страстью своей мятежной души. И если наступающій кризисъ заставитъ его все чаще и чаще налагать узду на могучіе порывы своей богатой природы, часто устремлявшіе его не въ одну высь, то эта практика самообузданія столь же свидѣтельствуетъ о необыкновенной искренности и энергіи, съ какой Толстой хочетъ совлечь съ себя стараго Адама, какъ и объ его склонности къ «паденію», къ увлеченію тѣми самыми страстями и импульсами, которые самому же ему скоро представятся низкими и глубоко грѣховными. Это—не прирожденный безкровный аскетъ, который спокойно складываетъ грапласьянсъ своей нравственной системы. Толстой слѣпленъ изъ той земной, но геніальной глины, которую судьба употребляла не разъ на созданіе тѣхъ мятущихся реформаторовъ, что были крупными грѣшниками и находили въ себѣ силу стать великими праведниками. Натура Толстого — это натура Павла, бл. Августина, Саванароллы, Лютера. И какъ съ этой точки зрѣнія интересны нѣкоторые штрихи, вычерчиваемые біографомъ Толстого при изображеніи той эпохи, когда въ немъ вырабатывается стремленіе начать жизнь совершенно по иному, и не на словахъ только, а и на дѣлѣ сжечь то, чему онъ поклонялся, и поклониться тому, что онъ сжигалъ!..

Въ высшей степени интересно въ этомъ смыслѣ сопоставленіе двухъ типовъ личностей: Толстого и Тургенева. Извѣстно, что весной 1880 г. Тургеневъ ѣздилъ въ Ясную Поляну, чтобы склонить Льва Николаевича принять участіе въ подготовлявшемся тогда Пушкинскомъ праздникѣ. Какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, хозяинъ-охотникъ организовалъ въ честь своего гостя, столь же страстнаго охотника, какъ онъ самъ, настоящій походъ

на бекасовъ. Вечеромъ, въ ожиданіи пролета птицъ, графиня Толстая стояла возлѣ Тургенева и воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы спросить его: «Почему вы такъ долго ничего не писали?» Тургеневъ оглянулся и, виновато улыбаясь, сказалъ со свойственной ему трогательной откровенностью: «Что, насъ никто не слышитъ? Ну, такъ я скажу вамъ... Всякій разъ, когда я задумывалъ какой-нибудь планъ, я былъ потрясаемъ лихорадкой любви. А теперь все это прошло: я—старый человѣкъ, и я не могу больше ни любить, ни писать» (Модъ, стр. 15). Но англичанинъ приводитъ и еще болѣе интересное продолженіе разговора на ту же тему уже съ самимъ Львомъ Николаевичемъ: «И Толстому также Тургеневъ говорилъ о томъ измѣненіи, которое произошло съ нимъ—съ нимъ, для кого любовь составляла такую значительную часть радостей жизни. «У меня была на дняхъ исторія»,—сказалъ онъ,—«и повѣрите ли? я нашелъ, что это скучно и глупо». «Ахъ,—воскликнулъ Толстой,—если бы только и я былъ такимъ же!» (Ibid).

Модъ, съ свойственнымъ англо-саксонскимъ писателямъ умѣньемъ выражать мысль въ подобныхъ деликатныхъ вопросахъ, вскрываетъ истинный смыслъ этого восклицанія, не ставя точекъ надъ і, а какъ бы вскользь замѣчая отъ себя: «То было, дѣйствительно, вещью, относительно которой взгляды Толстого и Тургенева радикально расходились и въ области которой борьба менѣе пожилого человѣка во имя самообладанія была далеко еще не кончена». Въ приведенномъ выше короткомъ восклицаніи весь Толстой. Тургеневъ сожалѣетъ о томъ, что у его художественной натуры старость уже отняла цѣлую гамму ощущеній. Могучій, пышущій здоровьемъ Толстой, наоборотъ, скорбитъ о томъ, что онъ все еще не можетъ удержать въ рамкахъ своего нравственнаго идеала грѣховные, какъ ему кажется, импульсы его богатырскаго организма.

Но то происходило еще въ пылу кризиса. Модъ даетъ даже этой (первой) главѣ своей біографіи общее названіе «Переходная пора» (The Transition Stage). Посмотрите, однако, на Толстого и позднѣйшей эпохи, когда онъ уже сталъ страстнымъ проповѣдникомъ новой вѣры и написалъ «Крейцерову сонату»... Но я опять предпочитаю цитировать англо-саксонскаго писателя: «общій приговоръ русскаго общества (по прочтеніи этого произведенія. Н. Р.) былъ: «Толстой старѣетъ. Силы теперь оставляютъ его, и виноградъ становится для него теперь зеленъ». Но эта мысль, будто его ученіе было порожденіемъ его физической слабости, било совершенно не въ точку (was entirely wide of the mark). Въ 1896 г., когда ему было уже около 70 лѣтъ, я говорилъ съ нимъ объ этихъ вещахъ... Онъ былъ физически силенъ и дѣятеленъ еще цѣлые годы послѣ того, и нѣкоторыя изъ его величайшихъ умственныхъ подвиговъ лежали еще впереди... Въ аналогичномъ же настроеніи самообличенія Толстой писалъ въ своемъ дневникѣ въ 1903 г.: «Я испытываю адскія мученія; я вспоминаю всѣ мерзости своей прежней

жизни. Эти воспоминанія не оставляютъ меня, они отравляютъ мнѣ жизнь» (стр. 402). Эти строки взяты мною уже изъ главы «Половой вопросъ» (The Sex Question), въ которой Модъ изображаетъ главнымъ образомъ факты изъ жизни Толстого, относящіеся къ началу 90-хъ годовъ.

И такимъ Толстой рисуется вездѣ подъ перомъ новаго біографа: сознаніе того, что въ немъ еще сильно преобладаютъ инстинкты, чувства, желанія, которые онъ самъ считаетъ противорѣчащими идеалу совершенства; и страстный порывъ дѣлами же погасить эти дѣла, отравляющія его душу чувствомъ отвращенія къ себѣ. Громадный размахъ нравственныхъ эмоцій проявляется у Толстого и въ этихъ рѣзкихъ переходахъ отъ одного рода жизни къ другому, отъ одного настроенія къ прямо ему противоположному. Мы видимъ, что могущественной пружиной, заставляющей Толстого работать чрезвычайно много теоретически и практически надъ выработкой новой вѣры, является мучительное недовольство прежде всего самимъ собой, и желаніе избавиться отъ грандіозныхъ по своей силѣ и глубинѣ страданій, вызываемыхъ чувствомъ раскаянія. Самыя невинныя дѣйствія отвергаются мятущимся моралистомъ наравнѣ съ тѣми, въ которыхъ дѣйствительно выражается эгоистическая натура — увы! — всякаго современнаго человѣка. У Мода можно найти не мало трогательныхъ въ своемъ комическомъ трагизмѣ подробностей о томъ, какъ Толстой подъ вліяніемъ какой-нибудь встрѣчи, разговора, наконецъ просто изгиба собственной мысли, вдругъ приходитъ къ необходимости изгнать изъ своей жизни какую-нибудь привычку.

Мы видѣли, какъ демонстративно онъ принялся постомъ за мясо. Но наступилъ другой моментъ, когда его свиданіе съ контистомъ и «богочеловѣкомъ» Фреемъ превратило его въ убѣжденнаго вегетаріанца. Или, напр., Михайловскій разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», какъ его интересные диспуты съ Толстымъ въ началѣ 80-хъ годовъ прерывались предложеніемъ графа выкурить по папиросѣ, въ каковой операціи Левъ Николаевичъ находилъ лучшее средство успокоить разгоряченныхъ собесѣдниковъ и возвратить имъ необходимое для продолженія разговора хладнокровіе. А съ другой стороны, въ «воспоминаніяхъ» окружающихъ реформатора лицъ изъ нѣсколько позднѣйшаго періода сохранились сцены мучительнаго отучиванія Толстымъ себя отъ табаку, когда Левъ Николаевичъ буквально не находилъ себѣ мѣста, сгорая желаніемъ покурить. Точно также изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ цитатъ читатель уже могъ заключить, какимъ страстнымъ охотникомъ былъ Толстой «грѣховнаго» періода. Но такимъ страстнымъ охотникомъ онъ оставался въ душѣ даже и тогда, когда заповѣдь «Не убій» стала принимать въ его глазахъ характеръ всеобщаго велѣнія, охватывающаго всю цѣпь живыхъ существъ.

Любопытенъ приводимый Модомъ въ главѣ «Новая жизнь»

(The New Life) разсказъ изъ воспоминаній Анны Сёронъ, бывшей гувернанткой въ семьѣ Толстыхъ, о послѣднемъ охотничьемъ приключеніи Льва Николаевича въ половинѣ 80-хъ годовъ, когда новая вѣра, казалось бы, уже окончательно вытѣснила въ душѣ графа старую. «Въ это же время онъ отказался отъ всякой охоты; и о трудности для него исполнить это и о силѣ чувства, которое отъ времени до времени влекло его къ этому спорту, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. Однажды, прописавши въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, онъ вышелъ въ переднюю и взбросилъ ружье за плечо, но не могъ найти своей шляпы. Такъ какъ солнце страшно пекло, то онъ схватилъ первую попавшуюся ему вещь для прикрытія головы и исчезъ, какъ молнія, изъ дому. Къ вечеру онъ вернулся, погруженный въ мысли, съ опущенной, ничѣмъ не прикрытой головой, и потихоньку прокрался въ домъ, таща за собой убитаго зайца; на поясѣ моталась у него гигантская огненно-красная шляпа его старшей дочери, схваченная имъ въ охотничьемъ пылу, когда онъ уходилъ. Это былъ его послѣдній заяцъ» (стр. 218). Модъ разсказываетъ также со словъ Сёронъ, что желаніе гуманнаго обращенія съ животными внушило однажды Толстому мысль отказаться отъ столь любимой имъ верховой ѣзды (стр. 328), какъ отъ занятія, причинявшаго, по его мнѣнію, мученіе лошади. На доли говорить, что, однако, эти угрызенія совѣсти не простирались на ѣзду въ экипажѣ? Впрочемъ, самъ Левъ Николаевичъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ призрачность грѣха верховой ѣзды и возвратился къ своему любимому спорту. И опять таки таковъ онъ всегда и во всемъ. Сознаніе грѣховности извѣстнаго дѣйствія сопровождается у него твердымъ желаніемъ покончить съ грѣхомъ. И онъ, дѣйствительно, кончаетъ, кончаетъ сначала порою лишь временно и не безъ рецидива, но успѣваетъ въ заключеніе справиться съ тѣмъ, что ему кажется дурнымъ желаніемъ или инстинктомъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что вся активная борьба графа Толстого съ грѣховными дѣйствіями въ значительной степени принимаетъ конкретный, тѣлесный характеръ потому, что самъ его могучій организмъ ищетъ не только аскетическихъ подвиговъ, но и цѣлесообразныхъ физическихъ упражненій. Шитье сапогъ, паханье, подметаніе комнаты, привозъ воды изъ рѣки на ручныхъ саняхъ, колка дровъ, крытье крышъ, кладка печей, — все это дѣйствія, которыя являются въ глазахъ Толстого практическимъ исполненіемъ нравственнаго закона, заповѣди доставлять себѣ трудомъ все, что нужно самому человѣку, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ глубоко-заложенную въ его сильный организмъ потребность нормальнаго упражненія мускуловъ. Еще гораздо раньше, еще до періода своего просвѣтлѣнія, еще въ состояніи, такъ сказать, первобытной грѣховности, Толстой брался и за соху, и за косу, чтобы дать выходъ накопившейся жизненной энергіи. Неоднократно

въ его письмахъ, относящихся къ этому «языческому» періоду, вы встрѣтитесь съ жалобами на то, что у него голова кружится, что онъ чувствуетъ себя нездоровымъ, если ему не удается поработать на воздухѣ, или заняться какимъ нибудь дѣятельнымъ родомъ спорта.

Конечно, это органическое желаніе Толстого не исчерпывало всего его стремленія къ новой вѣрѣ. Нѣтъ, онъ съ такой же энергіей занимался, если можно такъ выразиться, и гимнастикой души, моральнымъ спортомъ, дѣятельной работой надъ измѣненіемъ своихъ внутреннихъ вкусовъ и наклонностей. Съ искренностью раскаянія, которое мы находимъ развѣ только у бл. Августина, Толстой сурово бичуетъ свои земные порывы къ спокойной жизни, эстетическимъ удовольствіямъ, наслажденію музыкой и литературой, авторской славѣ, личному тщеславію, такъ что Михайловскій имѣлъ право однажды сказать, что новая вѣра Толстого является прежде всего стремленіемъ создать міровоззрѣніе, удовлетворяющее его самого, Толстого, внести миръ въ его душу, удовлетворить его личнымъ потребностямъ физическаго и духовнаго рода. Вотъ почему вліяніе Толстого на непосредственно его окружающихъ близкихъ людей, на его учениковъ и вообще на людей, подвергающихся его идейной пропагандѣ, далеко непропорціонально тѣмъ великимъ усиліямъ, которыя онъ тратитъ на свое личное совершенствованіе. Это подвижничество Льва Николаевича обладаетъ страннымъ свойствомъ сравнительно мало заражать широкіе круги. Оно въ извѣстномъ смыслѣ неотчуждаемо: для того, чтобы быть толстовцемъ, надо быть Толстымъ. И, въ самомъ лучшемъ случаѣ, то, что въ индивидуальной работѣ Толстого надъ собой носитъ привлекательный характеръ, вызываетъ, наоборотъ, въ другихъ дѣятельность, которая исполнена внутреннихъ противорѣчій, ведетъ къ ломкѣ природы и въ концѣ концовъ сводитъ почти на нѣтъ практическія старанія его послѣдователей. Къ этому мы и переходимъ.

IV.

Интересны прежде всего отношенія Толстого къ своей семьѣ и вліяніе его на непосредственно его окружающихъ, близкихъ людей. Для англичанина, помимо разныхъ свѣдѣній, имѣющихся въ богатой, хотя и разношерстной литературѣ «воспоминаній», «разговоровъ» и т. п., были открыты многія интимныя стороны семейной жизни Толстого. Съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который былъ очень симпатиченъ Толстому и который въ свою очередь горячо любилъ его и старался всѣми средствами распространять его идеи на культурномъ Западѣ, домочадцы Толстого не стѣснялись. Многое передавалось ему изъ того, что обыкновенно скрывается семьями. Впрочемъ, уже давно къ личной жизни Льва Николае-

вича можно было примѣнить выраженіе, употребленное самимъ Толстымъ: ему приходится жить словно въ стеклянномъ домѣ. Модъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ сторонахъ отношеній Толстого къ его семейнымъ съ искренностью, но и сдержанностью, какія не всегда встрѣчаются даже у любимыхъ учениковъ реформатора. Дѣйствительно, въ послѣднее время, особенно въ самые послѣдніе дни со времени смерти Толстого, у насъ стали касаться интимныхъ сторонъ его существованія, съ развязностью, которая, поистинѣ, должна приводить въ негодованіе не только людей, идейно любящихъ Толстого, но и всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ, что въ жизни каждой личности есть же извѣстный кругъ дѣйствій и чувствъ, черезъ которые порядочный человѣкъ не долженъ стараться протиснуться. Мы считаемъ возможнымъ воспользоваться лишь тѣми штрихами, которые прочерчены Модомъ, съ очевиднаго разрѣшенія и Толстого, и его близкихъ (напомню, что вся біографія просмотрѣна графиней), чтобы отвѣтить на интересный психологическій вопросъ, какова была роль Толстого въ его собственной семьѣ, какъ онъ дѣйствовалъ на своихъ, онъ, который своими писаніями волновалъ умы всего человѣчества.

Ходячее представленіе объ этой сторонѣ Толстого таково, что между нимъ и его близкими не было никакой идейной связи; что если вся личность великаго художника и могучаго моралиста соткана изъ фибръ свѣтоноснаго эфира, то окружающіе его представляютъ собою квинтъэссенцію противоположныхъ свойствъ. Неоднократно, въ послѣднее время, съ прямолинейностью, достойной лучшей участи, высказывалось то мнѣніе, что Толстой былъ ангеломъ, кипѣвшимъ въ кругу демоновъ зла. Подъ этимъ угломъ зрѣнія жизнь Толстого является трагедіей псевдоклассическаго репертуара: на одной сторонѣ свѣтъ, добродѣтель, героизмъ; на другой—мракъ, низкіе разсчеты, отсутствіе всякой любви къ великому человѣку. Увы! дѣйствительность не такъ страшна, какъ то кажется любителямъ псевдоклассическихъ трагедій. Но у нея есть свои ужасы, тѣмъ болѣе реальные, что они коренятся въ обыкновенныхъ условіяхъ нашей теперешней, кипащей противорѣчіями жизни, жизни людей, борющихся за свои интересы и окрашивающихъ свои взгляды часто подъ вліяніемъ будничныхъ, очень прозаическихъ и очень невысокихъ стремленій.

Если вдуматься въ мнѣнія англичанина о характерѣ отношеній, сложившихся, напр., между графомъ и его женой и если сдѣлать нѣкоторыя поправки, въ виду того, что въ головѣ западно-европейца не всегда укладываются явленія нашей странной личной и общественной психологіи, отличающейся великими недостатками, но и рѣдкими достоинствами, то картина получается такая. Прежде всего было бы преувеличеніемъ сказать, что между Львомъ Николаевичемъ и его спутницей жизни была всегда глубокая пропасть, все расширявшаяся и расширявшаяся по мѣрѣ

того, какъ Толстой превращался въ неустаннаго моралиста, и наконецъ, достигнувшая такихъ размѣровъ, что графиня превратилась въ ближайшаго и злѣйшаго врага великаго русскаго человѣка.

Начнемъ съ слѣдующей цитаты изъ Мода, которая, если и нуждается въ извѣстныхъ оговоркахъ, то во всякомъ случаѣ рисуетъ положеніе дѣлъ не на тотъ огрубленный манеръ, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ любители суздальскаго писанія въ литературѣ и жизни, однимъ взмахомъ кисти закрашивая сложную и колеблющуюся линію людскихъ отношеній: «Въ это время (Модъ говоритъ о срединѣ и второй половинѣ 90-хъ годовъ, изображенныхъ имъ въ главѣ о «Духоборахъ», уже къ концу книги. Н. Р.) было модой у послѣдователей Толстого говорить о графинѣ, какъ о великомъ препятствіи, лежавшемъ на пути осуществленія имъ своихъ принциповъ, и внушать ту мысль, что, будь только онъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, отсюда проистекли бы удивительные результаты; но я не думаю, что и ученики и самъ онъ имѣли ясную идею о томъ, какъ бы ему должно было жить, или что должно было дѣлать, считайся онъ только съ самимъ собой. Несомнѣнно, положеніе графини было крайне затруднительно. Она играла очень большую роль въ жизни своего мужа и обращала большое вниманіе на его матеріальное благосостояніе. Она никогда не скрывала своего несогласія со многими его взглядами и часто совершенно откровенно основывала свою точку зрѣнія на соображеніяхъ семейныхъ интересовъ. Но если къ ней прилагать обыкновенную мѣрку, то она была превосходной женой, а прилагать къ ней мѣрку необыкновенную только потому, что мужъ ея—необыкновенный человѣкъ, было бы, я думаю, очень несправедливо» (стр. 497).

Конечно, прежде всего по поводу этихъ соображеній должно сказать, что у западно-европейца, человѣка отстоявшихся воззрѣній въ семейной области, существуетъ сильная тенденція идеализировать современную индивидуальную семью и относиться снисходительно къ нѣкоторымъ, такъ называемымъ, семейнымъ добродѣтелямъ потому, что онѣ полезны этой ячейкѣ, хотя бы и шли въ разрѣзъ съ общественными интересами. Но несомнѣнно и то, что прилагать одинаковый масштабъ и къ Толстому, и къ его домочадцамъ грѣшило бы противъ основной психологической правды. Слѣдуетъ затѣмъ прибавить, что у насъ въ послѣднее время принято очень подчеркивать степень всегдашней отчужденности Толстого отъ его домочадцевъ и въ особенности черезчуръ стирать черты не совсѣмъ рядовой индивидуальности, какими обладаетъ графиня. Вы можете сколько угодно приписывать ей тѣ узко-эгоистическіе мотивы, которые составляютъ—увы!—идеалъ хорошей жены, матери и хозяйки, согласно юмористическому, но глубокому опредѣленію Глѣба Успенскаго: «мужъ грабитъ, а жена подбираетъ,—и выходитъ семейный домъ». Но тутъ дѣло поистинѣ не

въ «людяхъ», а въ «учрежденіяхъ». И пусть кто-нибудь изъ импровизированныхъ строгихъ моралистовъ послѣднихъ дней подниметъ камень и, оставаясь на почвѣ признанія современной противообщественной семьи, броситъ его въ тѣхъ, кто заботится о своихъ домочадцахъ!

Какъ бы то ни было, но, вглядываясь въ отношенія между Львомъ Николаевичемъ и женой, вы должны будете признать, что не одними грубыми личными интересами руководилась та, которую судьба связывала въ теченіе почти полвѣка съ однимъ изъ величайшихъ людей нашего времени. О, конечно, графиня часто жалуется на то, что мужъ, какъ ей кажется, по-пусту страдаетъ отъ своихъ разъѣдающихъ мыслей, сверлящихъ его сознаніе въ минуты назрѣвавшаго духовнаго кризиса. Конечно, въ другихъ мѣстахъ Софья Андреевна довольно энергично высказываетъ свои взгляды въ родѣ, напр., такихъ, что если желать въ духѣ новой вѣры облагодѣтельствовать всѣхъ, то ихъ состоянія не хватитъ на это; что и дѣти, и внуки, и прочіе многочисленные домочадцы останутся безъ всякихъ средствъ; и что она согласна помогать только непосредственно окружающей ее горькой нуждѣ и вообще приносить пользу людямъ постольку, поскольку это не затрогиваетъ существенно благосостоянія семьи. Но опять таки: попробуйте по существу отрицать эту обывательскую точку зрѣнія, разъ вы видите въ современной семьѣ «священную основу» или, по крайней мѣрѣ, необходимое учрежденіе. Бѣда тутъ заключалась въ томъ, что проповѣдь личнаго совершенствованія Толстого обязывала и его самого, и его близкихъ къ непосредственной переустройкѣ и личнаго склада жизни. Если врачъ полагаетъ, что дѣло не въ соціальныхъ реформахъ, а въ индивидуальномъ подвижничествѣ, то всякій страждущій моральными несовершенствами паціентъ въ правѣ обратиться къ доктору души со словами: врачу! исцѣлися самъ!..

Во всякомъ случаѣ, не банальны слѣдующія строки, которыя графиня, стоящая на точкѣ зрѣнія обычныхъ семейныхъ добродѣтелей нашего общества, пишетъ, однако, по поводу настроенія своего мужа, пережившаго уже страданія духовнаго кризиса: «Левочка очень спокоенъ,—сообщаетъ Софья Андреевна своей сестрѣ 30 января 1883 г.,—работаетъ, пишетъ какія-то статьи, иногда прорываются у него рѣчи противъ городской и вообще барской жизни. Мнѣ это больно бываетъ: но я знаю, что онъ иначе не можетъ. Онъ человѣкъ передовой, идетъ впереди толпы и указываетъ путь, по которому должны идти люди. А я, толпа, живу съ теченіемъ толпы, вмѣстѣ съ толпою вижу свѣтъ фонаря, который несетъ всякій передовой человѣкъ и Левочка, конечно, тоже, и признаю, что это свѣтъ. Но не могу идти скорѣе, меня давитъ и толпа, и среда, и мои привычки» (Модъ, стр. 175, въ главѣ «Отреченія» (Renunciations); я цитирую русскій оригиналъ по біографіи Бирюкова, стр. 447). Такъ не можетъ писать человѣкъ, совершенно

ничтожный и преданный исключительно матеріальнымъ попеченіямъ о себѣ и своей семьѣ.

Или возьмите слѣдующую тонкую характеристику Толстого, набросанную любящей рукой (въ письмѣ отъ 23 октября 1884 г.): «Я вдругъ себѣ ясно представила тебя,—пишетъ графиня мужу,—и во мнѣ вдругъ такой наплывъ нѣжности къ тебѣ. Такое въ тебѣ что-то есть умное, доброе, наивное и упорное и все освѣщено только тебѣ одному свойственнымъ свѣтомъ нѣжнаго участія ко всѣмъ и взглядомъ прямо въ душу людямъ» (Модъ, стр. 197; Бирюковъ, стр. 478). И опять таки, этихъ строкъ не напишетъ никогда женщина, для которой мужъ и стяжатель совершенно заслоняютъ человѣка.

Съ другой стороны, у Толстого неоднократно вырываются въ письмахъ къ симпатичнымъ ему людямъ то простыя жалобы, то почти негодующіе отзывы о пустотѣ, о низменности окружающей его среды и самой его семейной обстановки. Но и въ этихъ отзывахъ,—и въ этомъ ужасъ положенія генія!—Левъ Николаевичъ характеризуетъ въ сущности не одну свою семью, а строй жизни всѣхъ людей своего общества, тѣхъ «незанятыхъ классовъ», къ никчемности которыхъ онъ такъ рѣзко относился еще въ яснополянскихъ статьяхъ, противоставляя имъ великую правду народной, трудовой жизни. Читайте, напр., въ его письмахъ слѣдующія мѣста, смыслъ которыхъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ сузили, видя въ нихъ лишь оцѣнку самой семьи великаго человѣка. Въ ноябрѣ 1882 г. онъ пишетъ своему другу В. И. Алексѣеву: «Я довольно спокоенъ, но грустно часто отъ торжествующаго самоувѣреннаго безумія окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачѣмъ мнѣ дано такъ ясно видѣть ихъ безуміе, а они совершенно лишены возможности понять свое безуміе и свои ошибки, и мы такъ стоимъ другъ противъ друга, не понимая другъ друга и удивляясь и осуждая другъ друга. Только ихъ легіонъ, а я—одинъ; имъ какъ будто весело, а мнѣ какъ будто грустно» (Модъ, стр. 165—166; русскій оригиналъ находится на стр. 141 «Писемъ Л. Н. Толстого»). Или возьмите хотя бы слѣдующее письмо (къ М. А. Энгельгардту), въ которомъ опять-таки хотятъ видѣть осужденіе Толстымъ его собственной семьи: «Въ чувствѣ, которое я испытываю къ Вамъ, есть много эгоистичнаго,—пишетъ Толстой въ августѣ все того же 1882 г.—Вы вѣрно не думаете этого, но Вы не можете себѣ представить, до какой степени я одинокъ, до какой степени то, что есть настоящій «я», презираемо всѣми, окружающими меня» (Модъ, стр. 169; «Письма», стр. 142).

Но и это письмо, несомнѣнно, относится къ характеристикѣ не только собственной семьи Толстого, а вообще все тѣхъ же «незанятыхъ классовъ». Въ своей критикѣ Толстой касается съ этой точки зрѣнія даже и самого себя, а именно, поскольку его «дѣла», отражающія на себѣ вліяніе окружающей среды, расходятся съ

велѣніями его «настоящаго я». Дальше въ этомъ письмѣ онъ выражается, дѣйствительно, такъ: «Проповѣдывать я могу дѣломъ, а дѣла мои скверны... Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого не вѣренъ путь, по которому я иду? Если не вѣренъ, покажите мнѣ другой; если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня. Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать идти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и когда я бьюсь всѣми силами, вы при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть меня и себя, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болото» (Модъ, стр. 170; «Письма», стр. 143—144).

Конечно, въ другихъ письмахъ и въ дневникѣ Толстой обращаетъ свою критику и исключительно на свою семью. Онъ часто говоритъ о шампанскомъ, о камняхъ, о духахъ, о нарядныхъ платьяхъ, о всей свѣтской мишурѣ, которая больно рѣжетъ его чуткую совѣсть при взглядѣ на домашнюю обстановку. Въ письмѣ къ женѣ отъ октября 1884 г. онъ совершенно опредѣленно, хотя и мягко по формѣ, высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что нельзя «приписывать денежнымъ расчетамъ какую-либо важность... Знаю я, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда невыносимо скучно, а я не могу не повторять, что счастье и несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Ну, оставь Костенькѣ милліонъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе? Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь... И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня; если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно» (Модъ, стр. 196; русскій оригиналъ находится въ біографіи Бирюкова на стр. 477: онъ не вошелъ въ «Письма»).

Эти несогласія принимали даже болѣе рѣзкую форму. Толстой не разъ собирался порвать со своею привилегированной жизнью, бросить семью, уйти въ народъ, чтобы жить тамъ страданіями и радостями массъ, предварительно отдавъ, согласно евангельскому завѣту, все свое состояніе неимущимъ. Одна изъ такихъ сценъ

настолько ярко описана Модомъ, что я приведу ее по возможности въ полномъ и точномъ переводѣ: «Его младшая дочь, Александра, родилась 18 іюня 1884 г., при очень тяжелыхъ обстоятельствахъ. Толстой въ это время какъ разъ былъ въ періодѣ острой тоски, вызванной у него тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ зло внѣшнихъ условій его жизни. Вечеромъ, наканунѣ родовъ, онъ оставилъ домъ, говоря, что не можетъ болѣе выдерживать жизнь въ такой роскоши, и графиня оставалась въ неизвѣстности, возвратится ли онъ когда-нибудь назадъ. Скоро начались предродовыя муки и продолжались долго. Графиня сидѣла или лежала, плача, въ саду и отказывалась идти въ комнату. Утромъ въ 5 часовъ, когда она услышала, что ея мужъ вернулся, она вошла къ нему въ кабинетъ и спросила его, что же она сдѣлала, чтобы ее такъ наказывали: «моя вина только въ томъ, что я не измѣнилась, а ты измѣнился». Толстой сидѣлъ унылый и мрачный и не утѣшалъ ея. Борьба, происходившая въ его душѣ, была для него важнѣе жизни и смерти. Наконецъ, графиня удалилась въ свою комнату, и ребенокъ родился почти сейчасъ же. Но молоко матери было совершенно испорчено страданіями, испытанными ею, и ей было запрещено кормить младенца, чему она приписываетъ тотъ фактъ, что ея младшая дочь кажется менѣе похожею на нее, чѣмъ кто-либо изъ другихъ дѣтей» (Модъ, стр. 192).

Неоднократно Левъ Николаевичъ заговаривалъ о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, отдать имѣніе женѣ и дѣтямъ и совсѣмъ удалиться отъ семьи. Но тутъ жена принималась плакать и доказывать, что одна она не въ состояніи справиться съ хозяйствомъ. Практичный англичанинъ подчеркиваетъ, что, несмотря на свои отреченія отъ всего, Толстой никогда не могъ въ ясной и конкретной формѣ выработать планъ, какъ распорядиться имуществомъ, И вотъ Левъ Николаевичъ оставался въ прежней обстановкѣ, окруженный домочадцами, то стремясь порвать узы, связывающія его съ ними, то снова входя въ строй семьи, согласно велѣнію тайнаго голоса, который подсказывалъ ему, что, именно съ точки зрѣнія его вѣры справедливѣе нести въ Ясной Полянѣ свой крестъ, чѣмъ уйти отъ своихъ, махнувъ на нихъ рукой и «эгоистически» освободившись отъ претящей ему привилегированной жизни. Трудно, конечно, сказать, въ какой мѣрѣ этотъ тайный голосъ былъ голосомъ исключительно внутренняго долга, а не голосомъ и тѣхъ всемогущихъ традицій, что и этого гиганта правдоискательства могли приковать крѣпкою сѣтью привычекъ и предразсудковъ къ знакомой средѣ.

Кромѣ того, у Толстого не разъ и не два въ письмахъ выражается чувство теплой любви и глубокой симпатіи къ женщинѣ, которая раздѣляла его судьбу. А это настроеніе врядъ ли было бы объяснимо, если бы дѣло шло только о банальныхъ отношеніяхъ двухъ супруговъ, и если бы сюда не привходило глубоко человѣ-

ческое тяготѣніе Льва Николаевича къ спутницѣ своей жизни. «Я получилъ твое письмо на Козловкѣ,—писалъ онъ въ 1882 г. женѣ.— И очень оно мнѣ было радостно. Не тревожься обо мнѣ и главное себя не вини. «Остави намъ долги наши, яко же и мы». Какъ только другихъ простилъ, то и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердишься. А я давно уже пересталъ тебя упрекать. Это было только въ началѣ... Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ, и сблизила насъ съ тобой больше, чѣмъ прежде Ты говоришь: «Я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо».— Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня, и письма твои оживили меня. Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня, и твоя любовь ко мнѣ меня больше всего радуетъ въ жизни» (Модъ, стр. 153—154; приведено на стр. 420—421 Бирюковской біографіи; въ «Письмахъ» не перепечатано).

Такъ шла жизнь Толстого въ семьѣ, то отравляя душу реформатора сознаніемъ коренного противорѣчія между его идеалами и ег обстановкой, то снова притягивая его безчисленными нитями привычекъ, традицій и искренняго чувства. По мѣрѣ того, какъ дѣти Толстого подростали и постепенно вносили свои требованія въ укладъ родительской жизни, гнетъ семейныхъ обязанностей видимо увеличивался для Льва Николаевича. И въ этомъ, опять таки съ точки зрѣнія современной семьи, т. е. самодовлѣющей ячейки, которая враждебно отмежевываетъ себя отъ такихъ же мелкихъ и узкихъ цитаделей личнаго и матеріальнаго благополучія, въ этомъ не было ничего страннаго. Наоборотъ, тотъ, кто не желаетъ,— вмѣстѣ съ геніальнымъ Фурье,—видѣть въ нашей семейной организаціи обособленное, глубоко эгоистичное, «несвязанное» съ другими «хозяйство» (ménage incohérent), тотъ долженъ находить, что такъ оно и слѣдуетъ. Самъ Толстой былъ всегда плохимъ хозяиномъ. Его и здѣсь, если можно такъ выразиться, привлекала сторона сельской поэзіи и сельскаго спорта. Деревенское хозяйство, какъ источникъ доходовъ, оставалось для графа книгой съ семью печатями. Заботливой матери и супругѣ приходилось своей дѣловой энергіей пополнять всѣ эти изъяны непрактичности, столь рѣзко характеризовавшіе Льва Николаевича, какъ главу семьи.

Модъ упоминаетъ о томъ обстоятельствѣ, что въ началѣ 80-хъ годовъ доходы отъ тульскаго и самарскаго имѣній упали до 5.000 рублей въ годъ. А этого было недостаточно для все увеличивавшейся семьи. И вотъ графиня въ первой же половинѣ 80-хъ годовъ рѣшаетъ сдѣлать главной доходной статьей сочиненія своего мужа. Біографъ сообщаетъ, какъ, занявъ 10.000 руб. у своей матери и 15.000 руб. у г. А. Стаховича, графиня въ первый же годъ изданія довела валовой оборотъ до 60.000 руб. Отнынѣ «золотой мозгъ» Толстого (чтобы употребить выраженіе

Альфонса Додэ) долженъ былъ питать семью и доставлять ей тотъ самый комфортъ, который еще въ 60-хъ годахъ графъ обличалъ съ такою глубиною и безпощадностью анализа. Это положеніе вещей, несомнѣнно, должно было мучить чуткую совѣсть Толстого. И въ то время, какъ въ печати, даже и симпатизировавшей ему, указывалось на тотъ странный фактъ, что этотъ отрицатель собственности не давалъ возможности своимъ читателямъ покупать сочиненія отдѣльными томами, самъ Толстой, можетъ быть, еще глубже и безпощаднѣе бередилъ свою рану, говоря въ одномъ изъ своихъ новыхъ сочиненій о томъ, какъ возмутительно поступаетъ писатель, требующій платы за свои сочиненія. «Если книги мои вредны, то я только соблазняю тѣхъ, кто ихъ покупаетъ, и деньги, которыя я за нихъ получаю—дурно добытыя деньги, но если книги мои полезны людямъ, то выходитъ еще хуже. Я не даю ихъ прямо людямъ, а говорю: дайте мнѣ 17 рублей, и тогда вы ихъ получите» (Такова была въ то время общая цѣна за полное собраніе сочиненій Толстого, и Модъ подчеркиваетъ это, стр. 244).

Въ 1891 г. былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ имуществѣ. Толстой отдавалъ семьѣ,—женѣ и дѣтямъ,—свои имѣнія «почти равными частями». Обстоятельный англичанинъ сообщаетъ намъ подробныя условія этого раздѣла и размѣры доли (стр. 427 въ главѣ «Голодъ», посвященной дѣятельности графа и его семьи въ страшный голодный 1891—1892 годъ). Почти одновременно Левъ Николаевичъ извѣщалъ черезъ газеты читающую публику, что отдаетъ въ общественное распоряженіе всѣ сочиненія свои, написанныя съ 1881 г. А право изданія на все предшествовавшее, включая сюда «Анну Каренину», переходило въ руки графини. До какой степени эти матеріальные вопросы отравляли существованіе Толстого, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ младшимъ братомъ графини, Берсомъ, въ 1893 г. и воспроизводимыхъ Модомъ: «чтобы охранить интересы своихъ дѣтей, когда Левъ Николаевичъ желалъ отдать свое имѣніе чужимъ людямъ, его жена была готова обратиться къ властямъ для наложенія опеки на имущество. А когда мужъ предложилъ ей свое состояніе, то она согласилась принять полную довѣренность, дававшую ей право распоряженія всѣмъ его имуществомъ, за исключеніемъ его послѣднихъ работъ, а именно тѣхъ, которыя были написаны въ духѣ его новаго ученія. Само это ученіе она теперь начала разсматривать и обсуждать безпристрастно («dispasionately», Модъ, стр. 333).

Здѣсь же Модъ даетъ откровенную характеристику всѣхъ дѣтей Льва Николаевича и ихъ отношеній къ отцу. «Однажды, говоря со мною въ тотъ день, какъ у него вышла неладица съ однимъ изъ сыновей, Толстой,—пишетъ англичанинъ,—прибавилъ: «мнѣ есть за что благодарить Бога за своихъ дочерей». Одна за

другой, подростая, дочери Льва Николаевича «дѣлались преданными ему и его идеямъ». Въ послѣднее время помощницей отца была въ особенности Александра Львовна. Что касается до мужского персонала, то Модъ съ наибольшей симпатіей относится къ Ильѣ Николаевичу, по отношенію къ которому онъ, однако, сожалѣетъ, что, держась узко понятыхъ принциповъ правовѣрнаго толстовства, онъ старается заниматься простымъ трудомъ и хоронитъ свои литературныя способности, обнаруживаемыя имъ въ его анонимныхъ работахъ. Изъ замѣчаній біографа, разбросанныхъ тамъ и сямъ, можно заключить, что вліяніе Толстого на сыновей было слабо по тому самому, что его абсолютные принципы не давали ему возможности дѣятельно руководить жизнью близкихъ. Такъ, не разъ, по тому или по другому поводу, графъ на вопросы молодыхъ людей, что дѣлать, неизмѣнно отвѣчалъ: живите мужиками, пашите землю—и любите всѣхъ ближнихъ! Ясное дѣло, что когда для подростающаго поколѣнія выростали задачи серьезнаго отношенія къ жизни, сама точка зрѣнія Толстого, отвергавшая, внѣ такого упрощеннаго существованія, всякій компромиссъ со «зломъ міра», становилась равносильною по своимъ результатамъ совершенному безразличію въ вопросахъ о выборѣ дѣятельности. На его глазахъ сыновья кончали университетъ, шли въ земство, поступали въ армію. А одинъ изъ нихъ, Андрей, который, по словамъ англичанина, едва не умеръ отъ воспаленія мозга въ дѣтствѣ, «принадлежитъ къ реакціонной черносотенной организаціи и на разные лады огорчалъ своего отца» (стр. 335).

V.

Въ высшей степени интересно прослѣдить вліяніе Толстого на его учениковъ, т. е. на близкихъ его по духу, а не по тѣлу. Модъ, вообще говоря, строго относится къ такъ называемымъ толстовцамъ. И тутъ дѣло идетъ не только о личныхъ треніяхъ, возникавшихъ между нимъ и Чертковымъ, преданность котораго дѣлу англичанинъ высоко цѣнитъ, но сектантскій авторитаризмъ котораго его раздражаетъ. Модъ вообще не удовлетворенъ индивидуалистическимъ характеромъ ученія, въ особенности какъ оно воплощается въ жизни прямолинейными послѣдователями. Нашъ біографъ, живя въ Россіи, видимо, сильно увлекался толстовствомъ. Но затѣмъ это вліяніе могучей личности самого учителя стало ослабѣвать. И когда Модъ, въ концѣ 90-хъ годовъ, переселился въ Англію, то онъ сталъ все болѣе и болѣе критически относиться къ тѣмъ сторонамъ толстовскаго міропониманія, которыя съ самаго начала должны были смущать этого сына культурной страны, гдѣ совмѣстная работа съ другими на пути общественныхъ реформъ играетъ такую роль въ политической и соціальной жизни. Модъ старается,

однако, быть безпристрастнымъ и не впадаетъ при этомъ анализѣ толстовства въ банальные предразсудки буржуазныхъ мыслителей Запада, которые ни на минуту не могутъ отдѣлаться отъ апологіи современной дѣйствительности. У него вырываются даже довольно смѣлыя для культурнаго европейца строки: «Мы, люди западнаго міра, вѣрящіе въ полезность правительства, закона, собственности и промышленности, черезчуръ склонны прощать варварства, до сихъ поръ являющіяся обычными между нами, на томъ основаніи, что они освящены закономъ или обычаемъ или необходимы для практики жизни. И поэтому-то не должно легкомысленно или поспѣшно осуждать выводы Толстого, но должно скорѣе переварить ихъ, признавъ, что въ нихъ заключается много здороваго и спасительнаго» (стр. 49—50).

Слѣдуетъ прибавить, что на этой точкѣ зрѣнія Модъ, несмотря на старанія, далеко не всегда можетъ удержаться. И, напр., то, что въ своей критикѣ толстовскихъ колоній въ Россіи онъ говоритъ о необходимости «законныхъ судовъ» (стр. 311), носитъ легкій отпечатокъ филистерской аргументаціи, которая не можетъ показаться убѣдительной не только для христіанскаго анархиста, но и для всякаго послѣдовательнаго соціалиста, знающаго, что идеалъ общественной жизни все же, несомнѣнно, заключается въ приведеніи къ минимуму всякаго государственнаго и вообще принудительнаго элемента. За то нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ той разумной сторонѣ критики, которую англичанинъ обращаетъ противъ чисто личнаго, индивидуалистическаго элемента толстовскаго ученія, въ особенности въ формѣ непротивленія злу насиліемъ. Довольно подробно онъ разсказываетъ своимъ соотечественникамъ траги-комическіе факты изъ жизни толстовскихъ поселеній въ Россіи,—факты, которые извѣстны намъ, но въ совокупности производятъ впечатлѣніе и на давно знающаго ихъ человѣка.

Таковъ извѣстный разсказъ о поддевкѣ (которую, не знаю почему, Модъ переводитъ словомъ «жилетъ», waistcoat), отнятой у одного изъ членовъ Шавѣевской колоніи въ Смоленской губ.; или повѣствованіе о порубкѣ окрестными мужиками лѣса, принадлежавшаго тверскимъ толстовцамъ, при чемъ обнаружилось то очень огорчительное для доктрины обстоятельство, что больше лѣса присвоили себѣ какъ разъ тѣ крестьяне, какіе менѣе нуждались въ немъ, потому что они были зажиточнѣе другихъ и могли вывозить «непротивляемый» лѣсъ на пяти подводахъ въ то время, какъ у бѣдняковъ не хватало силъ выѣхать и на одной (стр. 312—316). Не безынтересны также данныя, которыя Модъ сообщаетъ о жизни родственныхъ въ извѣстномъ смыслѣ толстовцамъ духоборовъ, устраивавшихся со второй половины 90-хъ годовъ въ Канадѣ, отчасти и благодаря его содѣйствію (стр. 506 и слѣд.). Любопытно какъ самые послѣдовательные изъ этихъ «борцовъ за духъ», отрицавшіе, казалось бы, всякое правительство и всякое принужденіе,

тѣмъ не менѣе съ самою фанатичною покорностью слѣдовали указаніямъ, исходившимъ отъ ихъ духовнаго вождя, Петра Веригина, и въ лицѣ «природниковъ» или «естественниковъ» заходили такъ далеко въ своемъ житіи по закону правды,—напишемъ и безъ всякаго труда,—что отъ нихъ принужденъ былъ открещиваться самъ Веригинъ, раньше не находившій, однако, достаточно радикальнымъ самого Льва Толстого и упрекавшій его за приверженность къ писанію книгъ и къ прославленію земледѣлія (стр. 508 и слѣд.).

Но гдѣ критика англичанина становится совсѣмъ интересной и бьющей въ точку—это тамъ, гдѣ онъ показываетъ, какъ отрицаніе какихъ бы то ни было реформъ во имя абсолютнаго идеала и отказъ отъ всякой широкой политической дѣятельности ради личнаго моральнаго совершенствованія должны фатально осуждать реформатора на безсиліе и препятствовать толстовству перейти изъ стадіи сектантства въ стадію цѣлесообразнаго переустройства общественной жизни. Модъ не разъ вскрываетъ несостоятельность того рѣзко отрицательнаго отношенія къ реформамъ, политическаго и соціальнаго характера, которое Толстой высказывалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Біографъ отмѣчаетъ, напр., тотъ фактъ, что, если, по словамъ г. Янжула, въ 80-хъ годахъ Левъ Николаевичъ еще сохранялъ симпатію къ фабричной инспекціи, то, начиная съ 90-хъ, «онъ становился на рѣзко догматическую почву въ его противоправительственной позиціи. И въ соотвѣтствіи съ этимъ обнаруживалъ холодность и невнимательность къ рабочему законодательству» (стр. 470). Любопытенъ его сравнительно недавній (осенью 1909 г.) разговоръ съ Модомъ по поводу доклада меньшинства въ парламентской англійской коммиссіи о законѣ для бѣдныхъ. Какъ извѣстно, этотъ докладъ являлся попыткой расширить помощь неимущимъ членамъ общества и заключалъ въ себѣ нѣкоторыя соціалистическія прожилки, напр., признаніе права каждаго человѣка на существованіе. И что же? Толстой не обнаружилъ никакого сочувствія къ этому плану и лишь иронически замѣтилъ: «Ну, если вы собираетесь теперь сдѣлать такъ много для своихъ бѣдняковъ, то вы должны были достаточно пограбить ихъ раньше» (стр. 147). Съ вѣрностью этого замѣчанія нельзя не согласиться. Но хорошо и то, что люди при помощи законодательной мѣры стараются возвратить хоть часть награбленнаго... Это принципіальное отрицаніе всякой общественной дѣятельности и подставленіе вмѣсто нея проповѣди личнаго совершенствованія должно служить фатальнымъ препятствіемъ распространенію толстовства при здоровыхъ общественныхъ условіяхъ. Вѣчный припѣвъ: «стоитъ только каждому изъ насъ захотѣть—и черезъ минуту на землѣ водворится рай», обрекаетъ послѣдователей этого ученія на самое безплодное перетираніе отвлеченной морали и на глубочайшее равнодушіе къ насущнымъ вопросамъ жизни.

Слѣдуетъ прибавить, что такого радикальнаго отрицанія не выдерживаетъ всегда и самъ Толстой. Пусть припомнятъ хотя бы его жаркую проповѣдь національзаціи земли во вкусѣ Генри Джорджа и при томъ съ введеніемъ такъ называемаго «единственнаго налога» (single tax), отъ котораго открещиваются нынѣ и немногіе оставшіеся джорджіанцы. Что это, какъ не самое утопическое и притомъ чрезвычайно узкое, чрезвычайно одностороннее требованіе, еле-еле касающееся поверхности громадной соціальной проблемы? И, однако, выдвигая эти, какъ всегда дѣтски-наивныя и дѣтски-благородныя, утопіи, Толстой считаетъ себя въ правѣ смотрѣть на всѣ существенные вопросы съ точки зрѣнія крайняго религіознаго анархизма и презрительно относиться ко всѣмъ нашимъ злобамъ дня, забывая самые элементарные факты нашего историческаго развитія. Пусть вспомнятъ его сенсаціонную статью «Великій грѣхъ», которая появилась въ самый разгаръ русскаго освободительнаго движенія. Пропагандируя въ ней идеи Генри Джорджа, Толстой находилъ, какъ извѣстно, этотъ «великій грѣхъ» въ томъ, что русская интеллигенція всегда стремилась, молъ, исключительно къ политической свободѣ, къ перенесенію въ Россію демократическихъ учрежденій Запада, и всегда забывала одну великую цѣль: переходъ земли въ руки народа. «Никакія политическія реформы,— говорилъ Толстой,—не дадутъ свободы и блага народу, а, напротивъ, только освобожденіе большинства людей отъ того земельнаго рабства, въ которомъ оно находится, можетъ сдѣлать политическія реформы не игрушкой и орудіемъ личныхъ цѣлей, въ рукахъ политикановъ, а дѣйствительнымъ выраженіемъ воли народа» («Русская Мысль», 1905 г. № 7, стр. 248). Совершенно вѣрно! Но вѣдь эта истина стала уже давно труизмомъ именно для лучшихъ русскихъ людей. Какъ же во имя анархическаго идеала игнорировать, дѣйствительно, то обстоятельство, что если есть въ Россіи сторонники рѣшенія и политическаго вопроса независимо отъ соціальнаго, то лучшая, то наиболѣе передовая и наиболѣе активная часть русской интеллигенціи вотъ уже сто лѣтъ, какъ, несмотря на всяческія преслѣдованія, стремится, за немногими исключеніями, къ одной цѣли—дать прежде всего народу землю? Критика Толстого бьетъ въ точку по отношенію къ людямъ, которые думаютъ, что конституція въ Россіи можетъ быть установлена на прочныхъ основаніяхъ безъ великихъ соціальныхъ реформъ. Но эта же критика является слабой и жестоко-несправедливой по отношенію къ тѣмъ, которые десятками лѣтъ боролись, страдали и умирали за двуединую формулу: «земля и воля»...

Какъ вы хотите, чтобы толстовство сдѣлалось жизненнымъ и дѣйственнымъ ученіемъ, когда самъ его творецъ, несмотря на всю свою личную геніальность, именно въ крупнѣйшихъ практическихъ вопросахъ оказывается благороднымъ ребенкомъ? Что иное можно сказать относительно отвѣта, даннаго Львомъ Николаевичемъ Моду,

когда тотъ старался вскрыть явное противорѣчіе анархическихъ взглядовъ Толстого съ его джорджіанской системой національзаціи земли и единственнаго налога? Сначала реформаторъ говорилъ, что, конечно, его идеалъ—отсутствіе всякаго правительства и всякаго закона; но разъ, молъ, большинство людей держится за эти предразсудки, то пускай они воспользуются этимъ для того, по крайней мѣрѣ, чтобы провести «наилучшій законъ». А затѣмъ, прижатый къ стѣнѣ недоумѣніями добросовѣстнаго вопрошателя, отвѣтилъ, наконецъ: «А что же помѣшаетъ платить добровольные взносы добровольной же администраціи?» (стр. 629). Англичанинъ, не безъ почтительнаго юмора, прибавляетъ: «Я не продолжалъ разговора, но подумалъ, что землевладѣльцы не особенно стали бы возражать противъ этой формы налога, которая давала бы имъ право платить только то, что хотятъ, да и самый налогъ не особенно бы помогъ крестьянамъ, тяжелый жребій которыхъ Толстой оплакиваетъ».

Модъ въ заключительной главѣ очень хорошо показываетъ тотъ своеобразный характеръ толстовской общественной проповѣди, который заставляетъ всю мыслящую Россію прислушиваться къ смѣлому, хотя зачастую парадоксальному голосу вѣчно мятущагося великаго человѣка, когда общественное движеніе идетъ на убыль, и наоборотъ, крайне охлаждаетъ его аудиторію и сводитъ на нѣтъ число его сторонниковъ, когда политическая жизнь бьетъ полнымъ ключомъ. «Во время моего посѣщенія Россіи въ 1902 г. я нашелъ, что люди повсюду крайне интересовались Толстымъ: человѣкъ, который осмѣлился возражать синоду и порицать царя! Но какая перемѣна въ 1906 г.! Я пробылъ въ Россіи двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ явиться въ Ясную Поляну, и ни одинъ единственный человѣкъ не говорилъ мнѣ о немъ такъ, какъ всякій говорилъ четыре года тому назадъ» (стр. 626).

И, однако, усматривая всѣ эти изъяны въ ученіи Толстого, англичанинъ не можетъ удержаться въ заключеніе своей біографіи отъ настоящаго гимна во славу великой личности реформатора, становившагося при томъ, по его словамъ съ теченіемъ времени все мягче и любовнѣе къ живымъ людямъ: «Безъ увѣренности Толстого въ самомъ себѣ, безъ готовности бросать вызовъ вещамъ, которыя росли цѣлыми вѣками и глубоко вкоренились въ чувствахъ людей, онъ никогда не совершилъ бы того, что ему удалось сдѣлать, переоцѣнивая всѣ цѣнности, низвергая могущественныхъ съ ихъ сѣдалищъ и возвышая смиренныхъ и слабыхъ. Что эти качества переходятъ у него въ излишества, что они заставляютъ его осуждать занятія, цѣли и людей, относительно которыхъ онъ мало знаетъ—это, можетъ быть, и правда; равно какъ правда и то, что ему присущъ духъ противорѣчія, извѣстная подозрительность по отношенію къ мотивамъ людей, рѣзкость поношенія (vigour of invective), составляющая странный контрастъ съ тѣмъ

смиреніемъ и кротостью, которыя онъ тщательно практикуетъ, и съ той теплотой сердца, которая была его свойствомъ съ самаго начала. Но всѣ эти вещи лишь пятна на солнцѣ. Его геній, искренность, трудолюбіе, мужество, выносливость и упорство; его удивительный даръ интуиціи, необычайная способность къ наблюденію и артистическому воспроизведенію, его преданность на служеніи истинѣ и добру; его самопожертвованіе, его сосредоточеніе на самыхъ живыхъ отрасляхъ человѣческой мысли и его ни съ чѣмъ несравнимая способность дѣлать свои мысли простыми и свои чувства привлекательными,—выдвигаютъ его далеко надъ всѣми, какъ величайшаго и самаго интереснаго человѣка, живущаго нынѣ. Изъ людей нашей эпохи, возбуждающихъ мысли и совѣсть своихъ современниковъ, изъ людей, слова которыхъ вызываютъ въ насъ сознаніе, что мы не должны полагаться на автоматическую эволюцію, но должны работать и сами осуществить тысячелѣтнее царство счастья,— Толстой занимаетъ настолько первое мѣсто, что забываешь спросить: а кто же второй?» (стр. 650).

Этими словами заключимъ и мы обзоръ біографіи, которая заслуживаетъ того, чтобы ее знала и русская публика. Съ Толстымъ умретъ, вѣроятно, и толстовство. Но вѣчно будетъ жить въ благодарной памяти людей, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, самъ Толстой, какъ воплощеніе великой и непрестанно работающей мысли и совѣсти человѣчества.

Н. С. Русановъ.

Толстой и Ибсенъ.

(Набросокъ по письмамъ).

Сама собой напрашивается параллель между Ибсеномъ и Толстымъ.

Оба были обильны «матеріаломъ, изъ котораго дѣлаются короли», какъ называется въ подлинникѣ одна изъ драмъ Ибсена *).

Оба имѣли свою собственную ясную и «истинно-королевскую» задачу жизни.

И оба были бунтарями.

Оба стремились освободить человѣческую душу отъ всего навязаннаго и налегшаго на нее извнѣ.

Оба были врагами всякаго догмата и всего догматическаго.

Оба были врагами государственности.

Оба отрицали всякую духовную ограниченность и отграничен-

*) Въ переводѣ — «Претенденты на корону» (Въ другомъ переводѣ: «Борьба за престолъ»).

ность, не исключая и той, что обычно прославляется подъ именемъ «патріотизма».

Оба прожили бунтарями всю свою «королевскую» жизнь.

Оба прошли ее своимъ собственнымъ путемъ.

И пропасть между обоими опредѣлились какъ разъ особенностями избраннаго пути.

Какъ извѣстно, Левъ Никвлаевичъ не любилъ и не признавалъ Ибсена, какъ художника. Основа розни, думается, была не въ символизмѣ и техническихъ особенностяхъ Ибсена, а въ полярности точекъ зрѣнія на тотъ *методъ* жить, который *должно* считать правильнымъ.

Одинъ былъ апостоломъ смиренія и самоуничиженія. Другой былъ поэтомъ человѣческой гордости.

Одинъ любилъ—хотѣлъ любить—«ближняго» человѣка, такого, какимъ онъ является сейчасъ, сію минуту, со всѣми его слабостями, ругой предпочиталъ человѣка видѣть «дальнимъ»—такимъ, какимъ онъ *долженъ* — ибо онъ человѣкъ — стать въ будущемъ.

Одинъ мечталъ о тихомъ царствѣ Божьемъ на землѣ. Другой думалъ о гордомъ царствѣ человѣческомъ на землѣ.

Такимъ образомъ, оба «бунтаря» шли по разнымъ дорогамъ, хотя и направлялись по одной и той же путеводной звѣздѣ, къ одной и той же намѣченной цѣпи: духовному освобожденію человѣка и жизни: коллективной и каждаго въ отдѣльности.

И все-таки эти разныя дороги пересѣклись, на образѣ Бранда.

Одинъ «сочинилъ» этотъ образъ, а другой осуществилъ въ своей жизни.

II.

При всей пессимистичности—кажущейся—Ибсена онъ былъ человѣкомъ, глубоко вѣрующимъ въ человѣка—въ основную благостность его природы. Ибсену казалось, что все зло въ мірѣ отъ того, что человѣческая личность не свободна, подавлена и извращена; отъ того, что человѣкъ—въ силу соціальныхъ условій—давитъ свою подлинную природу; отъ того, что онъ не въ состояніи по настоящему выпрямиться и выпрямить свою душу.

Освободите человѣка отъ этой пригнетенности духа и настанетъ царство человѣческой личности—гордой и прекрасной—на землѣ.

Отсюда Ибсеновскій культъ личности; отсюда культъ Ибсеновской «задачи жизни», которая каждую жизнь превратила бы въ свободное служеніе своимъ духовнымъ склонностямъ на общее благо.

Отсюда особенность Ибсена—«строителя». Требуя отъ жизни, чтобы она была основана на идеальномъ фундаментѣ, Ибсенъ ничуть не опасается довѣрить строительство свободному человѣку

со всѣми его страстями. Онъ—современный человѣкъ—плохо дѣлаетъ *подневольное* дѣло, но онъ—будущій человѣкъ—охотно выполнитъ свою собственную, свободно избранную «задачу жизни». Ради нея онъ пойдетъ на жертвы и подвигъ, ибо эта задача—лучшая часть его «я», по самой природѣ—благостнаго.

Таковъ священникъ Брандъ—типъ человѣка съ «Ибсеновской» складкой души.

На священническомъ (т. е. человѣческомъ) пути своемъ Брандъ «падалъ», «поднимался» и умеръ—умеръ во имя своего Бога, побитый камнями, оставленный всѣми, отдавшій въ жертву все, что имѣлъ, вплоть до малютки-первенца и друга-жены: «богоосвѣщенной» Агнесъ.

Для огромнаго священника Ибсена все это было—«въ мѣру силъ» его:

Нашъ первый долгъ—хотѣть всѣмъ существомъ,
и не того лишь, что осуществимо
и въ маломъ, и въ большомъ; хотѣть—не только
въ предѣлахъ тѣхъ или иныхъ страданій,
трудовъ, борьбы,—нѣтъ, до конца хотѣть;
хотѣть и радостно готовымъ быть
пройти всѣ мытарства души и тѣла.
Не въ томъ спасеніе дающій подвигъ,
чтобъ на крестѣ въ страданьяхъ умереть,
но въ томъ, чтобъ этого хотѣть всѣмъ сердцемъ,—
хотѣть и средь страданій крестныхъ даже,
въ минуты скорби и тоски предсмертной.
Лишь въ этомъ подвига вся суть, весь смыслъ.
(Переводъ *А. и П. Ганзенъ*).

Во всемъ, что говорилось о воззрѣніяхъ Ибсена на то, что нужно міровой жизни для ея выправленія и выпрямленія,—нѣтъ ни одного слова, съ которымъ согласился бы Толстой.

И тѣмъ не менѣе, характеризуя Бранда—какъ типъ высшей, по Ибсену, человѣческой цѣнности (психологической),—мы уже вступили, по существу, въ сферу писемъ Льва Николаевича.

Почти страннымъ кажется, что никто до сихъ поръ не сопоставилъ Dichtung норвежскаго драматурга съ Wahrheit Ясной Поляны: до такой степени онѣ внутренно схожи, близки взаимно, несмотря на полярную противоположность теоретическихъ воззрѣній и *мнѣній* Ибсена и Толстого о томъ, чѣмъ люди живы и чѣмъ будутъ живы.

Читаешь письма,—вспоминаешь поэму Ибсена; перелистываешь для сравненія ее—находишь тѣ же самыя слова:

Я, посланный, ослушаться не смѣю
Пославшаго меня...

—тѣ же самыя слова чуть не въ каждомъ изъ писемъ.

Письма, изданныя подъ редакціей г. Сергѣенка, обнимаютъ 62 года жизни Льва Николаевича: съ 1848 по 1910. Послѣднее письмо, помѣченное 24 октября,—то самое, уже общеизвѣстное, гдѣ Л. Н. разыскиваетъ, черезъ крестьянина М. П. Н-ва «отдѣльную хату», гдѣ бы онъ могъ быть одинокимъ.

Многое было неясно въ Яснополянской трагедіи до послѣднихъ дней Л. Н. и кое-что становится яснымъ при чтеніи писемъ (Больше дастъ, конечно, дневникъ, когда онъ будетъ опубликованъ).

Нужно ли упоминать, что, начиная говорить о письмахъ, мы такъ же, какъ и читатель, далеки отъ мысли оцѣнивать Толстого съ точки зрѣнія его идей и мнѣній. Всякій воленъ брать ихъ у него или не брать, такъ же, какъ всякій воленъ соглашаться или не соглашаться съ Ибсеномъ. Въ одномъ никто не воленъ: *не взять* личность Толстого, какъ и личность Бранда. Ихъ нельзя не взять; ими нельзя не мѣрить самого себя съ точки зрѣнія священнослуженія (не просто «служенія») высшей правдѣ, которую знаешь.

II.

Гордый, честолюбивый, гнѣвный, вѣчно бунтующій...

Впрочемъ, это не такъ, совсѣмъ не такъ. Въ письмахъ только видно, что Толстой не изжилъ себя, что онъ все еще прежній гордый, гнѣвный Левъ Толстой. Но онъ не хочетъ этого: онъ утерялъ на это право.

Онъ нашелъ своего собственнаго бунтарскаго Бога, и этотъ Богъ потребовалъ отъ него полной душевной ломки. Этотъ Богъ— Богъ слабыхъ и обиженныхъ. Каковы мистическіе аттрибуты этого Бога, Толстой много думаетъ, но въ концѣ концовъ онъ не счастливѣе всѣхъ другихъ мистиковъ, и Непознаваемое остается и для него Непознаваемымъ. Но ему по существу это и не нужно. «Зачѣмъ Богу или той силѣ, которая меня послала сюда, сдѣлала, зачѣмъ ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро? Что ей нужно, чтобы черезъ меня дѣлалось добро, это несомнѣнно, но зачѣмъ это ей нужно? Что выйдетъ изъ того, что черезъ меня дѣлается; что выйдетъ изъ этого для меня? Этого не дано мнѣ знать- и тутъ мѣсто вѣрѣ, но вѣрѣ не въ Троицу, не въ Магомета, не въ Христа, не въ Бога даже, а вѣра *Богу*, вѣра *тому началу*, которое меня послало сюда» (письмо 1889 г. къ д-ру Рахманову).

Ему достаточно знать, чувствовать, чего именно требуетъ отъ него, Толстого, геніальнаго писателя, этотъ Богъ слабыхъ и обиженныхъ. Ему достаточно знать, что этотъ Богъ существуетъ и требуетъ безпредѣльнаго самоотреченія во имя любви къ ближнему, слабому и обиженному.

И онъ всѣмъ существомъ подчиняется «волѣ Пославшаго». Впрочемъ, это опять невѣрно. Онъ ничуть не подчиняется «всѣмъ существомъ», хотя и хочетъ этого. То, что онъ *долженъ* сдѣлать, до послѣдней степени противорѣчитъ его склонностямъ; онъ не можетъ войти духомъ въ тѣ рамки, которыя призналъ для себя обязательными. Но онъ не устаетъ отъ себя требовать того, чего не можетъ добровольно дать: смиренія и безразличія ко всему, чѣмъ радовался въ жизни когда-то. Онъ идетъ по избранному пути, шатаясь, какъ пьяный—по его собственному сравненію; онъ «падаетъ» и страдаетъ за эти «паденія», готовый просить о помощи: «Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и . . . я бьюсь всѣми силами...» (письмо 1882 г. къ М. А. Энгельгардту).

Характерна для Льва Николаевича въ письмахъ его страстная жажда по физическому страданію и физическимъ лишеніямъ. Условія его жизни такъ сложились, что онъ оказался внѣ круга этихъ *обычныхъ* страданій и лишеній. Толстому хочется ихъ, хочется дойти до *этого* предѣла самоотреченія; хочется сравняться *въ этомъ отношеніи* со всѣми слабыми и обиженными. «Но видно—говорится въ письмѣ 1892 г. — я не достоинъ этого, и такъ мнѣ и придется умереть, не поживъ приблизительно и хотя короткое время такъ, какъ я считаю это должнымъ, и не придется хоть какими-нибудь страданіями тѣла свидѣтельствовать истину» (стр. 214). Но этихъ желанныхъ, успокоительныхъ лишеній и страданій, вплоть до тюрьмы, окружающая дѣйствительность—русская дѣйствительность—ему не даетъ, и онъ принужденъ ограничиться лишеніями чисто моральнаго свойства.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе по многимъ причинамъ и въ частности по волѣ его многочисленныхъ корреспондентовъ. Ибо не было такой вещи, въ которой его не могли бы упрекнуть, указывая на противорѣчія между его вѣрой и жизнью. Всѣмъ, даже «толстовцамъ», казалось а priori, что онъ, Левъ Толстой, морально спокоенъ; многимъ казалось, что на нихъ лежитъ долгъ обратиться къ Толстому съ увѣщаніемъ идти дальше по избранному пути.

Нашелся, напримѣръ, такой, что обратился къ Толстому (судя по отвѣтному письму) съ увѣщаніемъ побольше работать физическимъ трудомъ. Мотивъ для этого — опять-таки судя по отвѣту Толстого—необходимость освободить отъ физическаго труда другихъ, чтобы и другіе могли обладать досугомъ для писанія книгъ. Ибо никому не извѣстно—развивается аргументація—быть можетъ, эти другіе сумѣютъ написать книги еще лучше, чѣмъ самъ Толстой.

И Толстой, гнѣвный, гордый и геніальный Левъ Толстой, пріемлетъ это письмо, какъ нѣчто должное и умное (въ примѣненіи къ

Толстому) и отвѣчаетъ съ ласковой благодарностью за правильное «обличеніе и напоминаніе».

«Одно меня утѣшаетъ — замѣчаетъ Л. Н. въ свое оправданіе— это то, что, живя дурно, я не обманывалъ, не оправдывалъ себя и никогда не говорилъ себѣ, что я могу освободить себя отъ труда, потому что пишу книгу. А всегда сознавалъ то, что вы говорите,—что, какъ мнѣ нужно прочесть хорошую книгу, такъ нужно и тому, кто будетъ за меня работать, и что *точно также, если я могу написать хорошую книгу*, то есть *сотни и тысячи людей, которые написали бы и лучшія книги*, если бы не были задавлены, забиты работой. Такъ что я не только не *) согласенъ съ вами, но сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствую свой грѣхъ и страдая отъ него, признаю первостепеннымъ трудомъ другого человѣка» (письмо № 222) **).

Тотъ же корреспондентъ пишетъ Льву Николаевичу письмо о неумѣстности чествованія 80-лѣтія, предпринятаго въ 1908 году разными общественными группами, несмотря на протестъ самого юбиляра, давняго противника всякихъ «шумихъ» (Л. Н. отказался въ свое время отъ участія въ Пушкинскихъ дняхъ, къ чему его усердно приглашалъ Тургеневъ). Горячему корреспонденту мало этого; онъ, повидимому, опасается, что Толстой не сумѣетъ достойно отвѣтить и посылаетъ ему *проектъ обращенія* къ этимъ грѣшникамъ-искусителямъ.

И Толстой опять принимаетъ письмо, какъ должное, и только *защищаетъ* устроителей чествованія отъ слишкомъ рѣзкихъ замѣчаній своего корреспондента (Письмо № 263) ***).

Только читая такія письма, вы во-истину оцѣниваете Яснополянскую трагедію самоотреченія. Онъ благодаритъ за «обличеніе», ибо ему нужно это обличеніе... Какъ будетъ отмѣчено ниже, Толстой почти завидуетъ умѣющимъ побѣдить себя, и осыпаетъ себя— въ другихъ письмахъ—уничижительными самоупреками. По его словамъ, онъ ни на что нужное Богу не годится: развѣ только «заткнуть дыру какую-нибудь» или «подтереть имъ что-нибудь» вмѣсто тряпки, какъ выражается Толстой въ письмѣ 1889 г. къ д-ру Рахманову:

«Не совершенствоваться гордому мнѣ, поганому мнѣ, а взять то положеніе, то тѣло, то здоровье, тотъ нравъ, то прошедшее, тѣ грѣхи, даже и съ кротостью и смиреніемъ въ сердцѣ искать всегда всякую минуту случая исполнить нужныя ему дѣла. Но не гожусь

---

*) Повидимому, «не» здѣсь лишнее. Вѣроятно, это описка въ подлинникѣ. Со стороны редактора было бы правильнѣе отмѣчать такія неясности и погрѣшности подлинника въ особыхъ примѣчаніяхъ.

**) Здѣсь снова какая-то неясность въ подлинникѣ или въ печати.

***) Приходится пожалѣть, что знаешь только отвѣты Л. Н. и не знаешь писемъ, на которыя онъ отвѣчаетъ. Эти письма были бы существенны въ качествѣ дополнительныхъ документовъ къ біографіи Толстого.

ли я заткнуть дыру какую-нибудь? Подтереть мною что-нибудь?» (стр. 185—186).

Чувство гнѣва и горячности—одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ Л. Н., съ которымъ онъ борется, во имя заповѣди: не судите, да не судимы будете. Онъ долженъ побѣдить себя въ этомъ отношенiи и не можетъ. И кается въ этомъ своему корреспонденту, который можетъ: «жить хорошо, всегда ко всѣмъ поворачиваться доброй стороной, но этого я все еще не умѣю дѣлать, какъ вы. Вспоминаю о васъ, когда обрываюсь на этомъ. Рѣдко могу быть такимъ—я горячъ, сержусь, негодую и недоволенъ собою» (письмо 1881 г. къ г. Алексѣеву).

Онъ даетъ еще свободу чувству гнѣва, когда говоритъ вообще: о насилiи, о насильникахъ вообще, о свидѣтеляхъ насилiя.

Онъ можетъ крикнуть на весь мiръ: «Не могу молчать!»

Но въ письмахъ къ отдѣльнымъ лицамъ, къ отдѣльнымъ насильникамъ—даже злѣйшимъ, главнѣйшимъ насильникамъ—онъ уже опять подавившiй себя человѣкъ, во имя Бога, признаннаго за Бога.

Рѣдко «согрѣшалъ» онъ въ отношенiи отдѣльнаго человѣка: такъ «согрѣшилъ» онъ въ отношенiи принцессы Луизы Саксонской, объявившей себя «послѣдовательницей» Толстого. Но сейчасъ же слѣдомъ идетъ покаянiе. Впрочемъ, есть и кара, въ видѣ опять-таки письма неистоваго послѣдователя («дѣйствительнаго»), обрушившагося на Толстого за грѣховную гнѣвливость.

И Толстой прiемлетъ эту кару, какъ голосъ Бога любви и смиренiя, противъ котораго онъ серьезно «согрѣшилъ».

Это—рѣзко подчеркнутая подробность въ письмахъ Льва Николаевича: *боль* за свое неумѣнье идти по прямой линiи, которую онъ избралъ; *боль* за неспособность сломать себя и уменьшить свою душу до той нормы смиренiя, какъ ему «хотѣлось» бы... «Не могу не желать измѣнить жизнь, и все мучаюсь и пытаюсь измѣнить ее, потому что страдаю отъ своей дурной жизни» (къ д-ру Рахманову въ 1896 г.).

Читая письма, поражаешься тѣмъ, что по существу знаешь давно. Знаешь давно, что онъ, Левъ Толстой, захотѣлъ умалиться во имя Христа. Но, только читая письма, чувствуешь воочiю, чего стоило и сколько воли нужно было, чтобы укротить гордаго, гнѣвнаго «Льва Толстого» въ Львѣ Толстомъ.

Рѣзко вырисовываются въ письмахъ еще двѣ подробности въ настроенiи Льва Толстого.

На гордыню, на радость славы онъ не имѣлъ «права». Но все-таки не могъ изжить въ себѣ эту гордыню и мучился ею. Такъ, въ 1890 году онъ признается художнику Ге въ отвѣтномъ письмѣ: «я самъ такой же—дорожу славой мiрской, но борюсь сильно и упорно, и вамъ совѣтую» (стр. 192).

Еще ярче трагедія въ отрицаніи Толстымъ самого себя, какъ художника. По словамъ ибсеновскаго Бранда:

Одно у каждаго есть достоянье,
которымъ поступаться онъ не долженъ..
святыня *«я»* его—его призванье.
Его нельзя связать, сковать; нельзя
перехватить, какъ рѣку на пути,—
свободно течь должно въ морское лоно—
къ своей великой цѣли.

Толстой отрекся и отъ самаго неотъемлемаго, по Бранду, права: права слѣдовать своему призванію.

Отрекся, но не спокойно, какъ и все отреченіе у Льва Толстого. Слишкомъ онъ былъ художникъ; слишкомъ то, отъ чего онъ отрекался, было голосомъ его подлинной природы. Онъ, собственно не отрекся, а «отрекался» отъ этого права быть самимъ собой.

Въ какой мѣрѣ дорого было Толстому художественное творчество; въ какой мѣрѣ оно было «радостно» для Толстого—свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ къ Страхову (1876 г.): «Вы правы, что «Война и миръ» растетъ въ моихъ глазахъ. Мнѣ странно и радостно, когда мнѣ кто-нибудь напомнитъ изъ нея...»

Но то, что «странно и радостно» волновало, скоро оказалось не въ согласіи съ «волей Пославшаго»,—пославшаго въ міръ геніальнаго художника.

Ибо все, что онъ писалъ и что странно и радостно волновало его, оказалось ненужнымъ «Афанасьямъ», какъ выражается Толстой въ письмѣ къ г. Попову въ 1895 году: «Очень меня тяготитъ писаніе для господъ и хочется хоть половину (а то и все) оставшееся время и силы отдать на писаніе книгъ Афанасьямъ».

Но всего черезъ годъ, въ 1896 г., Толстой признается въ письмѣ къ д-ру Рахманову, что у него, тяготившагося писательствомъ «для господъ», есть много *задуманныхъ* художественныхъ вещей и что эти задуманныя вещи «манятъ» его къ себѣ: «У меня много,—говорится въ этомъ письмѣ,—начатыхъ и задуманныхъ художественныхъ вещей, которыя манятъ къ себѣ, но *я не позволяю себѣ* оставить имъ то короткое время жизни, которое осталось, до тѣхъ поръ, пока не кончу этой работы, которая, не скажу, мнѣ кажется, но я увѣренъ, нужна и полезна будетъ многимъ людямъ».

Манятъ къ себѣ, а потому, конечно, онъ не позволяетъ себѣ, не хочетъ позволить.

Въ этомъ отношеніи онъ побѣдилъ въ себѣ Льва Толстого—художника «для господъ».

Побѣда осталась за Львомъ Толстымъ—писателемъ «для Афанасьевъ». Труднѣйшее и цѣннѣйшее оказалось сдѣланнымъ, хотя и не съ тѣмъ спокойствіемъ, какъ ему хотѣлось бы. Чтобы отказаться отъ радости художественнаго творчества; чтобы почувство-

вать обратную радость—радость отреченія, ему нужно опорочить, если такъ можно выразиться, свое стремленіе къ творчеству «для господъ», какъ это онъ и дѣлаетъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ письмѣ къ Н. Н. Ге (1888 г.): «Какъ и въ деревнѣ, такъ и здѣсь, продолжаю не работать перомъ, и это воздержаніе, представьте себѣ, удовлетворяетъ, радуетъ. Хочется по привычкѣ, *по себялюбію*, по желанію *отуманиться*, уйти отъ жизни; по этимъ причинамъ хочется, но нѣтъ той непреодолимой силы, которая привлекла бы меня къ писанію, нѣтъ того *снисходительнаго* суда къ себѣ, который, какъ прежде, одобрялъ все».

Но все-таки это было труднѣйшею, вѣроятно, жертвой, принесенной во имя «Бога-Любви».

Все изслѣдовалъ, все обдумалъ и не нашелъ ничего выше въ мірѣ и жизни, кромѣ любви человѣка къ человѣку. Это чувство оказалось такимъ необъяснимымъ въ мірѣ злобы и борьбы, что онъ въ немъ, этомъ чувствѣ, увидѣлъ сіяніе Бога и повѣрилъ въ него на всю жизнь.

А повѣривши—съ обычной страстностью Толстого—отдалъ ему, своему Богу, жизнь до конца, закончивъ свои жертвы въ Астаповѣ 7-го ноября.

III.

Нашъ коротенькій очеркъ о Толстомъ — по письмамъ — законченъ.

Вѣроятно, это единственный случай въ литературѣ, что для измѣренія подлинной дѣйствительности возможно привлечь творческую фантазію другого геніальнаго художника и сопоставленіе съ «мечтой» не будетъ къ ущербу ни въ чемъ для «факта».

При чтеніи писемъ поражаетъ прежде всего именно это: фактъ, что правда писемъ выдерживаетъ съ такою легкостью сравненіе съ поэмой, результатомъ художественнаго *прославленія*, гдѣ художникъ, волей своего творчества, хотѣлъ и могъ освободиться отъ всего, что должно было портить славимый образъ налетомъ повседневности.

Въ письмахъ этотъ налетъ повседневности имѣется, но онъ все-таки не портитъ.

Разница только въ напряженности впечатлѣнія: въ одномъ случаѣ—прекрасная мечта, въ другомъ случаѣ—фактъ подлинной дѣйствительности, подавляющій красотой именно потому, что здѣсь *дѣйствительность*.

Впрочемъ, есть и еще различіе. Автору Dichtung о человѣкѣ, принесшемъ себя въ жертву Богу, признанному за Бога, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ символамъ, чтобы довести поэму до

конца въ состояніи той же напряженной красоты изображенія. Яснополянская Wahrheit о жертвоприношеніи геніальнымъ художникомъ, во имя своего Бога, самого себя и лучшей доли своего «я», своей творческой радости,—не потребовала ничего внѣ рамокъ реальности и даже повседневности.

Въ Астаповѣ-же, въ Астаповскіе дни, Толстой какъ-то выступилъ за предѣлы дѣйствительности,—перешелъ черезъ грань, отдѣляющую дѣйствительность отъ творческой мечты... Стало ясно, что міръ пріобрѣлъ въ немъ нѣчто особенное, цѣльное и *художественное*—пріобрѣлъ новый художественный образъ...

Къ тѣмъ образамъ, которые получила русская литература въ творчествѣ «Льва Толстого», присоединился, какъ-то самъ собой, незамѣтно, еще одинъ огромный, овладѣвающій образъ—самого его. Онъ почти подавилъ собой, своей подлинной сущностью, тѣ образы, которые самъ, силой своего генія, «къ вѣчности воззвалъ».

А. Е. Рѣдько.

Новый французскій трудъ по исторіи Россіи XVIII-го и XIX-го столѣтій.

Вліяніе Западной Европы на прошлую жизнь Россіи и ея литературу давно занимаетъ нашихъ ученыхъ и публицистовъ, вызывая совершенно противоположное къ себѣ отношеніе: одни (славянофилы) подчеркивали отрицательныя стороны этихъ вліяній, другіе—крайніе западники—отмѣчали только положительныя. Та и другая крайность теперь сгладились, уступивъ мѣсто признанію весьма значительной пользы вліянія Западной Европы въ нашемъ прошломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденію въ необходимости въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ критически относиться къ этому вліянію и нерѣдко признавать, что слѣпое подражаніе Западу приводило къ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Несмотря на важность изученія этихъ вліяній, мы не имѣемъ труда, всесторонне разсматривающаго этотъ вопросъ. Только относительно новой русской литературы существуетъ прекрасная обобщающая работа Алексѣя Н. Веселовскаго «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ».

Вліяніе Франціи на Россію не подвергалось у насъ спеціальному изслѣдованію, а изданная за границей книга *Pingaud* «Les

Français en Russie» (1886 г.) далеко не исчерпала этого предмета. Нельзя поэтому не привѣтствовать появленія въ свѣтъ книги проф. Э. Омана (Haumant) «Французская культура въ Россіи (1700 — 1900 г.)».

Авторъ очень широко ставитъ свою задачу: его интересуютъ вліянія литературныя и научныя вообще,—вліянія политическихъ идей, философскихъ, религіозныхъ, педагогическихъ, вліяніе непосредственнаге сближенія представителей обѣихъ націй — французскихъ эмигрантовъ въ Россіи и пребыванія русскихъ во Франціи; онъ отмѣчаетъ французское вліяніе и въ области матеріальной: въ пищѣ, въ обстановкѣ, въ костюмахъ. Широта программы представляетъ, конечно, достоинство этого труда, но лишь до тѣхъ поръ, пока она совмѣщается съ точностью показаній автора. Все сочиненіе, обнимающее два столѣтія, раздѣлено на пять періодовъ: первыя попытки сближенія, усиленіе французскаго вліянія (1725—1789 г.), апогей его (1789 — 1815), борьба за вліяніе съ другими странами (1815—1848) и упадокъ вліянія Франціи (1850—1900 г.). Всего лучше разработаны авторомъ вторая половина XVIII-го и первая половина XIX-го вѣка. Г. Оманъ очень хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ и съ русскою исторіографіею относительно изучаемаго имъ періода. Въ концѣ своего обширнаго труда авторъ даетъ списокъ источниковъ и пособій, занимающій 17 страницъ; если принять во вниманіе, что ученый, трудящійся надъ изученіемъ русской исторіи внѣ Россіи, находится въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ наши писатели, то нельзя не отнестись съ большимъ сочувствіемъ къ той настойчивости, съ которою авторъ разрабатываетъ свою тему. Внимательно просматривая этотъ списокъ, можно замѣтить, однако, что русскіе труды, цитируемые авторомъ, за единственнымъ исключеніемъ (книга г. Сиповскаго) не новѣе 1907 г. (впрочемъ, нѣкоторыя заграничныя изданія о Россіи, упоминаемыя въ немъ, относятся и къ 1909—1910 гг.). Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, авторъ почти ограничилъ собираніе матеріаловъ тѣмъ, что вышло въ свѣтъ въ Россіи до 1907 г. включительно. А между тѣмъ русская наука быстро идетъ впередъ, и нѣкоторые научные труды, появившіеся въ Россіи въ послѣдніе три года, дали-бы автору не мало необходимаго для его цѣли матеріала. Трудъ его, такъ сказать, при самомъ выходѣ въ свѣтъ уже устарѣлъ на три года. Кромѣ того, вполнѣ признавая большую начитанность автора, мы смущены нѣкоторыми его библіографическими указаніями: такъ, напримѣръ, говоря (стр. 103) о воспитаніи имп. Александра I, онъ сообщаетъ, что объ этомъ напечатано много матеріаловъ, и называетъ 30-ый томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», по справкѣ-же оказывается, что въ этомъ томѣ дѣйствительно напечатаны матеріалы о воспитаніи Александра, но только не Павловича, а Николаевича, не Александра I-го, а Александра II! Этотъ казусъ за-

ставляетъ задуматься надъ вопросомъ, хорошо ли ознакомился авторъ съ источниками и пособіями, перечисленными въ его обширномъ спискѣ, а затѣмъ, на сколько критически онъ къ нимъ отнесся. Приведенные ниже примѣры, заимствованные преимущественно изъ наиболѣе сильной части труда автора, т. е. изъ того, что онъ говоритъ о второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтій, дадутъ намъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ.

Приводя показаніе французскаго дипломата Корберона (стр. 138) о бесѣдѣ его съ кн. М. М. Щербатовымъ въ 1776 г., въ которой послѣдній будто-бы высказался за республиканскую форму правленія даже для большихъ государствъ, г. Оманъ вѣритъ этому свидѣтельству (ср. стр. 140), между тѣмъ какъ изученіе хотя-бы тѣхъ двухъ сочиненій Щербатова, которыя названы въ его спискѣ, («Путешествіе въ землю Офирскую» и «О поврежденіи нравовъ въ Россіи») показало бы ему, что Щербатовъ вовсе не былъ республиканцемъ, а высказывался въ пользу наслѣдственной монархіи съ ограниченіемъ власти государя сенатомъ или парламентомъ. Эти мысли онъ развивалъ въ трудахъ, не предназначенныхъ для печати и гдѣ, слѣдовательно, ему не было надобности скрывать свои истинные взгляды. Что Щербатовъ не только въ двухъ названныхъ трудахъ, но и въ другихъ, не высказывался за республику, авторъ могъ бы видѣть и изъ извѣстныхъ ему изслѣдованій русскихъ историковъ. Корберонъ, очевидно, не понялъ взглядовъ Щербатова, и вѣрить ему нѣтъ основаній.

Объ историкѣ Болтинѣ г. Оманъ говоритъ, что онъ «предлагаетъ сразу уничтожить крѣпостное право, но забываетъ надѣлить крестьянъ землею»; при этомъ авторъ ссылается на книгу Незеленова и затѣмъ поясняетъ: «черта, однако, существенная, такъ какъ, объявленные свободными, они останутся рабами, если господа сохранятъ за собою всю землю» (стр. 140). Незеленовъ, дѣйствительно, говоритъ, что Болтинъ сочувственно цитируетъ слова Руссо («прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла»), но не соглашается съ тѣмъ, что «нужно освобождать крестьянъ постепенно, сообразно съ ихъ поведеніемъ. Подобный планъ онъ считаетъ невозможнымъ и убѣжденъ, что дать свободу надо всѣмъ и одновременно» (А. Незеленовъ «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху». 1889 г., стр. 308). Въ дѣйствительности же Болтинъ именно высказывается противъ немедленнаго уничтоженія крѣпостного права, опираясь на мнѣніе Руссо. Однако онъ не является такимъ крайнимъ консерваторомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ кн. Щербатовъ, и говоритъ: «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобы наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченія, пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними

власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ». Онъ предлагаетъ опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и предоставить имъ право собственности на ихъ имущество. Онъ признаетъ необходимость одновременнаго освобожденія, въ концѣ-концовъ, всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ (а не по частямъ), но придти къ этому слѣдуетъ «исподволь и постепенно». Если часть невѣрнаго показанія г. Омана о Болтинѣ была заимствована изъ книги Незеленова ,то уже ему самому принадлежитъ заявленіе, будто бы Болтинъ высказался за безземельное освобожденіе крестьянъ; какъ разъ наоборотъ: онъ предостерегалъ противъ такого освобожденія русское общество и правительство; по его словамъ, англійская вольность «низвергнетъ ихъ въ бездну погибели». Г. Оманъ избѣжалъ бы ошибки, если бы обратился къ труду самого Болтина.

На слѣдующей страницѣ (141) авторъ, слишкомъ довѣрчиво отнесясь къ наполненному самохвальствомъ разсказу кн. Дашковой въ ея мемуарахъ о бесѣдѣ съ Дидро, ссылается тутъ же на слѣдующія слова ея во время этой бесѣды: «Если бы государь, разбивая нѣсколько звеньевъ цѣпи, привязывающей крестьянъ къ дворянамъ, разбилъ бы также и нѣкоторыя узы, подчиняющія дворянъ волѣ самовластныхъ государей, то я съ величайшимъ удовольствіемъ подписалась бы подъ такимъ указомъ не чернилами, а своею кровью»—и неправильно ихъ комментируетъ: «Это значитъ играть словами,—говоритъ г. Оманъ:—для крестьянъ желали личной свободы, а дворяне пользовались ею съ тѣхъ поръ, какъ Петръ III освободилъ ихъ отъ обязательной службы». Но вѣдь Дашкова желаетъ тутъ для дворянства не свободы отъ обязанности служить, а ограниченія самодержавной власти: извѣстно, что такихъ взглядовъ держался и ея дядя, Никита Ив. Панинъ. Въ ссылкѣ при этомъ на 21 томъ Архива кн. Воронцова, гдѣ помѣщены записки Дашковой, опять странная неточность: авторъ указываетъ на письмо къ Дидро, будто бы здѣсь (стр. 138) напечатанное, между тѣмъ какъ тутъ разсказано о личной съ нимъ бесѣдѣ; повидимому, цитата взята изъ вторыхъ рукъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о Сперанскомъ, на мнѣніяхъ котораго онъ долженъ былъ бы остановиться особенно внимательно, такъ какъ на немъ сильно сказалось въ реформаторскую пору его дѣятельности французское вліяніе, и не точны, и крайне недостаточны. Авторъ, незнакомый съ извѣстною біографіею Сперанскаго, написанною Корфомъ, утверждаетъ, будто бы онъ былъ воспитанъ французомъ вмѣстѣ съ дѣтьми кн. Голицына. Затѣмъ онъ говоритъ, что Сперанскій «участвовалъ въ составленіи проекта учрежденія палаты наслѣдственныхъ пэровъ». Сперанскій не «участвовалъ» въ подобномъ трудѣ, а составилъ его самъ въ 1802 г. и предлагалъ въ немъ учрежденіе не одной палаты пэровъ, а сейма изъ двухъ палатъ, при чемъ верхняя палата дѣйствительно должна была состоять изъ дворянъ первыхъ четырехъ классовъ, надѣлен-

ныхъ правомъ первородства, но государь могъ вводить въ нее нѣкоторое количество лицъ и изъ низшаго класса. Точныя и подробныя свѣдѣнія объ этомъ проектѣ Сперанскаго имѣются съ 1907 г. въ русской литературѣ. Проектъ государственыхъ преобразованій, выработанный Сперанскимъ при участіи самого государя въ 1809 г., требовалъ подробнаго анализа, такъ какъ онъ даетъ возможность указать на вліяніе французскихъ конституцій, но авторъ не потрудился изучить его, хотя онъ напечатанъ еще въ 1898 г., и даже въ той половинѣ странички, которую онъ ему посвящаетъ, онъ не выдѣляетъ его отъ проекта преобразованія сената, составленнаго немного позднѣе (въ 1811 г.). Автору неизвѣстна и новѣйшая біографія Сперанскаго, напечатанная г. Середонинымъ въ «Біографическомъ Словарѣ», издаваемомъ Имп. Историческимъ Обществомъ и основанная отчасти на неизданномъ матеріалѣ.

Говоря о проектѣ конституціи декабриста Никиты Мих. Муравьева (котораго, кстати сказать, авторъ напрасно называетъ на стр. 330 Муравьевымъ-Апостоломъ, а на страницѣ 242 смѣшиваетъ съ Николаемъ Никол. Муравьевымъ), г. Оманъ преувеличиваетъ французскіе элементы этой конституціи въ ущербъ американскимъ: не одинъ будто бы «неясный оттѣнокъ федерализма» (стр. 335) заимствованъ Н. Муравьевымъ изъ конституціи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, но цѣлый рядъ статей, тогда какъ доля вліянія французскихъ конституцій на его проектъ весьма невелика.

Общее заключеніе, которое дѣлаетъ авторъ въ главѣ о политическомъ движеніи при Александрѣ I послѣ 1815 г., совершенно невѣрно: по мнѣнію г. Омана, «русскимъ приходилось выбирать только между англійской и французской свободою: первой, т. е. аристократическаго правленія, Россія ни за что не хотѣла» (однако было аристократическое теченіе не только въ кругахъ вельможъ, выразителемъ котораго былъ Мордвиновъ, но и среди декабристовъ, какъ видно изъ предположеній Батенькова; слѣды англійскаго вліянія есть и въ проектѣ Н. Муравьева); «вторая—была демократіею, но для огромнаго большинства умовъ—дворянскою демократіею (?), какъ въ Польшѣ» (стр. 335). Второе утвержденіе совершенно произвольно. Автору кажется, что вмѣсто того, чтобы стремиться къ политическимъ реформамъ, было бы лучше «очистить административную часть, какъ этого желалъ Сперанскій» (въ 1818 г. послѣ крушенія его проекта коренныхъ государственныхъ преобразованій). Но г. Оманъ тутъ же отмѣчаетъ, что это было «почти столь же неосуществимо безъ политической свободы, какъ и установленіе самой политической свободы». Да вѣдь въ томъ же самомъ письмѣ къ Столыпину 12 мая 1818 г., изъ котораго заимствована его мысль объ очищеніи «административной части», Сперанскій высказывается за необходимость «установленія конституціонныхъ законовъ».

Такъ неточны свѣдѣнія автора о либерально-политическомъ теченіи въ Россіи. Соціалистическимъ идеямъ авторъ видимо не сочувствуетъ (ср. стр. 505), и хотя Петрашевцы представляютъ прекрасный примѣръ сильнаго и значительнаго вліянія произведеній французскихъ соціалистовъ въ извѣстныхъ кругахъ русской интеллигенціи, онъ посвящаетъ имъ всего лишь нѣсколько строкъ (стр. 411, 419, 499) и, почти не зная литературы этого вопроса, основанной отчасти на неизданномъ матеріалѣ, онъ не желаетъ идти и въ печатные источники, хотя они были ему доступны, такъ какъ появились за границей и были указаны въ томъ трудѣ, на который онъ ссылается относительно Петрашевцевъ. Авторъ по своему общему міросозерцанію не могъ правильно оцѣнить отношеніе Герцена къ Франціи послѣ революціи 1848 г., а о Чернышевскомъ онъ упоминаетъ только однажды, приписывая ему (499) пропаганду «французской политической экономіи» XVIII вѣка и ничего не упоминая о сильномъ вліяніи на него ученія Фурье.

Послѣднія три главы книги г. Омана особенно слабы. Для того, чтобы правильно разобраться въ отношеніи русскихъ къ Франціи въ новѣйшее время, нужно въ каждомъ данномъ случаѣ выяснить—писателю какого направленію принадлежитъ тотъ или другой отзывъ. Г. Оманъ не только далеко не всегда дѣлаетъ это, но и совсѣмъ игнорируетъ нѣкоторыя направленія. Такъ, напримѣръ, онъ не ознакомился съ «Отечественными записками», ему почти вовсе неизвѣстно и «Русское Богатство»: въ спискѣ его пособій почему то помѣщенъ лишь одинъ 1894 г. этого журнала. Онъ вспоминаетъ о немъ лишь для того, чтобы указать на неточность въ написаніи фамиліи одного французскаго поэта (стр. 478), а въ другомъ мѣстѣ самъ впадаетъ въ ошибку, утверждая, будто бы въ «Русскомъ Богатствѣ» совсѣмъ не переводятся французскіе романы. Правда, г. Оману извѣстна книга о Франціи Кудрина (Н. С. Русанова), составленная изъ статей, появившихся въ нашемъ журналѣ, но онъ незнакомъ съ сочиненіями Н. К. Михайловскаго, хотя нашелъ бы въ нихъ не мало данныхъ для характеристики отношенія знаменитаго публициста къ Франціи и французскимъ писателямъ. Знакомство съ историческими статьями этого журнала избавило бы его отъ нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, прочтя статью В. А. Мякотина о кн. М. М. Щербатовѣ, онъ не повѣрилъ бы увѣреніямъ, что этотъ историкъ держался республиканскихъ воззрѣній, а историческія статьи, напечатанныя въ «Русскомъ Богатствѣ» въ 1907—08 гг., дали бы ему очень много новыхъ фактовъ относительно французскихъ вліяній въ Россіи въ первой четверти XIX в. Въ послѣднихъ главахъ книги г. Омана мы находимъ и неправильныя обобщенія (стр. 481), и выводы изъ случайныхъ фактовъ (481—2), и затасканные анекдоты (481). Здѣсь авторъ любитъ заимствовать свои свѣдѣнія изъ «Новаго Времени» (напр., стр. 435, 487, 515) и изъ статей бывшаго сотрудника этой газеты

Скальковскаго (441, 442). Между прочимъ (331), авторъ указываетъ на маленькую замѣтку «Новаго Времени» подъ заглавіемъ «Пестель о финляндцахъ и евреяхъ», пропитанную обычною для этой газеты ненавистью къ евреямъ и Финляндіи. Развѣ г. Оманъ сочувствуетъ этимъ дикимъ взглядамъ? Неудивительно, что Меньшиковъ оказывается «краснорѣчивымъ публицистомъ» (527), а П. Н. Милюковъ—«якобинцемъ» (509—510). Упоминается даже о «кипучемъ» Пуришкевичѣ (508).

Авторъ былъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ; пожелаемъ, чтобы онъ еще разъ посѣтилъ нашу родину, исторіею которой онъ такъ заинтересовался, и внимательнѣе познакомился бы съ ея новѣйшею жизнью и литературою; нужно надѣяться, что тогда онъ иначе напишетъ послѣднія главы своего труда для новаго, исправленнаго его изданія, появленіе котораго весьма желательно.

Сочиненіе г. Омана, при всѣхъ недостаткахъ этого труда, заслуживаетъ полнаго вниманія и признательности со стороны всѣхъ изучающихъ взаимныя отношенія обѣихъ странъ и является очень полезнымъ вкладомъ въ весьма необширную коллекцію трудовъ французскихъ ученыхъ о Россіи. Въ былые годы въ этой области не мало поработалъ покойный Альфредъ Рамбо, памяти котораго авторъ посвятилъ свою книгу; въ послѣднее время два серьезныхъ труда издалъ Шарль Ларивьеръ объ отношеніи Россіи къ Франціи въ XVIII вѣкѣ. Такимъ образомъ французскіе ученые начинаютъ уплачивать русской исторической наукѣ тотъ долгъ, на покрытіе котораго мы можемъ претендовать послѣ капитальныхъ изслѣдованій о Франціи во время революціи Н. И. Карѣева, М. М. Ковалевскаго, И. В. Лучицкаго и А. М. Ону. Взаимодѣйствіе ученыхъ двухъ странъ въ области науки послужитъ хорошимъ подкрѣпленіемъ другихъ связующихъ нитей между людьми, борющимися какъ во Франціи, такъ и въ Россіи за достиженіе лучшаго будущаго для своей родины.

В. Семевскій.

Новыя книги.

Сборникъ товарищества „Знаніе“. Книга тридцать вторая. Спб. 1910. Стр. 152+8+42+65+11. Ц. 1 р.

Въ старыхъ сборникахъ «Знанія» рядомъ съ Горькимъ были Купринъ, Андреевъ, Гусевъ-Оренбургскій. Теперь—вотъ ужъ нѣсколько книжекъ—пошелъ сплошь какой то третій сортъ, и печатаются такіе стихи:

Пировать въ горящемъ домѣ, спать у пасти крокодила,
На клокочущемъ вулканѣ затѣвать лихую пляску—
Никому на умъ, конечно, никогда не приходило,
Ибо (!) всѣ представить могутъ неизбѣжную развязку.

Это—не пародія, это серьезно; авторъ, очевидно, и искрененъ въ своемъ паѳосѣ, и не подозрѣваетъ, что нестерпиая проза дѣлаетъ нестерпимо пошлыми его основательныя замѣчанія. А вѣдь редакція сборниковъ «Знанія» могла бы сказать ему это и охранить его и себя отъ срама:

Но плясать и веселиться въ дни народнаго страданья,
Но не думать о голодныхъ за роскошными столами
И средь ужасовъ и скорби жить въ восторгахъ ликованья—
Всѣ грѣшили очень часто мы подобными дѣлами.

И такъ далѣе—въ томъ же веселенькомъ ритмѣ. Такъ что совсѣмъ, совсѣмъ не страшно—а даже наоборотъ, когда авторъ въ заключеніе пугаетъ, что

...на сытомъ нашемъ тѣлѣ мы почувствуемъ удары
И страданья испытаемъ, предъ которыми, быть можетъ,
Поблѣднѣютъ всѣ вулканы, крокодилы и пожары.

Эти «поблѣднѣвшіе крокодилы» способны, конечно, породить нѣкоторыя сомнѣнія; но старанія Горькаго и г-жи Милицыной, произведенія коихъ напечатаны въ томъ-же тридцать второмъ сборникѣ, переносятъ сіе болѣе чѣмъ африканское чудище изъ области гиперболизующей фантазіи въ міръ сѣрой россійской дѣйствительности. Въ драмѣ Горькаго «Чудаки», точно въ видѣ символа, выступаетъ такой поблѣднѣвшій крокодилъ Самоквасовъ, недавній полицейскій, а послѣ 1905 года—чудесный человѣкъ, идеалистъ и страдалецъ, прельстившій своими добродѣтелями не только неопытную и восхитительную барышню Зину, но и суроваго Максима Горькаго. «Я не злой—говоритъ о себѣ Самохваловъ:—я не гадкій человѣкъ, я просто русскій человѣкъ—несчастный человѣкъ. Не знаю мѣры добра и зла... ничего не знаю... разбросалъ лучшія силы души и—вотъ... никуда не гожусь... дурацкая жизнь!» Въ серіи «Чудаковъ», сочиненныхъ Горькимъ, Самоквасовъ не выдѣляется. «Странные люди,—говоритъ одна изъ героинь драмы:—безвольные, безформенные... когда же они исчезнутъ». Это она о Самоквасовѣ. О другихъ,—среднихъ россійскихъ интеллигентахъ—она говоритъ: «Это люди, недобитые судьбой, они осуждены на гибель своей духовной нищетой, своимъ невѣріемъ». — «Мы всѣ злые, грубые... и ничего не любимъ... ни другъ друга, ни самихъ себя, ни родину».—«У насъ такъ мало честныхъ, здоровыхъ людей». — «Россія — страна недобитыхъ людей. Этими афоризмами полна драма. Было бы страшно, если бы драма удалась Горькому, если бы его образы были живѣе и сильнѣе этихъ мрачныхъ афоризмовъ; тогда бы, пожалуй, и афоризмы, поясняющіе «се левъ, а

не собака», были бы ненужны. Но въ томъ то и дѣло, что этихъ несуществующихъ «поблѣднѣвшихъ крокодиловъ» не спасутъ никакіе афоризмы, что они безжизненны, что они только раздражаютъ своей тусклой схематичностью. Бѣда не въ томъ, что они «не добиты» исторіей, а въ томъ, что они не додѣланы Горькимъ. Изъ хорошихъ намѣреній драмы не сдѣлаешь.

Развѣ плохъ напечатанный въ той же книжкѣ «Знанія» разсказъ г-жи Милицыной «Въ ожиданіи приговора»? Нѣтъ, не плохъ, но лучше бы ужъ онъ былъ плохъ. Все въ порядкѣ: тема достаточно животрепещущая, сдѣлано опытной рукой, чувствуются живыя наблюденія. И все это ни къ чему: какъ будто, что то самое главное откуда то переписано, читано и перечитано, извѣстно, ненужно. Можетъ быть, кому нибудь и нужно: тому, кто ничего, кромѣ разсказа г-жи Милицыной, не читалъ; но вѣдь такихъ нѣтъ. А намъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше нужна *нужная* литература, настоящая, большая, не третій сортъ, благопристойный, благонамѣренный и лишній. Съ точки зрѣнія этихъ требованій трудно съ чрезмѣрной пылкостью привѣтствовать и разсказъ г. Як. Окунева «Дарья Авилова съ сыновьями»: Онъ много свѣжѣе и значительнѣе повѣсти г-жи Милицыной, и то, что и въ немъ есть сочинительство, не такъ важно. Важнѣе то, что и въ немъ чувствуются варіанты варіантовъ. Впрочемъ, если авторъ начинающій, то можно съ нѣкоторымъ интересомъ ожидать его слѣдующихъ произведеній.

I. Желѣзновъ. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. Изд. 3-ье. С.-Петербургъ. 1910.

Бытовые очерки I. Желѣзнова печатались въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Появленіе ихъ было сочувственно отмѣчено лучшими тогдашними журналами: «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ». Рядъ великолѣпныхъ и оригинальныхъ картинъ, отъ которыхъ, по мнѣнію критики этихъ журналовъ, не отказался бы ни одинъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, картинъ, набросанныхъ широкою и смѣлою кистью, свидѣтельствовалъ о подлинномъ, неподдѣльномъ талантѣ. Погодинъ, бывшій литературнымъ воспріемникомъ Желѣзнова, не безъ гордости говорилъ: «я благословилъ его на литературное поприще и не ошибся въ его призваніи». Но если бы мы вздумали подойти къ «Уральцамъ», отдѣленнымъ отъ насъ болѣе, чѣмъ полстолѣтіемъ, съ нынѣшнею критическою мѣркою, когда и техника письма, и манера художественнаго изображенія ушли далеко впередъ, то многое въ писаніяхъ талантливаго казака показалось бы наивнымъ, неумѣстнымъ, ненужнымъ, досадно засоряющимъ художественную цѣнность непосредственнаго, безъискусственнаго произведенія. Вставки въ разсказъ претенціозныхъ разсужденій, оправдательная риторика по поводу качественно сомнительныхъ дѣйствій какого-нибудь героя, близкаго сердцу

автора, нѣкоторая порча живого разговорнаго языка,—очень колоритнаго, кстати сказать,—точно авторъ намѣренно старался подчистить и облагообразить самобытную казацкую рѣчь,—все это нынѣ звучитъ уже рѣзкимъ диссонансомъ... Но этотъ недостатокъ тонетъ все-таки въ яркости и свѣжести изображенія того оригинальнаго уголка русской жизни, который впервые былъ открытъ для русской литературы именно Желѣзновымъ. Интересна—не въ меньшей степени, можетъ быть, чѣмъ произведеніе—біографія писателя. Сынъ рядового казака, случайно получившій начальное образованіе, Желѣзновъ, какъ казакъ, почти прямо со школьной семьи долженъ былъ надѣть сѣрую шинель и болѣе десяти лѣтъ тянулъ военную лямку нижнимъ чиномъ. Первое—и лучшее—произведеніе Желѣзнова «Картины охраннаго рыболовства», написанное имъ во время походовъ, было просмотрѣно и отчасти выправлено А. Н. Плещеевымъ, который въ 50-хъ годахъ долженъ былъ отбывать солдатскую службу въ Уральскомъ батальонѣ. Желѣзновъ поручилъ пристроить рукопись офицеру, который отправлялся въ Петербургъ, къ царскому двору, съ обычномъ «презентомъ» отъ уральцевъ. Издатель одного журнала предлагалъ за рукопись 25 рублей—съ тѣмъ, что онъ, выправивъ и сгладивъ слогъ Желѣзнова, напечатаетъ исправленное сочиненіе въ числѣ своихъ произведеній. Офицеръ, возившій презентъ и рукопись, находилъ условія весьма пріемлемыми, но авторъ съ этимъ не согласился. Лишь черезъ два года, когда Желѣзновъ, произведенный въ хорунжіе, былъ назначенъ въ сводный казачій полкъ, несшій службу въ Москвѣ, ему удалось напечатать первое свое произведеніе въ «Москвитянинѣ» въ 1854 году. Послѣдующіе очерки его, кромѣ «Москвитянина», печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» (старой редакціи), «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и др. журналахъ. Въ 1862 году Желѣзновъ, выбранный въ ассессоры Уральскаго войскового правленія, долженъ былъ покинуть Москву. Въ новой должности онъ вскорѣ столкнулся съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ—войсковымъ атаманомъ, отстаивая права выборныхъ войсковыхъ учрежденій противъ самоуправства высочайше назначеннаго представителя власти. Эта неравная борьба Желѣзнова съ носителемъ власти, а не литературная дѣятельность сдѣлала имя его особенно популярныхъ среди уральцевъ. Войсковому начальству не стоило особыхъ трудовъ сломить Желѣзнова, дѣйствовавшаго открыто, прямо, безъ всякихъ предосторожностей и обходовъ: при помощи мелкой интриги на него было взведено обвиненіе въ служебныхъ упущеніяхъ и безпорядкахъ на севрюжьемъ рыболовствѣ, атаманомъ котораго онъ былъ назначенъ. Между прочимъ, казаки, находившіеся подъ его командой, отказались подписать вѣрноподданическій адресъ, составленный войсковымъ начальствомъ, что было поставлено въ вину атаману рыболовства. Желѣзновъ, въ наказаніе, былъ назначенъ въ

полкъ безъ очереди—субалтернъ-офицеромъ. Не столько это опальное назначеніе, сколько отсутствіе активной поддержки со стороны казаковъ, интересы которыхъ авторъ «Уральцевъ» такъ горячо отстаивалъ и въ литературѣ, и въ служебной дѣятельности, разстроили его до того, что наканунѣ отправленія въ полкъ онъ застрѣлился. Не лишена интереса одна характерная для казаковъ черта, относящаяся къ этому событію. Войсковой атаманъ боялся, что трагическая кончина популярнаго человѣка вызоветъ волненіе среди уральцевъ, и экстренно увѣдомилъ оренбургскаго генералъ-губернатора о своихъ опасеніяхъ. Генералъ-губернаторъ прискакалъ въ Уральскъ. Но здѣсь, по словамъ біографа Желѣзнова—Н. А. Бородина, онъ не нашелъ даже и малѣйшихъ признаковъ мятежнаго настроенія. «Чиновники устроили ему обѣдъ по подпискѣ, угостили на славу, а казаки даже, выпрягши его коляску, прокатили на себѣ»... Интересна для характеристики воззрѣній Желѣзнова статья «Что такое казацкій офицеръ?». Она впервые появляется въ собраніи его очерковъ; раньше, по цензурнымъ условіямъ, не могла быть напечатана. Разсматривая исторію офицерскаго, дворянскаго класса въ средѣ казаковъ, Желѣзновъ съ тоскою вспоминаетъ о казацкой старинѣ, «когда масса народа всѣхъ необходимыхъ ей начальныхъ лицъ выводила изъ среды себя и потомъ, когда они становились ненужными, и тѣмъ болѣе вредными, поглощала въ себя же; оттого то въ общинѣ яицкихъ казаковъ, въ періодъ самостоятельнаго ея существованія, не было трутней, всѣ были пчелы». Но центральному правительству надо было сломить самостоятельность, и вотъ, въ казацкую среду внесено было раздѣленіе черезъ пожалованіе чинами и дворянствомъ. «Въ періодъ самоуправленія казаковъ часто прибѣгали къ кнуту и каторгѣ и къ силѣ оружія, чтобы подавлять въ казакахъ всякіе проблески народнаго сознанія. Но ни кнутъ, ни каторга, ни даже штыки съ картечью не приносили Военной Коллегіи желанныхъ результатовъ»... Результаты эти добылъ правительству казачій офицерскій классъ, «нашествіе единоплеменниковъ»; казацкое офицерство сумѣло свести простую казацкую массу на степень безропотной оброчной статьи. «Нынче нѣтъ на Уралѣ народа, а есть солдатики да офицерики, какъ есть и тѣ, и другіе въ любой казармѣ, населенной христолюбивымъ воинствомъ... Собственная польза офицеровъ заставляетъ ихъ держать рядовое казачество на заднемъ планѣ, въ вытяжку, руки по швамъ, а при вытяжкѣ, при держаніи рукъ по швамъ—какой ужъ прогрессъ!.. Въ медицинѣ есть нѣкое зелье меркурій, по-просту—ртуть, употребляемое противъ нѣкотораго рода болѣзней. Это зелье, уничтожая въ организмѣ одну болѣзнь, порождаетъ другую, такъ называемую костоѣду. Отравленный и страждующій костоѣдой организмъ, это—община уральскихъ казаковъ. Отрава или ртуть это—современое блестящее казацкое офицерство вообще и дворянство въ особенности». Въ

этой статьѣ отразились характерныя воззрѣнія Желѣзнова. Передовые люди его эпохи и его края (Курилинъ, Апутины и др.) не сходились съ нимъ по многимъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ,—Желѣзновъ былъ искренній монархистъ, «казакоманъ», «казакъ до безобразія», какъ выражалась о немъ передовая уральская молодежь. Но было что-то подкупающее въ его казацкомъ романтизмѣ, тоскѣ по старинѣ, по старинному свободному укладу, даже въ крайностяхъ его казакоманства. А его честность, гражданское мужество, самоотверженное служеніе народнымъ интересамъ не могли не привлечь къ нему сердецъ даже не сходныхъ съ нимъ по воззрѣніямъ людей. Нынѣ имя І. Желѣзнова составляетъ гордость лучшей части уральскаго казачества.

«Уральцы» были изданы болѣе 20 лѣтъ назадъ и въ послѣднее время представляли библіографическую рѣдкость. Третье изданіе, дополненное и тщательно пересмотрѣнное, является какъ нельзя болѣе своевременно. Нѣкоторые изъ очерковъ Желѣзнова уже вошли въ хрестоматіи. Третій томъ—«Сказанія и пѣсни уральскихъ казаковъ»—отмѣченъ Пыпинымъ въ «Исторіи русской литературы» по особой цѣнности этнографическаго матеріала. «Очерки» уже вошли въ школьныя библіотеки. И третье изданіе ихъ, несомнѣнно, встрѣтитъ самый сочувственный пріемъ читателя.

В. Розановъ Когда начальство ушло... (1905—1906 г.г.) Спб. 1910. стр. 428. Ц. 2 р.

Заглавіе не вполнѣ удачно; оно покоится на характерномъ заблужденіи автора. Книга должна была бы называться: «Когда пришло другое начальство»—и это заглавіе точнѣе выразило бы источникъ, изъ котораго произошли ея великолѣпныя характеристики и сообщало бы имъ настоящую цѣну. Въ этомъ источникѣ все дѣло. Читателямъ, вѣроятно, извѣстны недавніе комплименты, которыми обмѣнялись В. В. Розановъ и П. Б. Струве. Послѣдній неожиданно для себя додумался до того, что многимъ и раньше было ясно: что Розановъ «не то, что безнравственный писатель, онъ органически безнравственная и безбожная натура», и что потому съ нимъ вмѣстѣ нельзя, оставаясь человѣкомъ нравственнымъ, дѣлать общее политическое и общественное дѣло. Г. Розановъ въ отвѣтъ напомнилъ г-ну Струве Буриданова осла. Но, кажется, онъ напрасно ввязался въ эту полемику. Едва ли онъ выйдетъ изъ нея съ честью—и, пожалуй, послѣ естественныхъ контузій, заноетъ, какъ его Орлеанская Дѣва:

О, почто на шлемъ воинственный
Я свой жребій обрекла...

Переврать въ двухъ стихахъ семь словъ изъ девяти—кто же сумѣетъ это сдѣлать кромѣ Розанова? Но какой смыслъ въ ссыл-

кахъ на подлиннаго Жуковскаго? Развѣ есть подлинный Жуковскій. Вообще развѣ есть на свѣтѣ что нибудь? «Одно и тоже предложеніе» «дождь идетъ» можетъ быть истинно и не истинно: оно истинно, когда дѣйствительно дождь идетъ, а когда солнце свѣтитъ—уже не истинно". Посему—таковъ скрытый выводъ—можно утверждать «дождь идетъ» совершенно независимо отъ того, идетъ онъ или нѣтъ. Посему же онъ, Розановъ, не желаетъ умирать съ голода между двуми вязанками сѣна: онъ съѣстъ одну, а потомъ другую. Сегодня онъ объявитъ истиной одно, а завтра другое, діаметрально противоположное. Ибо въ прихотливости его настроенія совмѣщаются противоположныя истины, ибо по „честной прямой линіи" летаютъ только вороны, а по «лукавымъ кривымъ» движутся всѣ небесныя свѣтила. «Я не подлъ—я широкъ»,—говоритъ одинъ герой Достоевскаго. Ясно и какъ просто. Нельзя не сознаться, что въ этой позиціи Розановъ формально неуязвимъ. Только въ этомъ сознаніи внѣшней неуязвимости онъ издѣвается надъ своимъ противникомъ, смѣло цитируетъ Державина: «Таковъ, Фелица, я развратенъ» и, ничѣмъ не рискуя, признается: „вѣроятно, изъ ближайшихъ друзей моихъ многіе знаютъ, что о всѣхъ «ближайшихъ сердцу» вещахъ я говорю сплошь и рядомъ въ пятницу совсѣмъ другія слова, совсѣмъ въ другомъ тонѣ, чѣмъ какія говорилъ въ четвергъ». Потому что „нравственныхъ (курсивъ г. Розанова) „взглядовъ на предметъ", „убѣжденій" о немъ «можно имѣть сколько угодно».

Словесно оно, конечно, такъ; и любопытно, что г. Розановъ все время отдѣлывается именно словесностью. Но не стоитъ разбираться въ этомъ номинализмѣ худшаго сорта; важнѣе другіе моменты. Прежде всего: „въ четвергъ одно, а въ пятницу другое" есть, несомнѣнно, конецъ творчества; это не развитіе, не парабола свѣтила, которую можно напередъ вычислить и опредѣлить, а пьяное шатаніе: разложеніе личности. Здѣсь дѣло не въ томъ, что я вчера думалъ такъ, а сегодня, подумавъ, думаю иначе, а въ томъ, что мнѣ все—все равно: хороша такая комбинація элементовъ, недурна другая; убѣжденій можетъ быть сколько угодно, потому что истины нѣтъ, а если есть, то наплевать. Нигилистъ въ философіи есть естественно циникъ въ политикѣ. Поэтому совершенно ясно, что управляетъ «пятницами» и «четвергами» г. Розановъ. Начальство—всегда начальство, котораго онъ, по его собственному признанію, такъ боится. Нѣтъ, тутъ не страхъ, тутъ совсѣмъ не грубый подкупъ: тутъ именно качаніе неуравновѣшеннаго и ищущаго, къ кому бы прислониться. Слабый, Розановъ ищетъ силы, откуда бы она ни пришла, и готовъ предъ нею преклониться. Онъ вспоминаетъ о Буридановомъ ослѣ, но забылъ о другомъ злосчастномъ, также колебавшемся между двумя призывами. Въ одномъ французскомъ фарсѣ трусоватый перебѣжчикъ попалъ между двухъ враждебныхъ лагерей. Съ обѣихъ сторонъ

раздаются грозные возгласы часовыхъ: «Qui vive?» Несчастный пробуетъ провозгласить то «Vivent les autrichiens!», то «Vivent les français!»—но все не можетъ рѣшиться и, наконецъ, набравшись смѣлости, кричитъ изъ всѣхъ силъ «Vivent les plus forts!» Вотъ истинный крикъ души: горе побѣжденнымъ, кто бы они ни были; слава побѣдителямъ, откуда бы они ни пришли. И просто поразительно—хотя это пишетъ Розановъ,—что онъ пишетъ въ своей книгѣ: «Есть люди объ одномъ цвѣтѣ—черные, бѣлые. Но есть еще несчастно-рожденные люди, пѣгіе, которые совершенно искренно не могутъ одному чему-нибудь служить, и совершенно искренно служатъ двумъ господамъ, т. е. измѣна то одному, то другому, и въ концѣ-концовъ всему и всѣмъ, составляетъ самый стержень и «истину» ихъ души. Да, есть истина и въ неистинѣ, паѳосъ лжи, талантъ обмана. Конечно, это несчастье, и такому то несчастью былъ, повидимому, обреченъ Гапонъ».

Былъ «четвергъ» и это было «несчастье», ибо Розановъ писалъ это о Гапонѣ; теперь «пятница», Розановъ гордо пишетъ тоже самое о себѣ—и эта «истина въ неистинѣ», этотъ «паѳосъ лжи», оказывается, есть путь свѣтила.

Намъ, знающимъ, что свѣтила не ходятъ по двумъ стезямъ, остается отвернуться отъ этого темнаго пути лживаго свѣтила. Пусть Розановъ въ своей книгѣ далъ «любовное оправданіе» русскому освободительному движенію; пусть на мгновеніе увлекутъ насъ интересныя характеристики и удачныя замѣчанія, тамъ и сямъ разсѣянныя въ этой книгѣ. Мы знаемъ ей цѣну: это безпредметная игра разнузданнаго ума, совершенно лишеннаго главнаго двигателя человѣческаго творчества: чувства отвѣтственности.

Марсель Эберъ (проф. Новаго университета въ Брюсселѣ). **Прагматизмъ**, изслѣдованіе его различныхъ формъ: англо-американскихъ, французскихъ, итальянскихъ, и его религіознаго значенія. Переводъ со 2-го французскаго изданія З. А. Введенской, подъ ред. М. А. Лихарева, съ предисловіемъ проф. Спб. универ. Ал. Ив. Введенскаго. Спб. 1911. 140 стр., ц. 85 к.

Небольшая книжка проф. Эбера о прагматизмѣ отличается ясностью и живостью изложенія. Первыя четыре главы ея заняты изложеніемъ и критикой философскаго прагматизма. Пятая (и самая обширная) глава посвящена религіозному прагматизму. Мы не будемъ ничего говорить о философскомъ прагматизмѣ, потому что читатели «Русс. Бог.» имѣли передъ собой въ этомъ году довольно обширную статью, излагавшую «прагматизмъ въ философіи». Мы только скажемъ, что изложеніе Эбера отличается безпристрастіемъ, а его критика является въ общемъ благожелательной: «мнѣ думается, говоритъ онъ, въ этихъ системахъ есть столько правильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ—столько парадоксальнаго» (стр. 5).

Центръ тяжести книги Эбера лежитъ въ изложенія религіознаго прагматизма; а такъ какъ въ выше указанной статьѣ «Русс. Бог.» о религіозномъ прагматизмѣ сказано было лишь мимоходомъ, то читатели нашего журнала и могутъ дополнить свои свѣдѣнія касательно прагматизма изъ книги Эбера. Эберъ, авторъ труда «О Божественномъ» («Le Divin») и многихъ другихъ изслѣдованій въ области религіознаго сознанія, является вполнѣ компетентнымъ судьей въ вопросѣ о приложеніи прагматическаго метода къ религіи. Онъ излагаетъ слѣдующія разновидности религіознаго прагматизма: «морализмъ» (Ш. Секретанъ, Л. Менаръ); «Фидеизмъ» (Паскаль, Ричль, Менегозъ); «символизмъ» (Луази, Леруа, Лабертоньеръ, Тирелль); и, наконецъ, религіозный прагматизмъ Шиллера и Джемса.

Какъ читатель видитъ, религіозный прагматизмъ, о которомъ говоритъ Эберъ, есть теченіе болѣе широкое, чѣмъ философскій прагматизмъ (сводящійся, въ сущности, къ четыремъ именамъ: Пирсъ, Джемсъ, Дьюи и Шиллеръ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе старое (Паскаль). Читатели, ознакомившіеся съ вышеуказанной статьей «Русск. Бог.», конечно, помнятъ, что основное положеніе философскаго прагматизма гласитъ, что вопросъ объ истинѣ всякаго утвержденія рѣшается на основаніи практическихъ слѣдствій, вытекающихъ изъ принятія этого утвержденія. Это оправданіе путемъ «практическихъ слѣдствій» прагматисты прилагаютъ и къ религіи. Джемсъ видитъ «жизненное ядро теологіи» въ такомъ заявленіи: «Есть Богъ на небѣ, значитъ все въ мірѣ въ порядѣ». Католическая церковь осудила всѣ разновидности религіознаго прагматизма. Напримѣръ, декретъ инквизиціи осудилъ слѣдующее положеніе: «Догматы вѣры должно сохранять только въ ихъ практическомъ смыслѣ, т. е., какъ наставительное правило дѣйствія, а не какъ правило вѣрованія» (стр. 92). Прагматисты, дѣйствительно, не придаютъ значенія отвлеченному изысканію истинности какого бы то не было догмата: они разсматриваютъ только его практическую примѣнимость. Леруа говоритъ: «Іисусъ воскресъ» означаетъ: «будьте по отношенію къ Нему такими же, какими вы были бы до его смерти, какими вы бываете относительно современника» (стр. 94). «Леруа не допускаетъ возбращенія къ жизни тѣла Іисуса, но вѣритъ въ воскресеніе Христово» (стр. 95, примѣч. 2). Это «воскресеніе Христово» получало у него такой смыслъ: «Настоящее состояніе Іисуса таково, что отъ насъ требуется усвоить себѣ относительно него такія же поведеніе и положеніе, какія подобали бы по отношенію къ современнику, разъ мы должны соотвѣтствовать его неизреченной реальности, оріентироваться по послѣдней, должны получить возможность овладѣть ею на сколько возможно, войти съ нею въ сношенія, соотвѣтствующія ея истинной природѣ» (стр. 95, примѣч. 2).

Религіозный прагматизмъ, въ его современной формѣ, есть попытка модернизировать церковь, приноровить ея ученія къ новѣйшимъ требованіямъ научно-философской мысли и, такимъ образомъ, дать новую пищу для поддержанія религіозныхъ чувствъ. Попытка, конечно, безнадежная, ибо едва-ли можно считать жизнеспособною ту религію, которая догматъ о воскресеніи Іисуса трактуетъ, лишь какъ требованіе вести себя относительно Іисуса, какъ мы ведемъ себя относительно нашего современника! Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ видѣть въ этомъ ученіи ничего, что было-бы способно дать намъ хотя малѣйшее «религіозное утѣшеніе» въ житейскихъ скорбяхъ. Гдѣ найдутъ прагматисты своихъ адептовъ?! Людей невѣрующихъ они не вернутъ къ религіи, а вѣрующіе едва ли соблазнятся «практическими послѣдствіями» прагматической религіи.

Мы уже говорили, что католическая церковь формально осудила всѣ разновидности религіознаго прагматизма. А вотъ что говоритъ одинъ изъ ея вѣрныхъ сыновъ Луи де Поттеръ: «что за дѣло... до такъ называемаго католицизма нѣсколькихъ философовъ, которые забили себѣ въ голову, будто они католики? Мы хотимъ, мы должны слышать голосъ Церкви и ея видимаго главы» (стр. 97).

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ этимъ своеобразнымъ религіознымъ теченіемъ отсылаемъ къ легко написанной и хорошо переведенной книгѣ Эбера.

И. И. Лапшинъ. Проблема „чужого я» въ новѣйшей философіи. Спб. 1910, 192 стр., ц. 1 р. 40 к.

Проблема «чужого я» есть одна изъ труднѣйшихъ проблемъ философіи. Всѣ мы въ нашей повседневной жизни непоколебимо убѣждены въ томъ, что другіе люди такія же одухотворенныя существа, какъ и мы сами. Человѣкъ, который бы серьезно сталъ утверждать противное, т. е. который бы серьезно усомнился въ способности другихъ людей чувствовать, мыслить и стремиться,— такого человѣка, несомнѣнно, всѣ сочли бы за сумасшедшаго. Это, конечно, такъ; но, спрашивается, какъ можемъ мы доказать, что наша увѣренность въ одушевленія другихъ людей основательна? Проф. А. И. Введенскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ брошюрѣ «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія» поставилъ этотъ вопросъ и пришелъ къ отрицательному отвѣту, т. е. онъ пришелъ къ тому выводу, что мы не можемъ ничѣмъ доказать справедливость нашей вѣры въ одушевленность другихъ людей.

Мы думаемъ, что трудность этой проблемы вытекаетъ изъ того, что вопросъ о «чужомъ я» есть частный случай вопроса о томъ, какая реальность лежитъ за нашими ощущеніями. Вопросъ о «чужомъ я» есть квинтъ-эссенція вопросовъ «о субстанціи», о

«вещи въ себѣ» и т. п. Поэтому проблема «чужого я» имѣетъ огромное теоретическое значеніе; кто собирается взять приступомъ крѣпость, тотъ предварительно намѣчаетъ пунктъ, въ которомъ, по его мнѣнію, эта крѣпость наиболѣе доступна нападенію—и мы думаемъ, что философскій штурмъ «вещи въ себѣ» долженъ быть направленъ на проблему «чужого я».

Въ настоящей своей работѣ проф. Лапшинъ не даетъ отвѣта на вопросъ о «чужомъ я». Хотя въ самомъ концѣ своей книги, на стр. 192, проф. Лапшинъ и заявляетъ: «я глубоко убѣжденъ въ томъ, что проблема «чужого я» разрѣшима строго научнымъ, теоретическимъ путемъ на почвѣ критической философіи», но это рѣшеніе онъ отлагаетъ до слѣдующей своей работы, а теперь дѣлаетъ лишь историческій обзоръ различныхъ рѣшеній, которыя давались въ новѣйшей философіи проблемѣ «чужого я».

Этотъ историческій обзоръ отличается такимъ мастерствомъ и такою полнотою, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ замѣчательной эрудиціи автора.

Будучи нео-кантіанцемъ, и надѣясь, какъ мы уже видѣли, рѣшить проблему «чужого я» «на почвѣ критической философіи», проф. Лапшинъ заявляетъ: «въ настоящемъ изслѣдованіи центръ тяжести лежитъ въ тѣхъ теченіяхъ мысли, которыя развились въ новѣйшее время на почвѣ кантовской критики, и потому мы сосредоточимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на томъ, какъ разрабатывалась интересующая насъ проблема у Канта и его многочисленныхъ послѣдователей и противниковъ» (стр. 7).

Различныя рѣшенія проблемъ «чужого я» нашъ авторъ дѣлитъ: на критическія и догматическія. Догматическихъ рѣшеній, по его мнѣнію, можетъ быть шесть: I) Наивный реализмъ. II) Матеріализмъ III) Гилозоизмъ. IV) Монистическій идеализмъ. V) Монадологія. VI) Солипсизмъ (стр. 8).

Наивный реалистъ полагаетъ, что онъ непосредственно воспринимаетъ чужія психическія состоянія. Матеріалистъ сводитъ душевную жизнь къ движенію матеріи. Гилозоистъ полагаетъ, что наличность психики составляетъ изначальное свойство матеріи, причемъ различныя сознанія могутъ сообщаться между собой, сливаться въ высшія единства и распадаться на низшіе элементы. Монистическій идеалистъ, въ противоположность матеріалисту, полагаетъ, что все духовно. Сторонникъ монадологіи отличается отъ монистическаго идеалиста своимъ плюрализмомъ, а отъ гилозоиста отрицаніемъ возможности какихъ бы то ни было сношеній между монадами, у которыхъ, какъ гласитъ знаменитое изреченіе Лейбница, «нѣтъ оконъ». Наконецъ, солипсистъ отрицаетъ реальность всякаго иного сознанія, кромѣ своего собственнаго. Какъ правильно указалъ Оствальдъ, солипсистъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ быть «мгновеннымъ солип-

системъ», ибо для него его собственное сознаніе предшествующей минуты должно быть также недоказуемо, какъ недоказуемо чужое сознаніе.

Въ первыхъ 13-ти главахъ проф. Лапшинъ даетъ весьма обстоятельное, полное глубокой эрудиціи, изложеніе всѣхъ этихъ ученій.

«Но можно, признавая недоказуемость путемъ логики реальности чужого «я», настаивать на оправданіи нашей увѣренности путемъ вѣры въ эту реальность. Такова, именно, точка зрѣнія представителей философіи вѣры, представителей фидеизма. Наконецъ, можно говорить объ интуитивномъ, мистическомъ постиженіи чужого «я» нѣкоторымъ сверхразумнымъ путемъ. Таковы интуитивисты. Интуитивизму и фидентизму проф. Лапшинъ посвящаетъ еще десять интересныхъ главъ своей книги. Наконецъ, двѣ заключительныя главы онъ посвящаетъ: «критицизму Канта» и «новѣйшему критицизму».

Такимъ образомъ, читатель имѣетъ передъ собою полный и весьма ясный обзоръ всѣхъ ученій новѣйшихъ философовъ, касательно проблемы чужого «я».

Будемъ ждать слѣдующей работы проф. Лапшина, въ которой онъ на основаніи такого богатаго, собраннаго имъ матеріала, разовьетъ свое собственное ученіе.

Николаевъ, А. А. Теорія и практика кооперативнаго движенія. 2 выпуска. Москва. 1908—1909.

А. А. Николаевъ на протяженіи почти 500 страницъ даетъ общій обзоръ современнаго положенія коопераціи на Западѣ и у насъ. Съ одной стороны, онъ разсматриваетъ условія развитія отдѣльныхъ видовъ кооперативныхъ товариществъ—производительныхъ кооперацій въ обрабатывающей промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ, закупочныхъ (сырьевыхъ и производительно-подсобныхъ), по сбыту продуктовъ, потребительныхъ обществъ, ссудо-сберегательныхъ и кредитныхъ товариществъ. А съ другой стороны, онъ останавливается и на принципіальныхъ вопросахъ о вліяніи коопераціи на безработицу, о взаимоотношеніи кооперативовъ одинаковаго и различнаго типа, объ отношеніи коопераціи къ другимъ способамъ организаціи рабочихъ массъ, о роли коопераціи въ борьбѣ съ капитализмомъ, объ отношеніи ея къ частной собственности и т. д. При этомъ А. А. Николаевъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что «кооперація пріучаетъ къ общественной дисциплинѣ, сближая рабочихъ въ той области, въ которой они оставались разъединенными, она же нарушаетъ вѣковую изолированность земледѣльца». Далѣе, кооперація, представляющая практику повседневной самодѣятельности въ такой мѣрѣ, въ какой мѣрѣ ее не можетъ дать никакое раздробленіе государственной

власти между органами самоуправленія, является прекрасной школой для демократическаго управленія государствомъ. Наконецъ, не отрицая частной собственности, «кооперація внутри себя носитъ элементы, ослабляющіе собственническіе инстинкты, и кооперативное движеніе является новымъ этапомъ общества на его вѣковомъ безсознательномъ пути отъ индивидуализма къ коллективизму». Авторъ указываетъ на то, что русская община прекрасно подготовила въ деревняхъ почву для воспріятія и проведенія въ жизнь кооперативной идеи.

Высказываясь рѣшительно противъ марксистскихъ взглядовъ вродѣ того, что кооперація является лишь одной изъ формъ капиталистической эволюціи, а не противовѣсомъ этой послѣдней, А. А. Николаевъ въ то же время не склоненъ ни чрезмѣрно преувеличивать значеніе коопераціи въ борьбѣ съ капитализмомъ, ни отрицать рядомъ съ вѣрнымъ положительнымъ значеніемъ и темныя стороны кооперативовъ. Онъ признаетъ, что, какъ показываетъ практика, борьба съ ростовщическимъ и съ торговымъ капиталомъ ведется вполнѣ успѣшно: первый совершенно вытѣсняется, позиція второго, благодаря успѣшному развитію сельскохозяйственныхъ товариществъ, значительно поколеблена, по крайней мѣрѣ въ этой области хозяйства. Напротивъ, капиталъ, занятый въ производствѣ, нисколько не страдаетъ отъ коопераціи; быть можетъ, то, чего не удалось достигнуть посредствомъ образованія производительныхъ кооперативовъ, окажется достижимымъ обходнымъ путемъ, при помощи образованія промышленныхъ предпріятій при потребительныхъ кооперативахъ; движеніе въ этомъ направленіи уже дало извѣстные результаты.

Далѣе, авторъ вполнѣ правильно не раздѣляетъ того взгляда, что «лучшій способъ покровительствовать ассоціаціямъ—оставить ихъ въ покоѣ». Если кооперативныя предпріятія въ рукахъ правительства оканчивались обыкновенно неудачей, да и денежная помощь со стороны государства можетъ быть признана полезной далеко не всегда, то вмѣстѣ съ тѣмъ государство имѣетъ полную возможность и путемъ законодательства, въ особенности облегчая образованіе кооперацій, и путемъ своей экономической политики оказывать ей поддержку. Къ сожалѣнію, у насъ учрежденіе кооперацій до сихъ поръ весьма стѣснено, экономическая политика часто идетъ въ разрѣзъ съ ихъ интересами; напротивъ, «исторія русскаго кооперативнаго движенія полна самыхъ грубыхъ примѣровъ вмѣшательства администраціи въ жизнь кооперацій», какъ институтовъ «неблагонадежныхъ».

Отрицательной стороной книги г. Николаева является недостаточное знакомство его съ литературой о кооперaціяхъ. Иностранными сочиненіями, поскольку они не переведены на русскій языкъ, онъ почти совсѣмъ не пользуется. Но еще болѣе должно поразить читателя, что изданную на русскомъ языкѣ книгу проф.

Косинскаго авторъ цитируетъ на основаніи извлеченій изъ нея, имѣющихся въ различныхъ сочиненіяхъ покойнаго А. И. Чупрова, и самъ сознается въ незнакомствѣ съ нею, хотя она и посвящена спеціально вопросамъ мелкаго кредита.

П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства. Введеніе въ соціологію и политическую экономію. Спб. 1910. ц. 2 р.

Авторъ исходитъ изъ того положенія, что основаніемъ для построенія науки политической экономіи и соціологіи и введеніемъ къ нимъ должна служить теорія развитія общественнаго (народнаго) хозяйства. Задачу послѣдней онъ понимаетъ такимъ образомъ: «выяснить, при какихъ условіяхъ и благодаря какимъ факторамъ происходятъ развитіе общественнаго хозяйства, какая существуетъ закономѣрность въ этомъ развитіи и какъ развивались производительныя силы общества» (Предисловіе). Какъ же авторъ выполняетъ эту задачу?

Разсматривая «развитіе и расширеніе организаціи общественнаго хозяйства», П. П. Масловъ прибѣгаетъ къ весьма не новому пріему—классификаціи періодовъ хозяйственной жизни, при чемъ, установивъ свою таблицу формъ хозяйства, въ заключеніе самъ же признаетъ, что это есть ничто иное, какъ извѣстная періодизація хозяйственнаго развитія, созданная Бюхеромъ и являющаяся въ настоящее время общепринятой; авторъ вноситъ лишь нѣкоторыя дополненія и измѣненія къ ней, заимствованныя изъ классификаціи Шмоллера (вмѣсто городского хозяйства, по Бюхеру, онъ беретъ районное или территоріальное, какъ предлагалъ Шмоллеръ). При описаніи отдѣльныхъ періодовъ экономическаго развитія онъ также не даетъ чего-либо самостоятельнаго, пользуясь извѣстными изслѣдованіями и курсами Зомбарта, Ковалевскаго, Эшли («Экономич. ист. Англіи»), Кулишера («Исторія экономич. быта» и его же «Эволюція прибыли») и др. Оригинальной является лишь попытка автора приноровить установленную Бюхеромъ классификацію и къ хозяйственному развитію Россіи. Несомнѣнно, любопытны результаты произведеннаго имъ изслѣдованія кустарныхъ промысловъ Саратовской губ., но примѣняемый авторомъ методъ пользованія этими данными чрезвычайно опасенъ, онъ долженъ немедленно повести къ невѣрнымъ выводамъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, ставить на одну доску средневѣковое ремесло на западѣ и наше ремесло начала XX вѣка, забывая совершенно о томъ, что общій строй хозяйственной жизни въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно различенъ, что роль ихъ въ производствѣ совершенно иная тогда и теперь? И въ правѣ ли изслѣдователь русскихъ кустарныхъ промысловъ изъ того факта, что въ различныхъ мѣстностяхъ современной Россіи при увеличеніи числа ремесленниковъ въ данномъ районѣ многіе изъ нихъ вы

нуждены искать потребителя своихъ издѣлій на базарѣ или на ярмаркѣ,—въ правѣ ли онъ изъ этого дѣлать тотъ выводъ, что и въ раннее средневѣковье первичной формой ремесла являлась осѣдлая, а не отхожая, какъ это давно установлено историками-экономистами. «Отхожее ремесло,—признаетъ авторъ,—существуетъ тогда, когда число ремесленниковъ въ нѣкоторыхъ общинахъ превышаетъ потребность въ нихъ» (стр. 132). Именно это мы находимъ въ ранніе періоды хозяйственной жизни: и одного кузнеца на общину было слишкомъ много, онъ могъ одновременно, кочуя изъ одного мѣста въ другое, обслуживать цѣлый районъ.

Въ заключительныхъ главахъ П. П. Масловъ останавливается на вопросѣ о развитіи капитализма вообще и въ Россіи въ частности и указываетъ на чрезвычайно быстрый ростъ капиталистическаго производства у насъ, начиная съ 90-хъ годовъ; доказательствомъ этому служитъ развитіе горнозаводской промышленности. Но онъ самъ же признаетъ, что «предприниматели горнозаводской промышленности не столько заботились объ углубленіи внутренняго рынка, сколько о правительственныхъ заказахъ, субсидіяхъ и проч.». Да и долго ли продолжался расцвѣтъ этой отрасли производства? Вѣдь спустя нѣсколько лѣтъ оживленной дѣятельности, вызванной искусственными мѣрами, послѣдовалъ полный застой. Можно ли при такихъ условіяхъ нашъ капитализмъ ставить въ параллель съ западно-европейскимъ?

Какъ бы то ни было, ту задачу, которую авторъ себѣ поставилъ, онъ не осуществилъ, да едва ли она вообще осуществима въ настоящее время. Намъ думается, что прежде всего необходимо всестороннее и детальное изученіе развитія хозяйственной жизни какъ на Западѣ, такъ и у насъ, разрѣшеніе цѣлаго ряда спорныхъ вопросовъ въ этой области, выясненіе экономическаго строя отдѣльныхъ періодовъ. А затѣмъ уже на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно будетъ поставить самый вопросъ о закономѣрности развитія общественнаго хозяйства, о томъ, какія условія вліяютъ на развитіе хозяйства въ опредѣленномъ направленіи. Иначе получаются апріорныя положенія въ видѣ немногихъ общихъ фразъ, которыя являются слишкомъ общими и слишкомъ мало провѣренными, чтобы онѣ могли претендовать на научное значеніе.

Карлъ Снайдеръ. Картина міра въ свѣтѣ современнаго естествознанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. В. Завьялова. Съ 16 портретами. Одесса, 1910. VI+193 стр. ц. 1 р. 50 к.

Люди, хотя немного слѣдящіе за наукой, знаютъ, что въ недавнее время физика и химія, послѣ сравнительнаго застоя, вновь вступили въ періодъ блестящихъ открытій, при чемъ новѣйшія физико-химическія спекуляціи глубоко захватили все научное міро-

созерцаніе и поэтому получили чисто философское значеніе. Роль, которую лѣтъ 40—50 тому назадъ, благодаря открытію Дарвина, играла въ философіи біологія, въ настоящее время принадлежитъ, безспорно, физико-химическимъ наукамъ. Эволюціонное міровоззрѣніе долгое время почти не прилагалось къ такъ называемой мертвой матеріи: здѣсь мы имѣли лишь одно ученіе, имѣвшее эволюціонный характеръ, это — гипотеза о происхожденіи небесныхъ тѣлъ. Теперь картина радикально измѣнилась: теперь говорятъ о «вырожденіи матеріи»; теперь атомъ уже не разсматривается, какъ нѣчто простое, неразложимое, но считается цѣлой сложной системой; теперь ученіе объ электричествѣ получило такой характеръ, что никто не удивится, если скоро появится книга, которая начнется словами: «Вначалѣ былъ электронъ, и электронъ былъ міръ, и міръ былъ электронъ».

Поэтому появленіе книгъ, знакомящихъ широкую публику съ новѣйшими ученіями физиковъ и химиковъ, весьма желательно, и мы должны быть благодарны одесскому книгоиздательству «Матезисъ», выпустившему въ свѣтъ цѣлый рядъ прекрасныхъ научно-популярныхъ книгъ по наукамъ математическимъ и физико-химическимъ.

Разбираемая нами книга Снайдера также принадлежитъ къ изданіямъ «Матезиса». Въ ряду главъ, какъ, напримѣръ: «Міръ за предѣлами нашихъ чувствъ», «Элементы вселенной», «Въ поискахъ за первоматеріей» и др., авторъ знакомитъ читателя со многими изъ новѣйшихъ ученій физиковъ и химиковъ; а такъ какъ эти ученія бросаютъ новый свѣтъ и на явленія біологическія, то въ дальнѣйшихъ главахъ, вродѣ: «Наканунѣ разгадки тайнъ жизни и духа», «Новѣйшія теоріи о сущности жизненныхъ явленій» и въ другихъ подобныхъ же главахъ, авторъ знакомитъ и съ тѣми измѣненіями, которыя претерпѣваютъ біологическія ученія подъ вліяніемъ прогресса физики и химіи.

Въ главѣ: «Чтеніе мыслей, телепатія и гальванометръ», авторъ приводитъ весьма остроумныя соображенія противъ возможности телепатическихъ явленій. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что наши органы чувствъ весьма грубы сравнительно съ тѣми приборами, которыми пользуется современная наука. Такъ, напримѣръ, глазами человѣкъ можетъ видѣть при совершенно ясномъ ночномъ небѣ всего только отъ двухъ до четырехъ тысячъ звѣздъ, а при помощи фотографической пластинки мы получаемъ изображенія отъ двадцати до тридцати милліоновъ звѣздъ. Затѣмъ, напримѣръ, какъ несовершенна наша способность воспринимать теплоту, сравнительно со способностью «болометра», при помощи котораго можно уловить теплоту, испускаемую обыкновенной свѣчей, горящей на разстояніи двухъ километровъ (т. е. болѣе чѣмъ 1,8 вер.) отъ прибора! Исходя изъ этихъ соображеній авторъ утверждаетъ, что «если духи, волна мысли или другого рода такъ называемыя

психическія проявленія могутъ вліять на сознаніе людей, то въ еще большей степени они должны дѣйствовать на чувствительные приборы» (стр. 180). А эти приборы, какъ извѣстно, не обнаруживаютъ присутствія телепатическихъ явленій. Конечно, можно на это возразить, что воздѣйствіе «духовъ» не имѣетъ никакого матеріальнаго коррелата, но, помимо другихъ соображеній, этотъ доводъ несостоятеленъ уже по тому одному, что вѣдь спириты и ихъ сторонники «видятъ» духовъ, «осязаютъ» ихъ прикосновенія и т. п., слѣдовательно, утверждать, что они испытываютъ воздѣйствія этихъ духовъ на свои органы чувствъ, а все, что могутъ воспринять наши органы чувствъ, могутъ еще лучше воспринять научные инструменты.

Въ книгѣ Снайдера мы отмѣтимъ лишь два дефекта. Во первыхъ, въ главѣ: «Безпредѣленъ ли міръ», авторъ даетъ одностороннее изложеніе предмета. Авторъ рѣшительный сторонникъ того мнѣнія, что міръ имѣетъ предѣлъ. И въ защиту своего утвержденія онъ приводитъ соображеніе, которое можетъ показаться неопровержимымъ людямъ, незнакомымъ съ другими мнѣніями. А именно, нашъ авторъ говоритъ приблизительно слѣдующее: если бы міръ былъ безпредѣленъ и количество звѣздъ безгранично, тогда все наше небо свѣтилось бы и пылало бы такъ (и даже мѣстами сильнѣе), какъ свѣтитъ солнце, ибо свѣтъ не поглощается въ междузвѣздномъ пространствѣ, и, слѣдовательно, онъ доходилъ бы до земли изъ каждой точки на небѣ, такъ какъ, если количество звѣздъ безгранично, тогда каждая линія, проведенная отъ земли въ окружающее пространство, обязательно, гдѣ нибудь, да встрѣтится со звѣздой. При этомъ нашъ авторъ не упоминаетъ о томъ, что, по ученію современныхъ астрономовъ, количество темныхъ, угасшихъ небесныхъ тѣлъ, приблизительно, въ сто разъ болѣе, чѣмъ количество свѣтящихся тѣлъ. Если не принять во вниманіе существованія такого большого количества темныхъ твердыхъ небесныхъ тѣлъ, да еще, сверхъ того, существованія огромнаго количества туманностей, тогда легко понять, что всѣ эти тѣла перехватываютъ лучи свѣтящихся тѣлъ и, поэтому, наше небо не сплошь залито свѣтомъ.

Другимъ дефектомъ книги Снайдера мы считаемъ его противорѣчивое отношеніе къ ученію объ эфирѣ. Правда, гипотеза космическаго эфира полна противорѣчій, но, въ такомъ случаѣ, автору слѣдовало бы посвятить отдѣльную главу ученію объ эфирѣ, въ которой онъ и познакомилъ бы читателя со всѣми достоинствами и недостатками этой гипотезы. Нашъ авторъ этого не сдѣлалъ, и тѣ отдѣльныя замѣчанія, которыя онъ время отъ времени бросаетъ по поводу эфира, на столько непослѣдовательны, что способны вызвать въ умѣ читателя лишь недоумѣніе.

Кстати по поводу эфира. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ переводчиковъ и издателей на не такъ давно вышедшую прекрас-

ную маленькую книгу Оливера Лоома «The Ether of Space» (Эфиръ пространства).

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книг-во „Просвѣщеніе". Спб. 1910.— ***А. В. Амфитеатровъ***. Княжна. Романъ-хроника. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же***. Жаръ-цвѣтъ. Фантастическій романъ. Ц. 1 р. 50 к.—***Вас. Немировичъ-Данченко***. Цари биржи. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 50 к.—***В. Г. Танъ***. Собр. сочиненій. Т. II. На тундрѣ. Ц. 1 р. Т. IV. Скитанія. Ц. 1 р. Т. III. Жертвы дракона. Ц. 1 р. ***Ольга Шапиръ***: Собр. сочин. Т. I. Одна изъ многихъ. Ц. 1 р. 50 к.—***Д. С. Мережковскій*** Собр. стиховъ. Ц. 1 р.—***Гюи де-Мопассанъ***. Полное собр. соч. и письма. Т. XIV. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Ц. 1 р.

Изд. В. М. Саблина. М. 1910.— ***Клара Фибихъ***. Собр. сочин. Т. I. Хлѣбъ насущный. Пер. П. Лурье-Гиберманъ. Ц. 1 р.—***Іоганесъ Іенесъ***. Собр. сочин. Т. I. Паденіе короля. Ц. 1 р. Т. II. Мадамъ д'Ора. Пер. В. Кошевичъ. Ц. 1 р.—***Арнэ Гарборгъ***. Собр. сочин. Пер. подъ ред. Я. Сегаль. Т. I. Усталые. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1910.— XXXII Сборникъ Т-ва Знаніе. Ц. 1 р.— ***А. Богдановъ*** и ***П. Степановъ***. Курсъ политической экономіи. Т. I. Ц. 2 р.—***Роменъ Влаганъ***. Народный театръ. Пер. I. Гольденберга. Ц. 70 к.—***С. Гусевъ-Оренбургскій***. Т. III. Разсказы. Ц. 1 р.—***Илья Сургучевъ***. Т. I. Разсказы. Ц. 1 р.—***Ив. Шмелевъ***. Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.

Изд. книжн. магаз. М. Стасюлевича. Спб. 1910.—***Н. Лосскій***. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Ц. 1 р. 25 к.—***В. Бузескулъ*** проф. Историческіе этюды. Ц. 2 р.—***В. Стоюнинъ***. Высшій курсъ русской грамматики. 6 е изд. Ц. 70 к.— ***Его же***. Руководство для теоретическаго изученія литературы. 8-е изд. Ц. 60 к.

Изд. „Образованіе". Спб. 1910. — ***В. Оствальдъ***. Исторія электрохиміи. Пер. Г. Котляра. Ц. 1 р. 25 к.— ***Ф. Ауэрбахъ***. Электропизмъ или физическая теорія жизни. Пер. I. Бикермана. Ц. 60 к.—***А. Вагнеръ***. Новый курсъ въ біологіи. Пер. Г. Котляра. Ц. 80 к.

Изд. „Сфинксъ". М. 1910.—***Бласко Ибаньесъ***. Полн. собр. сочин. Т. II. Кровь и песокъ. Пер. А. Вольтера. Ц. 1 р. 50 к.—***Поль Аданъ***. Полн. собр. сочин. Т. II. Декорація жизни. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910. ***Гр. Алексѣй Толстой***. Повѣсти и разсказы. Книга первая. Ц. 1 р. 25 к.— ***Г. Д. Уэллсъ***. Собр. сочин. Т. XI. Война въ воздухѣ. Ц. 1 р. 25 к.—***Арк. Аверченко***. Зайчики на стѣнѣ. Ц. 1 р. 25 к.—Сѣверные Сборники. Книга VII. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1910.— Россія. Полное географ. описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и В. В. Ламанскаго. Т. XIV. Новороссія и Крымъ. Ц. 6 р.— ***К. Эшерихъ***. Термиты или бѣлые муравьи. Пер. Ю. А. Филипченко. Ц. 3 р.—***Р. Г. Франсэ***. Чувствуютъ-ли растенія? Пер. С. А. Порѣцкаго. Пер. подъ ред. акад. И. П. Бородина. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва Сытина. М. 1910.—***В. Гусаковъ*** и ***А. Насимовичъ***. Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 50 к.— ***Л. Гартманъ***. Объ историческомъ развитіи. Пер. Д. Боголѣпова и Е. Краснушкина. Подъ ред. пр. Д. М. Петрушевскаго. Ц. 60 к.

Изд. «Посредника». М. 1910.—***Семеновъ***. Крестьянскіе разсказы. Т. III. Ц. 90 к.—***Его же***. Безотвѣтные. Ц. 80 к.—***Эдм. д'Амичисъ***. Школьные товарищи. Ц. 1 р. 20 к.—***Ѳ. Страховъ***. Исканіе истины. Съ письмомъ Л. Н. Толстого. Ц. 40 к.—***П. Хлѣбниковъ***. Краснокожіе. Ц. 45 к.— ***В. Лонгъ***. По дорогѣ въ школу. Ц. 30 к.—***Его же***. Встрѣча съ медвѣдемъ. Ц. 30 к.—***М. Н. Богданова***.

Разсказы: Мышка. Ц. 8 к.; Летучая мышь. Ц. 8 к.; Ласточка. Ц. 10 к.; Ужъ и жаба. Ц. 8 к.; Голуби, галки, аисты. Ц. 10 к.—***М. Черняевъ.*** Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ. Ц. 25 к.—***Л. Н. Толстой.*** О воспитаніи. Ц. 10 к.—Свободное воспитаніе № 8, 9 и 10.—Маякъ № 5, 6 и 7.—***П. И. Бирюковъ.*** Дюймъ. Ц. 14 к. ***П. Буланже.*** Конфуцій. Ц. 15 к.—Изреченія китайскаго мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстымъ. Ц. 10 к.—***Л. Н. Толстой.*** Вѣрьте себѣ. Ц. 5 к.—***Вл. Поповъ.*** Кондитеръ Савельичъ. Ц. 20 к.—Сиротки Герна и др. разсказы. Ц. 1 р.—***В. Лукьянская.*** Другъ животныхъ. В. II. Жизнь въ лѣсу. Ц. 1 р. 30 к.—***М. Брэссъ.*** Какъ птицы строятъ гнѣзда. Ц. 25 к.

Изд. „Iuventus". Одесса. 1911. — ***С. Г. Фругъ.*** Дачи и др. разсказы. Ц. 25 к.—***М. Бродовскій.*** Все къ добру. Ц. 10 к.—***В. Никитинъ.*** Вѣкъ пережить—не поле перейти. Ц. 20 к.—***Лонгфелло.*** Iуда Маккавей. Ц. 15 к.—***Л. Леванда.*** Авраамъ Iезофовичъ. Ц. 25 к.

Книг-во „Наука". М. 1911.—Психотерапевтическая библіотека подъ ред. проф. Н. Е. Осипова и О. Б. Фельдмана. Вып. I. Prof. Dr. ***Sigm. Freund.*** О психоанализѣ. Ц. 50 к.

Книг.-во „Прогрессъ". М. 1911.— ***Бласко Ибаньесъ.*** Полн. собр. соч. Т. I. Вторженіе. Пер. В. Шулятикова. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва «Общественная Польза». Спб. 1910.—***I. Желѣзновъ.*** Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. 3 т. Ц. 4 р.—Проф. ***В. Я. Данилевскій.*** Этюды по физіологіи личной и соціальной жизни. Ц. 50 к.—***Абель Рей.*** Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Пер. Б. Бычковскаго. Ц. 1 р.—***Гастонъ Ражо.*** Ученые и философія. Пер. Б. Бычковскаго. Ц. 1 р.—***А. Луговой.*** Наши дни. Ц. 80 к.

Изд. „Звено". М. 1911.—***Пересъ Гальдосъ.*** Собр. сочин. Т. II. Золотой фонтанъ. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 1 р.

Мищенко-Атэ. Три побѣдителя. Книга счастья. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Дм. Дыринъ. Стихи. Полусны. Спб. 1910. Ц. 65 к.

Ал. Галуновъ. Сосуды скудельные. Трилогія. М. Ц. 1 р.

Ис. Гуревичъ. Бархатные когти. Юмористическіе разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

П. Поланъ. Вечеръ. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 1 р.

Николай Немировичъ - Данченко. (Нандъ). Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Семигоровъ. Муть трясинная. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Вас. Каменскій. Землянка. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Пав. Кокоринъ. Фантастическая явь. 2-й сборникъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Ѳ. Ладо-Святогорскій. Пѣсни о свѣтлой странѣ. 1911. Ц. 20 к.

К. Треневъ. Отчего порвались струны. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Вл. Ленскій. Разсказы. Т. I. Изд. „Заря". М. 1910. Ц. 1 р.

Ю. Писарева. Улыбки и слезы. Разсказы и стихотворенія. Варшава. 1910. Ц. 25 к.

Общедоступный литературно-художественный альманахъ. Книга 1-я. М. 1911. Ц. 75 к.

Гр. Новицкій. Манифестъ сэнсэризмъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

«Логосъ». Международный ежегодникъ по философіи культуры. Кн. 2-я. М. 1910. Ц. 2 р.

Сем. Грузенбергъ. Очерки современной русской философіи. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Шарль Бодлэръ. Эдгаръ По. Жизнь и товарищество. Пер. Л. Когана. Одесса. 1910. Ц. 20 к.

И. Лапшинъ. Проблема чужого «я» въ новѣйшей философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

Д-ръ мед. ***М. О. Шайкевичъ.*** Психопатологія и литература. Кіевъ. 1910. Ц. 80 к.

С. Субіенко. Шекспиръ о самоубійствѣ. Два Гамлета. Спб. 1910. Ц. 30 к.

М. Новорусскій. Основы современнаго міровоззрѣнія. Спб. 1910. Ц. 85 к.

Н. Абрамовичъ. Художники и мыслители. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Ал. Закржевскій. Подполье. Психологическія параллели. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р.

П. Фридолинъ. Краткая исторія европейскаго искусства съ древн. временъ до XV ст. Изд. Башмакова. 1910. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Мих. Грушевскій, проф. Кіевская Русь. Т. I. Спб. 1911. Ц. 3 р.

Бар. ***А. Фрейтагъ-Лоринговенъ.*** Реформа наслѣдованія въ крестьянской недвижимости. Спб. 1910.

А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституц. государствѣ. Харьковъ. 1910. Ц. 2 р.

Исторія Россіи въ XIX в. В. 34. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. М. 1910.

Н. Давыдовъ. Пролетарій и сѣверный крестьянинъ. Спб. 1910.

Д. Зельцеръ. Медицина и магія древняго Востока. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Н. Беклемишевъ. Возстановленіе русской морской силы на внутренней базѣ. Ч. I. Спб. 1910. Ц. 50 к.

М. Соболевъ. Таможенная политика Россіи во второй половинѣ XIX в. Томскъ. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

С. Борманъ. Сифилисъ и препараты Эрлихъ-Гага. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Н. Верховскій. Желѣзнодорожная неразбериха. Мысли практики по поводу бѣглыхъ замѣтокъ «не-техника». Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Памяти Михаила Евгеніевича Беккера (1842—1909). Рѣчь. Херсонъ. 1910.

И. Егуновъ. Малоспособность учащихся дѣтей и пріемъ борьбы съ нею. Одесса. 1911. Ц. 60 к.

Б. Гернъ. Учебникъ физики. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Л. Никоновъ. О происхожденіи культурныхъ растеній. Спб. 1910. Ц. 40 к.

П. Кузнецовъ. Обученіе летанію на аэропланѣ. Одесса. 1911. Ц. 30 к.

Н. Шапошниковъ. Новая практическая грамматика. Ч. I. М. 1910. Ц. 30 к.

Bulletin du bureau des institutions économiques et sociales. Année 1. Vol. 1. № 1. Rome. 1910.

Французско-русскій словарь съ указаніемъ произношенія. Составленъ подъ ред. Ф. Псальмона. Изд. А. Копельмана. Од. 1910. Ц. 80 к.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаро процесса. Подъ ред. К. М. Ксидо и М. И. Соколовскаго. В. III. Спб. 1910.

Матеріалы по текущей статистикѣ Тульской губ. за 1908 г. Тула. 1910. Ц. 75 к.

Статистика по казенной продажѣ питей 1908 г. В. III.

Отчетъ гл. управл. неокладныхъ сборовъ и казен. продажи питій за 1908 г. Вып. I. Спб. 1910.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. Въ 3-хъ томахъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1911.—**А. Каменскій.** Программы и правила городскихъ училищъ. Ц. 30 к.—**Его же.** Программы и правила мужскихъ гимназій и прогимназій. Ц. 50 к.—**Его же.** Программы и правила испытаній на первый классный чинъ. Ц. 30 к.—**Его же.** Программы и правила испытаній для вольноопредѣляющихся. Ц. 25 к.—**В. Елисѣевъ,** д-ръ. Законоположенія объ аптекарскихъ ученикахъ. Программы и правила испытаній учениковъ и учениць. Ц. 30 к.

А. К. Воскресенскій. Сценическій гриммъ. Руководство для артистовъ и любителей. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Книгоиздат. «Образованіе». Спб. 1911.—**Гома, Пикаръ, Пенлевъ, Буазъ** и др. Методъ въ наукахъ. Пер. П. С. Юшкевича и И. К. Брусиловскаго. Ц. 2 р.—**Г. Клейнъ.** Звѣздный міръ. Пер. Н. Горкина. Ц. 60 к.—**П. К. Энгельмейеръ.** Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Ц. 1 р.

Кн.-во „Сфинксъ". М. 1910.—**Катюль Мендесъ.** Собр. соч. Т. I. Король дѣвственникъ. Ц. 1 р. Т. II. Дѣти грѣха. Ц. 1 р.—**В. Бласко Ибаньесъ.** Полн. собр. соч. Т. V. Отцы іезуиты. Пер. А. Вольтеръ. Ц. 1 р. 25 к.—Античная библіотека. **Жанъ Ломбаръ.** Т. I, Агонія. Пер. А. Воротникова. Ц. 3 р.

Кн.-во „Матезисъ". Одесса.—**Авг, Адлеръ.** Теорія геометрич. построеній. Перев. подъ ред. пр.-доц. С. О. Шатуновскаго. Ц. 2 р. 25 к.—**Отто Вагнеръ.** О цвѣтной фотографіи. Пер. подъ ред. проф. П. Кастерина. Ц. 60 к.—**Дж. Левъ.** Динамика живого вещества. Подъ ред. пр. В. Завьялова. Ц. 2 р. 50 к.—**Гергардъ Ковалевскій.** Основы дифференц. и интеграл. исчисленій. Подъ ред. пр.-доц. С Шатуновскаго. Ц. 3 р. 50 к.—**Борель Штеккель.** Элемент. математика. Ч. I. Ариѳметика и алгебра. Подъ ред. прив.-доц. В. Когана. Ц. 3 р.—**А. Марковъ.** Исчисленіе конечныхъ разностей. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 25 к.—**Алекс. Смитъ.** Введеніе въ неорганическую химію. В. I. Подъ ред. проф. П. Меликова. Ц. 2 р.—**Г. Пуанкарэ.** Наука и методъ. Пер. И. Брусиловскаго. Ц. 1 р. 50 к.—**Пр. Содди.** Радій и его разгадка. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910.—**Ѳ. Сологубъ.** Собр. соч. Т. IX. Ц. 1 р. 50 к.—**Ал. Ремизовъ.** Соч. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.—**Сер. Ценскій.** Разсказы. Т. V. Ц. 1 р. 25 к.—**Габр. д'Аннунціо.** Собр. соч. Т. VII. Пламя. Пер. З. Венгеровой. Ц. 1 р. 50 к.—**Рауль Рихтеръ.** Скептицизмъ въ философіи. Т. I. Пер. В. Базарова и Б. Столпнера. Ц. 3 р.

Изд. „Грифъ". М. 1911.—**Семъ Бе-**

нелли. Ужинъ шутокъ. Драм. поэма. Пер. Ал. Брюсова. Ц. 65 к.

Изд. „Скорпіонъ". М.—***М. Кузьминъ.*** Куранты любви. Ц. 3 р.

Изд. „Жизнь и Знаніе". Спб. 1910.—***Герм. Вагнеръ.*** Разсказы о замѣчат. растеніяхъ. Ц. 65 к.—***В. Величкина.*** Швейцарія. Съ 70 рис. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Изд. „Посѣвъ". Спб. 1910.—Вопросы воздухоплаванія. Подъ ред. ин.-техн. І. Герцфельда. В. І· ***Н. Базенахъ.*** Три системы управл. аэронавтовъ. В. II. ***Н. Штернъ.*** Соврем. аэропланы. В. III. ***Ф. Ганзенъ.*** Какъ построить аэропланъ. Ц. за выпуски 15 к.—***В. Григорьевъ.*** Помощь земледѣльцу. В. І. Чѣмъ удобрять землю, когда навоза мало. В. II и III. Какъ отъ хлѣвнаго навоза получить больше пользы. Ц. по 10 к. за вып.—***Ф. Н. Махаевъ.*** Работы изъ сучьевъ. Ц. 30 к.

Изд. „Школьная библіотека"· Подъ ред. Вл. Львова.—***Сер. Орловскій.*** И. С. Тургеневъ, его жизнь и труды. Ц. 25 к.—***Вл. Львовъ.*** Сѣверный край Европейской Россіи. Съ 40 рис. Ц. 35 к.—***Фр. Вальчакъ.*** Повѣсть Алекс. Севера. Пер. М. Архангельской. Ц. 40 к.—***Н. Кольцовъ.*** Неаполитанскій аквариумъ. Съ рисунк. Ватагина, Мартынова и др. Ц. 35 к.—***Энди.*** Повѣсть. Пер. А. Рождественской. Ц. 50 к.—Въ новую жизнь. Повѣсть. Пер. А. Рождественской. Ц. 40 к.

Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1910.—***Содзанами Сандзанъ.*** Нахонъ Мукаси Банаси. Сказанія древней Японіи. Пер. съ японскаго В. М. Мендринъ. Съ ориг. япон. рис. Ц. 2 р. 50 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Спб. 1910. ***Н. Рождественскій.*** Сборникъ задачъ и вопросовъ по природовѣдѣнію. 2-е изд. Ц. 25 к.

Изд. Я. Башмакова. Спб. 1911.—***П. Либенъ*** и ***А. Шуйская.*** Кр. курсъ русской исторіи. Изд. 4-е. Ц. 60 к.

Изд. „Звено". М. 1911.—***Н. Тимковскій.*** Повѣсти и разсказы. VII. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Журналъ для всѣхъ". Спб. 1910.—***Н. Архиповъ.*** Юмористическіе разсказы. Ц. 60 к.—Альманахъ для всѣхъ. Книга вторая. Ц. 50 к.

Изд. „Сѣверо-Западнаго книг.-ва». 1911. Литературная библіотека. ***В. Г. Бѣлинскій.*** Статьи о Лермонтовѣ. Ц. 40 к.—***Его же.*** Ст. о Кольцовѣ. Ц. 25 к.—***В. Д. Спасовичъ.*** Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова. Ц. 40 к,

Изд. „Тропинка". Спб. 1911.—***П. Соловьева.*** Жизнь Хитролиса, Ц. 2 р.—***Н. Манасеина.*** Овсянка. Разсказы для дѣтей, Ц. 80 к.

Адамъ Бѣльскій. Разсказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

А. Тырковой (А. Верижскаго). Ночью. Спб. 1911. Ц. 1 р.

П. Богдановъ. Моя юность. Повѣсть въ трехъ отрывкахъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

В. Александровъ. Въ мірѣ безумія и отчаянія. Спб. Ц. 50 к.

Пѣсни, собранныя ***П. Н. Рыбниковымъ.*** Изд. 2-е подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Въ 3-хъ томахъ. М. 1910. Ц. 6 р. 50 к.

Семигоровъ. Волшебное царство. Стихотвореніе. Т. II. Ц. 1 р.

Марко Кропивницкій. Збірник. творів. Томъ І, ч. І. Полтава. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Д. П. Снѣгинъ. Разсказы. Т. І. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Е. Туркинъ. Барбоска. Разсказъ. М. 1910.

Изергинъ. Русскія сказки. Изд. Панафидиной. 1911. Ц. 2 р.

Колетта Иверъ. Коромы Беатриса. Пер. Э. К. Пименовой. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Георгій Ѳедберсъ, Этюды и разсказы. Кіевъ. Ц. 75 к.

Т. И. Полнеръ. Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. 2 тома. М. 1910. Ц. 2 р.

Э Штейнъ. Я. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Луи Бурдо. Вопросъ о смерти и его различныя рѣшенія. Пер. Э. Предтеченской. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Айхенвальдъ. Этюды о западныхъ писателяхъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Н. В. Туркинъ (Дій Одинокій). Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ. М. 1910. Ц. 80 к.

К. Марксъ. Теорія первобытной цѣнности. II ч· IV т. Капиталы. Давидъ Рикардо. Пер. подъ ред. М. Бернацкаго. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Гуго Ландеманъ. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ городахъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

В. Сланскій. О границахъ гипнотическаго воздѣйствія и его обществ, значенія. Спб. 1910.

К. Валишевскій. Смутное время. Пер. Е. Щепкиной. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Марсель Эбьеръ. Прагматизмъ. Пер. З. Введенскаго. Ц. 85 к.

Н. А. Фридрихъ. Бухара. Этногр. очеркъ. Ц. 25 к. 1910.

Р. Гинцбургъ. Смертная казнь у евреевъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Н. Огановскій. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

І. Мюллеръ. Половая мораль и освобожденіе женщины. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Эрн. Кросби. Толстой и его жизнеописаніе. Пер. съ англ. Изд. „Посредника". М. 1911. Ц. 45 к.

Воздухоплаваніе. Въ 4-хъ томахъ. — Т. І. ***М. Франкъ.*** Исторія воздухоплаванія и его соврем. состоянія. Спб. 1911.

Конр. Гюнтеръ. Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка. Пер. подъ ред. А. Колмогорова. М. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

Е. Барботъ де-Марни. Уралъ и его богатства. Екатеринб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.

Д. П. Кариицкій. Гибнущіе лѣса. Спб. 1910. Ц. 50 к.

М. Розановъ. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Т. І. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Открытое письмо А. В. Жиркевича къ сотрудникамъ газ. „Новое Время" А. А. Столыпину и Н. А. Энгельгарду. Вильна. 1910. Ц. 25 к.

Сборникъ лекцій, читанн. на курсахъ для агрономовъ въ 1909 г. Подъ ред. А. Г. Дояренко. Годъ І. М. 1910. Ц. 2 р. 75 к.

К. Кометсъ. Лыжный, лыжно-парусный и лыжно-сановный спортъ. Ц. 20 к. Изд. 2-е. Спб.

М. А. Боголѣповъ. М. 1910. Руководство къ собств. изготовленію карманныхъ электрич. фонарей и ихъ батареекъ. Ц. 30 к.—Практич. руководство къ собств. изготовленію аккумуляторовъ. Ц. 40 к.—Руководст. къ собственно-ручной установкѣ телефоновъ, электр. звонковъ и сигнализаціи. Ц. 50 к.—Руководст. къ простѣйш. устройству электрическаго освѣщенія, электр. звонковъ, сигнализаціи. Ц. 50 к.

Труды экспедиціи по изслѣдованію земель печорскаго края Вологодской губ. Т. II. Подъ ред. П. И. Соколова.

Киргизское хозяйство V. Акмолинской обл. Тт. II, III, IV и въ Спб. 1910. Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія.

Землеотводныя и землеустроительныя дѣла за Ураломъ въ 1909 г. Изд. Переселенческаго отд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлій. Спб. 1910.

Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея имп. Александра III за 1909 г. Спб. 1910.

Гр. Цвѣтаевъ. Указатель по всеобщей литературѣ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вопросы обществовѣдѣнія. В. III. Спб. 1911.

Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго. Спб. 1910. Ц. 60 к.

Замѣтка о реализмѣ.

На нашихъ глазахъ происходитъ одна изъ очередныхъ переоцѣнокъ. Чисто литературная и довольно спеціальная по существу, она не лишена симптоматическаго и общественнаго значенія. Поэтому она достойна вниманія болѣе широкихъ слоевъ читателей, тѣмъ болѣе, что, намъ кажется, въ значительной своей долѣ, она покоится на нѣкоторомъ теоретическомъ недоразумѣніи.

Рѣчь идетъ о реализмѣ русскаго романа XIX вѣка. Мы привыкли считать этотъ романъ однимъ изъ виднѣйшихъ завоеваній художественнаго реализма. Такъ воспринимали русскихъ бытописателей ихъ русскіе современники, такъ ихъ оцѣнивали за-

падно-европейскіе критики. И наше ощущеніе, наши опредѣленія не расходились съ этими оцѣнками. За послѣднее время мы встрѣчаемъ рядъ попытокъ внушить намъ, что мы ошибались.

Такъ, г. Перцовъ, увидѣвъ на сценѣ Московскаго Художественнаго театра «Братьевъ Карамазовыхъ», усомнился въ реализмѣ ихъ автора. «Отъ первой сцены и до послѣдней (всѣхъ 18) нѣтъ почти ни одной,—отмѣчаетъ онъ—которая не кончалась бы истерикой. Въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три истерики. Сперва «сочувствуешь», но, наконецъ, разбираетъ досада. Вѣдь это не жизнь, не «реальная дѣйствительность», а какая то перемежающаяся истерика, какъ бываетъ перемежающаяся лихорадка. Скажите: неужели въ «жизни» мы всѣ такъ часто плачемъ и бьемся въ судорогахъ? Слава Богу, дѣла на свѣтѣ обстоятъ еще не такъ ужасно. Но какъ же насъ учили, что Достоевскій—великій реалистъ?»

Г. Розановъ на страницахъ того же «Новаго Времени» напоминаетъ о томъ, какъ взяли подъ сомнѣніе реализмъ Гоголя. «Кажется, простъ вопросъ: «былъ ли реалистъ Гоголь?» «Такой натуральный писатель»,—твердили со временъ Чернышевскаго. А на гоголевскомъ праздникѣ въ Москвѣ вдругъ выступилъ яростный тезисъ, поддержанный почти школою: «Гоголь былъ фантастъ, не знавшій дѣйствительности, даже ею не интересовавшійся».

По обыкновенію г. Розановъ не «поинтересовался дѣйствительностью» и немножко перепуталъ. Г. Брюсовъ, о нашумѣвшей рѣчи котораго здѣсь говорится, во всякомъ случаѣ знаетъ, что такихъ пустяковъ о Гоголѣ говорить нельзя: неприлично. Какъ извѣстно, письма и признанія Гоголя свидѣтельствуютъ о его напряженномъ стремленіи именно подлинную дѣйствительность положить въ основу своихъ работъ.

Правда, въ своей рѣчи «Испепеленный» г. Брюсовъ благоразумно обходитъ молчаніемъ, напримѣръ, знаменитыя признанія Гоголя: «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ». Или: «... нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, будетъ блѣдно». Напомнить объ этомъ своимъ слушателямъ значило бы осложнить свое положеніе. Но и г. Брюсовъ не рѣшился все-таки сказать, что Гоголь «не интересовался дѣйствительностью». Наоборотъ, онъ упоминаетъ о работѣ Гоголя надъ матеріалами, о его записныхъ книжкахъ, о составленныхъ имъ сборникахъ малороссійскихъ пѣсенъ, о письмахъ къ роднымъ, которыхъ онъ постоянно просилъ доставлять ему бытовой матеріалъ. Но выводы г. Брюсова покоются именно на отношеніи Гоголя къ изученной имъ дѣйствительности: «Всѣ

эти тщательно собранные матеріалы совершенно преображались подъ его перомъ, образы дѣйствительности разростались одной какой-нибудь стороной, то чтобъ стать чѣмъ то ослѣпительно-прекраснымъ», то чтобы явить «излишество и множество низкаго». На этомъ гиперболизмѣ построена вся аргументація г. Брюсова. Рядъ страницъ онъ посвятилъ перечисленію преувеличеній Гоголя, ибо стремленіе къ гиперболѣ онъ считаетъ основной чертой, faculté maîtresse Гоголя, господствующей въ его творчествѣ и въ его жизни.

Гиперболизмъ Гоголя отмѣчался давно. Въ одномъ изъ посмертныхъ трудовъ Потебни, который полагалъ и доказывалъ, что Хлестакова Гоголь писалъ—въ потребности самообличенія и самоочищенія—отчасти съ себя, приведенъ—въ сыромъ видѣ—длинный рядъ соотвѣтственныхъ цитатъ изъ писемъ и сочиненій Гоголя; ученикъ Потебни, гельсингфорскій профессоръ Мандельштамъ въ своей книгѣ о стилѣ Гоголя обратилъ особое вниманіе на гоголевскій гиперболизмъ. Но еще много ранѣе, при жизни Гоголя критика, уже не характеризуя, а обличая, усиленно занималась именно его преувеличеніями. «Карикатуриста» обвиняли въ неправдѣ, въ злостной и антихудожественной односторонности; и восторженные поклонники его таланта защищали его. Быть можетъ, ни одного новаго, не указаннаго уже преувеличенія не нашелъ у Гоголя г. Брюсовъ—и просто забавно, какъ онъ повторяетъ въ своихъ обличеніяхъ Николая Полевого.

Вотъ передъ нами городъ, «тотъ, гдѣ есть магазинъ съ вывѣской: «иностранецъ Василій Өедоровъ». Проходитъ рядъ лицъ, но у нихъ все та же гипертрофія какой нибудь одной стороны души. Скупость Плюшкина, грубость Собакевича, умильность Манилова, тупость Коробочки, безудержность Ноздрева, лѣнь Тѣнтѣтникова, обжорство Пѣтуха,—это опять: непомѣрный носъ, несообразный ротъ, невѣроятныя щеки героевъ Эдгара По*). И всѣ эти помѣщики и помѣщицы, которыхъ объѣзжаетъ стяжатель Чичиковъ со своимъ страннымъ предложеніемъ, весь этотъ міръ маніаковъ, говоритъ такъ, какъ не говорятъ въ жизни, совершаетъ поступки, какихъ никто не могъ бы совершить». Это говоритъ г. Валерій Брюсовъ. А вотъ, что говорилъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Николай Полевой: «Гдѣ, скажите, гдѣ видали вы города, въ которыхъ ни одно свѣтлое чувство не мелькнуло бы въ душѣ ни одного обитателя—гдѣ добродѣтель, умъ, честь, всѣ общественныя связи были бы всѣми забыты, попраны, гдѣ невѣжество и развратъ тяготѣли бы равно и безразлично надъ всѣми, гдѣ, наконецъ, самая

*) Г. Брюсову всѣ герои Гоголя психологически напоминаютъ призраковъ, описанныхъ въ одномъ разсказѣ Эдгара По: у каждаго была до чрезмѣрности развита одна какая нибудь часть лица—у одного былъ непомѣрной величины лобъ, у другого ротъ шелъ отъ уха до уха, у третьяго носъ спадалъ ниже подбородка и т. д.

природа была бы мертва, грустна, печальна безъ измѣненій?.. Кто противъ того, что есть у насъ, какъ и вездѣ, Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, но не такіе они, да если бы и такіе показались вамъ,—они исключенія, уроды. Какъ же по собранію уродовъ изображаете вы человѣка, и гдѣ естественность и вѣрность изображенія, за которыя превозносите вы «Мертвыя души» ?

«Грязныя карикатуры»,—говоритъ Николай Полевой.—«Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ карикатуръ на нее»—говоритъ Розановъ. «Созданія Гоголя—смѣлыя и страшныя карикатуры, которыя, только подчиняясь гипнозу великаго художника, мы въ теченіе десяти лѣтъ принимали за отраженіе въ зеркалѣ русской дѣйствительности» – повторяетъ Брюсовъ. Карикатуры,—стало быть, не реалистъ: коротко и ясно. Гипнозъ оконченъ: «послѣ критическихъ работъ В. Розанова и Д. Мережковскаго невозможно болѣе смотрѣть на Гоголя, какъ на послѣдовательнаго реалиста». И этого достаточно Брюсову; во всей его работѣ ни одного значительнаго новаго факта; можно только удивляться его слушателямъ, которымъ показалось ересью то, что такъ близко къ банальному. Но, конечно, ихъ раздражила эта притязательная бездоказанность, эта игра «косвенными уликами», эта безпредметная словесность, это—удивительное въ Брюсовѣ—легкомысліе. Разъ-два-три—здѣсь гипербола, тамъ гипербола, и все легко и дешево оказалось перевернутымъ: то, что казалось правдой, оказалось сплошь неправдой, реалистъ оказался не-реалистомъ.

Поистинѣ: qui trompe t'on ici? Вообразите современнаго читателя, взявшаго въ руки «Мертвыя Души» или «Ревизора». Онъ, конечно, замѣтитъ шаржъ, замѣтитъ преувеличенія; о карикатурахъ Гоголя говорятъ и учителя словесности. Если онъ настроенъ творчески, онъ углубитъ образы поэта, онъ расширитъ ихъ смыслъ, за ихъ бытовой правдой онъ увидитъ другую, болѣе важную и высокую. Но, конечно, никогда ему не придетъ въ голову, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ реальнымъ изображеніемъ русской дѣйствительности—и никакія гиперболы Гоголя не убѣдятъ его въ этомъ.

Надо же помнить, что реализмъ не есть предвѣчный законъ искусства, а только одинъ изъ стилей. Стили же различаются не количествомъ воплощаемой въ нихъ правды, а пріемами ея уловленія; реализмъ—не ручательство въ адекватности дѣйствительности и изображенія, а только одинъ изъ способовъ изображенія. Совершенно безсмысленно утвержденіе: такъ не бываетъ, а потому это не реализмъ; если такъ не бываетъ, то это и не искусство; причемъ же здѣсь реализмъ?

Съ «такъ не бываетъ» тоже надо быть осторожнѣе. Жизненный опытъ Гоголя и Достоевскаго для насъ достовѣрнѣе жизненнаго опыта Брюсова и Перцова. Мы знаемъ, что жизнь безконечно

прихотливѣе, изобрѣтательнѣе, гиперболичнѣе самыхъ чудовищныхъ созданій нашей необузданной фантазіи и что она сплошь и рядомъ опровергаетъ самые точныя вычисленія нашего ограниченнаго предсказанія. Поэты видятъ больше — и какъ часто то, что намъ представлялось нелѣпымъ поэтическимъ вымысломъ, оказывалось блѣдной копіей дѣйствительности. Непонятна самая смѣлость такихъ обличеній. Намъ драгоцѣнны незамѣнимые образы поэта; съ величайшей осторожностью надо подходить къ ихъ провѣркѣ. Разбивъ волшебное зеркало, отражающее міръ въ новой правдѣ, ничѣмъ, ничѣмъ не возстановить его. А г. Брюсовъ проходитъ мимо «Ревизора» и мимоходомъ говоритъ: «Затменіе, нашедшее на городничаго, сверхъестественно, ни съ чѣмъ не сообразно; ничего такого въ жизни не могло бы быть». И вопросъ рѣшенъ. Но почему мы должны вѣрить голословному «не могло быть» Брюсова больше, чѣмъ самому Гоголю? Развѣ Брюсовъ указалъ въ изображеніи Гоголя какое-нибудь внутреннее противорѣчіе? Нѣтъ, внутренно онъ аргументируетъ какъ Полевой: «Зная Россію, можетъ быть, больше васъ, изъѣздивши ее во всѣхъ направленіяхъ, смѣло называемъ ложью и выдумкою (эти) изображенія». И Вяземскій, и Бѣлинскій на упреки тогдашнихъ скептиковъ отвѣчали подробными доказательствами того, что легковѣріе городничаго совершенно возможно психологически. Вяземскій приводилъ дѣйствительные случаи. Бѣлинскій послѣ нѣсколькихъ страницъ анализа говоритъ: «Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какой поразительною очевидностью умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго».

Еще на дняхъ тотъ самый «въ семьсотъ рублей арбузъ» и «супъ въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ», который Брюсовъ приводитъ какъ примѣръ нелѣпости, сверхъ-лганья, совершенно и безусловно немыслимаго въ устахъ самого пьянаго человѣка, оказался легкимъ преувеличеніемъ, тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ дѣйствительностью николаевской Россіи. Вотъ какъ надо быть осторожнымъ въ этихъ обличеніяхъ. Если Достоевскій говоритъ, что въ одной сценѣ бываетъ три истерики, а Перцовъ скажетъ, что не бываетъ, то я скорѣе повѣрю Достоевскому: иногда скорѣе, чѣмъ себѣ. Ибо если не вѣрить тремъ истерикамъ, то какъ же повѣрить такой исторіи: у старика Карамазова было четыре сына, одинъ его хотѣлъ убить, другой убилъ, третій подговорилъ убить. У романа есть своя правда, которая не обязана совпадать ни съ правдой сцены, ни съ правдой жизни. Ужасно легко сказать: это невѣроятно, это не реализмъ. Но при этой системѣ доказательствъ реализма совсѣмъ не будетъ. Завтра возьмутъ подъ сомнѣніе Гончарова, послѣ завтра «трезвую правду» Рѣшетникова—и отъ реализма ихъ ничего не останется.

Въ высшей степени неубѣдительны также указанія на карика-

турность гоголевскихъ образовъ. Есть карикатура и карикатура. Дѣйствительно, въ карикатурѣ есть черты, не свойственныя строго-реальному изображенію жизни, которую карикатура извращаетъ сознательно и намѣренно. Карикатура схематична, карикатура не индивидуализируетъ, карикатура преувеличиваетъ до абсурда. Художникъ-карикатуристъ не обманываетъ своего зрителя, не внушаетъ ему, что невѣроятное дѣйствительное; онъ показываетъ прямо и открыто, что несуществующее и невѣроятное для него лишь способъ изображенія дѣйствительности. Онъ заключаетъ съ своимъ зрителемъ молчаливый договоръ: оба знаютъ, что находятся въ сферѣ ирреальнаго, и никто въ этомъ не заблуждаются. Когда Эдгаръ По изображаетъ пьяницу, у котораго носъ спадаетъ, какъ хоботъ, ниже подбородка, то его читатель ни минуты не думаетъ, что его хотятъ увѣрить въ реальномъ существованіи такого лица. И когда носъ маіора Ковалева поѣхалъ въ раззолоченномъ мундирѣ по Петербургу, мы не видимъ въ этомъ реальнаго пріема изображенія дѣйствительности. Но вообще то карикатуры въ строгомъ смыслѣ нѣтъ въ преувеличеніяхъ Гоголя. Чуткіе къ преувеличенію, мы охотно злоупотребляемъ терминомъ—злоупотребляемъ, такъ какъ дѣлаемъ изъ него выводы, которые можно сдѣлать только изъ термина—и называемъ комическихъ героевъ Гоголя карикатурами. Но исторически, психологически они карикатурами не были; для Гоголя, для Пушкина, для Аксакова «мертвыя души» не были ирреальными созданіями идеализирующей карикатуры; «какъ грустна Россія»—сказалъ, какъ извѣстно, Пушкинъ, когда прослушалъ «Мертвыя Души». Для него и для всей тогдашней Россіи это было именно «отраженіе въ зеркалѣ русской дѣйствительности»—пусть подчасъ и преувеличенное или—тогда не знали этого слова—тенденціозное, но реальное: и это самое важное при рѣшеніи вопроса о реализмѣ Гоголя.

Ибо давно пора отказаться отъ этой анти-исторической манеры въ оцѣнкахъ, по существу глубоко историческихъ. Индивидуалистическихъ литературныхъ портретовъ это вѣдь не касается. Хотите создавать себѣ своего Гоголя по образу и подобію своему и въ своихъ цѣляхъ—какъ это дѣлаетъ г. Мережковскій въ своей импрессіонистской фантастикѣ—сколько угодно, никто ни у кого на это права не отнимаетъ. По этому художественному творчеству—свое мѣсто. Нельзя при этомъ играть терминами, которые имѣютъ достаточно опредѣленное и, полагаемъ, для всѣхъ цѣнное содержаніе.

Въ исторіи литературы,—а не въ чистой теоріи—разумѣется, идеализмъ и реализмъ относительны. Нѣтъ чистыхъ реалистовъ, и оттого такъ легко посредствомъ нехитрыхъ пріемовъ доказать, что никто не былъ реалистомъ. Но это предпріятіе столь же безцѣльно, сколь нетрудно. Не намъ, съ нашими требованіями правды, надо подходить къ старому писателю и оцѣнивать его какъ реалиста

или нереалиста: надо узнать, чѣмъ онъ былъ для своего времени; въ этомъ для науки все дѣло, и только объ этомъ стоитъ говорить. Для насъ ни одинъ большой писатель, переживший свое время, конечно, уже не можетъ быть только реалистомъ. Неужто сочиненія Гоголя прожили съ нами три четверти вѣка лишь для того, чтобы остаться обличительной картиной николаевской Руси? Если бы его реальное творчество не было опорой для нашего созидающаго и углубляющаго идеализма, если бы его бытовые образы подъ напоромъ безконечной массы нашихъ читательскихъ впечатлѣній, запросовъ, мыслей, наблюденій не раздвигались въ всеобъемлющія картины человѣческой жизни, сверхъ-бытовыя, сверхъ-реальныя, то онъ бы просто умеръ. Но вѣдь не объ этомъ идетъ рѣчь, а именно о структурѣ этихъ первоначальныхъ образовъ, о томъ новомъ способѣ видѣть и изображать жизнь, который создало,—или вѣрнѣе лишь закрѣпило—творчество Гоголя въ русской литературѣ. Это надлежитъ рѣшать не путемъ импрессіонистскихъ сочувственныхъ переживаній, не посредствомъ субъективно-критическихъ истолкованій—очень цѣнныхъ въ своей области, если они добросовѣстны, и органически-неизбѣжныхъ,—а при помощи историческаго изслѣдованія. Г. Розановъ—съ обычнымъ презрѣніемъ къ фактамъ говоритъ: «Такой натуральный писатель,—твердили со временъ Чернышевскаго». Представьте себѣ—продолжаютъ твердить. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ Розановъ сказалъ о Гоголѣ: «Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ»; теперь Розановъ ссылается на Брюсова, который ссылается на Розанова, а читатели продолжаютъ «твердить» то же, что говорилъ—по мнѣнію Розанова—Чернышевскій. Любопытна эта ссылка на Чернышевскаго и ужасно розановская. Развѣ г. Розановъ не знаетъ, что о реализмѣ Гоголя говорили и раньше Чернышевскаго другіе, имена которыхъ менѣе одіозны въ его аудиторіи: Бѣлинскій, Константинъ Аксаковъ. Но въ этой связи ему удобнѣе Чернышевскій...

Конечно, не Чернышевскій назвалъ Гоголя «натуральнымъ» писателемъ: это терминъ николаевской Руси, и его прилагали къ Гоголю его хулители, равно какъ его поклонники. Но эпохой Гоголь былъ для всѣхъ. Сколько бы теперь въ исторической перспективѣ ни выдвигали реализмъ предшественниковъ Гоголя, отъ великой «Капитанской дочки» до маленькаго Нарѣжнаго, ясно какъ значительно въ рѣшеніи этого вопроса ощущеніе современниковъ. Были ли они въ историко-литературномъ развитіи—словечко И. С. Аксакова—«по сю или по ту сторону Гоголя», несомнѣнно, что Гоголь былъ гранью, Гоголь былъ школой, Гоголь былъ источникомъ новизны. Вяземскій и Бѣлинскій, Шевыревъ и Константинъ Аксаковъ и другіе настойчиво отмѣчали именно правду, достигнутую новыми пріемами воспріятія жизни. «Общій характеръ лицъ Гоголя тотъ, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ ни тѣни односторонности, ни тѣни отвлеченности, и какой бы характеръ въ

немъ ни высказывался, это всегда полное живое лицо, а не отвлеченное качество (какъ бываетъ у другихъ, такъ что надъ однимъ пиши: скупость, надъ другимъ вѣроломство, надъ третьимъ вѣрность и т. д.)»... Такъ говорилъ Константинъ Аксаковъ, какъ бы напередъ отвѣчая Розанову и Брюсову. Не въ сомнительномъ авторитетѣ его дѣло, но вѣдь это живое свидѣтельство чуткаго современника: вопросъ о карикатурѣ ставился, и голосъ достовѣрныхъ свидѣтелей отвѣтилъ на него отрицательно. И, разъ рѣчь идетъ не о впечатлѣніяхъ нашей рафинированной души, а объ исторической позиціи Гоголя, мы повѣримъ этому голосу. Онъ тѣмъ болѣе значителенъ, что, быть можетъ, ни одна изъ погрѣшностей Гоголя, указываемыхъ г. Брюсовымъ, не укрылась отъ его современниковъ. Но выводы ихъ были иные. Почему? Не потому ли, что отъ нихъ деревья не скрыли лѣса?

На ошибкахъ Гоголя г. Брюсовъ останавливается подробно и настойчиво. «Какъ извѣстно,—напоминаетъ онъ,—украинскія повѣсти Гоголя подвергъ суровой критикѣ съ точки зрѣнія исторической и этнографической правды П. Кулишъ еще въ 1861 г.» Что же изъ этого слѣдуетъ? Отвлечемся на мгновеніе отъ романтическихъ элементовъ украинскихъ повѣстей Гоголя, сочтемъ ихъ произведеніемъ чистаго реализма; но и въ такомъ случаѣ какой вѣсъ имѣютъ эти частныя историческія и этнографическія ошибки? Развѣ это ошибки противъ стиля? Развѣ онѣ разлагаютъ самую ткань произведенія? Развѣ ихъ такъ много, что онѣ сводятъ самыя повѣсти къ нулю? Развѣ онѣ подчасъ переносятъ образы украинскихъ повѣстей Гоголя въ міръ условно-идеализованный? И какъ строгъ, какъ странно-придирчивъ г. Брюсовъ въ этомъ случаѣ. Вотъ Гоголь разсказываетъ о битвѣ подъ Дубно: «Демидъ Поповичъ трехъ закололъ простыхъ, и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней.»—«Какъ это...—недовѣрчиво восклицаетъ г. Брюсовъ,—одинъ одолѣваетъ пятерыхъ?» Но вѣдь у Гоголя и не говорится, что Поповичъ одновременно справился съ пятью: онъ одолѣлъ ихъ въ теченіе битвы поочередно, и ничего въ этомъ невѣроятнаго нѣтъ *). Такихъ примѣровъ не одинъ. Многое въ этомъ родѣ приводитъ г. Брюсовъ, иногда даже основательно, но всегда напрасно, всегда мимо цѣли.

Ибо развѣ неправда есть привилегія и отличительная черта идеализма? Развѣ нѣтъ дурного и хорошаго, большого и мелкаго, глубокаго и плоскаго реализма? Реализмъ обращается къ бытовой

---

*) Изображеніе битвы подъ Дубно, конечно, трудно назвать реалистическимъ, но, разумѣется, не мнимая его неправда играетъ роль въ его романтикѣ, а форма, патетизмъ изложенія, отсутствіе деталей: **порядокъ словъ** здѣсь гораздо важнѣе всякихъ героическихъ „преувеличеній“.

жизни тамъ, гдѣ идеализмъ витаетъ въ отвлеченіяхъ, реализмъ заполняетъ конкретными деталями то, что остается условно-схематичнымъ въ идеалистическомъ изображеніи. Развѣ эти пріемы всегда и непремѣнно исключаютъ неправду? Реализмъ есть стиль эпохи; слабые легче подчиняются общему теченію, поверхностнѣе слѣдуютъ его глубокимъ требованіямъ и легче нарушаютъ его законы. Но они плывутъ по тому же теченію. Обличайте, сколько угодно, Мордовцева или Бажина или даже Шеллера въ неправдѣ: уличите ихъ въ томъ, что ихъ банальность, ихъ тенденціозность, ихъ слѣпота искажаетъ дѣйствительность. Развѣ они оттого перестанутъ принадлежать къ реалистическому теченію въ русской литературѣ? Скорѣе они перестанутъ принадлежать къ литературѣ.

Совершенно ясно: если Гоголь и Достоевскій не реалисты, то мы должны отказаться отъ возможности назвать кого-либо реалистомъ. Мы идемъ впередъ, мы открываемъ новую правду, художникъ могъ искать правду и не найти. Ея исканіе, но не ея обрѣтеніе есть законъ искусства. И если не вполнѣ достигнутая правда есть отрицаніе реализма, то никакого реализма попросту никогда не было.

Не этотъ ли выводъ соблазнилъ г. Брюсова?

А. Горнфельдъ.

Письмо Л. Н. Толстого.

Въ началѣ августа 1903 года г-нъ П. Бордаковъ, тогда студентъ Кіевскаго Университета, написалъ Льву Николаевичу Толстому письмо, въ которомъ повѣрялъ ему свои задушевныя мысли и настроенія. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отвѣтъ, который мы, съ разрѣшенія адресата и Александры Львовны Толстой, предлагаемъ вниманію нашихъ читателей въ увѣренности, что какъ предметъ переписки, такъ и взглядъ Л. Н. Толстого на этотъ предметъ представляютъ значительный интересъ.

Ред.

Конецъ вашего письма также сильно огорчилъ меня, какъ обрадовало его начало. Разубѣждать васъ я не стану, во 1-хъ потому, что по моему наблюденію, люди вѣрящіе въ спиритическое общеніе съ душами людей, никогда не убѣждаются внѣшними доводами, во 2-хъ потому, что всѣ неопровержимыя опроверженія спиритизма давно уже высказаны и мнѣ пришлось-бы повторять ихъ. Скажу только про себя, что представленіе или вѣра въ существованіе душъ и въ возможность общенія ихъ съ живущими, не дало бы мнѣ какой либо увѣренности въ будущей жизни, но, напротивъ

разрушило бы то несомнѣнное сознаніе внѣвременности и внѣ пространственности духовной основы моей жизни, которой я живу и которая даетъ мнѣ радость и спокойствіе. Вѣра въ общеніе съ душами умершихъ до такой степени, не говоря уже о томъ, что она мнѣ совершенно не нужна, до такой степени нарушаетъ все то основанное на разумѣ мое міровоззрѣніе, что если бы я услышалъ голосъ духовъ или увидалъ бы ихъ проявленіе, я обратился бы къ психіатру, прося его помочь моему очевидному мозговому разстройству.

Ваше буддійское представленіе о многократныхъ послѣдовательныхъ жизняхъ есть такое же произвольное предположеніе, какъ адъ и рай и всѣ религіозныя суевѣрія.

Одно, что мы можемъ утверждать съ полной увѣренностью, это то, что мы живемъ, что основа этой нашей жизни есть существо духовное и потому не подлежащее измѣненіямъ началу, концу, а было, есть и будетъ «το ον» сущее, и что существо это ограничено и ограниченіе это, предѣлы этого существа представляется намъ въ видѣ матеріи въ пространствѣ и движенія во времени. Расширеніе этихъ предѣловъ, что возможно черезъ признаніе собою другихъ существъ (любовью), составляетъ сущность и назначеніе жизни человѣческой. Для чего это ограниченіе и раздѣленіе на отдѣльныя существа единаго духовнаго существа? Этого мы не можемъ познать нашимъ ограниченнымъ умомъ. Одно, что мы знаемъ несомнѣнно, это то, что то, что составляетъ основу нашей жизни, не только не можетъ умереть, но всегда было и будетъ существовать. Вопросъ же о томъ, въ какой формѣ будетъ это существовать послѣ нашей смерти, неразрѣшимъ для нашего ограниченнаго ума. Мы можемъ предполагать два положенія: первое, что наша отдѣленная сущность сольется со Всѣмъ, и второе, что она такъ же какъ и теперь проявится въ ограниченномъ состояніи и опять также, хотя и въ новыхъ формахъ, которыя мы представить себѣ не можемъ, задача ея будетъ состоять въ большемъ и большемъ расширеніи предѣловъ. Такъ что жизнь наша здѣсь съ нашей борьбой со зломъ и увеличеніемъ любви есть единственная свойственная намъ жизнь, и потому смотрѣть на нее, какъ на приготовленіе къ другой жизни есть грубая и вредная ошибка. Другой жизни, другого назначенія жизни, не будетъ. Изъ этихъ двухъ предположеній вѣроятнѣе второе. Оно вѣроятнѣе потому, что, не зная никакой другой жизни, какъ жизнь въ ограниченныхъ предѣлахъ, мы не имѣемъ права ожидать жизни неограниченной въ соединеніи со Всѣмъ.

Вотъ вамъ вкратцѣ то мое міровоззрѣніе, при которомъ вѣра въ спиритизмъ для меня не только излишняя, но и несовмѣстима съ тѣмъ, что я не могу не считать несомнѣннымъ. Согласитесь

вы или не согласитесь вы со мною, пожалуйста, не доказывайте мнѣ справедливость вашихъ воззрѣній. Вы высказали мнѣ свои взгляды, я свои. И доказывать больше нечего.

Первая часть вашего письма и то опредѣленіе назначенія жизни человѣка, къ которому вы пришли, глубоко тронуло меня. И я горячо желаю вамъ истиннаго блага, которое возможно найти только на истинномъ пути. Помогай вамъ Богъ найти.

Любящій васъ **Л. Толстой.**

Сергѣй Николаевичъ Южаковъ.

(1849—1910).

Наша журнальная семья понесла тяжелую утрату. Въ ранній часъ печальнаго петербургскаго утра, 29 ноября въ хирургическомъ отдѣленіи Георгіевской общины умеръ Сергѣй Николаевичъ Южаковъ.

Имя Южакова знакомо не однимъ читателямъ «Русскаго Богатства». Это—имя крупнаго писателя и интереснаго человѣка.

Родился С. Н. Южаковъ въ 1849 году, въ Вознесенскѣ, Херсонской губ. Отецъ его былъ военный, и первыя шесть лѣтъ своей жизни мальчику пришлось провести или въ походахъ, или въ разныхъ военныхъ поселеніяхъ. Военныя поселенія, дѣтище Аракчеева,—это былъ худшій видъ крѣпостного права,—«рабство юридическому лицу, т. е. худшее рабство, какое только зналъ міръ",—какъ говоритъ самъ Южаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ *). Военно-поселенцы завидовали обыкновеннымъ крѣпостнымъ. Картины жизни, окружавшей дѣтство Южакова и его любимой сестры, были полны ужасающей грубости и жестокости, которыя, однако, не проникли въ семью Южакова. Его родители были тѣми исключеніями изъ общаго правила, которыхъ, къ счастью, и въ тѣ времена было не мало. Отецъ,—въ тѣ годы человѣкъ уже пожилой,—принадлежалъ къ поколѣнію двадцатыхъ годовъ, среди котораго уже тогда были «романтики-идеалисты», мечтавшіе о реформѣ крѣпостного права. Онъ любилъ народъ, мужика, солдата,—и эта любовь не была только теоретической:—общеніе съ простыми людьми доставляло ему удовольствіе и нравственный отдыхъ. Онъ никогда никого не билъ, и вообще для того времени и той среды это былъ феноменъ, вызывавшій недоумѣніе и осужденіе. Какъ человѣкъ

---

*) „Русскія Вѣдомости“ 1909 и 1910. „Изъ воспоминаній стараго писателя“

твердый въ своихъ убѣжденіяхъ и нравственно-авторитетный, онъ умѣлъ не подчиниться, а подчинить до извѣстной степени среду своимъ взглядамъ, которые проводились и въ воспитаніи дѣтей. Родители старались по возможности уберечь сына и дочь отъ зрѣлища грубости и страданій. Живя въ Новой-Одессѣ,—военномъ поселеніи на берегу Буга,—дѣти ѣздили часто на прогулку мимо волостного управленія. Однажды имъ пришлось увидѣть, какъ поселенца наказывали палками. Прогулки въ ту сторону пришлось прекратить. Женщины и дѣти «господъ» купались въ Бугѣ въ общей купальнѣ. Случаи жестокаго обращенія «дамъ» съ своими крѣпостными дѣвушками заставили Южаковыхъ построить собственную купальню. Зрѣлище сѣченія дочери въ семьѣ офицера побудило прекратить знакомство съ этой семьей; такимъ образомъ дѣти росли больше впечатлѣніями собственной семьи. «Нашъ дворъ мы съ гордостію представляли себѣ какимъ-то оазисомъ среди окружающаго нечестія и страданія»,—пишетъ Южаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и эта противоположность навсегда выработала въ немъ особенное отвращеніе ко всякой грубости. «Едва ли—говоритъ онъ,—въ мірѣ есть другая черта человѣческаго характера, которая принесла бы человѣчеству столько вреда и страданія, какъ грубость». Этотъ афоризмъ для Южакова не былъ только фразой: до конца жизни онъ сохранилъ какую то особенную нравственную тонкость, душевное изящество и деликатность, которыя составляли самыя характерныя черты его нравственнаго облика. Встрѣчаясь съ проявленіями грубости въ жизни,—онъ вспыхивалъ, лицо его краснѣло и принимало особенное характеристическое выраженіе: было замѣтно, что Южаковъ замыкается въ себѣ, уходитъ въ нравственный оазисъ собственной души, высоко культурной и деликатной. На грубость онъ никогда не отвѣчалъ встрѣчной грубостью, а только отстранялся, и невольный гнѣвъ скоро замѣнялся въ немъ сожалѣніемъ къ человѣку, живущему за предѣлами «оазиса»...

Около 1858—59 года отецъ Южакова былъ переведенъ въ Харьковскую губернію, и семья поселилась въ Харьковѣ, «первомъ университетскомъ городѣ и первомъ значительномъ умственномъ центрѣ на пути моей жизни»,—какъ говоритъ объ этомъ Сергѣй Николаевичъ. Времена мѣнялись, въ обществѣ чувствовались новыя вѣянія, «гремѣлъ герценовскій Колоколъ», вышло первое собраніе стихотвореній Некрасова, зарождалась обличительная литература. Военная среда того времени не была той замкнутой кастой, какой (едва ли къ пользѣ даже военнаго дѣла) она является теперь. Въ семью генерала Южакова имѣли доступъ всѣ передовыя вѣянія того времени. Въ памяти Сергѣя Николаевича осталась, между прочимъ, отъ этого періода колоритная фигура генерала Столпакова, военнаго радикала, рѣзко критиковавшаго современный политическій строй, требовавшаго политической свободы, созванія учредительнаго собора, ограниченія административнаго произвола

во всѣхъ его видахъ. Это военное вольнодумство вливалось въ отроческія души съ одной стороны,—съ другой идейное содержаніе вносили въ нихъ представители науки и литературы, часто являвшіеся въ гостиной генерала Южакова. Съ особенной теплотой и благодарностью вспоминалъ Сергѣй Николаевичъ о Ѳедорѣ Васильевичѣ Бемерѣ, извѣстномъ педагогѣ и писателѣ. Повидимому родители Южакова не особенно довѣряли тогдашней оффиціальной педагогіи и продолжали систему локализаціи «въ оазисѣ». Бемеръ былъ приглашенъ организовать домашнее воспитаніе въ двухъ соединившихся для этого родственныхъ семьяхъ и организовалъ его по новой и прекрасной системѣ. Въ это именно время Южаковъ пріучился къ самостоятельной умственной работѣ. Важное мѣсто въ системѣ образованія Бемеръ отвелъ изученію естественныхъ наукъ, но и въ этомъ отношеніи не вдавался въ односторонность. Умъ юноши складывался разносторонне, широко и энциклопедично. Чтеніе Бѣлинскаго произвело на него особенно сильное впечатлѣніе и (говоритъ онъ въ воспоминаніяхъ), вѣроятно, опредѣлило его будущую профессію.

Въ 1865 году родители рѣшили все-таки отдать сына въ гимназію, и съ этой цѣлью мать съ Бемеромъ и сыномъ отправилась въ Одессу, которую Южаковъ впослѣдствіи считалъ своей настоящей умственной родиной. Поступить въ гимназію Южакову не пришлось, и онъ продолжалъ доучиваться внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, подъ руководствомъ студентовъ, членовъ существовавшей тогда своеобразной «студенческой учительской артели«. Это были вмѣстѣ учителя и товарищи, и Южаковъ окунулся въ чисто университетскія знакомства и завязалъ дружескія связи въ студенческой средѣ... «Далеко потомъ разошлись пути этой группы молодежи, что встрѣтила меня на порогѣ передъ университетомъ,—писалъ Южаковъ.—Тутъ были и будущіе сановники, и ученые, и поэты, и революціонеры, и культурные дѣятели, и осужденные на безвременную кончину, и осужденные на безвѣстность. Но тогда дороги еще не разошлись, группа представляла какъ бы однородное цѣлое и стремилась въ невѣдомую даль. Могу только прибавить,—заканчиваетъ Сергѣй Николаевичъ этотъ эпизодъ своей автобіографіи,—что никого изъ нихъ я никогда не поминалъ и не помяну лихомъ». Сильно развитое горячее чувство товарищества тоже осталось на всю жизнь характерной и необыкновенно привлекательной чертой С. Н. Южакова.

Въ 1865 году, т. е. 16-ти лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами Южаковъ выдержалъ вступительный экзаменъ въ университетъ и былъ зачисленъ въ студенты по филологическому факультету.

«Общеніе съ товарищами и товарищеской жизнію, съ внутренними университетскими вопросами дня; броженіе идей и настроеній на почвѣ гражданскаго самосознанія; самостоятельный трудъ и стремленіе къ самостоятельному самоопредѣленію,—с

всѣхъ сторонъ охватило молодую душу горячей и бурной волной» *). Въ отзывахъ Южакова объ одесскомъ университетѣ нѣтъ мѣста страстнымъ филиппикамъ, какими громилъ, напримѣръ, Д. И. Писаревъ петербургскій университетъ своего времени. Свои воспоминанія объ alma mater Южаковъ облекаетъ дымкой особеннаго благодушія. «Я сохранилъ, говоритъ онъ,—много благодарности за все, что получилъ отъ нея и что она мнѣ дала въ моихъ исканіяхъ «правды-истины и правды-справедливости».

Нужно сказать, что и внѣшнія условія студенческаго быта въ Одессѣ сорокъ лѣтъ назадъ ничѣмъ не напоминали нынѣшнихъ толмачевскихъ порядковъ. Необыкновенная дешевизна жизни, хорошій педагогическій заработокъ, сравнительно мягкія отношенія къ студенчеству начальства и администраціи, еще не утратившей инстинктивнаго уваженія къ наукѣ и учащемуся юношеству,— все это давало особый, мягкій тонъ тогдашнему студенческому быту. «Студентамъ не приходилось, напримѣръ, входить въ конфликты изъ-за сходокъ въ университетѣ. Къ ихъ услугамъ были залы въ ресторанахъ и просто въ биргалляхъ. Для нихъ очищали такую залу, закрывали двери, и они свободно совѣщались о своихъ дѣлахъ». Была своя столовая и своя касса, пополнявшаяся товарищескимъ самообложеніемъ, сочувственными взносами изъ общества, спектаклями. Никто изъ начальства и полиціи не провѣрялъ ни сборовъ, ни расходовъ. Всѣ студенты были всегда въ курсѣ своихъ дѣлъ и свободно ими распоряжались. Во внутреннемъ содержаніи университетскаго быта Южаковъ отмѣчаетъ неустойчивость традиціи: мѣстные одесскіе лицеисты вносили буршество, склонность къ выпивкѣ, скабрезнымъ пѣснямъ и скандаламъ. Молодежь изъ другихъ городовъ прибавляла къ этому серьезныя стремленія къ самообразованію, но... къ сожалѣнію, тоже не чужда была той же традиціонной склонности, губившей много даровитыхъ людей...

Несмотря на сравнительную мягкость взаимныхъ отношеній съ начальствомъ, въ университетѣ преобладало оппозиціонное настроеніе, которое, конечно, не зависитъ исключительно отъ внутриакадемическихъ условій. Наука и старые устои самодержавнаго строя несутъ въ себѣ взаимно-антагонистичныя настроенія, и молодежь такъ же легко, какъ и нынѣ, поддавалась волненіямъ, отзываясь на проявленія всякаго произвола. Люди, учившіеся въ новороссійскомъ университетѣ того времени, вспоминаютъ Южакова увлекающимся юношей, участникомъ серьезной работы въ научныхъ кружкахъ и вмѣстѣ блестящимъ ораторомъ сходокъ.

Между тѣмъ и администрація уже переставала относиться терпимо къ академической свободѣ. Касса была закрыта, потребовали передачи благотворительному обществу студенческой столовой.

---

*) Мѣста въ ковычкахъ я заимствую изъ „Воспоминаній стараго писателя".

Началось возбужденіе, сходки. Въ театрѣ по поводу постановки реакціонной пьесы Манна («Говоруны») произошла довольно бурная демонстрація. Публика приняла сторону студентовъ, пьеса была прекращена. Между тѣмъ прибылъ градоначальникъ Бухаринъ, который бесѣдовалъ со студентами въ фойе и совѣтовалъ имъ бороться съ идеями пьесы не обструкціей, а печатнымъ словомъ. На возраженія о цензурѣ, благодушный администраторъ обѣщалъ уладить всякія препятствія.—Что касается цензуры,—сказалъ онъ,—то я обѣщаю свою помощь. А вы соберите сходку и выберите тѣхъ, кого уполномочиваете составить объясненіе».

Сходка немедленно собралась въ «Бѣломъ Лебедѣ» и немедленно же выбрала Южакова для составленія статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», тогда еще единственной газетѣ въ Одессѣ. «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ Южаковъ,—я могу считаться писателемъ по избранію».

Это было въ 1868 году, и это произведеніе «писателя по избранію» было началомъ его литературной карьеры. За этой первой статьей послѣдовали другія замѣтки 19-лѣтняго студента въ той же газетѣ. Въ слѣдующемъ 1869 году по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ «пробѣжала какъ бы судорога студенческихъ волненій». Въ каждомъ учебномъ заведеніи поводы были свои, мѣстные, (большею частью по вопросамъ студенческаго самоуправленія), но въ общемъ это было уже общестуденческое движеніе, начавшееся съ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ и электрическимъ токомъ домчавшееся до Одессы. Студенты рѣшили собрать «генеральную» общестуденческую сходку на 2 апрѣля въ Дюковскомъ саду. Ночью они узнали, что полиція предупреждена. Южакову и товарищамъ пришлось ночью же мѣнять диспозицію. Мѣсто сходки было перенесено въ Ланжероновскій садъ. На слѣдующую ночь къ молодому студенту-писателю постучалась полиція. Онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту, а одинъ изъ ближайшихъ его товарищей, отставной офицеръ Султанъ-Крымъ-Гирей высланъ подъ надзоръ полиціи.

Это было, такъ сказать, административно-политическое крещеніе Южакова. Вскорѣ онъ заболѣлъ, и ему пришлось, оставивъ университетъ, уѣхать за границу. Въ 1870-71 годахъ онъ уже не былъ студентомъ, и главнымъ его занятіемъ стала литературно-научная работа. Но память объ организаторѣ студенческихъ протестовъ осталась и среди молодежи, и, конечно, въ черныхъ спискахъ администраціи.

Рѣдкая біографія русскаго писателя обходится безъ одного стереотипнаго мотива, и въ печатныхъ опросныхъ бланкахъ для писательскихъ біографій слѣдовало бы къ обычнымъ рубрикамъ (гдѣ и когда родился? гдѣ получилъ образованіе и т. д.) прибавлять спеціальный вопросъ: гдѣ и когда былъ арестованъ? Куда, когда и откуда высылался, судебнымъ или административнымъ поряд-

комъ? Жизнь Южакова не составляетъ исключенія, и едва-ли можно сомнѣваться, что начало его «неблагонадежности» нужно отнести именно къ этому студенческому эпизоду: онъ началъ писать и попалъ подъ арестъ почти одновременно.

Между тѣмъ умственные интересы Южакова уже опредѣлились. Съ декабря 1872 года въ журналѣ «Знаніе» начали печататься очерки, въ которыхъ двадцати четырехъ лѣтній Южаковъ выступилъ совершенно опредѣлившимся писателемъ, вооруженный солиднымъ запасомъ знаній, острымъ анализомъ и блестящимъ, точнымъ изложеніемъ.

Очерки эти назывались «Соціологическими этюдами» и сразу создали Южакову широкую и почетную извѣстность. Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ молодого соціолога Николай Константиновичъ Михайловскій. «Въ журналѣ «Знаніе»—писалъ онъ,—въ № 12 прошлаго года и въ № 1 нынѣшняго напечатаны очень замѣчательные «Соціологическіе этюды» г. Южакова. Мы давно не встрѣчали въ области общей соціологіи явленія болѣе пріятнаго. Мы, впрочемъ, говоримъ только за себя. Едва-ли этюды г. Южакова удовлетворятъ многихъ. Гг. Стронинъ, П. Л. *) и прочіе открыватели давно открытой Америки должны придти отъ нихъ просто въ ужасъ, какъ отъ самой злостной ереси. Правовѣрные реалисты должны почувствовать значительное смущеніе... Довольно того, что г. Южаковъ утверждаетъ, что Дарвинъ и Спенсеръ ошибаются, а что у Фурье, не смотря на всѣ лимонадныя моря и на couronnes boréales, можно найти очень много поучительнаго... Правовѣрные реалисты и проницательные ученые критики такъ спокойно даже гордо устроились на тождествѣ органическаго и соціальнаго прогресса... а г. Южаковъ стремится доказать, что процессы органическій и соціальный прямо противоположны..., что въ соціальной жизни нравственно-политическіе идеалы вытѣсняютъ собою дѣйствіе сильнѣйшихъ біологическихъ факторовъ. Да, это—ересь. Я думаю, однако, что никто въ литературѣ не осмѣлится ни разоблачить ее, ни пристать къ ней **).

Предсказанія Н. К. Михайловскаго оправдались только отчасти. Работа Южакова была замѣчена, хотя главнымъ образомъ на нее отозвались не спеціалисты-ученые и даже не журнальная критика, а чуткіе круги молодежи и общества, почувствовавшіе въ нихъ свѣжее вѣяніе молодого и довольно самобытнаго русскаго соціализма. Этимъ впередъ уже опредѣлялись и будущія литературныя симпатіи молодого автора. Правда, въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ Южаковъ выступилъ съ совершенно опредѣленной отрицательной критикой «субъективнаго метода въ соціологіи», сторонниками

---

*) Рѣчь идетъ не о Петрѣ Лавровичѣ Лавровѣ, а о забытомъ нынѣ „русскомъ соціологѣ“ Павлѣ Лиліенфельдѣ.

**) „Отеч. Зап.“. Апр. 1873 г.

котораго являлись Н. К. Михайловскій и П. Л. Лавровъ. Разборъ доводовъ Михайловскаго и Лаврова приводитъ его къ выводу, что «наши представленія о началахъ общественности не требуютъ необходимо какого-либо особаго процесса мышленія» и что «введеніе нравственнаго элемента въ изслѣдованіе не измѣняетъ его существеннаго характера. Соціологическое изслѣдованіе можетъ и должно держаться общенаучнаго метода и притомъ тѣмъ строже и неотступнѣе, чѣмъ сложнѣе матеріалъ, надъ которымъ приходится работать пытливости соціолога». Несмотря, однако, на это разногласіе,—нашлись существенные пункты, на которыхъ Южаковъ сходился съ «субъективистами». Онъ признавалъ огромное значеніе за ихъ теоремой о роли личности въ исторіи, которую Михайловскій и Лавровъ вводили въ соціальную методологію. Южаковъ не считалъ это значеніе методологическимъ, однако, признавалъ за нимъ огромную важность. Соціальный прогрессъ, по его мнѣнію, сводится на постоянное, живое взаимодѣйствіе соціальной среды и личности. «Вся совокупность общественныхъ условій вырабатываетъ личность, единственно **активный элементъ** общества... дѣйствія же всѣхъ личностей даннаго общества порождаютъ всю совокупность общественныхъ явленій слѣдующаго момента. Черезъ посредство личностей такимъ образомъ одно общественное состояніе въ его цѣломъ производитъ другое, а вовсе не одно общественное явленіе производитъ другое независимо и изолированно отъ дѣйствія всѣхъ другихъ». Такимъ образомъ «каждое экономическое явленіе (напримѣръ) есть продуктъ не того или иного экономическаго явленія, ему предшествовавшаго, и даже не всѣхъ экономическихъ явленій предшествующаго момента, но всей совокупности общественныхъ явленій этого момента, экономическихъ такъ же, какъ политическихъ, этическихъ, интеллектуальныхъ». Съ признаніемъ этого начала во всей его живой сложности и во всемъ его значеніи Южаковъ становился союзникомъ того литературно-общественнаго лагеря, въ центрѣ котораго сталъ Н. К. Михайловскій. Основной нервъ, главный мотивъ всей работы Михайловскаго и заключался въ отстаиваніи этого творческаго значенія личности, въ которой, какъ въ фокусѣ, преломляются, черезъ который необходимо проходятъ и изъ котораго лучами несутся въ будущее всѣ соціальные законы. Раздѣляя это основное положеніе Михайловскаго, Южаковъ, естественно, становился его союзникомъ въ борьбѣ со всякимъ предустановленнымъ и порабощающимъ личность научнымъ и философскимъ фатализмомъ, начиная отъ біолого-органическихъ ученій спенсеристовъ въ 70-хъ годахъ и кончая крайностями экономическаго матеріализма въ девяностыхъ.

Репутація молодого (непатентованнаго, правда) ученаго была создана. Очень можетъ быть, что при другихъ условіяхъ жизни онъ мирно пошелъ бы по этому пути и вписалъ бы свое имя

Сергѣй Николаевичъ Южаковъ.
17 декабря 1849 г.—29 ноября 1910 г.

Изъ коллекціи Ф. Ф. Фидлера.

крупными заслугами въ исторію русской науки. Но русская жизнь слишкомъ шумно врывается въ кабинеты и студіи нашихъ архимедовъ... Въ 1879—1880 году въ Одессѣ генералъ-губернаторствовалъ знаменитый военный стратегъ, военный инженеръ Тотлебенъ. Злая русская судьба пожелала, чтобы свою блестящую репутацію воина генералъ этотъ завершилъ далеко неблестящей административной дѣятельностью. Знаменитымъ генераломъ управлялъ пресловутый Панютинъ, по внушенію котораго, хотя за нравственной отвѣтственностью самого генерала, въ Одессѣ началась памятная оргія административныхъ ссылокъ. Высылались цѣлыми партіями студенты, рабочіе, писатели, разночинцы, женщины, дѣвушки, дѣти. Въ числѣ другихъ былъ арестованъ и сосланъ административнымъ порядкомъ въ Красноярскъ и Сергѣй Николаевичъ Южаковъ. Въ въ то же время подверглась ссылкѣ, только еще болѣе дальней, его любимая сестра Елизавета Николаевна. Трагическая гибель молодой женщины въ одномъ изъ улусовъ Якутской области составляетъ яркій и необыкновенно печальный эпизодъ тогдашней ссылки.,.

Свое путешествіе этапнымъ порядкомъ съ партіей политическихъ С. Н. описалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Подпись Южакова и его писательскій тактъ способствовали тому, что эти путевые очерки могли появиться въ печати даже въ то глухое время, когда газеты не смѣли и заикнуться о фактахъ этого порядка. Номера газеты съ этими статьями раскупались нарасхватъ, и, долго спустя, послѣдующія партіи ссылаемыхъ старались запастись этими номерами въ качествѣ своего рода путеводителя. Имя Южакова, соціолога и публициста, такимъ образомъ предшествовало и какъ бы освѣщало путь среди сибирскихъ дебрей, по тюрьмамъ и этапамъ, куда за нимъ двигались знавшіе его и любившіе молодые читатели... Русской «личности» суждено было проходить своеобразными и скорбными путями. И тѣ же пути проходили съ нею ея идеологи и теоретики *)...

Въ ссылкѣ Южаковъ пробылъ до 1882 года. Въ эти и послѣдующіе годы онъ продолжалъ литературную работу, дѣятельно сотрудничая въ «Отечественныхъ запискахъ», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Русской Мысли», а изъ газетъ—въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Одесскомъ Листкѣ». Къ этому времени относится, между прочимъ, чрезвычайно интересная его работа: «Мысли о земледѣльческой будущности русской черноземной полосы». Вернувшись изъ ссылки, онъ становится ближе къ «Отечественнымъ Запискамъ». Когда обстоятельствами русской жизни былъ выдвинутъ на передній планъ общественнаго вниманія еврейскій воп-

*) Одновременно съ Южаковымъ въ ту же Енисейскую губернію былъ высланъ Влад. Викторовичъ Лесевичъ.

росъ, то редакція «Отечественныхъ Записокъ» поручила Южакову написать руководящую статью по этому предмету.

Вскорѣ Южаковъ оставляетъ провинцію и поселяется въ столицѣ. Въ родной Одессѣ онъ потерпѣлъ крупное разочарованіе. Вмѣстѣ съ кружкомъ единомышленниковъ и товарищей онъ поставилъ на ноги мѣстную газету, которая сразу привлекла симпатіи широкой публики и, конечно, косые взгляды администраціи. Издатель, человѣкъ довольно ловкій и достаточно безсовѣстный, очутился между двухъ огней и вышелъ изъ этого положенія такъ, какъ выходили многіе изъ его собратьевъ. Онъ предоставилъ своимъ «передовымъ» сотрудникамъ создать газетѣ репутацію и привлечь подписчиковъ симпатичными именами и живыми лозунгами. Когда это было сдѣлано, онъ повернулся спиной къ передовымъ идеямъ, а угодливымъ лицомъ—къ цензурѣ и начальству. Весь кружокъ молодыхъ сотрудниковъ вышелъ изъ созданной ими-же газеты, которая продержалась послѣ этого нѣсколько лѣтъ, но потомъ захирѣла и погибла.

Въ 1884 году, какъ извѣстно, «Отечественныя Записки» были закрыты, и дружный кружокъ ихъ сотрудниковъ разсѣянъ. Особенно тяжело отразилась эта литературная катастрофа на Салтыковѣ и Михайловскомъ. Великій сатирикъ пріютился въ «Вѣстникѣ Европы» со своими послѣдними произведеніями, полными глубокой печали и горечи. Вскорѣ онъ умеръ. Н. К. Михайловскій тоже тосковалъ безъ «своего журнала», и вообще среди бывшихъ соратниковъ постоянно щемило задушевное желаніе собраться опять въ какомъ-нибудь «своемъ изданіи», изъ котораго можно бы создать продолженіе «Отечественныхъ Записокъ» и возстановить великую журнальную традицію (отъ «Современника»). Казалось, такой огонекъ засвѣтился въ 1888 году въ видѣ «Сѣв. Вѣстника». Однимъ изъ первыхъ примкнулъ къ этому журналу С. Н. Южаковъ, участвовавшій въ редакціонныхъ совѣщаніяхъ и въ составленіи журнальнаго проспекта. Ему удалось убѣдить и Н. К. Михайловскаго примкнуть къ новому органу. Казалось одно время, что «продолженіе Отечественныхъ Записокъ» налажено, работа закипѣла горячо и дружно. Свой читатель, о которомъ такъ тосковалъ Щедринъ, оказался на лицо: у новаго журнала сразу появилась сочувствующая публика. Вскорѣ, однако, выяснилось, что кружокъ неоднороденъ, и что офиціальное издательство является чуждымъ самымъ основнымъ идеямъ главнѣйшихъ сотрудниковъ. Первымъ вышелъ изъ журнала Н. К. Михайловскій. Южаковъ нѣкоторое время еще оставался, надѣясь своимъ посредничествомъ возстановить распадающееся дѣло; когда это стало явно неосуществимымъ, Южаковъ тоже ушелъ, а журналъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и нѣсколькихъ переходовъ изъ рукъ въ руки, окончательно прекратился.

Казалось, группа «Отечественныхъ Записокъ» окончательно

разсѣяна. Въ это время одинъ изъ старыхъ товарищей Южакова, инженеръ Урсати, строитель участка восточно-сибирской дороги' пригласилъ Сергѣя Николаевича для веденія дѣлопроизводства. Приходилось ѣхать во Владивостокъ, браться за совершенно новое, административное дѣло. Съ другой стороны, улыбались новыя мѣста и новое поле наблюденій. Южаковъ согласился и оставилъ Петербургъ.

Вернулся онъ въ столицу какъ разъ въ то время, когда возстановлялось «Русское Богатство» и въ него вошелъ Михайловскій съ нѣсколькими бывшими сотоварищами. Годы разъединенія брали, однако, свое. Среди недавнихъ еще единомышленниковъ они намѣтили уже нѣкоторыя идейныя различія и довольно ощутительныя линіи расхожденія. Тѣмъ дороже было участіе въ журналѣ давняго единомышленника. Южаковъ опять съ головой ушелъ въ журнальное дѣло рядомъ съ Н. К. Михайловскимъ. Журналъ окончательно сложился, и съ этихъ поръ дѣятельность С. Н. Южакова на виду у читателей «Русскаго Богатства». Онъ велъ послѣдовательно «хронику внутренней жизни», «дневникъ журналистовъ» и «иностранное обозрѣніе», прерывая ихъ порой для публицистическихъ, философскихъ или критическихъ экскурсій. Результатомъ его путешествія на Дальній Востокъ явились интересные очерки этой окраины, а также путевыя картины, изданныя впослѣдствіи отдѣльной книгой, озаглавленной «Доброволецъ Петербургъ». По мысли автора это неблагозвучное и тусклое заглавіе должно было устанавливать идейную связь съ гончаровскимъ «Фрегатомъ Паллада». Habent sua fata libelli. Говорятъ, иное имя вліяетъ роковымъ образомъ на судьбу его носителя. Книга Южакова не имѣла успѣха, хотя по содержанію она его заслуживала въ высокой степени. Между прочимъ, Южаковъ на «добровольцѣ» посѣтилъ мѣста, когда-то описанныя Гончаровымъ, и далъ много любопытныхъ и поучительныхъ сравненій...

Въ самые послѣдніе годы Южаковъ работалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» меньше, такъ какъ ему пришлось дѣлить свое время между журналомъ и редакціей Большой Энциклопедіи, въ которую онъ вложилъ свою огромную работоспособность и разностороннюю эрудицію.

Изъ болѣе крупныхъ работъ покойнаго, вышедшихъ отдѣльными изданіями, читателямъ памятны, конечно, кромѣ «Соціологическихъ этюдовъ»—«Афганистанъ и сопредѣльныя страны», (рядъ статей, разрабатывавшихъ вопросы мало-извѣстной и загадочной Средней Азіи), «Англо-русская распря» и «Вопросы просвѣщенія», въ свое время обращавшія вниманіе мѣткой критикой нашей средней школы вообще и особенно литературы офиціально принятыхъ учебниковъ. Въ этихъ работахъ ярко сказались и достоинства, и недостатки Южакова, какъ ученаго и публициста. Жизнь не дала вполнѣ скристаллизоваться несомнѣннымъ задаткамъ чистаго ученаго. Онъ влагалъ въ свою

работу слишкомъ много животрепещущихъ публицистическихъ интересовъ и его соціологическія дедукціи порой отзывались недостаточно еще сложившимися, не вполнѣ обоснованными схемами. Въ публицистикѣ порой сказывалось подавляющее обиліе эрудиціи, связывавшей и перегружавшей чисто-публицистическое настроеніе. Тѣмъ не менѣе то, что онъ далъ, является большимъ и важнымъ вкладомъ въ русскую литературу, создаетъ само по себѣ солидный памятникъ этой незаурядной и своеобразной личности.

Въ нашей товарищеской семьѣ, какую представляетъ коллективное издательство «Русскаго Богатства», Сергѣй Николаевичъ Южаковъ занималъ,—мѣсто одного изъ старѣйшихъ по времени участниковъ журнала. Въ общее дѣло онъ вносилъ присущее ему душевное обаяніе. Мы, ближайшіе его товарищи, особенно чувствуемъ утрату этого нравственно-чистаго, обаятельнаго человѣка.

Порой, отъ соціологическихъ схемъ, отъ обозрѣній текущей жизни, отъ утомительной работы въ энциклопедіи,—Южаковъ внезапно уходилъ въ критическія или даже поэтическія экскурсіи. Такова его работа «Любовь и счастіе въ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ», гдѣ онъ порой очень тонко и даже граціозно анализируетъ изгибы сердечнаго чувства. Такова-же его статья въ «Русскомъ Богатствѣ», напечатанная вмѣсто «очередного обозрѣнія» и озаглавленная, какъ «Прогулка по Волкову кладбищу» *), Статья эта обвѣяна мягкой печалью человѣка, тепло, глубоко. искренно любящаго русскую литературу, связаннаго съ ея покойниками нѣжнѣйшими сердечными связями. «Волково кладбище, говоритъ онъ,—не изъ аристократическихъ кладбищъ столицы, а «Литераторскіе мостки» даже и на Волковомъ кладбищѣ занимаютъ отдаленное мѣсто, которое было-бы изъ самыхъ глухихъ и мало извѣстныхъ, если-бы тутъ мало-по-малу не сосредоточились могилы цѣлаго ряда выдающихся писателей изъ цѣлаго ряда литературныхъ поколѣній. Волково кладбище обратилось въ кладбище литературное. Въ 1832 году здѣсь былъ похороненъ Дельвигъ, въ 1846—Полевой, но только со времени погребенія здѣсь Бѣлинскаго оно начало пріобрѣтать значеніе литературнаго Пантеона».

«Бѣлинскій умеръ 26 мая 1848 года. Немногіе петербургскіе друзья,—приводитъ Южаковъ слова тоже теперь покойнаго Пыпина,—проводили его тѣло до Волкова кладбища. Къ нимъ присоединились (вспоминаетъ Панаевъ) три или четыре *неизвѣстныхъ*, вдругъ откуда то явившихся. Они остались на кладбищѣ до самаго конца погребенія и слѣдили за всѣмъ съ величайшимъ любопытствомъ, хотя слѣдить было совершенно нечего. Бѣлинскаго отпѣли и опустили въ могилу, какъ всякаго другого»...

*) «Р. Богатство», октябрь 1894.

Съ этихъ поръ литературный кварталъ этого города мертвыхъ все болѣе населялся. За Бѣлинскимъ пришелъ Добролюбовъ, потомъ Писаревъ, Костомаровъ, Пальмъ, Рѣшетниковъ, Омулевскій, Надсонъ, Гаршинъ... Потомъ Г. З. Елисеевъ, Шелгуновъ... Переходя отъ могилы къ могилѣ, Южаковъ съ тихою грустью возстановляетъ образы лежащихъ подъ этими плитами покойниковъ, съ особенной любовью останавливаясь у памятниковъ Шелгунова и Елисеева. Къ могилѣ послѣдняго онъ возвращается два раза: описаніемъ ея онъ начинаетъ второй томъ «Соціологическихъ этюдовъ». «Импозантная фигура этого патріарха русской журналистики,—говоритъ Южаковъ,—со строгимъ спокойствіемъ безпристрастнаго судьи и редактора смотритъ на многочисленныя окрестъ лежащія могилы работниковъ русскаго слова, своихъ наставниковъ, товарищей, сотрудниковъ и учениковъ, успокоившихся навѣки въ этомъ уголкѣ отдаленнаго петербургскаго кладбища».

Послѣ того, какъ были написаны эти строки,—у Литераторскихъ мостковъ улеглись Г. И. Успенскій и Н. К. Михайловскій, съ которыми Южакова связывали чувства дружбы и долгой товарищеской работы. И каждыя похороны болѣе или менѣе точно повторяли ритуалъ похоронъ Бѣлинскаго,—послѣдними уходили съ нихъ «неизвѣстные», которые тревожно слѣдили за чѣмъ-то среди уже затихшаго кладбища. Быть можетъ, потому, что жизнь всѣхъ этихъ людей была выраженіемъ вѣчнаго святого недовольства, которое неуловимо и неумолчно носится и надъ ихъ могилами.

Перваго декабря настоящаго года, здѣсь, въ головахъ у Григорія Захаровича Елисеева, выросъ новый могильный холмъ... Онъ ждетъ еще своего памятника, на которомъ съ сложнымъ чувствомъ печали, любви и благодарности мы напишемъ имя *Сергѣя Николаевича Южакова*. И еще одинъ образъ будетъ молчаливо говорить въ этомъ городѣ великихъ мертвицовъ о вѣчной преемственности идей, о неувядающей жизни безпокойнаго человѣческаго духа.

Вл. Короленко.

Телеграммы и письма,

полученныя редакціей по случаю смерти С. Н. Южакова.

Изъ **Москвы**. Общество дѣятелей періодической печати и литературы раздѣляетъ горечь, вызванную утратой, понесенной русской журналистикой въ лицѣ скончавшагося стойкаго и лучшаго ея представителя, Сергѣя Николаевича Южакова. Предсѣдатель совѣта Юлій Бунинъ, предсѣдатель правленія Иванъ Поповъ, секретарь Николай Скворцовъ.

Изъ **Москвы**. Редакція газеты «Голосъ Студенчества» шлетъ свое глубокое соболѣзнованіе редакціи «Русскаго Богатства», потерявшей своего близкаго сотрудника С. Н. Южакова. Русское студенчество, чутко слѣдящее за развитіемъ общественно-философской мысли, будетъ помнить въ ряду другихъ славныхъ именъ и С. Н. Южакова, представителя одного изъ научныхъ теченій,— русской соціологической школы, глава которой сказалъ слова, взятыя девизомъ «Голоса Студенчества»: «Жизнь ставитъ цѣли наукѣ, наука разрѣшаетъ ихъ». Редакція газеты «Голосъ Студенчества»: М. Петровъ, К. Россіяновъ, Р. Выдринъ, секретарь Тихоцкій.

Изъ **Бердянска**. На могилу Южакова, вашего славнаго товарища, чуткаго выразителя идеаловъ русской интеллигенціи шлемъ чувства искренней скорби. Редакція «Бердянскихъ Вѣдомостей».

Изъ **Краснаго Яра**. Еще могила... Просимъ уважаемую редакцію принять выраженіе нашего искренняго сочувствія по поводу постигшей ее тяжелой утраты. Утрата эта острой болью отозвалась въ нашихъ читательскихъ сердцахъ. Умеръ писатель-другъ. Живая и благодарная память о Сергѣѣ Николаевичѣ не умретъ. Своими талантливыми обозрѣніями онъ будилъ мысль, просвѣтлялъ голову. Рѣдѣютъ ряды старыхъ испытанныхъ бойцовъ... Пусть сомкнутся плотнѣе живые! Читатели «Русскаго Богатства»: А. Щипакинъ, Б. Перциковичъ, С. Карновъ, Т. Щипакина, Ѳ. Ташковъ.

Изъ **Кіева**. Очень скорблю о кончинѣ вашего сотрудника, моего товарища и друга; прошу передать роднымъ мое соболѣзнованіе. Афанасьевъ.

Изъ **Кіева**. Примите выраженіе моего искренняго сочувствія по поводу постигшей редакціонную семью тяжелой утраты. Ефремовъ.

Изъ **Чудова**. Сейчасъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе о смерти

С. Н. Южакова. Нечего говорить, какъ оно меня поразило. Спѣшу выразить редакціи «Русскаго Богатства» мое искреннее сердечное сочувствіе по поводу его смерти. Къ Сергѣю Николаевичу я относился не только съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ крупному, честному литературному работнику, но онъ былъ близокъ мнѣ и какъ человѣкъ, котораго я зналъ болѣе двадцати лѣтъ. Не откажите передать мое искреннее соболѣзнованіе его роднымъ. А. Каменскій.

Изъ Бердянска. Раздѣляемъ скорьбь о горестной утратѣ Сергѣя Николаевича. Корецкіе.

Изъ Кіева. Горячее сочувствіе въ тяжелой утратѣ. Личковъ.

Изъ Москвы. Не могу не выразить уважаемой редакціи глубокаго соболѣзнованія по поводу тяжкой утраты въ лицѣ Южакова. Вл. Майстрахъ.

Изъ Астрахани. Скорбимъ объ утратѣ Сергѣя Николаевича. Еще одна дорогая могила въ годину тяжелыхъ переживаній. Татьяна и Александръ Потаповы.

Изъ Кіева. Глубоко опечаленъ кончиной незабвеннаго Сергѣя Николаевича. Присоединяюсь къ вашему горю и горю семьи его. Левъ Симиренко.

Изъ Петербурга. Примите живѣйшее сочувствіе по случаю кончины Сергѣя Николаевича Южакова, котораго цѣнилъ, какъ выдающагося писателя и добрѣйшаго человѣка. Петръ Струве.

Изъ Архангельска. Вмѣстѣ съ редакціей «Русскаго Богатства» скорбимъ объ утратѣ вождя русской соціологической школы и талантливаго сотрудника дорогого намъ журнала С. Южакова. Политическіе ссыльные г. Архангельска: Вячеславъ Покровскій, Алексѣй Веселовскій, Елена Фортунатова, Мих. Гливенко, Б. Пашковъ, К. Голосовъ.

Кромѣ того получены, но по случайнымъ обстоятельствамъ не могутъ быть приведены здѣсь, письма и телеграммы отъ Н. А. Рубакина и нѣсколькихъ студенческихъ группъ.

Дѣтскій народный домъ имени Л. Н. Толстого

(*Письмо въ редакцію*).

Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только, чтобы не было дѣтей; или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими свѣжими отъ Бога дѣтьми, —я бы выбралъ послѣднее.

Изъ письма Толстого.

Смерть Льва Николаевича Толстого такъ глубоко всколыхнула нашу жизнь потому, что она не поверхностно охватила массы, а заставила каждаго отдѣльнаго человѣка взглянуть внутрь себя, и это внутреннее волненіе воплотилось въ общую волну скорби.

Но не скорбь завѣщалъ намъ Толстой, и чувство, поднятое его смертью, должно породить большія, достойныя его имени, дѣла. Передъ всевозможными организаціями и передъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ стоитъ вопросъ, какъ и чѣмъ можемъ мы воздать Толстому за то большое, что получено отъ него.

Слушательницы Педагогическихъ курсовъ при Фребелевскомъ Обществѣ въ Петербургѣ рѣшили для себя эту задачу, постановивъ употребить свои силы на созданіе *Дѣтскаго Народнаго Дома имени Толстого.*

Отношеніе къ дѣтямъ, мысль о дѣтяхъ въ жизни Толстого играли большую роль. Онъ любилъ дѣтей, понималъ ихъ, и они много дали ему; ихъ руками вплетено не мало лавровъ въ вѣнокъ его безсмертія.

Поэтому такъ естественна и по существу полна правды мысль ради него создать что-либо для дѣтей. Своими сочиненіями Толстой вскрылъ съ такой яркостью и силой жизненное зло, что трудно жить, сознавая его, если не работать для его уничтоженія.

Но особенно тяжела соціальная неправда, когда она всей своей тяжестью падаетъ на дѣтей. Горе дѣтской жизни громадно. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, дѣтскихъ страданій неисчерпаемое море. Всѣ ужасы жизни, порокъ и преступленіе на каждомъ шагу стерегутъ дѣтей, а мы, взрослые, такъ равнодушно проходимъ мимо. Много свѣтлаго и много ласки получаемъ мы отъ дѣтей и какъ мало дѣлаемъ имъ.

Затѣвая Дѣтскій Народный Домъ имени Толстого, мы хотимъ, чтобы онъ былъ достоинъ своего имени, чтобъ отношеніе Толстого къ дѣтямъ жило въ немъ.

Намъ рисуется слѣдующая картина его работы: большое, свѣтлое, красивое зданіе, построенное гдѣ-либо на окраинѣ Петербурга. Оно съ утра до вечера полно дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти дошкольнаго возраста и переросшія школу, еще не занятыя въ работахъ, подростки, находятъ тамъ пріютъ цѣлый день; школьники сбѣгаются туда послѣ уроковъ, а дѣти, уже захваченныя фабрикой и ремесломъ, отдыхаютъ тамъ въ праздники или послѣ работы.

Дѣтскій Народный Домъ — не учебное заведеніе, — это мѣсто, гдѣ ребенокъ проводитъ время, какъ онъ самъ хочетъ. Забота руководителей должна быть направлена на то, чтобы это время проводилось здорово, и нравственно и физически.

Дѣтскій Народный Домъ долженъ предоставить дѣтямъ свободу въ выборѣ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ широко организовать возможность удовлетворенія потребности въ умственномъ развитіи. Читальня, библіотека дѣтскихъ книгъ, руководство систематическимъ чтеніемъ, помощь въ приготовленіи школьныхъ уроковъ, школа для подростковъ, періодическія лекціи съ волшебными и живыми картинами, образовательныя экскурсіи, — вотъ могучія орудія для возбужденія интереса къ умственному труду и для утоленія умственнаго голода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Народный Дѣтскій Домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ все, чтобы поднять ихъ хилое здоровье и развить физически. Этой цѣли должны служить гимнастика, спортъ, живая общественная игра на воздухѣ и въ гимнастическомъ залѣ, а также разные виды ручного труда.

Наконецъ, грязныя каменныя улицы, мрачные подвалы и тѣсные углы, вѣчный сумракъ нашей погоды изъемлютъ все красивое изъ жизни петербургскаго ребенка, и Народный Дѣтскій Домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ минуты наслажденія прекраснымъ, долженъ пріобщить ихъ къ искусству и природѣ. Для этого необходимо дать возможность заниматься лѣпкой, рисованіемъ, широко организовать дѣтскіе хоры и оркестры, время отъ времени возить дѣтей въ художественныя галлереи, устраивать литературныя утра, концерты и спектакли въ спеціальномъ театральномъ залѣ Дѣтскаго Народнаго Дома и, наконецъ, возить дѣтей за городъ, въ природу.

Трудно перечислить всѣ тѣ пути, которыми хорошо поставленный Дѣтскій Народный Домъ можетъ внести свѣтъ, здоровье и хоть немного счастья въ жизнь дѣтей Петербурга. Если удастся осуществить нашу идею, если дѣтскій смѣхъ, веселье и бодрое занятіе дѣломъ будутъ наполнять сверху до низу «Народный Дѣтскій Домъ имени Толстого», то развѣ не будетъ казаться хотя бы для нѣсколькихъ

сотенъ его юныхъ посѣтителей, что для нихъ на время отрываютъ изъ земли «Зеленую палочку», которую давно зарылъ на курганѣ сосредоточенный, странный мальчикъ, ставшій великимъ учителемъ міра, имя котораго стоитъ надъ дверями Дѣтскаго Народнаго Дома.

Строя планъ такого широкаго учрежденія для дѣтей, мы знаемъ, какихъ большихъ средствъ онъ потребуетъ, но вѣримъ, что сейчасъ многіе ищутъ выхода своему настроенію, созданному смертью Толстого и помогутъ намъ пожертвованіями и трудомъ. Возникая по инициативѣ слушательницъ педагогическихъ курсовъ, Домъ поставленъ въ счастливыя условія: ему обѣщанъ притокъ молодого энергичнаго и подготовленнаго труда; на границѣ школы и жизни молодые люди, поколѣніе за поколѣніемъ, будутъ работать именемъ Толстого.

Организацію Дома беретъ на себя совѣтъ Педагогическихъ Курсовъ и совѣтъ Фребелевскаго Общества. Въ будущемъ же предполагается создать при указанномъ Обществѣ спеціальный отдѣлъ вѣдающій дѣла Народнаго Дѣтскаго Дома.

Мы обращаемся ко всѣмъ, сочувствующимъ этому начинанію, прося направлять свои пожертвованія на имя казначея Фребелевскаго Общества Екатерины Петровны Чечулиной (С.-Петербургъ, Эртелевъ переулокъ, д. № 12), и просимъ не стѣсняться никакими размѣрами пожертвованій.

Всѣхъ желающихъ получить какія-либо справки просимъ обращаться къ Александрѣ Михайловнѣ Калмыковой, письменно или лично, отъ 6—7 час. вечера (кромѣ праздниковъ) (С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, д. № 11, кв. 6).

Члены комитета организаціи Народнаго Дѣтскаго Дома имени Л. Н. Толстого:

Предсѣдатель Фребелевскаго Общества *Д. Энденъ.*

Члены педагогическаго совѣта: *В. Гердъ, А. Калмыкова, Р. Рубашкинъ, Е. Румянцевъ, Г. Фальборкъ.*

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: черезъ М. П.—70 р.; отъ Законанца—25 р.; отъ С. Лотошникова—5 р. 50 к.; отъ Яковлева—1 р.; отъ М. Тяпиной—10 р.

Итого . . . 111 р. 50 к.

На памятникъ В. Г. Бѣлинскаго: отъ М. В. Гордѣева—2 р.
На памятникъ И. А. Гончарова: отъ Е. А.—1 р.
На памятникъ Л. Н. Толстого: отъ В. Байкова—5 р.
А всего съ прежде поступившими—10 р.
Въ фондъ имени Л. Н. Толстого: отъ Г. Соколовскаго—3 р.
На учрежденіе музея имени Н. И. Пирогова: отъ Г. Соколовскаго 3 р.
На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ И. С. Бикѣева—1 р.
На пріобрѣтеніе книгъ съ картинками: отъ Е. Поповой—3 р.
На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ М. П. П.—1 р.; отъ А. Сѣрко—50 к.; отъ С. А. Морозенко—50 к.; отъ в-ча Н. Лампсакова—1 р.

Итого . . . 3 р. —
А всего съ прежде поступившими 404 р. 89 к.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ.

„Сибирскій Листокъ“ (двадцать первый годъ изданія) выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой. На 1 годъ—5 руб.; на ½ года—3 руб.; на 3 мѣс.—1 руб. 50 к.; на 1 мѣс.—60 коп. Мелкія суммы принимаются почтовыми марками. Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція «Сибирскаго Листка». Редакторъ-Издательница М. Н. Костюрина.

„Вѣстникъ Воспитанія“. (XXII-й годъ изданія). Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и заграницей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и др. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р. Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Г.г. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію. Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

„Астраханскій Вѣстникъ“ (23-й годъ изданія). Для иногороднихъ на годъ—7 р. 50 к., на 6 мѣс.—3 р. 75 к., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 руб. Допускается разсрочка на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи. Астрахань, г. Рѣпина, Почтовая ул., противъ Городского Банка. Издательница А. А. Штылько. Редакторъ А. Н. Штылько.

„Вятская Рѣчь“ (четвертый годъ изданія). Газета выходитъ въ Вяткѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ, внѣпартійная прогрессивная. Къ участію въ газетѣ привлечены, кромѣ мѣстныхъ силъ, сотрудники столичныхъ газетъ и журналовъ. Подписная цѣна: на годъ—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к., на 2 мѣс.—1 р. 30 к., на 1 мѣс.—65 к. Контора газеты: Вятка, уголъ Николаевской и Пятницкой ул., д. Берманъ.

„Театръ и Искусство“ (пятнадцатый годъ изданія). 52 №№ еженедѣльнаго иллюстриров. журнала (свыше 1000 иллюстрацій). 12 ежемѣсячныхъ книгъ, «Библіотеки Театра и Искусства», 20 новыхъ репертуарныхъ пьесъ, 10 пьесъ основного репертуара любительскихъ спектаклей, «Эстрада», сборникъ стихотвореній, разсказовъ, монологовъ и т. п. съ особой нумераціей страницъ. Научныя приложенія съ особой нумераціей. Въ первую очередь намѣченъ капитальный трудъ проф. Р. Гессена „Техническіе пріемы драмы“. Подписная цѣна на годъ 7 руб. Допускается разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, по 2 р.—къ 1 апрѣля и къ 1 іюня. За границу 10 руб. На полгода 4 р. (съ 1 января по 31 іюня). За границу 6 руб. Главная контора: С.-Петербургъ, Вознесенскій просп., 4. Тел. 16—69, 85—81.

„Донъ“ (ежедневная газета въ Воронежѣ, сорокъ четвертый годъ изданія). Условія подписки: съ доставкой въ Воронежѣ, на 1 годъ—6 руб., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на 1 годъ—7 р., на полг.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 коп., на 1 мѣс.—1 руб. Ред.-Издатель В. Веселовскій.

ХОРОШІЯ СОВЕРШЕННО НОВЫЯ КНИГИ

ЗА ПОЛЦѢНЫ И ДЕШЕВЛЕ

Книгопродавцамъ по особому соглашенію исключительная скидка.

О Толстомъ. Международный альманахъ. Составл. П. Сергѣенко. Оч. хорош. изд. 431 стр. Вмѣсто 2 руб.—1 р.

Н. Тенеромо. Жизнь и рѣчи. Л. Н. Толстого въ «Ясной Полянѣ». Спб. 1909 г. Цѣна 70 к. за 40 к.

Д-ръ Леманнъ. Директ. психофизической лабораторіи въ Копенгагенѣ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Со 154 рис. Москва. 1901 г. Вм. 4 руб.—2 р. 50 к.

Г. Гретцъ. Профессоръ. Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія Франкистовъ. 1618—1760. Подъ ред. А. Я. Гаркави. Спб. 1889 г. Вм. 2 р. 50 к.—1 р. 25 к.

То же. Отъ расцвѣта Еврейско-испанской культуры до смерти Моймонида 1027—1205 г. Спб. 1902 г. Вм. 2 р. 50 к.—1 р. 25 к.

Врачъ М. Н. Паргаминъ. Міръ животныхъ. Популярная психологія животныхъ. Изданіе второе, вновь пересм. и знач. доп. 512 стран. Спб. Вм. 2 р.—1 р.

То-же. Любовь и семейная жизнь животныхъ. Вм. 1 р.—50 к.

В. Остроградскій. Сельское хозяйство. Необходимое руков. по хлѣбопашеству, огородннч., садовод., табаковод., хмѣлевод., лѣсовод., пчеловод., птицевод., скотовод. и сельской медицинѣ. Москва. 1910 г. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Рейнгольдъ. Технологъ-практикъ. Москва. 1910 г. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Е. В. Радванъ-Рыпинскій. „Эсперанто". Полный курсъ. Спб. Вм. 80 к.—15 к.

Самоучитель къ фотографіи. Москва. 1898 г. Вм. 1 р.—50 к.

Великая небесная тайна въ безконечныхъ безднахъ Вселенной. Собрано и состав. Д. Сонцовымъ. Всемогущественная тайна человѣческой мудрости. — П. Н. Машкова. Москва. 1899—1900 г. Вм. 1 р.—50 коп.

Эдуардъ Штильгебауеръ. Новый Городъ. Романъ. 312 стр. Москва. Вм. 1 р.—50 к.

Янъ Каспровичъ. Поэма. Переводъ съ польскаго Вл. Ленскаго. Спб. Вм. 1 р.—50 к.

Эмиль Зола. Нана. Романъ. Спб. 1910 г. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Жюль-Вернъ. Властелинъ Міра. Москва. Ц. 65 к. за 40 к.

П. Бурже. Портретъ одной дамы. Москва. Вм. 1 р. 25 к.—65 к.

Рене Мезеруа. Хищный любовникъ. Романъ нравовъ. Спб. 1911 г. Вм. 1 р.—50 к.

Рене Мезеруа, Жильберта. 22 почтовое отдѣленіе. Романъ. Спб. 1911 г. Вм. 1 р.—50 коп.

Знаменитыя русскія женщины въ прошломъ. Историческіе этюды. 1911 г. Вмѣсто 1 р.—50 к.

Понсонъ дю Террайль. Рокамболь. Таинственное наслѣдство. Спб. 1910 г. Ц. 60 к.

Дневникъ католической монахини. (Мемуары сестры Анжелики) Спб. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Новинки парижскихъ театровъ. „Одеонъ, Варьетэ и Gymnase". Сезонъ 1906—07 гг. Современный бракъ. Минеттъ и ея мать. Любимица. Удача мужа. M-lle Жозетъ, моя жена. Москва. 1907 г. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

Каббала. Наука о Богѣ, Вселенной и человѣкѣ. Соч. Папюса, пер. подъ ред. Н. А. Переферковича. 1910 г. Вм. 2 р. 50 к.—1 р. 25 к.

Оккультныя науки. 1) Д-ръ Магнусъ Рядель: Личный магнетизмъ. 2) Д-ръ Линде-Северинъ: гипнотизмъ, магнетизмъ и внушеніе. 3) Д-ръ Э. Маррэ: Спиритизмъ. 240 стр. Вм. 1 р. 50 к.—75 к.

В. Маргеритъ. Проститутка. Изв. книга 418 стр. Вм. 1 р. 60 к.—1 руб.

Лидбитеръ. Астральный планъ. (Статьи по оккультизму). Около 200 стр. Ц. 1 р. 25 к. за 65 к.

Радванъ-Рыпинскій Э. В. „Эсперанто". Полнѣйшій словарь. (Часть русско-Эсперантская). 500 стр. Ц. 1 р. за 50 к.

Зейеръ, Юлій. Домъ „подъ утопающей звѣздой". Перев. съ чешскаго Влад. Ленскаго. Ц. 1 р., за 50 к.

О. Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Съ порт. авт. 520 стр. Спб. 1910 г. Ц. 2 р.

Проф. Грассе. Физіологическое введеніе въ изученіе философіи. Съ предисл. ректора А. Бенуа. 330 стр. Спб. 1909 г. Вм. 2 р. 50 к.—1 р. 25 к.

Э. Кей. Личность и красота. Спб. 1908 г. Вмѣсто 2 р. 25 к.—1 р. 25 к.

Д-ръ В. Аментъ. Душа ребенка. Съ мног. иллюстр. въ текстѣ. Спб. 1908 г. Вмѣсто 1 р.—50 коп.

Леди. Путь къ знанію. Бесѣды съ дѣтьми. 250 стр. Спб. 1909 г. Вмѣсто 1 р. 25 к.—65 к.

Ректоръ О. Лоджъ. Сущность вѣры въ связи съ наукой. Катехизисъ для родит. и учител. 162 стр. Спб. 1908 г. Вмѣсто 1 р. 25 к.—65 к.

Высылаетъ наложеннымъ платеж. книжный магазинъ И. Г. Малмыго.

«ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Суворовскій проспектъ, 5. Телефонъ 107-31.

Пересылка по почтовому тарифу. Упаковка за счетъ магазина. **Новый сокращенный каталогъ удешевленныхъ книгъ высылается безплатно.**

≡ САМОУЧИТЕЛИ ≡

РЕМЕСЛЪ И ПРОИЗВОДСТВЪ.

Асфальтовыя работы съ 6 рис.—30 к. Багетно-рамочное пр.—30 к. Бочарное дѣло съ 50 рис.—40 к. Веревочно-канатное пр. съ 52 рис.—30 к. Водяные двигатели съ 15 рис.—40 к. Вѣтряные двигатели съ 27 рис.—40 к. Выжиганіе по дереву съ 24 рис. и 2 черт.—25 к. Выпиливаніе по дереву съ 50 рис. и 1 черт.—30 к. Гончарное пр. съ 16 рис.—30 к. Домашн. электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Дрожжевое пр.—30 к. Дѣтскія полезн. ремесла съ 71 рис.—40 к. Женскія рукодѣлія съ 48 рис.—30 к. Жестяныя работы съ 68 рис.—40 к. Живопись брызгами съ 4 рис. и 1 черт.—30 к. Зеркальное пр. съ 3 рис.—30 к. Золоченіе и серебр. по дереву и металлу съ 14 рис.—30 к. Инкрустація и мозаика съ 7 рис.—30 к. Бумажное пр. съ 7 рис. 30 к. Какъ дѣлать клѣтки съ 19 рис. и 2 черт.—30 к. Каменная кладка съ 41 рис.— 30 к. Резиновое пр. съ 15 рис.—60 к. Керосиновые и бензиновые двигатели съ 20 рис.—40 к. Клееночное пр.—30 к. Приготовл. клейстера и гуміарабика—30 к. Раскройка кожъ съ 50 рис.—30 к. Кожевенное пр. съ 5 рис.—30 к. Колбасное пр. съ 40 рис.—50 к. Корзиночное пр. съ 52 рис.—30 к. Красильщикъ-люб.—30 к. Краснодеревецъ 92 рис.—30 к. Крахмальное пр. съ 11 рис.—20 к. Кровельное дѣло съ 86 рис.—30 к. Кузнецъ-люб. съ 46 рис.—30 к. Клееваренное пр. съ 14 рис.—30 к. Лаки и замазки—30 к. Луженіе, паяніе и никелированіе—30 к. Маляръ-люб.—30 к. Маслобойное пр. съ 23 рис.—25 к. Мукомольное пр. съ 27 рис.—50 к. Мыловаръ-практ. съ 36 рис.—40 к. Набивка чучелъ съ 42 рис.—30 к. Обойщикъ-люб. съ 67 рис.—30 к. Охотникъ-люб. съ 22 рис.—30 к. Переплетчикъ-люб. съ 76 рис.—30 к. Печатное дѣло съ 22 рис.—40 к. Пиротехникъ-люб. 35 рис.—40 к. Плетеніе сѣтей съ 30 рис.—30 к. Плотникъ-люб. съ 85 рис.—30 к. Полировка, шлифовка и лакировка—50 к. Постройка лодокъ съ 76 рис.—50 к. Постройка лѣстницъ съ 39 рис.—30 к. Починка резин. галошъ—30 к. Парусное плаваніе 29 рис.—60 к. Предохраненіе дерева отъ гніенія—30 к. Приготовл. картинъ для волшебн. фонаря съ 2 рис.—30 к. Приготовл. колесн., сбруйн. и копытн. мази—30 к. Производ. ваксы—25 к. Произв. замковъ—30 к. Произв. непром. тканей—30 к. Произв. портландъ-цемента съ 25 рис.—40 к. Произв. рог. и костян. издѣлій съ 25 рис.—30 к. Произв. слив. и чухон. масла съ 15 рис.—30 к. Содовое пр. съ 10 рис.—30 к. Стеклянное пр. съ 22 рис.—30 к. Домашнее приготовл. растительн. и животн. красокъ—30 к. Домашнее приготовл. минеральн. красокъ—30 к. Протрава или окраска дерева въ разн. цвѣта—50 к. Прохладительные напитки—30 к. Работы изъ сучьевъ съ 18 рис. и 1 черт.—25 к. Работы изъ папьемаше съ 9 рис.—30 к. Работы изъ проволоки съ 32 рис.—30 к. Раб. металлич. гвоздик. съ 5 рис. 1 черт.—30 к. Ретушеръ-люб. съ 2 рис.—30 к. Ручные насосы и тараны съ 45 рис.—30 к. Рѣзчикъ-люб. съ 60 рис.—30 к. Рыбная ловля съ 54 рис.—30 к. Самодѣльн. волшебн. камера съ 5 рис.—30 к. Самодѣльн. волшебн. фонарь съ 9 рис.—30 к. Сапожникъ-люб. съ 47 рис.—30 к. Сельскій землемѣръ съ 43 рис.—30 к. Скорняжное дѣло—30 к. Слесарь-люб. съ 63 рис.—30 к. Смолокурное пр. съ 19 рис.—30 к. Спичечное пр. съ 17 рис.—30 к. Столяръ-люб. съ 86 рис.—30 к. Сургучное пр.—30 к. Сухіе гальванич. элементы съ 9 рис.—30 к. Сыроваренное пр. съ 23 рис.—30 к. Техническое черченіе съ 25 рис.—30 к. Тисненіе по кожѣ съ 20 рис. и 1 черт.—25 к. Токарь-люб. съ 72 рис.—30 к. Торфяное дѣло съ 5 рис.—30 к. Приготовл. туалетн. мылъ съ 10 рис.—60 к. Устройство дачн. ледник. съ 15 рис.—30 к. Устройство небольш. мыловар. завода—30 к. Фотогр.-люб. съ 68 рис.—40 к. Хлѣбопекар. дѣло съ 24 рис. Художн.-люб. съ 5 рис.—50 к. Часовщикъ-люб. съ 28 рис.—30 к. Чернильное пр.—25 к. Шорно-сѣдельное дѣло съ 25 рис.—30 к. Штукатурное дѣло съ 22 рис.—30 к. Щеточникъ-люб. съ 39 рис.—25 к. Устр. электр. звонк. съ 50 рис.—25 к. Эмалиров. посуды съ 6 рис.—25 к.

БИБЛІОТЕКА ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.

Аккумуляторы съ 52 рис.—60 к. Аппаратъ Морзе съ 42 рис.—40 к. Безпроволочный телеграфъ съ 6 рис.—20 к. Безпроволочный телефонъ съ 10 рис.—40 к. Буквопеч. аппаратъ Юза съ 73 рис.—50 к. Гальванич. элементы съ жидкостями съ 63 рис.—40 к. Гальванопластика съ 27 рис.—40 к. Громоотводъ съ 13 рис.—20 к. Домашній электротехникъ съ 66 рис.—30 к. Какъ изготовить гальваническій уголь съ 4 рис.—10 к. Постройка новаго аккумулятора съ 5 рис.—20 к. Какъ сдѣлать маленькіе аккумуляторы съ 29 рис.—30 к. Постройка машины Клэрка и машины съ токомъ одного направленія съ 16 рис.—20 к. Постройка электрич. двигателя съ 33 рис.—30 к. Постройка динамо-машины съ 25 рис.—30 к. Какъ сдѣлать электрич. звонокъ съ 12 рис.—20 к. Какъ сдѣлать элементъ Лекланше съ 9 рис.—20 к. Дешевое элект. освѣщеніе электрич. лампочками накаливанія съ 35 рис.—30 к. Постройка электрич. приборовъ и игрушекъ со 152 рис.—80 к. Спутникъ электро-монтера съ 40 рис.—60 к. Сухіе элементы съ 9 рис.—30 к. Телеграфированіе безъ проводовъ съ 40 рис.—60 к. Телеграфн. аппар. Уитсона съ 39 рис.—50 к. Телеграфъ и телефонъ съ 79 рис.—50 к. Телефонъ съ 59 рис.—30 к. Трехфазный токъ съ 13 рис.—40 к. Устройство и ремонтъ электрич. звонковъ съ 20 рис.—20 к. Электрич. звонки съ 50 рис.—25 к. Электрич. трамвай съ 11 рис.—20 к. Электрич. и воздушные звонки съ 45 рис.—60 к. Электрич. освѣщеніе со 100 рис.—40 к. Электродвигатели съ 29 рис.—40 к. Электротехника съ 39 рис.—75 к.

Выс. налож. платеж. книжн. складъ А. Ф. Суховой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТОЛЯРНЫЙ ПЕР., 9.

Пересыл. 1 книги—13 к., 2 кн.—19 к., 3 кн.—25 к., 4 кн.—31 к., 5 кн.—35 к. За наложен. плат. отдѣльно 10 коп. При выпискѣ на 2 руб. и болѣе пересылка безплатно.

Новыя изданія книжнаго магазина В. П. АНИСИМОВА.

С.-Петербургъ, Петерб. ст., Большой пр., д. № 90.

Н. И. Арефа: Законы Гражданскіе (Св. зак. т. X, ч. I). По оффиціальному изданію 1900 г. со включеніемъ статей по продолженіямъ 1906 и 1908 г.г., а также позднѣйшихъ узаконеній и съ приведеніемъ разъясненій, извлеченныхъ изъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Изд. 1910 г. Ц. 5 р., въ пер. 5 р. 75 к.

Ал. Колышевъ. Городовое положеніе. 11 іюня 1892 г. и по прод. 1906 и 1908 гг.) всѣ узаконенія, къ нему относящіяся, разъясненія Сената и правительственныя распоряженія. Изданіе второе, 1910 г. Ц. 4 р. 50 к. въ пер. 5 р. 25 к.

Юридическій календарь Острогорскаго на 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Анисимовъ: Уставъ о гербов. сборѣ. По оффиц. изд. 1903 г. Съ измѣненіями и дополн. по прод. 1905 и 1908 гг. и позднѣйшими узаконен. и съ прилож. инструкцій и разъясн., извлеченныхъ изъ законод. мотивовъ, сен. рѣшеній и м-хъ циркуляровъ. Съ приложеніемъ предметнаго указателя и алфавитнаго перечня. Изд. 4-е, испр. и дополн. 1911 г. Цѣна 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Ал. Колычевъ. Уставъ строительный. Изданіе 1910 г. и по прод. 1906—1908 гг. съ относящимися къ нему узаконен., съ разъясненіями д—въ и общаго собранія Прав. Сен., технич. строит. комит. и Министерствъ., по окт. 1910 г. Изд. 1911 г. Б. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Новое положеніе о государ. налогѣ съ недвиж. имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ (законъ 6 іюня 1910 г.) съ извлеченіями изъ законод. мотивовъ, разъяснен. Сената и минис. финанс. и вн. дѣлъ 1911 г. Ц. 1 руб.

Кромѣ вышепоименован. книгъ, магазинъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, кѣмъ бы то ни было публикован.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Всѣ 16 томовъ, исправленные по продолженіямъ 1906 и 1908 гг. и дополненные позднѣйшими узаконеніями, обнародованныхъ по 14-е марта 1910 года. Цѣна 18 руб., въ переплетѣ—23 руб.

Полный сводъ рѣшеній общаго собранія перваго и кассац. д-та и кассац. д-товъ Прав. Сен‌та съ 1866 г. по 1908 годъ включительно, съ предметнымъ, алфав. и постатейн. указателями, сост. **Л. М. Ротенбергомъ.** Цѣна 25 руб.

Открыта подписка на 2-е изд. полнаго свода рѣшеній:

ГРАЖДАНСКАГО КАССАЦ. Д-ТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

(съ 1866 по 1910 гг. включительно), съ предм. алф. и постат. указат., составленный и въ изданіи **Л. М. Ротенберга.** Изд. будетъ заключать 75 полут., цѣною около 80 р. за все изд.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ **пяти рублей**, которые будутъ засчитаны при высылкѣ послѣднихъ полутомовъ, а остальная сумма, распредѣляется по 1р. —на каждый полутомъ. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Подписка на отдѣльные годы не принимается. Все изданіе будетъ закончено въ теченіе двухъ лѣтъ. Бумага и форматъ изданія тѣ же, что и въ 1 изданіи рѣшен. гражд.

Открыта подписка на полный сводъ рѣшеній

УГОЛОВНАГО КАССАЦ. Д-ТА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

(съ 1866 по 1910 гг .включительно), съ подробн. предметн., алфав. и постатейнымъ указ., сост. **Л. М. Ротенбергомъ.** Изданіе будетъ заключать 45 полутомовъ, цѣною около 95 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ **пяти рублей**, которые будутъ засчитаны при высылкѣ послѣдн. полутом., а остальная сумма распредѣляется по 2 руб. за каждый полутомъ.

Подписка на отдѣльные годы не принимается. Все изданіе будетъ закончено въ теченіе двухъ лѣтъ. Бумага и форматъ изданія тѣ же, что и въ рѣшеніяхъ гражданскихъ.

Вышло изъ печати 6 полут. и ежемѣс. будетъ выходить не менѣе 2-хъ полутом. По выходѣ всего изд. цѣна будетъ значительно повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ юридическомъ книжномъ магазинѣ **В. П. Анисимова, С.-Петербургъ, Петерб. сторона, Большой пр., 90. КАТАЛОГЪ БЕЗПЛАТНО.**

